

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЕ И ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИТЧЕВОГО ДИСКУРСА НОВОГО ЗАВЕТА (на материале немецкого и русского языков)

Е. М. Алексеева

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Описывается претативное своеобразие идентификационных черт духовной картины видения относительно их интерпретативного и лингвостилистического выражения. Обнаруживается, что идентификационные черты, актуализирующие Верховный статус духовной картины видения, приобретают следующие претативные характеристики: «быть милосердным, сострадательным», «помощь ближнему», «милостыня», «быть источником духовной жизни», «духовное просветление / просвещение», «духовное зарождение», «духовная кульминация», «духовное прощение и воздаяние», «любовь», «духовное бодрствование», «состояние постоянной молитвы».

Ключевые слова: *духовная точка зрения, претативные черты, интерпретация.*

Мы рассматриваем притчевый дискурс Нового Завета как совокупность всех притчевых текстов и форм, в аспекте его порождения и осмысления, обращаясь к понятию интерпретации. Мы исходим из того, что евангельская притча содержит в самой себе в качестве ведущей парадигмы интерпретацию в сакрально-религиозном аспекте. Под евангельской притчей нами понимается аллегорический рассказ, обладающий претативным своеобразием и уникальной текстоментальной структурой, представленной с духовной точки зрения Иисуса Христа.

Категория интерпретации есть специфический способ мыслительной деятельности человека, при котором устанавливается значимость какого-либо ментального явления относительно других ментальных явлений и на этой основе придание ему определенного смысла, связанного с существованием и функционированием данного явления. Что касается интерпретации текста, то под ней понимается процесс установления ценностного своеобразия текстовых явлений с точки зрения субъекта-интерпретатора [7. С. 48—53]. Своеобразие текста евангельской притчи связано с *духовным видением* действительности, порождаемое *точкой зрения* Иисуса Христа. Именно эта *Верховная точка зрения* приводит к возникновению *духовной картины видения*, которая является интерпретативным содержанием всего притчевого дискурса Нового Завета.

Интерпретативные особенности притчевого дискурса Нового Завета выражаются в претативно-ценностном своеобразии точки зрения,

развертывающейся относительно идентификационных черт ее лингвостилистического выражения: объект, предмет, цель, содержание и действие духовного наблюдения / видения Интерпретатора — Иисуса Христа. Претативно-ценностное (самоценностное) своеобразие в узком понимании есть способность видеть другого таким, каков он есть, признавая его индивидуальность и уникальность. Рассмотрим подробнее.

Относительно особенностей духовной точки зрения в евангельских текстах следует заметить следующее. Точка зрения Иисуса Христа создает сакрально-религиозную картину видения, в которой *Душа/Сердце* становится *объектом* Его духовного наблюдения и признается как величайшее благо, которое есть у человека: «Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит» (Мк 8:36) [11]. Духовно-нравственные категории (кротость, милосердие, смирение, сострадание, верность в малом, любовь к ближним / к врагам, покаяние, прощение, творение милостыни, стремление к духовному самосовершенствованию, помощь ближнему) рассматриваются как претативно-ценностные черты/свойства внутреннего состояния человеческой души и выдвигаются на центральный план духовной картины видения. Языковая репрезентация объекта Душа/Сердце в притчевом дискурсе Нового Завета характеризуется богатством семантических дефиниций, коннотативно-оценочным потенциалом, стилистическим функционированием. Так, в притче «О милосердном самарянине» (Лк 10:23—37) лексемы *der*

Räuber (разбойник), *der Priester* (священник), *der Levit* (левит), *der Samariter* (самарянин) актуализируют семантику «духовно-нравственного состояния и поведения по отношению к ближнему/врагу» [11. С. 92—93; 17]. Объект духовного видения Душа/Сердце аллегорически идентифицируется с понятием «человек» в аспекте его определенных антропоморфных свойств (социально-трудовая принадлежность, национальный признак). В плане языкового выражения анализируемого объекта наблюдаем схожие стилистические признаки в обоих языках. Используется устаревшая лексика: *der Pharisäer* (*фарисей*), *der Levit* (левит), *der Samariter* (самарянин) [12; 14; 20]. Торжественность, свойственная данным лексемам, выражает в немецком и русском переводах благоговейное отношение к объекту духовного наблюдения, а также подчеркивает особую значимость описываемого объекта для Интерпретатора. Лингвостилистическая спецификация претативных черт отмечается тенденциями к противопоставлению лексем *Räuber* (разбойник), *Priester* (священник), *Levit* (левит) — *Samariter* (самарянин) и градационному перечислению их действий по отношению к оказавшемуся в беде человеку, выраженному в претеритальной форме глаголов в немецком языке и глаголами совершенного вида в прошедшем времени, указывающими на причинно-следственные отношения, а также деепричастиями в русском языке: *Räuber* (разбойник) — *die zogen ihn aus und schlugen ihn und machten sich davon und ließen ihn halbtot liegen* (сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым); *Priester* (священник) — *Es traf sich aber, daß ein Priester dieselbe Straße hinabzog; und als er ihn sah, ging er vorüber* (По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо); *Levit* (левит) — *Desgleichen auch ein Levit: als er zu der Stelle kam und ihn sah, ging er vorüber* (Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо); *Samariter* (самарянин) — *jammerte er ihn; und er ging zu ihm, goß Öl und Wein auf seine Wunden und verband sie ihm, hob ihn auf sein Tier und brachte ihn in eine Herberge und pflegte ihn. <...> zog er zwei Silbergroschen heraus, gab sie dem Wirt und sprach: Pflege ihn; und wenn du mehr aus gibst, will ich dir's bezahlen, wenn ich wiederkomme* (сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; <...> вынул два динария, дал содержате-

лю гостиницы и сказал ему: «Позаботься о нем; и, если выдержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе»). Следует подчеркнуть, что в рассматриваемых нами языках мы наблюдаем разную степень детализации описания отношения к человеку, выраженную в семантических расхождениях. Так, в немецком языке глагол *schlagen* эксплицирует семы «бить, ударить, поколотить» [18], а в русском языке глагол «изранить» актуализирует семы «нанести много ран, покрыть ранами» [15. С. 654]. Это позволяет говорить о тонких смысловых различительных оттенках, которые придаются действиям разбойника в немецком и русском языках, моделируя тем самым разную степень интенсивности духовного видения. Также интересно проследить поведение священника и левита и по отношению к человеку и в вербальном плане в рассматриваемых языках. В ряду градационного перечисления священник указан первым, далее — левит. Они являлись служителями храма (священник считается посредником между Богом и человеком, левит — помощник священника), служили закону, принадлежали к числу учителей народа, и по своей деятельности должны были оказывать людям помощь [13]. Оба в результате прошли мимо (*ging <...> vorüber*), однако священник лишь увидев его (*als er ihn sah*), а левит еще и подошел, посмотрел (*als er zu der Stelle kam und ihn sah*). В этом текстовом фрагменте мы видим, что действия священника отличаются от действий левита. Употребление деепричастия в русском языке позволяет детализировать главное действие священника (*шел*), указывая на сопровождающие, сопутствующие действия (*увидев*), тогда как действия левита более четко конкретизируются (*быв, подошел, посмотрел*). Это придает текстовой картине видения характер динамического развития, выраженного в отстраненном поведении священника и левита к раненому человеку. При этом в немецком переводе действия священника и левита описываются через употребление глагола *sehen*, эксплицирующего семы «видеть, глядеть». В русском же переводе при описании действий левита используется глагол «посмотреть», выражающий сему «смотреть некоторое время», а для описания действий священника употребляется глагол «увидеть», актуализирующий сему «воспринять зрением». Это позволяет говорить о семантических различиях в духовно-нравственном аспекте: священнику достаточно было увидеть и пройти мимо, левит

же, напротив, определенное время затратил, чтобы подойти и какое-то время еще и посмотреть на человека, попавшего в беду.

С противоположной стороны описываются действия самарянина. Здесь следует указать на то, что иудеи того времени и самаряне враждовали между собой, а человек, которому самарянин оказал помощь, был иудеем [13]. В русском переводе при описании участливого отношения самарянина к израненному иудею используются глаголы совершенного вида в прошедшем времени (*сжалился, перевязал, привез, позаботился*), а также деепричастия (*подойдя, возливая, посадив*), характеризующие протекание вышеперечисленных действий. Использование деепричастий в русском языке устанавливает духовно-нравственную перспективу между действиями самарянина, выделяя главное и второстепенное — *сжалился* и, *подойдя, перевязал* ему раны, *возливая* масло и вино; и, *посадив* его на своего осла, *привез* его в гостиницу. В немецком же переводе представлены лишь глаголы в претеритальной форме (*jamtete, ging, goß, verband, hob, brachte, pflegte*), выражающие последовательность сменявших друг друга в прошлом действий самарянина.

Таким образом, объект духовного видения Душа/Сердце приобретает в притче «О милосердном самарянине», с одной стороны, претативные свойства *«быть милосердным, сострадательным», «помощь ближнему», «творение милостыни»*, которые характерны для самарянина (*Samariter*). С другой стороны, актуализируются такие отрицательные свойства внутреннего состояния души, как *«нарушение духовно-нравственных норм, отступление от праведного пути»*, выраженные через образы священника (*Priester*) и левита (*Levit*).

Предметом духовного наблюдения выступает Слово Божие как средство, с помощью которого душа преображается. Такие категории, как духовное спасение, вечность, духовное начало, источник духовной жизни, духовное просвещение, предназначенность для всех, связующее звено между реальным и трансцендентным миром, выдвигаются на передний план духовного видения Иисуса Христа и манифестируются в качестве претативных черт Слова Божия.

Рассмотрим, как раскрываются претативные особенности Слова Божия в притче о Сеятеле (Лк 8:5—15). Повествуя о судьбе семени в данной притче, Иисус Христос изображает четыре рода условий, в которые оно попадает при посеве и ко-

торые различно влияют на его произрастание: *Es ging ein Sämann aus, zu säen seinen Samen. Und indem er säte, fiel einiges auf den Weg und wurde zertrreten, und die Vögel unter dem Himmel fraßen's auf. Und einiges fiel auf den Fels; und als es aufging, verdorrte es, weil es keine Feuchtigkeit hatte. Und einiges fiel mitten unter die Dornen; und die Dornen gingen mit auf und erstickten's. Und einiges fiel auf gutes Land; und es ging auf und trug hundertfach Frucht. Als er das sagte, rief er: Wer Ohren hat zu hören, der höre!* (Вышел сеятель сеять семя свое, и когда он сеял, иное упало при дороге и было помято, и птицы небесные поклевали его; А иное упало на камень и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги; А иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его; А иное упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторичный. Сказав сие, возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит!) (Лк 8:5—8) [11; 17]. В данной притче Слово Божие эксплицитно идентифицируется с семенем: *Der Same ist das Wort Gottes* (Семя есть Слово Божие) (Лк 8:11). Духовная картина Слова Божия организуется средствами натуроморфической перспективы: приобретает семантические черты Семени (*der Same*) — *размножение, развитие, изменение, действие, влечь за собой, причина, житнетворный*. Согласно энциклопедии символов, растения символизируют смерть и воскресение, жизненную силу, жизненный цикл, плодородие [5. С. 270]. Интерпретативное содержание предмета сакрально-религиозного видения Слово Божие составляет свойство «быть источником/началом истинной, духовной жизни»: «Освятите их истиною Твоею: слово Твое есть истина» (Ин 17:17) [11]. Что такое истинная жизнь по Евангелию: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин 17:3) [11]. Так, брошенное в человеческое сердце, при благоприятных условиях Слово Божие возрастает и приносит плоды — добрые дела и праведную жизнь: *Das aber auf dem guten Land sind die, die das Wort hören und behalten in einem feinen, guten Herzen und bringen Frucht in Geduld* (А упавшее на добрую землю, это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце приносят плод в терпении) (Лк 8:15) [11; 17]. Подобно семени Слово Божие носит в себе живую силу, в нем скрыта вечно живая истина. Вспомним Послание Апостола Павла к Евреям: «Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обо-

и духа, составов и мозгов и судит помышления и намерения сердечные» (Екр. 4:12) [11].

Таким образом, предмет духовного видения Слово Божие в притче «О Сеятеле» приобретает претативные черты «*быть источником духовной жизни*». В Евангелии от Луки после притчи «О Сеятеле» (Лк 8:5—15) употребляется приточный образ, в котором Слово Божие имплицитно идентифицируется со свечой и светом по их действию на человеческую душу: *Niemand aber zündet ein Licht an und bedeckt es mit einem Gefäß oder setzt es unter eine Bank; sondern er setzt es auf einen Leuchter, damit, wer hineingeht, das Licht sehe* (Никто, зажегши свечу, не покрывает ее сосудом, или не ставит под кровать, а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет) (Лк 8:16) [11; 17]. Интересно отметить, что в немецком языке для обозначения понятий «свеча» и «свет» употреблена одна лексема *das Licht*. При этом в немецком языке данная лексема является устаревшей, если говорят о свече, которую зажигают, *ein Licht anzünden* [18; 19]. Свеча — это в первую очередь источник яркого, сияющего, пронизывающего своими лучами света окружающую тьму. Слово Божие приобретает семантические свойства лексемы «свеча», «освещение», «источник света», «излучать свет», «быть/сделать видимым/светлым», «наполниться светом». Отсюда следует, что предмет духовного видения Слово Божие приобретает претативные черты «*духовное просвещение / просвещение*».

Целью духовного наблюдения с точки зрения Иисуса Христа выступает Царствие Божие/Небесное. В Новом Завете эта категория представлена как внутреннее духовное состояние человеческой души: «*Царствие Божие внутрь вас есть*» (Лк 17:21) [11]. Царствие Небесное становится целью человеческой души, которой предстоит из греховного состояния перейти в состояние *иное, блаженное*. Претативные характеристики блаженного состояния души, угодной для Царствия Божия, представлены в Нагорной проповеди (Мф 5:3—12), для приобретения которого требуются следующие условия: нищета духа, плач, кротость, алчба и жажда правды, милосердие, чистота сердца, миротворчество, изгнание за правду, поношение, гонение и всяческое несправедливое поругание.

Так, в притчах «О десяти девах» (Мф 25:1—13), «О зерне горчичном» (Мф 13:31—32; Мк 4:30—33; Лк 13:18—19), «О злых виноградарях» (Мф 21:33—44; Мк 12:1—12; Лк 20:9—19) Царствие Божие/

Небесное организуется средствами антропоморфической и натуроморфической картин видения. Царствию Небесному приписываются черты купца, хозяина дома, девы, зерна горчичного. Посредством сравнения *gleichen* (походить, быть похожим; подобно), помещенного в начальную позицию текста, начинающегося с союза *denn* (ибо), выражающего отношение причины, с наречий *dann* (тогда) и *wiederum* (еще), осуществляется аллегорическая идентификация Царствия Небесного с ценностным статусом человека и растений: *Wiederum gleicht das Himmelreich einem Kaufmann* (Еще: подобно Царствие Небесное купцу) (Мф 13:45), *Denn das Himmelreich gleicht einem Hausherrn* (Ибо Царствие Небесное подобно хозяину дома) (Мф 20:1), *Dann wird das Himmelreich gleichen zehn Jungfrauen* (Тогда подобно будет Царствие Небесное десяти девам) (Мф 25:1), *Das Himmelreich gleicht einem Senfkorn* (Царствие Небесное подобно зерну горчичному) (Мф 13:31). В притче «О зерне горчичном» (Мф 13:31—32) Царствие Небесное сравнивается с горчичным зерном, которое является меньше всех семян, но в процессе развития становится деревом, способным укрывать птиц в своих ветвях: *Ein anderes Gleichnis legte er ihnen vor und sprach: Das Himmelreich gleicht einem Senfkorn, das ein Mensch nahm und auf seinen Acker; das ist das kleinste unter allen Samenkörnern; wenn es aber gewachsen ist, so ist es größer als alle Kräuter und wird ein Baum, so daß die Vögel unter dem Himmel kommen und wohnen in seinen Zweigen* (Иную притчу предложил Он им, говоря: Царствие Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его) [11; 17]. Как и семя, постепенно превращаясь в колос, а затем в дерево, подчас незаметно для человека, так и Царствие Небесное, возрастая в душе человека в высшее состояние духовно-нравственного совершенства, постепенно заполняет ее, вытесняя все лишнее. Сема стадии роста, развития, которая представлена перечислением лексем *Senfkorn, Samenkorn, Kraut, Baum* (зерно горчичное, семя, злак, дерево), актуализирует претативные черты Царствия Небесного в аспекте «духовного зарождения и духовной кульминации». При этом наблюдается различная степень интенсификация духовного видения Царствия Небесного с точки зрения Иисуса Христа в немецком и русском

языках. При описании семени, которое человек сеет на своем поле, в немецком языке используется превосходная степень прилагательного *das kleinste unter allen Samenkörnern*, в русском языке употреблена сравнительная степень прилагательного — «меньше всех семян».

Таким образом, цель духовного видения Царствие Небесное/Божие приобретает в притче «О зерне горчичном» претативные свойства «духовное зарождение», «духовная кульминация».

Содержанием духовного видения в притчевом дискурсе Нового Завета является Бог / Иисус Христос. Именно эта Высшая духовная картина видения приводит к возникновению и становлению сакрально-религиозной интерпретации. По мнению исследователей, автором любого жанрового образца религиозного дискурса, к которому относят и евангельские притчи, является Всевышний, Бог, некая высшая сущность, стоящая над миром людей [2. С. 45—46; 3; 4. С. 9; 8]. Категории «духовная забота», «прощение», «любовь», «спасение», «призыв к вере» становятся претативно-ценностными признаками Высшего порядка. Приведем пример из притчи «О блудном сыне» (Лк 15:11—32), в которой духовная картина Божественной категории организуется средствами антропоморфической перспективы: приобретает семантические черты Человека и Отца: *родитель, покровитель, благодетель, защитник*. В данной притче содержанием духовного видения становятся претативные признаки духовное прощение, духовное воздаяние, любовь Отца-Бога, выраженные градационным перечислением глаголов в изъявительной и императивной формах: *jammerte* (сжалился), *fiel* (пал) *küßte* (целовал), *bringt* (принесите), *zieht* (оденьте), *gebt* (дайте), *bringt* (приведите), *schlachtet* (заколите) — *Als er aber noch weit entfernt war, sah ihn sein Vater, und es jammerte ihn; er lief und fiel ihm um den Hals und küßte ihn <...> Bringt schnell das beste Gewand her und zieht es ihm an und gebt ihm einen Ring an seine Hand und Schuhe an seine Füße und bringt das gemästete Kalb und schlachtet's* (И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и пал ему на шею и целовал его <...> принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; И приведите откормленного теленка, и заколите) (Лк 15:20; 22). Следует заметить, что в немецком языке присутствует еще один глагол в ряду перечисления, описывающего действия отца, устремившегося на встречу к своему сыну, — это глагол *lief* (бежать, быст-

ро идти, торопиться). В русском переводе данный глагол отсутствует, что позволяет говорить об углублении интенсификации духовного видения категории Бог / Иисус Христос в немецком языке. Как отец, обнимающий и целующий возвратившегося к нему непутевого сына, Бог ласково принимает кающегося грешника. Христос, рассказывая эту притчу, показывает, что Он, как и Бог, любит прегрешающих и желает спасти их.

Обратим внимание на демонстрацию различных стилистических оттенков в рассматриваемых языках, когда сын обращается к отцу в момент раскаяния: *Vater, ich habe gesündigt gegen den Himmel und vor dir* (Отче! Я согрешил против неба и пред тобою) (Лк 15:18). Слово *Vater* (отец) в немецком переводе утрачивает стилистический компонент возвышенности, так как относится к нейтральной лексике [18]. В русском переводе, наоборот, за счет употребления церковно-славянского архаизма (звательный падеж от слова «отец») «отче» происходит усиление эмоциональной экспрессивности категории Бог / Иисус Христос [16].

Таким образом, содержание духовного видения Бог / Иисус Христос в притче «О блудном сыне» составляют претативно-ценностные черты «духовное прощение и воздаяние», «любовь». Как отмечено, любовь Бога — это «безграничная любовь к людям, несмотря на их грехи и недостатки, — любовь, подобно родительской любви к своему ребенку» [2. С. 105].

Действием духовного наблюдения, с точки зрения Интерпретатора, выступает категория *веры* как связующее ядро текстоментального пространства притчевого дискурса Нового Завета. Данная категория выступает основой интерпретационной метаксивизации, под которой мы понимаем текстоментальный процесс видоизменения житейского уровня притчевого текста в духовно иной текстовый уровень, определяющий его трансцендентный смысл в сакрально-религиозном плане. Разъясним это положение. Суть интерпретационного «вмешательства» в текст, по мнению Н. Д. Маровой, состоит в акте посредничества/соотнесения семантических сфер разного плана, тем самым интерпретация вводит элементы текста в состояние нахождения «между». Данное посредничество автор называет метаксивизацией (греч. *μεταξυ* «между, в промежутке» = *μετα* «промежуток, переход из одного состояния в другое; со-участие» + *ξιν* «сноровка, умение») [7. С. 144—202]. По мнению

исследователей, слово «вера» восходит к древне-му индоевропейскому слову «*варатра*» (веревка, канат), которое соотносится со значением «*связывать*» [6. С. 47]. Уникальность интерпретационной метаксивизации как посреднической процедуры заключается в процессе установления *иного*, *Высшего* «*метавзгляда/видения*» над рассматриваемым текстом. Согласно М. Николлу, вера приводит в действие ту часть сознания, которая не может питаться только ощущениями, и позволяет приблизиться человеку к тому миру, где господствуют *иные* отношения и *иные* ценности [10. С. 19].

Анализ притчевого дискурса Нового Завета показал, что основу текстоментального процесса сакрально-религиозной метаксивизации представляет акциональная составляющая (лат. *action* — действие), то есть глаголы и глагольные конструкции, выражающие духовные действия человеческой души на пути к вере. Этот процесс способствует возведению *идеи* готовности к восприятию того духовного, что находится за пределами житейского опыта. Через веру в Бога можно узреть категории/явления духовного мира, понять суть происходящих вокруг событий: как и для чего все сотворено, какова цель жизни, к чему надо стремиться и подобные категории — духовно и нравственно следовать Слову Божию, духовное искание, постоянная молитва, духовное совершенствование, вести праведную жизнь — рассматриваются как претативно-ценностные действия человеческой души, ставшей на путь к вере.

Рассмотрим в качестве примера евангельскую притчу «О хозяине и воре» (Мф 24:43—44): *Wenn ein Hausvater wüßte, zu welcher Stunde in der Nacht der Dieb kommt, so würde er ja wachen und nicht in sein Haus einbrechen lassen. Darum seid auch ihr bereit!* (Если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор, то бодрствовал бы и не дал бы подкопать дома своего. Потому и вы будьте готовы) (Мф 24:43—44). Глагольные конструкции *wachen* (бодрствовать) и *bereit sein* (быть готовым) эксплицируют семы «отсутствие сна», «находиться в состоянии, близком к чему-либо», призыв сделать все необходимые приготовления. Употребление повелительной формы *Darum seid auch ihr bereit!* (Потому и вы будьте готовы) выражает не просто побуждение, но требование к человеку, ставшему на путь к вере, неустанно молиться, пребывать в состоянии духовного внимания к своим мыслям. Из этого следует за-

ключить, что духовная жизнь есть деятельность непрерывная, постоянная. Это подтверждает и использование претеритальной формы конъюнктива в немецком языке и сослагательного наклонения в русском языке, которые относят действие *wachen* (бодрствовать) к настоящему и будущему времени. Следствие *so würde er ja wachen* (то бодрствовал бы), передаваемое с помощью кондционалиса I в немецком языке, подчеркивает нереальную возможность, но с точки зрения времени вполне могут быть осуществлены. При этом необходимо указать и на различие в оттеночном плане, которое проявляется только в немецком языке (*so würde er ja wachen*): использование частицы *ja* (же, ведь) усиливает возможность осуществления данного действия.

Таким образом, в притче «О хозяине и воре» *духовное бодрствование*, выражающее *состояние постоянной молитвы*, становится наивысшим/претативным свойством состояния человеческой души, верующей в Бога: *So kommt der Glaube aus der Predigt, das Predigen aber durch das Wort Christi* (Итак, вера — от слышания, а слышание — от Слова Божия) (Рим 10:17).

Формой выражения духовного наблюдения, благодаря которой осуществляется интерпретационное развертывание духовной точки зрения Иисуса Христа в притчевом дискурсе Нового Завета, выступает *аллегория* (притча с греческого языка *παραβολή* — «располагать в ряд, бросать вдоль» — это то, что поставлено в один ряд с чем-либо для сравнения и сопоставления). По мнению А. В. Арапова, роль аллегии в сакральном тексте — открыть метафору и символ, стоящие за нарративом. Через метафоры читатель/слушатель может в какой-то степени понять переживание сакрального, а с помощью символов может сам испытать это переживание [1]. Как указывает В. П. Москвин, осмысление аллегии предполагает мысленный переход от ее первого плана ко второму, то есть интерпретацию [9. С. 341].

В заключение отметим следующее: интерпретативные особенности притчевого дискурса Нового Завета манифестируются посредством самоценностных признаков духовной точки зрения, развертывающейся относительно объекта, предмета, цели, содержания, действия духовного наблюдения/видения Интерпретатора — Иисуса Христа. Эти идентификационные черты, актуализирующие Верховный статус духовной картины видения, позволяют приблизить читателя к воссозданию системы восприятия действитель-

ности Интерпретатора, способов ее выражения в тексте, признания ее уникальности и специфичности. Сравнение текстов евангельских притч на немецком и русском языках относительно лингвостилистического выражения пре-

тативных черт идентификационных категорий показало, что каждый язык привносит в картину духовного интерпретационного видения что-то свое — возникают, не затрагивая существа веры, смысловые оттенки.

Список литературы

1. Арапов, А. В. Герменевтика сакрального текста : дис. ... д-ра филос. наук / А. В. Арапов. — Тула, 2008. — 282 с.
2. Бобырева, Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) : монография / Е. В. Бобырева. — Волгоград, 2007. — 375 с.
3. Гриненко, Г. В. Сакральные тексты и сакральная коммуникация: логико-семиотический анализ вербальной магии / Г. В. Гриненко. — М., 2000. — 436 с.
4. Данилова, А. М. Речевые акты в текстах евангельских притч : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. М. Данилова. — Алматы, 2008. — 31 с.
5. Купер, Дж. Энциклопедия символов / Дж. Купер. — М., 1995. — 401 с.
6. Маковский, М. М. Удивительный мир слов и значений: иллюзии и парадоксы в лексике и семантике : учеб. пособие для студентов вузов / М. М. Маковский. — М., 1989. — 200 с.
7. Марова, Н. Д. Парадигмы интерпретации текста: монография : в 2 ч. Ч. 1 / Н. Д. Марова. — Екатеринбург, 2006. — 209 с.
8. Мечковская, Н. Б. Язык и религия : пособие для студентов гуманитар. вузов / Н. Б. Мечковская. — М., 1998. — 352 с.
9. Москвин, В. П. Стилистика русского языка: теоретический курс : учеб. пособие для студентов вузов / В. П. Москвин. — Ростов н/Д, 2006. — 630 с.
10. Николл, М. Цель / М. Николл. — М., 2006. — 256 с.
11. Новый завет. Псалтырь. Притчи. — М., 2005. — 425 с.
12. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М., 1999. — 994 с.
13. Ринекер, Ф. Библейская энциклопедия Брокгауза / Ф. Ринекер, Г. Майер ; под общ. ред. В. А. Цорна. — М., 1999. — 1120 с.
14. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 1985—1988.
15. Словарь русского языка : в 4 т. Т. 3: П—Р / под ред. А. П. Евгеньевой. — М., 1987. — 752 с.
16. Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 2: Л—О / под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1994. — 523 с.
17. Die Luther-Bibel von 1984 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.die-bibel.de/online-bibeln/luther-bibel-1984/ueber-die-lutherbibel/>.
18. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. — Wiesbaden : Brockhaus, 1980—1984.
19. Universalwörterbuch: Duden: Deutsches Universalwörterbuch. — Mannheim, 1996. — 1820 S.
20. Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch / G. Wahrig. — Gütersloh, 1997. — 1420 S.

Сведения об авторе

Алексеева Елена Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры профессионально-ориентированного языкового образования, Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, Россия. welizhanina@mail.ru

INTERPRETATIVE AND LINGVOSTYLISTIC FEATURES OF THE NEW TESTAMENT PARABLE'S DISCOURSE (on materials of German and Russian languages)

Ye.M. Alekseeva

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia. welizhanina@mail.ru

The article is devoted to the consideration of the pretative features in New Testament parable's discourse. On the material of the evangelical parables describes the pretative originality of the identification features (Soul, Word of God, Kingdom of Heaven, God/Jesus, Faith) on the base of their lingvostylistic expression: object, subject, goal, content, action. The uniqueness of the Gospel parable's text is connected with the spiritual vision of reality, conditioned by the point of view of Jesus Christ. This Supreme point of view leads to the emergence of a spiritual picture of the vision and it is the interpretive content of all the parable discourse of the New Testament.

It is found that the identification features that actualize the Supreme status of the spiritual picture of the vision acquire the following pretative characteristic: "to be merciful, compassionate", "to help one's neighbor", "alms", "to be a source of spiritual life", "spiritual enlightenment", "spiritual culmination", "spiritual forgiveness and reward", "love", "spiritual wakefulness", "the state of constant prayer". The analysis allows us to bring the reader closer to recreating the system of perception of the Interpreter's reality, the ways of its interpretative and lingvostylistic expression in the text, recognizing its uniqueness and specificity. Comparison of the texts of the Gospel parables in German and Russian languages is interesting in that each language introduces something of its own into the picture of the spiritual interpretation vision — meaningful shades arise without touching the essence of faith.

Keywords: *spiritual point of view, pretative features, interpretation.*

References

1. Arapov A.V. *Germenevtika sakral'nogo teksta* [Hermeneutics of the sacral text]. Tula, 2008. 282 p. (In Russ.).
2. Bobyreva Ye.V. *Religioznyy diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya)* [Religious discourse: values, genres, strategy (on material of orthodox dogma)]. Volgograd, 2007. 375 p. (In Russ.).
3. Grinenko G.V. *Sakral'nye teksty i sakral'naya kommunikatsiya: logiko-semioticheskiy analiz verbal'noy magii* [Sacral texts and sacral communication: logiko-semiotics analysis of verbal magic]. Moscow, 2000. 436 p. (In Russ.).
4. Danilova A.M. *Rechevye akty v tekstakh yevangel'skikh pritch* [Speech acts in texts of evangelical parables]. Almaty, 2008. 31 p. (In Russ.).
5. Kuper Dzh. *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of symbols]. Moscow, 1995. 401 p. (In Russ.).
6. Makovskiy M.M. *Udivitel'nyy mir slov i znacheniy: illyuzii i paradoksy v leksike i semantike* [Amazing world of words and values: illusions and paradoxes in lexicon and semantics]. Moscow, 1989. 200 p. (In Russ.).
7. Marova N.D. *Paradigmy interpretatsii teksta in 2 ch. Ch. 1* [Paradigms of text interpretation in 2 pt. Pt. 1]. Ekaterinburg, 2006. 209 p. (In Russ.).
8. Mechkovskaya N.B. *Yazyk i religiya* [Language and religion]. Moscow, 1998. 352 p. (In Russ.).
9. Moskvina V.P. *Stilistika russkogo yazyka: teoreticheskiy kurs* [Russian stylistics: theoretical course]. Rostov, 2006. 630 p. (In Russ.).
10. Nikoll M. *Tsel'* [The goal]. Moscow, 2006. 256 p. (In Russ.).
11. *Novyy Zavet. Psalmy. Prichi* [New Testament. Psalter. Parables]. Moscow, 2005. 425 p. (In Russ.).
12. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian language]. Moscow, 1999. 994 p. (In Russ.).
13. Rineker F., Mayer G. *Bibleyskaya entsiklopediya Brokgauza* [Bible encyclopedia by Brockhaus]. Moscow, 1999. 1120 p. (In Russ.).

14. Evgen'yeva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [Dictionary of Russian Language in 4 vol.]. Moscow, 1985—1988. (In Russ.).
15. Evgen'yeva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka. T. 3* [Dictionary of Russian Language Dictionary of Russian Language. Vol. 3]. Moscow, 1987. 752 p. (In Russ.).
16. Ushakov D.N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka v 4 t. T 2* [Explanatory dictionary of in 4 vol. Vol. 2]. Moscow, 1994. 523 p. (In Russ.).
17. *Die Luther-Bibel von 1984* [Bible by Luther of 1984]. Available at: URL: <http://www.die-bibel.de/online-bibeln/luther-bibel-1984/ueber-die-lutherbibel/>, accessed 01.04.2018. (In German).
18. *Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache*. Wiesbaden, 1980 — 1984. (In German).
19. *Universalwörterbuch: Duden: Deutsches Universalwörterbuch*. Mannheim, 1996. 1820 S. (In German).
20. Wahrig G. *Deutsches Wörterbuch*. Gütersloh, 1997. 1420 S. (In German).

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО ЛИЦА И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

У. В. Богданова

Воронежский государственный технический университет, Воронеж, Россия

Статья посвящена изучению категории лица в неопределенно-личных и обобщенно-личных предложениях английского языка. Анализ пассивных конструкций и конструкций с местоимениями *one, you, they, we* в английских пословицах дает возможность выявить тип неопределенного лица, что во многом определяет строение и смысл всего предложения.

Ключевые слова: пословица, конструкция, неопределенное лицо, агенс, местоимения *one, you, they, we*.

Существенной чертой современных лингвистических исследований становится многоаспектный подход к изучению предложения, как основной синтаксической единицы, в которой наблюдается взаимосвязь единиц всех уровней языка. Такие исследования вызывают большой научный и практический интерес и предлагают новое понимание грамматической и смысловой основы предложения. Обращается внимание на взаимодействие синтаксических, семантических и прагматических факторов в языке [5].

В своей работе мы придерживаемся мнения лингвистов, считающих, что синтаксическое построение имеет свою знаковую природу и определяет структурную схему простого предложения как знак отдельного синтаксического концепта, который представляет собой некое типовое отношение между субъектом и предикатом суждения [6; 8]. «По сути, любое высказывание можно трактовать как сообщение о субъекте (активном или пассивном, реальном или несуществующем) и его предикативном признаке» [7. С. 26]. По мнению академика В. В. Виноградова, одним из важнейших компонентов предикативного отношения (предикативности) является категория лица [2. С. 463—465].

В связи с тем, что семантика лица в синтаксических структурах английского языка недостаточно изучена, проведение исследований в этой области представляется актуальным. В нашей работе осуществляется анализ и описание синтаксических построений, в которых выражается значение неопределенного лица на материале английских пословиц [1; 3].

В лингвистическом энциклопедическом словаре пословицы определяются как «краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмичес-

ки организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения» [4. С. 389]. Выражение наблюдения, опыта народа в сжатой, лаконичной форме обусловило определенный выбор лексических и синтаксических средств. В связи с этим изучение пословиц представляет значительный интерес, так как каждая пословица является законченным высказыванием, оформленным по законам конкретного языка.

В английских пословицах наблюдается широкое использование пассивных конструкций, в которых действующее лицо не выражено лексически, но подразумевается. Некоторые пословицы представлены двусоставными обобщенно-личными и неопределенно-личными предложениями, формальное лицо в них обозначено местоимениями *one, you, they, we*.

Целью исследования является выявление семантических типов неопределенного лица в пассивных конструкциях, а также в конструкциях с *one, you, they, we* английских пословиц. При определении типа действующего лица нами используется понятие «подразумеваемый агенс» (ПА), так как оно наиболее полно раскрывает семантическое значение данных конструкций. Анализируя изображенную в пословице ситуацию, мы учитываем семантику глагола-сказуемого, дополнения и обстоятельства. Для понимания специфики структурных схем английского языка дается буквальный авторский перевод изучаемых пословиц. В результате анализа нами выявлены следующие типы агенса:

1. Агенс обобщенный всеобщий определяется в ситуациях, когда пословица относится ко всем людям. Действующее лицо не называется, его ха-

раактеристики числа, рода, лица не имеют значения для ситуации общения. Данный тип агенса встречается в пассивной конструкции S + be + Past Part. II.

A friend is never known till needed. Друга не узнать, пока не понадобится его помощь. ПА — никому, любому человеку.

Health is not valued till sickness comes. Здоровье не ценится, пока болезнь не приходит. ПА — людьми.

A fool and his money are soon parted. Глупец и его деньги со временем разделят. ПА — люди.

A good deed is never lost. Хорошее дело не будет забыто. ПА — любые люди.

Группа лиц, выполняющих роль агенса, вполне очевидна из семантики лексем. Необходимо отметить, что использование в рассматриваемых структурах неопределенного артикля с семантикой «любой», «какой-то» помогает в создании обобщающего характера высказывания.

Получатель сообщения понимает, что действующим лицом в ситуациях пословиц, связанных с такими общечеловеческими понятиями, как «любовь», «здоровье», «дружба», могут являться обычные, любые люди. Коммуникативной целью высказывания является передача опыта, обучение правильной модели поведения.

Агенса обобщенный всеобщий отмечается и в конструкциях с местоимениями *one*, *we*.

One + V3 sing. Pres.

One lives and learns. Все люди живут и учатся. ПА — все, любые люди.

Between two stools one goes to the ground. Между двумя стульями любой упадет на землю. ПА — всякий человек.

We + V Pres.

We never know the value of water till the well is dry. Мы никогда не узнаем ценность воды, пока не высохнет колодец. ПА — люди, никто.

By doing nothing we learn to do it well. Не делая ничего, мы учимся делать это хорошо. ПА — любой, каждый человек.

Само содержание конструкций с агенсом обобщенным всеобщим указывает реципиенту на то, что любому человеку свойственно поступать так, как сказано в пословице. Подразумеваемая позиция неопределенного лица в конструкциях с данным типом агенса может быть легко заполнена словами *люди*, *все*, *никто*. В конструкциях с личными местоимениями с глаголом в прошедшем времени подстановка подобных слов исключается.

Агенса обобщенный всеобщий представлен схемами *S + be + Past Part. II*; *one + V3 sing. Pres.*; *we + V Pres.* Глаголы в этих схемах употребляются только в настоящем времени. Интересно, что местоимение *one*, которое обычно соотносится с единственным числом, в ситуациях пословиц может обозначать любых людей, всех людей. Агенса обобщенный всеобщий понимается как любой человек или все люди вообще, вне зависимости от места, времени и социального статуса.

2. Агенса обобщенный групповой выявляется нами в пассивных конструкциях пословиц и обозначает отдельную группу лиц, объединенных общим признаком и производящих действие в какой-то ситуации (врачи, охотники, друзья).

A broken friendship may be soldered, but will never be sound. Треснувшая дружба может быть спаяна, но никогда не будет крепкой. ПА — друзья.

A fox is not taken twice in the same snare. Лисицу не поймашь дважды в одну ловушку. ПА — охотники.

В приведенных ниже пословицах семантика глагола-сказуемого четко определяет производителя действия и поэтому использование его в высказывании является избыточным.

All bread is not baked in one oven. Весь хлеб не выпекают в одной печи. ПА — пекари.

An ill wound is cured, not an ill name. Тяжелую рану залечат, а недобрую славу нет. ПА — врачи.

Следует отметить, что при использовании данных пословиц метафорически в более широком контексте агенса может пониматься, скорее, как обобщенный всеобщий.

Агенса обобщенный групповой выявлен нами только в пассивных конструкциях *S + be + Past Part. II*.

3. Агенса конкретизируемый в ситуации речи. Многие пословицы могут быть использованы в конкретной речевой ситуации по отношению к определенному лицу. Эти пословицы представляют собой заготовленные народом впрок разнообразные характеристики ситуаций, поступков, которые остаются типичными для людей разных поколений.

You + V Pres.

Don't cross the bridges before you come to them. Не переходи мосты, пока ты не подойдешь к ним. ПА — тот, кто заранее предполагает трудности.

You never know, what you can do till you try. Ты никогда не узнаешь, что способен делать, пока ты не попробуешь. ПА — тот, кто сомневается.

If you want a thing well done, do it yourself. Если ты хочешь, чтобы все было сделано хорошо, то делай это сам. ПА — тот, кто старается.

You + V Past

You made your bed, now lie in it. Ты постелил постель, сейчас ложись в нее. ПА — тот, кто создал проблемную ситуацию.

You + V Future

If you laugh before breakfast, you'll cry before supper. Если ты смеешься до обеда, то ты будешь плакать перед ужином. ПА — тот, кто заранее что-то решил.

As you sow, so shall you reap. Как ты посеешь, так и пожнешь. ПА — тот, кто совершает определенные действия, поступки.

You + would V infinitive

Do unto others as you would have them do unto you. Относись (делай) к другим так, как ты хотел бы, чтобы они относились к тебе. ПА — тот, кто хочет хорошего к себе отношения.

You + V mod.

You can't eat your cake and have it. Ты не можешь есть свой пирог и владеть им. ПА — человек, который пытается сделать два дела одновременно.

You cannot judge a tree by its bark. Ты можешь судить о дереве по его коре. ПА — тот, кто пытается судить по внешнему виду.

You cannot teach old dogs new trick. Нельзя учить старую собаку новым трюкам. ПА — тот, кто хочет изменить традиции.

One + V mod.

One may lead a horse to the water but he cannot make him drink. Ты можешь привести коня к воде, но не сможешь заставить пить ее. ПА — тот, кто хочет заставить другого человека.

One might drink as one brews. Ты должен пить, то, что сам приготовил. ПА — тот, кто сам виноват.

Отдельный вид конструкций, определяет группу конкретных людей в заданной ситуации по схеме «те, кто...», например конструкции с *they*. Следует отметить, что в пословицах конструкции с *they* встречаются крайне редко.

They + V mod.

They must hunger in winter that will not work. Они будут голодать зимой, если не будут работать. ПА — те, кто не хочет работать.

They + V future

If you agree to carry the calf, they'll make you carry the cow. Если ты согласишься нести теленка, они заставят тебя нести корову. ПА — те люди,

которым помогаешь. Здесь реципиента сообщения подводят к пониманию действующего лица как «другие люди, кроме меня и тебя» (условного автора высказывания и его собеседника). Более того, эти пословицы передают не только отношение говорящего к объекту действительности, но и оказывают воздействие на слушающего, показывая возможные последствия его поступков.

Действующим лицом приведенных выше пословиц оказываются участники конкретной речевой ситуации — небольшая группа конкретных людей или конкретное лицо. Это и есть, по сути, неопределенно-личные предложения, предложения с лицом абстрактным. Конкретизация лица происходит в определенной речевой ситуации, таким лицом могут оказаться и говорящий, и его собеседники, и другие участники речевого акта. Собеседник начинает отождествлять свою ситуацию с ситуацией пословицы, и таким образом соотносить свое дальнейшее поведение и мышление с представленным образцом.

Это отличает данный тип пословиц от пословиц двух первых типов с лицом обобщенно-всеобщим (1-й тип) и лицом обобщенно-групповым (2-й тип), их можно отнести к предложениям собственно обобщенно-личным 1-го и 2-го типа.

Агенса, конкретизируемый в ситуации речи присутствует в конструкциях *you + V Pres.*; *you + V Past*; *you + V Future*; *you + V mod.*; *one + V mod.*; *they + V mod.*; *they + V Future*. Конструкции, в которых действующее лицо представлено местоимениями *one*, *you*, *they*, встречаются как в простых предложениях, так и в главных и придаточных частях сложного предложения, чаще всего в условных предложениях с союзами *as*, *if*. В этих конструкциях наблюдается использование модальных глаголов *can*, *can't*, *might*, *may*, *must*, передающих значения *нельзя*, *можно*, *следует*, *должен*, что подчеркивает особый, назидательный характер высказывания по отношению к тому, кто находится в описываемой ситуации. Использование в большинстве конструкций с *you* модального глагола *can*, причем чаще всего в отрицательной форме, связано с задачей предостереечь, поделиться опытом.

Особенностью предложений, в которых определяется агенса, конкретизируемый в ситуации речи, является наличие более полной парадигмы глагольных времен; наблюдается не только использование настоящего, но и форм прошедшего и будущего времени глагола, которые, как известно, не содержат указания на лицо, что не меша-

ет бытованию пословицы. Поскольку пословица применяется к конкретным лицам, хорошо определенным речевой ситуацией.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что в пассивных конструкциях, а также в конструкциях с местоимениями *one, you, they, we* английских пословиц можно определить значение подразумеваемого лица. Типология неопределенного лица в данных конструкциях представлена разными видами агенса: *обобщенный всеобщий; обобщенный групповой; конкретизируемый в ситуации речи*. Позиция действующего лица может быть выражена лексически (заполнена личными местоимениями) или не выражена (пассивные конструкции), но его значение всегда подразумевается в высказывании.

В английском языке для выражения неопределенного лица предпочтительно использование в пословицах пассивных конструкций, в составе

которых глагол-сказуемое чаще всего употребляется в настоящем времени со значением обычности или вневременности действия. Реже используется формы будущего и прошедшего времени.

В формальном плане личные местоимения английского языка требуют употребления глагольной формы, но в семантическом аспекте, именно тип подразумеваемого лица (обобщенный всеобщий; обобщенный групповой; конкретизируемый в ситуации речи) определяет необходимость употребления той или иной конструкции в высказывании.

Из всего вышесказанного следует, что нет разных структурных типов предложений (неопределенно-личных, обобщенно-личных, предложений в пассиве), а есть разные семантико-прагматические типы лица, обуславливающие разные парадигмы глагольных форм, выступающих в роли сказуемого в предложениях.

Список литературы

1. Васильева, Л. В. Английские пословицы, поговорки, крылатые выражения / Л. В. Васильева. — М. : Центрполиграф, 2006. — 350 с.
2. Виноградов, В. В. Русский язык: (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — М. : Учпедгиз, 1947. — 784 с.
3. Гварджаладзе, И. С. Английские пословицы и поговорки / И. С. Гварджаладзе, Д. И. Мchedlishvili. — М. : Высш. шк., 1971. — 77 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой ; Ин-т языкознания АН СССР. — М. : Совет. энцикл., 1990. — 682 с.
5. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика: Антология. — М. : Акад. проект ; Екатеринбург : Деловая кн., 2001. — С. 45—97.
6. Попова, З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З. Д. Попова. — Воронеж : Истоки, 2009. — 209 с.
7. Рылов, Ю. А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки / Ю. А. Рылов — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2003. — 272 с.
8. Федоров, В. А. Национальная специфика синтаксических концептов : дис. ... д-ра филол. наук / В. А. Федоров. — Воронеж, 2013. — 380 с.

Сведения об авторе

Богданова Ульяна Валентиновна — аспирантка кафедры иностранных языков и технологии перевода, Воронежский государственный технический университет. Воронеж, Россия. bog_ul@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2018. No. 10 (420). Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 16—20.

SEMANTIC TYPES OF INDEFINITE PERSON AND WAYS OF ITS EXPRESSION IN ENGLISH PROVERBS

U.V. Bogdanova

Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia. bog_ul@mail.ru

The article investigates the category of person in indefinite-personal and generalized-personal sentences. Mandatory formal and semantic two-member structure of English language construction allows us to do it. The analysis of passive constructions and those with pronouns *one*, *you*, *they*, *we* in English proverbs gives us an opportunity to identify various types of indefinite person. This determines the structure and meaning of a whole sentence.

Keywords: *proverb, construction, indefinite person, agent, pronouns one, you, they, we.*

References

1. Vasil'eva L.V. *Angliyskiye posloviitsy, pogovorki, krylatye vyrazheniya* [English Proverbs, popular expressions]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2006. 350 p. (In Russ.).
2. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk: (grammaticheskoye ucheniye o slove)* [Russian language: (grammatical teachings about the word)]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1947. 784 p. (In Russ.).
3. Gvardzhaladze I.S., Mchedlishvili D.I. *Angliyskiye posloviitsy i pogovorki* [English Proverbs]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1971. 77 p. (In Russ.).
4. Yartseva V.N. (ed.). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. 682 p. (In Russ.).
5. Morris Ch.U. *Osnovaniya teorii znakov* [Foundation of the theory of signs]. *Semiotika: Antologiya*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ.; Ekaterinburg, Delovaya kniga Publ., 2001. 702 p. (In Russ.).
6. Popova Z.D. *Sintaksicheskaya sistema russkogo yazyka v svete teorii sintaksicheskikh kontseptov* [Syntactic system of Russian language in the light of the theory of syntactic concepts]. Voronezh, Istoki Publ., 2009. 209 p. (In Russ.).
7. Rylov Yu.A. *Aspekty yazykovoy kartiny mira: ital'yanskiy i russkiy yazyki* [Aspects of a linguistic picture of the world: Italian and Russian languages]. Voronezh, Voronezh St. Univ. Publ., 2003. 272 p. (In Russ.).
8. Fedorov V.A. *Natsional'naya spetsifika sintaksicheskikh kontseptov* [National specific of syntactic concepts. Thesis]. Voronezh, 2013. 380 p. (In Russ.).

СИСТЕМА ОРФОГРАФИИ КАМЕРУНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Е. В. Бондаренко, О. В. Мирошникова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Камерун — одна из постколониальных стран, где преобладает многоязычие. Сложный языковой ландшафт существовал в Камеруне задолго до появления колониализма, а последний лишь еще больше усложнил и без того тяжелую языковую ситуацию. Вопрос о том, какая орфография соответствует аспектам камерунского английского варианта языка, по сей день остается открытым. В данной работе камерунский вариант английского языка будет рассмотрен в разнообразии вариативности его орфографии в сравнении с британским вариантом английского языка.

Ключевые слова: *английский язык, Камерун, камерунский вариант английского языка, орфография, камерунизм, заимствования.*

Перед любой попыткой подчеркнуть лингвистические аспекты камерунского варианта английского языка стоит остановиться и решить вопрос о том, какая орфография действительно соответствует системе этого языка. Этот вопрос до сих пор является открытым на протяжении многих лет.

Несмотря на различные попытки таких исследователей, как Л. Тод, П. Мбангвана, М. Аяфор и М. Сала, предложить систему для англоязычного варианта языка Камеруна, данная область все еще является слабо исследованной. Стоит учитывать также постоянную динамику языка и то, как воспринимают и отражают ее авторы. Те, кто воспринимает камерунский вариант английского языка как самостоятельный язык, отвергают английскую орфографию и защищают особую систему письма своего языкового варианта. Они считают, что только данная система может обнажить языковые аспекты и показать настоящий разговорный язык в Камеруне. Однако же те, кто воспринимает этот язык как разновидность английского, выступают за систему письма, разработанную в английской орфографии.

В данной работе камерунский вариант английского языка будет рассмотрен как система, которая заслуживает автономной орфографии, значительно отличающейся от системы письма стандартного английского языка Британии. Однако прежде всего стоит проанализировать два направления исследований.

Письменная система камерунского варианта английского языка отражает либо его фонетическую орфографию, либо орфографию британ-

ского варианта английского языка. Если рассматривать этот вариант языка с точки зрения правописания в сравнении с британским вариантом английским, то М. Сала утверждает следующее: «...in order to achieve simplicity, a writing system for Cameroon English should not deviate very much from that of English, as it is the status language. It should not be restrictive for users of English, especially in Cameroon; who need to learn it, and should not be bothered with learning a completely different writing system. The native speakers of Cameroon English will find no problem learning an English-based orthography» [10. P. 15]. Данное высказывание было переведено нами следующим образом: «Для того чтобы добиться простоты, система записи камерунского варианта английского языка не должна сильно отличаться от основного варианта, поскольку это язык состояния. Он не должен ограничивать пользователей английского языка, особенно в Камеруне, которые должны изучить его. Также не следует беспокоиться о том, чтобы изучать совершенно другую систему письменности. У носителей камерунского английского языка нет проблем с изучением английской орфографии».

Предпочтение Сала английской орфографии соответствует предложению А. Бобда и Х.-Г. Волфа, которые утверждают, что при создании письменной системы языка следует уделять приоритетное внимание простоте [2. P. 12]. Однако можно поставить под сомнение простоту английской орфографии. Простота рассматривается здесь как предсказуемое соответствие между орфографией и произношением.

Тенденция такого отношения к камерунскому варианту английского языка как к языку более низкого уровня, который зависит от канонов британского варианта английского языка, имеет широкое распространение в работах многих исследователей. Они, так или иначе, стремятся заменить структуру этого варианта языка на систему английской орфографии.

Однако стоит обратить внимание на то, что, настаивая на орфографии британского варианта английского языка, не учитывают многие основополагающие факты варианта английского языка в Камеруне.

Во-первых, динамика английского языка в Камеруне значительно отличается от динамики британского стандартного английского языка. Это заметно даже на лексическом уровне, который определяет взаимосвязь между двумя языковыми вариантами. Помимо того факта, что камерунский вариант английского языка обогащается лексикой многих других языков. Если же лексика заимствуется из британского варианта английского языка, то в ходе адаптации в новой языковой системе она претерпевает значительные семантико-морфологические изменения. В конечном итоге лексика наполняется новым содержанием и выражает мысли, которые интерпретируются на английском языке совершенно другими словами. Именно поэтому П. Мюльхаузер [7. Р. 5] присоединяется к Дж. Деннис и Дж. Скотт, которые говорят о более весомом значении семантики и синтаксиса: «Мы не видим основания для принятия решения о том, что лексика является основой языка в отличие от семантически-синтаксической основы языка» [3. Р. 71]. Носители британского варианта английского языка обязательно должны потрудиться, чтобы изучить орфографию камерунского варианта английского языка, потому что эти два языковых варианта, по сути, разные [4. Р. 1].

Таким образом, система письма, соответствующая динамике варианта английского языка в Камеруне, должна базироваться на фонетике. В своем исследовании А. Нгефак [8. Р. 113] говорит о том, что выбор фонетически-ориентированной орфографии для камерунского варианта английского языка не подразумевает использования незнакомых фонетических символов.

Современная орфография варианта английского языка в Камеруне, которую мы будем рассматривать, основана на фонетике, и она будет учитывать сильные стороны большинства предыдущих предположений (Л. Тод, 1979 [11]; П. Мбангвана,

1983 [6]; М. Аяфор, 1996; Ж. П. Куга, 2008 [5]; М. Сала, 2009 [10]; А. Нгефак, 2014 [9]). Подобная орфография позволяет избежать следующих аспектов:

- 1) игнорирование специфических для языка сегментных аспектов лексических элементов варианта английского языка в Камеруне [9. Р. 43];
- 2) исключение надсегментных аспектов языка, таких как тон;
- 3) использование фонетических символов, которые не найдены в буквах алфавита;
- 4) игнорирование вариации, которая характеризует вариант английского языка в Камеруне и формируется в результате влияния различных социальных факторов: уровень формального образования, этническая принадлежность, возраст и лингвистический фон (например, франкоязычный или англоязычный).

Материалом нашего исследования послужила орфография камерунского варианта английского языка, контексты взяты из собрания сочинений «Grassfields Stories from Cameroon» автора П. Вакунта. Особенно интересным с научной точки зрения мы считаем произведение этого автора «Tori Shweet for Cameroon Pidgin English», в котором он собрал объемный словарь камерунского английского языка. В его рассказах содержатся аутентичные выражения, которыми пользуются жители Камеруна.

В системе орфографии гласных звуков мы можем заметить тенденцию, в которой наблюдается стремление к наиболее простому написанию не только самостоятельных гласных звуков, но и дифтонгов.

Так, звуки [ɪ] and [i] должны соответствовать графеме *i*, например лексическая единица **tori** используется для написания слова *story*, и **shidohn**, в свою очередь, для написания выражения *sit down*.

Камерунский вариант английского языка (далее: **КамВАЯ**): *No be na daso tory? How man fit take heaven begin hell*. Британский вариант английского языка (далее: **БрВАЯ**) *My friend, isn't it better here than home? How man fit take heaven begin hell* [12. Р. 83].

В данном примере мы можем наблюдать многократное использование графемы *i* в различных словах:

КамВАЯ: *No, sista. I no di find woman. I di find my kontryman whe yi deh for dis town*. **БрВАЯ**: *No, my sister. I am not looking for a woman. I'm looking for my tribesman who lives in this city* [Ibid. Р. 5].

Мы видим использование лексемы **sista** — *sister*, а так же выражение **di find**, что означает *look for*. Наблюдается упрощение согласного звука в слове *this*, когда в камерунском варианте английского языка оно орфографически обозначается как **dis**, но происходит сохранение гласного звука [ɪ] в графеме *i*.

Звуки [e] и [ɛ] должны соответствовать графеме *e*, например: глагол *make* будет обозначаться как **mek** и существительное *girl* как **gel**. Подобное орфографическое написание встречается в контексте:

КамБАЯ: *Massa, na small ndole dis whe I bring'am mek you take ya smell for kontry.* **БрБАЯ:** *My friend, I've brought a small quantity of ndole for you. That will make you think of home* [Ibid. C. 83].

Звук [a] должен соответствовать графеме *a*, например: *water* — **wàtá**. Ниже мы можем увидеть пример написания слова *sister*, которое в камерунском варианте английского языка меняет свою орфографию и приобретает написание **sista**:

КамБАЯ: *Sista, I comotfor Bamenda just now, just now. I come na for find wok for here. Ma repe say if I reach mek I find Londu.* **БрБАЯ:** *My sister, I have just arrived from Bamenda. I am in search of a job here. My father says when I get here I should look for Londu* [Ibid. P. 5].

Графема *o* соответствует звуку [o] в камерунском варианте английского языка. Так, например, лексическая единица *coat* имеет написание **kot**:

КамБАЯ: *Bo, give man one jobajo, no. I go find Londu gi you.* **БрБАЯ:** *My friend, give me a bottle of beer. I will find Londu for you* [Ibid. P. 5].

В изучаемом контексте наблюдаем орфографию лексемы **jobajo**, которая означает: *a bottle of beer*. Двойное орфографическое написание звука [o] с помощью графемы *o* демонстрирует упрощение языка в соответствии с правилами собственной фонетической структуры.

Звук [iɛ] представляет собой графема *ie*, например: *tie to tear*. В одном из контекстов наблюдаем подобное орфографическое оформление гласного дифтонга в лексеме **hie**, которая обозначает слово *here*.

КамБАЯ: *Massa, na so wona own woman dem dei for hie?* **БрБАЯ:** *My friend, is this the kind of wives you guys have here?* [Ibid. P. 84].

Графема *ia*, в свою очередь, обозначает звук [ia], который встречается в таком слове, как **biabia**, что обозначает *hair*. Так, в следующей выдержке из произведения мы можем увидеть употребление подобной лексемы:

КамБАЯ: *How titi go nang for chia na masah de cook dame, no?* **БрБАЯ:** *How can a husband prepare food while his wife relaxes in the chair?* [Ibid. P. 84].

Лексема *chair* орфографически видоизменяется в лексическую единицу камерунского варианта английского языка **chia**, что в полной мере отображает орфографию вышеупомянутого дифтонга.

Что касается сегмента согласных звуков, то в этом случае звуки орфографически интерпретируются максимально просто для системы написания камерунского варианта английского языка.

Так, например, согласный звук [p] соответствует графеме *p*. В качестве примера мы можем привести следующие лексические единицы: **póhsà**, что означает *purse*, и **pùsí**, которое имеет значение *cat*. В представленном ниже примере мы можем увидеть использование графемы *p* сразу в двух словах, таких как **palava**, что означает *trouble, dispute, speech*, и глагол **pass**, который имеет сходное с английским языком значение *pass*.

КамБАЯ: *Oh! ho! Dis palava don pass me! Mola shouted, laughing loudly.* **БрБАЯ:** *Oh ho! I had been wondering about this matter. Mola shouted, laughing loudly* [Ibid. P. 84].

Звуковая единица [b] обозначается графемой *b*, например: **báyàm-sélàm** обозначает *a small scale trader*; **bisham**, что значит *care*. Интересен следующий контекст:

КамБАЯ: *Massa, I member say na wona go big book? Luki said, grinning.* **БрБАЯ:** *My friend, I thought you were one of those who went to institutions of higher learning Luki said, grinning* [Ibid. P. 88].

Выражение **big book** имеет значение *higher learning*. В нем можно наблюдать не только фонетическое соответствие орфографии, но и смысловое упрощение выражения, в котором происходит полная подмена лексических единиц.

Графема *m* в камерунском варианте английского языка будет соответствовать звуку [m]. Это явление мы можем наблюдать в следующих выражениях: **mámí-wàtá**, имеющее значение *mermaid*, и **mòyó**, имеющее значение *in-law*.

КамБАЯ: *"Massa, dis wona kontry na helele-oh. Man don pass test finish dem say mek yi go do drug test, na who tell dem say me I de smoke banga?" Mola complained.* **БрБАЯ:** *"Brother, this country of yours is tough. After passing the test they are now asking me to go for a drug test. Who told them that I smoke marijuana? Mola complained"* [Ibid. P. 86].

Обратив внимание на приведенный выше контекст, мы сможем увидеть многократное использование *m* в таких лексических единицах, как **massa**, которая имеет значение brother, friend, **dem**, что представляет собой местоимение they? и глагол **mek**, являющий собой слово make.

Следующая графема — *w* — обозначает звук [w], который можно встретить в выражениях **wòwó**, означающее прилагательное ugly, **áwúf** в значении bribe и мн. др. Следует отметить, что графема *w* остается неизменной в вопросительных словах, которые можно наблюдать в следующих случаях употребления:

КамБАЯ: *Which kan kontry be dis no? You don born pikin finish dem say mek you show say na you born dem? Barlok!* **БрБАЯ:** What kind of country is this? After fathering children they require you to prove that you are their biological father? This is unfortunate! [Ibid. P. 88].

КамБАЯ: *“Wheti you mean, no?” Luki asked, resorting to Pidgin English in order to keep his wife out of the conversation.* **БрБАЯ:** *“What do you mean?” Luki asked, resorting to Pidgin English in order to keep his wife out of the conversation* [Ibid. P. 84].

Таким образом, вопросительные слова, такие как what kind of и what, полностью меняют свое орфографическое написание, направленное на сохранение звуковой формы слова камерунского английского языка, однако оставляют право писать начальную графему *w*, а именно **which kan** и **wheti**.

Следующая, не менее часто встречающаяся, графема *f* обозначает звук [f], как в лексической единице **áfófó**, что означает local whisky. Подобную графему мы можем встретить в таких существительных, как **fada**, что означает father; priest, **finga** — finger, **faya** — fire. Интересным примером может служить камерунизм **fufu**, что обозначает традиционное блюдо Западной Африки и являет собой густую кашу из толченых в ступе корнеплодов маниока, ямса или бананов. Встретить это слово мы можем в следующем примере:

КамБАЯ: *“Wheti wona go tchop for dat farway kontry? Dem de cook fufu wet njama-njama for deh?” Mola’s paternal grandmother asked.* **БрБАЯ:** *“What are you going to eat in that distant land? Do they cook fufu and huckle-berry soup there?” Mola’s paternal grandmother asked* [12. P. 71].

Один из согласных звуков [p] обозначается графемой *p*. Такие случаи мы можем наблюдать в лексических единицах, таких как: **pàlāvà** —

palaver, **panapul** — pineapple, **pawa** — power, **pikin** — child. Пример использования последней лексемы можно увидеть в уже встречавшемся ранее контексте:

КамБАЯ: *“Which kan kontry be dis no? You don born pikin finish dem say mek you show say na you born dem? Barlok!” Mola said.* **БрБАЯ:** *“What kind of country is this? After fathering children they require you to prove that you are their biological father? This is unfortunate!” Mola said* [Ibid. P. 88].

Согласный звук [t] представляется графемой *t*. Подобную орфографию данного звука можно встретить в следующих словах: **tróhbù** — trouble, **tait** — narrow, **talon** — high-heeled shoes, **tonda** — thunder.

Графема *d* обозначающая звук [d], встречается в таких лексемах, как **dóhktà** со значением doctor, **bèhndrù** со значением bundle, а также **drai fish** — smoked fish, **dinai** — refuse, reject, **dina** — dinner. Интересно употребление лексемы с графемой *d*:

КамБАЯ: *Pa Ntoh fastened two porcupine quills into his ndikong hat as he spoke* [Ibid. P. 18].

Лексема **ndikong** имеет значение «шляпа». Подобные шляпы всегда сшиты из разноцветной ткани и кропотливо расшиты. Они достаются лишь жителям имеющих определенный титул в регионе низовых областей Республики Камерун.

Звук [n] в камерунском английском языке обозначается графемой *n*. Данное орфографическое оформление можно наблюдать в следующих лексемах: **njàmànjámá**, означающее vegetables, **ndutu** — bad luck, misfortune, **ngum** — power; stamina; resilience, **nga** — young woman; girl; wife. Одну из лексических единиц, имеющих графему *n*, **kanwa**, можно наблюдать в контексте:

КамБАЯ: *Massa, da wok na kanwa.* **БрБАЯ:** *My friend, the job is tough* [Ibid. P. 87].

Лексема в этом контексте имеет значение tough; hard. Однако в камерунском варианте английского языка, она употребляется для обозначения соли, богатой натрием.

Графема *s* в камерунском варианте английского языка представляет звук [s], как в словах **sénèk** — snake, **sósó** — always, а также в таких выражениях, как **sabi** — to know, to be able to, **sarako** — school, **shap mot** — talkative person. Также в рассматриваемой нами орфографии камерунского варианта английского языка большую популярность имеет камерунизм **massa**, что означает friend. Такое обращение может звучать относительно как достаточно близкого человека, так и малознакомой

персоны. Обычно его используют для того, чтобы завести дружеский разговор, или задать вопрос, или обратиться к незнакомому человеку. Пример использования данного выражения можно увидеть в следующих контекстах:

КамВАЯ: *Massa, I ya you but I member say dis kan marry no go waka.* **БрВАЯ:** *My friend, I hear you but I don't think this type of marriage will last* [Ibid. P. 84].

Еще один согласный звук — [k] — выражается графемой *k*. Данную орфографию мы можем наблюдать в примерах *kàndá* — skin, *kòhròh kóhrò* — scabies, *kresh: mad; crazy*, *kuk: cook*. Пример данной графемы можно встретить в следующей фразе:

КамВАЯ: *"Which kan kontry be dis no? You don born pikin finish dem say mek you show say na you born dem? Barlok!" Mola said.* **БрВАЯ:** *"What kind of country is this? After fathering children they require you to prove that you are their biological father? This is unfortunate!" Mola said* [Ibid. P. 83].

Мы наблюдаем сразу несколько выражений, имеющих выше обозначенную графему *k*: **kan**, что имеет значение kind, **kontry**, обозначающее слово country, **pikin** — children, и глагол **mek**, имеющий значение make.

Графема *g* в камерунском варианте английского языка будет соответствовать звуку [g], как, например, в следующих словах: *gófmén* — government, *gròhn* — ground, *gulok* — goodluck, *gut prais* — discounted price.

КамВАЯ: *Marry for doki na di one whe you take American nga put for long for seka sei yi go helep you mek you get ya green card quick-quick.* **БрВАЯ:** *I am referring to a marriage where you wed an American woman for the purpose of getting your green card very fast* [Ibid. P. 84].

Выражение **nga**, уже встречавшееся нам ранее, означает young woman, girl, содержит в себе графему *g*. Это обращение в Камеруне к девушкам, женщинам примерно от 15 до 40 лет, имеющее положительную коннотацию.

Что касается согласных звуков, то одним из наиболее распространенных является [ʃ], который, как и в британском варианте английского языка, обозначается буквенным сочетанием *sh*. Подобную графему можно встретить в словах **shèk-shék** — always shaking, **shaot** — shout, **sheek-ena** — alright, **shia boloh** — traditional cap. Это буквенное сочетание можно рассмотреть в примере:

КамВАЯ: *"My husband says I'm ashawo. Why did he say that? He says it is my fault that he does*

not have an heir". **БрВАЯ:** *"My husband says I'm a whore. Why did he say that? He says it is my fault that he does not have an heir"* [Ibid. P. 42].

В данном случае выражение **ashawo** имеет грубое значение whore, однако его употребление достаточно распространено на территории Камеруна.

Еще один часто встречающийся согласный звук [tʃ], который, как и в британском варианте английского языка обозначается графемой *ch*. Его употребление можно увидеть в словах: *châpiâ*, что означает to clear; *choko*, имеющее значение bribe; а также *chans* — opportunity; luck, *chap* — girl. В приведенном ниже контексте глагол to chop имеет значение chew, eat:

КамВАЯ: *Ma pikin, gibe ma own moni mek I tchop before die take me go.* **БрВАЯ:** *My son, give my own share of the money, let me eat before death takes me away* [Ibid. P. 71].

Согласный звук [ʒ] соответствует графеме *j*. Примерами лексем с данным звуком могут служить слова: **préjòh** в значении pressure; **jamaya-ma**, что означает vegetables; и **manaya**, означающее manager:

КамВАЯ: *Bo, give man one jobajo, no. I go find Londu gi you.* **БрВАЯ:** *My friend, give me a bottle of beer. I will find Londu for you* [Ibid. P. 5].

В вышеупомянутом примере мы видим использование данной графеме в выражении **jobajo**, что означает a bottle of beer. В этом же слове графема *j*, расположенная, однако, не среди гласных. Графема передает звук [dʒ]. Ее можно встретить в словах: **trénjâ**, что означает stranger; **níjâmbu** в значении **gambling**; **viley** — village.

Звуковое сочетание [kw] в камерунском варианте английского языка, вместо привычного нам *qu* имеет орфографию *kw*, что можно наблюдать в словах: *kwet* quiet; be silent, *kwa* — bag, *àkwàrà* — prostitute. Последнее выражение мы можем наблюдать в примере:

КамВАЯ: *"My daughter, a woman who talks back to her husband is worse than an akwara" the old woman said to her daughter.* **БрВАЯ:** *"My daughter, a woman who talks back to her husband is worse than a prostitute," the old woman said to her daughter* [Ibid. P. 43].

Таким образом, подводя итоги краткого описания основных особенностей орфографии варианта английского языка в Камеруне, следует отметить, что эта орфография, основанная на системе правописания британского варианта английского языка, все же имеет самостоятельный

характер и отражает произносительную специфику камерунского варианта английского языка. Именно поэтому в данной системе орфографии содержатся некоторые «неанглийские» звуки, проникшие в язык из европейских языков и языков коренных народов. Такой подход к написанию лексем собственного камерунского варианта английского языка говорит о двоякой тенденции.

С одной стороны, наблюдается стремление системы камерунского варианта соответствовать системе стандартного британского варианта английского языка. С другой стороны, учитываются особенности камерунского варианта, которые воплощаются на всех уровнях языковой системы, в частности на фонологическом уровне, что имеет отражение в своеобразии орфографии.

Список литературы

1. Ayafor, M. Cameroon Pidgin English (Cameroon Creole English): morphology and syntax / M. Ayafor // *Varieties of English in Africa, South and South East Asia* / R. Mesthrie (ed.). — Berlin : Mouton de Gruyter, 2008. — P. 428—450.
2. Bobda, A. Studies in African Varieties of English / A. S. Bobda, H.-G. Wolf. — Frankfurt : Peter Lang, 2008. — P. 101—117.
3. Dennis, J. Creole Formation and Reorganization: Evidence for Diachronic Change in Synchronic Variation : paper presented at the Intern. Conf. on Pidgins and Creoles / J. Dennis, J. Scott. — Honolulu, 1975.
4. Holm, J. Pidgins and Creoles. Vol. 1: Theory and Structure / J. Holm. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1988.
5. Kouega, J. P. A Dictionary of Cameroon Pidgin English Usage / J. P. Kouega. — Munich : Lincom Europa, 2008.
6. Mbangwana, P. The Scope and Role of Pidgin English in Cameroon / P. Mbangwana // *Sociolinguistic profile of Urban centers in Cameroon* / eds. E. L. Koenig, E. Chia, J. Povey. — California : Cross-road Press, 1983. — P. 79—92.
7. Mühlhäusler, P. Pidgin and Creole Linguistics / P. Mühlhäusler. — 2nd ed. — London : Univ. of Westminster Press, 1983.
8. Ngefac, A. Sociolinguistic and Structural Aspects of Cameroon Creole English / A. Ngefac. — Newcastle upon Tyne : Lady Stephenson Lib. : Cambridge Scholars Publ., 2016.
9. Ngefac, A. Which Orthography Befits the Dynamics of Cameroon Creole English? / A. Ngefac // *Epsa Moto*. — 2014. — No. 1 (2). — P. 221—225.
10. Sala, M. B. Writing in Cameroon Pidgin English: begging the question / M. B. Sala // *English Today*. — 2009. — No. 25. — P. 11—17.
11. Todd, L. Cameroonian: a consideration of 'What's in a Name?' / L. Todd // *J. of Creole Studies*. — 1979.
12. Vakunta, P. W. Grassfields Stories from Cameroon / P. W. Vakunta. — North West Province, Cameroon : Langa Research Publ. Common Initiative Group, 2008. — P. 1—98.
13. Vakunta, P. W. Tori Shweet for Cameroon Pidgin English / P. W. Vakunta. — North West Region, Cameroon : Langa Research Publ. Common Initiative Group, 2015. — P. 99—150.

Сведения об авторах

Бондаренко Елена Валентиновна — доктор филологических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород, Россия. bond-elena@yandex.ru

Мирошникова Ольга Валерьевна — аспирантка кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород, Россия. solnce0031@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 21—27.*

THE ORTHOGRAPHY OF ENGLISH LANGUAGE IN CAMEROON

Ye.V. Bondarenko

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia. bond-elena@yandex.ru

O.V. Miroshnikova

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia. solnce0031@yandex.ru

Cameroon is one of the post-colonial countries where multilingualism prevails. The complex linguistic landscape existed in Cameroon long before colonialism, and the last one has only complicated the already difficult linguistic situation. The question of which orthography corresponds to the aspects of the language is still open. In this paper, Cameroon English will be considered in its variety of variations of its main lexifier, namely English.

Keywords: *English language, Cameroon, Cameroonian English, spelling, cameronism, borrowing.*

References

1. Ayafor M. Cameroon Pidgin English (Cameroon Creole English): morphology and syntax. Rajend Mesthrie (ed.). *Varieties of English in Africa, South and South East Asia*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. Pp. 428—450.
2. Bobda A.S., Wolf H.-G. *Studies in African Varieties of English*. Frankfurt, Peter Lang, 2008. Pp. 101—117.
3. Dennis J., Scott J. *Creole Formation and Reorganization: Evidence for Diachronic Change in Synchronic Variation. Paper presented at the International Conference on Pidgins and Creoles*. Honolulu, 1975.
4. Holm J. *Pidgins and Creoles, vol. 1: Theory and Structure*. Cambridge. Cambridge University Press, 1988.
5. Kouega J.P. *A Dictionary of Cameroon Pidgin English Usage*. Munich, Lincom Europa, 2008.
6. Mbangwana P. The Scope and Role of Pidgin English in Cameroon. E.L. Koenig, E. Chia, J. Povey (eds.). *Sociolinguistic profile of Urban centers in Cameroon*. California, Cross-road Press, 1983. Pp. 79—92.
7. Mühlhäusler P. *Pidgin and Creole Linguistics* (2nd ed.). London, University of Westminster Press, 1983.
8. Ngefack A. *Sociolinguistic and Structural Aspects of Cameroon Creole English*. Newcastle upon Tyne, Lady Stephenson Library, Cambridge Scholars Publishing, 2016.
9. Ngefack A. Which Orthography Befits the Dynamics of Cameroon Creole English? *Epasa Moto*, 2014, no. 1 (2), pp. 221—225.
10. Sala M.B. Writing in Cameroon Pidgin English: begging the question. *English Today*, 2009, 25, pp. 11—17.
11. Todd L. Cameroonian: a consideration of 'What's in a Name?'. *Journal of Creole Studies*, 1979.
12. Vakunta P.W. *Grassfields Stories from Cameroon*. North West Province, Cameroon, Langaa Research Publishing Common Initiative Group, 2008. Pp. 1—98.
13. Vakunta P.W. *Tori Shweet for Cameroon Pidgin English*. North West Region, Cameroon, Langaa Research Publishing Common Initiative Group, 2015. Pp. 99—150.

УДК 81'42 ББК 81.1
DOI 10.24411/1994-2796-2018-11004

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ ПОЛНЫХ И ЧАСТИЧНЫХ КАНАДИЗМОВ В СИСТЕМЕ КАНАДСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Е. В. Бондаренко, Е. А. Шитова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Рассматриваются этимологические корни лексики канадского варианта английского языка, на становление которого повлиял британский вариант английского языка потомков первых переселенцев из Соединенного Королевства, а также вариант английского языка ближайших соседей — американцев. Исследуются канадизмы, которые отображают межкультурные, этнические особенности данного варианта.

Ключевые слова: английский язык, Канада, канадский вариант английского языка, лексико-семантический уровень, канадизм, заимствования.

Английский язык, наряду с французским являющийся официальным языком Канады, представляет собой весьма сложное явление, так как канадский вариант английского языка развивался в условиях непрерывного контакта и иммиграции со стороны исторической родины — Великобритании и США. В случае смешения двух миграционных потоков в речь жителей Канады проникает много отличительных компонентов разных диалектов английского языка, на которых говорили, с одной стороны, жители северных районов США, прилегающих к канадской границе, а с другой — переселенцы из Великобритании.

Несомненно, что английский язык любой другой англоговорящей страны обладает рядом особенностей, характерных исключительно для той или иной страны. Так, одной из многочисленных особенностей канадского варианта английского языка является лексика.

Вполне закономерно, что отличительные признаки национального варианта языка сконцентрированы непосредственно на его лексико-семантическом уровне, так как данный уровень считается наиболее открытым к изменениям, происходящим в обществе. В связи с этим в лексике английского языка Канады появилась специальная группа слов — канадизмы, которые повлияли на становление специфики его системы.

У. Авис определяет термин «канадизм» как «любой лингвистический признак, например, в произношении, морфологии, синтаксисе, лексике, правописании, являющийся присущим для английского языка Канады, отсутствующий

в американском и даже в британском варианте современного английского языка» [Цит. по: 4. С. 71]. Подобное обозначение термина является вполне подходящим, поскольку «характерный» означает «специфический, своеобразный, являющийся отличительным».

В лингвистических трудах Л. Г. Поповой рассматриваются истинные канадизмы. Истинные канадизмы, в свою очередь, «представляют собой либо лексические единицы, которые полностью, во всей совокупности выражаемых значений, являются принадлежностью английского языка в Канаде — полные канадизмы, либо слова и устойчивые словосочетания, входящие в канадский вариант английского языка в одном из значений — частичные канадизмы» [10. С. 166].

В качестве полных канадизмов автор приводит такие существительные, как: **Grit** — либерал (в Канаде); **Mountie** — конный полицейский; **Longliner** — рыбак; **muskeg** — болото, трясина; **Bluenose** — канадская рыбацья шхуна; **sault** — водопад.

Так, например, канадский ученый Эвелин Пьелу (Evelyn Pielou) активно использует лексему **muskeg** в своем научном сборнике «After the Ice Age»: *Muskeg has also grown up over much of the area where permafrost prevails and has presumably spread southward, following the permafrost, as neoglaciation has progressed* [17. С. 236]. Гораздо чаще автор Джон Бриор (John Brior) употребляет лексему **sault** в своей книге «Taming of the Sault», что говорит о том, что действия, описанные в этой книге, непосредственно происходят на территории Канады, так как сам

Дж. Бриор родился и жил на территории США, штат Пенсильвания.

В качестве *частичных канадизмов* можно встретить такие слова, как **band** — группа индейцев, меньшая, чем племя; **candle** — лед в виде призм; **jackknife** — тянуть судно.

Королевская комиссия по коренным народам Университета Британской Колумбии определяет лексему **band** как *a governing unit of Indians in Canada instituted by the Indian Act* [8. С. 189], то есть основа общества, которая предстает организованной формой совместной деятельности людей.

Канадский политический деятель 1980—90-х гг. И. Кауи (Isaac Cowie) в своей книге «The Company of Adventurers» описывает следующую ситуацию: *Most of the ice in Hudson Straits was rapidly decomposing, smashing in “candles” on contact with the ship* [Там же. С. 177]. Далее он подчеркивает, что использование словосочетания **candle ice** характерно исключительно для Канады, так как во времена ее территориального освоения англичанами (1796—1913) они столкнулись с ее суровым климатом. Таким образом, форма кристаллов льда в виде призм, ранее не встречавшаяся англичанам, получила свое название **candle**.

В результате длительных территориальных и культурных контактов с Великобританией, США и Францией, канадизмы пополняются существенным количеством заимствований, называющих популярные предметы и явления, которые жителям Европы были неизвестны или же имели определенные отличия от уже известных слов или словосочетаний. Одним из таких источников заимствований стал французский язык, благодаря которому в лексиконе канадцев присутствуют такие слова, как **brule** — горелый лес, **sagamite** — бульон или суп, с мясом или рыбой. Также огромное влияние оказали языки индейцев и эскимосов, добавив к категории «канадизмы» следующие слова: **tamarack** — североамериканская лиственница, **kayak** — одноместная закрытая гребная лодка (дословно «лодка охотника»), **parka** — жакет с капюшоном, отделанным мехом. Канада на протяжении долгого времени полагалась на большой приток иммигрантов, что оставило заметный отпечаток на лексическом составе языка. Так, например, из русского языка пришли такие слова, как **sastrugi** — глубокие снежные сугробы (вытянутые по ветру гряды твердого снега), **baidarka** — узкая лодка из кожи с двумя или тремя отсеками.

М. Доуни (Mary Alice Downie) в своей книге о женском опыте «Early Voices: Portraits of Canada by Women Writers» использует общеизвестное слово **sagamite** в описании одной из своих героинь: *Although Mère Cécile served in many capacities as teacher, apothecary, and cook in the convent — and learned to make **sagamite**, a favourite Native food* [16. Р. 115]. Существенные изменения в жизни матушки Сесиль заставляют ее кардинально сменить сферу деятельности и успешно освоить все то, что некогда ей было незнакомо.

В ходе анализа словаря «The Dictionary of Canadianisms on Historical Principles» (DCHP), нами были выделены области лексических единиц, в рамках которых встречается максимальное скопление канадизмов.

В результате рассмотренные кандизмы распределены на несколько групп, которые относятся к той или иной канадской действительности. В каждой группе разное число канадизмов. В процентном содержании это выглядит следующим образом:

1. Флора и фауна — 24 %.
2. Еда и напитки — 11,7 %.
3. Названия государственных, политических и административных реалий — 10 %.
4. Названия одежды — 8,1 %.
5. Предметы быта, постройки — 7,5 %.
6. Средства передвижения — 7,1 %.
7. Названия жителей по месту жительства — 6,3 %.
8. Особенности географической среды — 4,5 %.
9. Профессии — 5 %.
10. Кулинария — 4,8 %.
11. Отрасли промышленности — 3,9 %.
12. Обозначения рельефа — 2,7 %.
13. Названия должностных лиц — 2 %.
14. Виды льда и снега — 0,9 %.
15. Спорт — 0,6 %.

По представленному списку можно заметить, что основная часть канадизмов сконцентрирована в области флоры и фауны. Данная ситуация объясняется особенностями канадской природы, освоенная по большей части европейскими иммигрантами. Известно, что какие-то территориальные предметы и явления региона были неизвестны колонистам, по причине чего они назывались заимствованными словами из других языков, так как словари их родных языков не содержали необходимых терминов для обозначения.

Так, известный всему миру бренд по производству зимней одежды Outfitters Goose берет

за основу своих изделий пух так называемой **Canada goose** — канадской казарки, качество пуха которой очень ценится. Л. Эрикссон (Linda Erickson), которая занимается изучением различных сторон биологии птиц, указывает в рассылке Союза орнитологов Миннесоты, что канадская казарка *gets its name from its breeding range* (получила свое имя согласно месту размножения) [8. С. 178].

Р. Бэнкс отмечает в своей книге «*Obsolete English Names of North American Birds and Their Modern Equivalents*», что лексема **Canada goose**, которая относится к канадскому варианту английского языка (CE), имеет синонимы, такие как **tundra goose**, **common wild goose** and **ring-neck goose**. Этот факт подтверждает и словарь Collins English Dictionary (CED), распределяя лексемы **tundra goose** и **ring-neck goose** к американскому варианту английского языка (AmE), а лексеме **common wild goose** к британскому варианту (BrE).

В книге «*The Birds of America*» Дж. Одебон (J. Audubon) пишет: *The tundra geese are fond of returning regularly to the place which they have chosen for resting in, and this they continue to do until they find themselves greatly molested while there* [11. С. 38]. Анализируя данную ситуацию, можно сделать вывод, что исследования, которые описывает автор книги, проводились в центральной материковой части Северной Америки.

Fool hen (DCHP), CE — **Franklin's grouse** (CED), BrE — **spruce grouse** (CED), AmE — канадская дикуша.

Д. Фрэли в журнале *Montana Outdoors* пишет о том, что дикуша, обнаруженная на горе Альберта (Северная Америка, Канада) в 1820 г., была названа **Franklin's grouse** в честь знаменитого английского мореплавателя и исследователя Арктики Джона Франклина.

Но уже в 2001 г. выпускается книга «*100 Birds and How They Got Their Names*», в которой Дайана Уэльс (Diana Wells) пишет, что *settlers in North America were delighted to find grouse, familiar from Europe, where they were called "grows" or "grewes". Until recently Americans commonly called them "fool hens" because, intent on the delights of courtship, they were often slow to recognize the epicurean intentions of humans* [12. Р. 215]. И по сей день обитатель хвойных лесов канадская дикуша не торопится скрываться в ветвях деревьев, неподвижно сидя на одном месте и полагаясь на свой темный незаметный окрас, позволяя тем

самым охотнику приблизиться. А потому лексема **fool hen** все так же популярна среди местного населения.

Siwash duck (DCHP), CE — **oldwife** (CED), BrE — **oldsquaw** (CED), AmE — морянка (нырковая утка).

Согласно заметкам М. Селлэни (Margaret Sellany), морянка получила название **siwash duck** во времена Второй мировой войны, когда морской пехотинец, играя в покер, смог выиграть утку в Новой Зеландии. По мнению пехотинца и его сослуживцев, утка ничем особенным не выделялась, но они все-таки дали ей имя **Siwash**. Впоследствии морянка сопровождала пехотинцев в битве за Тараву (1943), где животному предстояло сразиться с японским петухом. Год спустя в журнале «*L.I.F.E.*» выходит цитата: *For courageous action and wounds received on Tarawa, in the Gilbert Islands, November 1943. With utter disregard for his own personal safety, Siwash, upon reaching the beach, without hesitation engaged the enemy in fierce combat, namely, one rooster of Japanese ancestry, and though wounded on the head by repeated pecks, he soon routed the opposition. He refused medical aid until all wounded members of his section had been care of* [цит. по: 8. С. 178].

М. Оркин (Mark Orkin) в своей книге «*Speaking Canadian English: An Informal Account of the English Language in Canada*» пишет, что в свое время коммивояжеры использовали термин **Siwash** по отношению к индейцам. Само слово было образовано от французского слова *sauvage* — дикий.

Turkey vulture (DCHP), CE — **turkey buzzard** (CED), AmE — гриф-индейка.

Данный вид хищной птицы имеет лысую и слегка красноватую голову, что делает грифа прохожим на индейку, а потому был назван **turkey vulture**.

Канадский антрополог А. Чемберлен (Alexander F. Chamberlain) в книге «*Significations of Certain Algonquian Animal-Names*» делится с читателем результатами довольно продолжительного исследования, в рамках которого встречается наша лексема **turkey vulture**. Он утверждает, что часть лексемы **turkey** имеет этимологическую связь со словом *misisse*, что в переводе с языка племени оджибве означает *big bird* — большая птица. Непосредственно само словосочетание **turkey vulture** на языке племени оджибве звучит *winange*, оно, в свою очередь, произошло от *win* — *dirt, filth* (грязь, отбросы). А на языке индейского

племени меномини, члены которого проживают на территории Северной Америки, **turkey vulture** звучит как *opashkoshi*, то есть “*the plucked (feathers removed) bird,*” in reference to the head of the bird — ошипанная птица, по отношению к голове [14. С. 682].

Таким образом, подводя итоги нашего исследования, необходимо подчеркнуть, что с этимологической точки зрения, англо-канадские канадизмы представляют собой весьма сложную систему, объединяющую пласты различных языков, и находятся в разной степени адаптации в системе канадского варианта английского языка.

Существование и частотное использование канадизмов представляет собой интересное явление для лингвокультурологических исследований. Оно показывает, что, с одной стороны, канадский вариант английского языка стремится к идеальному состоянию системы стандартного языка Соединенного Королевства, с другой — народ активно использует специфическую лексику, характерную только для канадского варианта английского языка. Это говорит о том, что сохраняются и тщательно оберегаются истинно канадские ценности народа, которых нигде в мире больше нет.

Список литературы

1. Ахонина, В. С. Англо-французское двуязычие в современной Канаде / В. С. Ахонина // США — Канада: Экономика, политика, культура. — 2002. — № 11.
2. Аюпова, Л. Л. Языковая ситуация в странах славянского мира: Актуальные проблемы / Л. Л. Аюпова // Рос. гуманитар. журн. — 2013. — Т. 2, № 4. — С. 303—308.
3. Бондарчук, Г. Г. Основные различия между британским и американским английским / Г. Г. Бондарчук, Е. А. Бурая. — М. : Флинта Наука, 2008. — 136 с.
4. Быстрикова, Н. Ф. К вопросу о языке в его территориальной вариантности (на материале английского языка в Канаде) / Н. Ф. Быстрикова, Е. В. Муссауи, К. К. Гарсия-Каселес // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. — 2012. — № 2. — С. 69—76.
5. Быховец, Н. Н. Лексические особенности английского языка Канады / Н. Н. Быховец. — Киев : Наукова Думка, 1988.
6. Виноградов, А. В. Социолингвистическая типология / А. В. Виноградов, А. И. Коваль. — М. : URSS, 2008.
7. Жлуктенко, Ю. А. Канадский вариант английского языка и определение канадизма / Ю. А. Жлуктенко // Исследования по романской и германской философии. — Киев : Изд-во при Киев. ун-те, 1975. — С. 94—98.
8. Исаев, Д. В. Социолингвистическая мотивация в становлении и развитии национального варианта языка (на примере функционирования канадских вариантов английского и французского языков) : дис. канд. ... филол. наук / Д. В. Исаев. — Оренбург, 2015.
9. Касаткина, Т. И. О степени влияния американского английского на английский язык Канады / Т. И. Касаткина // Вопр. лингвистики. — Ярославль, 1973. — С. 59—64.
10. Попова, Л. Г. Лексика английского языка в Канаде / Л. Г. Попова. — М., 1978.
11. Audubon, J. J. The Birds of America from Original Drawings : in 4 vol. / J. J. Audubon. — New York : Kraus Reprint Co., 1969.
12. Black, D. Collins English Dictionary / D. Black. — 6th ed. — Glasgow : HarperCollins, 2011.
13. Boberg, Ch. Standard Canadian English / Ch. Boberg // Standards of English: Codified Varieties around the World / ed. R. Hickey. — Cambridge Univ. Press, 2012. — P. 159—189.
14. Chamberlain, A. F. Significance of Certain Algonquian Animal Names / A. F. Chamberlain // American Anthropologist. — 1901. — Vol. 3, bis 4. — P. 669—683.
15. Dollinger, S. DCHP-2: The Dictionary of Canadianisms on Historical Principles / S. Dollinger ; with the assistance of B. Ford, A. Gaylie, G. Lim. — 2nd ed. — Vancouver, BC : Univ. of British Columbia, 2017.
16. Downie, M. A. Early Voices: Portraits of Canada by Women Writers, 1639—1914 : Kindle Ed. / M. A. Downie. — Toronto : Dundurn, 2010.
17. Pielou, E. C. After the Ice Age. The return of Life to Glaciated North America / E. C. Pielou. — Chicago : Univ. of Chicago Press, 1991.

Сведения об авторах

Бондаренко Елена Валентиновна — доктор филологических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород, Россия. bond-elena@yandex.ru

Шитова Екатерина Александровна — аспирантка кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород, Россия. keterina_viv@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 28—33.*

THE ETHIMOLOGICAL ROOTS OF COMPLETE AND PARTIAL CANADISMS IN THE SYSTEM OF THE CANADIAN ENGLISH

Ye.V. Bondarenko

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia. bond-elena@yandex.ru

Ye.A. Shitova

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia. keterina_viv@mail.ru

This article considers the etymological roots of the Canadian English vocabulary, which was influenced by the British English of the first immigrants from the United Kingdom, as well as the English variant of the nearest neighbors — Americans. It explores the canadisms, which reflect the intercultural, ethnic features of this language variant.

Keywords: *English, Canada, Canadian English, lexical-semantic level, canadism, borrowings.*

References

1. Anokhina V.S. Anglo-frantsuzskoye dvuyazychiye v sovremennoy Kanade [English-French bilingualism in modern Canada]. *SShA — Kanada: Ekonomika, politika, kul'tura* [USA — Canada: Economy, politics, culture], 2002, no. 11. (In Russ.).
2. Ayupova L.L. Yazykovaya situatsiya v stranakh slavyanskogo mira: Aktual'nye problemy [The language situation in the countries of the Slavic world: Actual problems]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Russian humanitarian journal], 2013, vol. 2, no. 4, pp. 303—308. (In Russ.).
3. Bondarchuk G.G. *Osnovnye razlichiya mezhdu britanskim i amerikanskim angliyskim* [The main differences between British and American English]. Moscow, 2008. (In Russ.).
4. Bystrikova N.F., Mussayi Ye.V., Garsiya-Kaseles K.K. K voprosu o yazyke v ego territorial'noy variativnosti [The question about the language in its territorial variety]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics], 2012, no. 2, pp. 69—76. (In Russ.).
5. Bykhovets N.N. *Leksicheskiye osobennosti angliyskogo yazyka Kanady* [Lexical features of Canadian English]. Kiev, 1988. (In Russ.).
6. Vinogradov A.V., Koval' A.I. *Sotsiolingvisticheskaya tipologiya* [Sociolinguistic typology]. Moscow, 2008. (In Russ.).
7. Zhluktenko Yu.A. Kanadskiy variant angliyskogo i opredeleniye canadisma [Canadian English and the definition of canadism]. *Issledovaniya po romanskoy i germanskoy filosofii* [Researches on Romance and German philosophy]. Kiev, 1975. Pp. 94—98. (In Russ.).
8. Isaev D.V. *Sotsiolingvisticheskaya motivatsiya v stanovlenii i razvitii natsional'nogo varianta yazyka (na primere funktsionirovaniya kanadskikh variantov angliyskogo i frantsuzskogo yazykov)* [Sociolinguistic motivation in the national language variant's formation and development (on the example of the Canadian versions of English and French). Thesis]. Orenburg, 2015. (In Russ.).
9. Kasatkina T.I. O stepeni vliyaniya amerikanskogo angliyskogo na angliyskiy yazyk Kanady [About influence of the American English on Canadian English]. *Voprosy lingvistiki* [The linguistics questions]. Yaroslavl, 1973. Pp. 59—64. (In Russ.).

10. Popova L.G. *Leksika angliyskogo yazyka Kanady* [Vocabulary of Canadian English]. Moscow, 1978. (In Russ.).
11. Audubon J.J. *The Birds of America from Original Drawings by John James Audubon*. 4 vos. New York: Kraus Reprint Co., 1969.
12. Black D. *Collins English Dictionary. Sixth Edition*. Glasgow, HarperCollins, 2011.
13. Boberg Ch. Standard Canadian English. Hickey R. (ed.). *Standards of English: Codified Varieties around the World*. 2012. Pp. 159—189.
14. Chamberlain A.F. Significance of Certain Algonquian Animal Names. *American Anthropologist*, 1901, vol. 3, bis 4, pp. 669—683.
15. Dollinger S. *DCHP-2: The Dictionary of Canadianisms on Historical Principles*, Second Edition. With the assistance of B. Ford, A. Gaylie, G. Lim. BC, University of British Columbia, Vancouver, 2017.
16. Downie M.A. *Early Voices: Portraits of Canada by Women Writers, 1639—1914. Kindle Edition*. Toronto, Dundurn, 2010. Pp. 110—115.
17. Pielou E.C. After the Ice Age. *The return of Life to Glaciated North America*. Chicago, The University of Chicago Press, 1991. Pp. 200—236.

УДК 8 11. 512 ББК 81. 2
DOI 10.24411/1994-2796-2018-11005

СИМВОЛИКА ЦВЕТА И ЕЕ РОЛЬ В РОМАНЕ «ИРГИЗ»

М. Р. Валиева

*Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук, Уфа, Россия*

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование и развитие системы
цветообозначений в тюркских языках Урало-Поволжья» (проект № 16-34-01049).*

Статья посвящена анализу цветообозначений и цветовой символики, а также особенностям их репрезентации в романе «Иргиз» известной башкирской писательницы Хадии Лутфулловны Давлетшиной. Автор романа описывает традиционную культурно-бытовую жизнь башкирского народа на природе — на летовке и зимовке богатого землевладельца, хозяина больших стад и табунов старшины Ниязгул бая. В данном произведении представлены многокрасочные картины богатой природы его владений, выраженные этнокультурной лексикой, разнообразными сравнительными оборотами и специфичными способами номинации цветовых оттенков, через которые наиболее красочно представлены описание живой и неживой природы, душевное состояние героев, самобытная утварь и национальный костюм. Особый акцент делается на описании окраски и масти домашних животных. Основная задача статьи заключается в исследовании цветовой символики романа, лексико-семантическом анализе цветообозначений в словесных портретах героев, описании природы по берегам полноводного Иргиза. Автор статьи рассматривает символический аспект цветонаименований как один из наиболее значимых для интерпретации художественного текста и его перевода.

Ключевые слова: роман, цветообозначение, колорит, цветовая символика, масть, описание, идея.

Роман «Иргиз» известной башкирской писательницы Хадии Лутфулловны Давлетшиной написан в 1942—1952 гг., опубликован в 1957 г. и переведен на русский язык В. Василевским в 1979 г. Рассказываются исторические события, повлиявшие на судьбу башкирского народа, продолжавшего вести полукочевой феодально-патриархальный образ жизни, в переломную эпоху — 1902—1922 гг. В романе представлена особенность быта башкир того времени, которые старались освоиться в мире буржуазной России. Читатель видит также многогранные, красочные будни народа в борьбе за свое право как вотчинника, за сохранение традиций и обычаев, что переплетается с революционными событиями.

Сюжет произведения начинается с песни пастуха, который сгоняет бесчисленное стадо от верблюдов до овец на летнее пастбище. Общеизвестно, что испокон веков в евразийских степях разводятся так называемые «пять видов скота»: лошадь, крупный рогатый скот, овца, коза, верблюд. Подобное многочисленное стадо определяет знатность хозяина, и все они в различных мастях присутствуют в произведении. У башкир наиболее важным животным считается конь.

Описывая стадо, автор представил традиционные масти башкирских лошадей, которые зафиксированы в устном народном творчестве — мифических эпосах, пословицах, поговорках, загадках, сказках, исторических легендах и песнях: *кара юрга* (вороной иноходец), *күк юрга* (сивый иноходец), *тура ат* (гнедая лошадь), *кола байтал* (саврасая (буланая) кобыла), *кола ат* (савраска или буланка), *күк бейә* (сивая кобыла), *күк ат* (сивка), *кара күк айгыр* (темно-сивый жеребец), *ала ат* (пегая лошадь), *коба* (палевая, палево-сероватая, светло-буланая), *коба туры* (каурая), *саптар* (игреневая), *күк саптар* (сиво-игреневая), *бурыл* (чалая) и др.

Самая распространенная масть *кола* в значении (буланая, саврасая, халюная, соловая) представляет из себя светло-желтую или светло-рыжую окраску корпуса и головы лошади при черном хвосте и гриве. У соловых хвост и грива бывают светлыми. В толковом словаре В. И. Даля отмечено, что буланая и саврасая масти свойственны дикой лошади, кулану или тарпану [4]. У них имеется темная полоса по хребту, и этот отличительный знак определяет их происхождение из тарпанов. Для некоторых лоша-

дей башкирских табунов характерны так называемые «крылья» — размытая темная поперечная полоса на плечах, четкая темная окантовка ушей и «иней» — белесые пряди в гриве и хвосте, преимущественно по краям [2].

В романе в значительном количестве представлены лошади в буланой масти *кола*. Например, персонажи *Котлояр*, *Алтынбай*, *Асатай* являются хозяевами буланых лошадей, а также *Ниязгул бай* разводит целый табун, состоящий из буланых. Надо отметить, если лошадь является единственной в хозяйстве, то автор называет просто ее масть: *Бар*, *Айбулат*, *минең колань эсереп кил* (Иди, Айбулат, напои мою буланую). Когда речь идет о лошадях из табуна Ниязгул бая, то автор конкретизирует род и возраст буланых. См. пример: *Рәхимә: һөйөнсөһөнә байтал, улым, кола байтал*. Х. Давлетшина. (Рахима: За радостную весть, сынок, подарю не жеребившуюся буланую кобылу!).

К диким мастям также относят мышастую: *һорка*, *һорат*, *һоро*. Специалисты говорят, что мышастая масть коней встречается у аборигенных пород лошадей и имеет «дикий ген» тарпанов. Отличительная черта этой масти — волосяной покров пепельного, светло-серого и серебристо-серого цвета. На ногах, гриве и хвосте у представителей данного вида шерсть более темного, черного отлива. Самой особенной чертой является темная голова по сравнению с остальным туловищем, цвет темной головы продолжается вдоль всего хребта, что называют ремнем, а башкиры определили синтагмой *сыскан һырт*, досл. «мышастый хребет».

Самой излюбленной мастью кочевников, в том числе у башкир, считается *коба* (палевый, палевый), а также промежуточный — *коба туры* (каурый) и *туры* (гнедой), которые появились в результате случки домашних и диких лошадей. Знатоки подчеркивают, что данные масти также являются диким окрасом наряду с саврасым, буланным и мышастым. У них корпус полностью светло-каштановый, красновато-рыжий во всех оттенках, голова и спинка практически всегда бывают темными, грива, хвост — черного цвета.

Гнедые *туры аттар* (по своей природе **неспокойные лошади-скакуны**) в романе упоминаются более десяти раз, и представлены следующие окраски: *кара туры* (темно-гнедая) и *ак бәкәл туры* (гнедая с белыми бабками) и т. п. Например: *Тугарылмаган кара туры аттар Ниязгол капкаһы төбөндә күпректәре сығып*

ушқырып, сапсынып торалар. Х. Давлетшина. (У ворот ниязгуловского обширного дома стояла тройка загнанных, лоснящихся потом темно-гнедых). Или: *Мурзин үзенең басқан ерендә бейеп торған, бөзрә яллы, йондоз кашка ак бәкәл туры атының билендәге кашлы эйәрәң еңел һикереп атланды*. Х. Давлетшина. (Мурзин с легкостью и быстротой сел верхом на седло своего степного безудержного бегунка — гнедой жеребец горячих кровей с кудрявыми гривами, звездчатой проточиной на лбу и с белыми бабками) и т. п.

Вороная лошадь *кара ат* высоко ценилась среди башкир. У вороных обычно насыщенный черный цвет шерсти блестит синеватым вперемежку со смолянистым отливом. Такая лошадь считалась резво гарцующей и быстроногим скакуном, а также показателем знатности и состоятельности хозяина. В романе вороные лошади появляются тогда, когда решили умыкнуть Гюльюзюм. Второй раз Асатай выполнил важное боевое задание за ночь и прискакал к рассвету на взмыленном вороном жеребце.

Автором особое внимание уделено пегой масти, так как *ала* (пегий, пестрый), *ала-кола* (саврасо-пегий), *кола* (саврасый), *коба* (палевый) скот имел сакрализованное значение для башкир. В башкирских эпосах лошадь и домашний скот — это дар подводного царства, и вышедшее со дна озера Шульган стадо было пегой масти. Также Ф. Г. Хисамитдинова в «Мифологическом словаре башкирского языка» сообщает, что сочетание светлых и темных пятен символизирует пограничное состояние и животные пегой масти могут контактировать как с нижним, так и верхним миром [8]. Так, в романе Х. Давлетшиной традиционный башкирский домашний скот представлен пестрым, пятнистым, пегим. См. следующие цветовые интонационно-синтаксические единицы, то есть *синтагмы* из романа: *кыйыш мөгөз өлкән ала һыйыр уһал* (большая пятнистая криворогая корова непокорлива); *Ана, ала бызауым һиңә булһын* (Вот, пятнистый теленок пусть тебе будет) и т. п.

Главный герой Айбулат, сгоняя бесчисленные стада Ниязгул бая, часто поет народную песню: *Әйзәп кенә барған йылкымдың / Алалары бар за бузы юк* (в табуне одни пегие да пятнистые и нет лошадей сивой масти). Действительно, Х. Давлетшина не обращается к *божественному небесному* окрасу — сакральному для башкир *буз* (бузой, сивой) в описании табуна лошадей. Кроме этого, строчки из башкирской народной

песни несут затекстовый смысл романа и наименования мастей являются ключевыми словами произведения, так как в них заложена основная идея автора. Если пегие, пятнистые, саврасые и палевые масти являются пограничными, относящимися к двум мирам, означая зависимость в определенных условиях, то сивая масть *буз* символизирует свободу и независимость. Во всех башкирских словарях зафиксировано второе значение лексемы *буз* как *пустынный, независимый, свободный, вольготный, пущенный на волю скот* [5].

Таким образом, отсутствие масти *буз* в целом большом табуне символизирует зависимость башкирского народа, отсутствие вольготной, привольной жизни в те переломные предреволюционные, революционные года и годы Гражданской войны. Стадо, состоящее из пятнистых, пегих мастей, также имеет концептуальную знаковость в романе, предвещая беспокойные, бурлящие и переменные события. Следует обратить внимание и на то, что слово *алабарманлык* (неосмотрительность, неосторожность, опрометчивость) восходит к корню *ала* (пятнистый). Беспокойное время, повествуемое в романе, требовало от народа осмотрительных действий и правильного выбора, ибо эпохальные перемены поглотили бы башкирский народ. Также в контексте масть *ала* означает неединогласное одобрение смены режима в обществе, то есть Великую Октябрьскую социалистическую революцию и неуверенный выбор индивида, так как в башкирском обществе революция и свержение царя воспринимались по-разному. В целом лексемы, обозначающие масти лошадей, употребляются как в прямом, так и в переносном, символическом значении и выступают в функции раскрытия идеи-замысла произведения. И в таком случае «цветовые» прилагательные выступают в функции оценочных слов, теряя свою цветовую определенность, и они заранее символизируют предстоящие события в тексте.

В переводе текста с башкирского на русский В. Василевским отразилось незнание башкирской цветовой символики и неинформированность о башкирских мифах, связанных с происхождением и приучением диких лошадей. Известно, что цветовая символика тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. Возможно, поэтому он пегих лошадей перевел как старых, а сивых — как молодых:

В веселом табуне моем, — почему, скажи, — Так много старых, нету молодых коней и т. д. Однако неосведомленность переводчика о цветовой символике башкир не искажает основной смысл произведения.

Примечательна и масть верблюдов, составляющих небольшой косяк. По содержанию произведения можем отметить, что *состоятельные скотоводы* того времени разводили верблюдов как экзотическое животное, из любопытства к ним и ради их шерсти. В общем, они особого хозяйственного значения в быту башкир не имели. Возможно, поэтому автор описывает их масть в нескольких случаях, когда показывает их непокорный нрав: *күк дөйә бизгәләк* (не прирученный сивый верблюд) — и представляет хозяйственное значение в использовании их шерсти в суровую степную зиму — *һарғылт дөйә йөнө иләү* (прясть желтоватую шерсть верблюда), *дөйә йөнөнән бәйләнгән кызғылт һары шәл* (рыжая шаль из верблюжьей шерсти) и т. п.

Мелкий рогатый скот — овцы — у состоятельных башкир были бесчисленными. Традиционно башкиры называли овец не по окраске их шерсти, а в соответствии со временем их появления на свет: *һараяк* или *кәзләүес* (овца, родившаяся осенью), *күгаяк* или *йәйләүес* (овца, родившаяся летом). Однако в данном произведении автор особо не выделяет масть овец, так как они предназначались на убой и их шерсть уходила на изготовление сукна, войлока. В романе «Иргиз» стадо овец описывается подобно огромному черному облаку, текущему по земле: *Ерҙән тағарған оло кара болот һымак ер ябып, бер нисә мең баш куй көтәүе шыуы.* Х. Давлетшина.

В романе употребляется большое количество апеллятивной лексики, обозначающей масть и окраску животных, по которым башкиры определяли их возраст, род, характер. В целом цветоназвания и масти животных многозначны и символичны, они иносказательно преподносят сакральную коннотацию. В основном цветовые лексемы в романе «Иргиз» кроме сакральной и символической функции выполняют изобразительную, которая, в свою очередь, распадается на следующие три функции: **описательную, смысловую, эмоциональную**. Самое большое количество цветowych эпитетов в тексте Х. Давлетшиной относится к описательным: описание пейзажа, то есть воссоздание места происходящих событий; описание портрета героя или персонажей; описание интерьера, то есть словес-

ное представление традиционной утвари и жилья башкир.

Х. Давлетшина, создавая прекрасные панорамы и лесостепные ландшафты, часто прибегает к краскам, стремясь передать красоту природы и описывая восхитительные зрелища вдоль берегов реки Иргиз. Ее умение владеть красками проявляется в сотворении словесного пейзажа, то есть образа дикой природы, в передаче состояния атмосферы, воздушной и световой среды, а также их изменчивости. Например: *Ыргызың өстөндө иләнмәгән ак ебәк ептәр кеүек булып күтәрелгән акһыл күк томан, матур-матур бөгөлөшлө суклы һызаттар яһап, байыған қояштың күктә калдырган алһыу юлактарына ынтылды*. Х. Давлетшина. (Над Иргиз повис густой синевато-белый туман, похожий на покрывало из сотканых причудливым узором белых шелковых нитей, который с красивыми кружевами тянулся ввысь, на небосвод, на оставленные розовые затёчины заката солнца). Таким образом, автор произведения представляет читателю пространство и природу в динамике, описывая прекрасные природные пейзажи, используя цветочные прилагательные.

Цветовое описание того или иного героя демонстрирует его полный и реальный портрет, определяя статус, социальное положение в обществе, заранее предвещая его положительные и отрицательные качества в характере. Так, в романе самый богатый землевладелец Ниязбай в повседневной жизни был одет в черный бархатный казакин с серебряными застежками в виде рыбок, на голове — черная тюбетейка, а на ногах — мягкие кожаные чарыки, начищенные до лоска. См. отрывок: <...> *кара бәрхәт кәзәкейенең балык һүрәтле көмөш каптырмалары ялтырап, йомшаҡ ситектәрҙең куңыстары аз ғына һырланып, кара такыя астынан һызылған кара каштары кирелеп, эрелек менән янған тыныс күзҙәр йылмайып, Ниязғолға ныҡ ышаныс бирә*. Х. Давлетшина. Здесь знатность, величие героя и его уверенность в своих силах подчеркивает изысканное одеяние — черный бархатный казакин, посверкивающие серебряные застежки в виде рыбок, кожаные чарыки и черная тюбетейка. Состояние его внутреннего мира — самоуверенность и гордость за свое «царское положение» среди односельчан — и властолюбие отражаются в гордо сверкающих глазах и черных бровях. В праздничные дни и во время пятничного намаза его одеяние было в основном из зеленого бархата. Возможно,

в этих случаях зеленый цвет выражал его божественную мудрость, спокойствие и осмотрительность в принятых деловых решениях, так как среди односельчан он был авторитетным и уважаемым старшиной. В его натуре было умение вести большое хозяйство, организовать товарообмен на рынке, заключать торговые сделки и стратегическое планирование. В романе часто сверстники Ниязгул бая вспоминают, что когда-то он был таким же мальчуганом, как они, — сено косил, землю пахал. Однако он для них стал объектом обсуждения из-за больших земельных угодий и своего безмерного богатства. Х. Давлетшина не раз приводит положительные черты характера Ниязгул бая, когда невозможно уладить спорное дело односельчан без его авторитетного участия, без его накопленного денежного богатства и недвижимого имущества.

В описании портрета того или иного героя автор использует цветочные прилагательные, глаголы-цветообозначения, представляя в красках черты лица, особенности одежды, внутреннее состояние, даже моральные ценности, придающие каждому персонажу индивидуальность, различая их общественный статус и характер. Таким образом, язык цвета в одежде играет одну из самых ключевых ролей в создании словесного портрета героя в романе «Иргиз». Например, средняя жена Ниязгул бая Газима характеризуется следующим образом: *[Мәғфүрә] Ғәзимәнең, повозканың төшөү менән, кызыл сатин күлдәк, йәшел ебәк яулык, батышай еләндәре менән күлбеп, һүзҙә кушмай текәңләп киткәнәнә арттан ипләп кенә күз һалды*. Х. Давлетшина. (Магфура осторожно наблюдала вслед за Газимой, которая была одета в зеленый шелковый платок, в нарядный пышный елян поверх красного сатинового платья, и прошла мимо нее, не промолвив ни слова).

Также и молодая жена Ниязгула Минлекей носила красное одеяние: *Ябынған ясы укалы кызыл атлас еләнде үзенә каршы килгән Мәғфүрәгә тотторзо ла [Миңлекәй], калпак өстөнән шыуып төшөп барған ак ебәк яулыкты төзәткеләп, Мәғфүрәнең һаулашыуына йылмайып, сүтелдәп яуап бирҙе*. Х. Давлетшина. В отличие от средней жены молодая носит богатый красный атласный елян с широкими позументами и белый шелковый платок. Следует отметить, что красное одеяние (платье, елян и др.) на женах старшины означает их силу и зрелость. По установленным обычаям красный цвет указывал

не только на зрелый замужний возраст башкирки, но и на ее высокое социальное положение, а также ярко-красный цвет выполнял функцию оберега от дурного глаза, защищал от заговоров и злых сил.

Традиционная башкирская одежда многоцветна с преобладанием различного тона теплых цветов: красного, зеленого, желтого. Реже применяются синий, голубой, лиловый цвета. В создании одежды башкиры использовали природные ткани, такие как шерсть, кожа, сукно, холст, лен, и привозные шелковые, сатиновые, бархатные и другие ткани. Их белые, серые, черные и вишневые цвета составляли основной фон, указывая на этноколорит башкирской одежды. В романе Х. Давлетшиной натуральные тона тканей и ярко-насыщенные красные, вишневые, зеленые, черные, белые цвета придавали особую роскошь и благородство героям. Надо отметить, что цветовой символикой одеяния наделены все герои романа. В красочном одеянии состоятельных женщин, девушек, а также мужчин и джигитов можно увидеть национальный колорит и дух того времени. Обратите внимание на одеяния следующих героев:

1) *Кара тиргә баткан күк саптарзың өстөнән күбектәр оса. Кырпыулы бүрек кейгән, ситенә кызыл соға тоткан кара буштау кәзәкейле, билен кызыл ебәк билбау менән быуган, йәшел ебәк тоткан күк салбарлы, бейек кара итекле егет әйәрзән һикереп төштө.* Х. Давлетшина. (Сивый с подпалинами жеребец прискакал весь в черном поту и разбрасывал пену. С седла лихо спрыгнул егет в казакине черного сукна, с красной оторочкой, поясница перехвачена красным шелковым кушаком, синие шаровары с зеленой полоской, в высоких черных сапогах, малахай с меховым околышем сбит на затылок).

2) *Фари́за, Ра́химәне иҗтибар менән тыңлагас, баяғы дүрт тоткалы оло һандыктан йәшел атлас күлдәк, кызыл бәрхәттән теишле ука басып теккән елән, көс еткеһез кашмау, йәшел семәрле ситек менән галоштар кейеп сыктыла Мәғфүрәләр янына килеп һалма кыркышырға тотондо.* Х. Давлетшина. (Фари́за подчинилась Рахиму, достала из большого сундука зеленое атласное платье, камзол из красного бархата, отороченный золотым позументом, голову прикрывала тяжелым кашмау, украшенным кораллами и серебром. Натянула на точеные ножки зеленые сафьяновые ичиги с калошами и пошла на помощь Мағфуре — резать салму).

3) *Ул аккоба алһыу битле, әз генә капысырак йәшкелт һоро күззәр өстөнән һызылған куңыр кашлы, киңсә танаулы, һәр ваҡыт йылмайып көлөргә әзер торған калынса кызыл иренле, кыйыу шаян Зәлифә — Солтан карттың ауылға озаткан кызы тегенсе Тутыяның яңғыз иркә кызы Таллының купшыларынан ине.* Х. Давлетшина. (...Залифә, в красном сатиновом платье с множеством шуршащих оборок, в зеленом казакине, простроченном по бортам двумя полосами мишуры, с мелкими серебряными монетами на нагруднике, с кольцами на пальчиках, с браслетами на запястьях, в черных, на подковках, сапожках, до блеска натертых салом, нестерпимо скрипящих на каждом шагу, белолицая, с розовыми тугими щечками, сероглазая, была первой щеголихой среди всего женского сословья аула Таллах) и т. п.

В целом богатые яркие цвета указывают на социальный статус, достоинство, благородное происхождение, зажиточность хозяина, тем самым в тексте одновременно выполняют **смысловую (концептуальную) функцию**.

При описании бедного слоя населения автор часто использует тусклые, блеклые, бесцветные или выгоревшие на солнце цвета тканей как свидетельство их поношенности и несостоятельности. Цветовые эпитеты привлекаются писателем, чтобы описание стало зримым, выпуклым и впечатлило читателя реальностью происходящих событий. Богатые красочные башкирские национальные костюмы представлены во всей неопикуемой красе в контрасте с поношенной и выгоревшей на солнце одеждой прислуг и бедняков, отражая неравенство социальных слоев того времени. Также данную цветовую палитру дополняет цвет лица героя. В романе автор чаще обращается к цвету загара на лице героя и белизне зубов как признаку здорового и крепко сложенного телом героя. Например, главный герой Айбулат выглядит следующим образом: *Уның тигез кыр танауы, кайһы сакта уйнак, ә кайһы сакта уйсан үткер кара күззәре, көлгәндә кыйылып һикерә торған бәзык кара каштары, қояшка янған битен сағылдырып ебәрә торған тигез ак теишәрәнә абайлап караған кеше генә әле уның яңы ир корона тулған йәш кеше икәннен күрә* (Его ровный прямой нос, порой игривые, порой зоркие черные глаза, черные брови дугообразной формы, ровные, ослепительно белые зубы при улыбке и загорелое на солнце лицо представляют его возраст только достигшим

мужской зрелости, кто внимательно осмотрел его лик).

Эмоциональная функция цветолексем романа вызывает у читателей разные чувства, предвещает смену событий. Страх, стыд передаются красным цветом: *Сәғизәнең ак һары йөзө илаузан кызарғайны* (Белесое лицо Сагиды покраснело от рыдания). А тоска, разлука, горе героев окрашены в черный и желтый цвета. Белый в данном произведении вызывает радостные ассоциации и показывает счастливые дни, жизнь в достатке: *Өс бисәһенә өс ак тирмә, калған семьяһына тағы бер нисә тирмә короп ебәрә* (Он поставит трем женам три белые юрты, а остальным еще несколько) или *Хаят... ак тирмәләр араһында иркәләнеп йүгерә* (Хаят посреди белых шатров бегает счастливой неженкой). Также автор описывает очень много традиционной башкирской белой утвари в хозяйстве бая: *ике зур ак тышлы мөндәр* (две большие подушки в белых наволочках), *кызыл бизәкле ак кейез* (белая кошма красными узорами), *өлкән ак самауыр* (большой белый самовар) и т. п. Часто белый цвет сочетается с зеленой утварью, представляя изысканный вкус, богатство и величие интерьера бая: *бейек йәшел капкалар* (высокие зеленые ворота), *йәшел сатин юргандар* (зеленые сатиновые одеяла), *йәшелле-күкле сатин юргандар* (зеленовато-голубые сатиновые одеяла), *йәшел ебәк таһма* (шелковая зеленая тесьма) и т. п. Таким образом, традиционные, гармоничные, порой и тривиальные сочетания теплых цветов усиливают эмоциональную функцию колоронимов романа «Иргиз».

Многие цветолексе́мы, передающие эмоциональные переживания героев, выражены глаголами и именами существительными. Например: *Ныязголдоң бите кызара бүртте* (Лицо Ниязгула опухло докрасна); *Алһыу йөзө бер кызарзы, бер агарзы* (Розовое лицо то белело, то покраснело) и т. п. Также цвет в описании пейзажа представляет изменчивость природы и динамику суточных и сезонных изменений: *Хәзер кояш байығас та, тау биттәрен йәй көнөндәге кеүек үтә күренә торған зәңгәрлек түгел, ә акһыл еүеш томан баһа ла эңерҙе һоро яһай* (Сейчас, после заката солнца, склоны горы не покрыты таинственной голубизной, как летом, а становятся беловатыми от влажного тумана и на вечерних сумерках сереют) и т. п. Подобное описание многокрасочной природы в динамике заставляет читателя задуматься и философствовать над острыми проблемами романа, которые не-

когда происходили в реальности — в судьбе народа. Небесные и серые тона окружающего мира обычно вызывают у читателя ощущение тоски, безысходности.

Надо отметить, что традиционное мировидение башкир основывается на цветовидении. Они не только окружающий мир, но и смену сезонов, изменения погоды обозначали через колоронимы. Подобные наименования сезонов широко употребляются в романе, показывая специфику башкирской номинации, выражающей погодные условия: *ала кар* (синон. *алаяк*) (время таяния снежного покрова, *досл.* пестрый снег), *кара юл* (синон. *караяк*) (время после таяния снегового покрова, *досл.* черная дорога), *күгүлән* (синон. *күгаяк*) (время появления молодой травы; время вступления скота на первую зеленую траву, *досл.* зеленая (голубая) трава), *һарүлән* (синон. *һараяк*) начало осени; время появления пожелтевших трав, *досл.* желтая трава). Х. Давлетшина умело использовала времена года, выраженные колоронимами в романе, и передавала полное образное описание времен года без особого многословия. См. отрывки из романа: 1) *Ул, кар һыуына йөрөү ваҡыты ала карҙа ғына булғанын белеп, был кызык хәлдән кысқырып көлөп ебәрҙе* (Он, зная время появления талой воды в сезон пестрого снега, засмеялся от этого интересного случая); 2) *Үлән сыкмағайны әле, урыны-урыны менән карҙа бар ине — ала кар ваҡыты ине* (Травы не появились еще, местами лежал снег — еще продолжался сезон пестрого снега); 3) *Шулай итеп, Айбулат, иртә яҙ башының ала карында шыя ярып килгән оло юл буйлап, көзгө кыраҡ карзың йока ғына йомшак көртөн ярып, өйөнә йүнәлде* (Таким образом, Айбулат, добравшийся, пробивая шугу в сезон пестрого снега ранней весны по большой дороге, пошел обратно домой, пробивая легкий осенний снежный слой).

В романе хождение Айбулата по снежной дороге в сезон *ала кар* (пестрого снега) происходит не раз и символизирует его сомнение в выборе жизненной позиции и передает чувство тревоги, опасения перед предстоящими переменами, а номинация сезонов посредством колоронимов в башкирском языке учитывает цветовой облик природы и ее видоизменение по временам года.

В заключение отметим, что знаменитый роман Х. Л. Давлетшиной «Иргиз» на языке оригинала содержит большое количество названий цветов и мастей с коннотативными значениями, которые помогают раскрыть идею произведения

и национальный колорит быта башкир. Разные цвета, их сочетания в произведении воздействуют на чувства читателя, способствуют формированию определенного настроения и восприятия читаемого. Однако в русском варианте произ-

ведения переводчиком упущены этнозначимые цветовые эпитеты в описании героя, пейзажа, интерьера и их сакральные, этнокультурные значения, способствующие раскрытию идеи романа.

Список литературы

1. Валиева, М. Р. Цветоведение и глаголообразующие наименования цветов в башкирских народных песнях / М. Р. Валиева // Филология и Человек. — 2017. — № 3. — С. 191—198.
2. Волкова, Е. О чем расскажет масть коня? [Электронный ресурс] / Е. Волкова. — URL: <http://www.goldmustang.ru/magazine/konevodstvo/583.html>.
3. Давлетшина, Х. Л. Иргиз. Перевод с башкирского В. Василевского / Х. Л. Давлетшина. — М. : Современник, 1979.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1: А—З [Электронный ресурс] / В. И. Даль. — М. : Рус. яз., 1978. — URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-2246.htm>.
5. Машинный фонд башкирского языка [Электронный ресурс]. — URL: <http://mfbl2.ru>.
6. Муратова, Р. Т. Значения цветообозначения «красный» в тюркских языках Урало-Поволжья / Р. Т. Муратова // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие : материалы II Междунар. науч. конф., ФГБУН Калмыц. 46-й ин-т гуманитар. исслед. Рос. акад. наук. — Элиста, 2016. — С. 209—210.
7. Сулейманова, Р. Н. Герои романа «Иргиз» и их прототипы / Р. Н. Сулейманова // Бельс. просторы. — 2006. — № 11. — С. 148—151.
8. Урусов, С. П. Книга о лошади : в 2 т. Т. 1 / С. П. Урусов. — СПб., 1911.
9. Хисамитдинова, Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка / Ф. Г. Хисамитдинова. — М., 2010.
10. Ягафарова, Г. Н. Номинация по цвету в коневодческой лексике башкирского языка / Г. Н. Ягафарова // Вестн. Череповец. гос. ун-та. — 2011. — Т. 1, № 28. — С. 71—74.

Сведения об авторе

Валиева Мадина Раилевна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Уфа, Россия. valieva_1979@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 34—41.*

COLOUR SYMBOLS AND ITS ROLE IN THE NOVEL “IRGIZ”

M.R. Valieva

Ufa Federal Research Centre Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia. valieva_1979@list.ru

This article analyses the colour terms and colour symbolism, as well as the peculiarities of their representation in the novel *Irgiz* by famous Bashkir writer Khadiya L. Davletshina. The author of the novel describes traditional cultural and community life of the Bashkir people in the country on the summer pasture and in winter. Wealthy landowner, the owner of large flocks and herds of cattle *Niyazgul bay*. In this work the author presented multi-coloured pictures of rich nature of his possessions. The ethno-cultural vocabulary is expressed well; the writer uses various comparative turns of speech and specific ways of nomination concerning colour shades, through which she graphically describes most organic and inorganic nature, emotional state of the characters, the author speaks about various utensils and the national costume. Particular emphasis is placed on the description of the colour and suit of domestic animals. The main purpose of the article is the colour symbolism of the novel under study, we aim to determine the role of colour terms in verbal portraits of the characters and the description of the nature on the banks of the water-rich *Irgiz* river. The author of this arti-

cle considers the symbolic aspect of colour naming as one of the most significant lexemes for interpreting an artistic text and its translation.

Keywords: *novel, colour designation, coloronym, colour symbolism, suit, description, idea.*

References

1. Valieva M.R. Tsvetovedeniye i glagolobrazuyushchiye naimenovaniya tsvetov v bashkirskikh narodnykh pesnyakh [Colour science and verb formative colours in Bashkir folk songs]. *Filologiya i Chelovek* [Philology and Man], 2017, no. 3, pp. 191—198. (In Russ.).
2. Volkova Ye. *O chem rasskazhet mast' konya?* [What will tell the color of the horse?]. Available at: <http://www.goldmustang.ru/magazine/konevodstvo/583.html> (In Russ.).
3. Davletshina H.L. *Irgiz* [The river Irgiz]. Moscow, 1979. (In Russ.).
4. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka v 4 t. T. I: A—Z* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language in 4 vol. Vol. I. A—Z]. Moscow, 1978. Available at: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-2246.htm> (In Russ.).
5. *Mashinnyy fond bashkirskogo yazyka* [The machine fund of the Bashkir language]. Available at: <http://mfbl2.ru> (In Russ.).
6. Muratova R.T. Znacheniya tsvetooboznacheniya “krasnyy” v tyurkskikh yazykakh Uralo-Povolzh'ya [The values of the color redness in the Turkic languages of the Ural-Volga region]. *Gumanitarnaya nauka Yuga Rossii: mezhdunarodnoye i regional'noye vzaimodeystviye: materialy II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. FGBUN Kalmytskiy 46-y institut gumanitarnykh issledovaniy Rossiyskoy akademii nauk* [Humanitarian Science in the South of Russia: International and Regional Cooperation: Proceedings of the II International Scientific Conference. FGBUN Kalmytsky 46 Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences]. Elista, 2016. Pp. 209—210. (In Russ.).
7. Suleymanova R.N. Geroi romana “Irgiz” i ikh prototipy [Heroes of the novel “Irgiz” and their prototypes]. *Bel'skiye prostory* [The Belsky Vastnesses], 2006, no. 11, pp. 148—151. (In Russ.).
8. Urusov S.P. *Kniga o loshadi v 2 t. T. I* [The book is about a horse in 2 vol. Vol. 1]. St. Petersburg, 1911. (In Russ.).
9. Hisamitdinova F.G. *Mifologicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka* [Mythological Dictionary of the Bashkir Language]. Moscow, 2010. (In Russ.).
10. Yagafarova G.N. Nominatsiya po tsvetu v konevodcheskoy leksike bashkirskogo yazyka [Nomination by color in the Bashkir language]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2011, no. 28, pp. 71—74. (In Russ.).

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5
DOI 10.24411/1994-2796-2018-11006

ПОНЯТИЯ АКТУАЛЬНОСТИ, ЗНАЧИМОСТИ, НОВИЗНЫ В РАМОЧНЫХ КЛИШЕ РУССКОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА

Н. А. Ведякова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена проблеме многозначности понятий, которые используются в русских научных текстах для оценки проведенного исследования. Производится попытка конкретизировать понятия актуальности, значимости, новизны как основных характеристик научной работы. Автор продолжает фокусировать внимание на особенностях композиционной структуры вторичных текстов (авторефератов диссертаций), наличии в них стандартных композиционных блоков, специфике их речевого оформления и реализации категорий связности и плотности с точки зрения культуры научной речи. Ставится вопрос о целесообразности использования некоторых традиционных клише для оформления научного текста с жесткой жанровой нормой.

Ключевые слова: *клише, жанр, научный стиль, стандартизация, композиция научного текста, культура научной речи.*

Написание и защита научной квалификационной работы — от курсовой работы до докторской диссертации — неизбежно сопровождаются процессом ее оценивания как со стороны научного сообщества, так и со стороны самого исследователя. Этот процесс в русском научном дискурсе достаточно стандартизован, его обеспечивают стереотипные речевые модели для выражения основных характеристик научного исследования, к которым традиционно относят актуальность, научную новизну, теоретическую и практическую значимость.

Словосочетания со словами «актуальность», «новизна», «значимость» выступают в качестве заголовков обязательных рубрик вводной части научной работы или становятся основой клише, оформляющих эти рубрики и выполняющих, таким образом, рамочную функцию. В одном тексте могут встретиться и заголовки, и клише, например: «Теоретическое значение. Диссертация вносит вклад в изучение функционирования языковых единиц... Теоретическая ценность работы заключается также в использовании... методик для анализа...» [1. С. 5]. Как показывает пример, существует также вариативность в наименовании рубрик за счет использования синонимов *значимость, значение, ценность* и др.

Такая вариативность в номинации свойственна научным текстам разных жанров, в том числе авторефератам диссертаций, в процессе стандартизации которых участвует регламентирующая, или регулятивная, литература, дающая реко-

мендации по их написанию и оформлению [6; 7; 10; 14], а также предписывающая определенные требования к ним, такие как требования Высшей аттестационной комиссии, изложенные в Положении о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук [12].

Относительную устойчивость композиция этих жанров приобрела также в результате коллективного творчества, многолетнего опыта научного сообщества, своеобразной шлифовки структуры вторичного текста, помогающей с помощью рамочных клише в привычной для подготовленного читателя форме описать результаты научного исследования.

Тем не менее, несмотря на наличие определенной степени жесткости жанровых норм научных квалификационных работ (анализ их композиционно-смысловой структуры позволяет выделить композиционный инвариант), сами научные тексты представляют собой явление синкретичного плана, так как объединяют жесткие и нежесткие элементы композиционной упорядоченности текста и обнаруживают многочисленные отступления от инвариантной модели [5. С. 155].

Как показывает многолетний опыт наблюдения за развитием жанра автореферата диссертаций по гуманитарным дисциплинам, в составе его композиционных элементов могут быть объединены в одну рубрику научная новизна и теоретическая значимость, теоретическая значимость и практическая значимость, научная новизна

и положения на защиту; может отсутствовать обоснование практической или теоретической значимости; может, наоборот, рубрика, посвященная степени разработанности проблемы, фигурировать как самостоятельная, а не включенная в описание актуальности исследования.

Названия рубрик, представленные в виде заголовков или рамочных клише, соответственно, тоже варьируются: «Степень разработанности проблемы» / «История изучения вопроса»; «Теоретическая значимость исследования» / «Теоретическое значение работы» / «Теоретическая ценность диссертационного исследования» и т. п.

Содержательное наполнение стандартных рубрик также не отличается единообразием. Некоторые авторы склонны видеть сходство характеристик научной работы, и тогда теоретическую значимость работы обосновывают ее новизной, а в соотносимых разделах используют перефразирование, уточнение, пояснение, сокращая или распространяя высказывание:

Научная новизна работы заключается в следующем:

- *исследованы малоизученные с позиций терминоведения способы репрезентации категорий пространства и времени в метаязыке науки;*
- *впервые установлены различия в категоризации пространства и времени, релевантные для гуманитарных и технических наук;*
- *впервые в рамках когнитивного подхода сопоставлены способы объективации пространственно-временных характеристик объектов, явлений, свойств и отношений в литературоведческой и строительной терминологии.*

Теоретическая значимость исследования обусловлена следующими факторами:

- *установлено общее и различное в возможных способах описания временных и пространственных отношений в языке;*
- *показаны отличия способов репрезентации категорий времени и пространства в терминологии от способов объективации данных категорий в общелитературном языке;*
- *определены доминирующие способы репрезентации категорий пространства и времени для терминов технических наук и для терминов гуманитарных наук [15. С. 6—7].*

В то же время во многих работах наблюдается четкое разграничение рассматриваемых рубрик, а именно определение нового знания и формулировка теоретической значимости полученного нового знания:

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые с применением метода поаспектного анализа... описано семантическое устройство и функционирование конструкций типа У нас / нам есть о чем подумать...

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно позволяет на основе поаспектного анализа определить особенности семантики и функционирования локативно-посесивных предложений с местоименно-инфинитивным оборотом... что вносит определенный вклад в типологию единиц семантико-функционального синтаксиса русского языка <...> [16. С. 4—5].

Развитие информационных технологий способствовало изменению условий функционирования научных текстов. Размещение научных работ в Интернете не только облегчило их поиск, но и дало возможность их использования в качестве основы, формы, образца. Таким образом, сегодня автор квалификационной работы определенного жанра выбирает из огромного количества доступных ему ресурсов, которые отличаются вариативностью композиции, вариативностью ее речевого оформления, а также вариативностью смыслового наполнения традиционных композиционных элементов, таких как «Актуальность исследования», «Теоретическая значимость», «Практическая значимость», «Научная новизна».

В течение длительного времени представителями разных отраслей научного знания обсуждаются вопросы культуры научной речи, связанные с недостаточной точностью в определении рассматриваемых понятий [6—9; 14], но эти вопросы остаются актуальными и сегодня [2—4; 11; 13]. Если обратить внимание на названия указанных публикаций («Возможности определения новизны и актуальности научных тем методами наукометрии», «Критерии определения новизны научных знаний о праве и государстве», «Формула новизны диссертационного исследования» и др.), нетрудно заметить, что критерии оценивания качества научного исследования в силу своей многомерности сами нуждаются в четких критериях.

Понятие актуальности представляется нам исходным и наиболее емким, не случайно именно с него начинается вводная часть научной работы. Оно фигурирует в нескольких композиционных блоках, посвященных выбору темы исследования и истории изучения вопроса, актуальности проблемы исследования, актуальности исследования в целом. При этом в разных отраслях гуманитарного знания сложились разные традиции

развития композиции, что отражается в использовании соответствующих клише.

Практикоориентированные исследования, например по педагогике, ориентируются на социальный заказ, поэтому ученый, как правило, констатирует наличие запроса со стороны социума и характеризует степень теоретической и практической разработки проблемы, что позволяет подойти к обоснованию выбора темы исследования:

- *вышеназванные противоречия и связанная с ними актуальность обусловили выбор темы нашего исследования;*
- *выбор темы нашего исследования обусловлен актуальностью и профессиональной значимостью рассматриваемой проблемы;*
- *актуальность проблемы исследования и недостаточность ее теоретической и практической разработанности определили выбор темы исследования;*
- *социальный заказ, потребность в..., недостаточная разработка теоретических основ... обуславливают актуальность темы нашего исследования и т. п.*

В подобных конструкциях часто используется слово «противоречие» и его производные, которые в данном случае можно рассматривать как фактор актуальности работы, что также отражается в специальных клише:

- *возникает противоречивая ситуация между потребностью общества в... и недостаточной разработанностью теории...;*
- *анализ научной литературы и результатов практической деятельности позволил определить противоречие между необходимостью..., с одной стороны, и недостаточной теоретической разработанностью и практической реализацией... — с другой;*
- *анализ... литературы и процессов, происходящих в обществе, позволил выделить следующие противоречия, связанные с исследуемой проблемой... и т. п.*

Обоснование актуальности не подчиняется столь строгой схеме, если область исследования не требует обязательного обращения к проблемам общества, а их актуальность может быть обусловлена только интранаучными факторами:

- *Актуальность настоящего исследования обусловлена важностью всестороннего анализа...; значимостью теоретического описания...; необходимостью изучения...;*
- *Актуальность рассматриваемой проблемы обоснована особыми интралингвистическими*

факторами, определяющими место... в системе языка... и т. п.

Таким образом, при обосновании актуальности исследования используется комплекс критериев (см. таблицу).

Соотнесенность перечисленных факторов может варьироваться (например, степень изученности низкая, потому что нет интереса к вопросу или несмотря на то, что есть интерес), социальный запрос на научное исследование может быть не сформирован, но обязательным критерием актуальности остается нерешенность обозначенной проблемы / отсутствие ответа на поставленный вопрос, удовлетворяющего автора предпринимаемого исследования.

В приведенной таблице можно добавить и другие интранаучные и экстранаучные факторы (например, значимость предмета исследования в системе языка как интралингвистический фактор), они сделают картину более полной, но тоже будут относиться к факультативным.

В регулятивной литературе возникают закономерные вопросы: «Может ли быть актуальной проблема, слабо обсуждаемая в научном сообществе? <...> В таком случае существует ли однозначное решение для определения актуальности проблемы в принципе? Ведь ошибившись при оценке данного, не слишком очевидного параметра, можно уничтожить потенциально перспективное направление в науке» [3. С. 49—50]. В качестве рекомендации предлагается «выставлять совокупный балл актуальности, который, в случае негативной оценки, может влиять на общую оценку рецензируемого научного труда только при наличии отрицательных оценок и других важных параметров работы — достоверности, степени обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций... и др.» [Там же. С. 50].

Итак, отсутствие в науке удовлетворительного ответа на поставленный автором вопрос — основной критерий актуальности и значимости исследования, а полученный в ходе исследования ответ — основной показатель новизны научной работы и ее положительной оценки.

Таким образом, все рассматриваемые характеристики научного исследования тесно взаимосвязаны, и уже при обосновании актуальности исследования намечаются критерии для определения его новизны, практической значимости и теоретической значимости. В то же время тесная взаимосвязь характеристик работы отражается в используемых клише (*научная новизна во*

многим определяет значимость нашего исследования; теоретическая значимость исследования вытекает из научной новизны работы и проявляется в следующем...; научная новизна во многом определяет теоретическую значимость нашего исследования; теоретическая и практическая значимость исследования обуславливается новизной работы) и нередко приводит к смешению, дублированию ее соответствующих композиционных частей.

Новизна исследования может заключаться в новизне объекта, предмета, цели, задач, методов и — главное — новизне результатов. При традиционном композиционном членении вводной части научной работы с выделением научной новизны в самостоятельную рубрику новизна предмета, цели или методов неизбежно приводит к информативному повтору:

Цель исследования — описание семантики и функционирования локативно-посессивных предложений с местоименно-посессивным оборотом.

Основными методами, используемыми в данном диссертационном исследовании, являются: ...метод поаспектного анализа семантического устройства и функционирования предложения-высказывания...

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые с применением метода поаспектного анализа... описано семантическое устройство и функционирование конструкций типа... [16. С. 3—4].

В целях экономии речевых усилий автора научного текста обратим внимание на то, что положения на защиту неизбежно предполагают новизну результатов исследования, поэтому эти рубрики целесообразно объединять под единым заголовком, и такая практика уже широко распространена в работах негуманитарного профиля: *«Положения, содержащие элементы научной новизны и выносимые на защиту»; «Научная новизна (основные результаты и выводы)»* и т. п.

В свою очередь оценка теоретической и практической значимости исследования предполагает ответ на вопрос, как можно использовать полученные результаты. Важно отметить, что исследование значимо не потому, что оно проведено, что-то сделано (выявлено и обосновано, предложена методика, определена роль, проведен анализ и пр.) и достигнуты результаты, а потому, что эти результаты могут быть использованы в определенной сфере. Эту логику отражают клише: *результаты исследования способствуют решению*

проблемы...; изучение... помогает решить важную для... (указывается отрасль научного знания) задачу; теоретические постулаты и представленный в диссертации анализ материала позволит подойти к решению важных проблем... и т. п. Данные клише помогают избежать дублирования информации из рубрик «Задачи исследования» и «Научная новизна», «Положения на защиту».

Если при обосновании теоретической и практической значимости автор возвращается к проблемам, обозначенным при определении актуальности исследования, тогда композиция всей научной работы обретает стройность:

- *Актуальность исследования обусловлена современным состоянием лексикографической практики...*

- *Практическая значимость работы состоит в том, что материалы диссертации могут быть использованы при составлении... словаря.*

Необдуманное использование клише, наоборот, приводит к негативному эффекту, в том числе может привести к нежелательному дублированию информации в указанных рубриках (см. выше) или нарушить связность текста: *теоретическое значение работы состоит в том, что диссертационное исследование вносит определенный вклад...* В последнем случае можно рекомендовать автору использовать вместо клише заголовков:

Теоретическое значение. Диссертация вносит вклад в изучение...

Композиция научного текста имеет в основе эпистемическую ситуацию — получение нового знания [10. С. 47], однако в традиционном введении научной квалификационной работы некоторые разделы как бы опережают ход исследования, что выражается в перечислении уже полученных результатов, оценке их значимости и перспективности дальнейшей работы в выбранном направлении. Научная работа оценивается положительно, если результаты были запланированы и они достигнуты (для ясности и стройности композиции стоит обратить внимание на четкую соотнесенность поставленных задач, выдвинутых положений на защиту и выводов в заключении). Именно в заключении логичнее проводить оценку полученных результатов, подводить итоги и намечать перспективы, вместо использования штампа, который лишает заключение информативности:

В заключении обобщаются основные результаты исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения исследуемой проблемы;

В заключении обобщается материал, изложенный в отдельных главах, формулируются основные выводы, намечаются возможные перспективы дальнейшего изучения рассматриваемой проблемы и т. п.

Такие клише не выполняют рамочную функцию во вторичном тексте, а отсылают к первичному тексту или превращаются в штампы.

Оптимальная последовательность композиционных элементов, соответствующая линейному знакомству читателя с ходом исследования, может выглядеть так: актуальность проблемы и степень ее изученности, выбор темы, объекта, предмета, целей и задач, научная новизна и положения на защиту, описание хода исследования, полученных результатов и выводов, обоснование их достоверности, заключение, в котором указывается, что было сделано, какова значимость проведенного исследования для теории и практики, каковы перспективы.

Решение поднятой проблемы полисемии стандартных рубрик научного текста с жесткой жан-

ровой нормой значимо с точки зрения культуры научной речи, что можно представить в аспекте реализации текстовых категорий следующим образом:

— использование клише, которые перегружают синтаксическую конструкцию и даже разрушают ее, лишают текста категорий связности и ясности;

— дублирование информации в разных композиционных частях уменьшает плотность научного текста;

— подмена рассмотренных в статье понятий приводит к снижению логичности и точности научной речи.

Рамочные клише при необдуманном использовании утрачивают свою поисковую функцию, которую они призваны выполнять в стандартизованном тексте, рассчитанном на подготовленного читателя, превращаются в штампы — знакомые фрагменты текста, утратившие информативность и не привлекающие внимание читателя.

Список литературы

1. Баранов, А. Г. Проблемы стандартизации языка технической документации (на материале лексики со значением «проверка») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Г. Баранов. — Архангельск, 2006. — 18 с.
2. Баранова, М. В. Критерии определения новизны научных знаний о праве и государстве / М. В. Баранова // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. — 2018. — № 1 (41). — С. 30—34.
3. Бугаев, К. В. Возможности определения новизны и актуальности научных тем методами наукометрии (на примере криминалистики) / К. В. Бугаев // Науч. вестн. Омс. акад. МВД России. — 2014. — № 3 (54). — С. 49—55.
4. Валеев, Г. Х. Формула новизны диссертационного исследования / Г. Х. Валеев, З. Я. Рахматуллина // Вестн. Вост. экономико-юрид. гуманитар. акад. — 2012. — № 3 (59). — С. 173—179.
5. Ведякова, Н. А. Стереотипность и вариативность в научном тексте (на материале авторефератов диссертаций) : монография / Н. А. Ведякова. — Saarbrücken, 2011. — 184 с.
6. Вербицкий, А. А. О структуре и содержании диссертационных исследований / А. А. Вербицкий // Педагогика. — 1994. — № 3. — С. 32—35.
7. Гузеев, В. В. Аппарат научного исследования и структура кандидатской диссертации / В. В. Гузеев // Школ. технологии. — 2004. — № 2. — С. 117—133.
8. Климов, Е. А. О некоторых нежелательных традициях в работе диссертационных советов по педагогическим и психологическим наукам / Е. А. Климов // Бюл. Высш. аттестац. комиссии М-ва образования и науки Рос. Федерации. — 2002. — № 1. — С. 22—28.
9. Князева, В. В. Методологический аппарат диссертационных исследований: творчество или формализм? / В. В. Князева // Педагогика. — 2005. — № 1. — С. 100—108.
10. Котюрова, М. П. Культура научной речи: текст и его редактирование : учеб. пособие / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова. — М., 2008. — 280 с.
11. Кочергин, А. Н. Методические рекомендации соискателям ученых степеней / А. Н. Кочергин // Alma mater (Вестн. высш. шк.). — 2015. — № 3. — С. 24—29.
12. Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10.11.2017 № 1093 [Электронный ресурс]. — URL: <http://vak.ed.gov.ru/docs>.

13. Пономарев, С. В. Методические рекомендации по формулированию научной новизны в автореферате диссертационной работы / С. В. Пономарев, Е. С. Мищенко // Вестн. Тамбов. гос. техн. ун-та. — 2011. — Т. 17, № 3. — С. 853—860.

14. Соловьев, В. И. О функциональных свойствах автореферата диссертации и особенностях его составления / В. И. Соловьев // Науч.-техн. информ. Сер. 1. — 1981. — № 6. — С. 20—24.

15. Тарасенко, В. В. Репрезентация категорий времени и пространства в метаязыке технических и гуманитарных наук (на материале строительной и литературоведческой терминологии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Тарасенко. — Челябинск, 2012. — 21 с.

16. Филатова, В. Б. Семантика и функционирование локативно-посессивных предложений с местоименно-инфинитивным оборотом : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Б. Филатова. — Воронеж, 2015. — 20 с.

Сведения об авторе

Ведякова Надежда Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. vedyakova@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 42—48.*

CONCEPTS OF RELEVANCE, SIGNIFICANCE AND NOVELTY IN FRAMEWORK CLICHES OF A RUSSIAN SCIENTIFIC TEXT

N.A. Vedyakova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. vedyakova@mail.ru

The article is devoted to the issue of ambiguity of concepts used in Russian scientific texts in order to assess research results. The author attempts to clarify the concepts of relevance, significance, and novelty as the main characteristics of a research paper. The focus is made on peculiarities of compositional structure of secondary texts (synopses of theses), presence of standard compositional blocks, specific features of their verbal presentation, and implementation of cohesion and density categories in terms of scientific language culture. The author raises a question about viability of using some traditional clichés to compose a scientific text with a tight genre norm.

Key words: *cliché, genre, scientific style, standardization, composition of a scientific text, scientific language culture.*

References

1. Baranov A.G. *Problemy standartizatsii yazyka tekhnicheskoy dokumentatsii (na materiale leksiki so znacheniyem "proverka")* [The problems of standardization of the technical documentation language (on the base of lexical material with the meaning "check"). Abstract of thesis]. Arkhangelsk, 2006. (In Russ.).

2. Baranova M.V. Kriterii opredeleniya novizny nauchnykh znaniy o prave i gosudarstve [The determining criteria for the novelty of scientific knowledge of law and state]. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* [Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 1 (41), pp. 30—34. (In Russ.).

3. Bugaev K.V. Vozmozhnosti opredeleniya novizny i aktual'nosti nauchnykh tem metodami naukometrii (na primere kriminalistiki) [The possibility of determining the novelty and relevance of the scientific topics by scientometric methods (on the example base of forensics)]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, no. 3 (54), pp. 49—55. (In Russ.).

4. Valeev G.Kh., Rakhmatullina Z.Ya. Formula novizny dissertatsionnogo issledovaniya [The formula of the dissertation research novelty]. *Vestnik Vostochnoy ekonomiko-yuridicheskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of Eastern Academy of Economics, Humanitarian Sciences, Management, and Law], 2012, no. 3 (59), pp. 173—179. (In Russ.).

5. Vedyakova N.A. *Stereotipnost' i variativnost' v nauchnom tekste (na materiale avtoreferatov dissertatsiy)* [Stereotype and variability in a scientific text (based on abstracts of theses)]. Saarbrücken, 2011. (In Russ.).
6. Verbickiy A.A. O strukture i sodержanii dissertatsionnykh issledovaniy [About the structure and content of dissertation research]. *Pedagogika* [Pedagogic], 1994, no. 3, pp. 32—35. (In Russ.).
7. Guzeev V.V. Apparat nauchnogo issledovaniya i struktura kandidatskoy dissertatsii [The apparatus of scientific research and the structure of the candidate dissertation]. *Shkol'nye tekhnologii* [School technologies], 2004, no. 2, pp. 117—133. (In Russ.).
8. Klimov Ye.A. O nekotorykh niezhelatel'nykh traditsiyakh v rabote dissertatsionnykh sovetov po pedagogicheskim i psikhologicheskim naukam [About some undesirable traditions in the dissertation councils working for pedagogical and psychological Sciences]. *Byulleten' Vysshey attestatsionnoy komissii Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Higher attestation Commission under the Ministry of education and science of the Russian Federation], 2002, no. 1, pp. 22—28. (In Russ.).
9. Knyazeva V.V. Metodologicheskiy apparat dissertatsionnykh issledovaniy: tvorchestvo ili formalizm? [The methodological apparatus of the dissertation research: creativity or formalism?]. *Pedagogika* [Pedagogic], 2005, no. 1, pp. 100—108. (In Russ.).
10. Kotyurova M.P. *Kul'tura nauchnoy rechi: tekst i yego redaktirovaniye* [Culture of scientific speech: text and its editing]. Moscow, 2008. (In Russ.).
11. Kochergin A.N. Metodicheskiye rekomendatsii soiskatelyam uchenykh stepeney [Methodological recommendations to the candidates for academic degrees]. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)* [Alma mater. High School Bulletin], 2015, no. 3, pp. 24—29. (In Russ.).
12. *Regulation of the Ministry of education and science of the Russian Federation from 10.01.2017 no. 1093 about council for protection of theses in competition for an academic degree of the candidate of science, in competition of an academic degree for the doctor of science*. Available at: <http://vak.ed.gov.ru/docs> (In Russ.).
13. Ponomarev S.V., Mishchenko Ye.S. Metodicheskiye rekomendatsii po formulirovaniyu nauchnoy novizny v avtoreferate dissertatsionnoy raboty [Methodological recommendations for the formulation of scientific novelty in the abstract]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Tambov Technical State University], 2011, no. 3 (17), pp. 853—860. (In Russ.).
14. Solov'yov V.I. O funktsional'nykh svoystvakh avtoreferata dissertatsii i osobennostyakh yego sostavleniya [About functional properties of the abstract of thesis and the specifics of its compilation. Seriya 1]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya* [Scientific and technical information. Series 1], 1981, no. 6, pp. 20—24. (In Russ.).
15. Tarasenko V.V. *Reprezentatsiya kategoriy vremeni i prostranstva v metayazyke tekhnicheskikh i gumanitarnykh nauk (na materiale stroitel'noy i literaturovedcheskoy terminologii)* [Representation of time and space categories in the metalanguage of technical and humanitarian sciences (on the base of construction and literary terminology). Abstract of thesis]. Chelyabinsk, 2012. (In Russ.).
16. Filatova V.B. *Semantika i funktsionirovaniye lokativno-posessivnykh predlozheniy s mestoimenno-infinitivnym oborotom* [Semantics and functioning of locative-possessive sentences with pronoun-infinitive turnover. Abstract of thesis]. Voronezh, 2015. (In Russ.).

УДК 81.25:81.373 ББК 81.2
DOI 10.24411/1994-2796-2018-11007

К ВОПРОСУ О ПРИЕМАХ ПЕРЕДАЧИ РУССКИХ РЕАЛИЙ НА АНГЛИЙСКИЙ И НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫКИ В ПУТЕВОДИТЕЛЯХ

Т. А. Волкова, Е. Б. Гуральник

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Описаны наиболее часто используемые в путеводителе приемы передачи реалий русской культуры на английский язык и на китайский язык, рассмотрены соответствующие традиции и трудности перевода. Выявлены варианты, которые препятствуют реализации основных функций путеводителя, намечены пути развития исследования с целью повышения качества перевода туристических текстов.

Ключевые слова: *кулинарные реалии, реалии быта и культуры, путеводитель, письменный перевод, английский язык, китайский язык, русский язык.*

По данным Федерального агентства по туризму Российской Федерации, растет число туристов, прибывающих на территорию России и из Китая, и, обобщенно, из стран, где официальным языком является английский [4]. Безусловно, английский язык остается языком международного взаимодействия и для туристов из других стран. Вниманию иностранных гостей предлагаются как всемирно известные объекты культурного наследия и туристические центры, так и новые маршруты и объекты. В этой связи очевидна необходимость в качественном переводе путеводителей на английский и китайский языки, не вызывает сомнений и тот факт, что перевод путеводителя ставит перед переводчиком множество непростых задач: четко понимать, что представляет собой путеводитель; изучить историю, культуру, особенности города или объекта, о котором составлен путеводитель; передать национальный колорит страны и поддержать заинтересованность аудитории, помочь туристам в усвоении предложенной информации, в том числе через безэквивалентную лексику.

Исследования в обозначенной области и смежных направлениях развиваются достаточно активно. Так, авторы рассматривают роль заказчика при переводе туристических материалов [17]; анализируют информационные потребности туристов при обращении к путеводителям [15], сравнивая в том числе североамериканских и китайских туристов; на разнообразном материале рассматривают национально-культурную лексику в языковой комбинации «английский — китайский» [18] и «китайский — русский» [2]. Широко

исследуются концепты в китайской и русской лингвокультурах, например, [5; 10; 11].

Отметим, что традиционно трудности перевода в языковой комбинации «китайский — русский» связывают с фонетической системой китайского языка, ср. фонетический и смысловой перевод; грамматической системой китайского языка как языка изолирующего типа; лингвокультурными особенностями, ср. восприятие китайцами различных концептов или символов; иероглифическим письмом. Так, В. Ф. Щичко выделяет следующие трудности перевода, обусловленные иероглифическим письмом: «наличие определенного числа сходных по написанию иероглифов»; «неразличимость написания имен собственных и нарицательных», «наличие нескольких вариантов написания имен собственных и их перевода»; «возможность соединения в одном слове нескольких лексических и грамматических значений»; «трудность разделения сплошной цепочки иероглифического текста на отдельные лексические и грамматические составляющие», «трудность определения грамматической функции отдельных слов и словосочетаний, а также установления логико-грамматических связей между ними» [12. С. 40].

Понимая реалии как «предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты или процессы, обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках» [7], в настоящем исследовании мы опираемся на классификацию реалий С. Влахова и С. Флорина [3].

Материал исследования составляют оригинальные и переводные тексты тематических и универсальных путеводителей по Москве и Санкт-Петербургу общим объемом 700 нормативных страниц. Мы рассматриваем передачу различных видов русскоязычных реалий в путеводителях, переведенных с русского языка на английский и с русского языка на китайский, а также в путеводителях, опубликованных только на английском или только на китайском. Выборка представлена преимущественно этнографическими реалиями по предметной классификации С. Влахова и С. Флорина. В рамках настоящей статьи рассмотрим некоторые кулинарные реалии и реалии быта и культуры и сравним приемы их передачи.

Так, реалия «**окрошка**» передается на английский язык экспликацией *cold kvass or kefir soup*, то есть через основную характеристику, на китайский — 冷杂拌汤 *lěng zábàn tāng* («холодная солянка», досл. «холодный смешанный суп»), то есть через другую реалию. Однако окрошка и солянка — разные блюда. Солянка — «густой суп с мелко нарезанными кусками мяса или рыбы и острыми, пряными приправами» [7], а окрошка — «кушанье из кваса, в который кладут зелень и мелко нарубленные куски мяса» [9]. С одной стороны, обе реалии зафиксированы в Большом китайско-русском словаре [1]; в китайской поисковой системе «Байду» в результатах поиска по запросам 冷杂拌汤 и 杂拌汤 находим статьи об этих блюдах именно в контексте русской кухни, иными словами, для этих реалий в китайском языке существуют устоявшиеся варианты перевода. С другой стороны, для китайских туристов, не знакомых с русской кухней, предложенные варианты могут оказаться лишены смысла, о чем свидетельствует и проведенный нами экспресс-опрос китайских респондентов: в предложенных вариантах перевода рецепиенты выделяют только основную характеристику «суп», связывают реалию с похожими блюдами китайской кухни или ошибочно считают блюдо салатом. Выбор переводческого решения в данном случае будет во многом зависеть от наличия в путеводителе изображений соответствующих блюд, которые могут помочь китайским туристам сориентироваться, и, возможно, целесообразнее использовать описательный перевод.

В следующем примере переводчик допускает ошибку при передаче кулинарной реалии на китайский язык, формируя совершенно иной образ

блюда у китайских туристов. Реалия «**овощная икра**» в одном из проанализированных путеводителей передается выражением 蔬菜鱼子酱 *shūcài yú zǐ jiàng* (досл. «овощная рыба икра»). Ошибка связана с выбором значения исходной лексемы «икра»: «мелкие зерновидные яйца самок рыб» [7] или «кушанье, паштет из мелко изрубленных овощей, растений» [9]. Актуализировать при переводе второе значение слова позволяет экспликация либо вариант 青菜酱 («овощная икра», досл. «овощной соус») [1]. Представляется, что при передаче данной реалии как на китайский, так и на английский язык целесообразнее использовать описательный перевод, ср.: the Russian word for caviar (ikra) is also used for a *vegetable dish which is made of aubergines or courgettes massed into a paste with herbs and spices* [16].

Среди реалий быта, которые встретились нам в переводе на английский и китайский, рассмотрим реалию «**изба**». Если обобщить все определения этого слова, то «изба» — это деревянный дом, отапливаемый печью. В рассмотренных нами путеводителях на китайский язык реалия передается при помощи описательного перевода 木屋 *mùwū* (досл. «деревянный дом»), а на английский — при помощи приближенного перевода *peasant hut* (досл. «крестьянская хижина»). Оба варианта дают очень общее представление о данном элементе русского быта. Слово *izba*, однако, уже существует в английском языке как варваризм [13]. Вариаций при переводе на китайский язык, зафиксированных в текстах, в ходе исследования не обнаружено; в словаре находим приведенный выше вариант и иные, следующие той же логике: 农村木房 *nóngcūn mùfáng* (досл. «деревенский деревянный дом»), 农舍 *nóngshè* («крестьянский дом», «деревенский дом») [1].

Реалия «**печь**» в проанализированных путеводителях передается только аналогами *stove* и 炉 *lú*. Если обратиться к словарным определениям, описаниям, фотографиям, становится ясно, что оба предложенных варианта обозначают печи, которые совершенно не похожи по функциям и внешнему виду на русскую печь. При попытке подобрать подходящий вариант передачи реалии на китайский язык мы сталкиваемся с проблемой транскрипции шипящих звуков: если на английский язык мы можем передать это слово как *pech* или *pechka*, то в путеводителе на китайском языке целесообразнее использовать описательный перевод — например, 俄罗斯火炉 (досл. «русская печь») или 俄式火炉 (досл. «печь

русского типа»), эти варианты нередко встречаются в текстах на китайском языке (туризм, культура, история). Сочетание согласных в пределах одного китайского слога невозможно [8. С. 8], ср. аналогичные трудности при передаче реалий «борщ», «щи», «пирожки». В целом практическая транскрипция (фонетический перевод) для передачи реалий в китайском путеводителе используется нечасто.

Реалия «самовар» на китайский язык передается экспликацией, на английский — варваризмом, *samovar* [13], в некоторых случаях с экспликацией, если это требуется по контексту. В путеводителе на китайском языке находим вариант 茶炊 *cháchuī* (досл. «чай» и «варить»), в словаре — вариант 水火壺 *shuǐhuǒhú* (досл. «вода», «огонь», «чайник») [1]. В китайской поисковой системе «Байду» русский самовар чаще встречается при запросе 茶炊 *cháchuī*. Варианта передачи при помощи практической транскрипции не обнаружено. Безусловно, при передаче реалии «самовар» важно помнить о различиях в восприятии концепта «чай» в китайской и русской лингвокультурах. В китайской культуре чай занимает особое место уже несколько тысяч лет, в русской культуре он появился позже, но у русского народа за это время сложилась своя традиция чаепития, отличающаяся от китайской [11. С. 9—10].

Для передачи реалии «гусли» — «старинный струнный щипковый музыкальный инструмент вроде цитры, на котором играли обеими руками, положив его на колени» [9] — в одном из путеводителей выбран вариант 古琴 *gǔqín*, что нельзя считать верным. 古琴 *gǔqín* — китайский народный щипковый инструмент гуцинь, русские гусли — 古斯里琴 *gǔsīlǐ qín* [1], такой же вариант находим в текстах туристической и исторической тематики и в анонсах музыкальных мероприятий на китайском языке. При передаче на английский язык использован вариант *gusli*, зафиксированный в словарях [13], [19] и упоминаемый, например, в статье о былинах в англоязычной онлайн-энциклопедии, посвященной культуре и истории

России: The bylinas... mostly took the form of poems and were sung, sometimes to the accompaniment of an early stringed instrument, *gusli* [14].

Таким образом, в целом для языковой комбинации «английский — русский» к наиболее распространенным приемам передачи русских реалий можно отнести описательный перевод и практическую транскрипцию, реже используются аналогии. Для передачи русских реалий на китайский язык применяется описательный перевод, аналогии, реже практическая транскрипция (фонетический перевод). К оптимальным (сохраняющим основные функции путеводителя) приемам передачи реалий можно отнести практическую транскрипцию с пояснением для языковой комбинации «английский — русский» и описательный перевод для языковой комбинации «китайский — русский». Если в комбинации «английский — русский» установилась определенная традиция, многие реалии закреплены в словарях как варваризмы, то в китайском языке пока нельзя говорить о сложившейся традиции в передаче реалий, корпус туристических текстов о России на китайском значительно уступает корпусу на английском языке. Отметим, что использование аналога при передаче реалии зачастую препятствует реализации основных функций путеводителя, не позволяет показать уникальность элементов описываемой культуры; наименее приемлемым вариантом передачи реалий в путеводителе представляется генерализация.

Перспектива настоящего исследования видится в проведении опроса или эксперимента с участием носителей английского и китайского языков, который позволит оценить эффективность различных приемов передачи русских этнографических реалий, ср. [6]. Важно дополнительно привлекать внимание переводчиков к различным приемам передачи национально-культурной лексики как в связи с необходимостью создания многоязычных путеводителей, так и для повышения качества перевода туристических текстов на английский и китайский языки в целом.

Список литературы

1. Большой китайско-русский словарь (БКРС) [Электронный ресурс]. — URL: <https://bkrs.info>.
2. Ван, Х. Изучение национально-культурной коннотативной лексики в русском и китайском языках / Ван Хуа // Вестн. Томс. гос. ун-та. — 2012. — № 356. — С. 11—14.
3. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — Москва: Р. Валент, 2012. — 406 с.
4. Количество поездок граждан иностранных государств с целью туризма на территорию РФ за 2017 год [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по туризму ; Министерство экономического

развития Российской Федерации. — URL: <https://www.russiatourism.ru/content/8/section/82/detail/4508/> (дата обращения 15.10.2018).

5. Лю, Ц. Концепт «путешествие» в китайской и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лю Цзюань. — Волгоград, 2004. — 19 с.

6. Сардарова, А. А. Переводчески релевантная лингвокультурная специфика художественного текста: психолингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Сардарова. — М., 2016. — 30 с.

7. Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. — URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova>.

8. Спешнев, Н. А. Фонетика китайского языка : учеб. пособие / Н. А. Спешнев. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1980. — 143 с.

9. Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. — URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov> (дата обращения 15.10.2018).

10. У, Синьуй. Лингвокультурологические и лингвометодические аспекты концепта «семья» в русской и китайской культурах : автореф. дис. ... канд. пед. наук / У Синьуй. — СПб., 2009. — 22 с.

11. Цзоу, Сюецян. Лингвокультурная специфика концепта «чай» и ее учет в обучении русскому языку китайских студентов : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Цзоу Сюецян. — СПб., 2007. — 22 с.

12. Щичко, В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода : учеб. пособие / В. Ф. Щичко. — М. : ВКН, 2017. — 224 с.

13. Dictionary by Merriam-Webster [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения 15.10.2018).

14. Of Russian origin: Bylina [Электронный ресурс] // Russiapedia. — URL: <https://russiapediia.rt.com/of-russian-origin/bylina>.

15. Osti, L. Cultural differences in travel guidebooks information search [Электронный ресурс] / L. Osti, L. W. Turner, B King // J. of Vacation Marketing. — 2009. — Vol. 15, iss. 1. — P. 63—78. — URL: <https://doi.org/10.1177/1356766708098172>.

16. Russian Cuisine [Электронный ресурс] // Rusmania. — URL: <https://rusmania.com/russian-cuisine> (дата обращения 15.10.2018).

17. Sulaiman, M. Z. The misunderstood concept of translation in tourism promotion [Электронный ресурс] / Mohamed Zain Sulaiman // Translation & Interpreting. — 2016. — Vol. 8, iss. 1. — P. 53—68. — URL: <https://doi.org/10.12807/ti.108201.2016.a04>.

18. Wang, J. An Analysis of Untranslatability between English and Chinese from Intercultural Perspective [Электронный ресурс] / J. Wang, S. Sunihan // English Language Teaching. — 2014. — Vol. 7, iss. 4. — URL: <http://dx.doi.org/10.5539/elt.v7n4p119>.

19. YourDictionary [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.yourdictionary.com>.

Сведения об авторах

Волкова Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. tatia.volkova@gmail.com

Гуральник Елена Борисовна — студентка 5-го курса факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. guralnik96@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 49—54.*

ON TRANSLATING CULTURE-LOADED WORDS FROM RUSSIAN INTO ENGLISH AND FROM RUSSIAN INTO CHINESE IN TRAVEL GUIDEBOOKS

T.A. Volkova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. tatia.volkova@gmail.com

Ye.B. Gural'nik

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. guralnik96@mail.ru

The paper focuses on translation of culture-loaded words from Russian into English and from Russian into Chinese in travel guidebooks. Culture-loaded words (realia) are defined as words carrying information about national customs, values, beliefs, and ways of thinking that have no direct equivalents in the receiving culture. Data shows that the most appropriate techniques to transmit the initial meaning of these words are explicitation and (phonetic) transcription, where applicable, whereas the least appropriate techniques are generalization and borrowing concepts from another culture. Established or emerging traditions in dealing with culture-loaded words in translation are briefly addressed in the paper, and directions for future research are outlined, aimed at improving the quality of tourist materials translation in both language pairs.

Keywords: *culture-loaded words, realia, culinary realia, cultural and household realia, travel guidebook, translation, Chinese, English, Russian.*

References

1. *Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar' (BKRS)* [The Unabridged Chinese-Russian Dictionary]. Available at: <https://bkrs.info>, accessed 15.10.2018. (In Russ., Chinese).
2. Wang H. Izucheniye natsional'no-kul'turnoy konnotativnoy leksiki v russkom i kitayskom yazykakh [Comparative analysis of cultural connotation words in Russian and Chinese]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2012, no. 356, pp. 11—14. (In Russ.).
3. Vlahov S., Florin S. *Neperevodimoye v perevode* [The untranslatable in translation]. Moscow, R. Valent Publ., 2012. 406 p. (In Russ.).
4. Kolichestvo poezdok grazhdan inostrannykh gosudarstv s tsel'yu turizma na territoriyu RF za 2017 god [Statistical data on inbound international tourism to the Russian Federation, 2017]. *Federal'noye agentstvo po turizmu; Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii* [Federal Agency for Tourism — Russiatourism; Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: <https://www.rus-siatourism.ru/content/8/section/82/detail/4508/>, accessed 15.10.2018. (In Russ.).
5. Liu J. *Kontsept "puteshestviye" v kitayskoy i russkoy lingvokul'turakh* [Concept of "Travelling" in Chinese and Russian Linguacultures. Abstract of thesis]. Volgograd, 2004. (In Russ.).
6. Sardarova A.A. *Perevodcheski relevantnaya lingvokul'turnaya spetsifika khudozhestvennogo teksta: psicholingvisticheskiy aspekt* [Translation-relevant linguistic and cultural features of a literary text: a psycholinguistic aspect. Abstract of thesis]. Moscow, 2016. (In Russ.).
7. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka T.F. Yefremovoy* [Contemporary Explanatory Dictionary of Russian by T.F. Yefremova]. Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova>, accessed 15.10.2018. (In Russ.).
8. Speshnev N.A. *Fonetika kitayskogo yazyka* [Chinese Phonetics]. Leningrad, LGU Publ., 1980. 143 p. (In Russ.).
9. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka D.N. Ushakova* [Explanatory Dictionary of Russian by D.N. Ushakov]. Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov>, accessed 15.10.2018. (In Russ.).
10. U, Sin'yuy. *Lingvokul'turologicheskiye i lingvometodicheskiye aspekty kontsepta "sem'ya" v russkoy i kitayskoy kul'turakh* [Concept of "Family" in Chinese and Russian Cultures: Implications for Linguaculture and Language Teaching. Abstract of thesis]. St. Petersburg, 2009. (In Russ.).

11. Tszou, Syuetsyan. *Lingvokul'turnaya spetsifika kontsepta "chay" i yeye uchet v obuchenii russkomu yazyku kitayskikh studentov* [Concept of "Tea": Linguacultural Characteristics and Implications for Teaching Russian to Chinese Students. Abstract of thesis]. St. Petersburg, 2007. (In Russ.).
12. Shchichko V.F. *Kitayskiy yazyk. Teoriya i praktika perevoda* [Theory and Practice of Translation: Chinese]. Moscow, VKN Publ., 2017. 224 p. (In Russ.).
13. *Dictionary by Merriam-Webster*. Available at: <https://www.merriam-webster.com>, accessed 15.10.2018.
14. Of Russian origin: Bylina. *Russiapediia*. Available at: <https://russiapediia.rt.com/of-russian-origin/bylina>, accessed 15.10.2018.
15. Osti L., Turner L.W., & King B. Cultural differences in travel guidebooks information search. *Journal of Vacation Marketing*, 2009, no. 15 (1), pp. 63—78. Available at: <https://doi.org/10.1177/1356766708098172>.
16. Russian Cuisine. *Rusmania*. Available at: <https://rusmania.com/russian-cuisine>, accessed 15.10.2018.
17. Sulaiman M.Z. The misunderstood concept of translation in tourism promotion. *Translation & Interpretation*, 2016, vol. 8, iss. 1, pp. 53—68. Available at: <https://doi.org/10.12807/ti.108201.2016.a04>.
18. Wang J., Sunihan S. An Analysis of Untranslatability between English and Chinese from Intercultural Perspective. *English Language Teaching*, 2014, no. 7 (4), pp. 119—125. Available at <http://dx.doi.org/10.5539/elt.v7n4p119>.
19. *YourDictionary*. Available at: <http://www.yourdictionary.com>, accessed 15.10.2018.

КОНЦЕПТ «ВНЕ ПОЛИТИКИ» В РОССИЙСКОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Т. А. Воронцова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Материалы статьи представлены на Международной научной конференции «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация» (Екатеринбург, 10—14 окт. 2018 г.).

В российском публичном дискурсе концепт *вне политики* реализуется по отношению к таким объектам, как сфера деятельности, социальная группа, а также по отношению к индивиду. Смысловая реализация концепта *вне политики* зависит от типа объекта. В настоящее время в интернет-дискурсе происходит формирование нового смысла в рамках исследуемого концепта: *быть вне политики* — значит не выступать против власти в целом или против ее отдельных действий. Появление данного негативно оценочного смысла в концепте *вне политики* свидетельствует о том, что функционирование этого концепта в российском коммуникативном пространстве определяется экстралингвистическими факторами.

Ключевые слова: *политический дискурс, концепт, политика, вне политики, социальная оценка.*

Начиная со 2-й пол. XX в. термин *концепт* активно изучается как в зарубежной, так и в российской лингвистике. Обзор научной библиографии, посвященной данной проблеме, может занять не одну страницу¹. Сегодня большинство исследователей рассматривают концепт как ментальную сущность, оперативную единицу сознания, представленную в значениях языковых единиц [9. С. 90], как способ и результат квантификации и категоризации знания [1; 4. С. 6].

В гуманитарных науках концепт стал универсальным инструментом познания, моделирования и прогнозирования процессов, происходящих в различных социальных сферах. К числу таких социально значимых сфер относится прежде всего политика. Современная политология и политическая философия при разработке политической концептологии активно привлекают лингвистические исследования [8; 10; 11 и др.].

В свою очередь политическая лингвистика рассматривает анализ политических концептов «в рамках соответствующего языка и национальной культуры, обращение к проблемам понимания политических реалий» как одно из важнейших направлений данной лингвистической отрасли [18. С. 9].

Очевидно, что ключевым концептом политического дискурса является концепт *политика*. В словарях XIX в. слово *политика* толкуется как

достаточно узкое конкретизированное понятие: наука управления государством.

Ср.: 1. *Наука, преподающая управляющим народами правила к достижению предполагаемых намерений; в просторечии: искусство обходиться с людьми* [14. С. 1430].

2. *Наука государственного управления // виды, намерения и цели государя, немногим известная, и образ его действий при сем, нередко скрывающий первья* [5. С. 269].

В современных словарях представлено несколько значений слова *политика*:

1. *Деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономические отношения.*

2. *События и вопросы внутригосударственной и международной общественной жизни (разг.).*

3. *Направление деятельности государства или каких-л. социальных групп в той или иной области в определенный период* [7]².

Как известно, словарное толкование не исчерпывает содержание концепта³, поскольку в отличие от понятия концепт не имеет четких границ и не обладает жесткой структурой [6; 13 и др.].

Концепт *политика* охватывает одну из основных социально значимых сфер коммуникации [12; 17]. В силу этого данный концепт динамичен,

¹ См., напр., обзор, представленный в [4], [15].

² Переносные значения не учтены.

³ Подробнее см. [1], [16], [19] и др.

активно функционирует в коммуникативном пространстве, порождая на своем поле новые смыслы, которые, в свою очередь, в процессе коммуникации начинают восприниматься как самостоятельные концепты. Одним из таких «дочерних» концептов является концепт «вне политики».

Словосочетание *вне политики* репрезентирует концепт, который обладает относительной самостоятельностью по отношению к концепту *политика*.

В различных видах дискурса концепт *вне политики* реализуется преимущественно по отношению к двум типам объектов.

Во-первых, это абстрактные или множественные объекты. К этой группе относятся: 1) сфера деятельности в широком смысле (*спорт, культура, искусство*), а также события и явления, относящиеся к этой сфере деятельности: Олимпиада, фестиваль, музыка, театр и т. д.; 2) социальные институты (*армия, церковь, школа*); 3) социальные или профессиональные группы (*дети, музыканты* и др.).

Для данного типа объектов характерны следующие смысловые реализации концепта *вне политики*:

1) Независимость от внешнеполитических процессов, от отношений между государствами. В этом случае в качестве объекта выступает либо сфера деятельности (*спорт, культура, искусство*), либо социальная или профессиональная группа.

Ср.: 1. *Есть четкая позиция УЕФА на сей счет — футбол вне политики* [Советский спорт, 2012. — НКРЯ¹].

2. *Хотел бы выразить признательность за то, что Паралимпиада осталась вне политики* [Известия, 2014. — НКРЯ].

3. *И неважно, под какими лозунгами собирали людей. Музыка вне политики* [Русский репортер, 2010. — НКРЯ].

4. *Мы неоднократно заявляли, что готовы сотрудничать со всеми. Дети вне политики. Как и прежде, мы готовы принимать детей из всех стран* [Комсомольская правда, 2014. — НКРЯ].

2) Независимость от тех или иных политических сил и партий, неучастие в политических процессах и событиях внутри страны.

Данное значение реализуется по отношению либо к социальным институтам, либо к социальным или профессиональным группам.

Ср.: 1. *Церковь вне политики, но я утверждаю, что сегодня курс страны соответствует нашим национальным интересам* [Труд-7, 2009].

2. *Но учебные заведения по закону вне политики, — подсказываю я* [Комсомольская правда, 2007. — НКРЯ].

3. *Так как профсоюзы — неполитическая организация, но вне политики они существовать не могут, то связь между партиями и рабочим движением будет осуществлять «Союз труда» под руководством заместителя председателя ФНПР, заместителя председателя Комитета Госдумы по труду и социальной политике Андрея Исаева* [Труд-7, 2002. — НКРЯ].

По статистике НКРЯ, на протяжении XX — начала XXI в. данное словосочетание особенно активно употреблялось в 1920-х гг. и в последние 10—12 лет. По материалам НКРЯ, в текстах первой четверти XX в. для объектов данного типа преобладающими являются контексты *армия вне политики, школа вне политики, реже — церковь (духовенство) вне политики*:

1. *Правительство, кроме своей бюрократии и войска, находившихся вне политики, не имело никакой опоры и было чуждо для всего в стране* [В. Л. Бурцев. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания (1923). — НКРЯ].

2. *Для спасения родины, — говорил Каледин, — мы намечаем следующие главнейшие меры. Армия должна быть вне политики. Полное запрещение митингов и собраний с партийной борьбой и распрями* [Н. Н. Суханов. Записки о революции. Кн. 5 (1918—1921). — НКРЯ].

3. *Мы говорили: наше дело в области школьной есть также борьба за свержение буржуазии; мы открыто заявляем, что школа вне жизни, вне политики, это — ложь, лицемерие* [И. Ходоровский. На фронте просвещения (1923—1925). — НКРЯ].

Данные словосочетания позволяют говорить о том, что для концепта *вне политики* основной смысловой составляющей в этот период являлось значение *независимость от тех или иных политических сил и партий, неучастие в политических процессах и событиях внутри страны*. Очевидно, что актуализация данного смысла обусловлена экстралингвистическими причинами: революция и постреволюционный период привели к кардинальным изменениям в политической жизни внутри страны. При этом в материалах НКРЯ, относящихся к данному периоду, практически не встречаются контексты, реализующие

¹ Национальный корпус русского языка.

другую смысловую составляющую — *независимость от внешнеполитических процессов, от отношений между государствами*.

В дискурсе начала XXI в. на первый план выходят контексты, связанные с областью спорта: *спорт вне политики, футбол вне политики, Олимпиада вне политики* и др. Словосочетания такого рода составляют почти 50 % всех употреблений и реализуют только одну смысловую составляющую — *независимость от внешнеполитических процессов, от отношений между государствами*.

Другими сферами, которые в данный период значительно реже, но все же фигурируют в рамках концепта *вне политики*, являются *искусство, церковь, дети* и др. Здесь указанные выше смыслы реализуются примерно в равных пропорциях.

Во-вторых, в качестве объекта *вне политики* может выступать человек, индивид. По отношению к данному объекту сочетание *вне политики*, как правило, реализует следующие смыслы:

1) Не интересуется политическими событиями в целом:

1. **Я вне политики**, аполитичный человек. Знаете, я настолько обеспечена материально, что могу позволить себе не интересоваться политикой [Русский репортер, 2012. — НКРЯ].

2. **Всю жизнь прожил вне политики**, поэтому совершенно безразлично, какую партию возглавит или не возглавит президент после завершения сроков своих полномочий на посту главы государства [Труд-7, 2006. — НКРЯ].

2) Не принадлежит к какой-либо партии или политическому движению:

1. Формально он оставался **вне политики, беспартийным**, но готов был помогать всем, кто боролся с коммунистической идеологией. [Комсомольская правда, 2012. — НКРЯ].

2. Он остается вне идеологий и **вне политики** [Комсомольская правда, 2002. — НКРЯ].

3) Не занимается профессиональной политической деятельностью:

1. Ельцин за годы **вне политики** успел главное — получить благодарность за заслуги и быть прощенным своим народом за ошибки [Труд-7, 2008. — НКРЯ].

2. Ирина Хакамада расскажет о своей жизни **вне политики** [Новый регион 2, 2009. — НКРЯ].

Данные значения (смыслы) фиксируются в текстах на протяжении всего периода, доступного для исследования (по материалам НКРЯ с начала

XX в. по настоящее время) с приблизительно равной частотностью.

При этом основной массив текстов НКРЯ составляют материалы СМИ и публицистические тексты. Однако, как справедливо отмечает Е. И. Шейгал, вклад в формирование политического сознания, в создание общественного мнения вносят «разговоры о политике в самых разных ракурсах», которые, будучи многократно умноженными, в итоге могут повлиять на ход политического процесса [20. С. 34].

В последнее десятилетие появился важный источник, позволяющий увидеть функционирование концепта в других видах дискурса. Это интернет-коммуникация. «Развитие современных коммуникативных отношений, осуществляющихся в сетевом пространстве, создает потребность в осознанной обработке концептуальных образований с учетом коммуникативного контекста» [8. С. 11].

Контекстуальный анализ употребления словосочетания *вне политики* в жанрах неформальной интернет-коммуникации (в комментариях, блогах, на форумах) и интернет-изданиях свидетельствует о том, что в последнее пятилетие в интернет-дискурсе формируется новая смысловая составляющая в рамках исследуемого концепта: человек **вне политики** — это тот, кто открыто не оппонирует власти в целом или не противостоит ее отдельным действиям.

Ср.: 1. «**Быть “вне политики” — стыдно**. ...Быть аполитичным стыдно. Поддерживайте людей, чьи идеи вы разделяете. Ходите на митинги, распространяйте идеи, которые вам близки, финансируйте независимую политику...» (<https://varlamov.ru/2825513.html>)¹.

2. «**Занимая позицию безвольного биоавтомата с навязанной извне программой под кодовым названием “Я вне политики”**, каждый такой индивид становится невольным генератором своих персонально-адресных проблем на будущее, в виде летящих в его дом противопехотных мин и снарядов, касетных бомб и пуль от крупнокалиберных пулеметов...» (<https://okoplanet.su/>).

3. «**Я — вне политики**». Люди, говорящие это, показывают, что их не интересуют проблемы в стране, **болезнь нации и ее постепенное вымирание**... И такие люди начинают постепенно превращаться в тех, кого из нас **хотят сделать**

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация — как в оригинале.

кукловоды — охлос, толпу индивидуумов без рёда и племени...» (<https://traditio.wiki>).

4. «...И когда тебе говорят, что надо быть **вне политики**, то тебя этим и ставят вне общества, и именно в политических целях. ...И даже отшельник, замуровавший себя в келье, все равно является частью общества. **Вне политики только мертвый**. И если ты не занимаешься политикой, то политика (жизнь общества-полиса) все равно занимается тобой. Нами правит элита дураков. И задачей этой “элиты” сделать всех дурнее себя, **сделать людей стадом баранов**, внушая им, что надо **жить вне политики...**» (<http://syzrankprf.ru/forum/10-rossiya/124-mozhno-li-byt-vne-politiki>).

Обратим внимание на то, что рассмотренные ранее смыслы в принципе безоценочны: в зависимости от контекста они могут приобретать как положительную, так и отрицательную коннотацию. Принципиальное отличие нового концептуального смысла в том, что он имеет ярко выраженную негативную оценочность, которая в контексте представлена как безусловная социальная оценка.

Отмечая «громадное значение» оценки в высказывании, рассчитанном на широкую социальную аудиторию [3], М. М. Бахтин (В. Н. Волошинов) писал, что существенные социальные оценки вырастают из общности «окружающего говорящих бытия» [Там же]. Для политического сознания это важный момент, поскольку, как отмечал Х. Парре, коммуникация — это «один из модулей, с помощью которых можно войти в самые глубинные слои отношений, существующих в общественной жизни» [21. Р. 89].

Появление негативного оценочного смысла в концепте *вне политики* свидетельствует об актуальности в коллективном сознании оппозиции *народ — власть*. Актуализация той или иной оппозиции в публичном дискурсе зависит в первую очередь от конкретной ситуации в обществе. Выявление и анализ таких концептуальных смыслов в публичном дискурсе позволяют увидеть объективно существующую в социуме негативную ситуацию и в определенной степени прогнозировать социальные и политические конфликты.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. — Воронеж, 2001. — С. 25—35.
2. Болдырев, Н. Н. Теоретические основы и методологические принципы когнитивного исследования языка / Н. Н. Болдырев // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2013. — № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. — С. 7—13.
3. Волошинов, В. Н. Марксизм и философия языка / В. Н. Волошинов // М. М. Бахтин (Под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка : статьи. — М., 2000. — С. 349—486.
4. Воркачев, С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» / С. Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. — Вып. 24. — М., 2003. — С. 5—12.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 3. / В. И. Даль. — СПб. ; М., 1882.
6. Демьянков, В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В. З. Демьянков // Вopr. филологии. — 2001. — № 1. — С. 35—47.
7. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. Т. 2 / Т. Ф. Ефремова. — М., 2006.
8. Заколотный, Р. А. Политическая концептология как направление политико-философских исследований : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Р. А. Заколотный. — Ростов н/Д, 2012. — 22 с.
9. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. — М., 1996.
10. Макаренко, В. П. Политическая концептология: первые итоги разработки / В. П. Макаренко // Полит. исслед. — 2009. — № 6. — С. 149—167.
11. Неретина, С. С. Концепты политического сознания [Электронный ресурс] / С. С. Неретина, А. П. Огурцов // Полит. концептология : журн. метадисциплинар. исслед. — 2009. — № 1. — С. 17—78. — URL: <http://elibrary.ru/>.
12. Пименова, М. В. Концепт *политика* и способы его репрезентации / М. В. Пименова // Изв. УрГПУ. Лингвистика. — 2005. — Вып. 15. — С. 32—39.

13. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж, 2001.
14. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный : в 6 т. Т. 4. — СПб., 1822.
15. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурный концепт как системное образование / Г. Г. Слышкин // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультур. коммуникация. — 2004. — № 1. — С. 29—34.
16. Стернин, И. А. Типы значений и концепт / И. А. Стернин // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр. — Тамбов, 2005. — С. 257—283.
17. Трофимова, Ю. В. Концепт «политика» в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Ю. В. Трофимова. — Барнаул, 2004. — 15 с.
18. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — М., 2006.
19. Шарандин, А. Л. Словарь как отражение категоризации / А. Л. Шарандин // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр. — Тамбов, 2005. — С. 302—309.
20. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Волгоград, 2000. — 440 с.
21. Parret, H. Pragmatique philosophique et épistémologie de la pragmatique: Connaissance et contextualité / H. Parret // Le langage en contexte: Études philosophiques et linguistiques de pragmatique. — Amsterdam, 1980. — P. 7—189.

Сведения об авторе

Воронцова Татьяна Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. voron500@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 55—60.*

THE CONCEPT “OUTSIDE OF POLITICS” IN THE RUSSIAN COMMUNICATIVE SPACE

T.A. Vorontsova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. voron500@yandex.ru

The article deals with the functioning of the concept “outside ” of politics in Russian public discourse. This concept is realized with respect to abstract or multiple objects (sphere of activity or social group), and also in relation to an individual. The semantic realization of the concept outside politics depends on the type of object. At present, in the Internet discourse, a new meaning is being formed within the framework of the concept under study: to stay outside politics means not to openly oppose the authorities as a whole or their individual actions. The emergence of this negative evaluative sense in the concept outside politics shows that the functioning of this concept in the Russian communicative space is determined by extralinguistic factors.

Keywords: *political discourse, concept, politics, outside of politics, social assessment.*

References

1. Boldyrev N.N. Kontsept i znachenije slova [Concept and meaning of the word]. *Metodologicheskiye problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh, 2001. Pp. 25—35. (In Russ.).
2. Boldyrev N.N. Teoreticheskiye osnovy i metodologicheskiye printsipy kognitivnogo issledovaniya yazyka [Theoretical bases and methodological principles of cognitive language research]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no. 24 (315), pp. 7—13. (In Russ.).
3. Voloshinov V.N. Marksizm i filosofiya yazyka [Marxism and the Philosophy of Language]. *Bakhtin M.M. (Pod maskoy). Freydzizm. Formal'nyy metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Stat'i* [Bakhtin M.M. (Under a mask) Freudianism. Formal method in literary criticism. Marxism and the philosophy of language. Articles]. Moscow, 2000. Pp. 349—486. (In Russ.).

4. Vorkachev S.G. Kontsept kak “zontikovyy termin” [Concept as an umbrella term]. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya* [Language, cognition, communication], 2003, iss. 24, pp. 5—12. (In Russ.).
5. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivago velikoruskago yazyka v 4 t. T. 3* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language in 4 vol. Vol. 3]. St. Petersburg, Moscow, 1882. (In Russ.).
6. Dem'yankov V.Z. Ponyatiye i kontsept v khudozhestvennoy literature i v nauchnom yazyke [Term and concept in fiction and in scientific language]. *Voprosy filologii* [Questions of Philology], 2001, no. 1, pp. 35—47. (In Russ.).
7. Yefremova T.F. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka v 3 t. T. 2* [The modern explanatory dictionary of the Russian language in 3 vol. Vol. 2]. Moscow, 2006. (In Russ.).
8. Zakolodniy R.A. *Politicheskaya kontseptologiya kak napravleniye politiko-filosofskikh issledovaniy* [Political Conceptology as a Direction of Political and Philosophical Research]. Rostov, 2012. 22 p. (In Russ.).
9. Kubryakova Ye.S. (ed.). *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, 1996. (In Russ.).
10. Makarenko V.P. Politicheskaya kontseptologiya: pervye itogi razrabotki [Political Conceptology: First Results of Development]. *Polis: politicheskiye issledovaniya* [Polis: political studies], 2009, no. 6, pp. 149—167. (In Russ.).
11. Neretina S.S., Ogurtsov A.P. Kontsepty politicheskogo soznaniya [Concepts of Political Consciousness]. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadisciplinarnykh issledovaniy* [Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research], 2009, no. 1, pp. 17—78. Available at: <http://elibrary.ru/> (In Russ.).
12. Pimenova M.V. Kontsept politika i sposoby ego reprezentatsii [Concept “policy” and ways of its representation]. *Izvestiya UrGPU. Lingvistika* [News of the Ural State Pedagogical University], 2005, iss. 15, pp. 32—39. (In Russ.).
13. Popova Z.D., Sternin I.A. *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays on Cognitive Linguistics]. Voronezh, 2001. (In Russ.).
14. *Slovar' Akademii Rossiyskoy po azbuchnomu poryadku raspolozhenniy v 6 t. T. 4* [Dictionary of the Academy of the Russian alphabet order is located in 6 vol. Vol. 4]. St. Petersburg, 1822. (In Russ.).
15. Slyshkin G.G. Lingvokul'turnyy kontsept kak sistemnoye obrazovaniye [Linguocultural concept as a systemic formation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2004, no. 1, pp. 29—34. (In Russ.).
16. Sternin I.A. Tipy znacheniy i concept [Types of meanings and the concept]. *Kontseptual'noye prostranstvo yazyka* [Conceptual space of language]. Tambov, 2005. Pp. 257—283. (In Russ.).
17. Trofimova Yu.V. *Kontsept “politika” v russkoy yazykovoy kartine mira* [Concept “politics” in the Russian language picture of the world. Abstract of thesis]. Barnaul, 2004. 15 p.
18. Chudinov A.P. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Moscow, 2006. (In Russ.).
19. Sharandin A.L. Slovar' kak otrazheniye kategorizatsii [Dictionary as a reflection of categorization]. *Kontseptual'noye prostranstvo yazyka* [Conceptual space of language]. Tambov, 2005. Pp. 302—309. (In Russ.).
20. Sheygal Ye.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd, 2000. 440 p. (In Russ.).
21. Parret H. Pragmatique philosophique et épistémologie de la pragmatique: Connaissance et contextualité. *Le langage en contexte: Études philosophiques et linguistiques de pragmatique*. Amsterdam, 1980. Pp. 7—189. (In French).

НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ И ДОЛЖНОСТИ В ЮЖНОУРАЛЬСКИХ ДЕЛОВЫХ ПАМЯТНИКАХ XVIII В.

Е. И. Голованова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматриваются особенности функционирования в деловой письменности Южного Урала наименований лиц по профессии и должности как составляющих единой категории профессионального деятеля. Анализ ведется по трем основным группам единиц: названия лиц, занятых в горнозаводском производстве; названия лиц в сфере судопроизводства и названия канцелярских служащих. Выявляются содержательные характеристики представленных в деловых памятниках наименований и закономерности их употребления в соответствии с жанрово-стилистическими параметрами текстов.

Ключевые слова: *наименования лиц по профессии, наименования лиц по должности, русский язык, деловая письменность, XVIII в.*

Памятники деловой письменности XVIII в., созданные на периферии, представляют большой интерес для русской исторической лексикологии как источник информации о важнейших тенденциях в развитии словарного состава языка, об изменениях в осмыслении тех или иных предметов, явлений, отношений в переходную для экономической и культурной жизни страны эпоху.

Настоящая статья посвящена лишь одному аспекту интерпретации данного материала — репрезентациям наименований лиц по профессии и должности как составляющих единой категории профессионального деятеля [4]. Сфера делового языка — ключевая сфера образования и функционирования подобных единиц. Здесь они используются в своем прямом значении, без переосмысления.

Аналізу подвергнуты наименования лиц, которые представлены в южноуральских деловых памятниках XVIII в., хранящихся в фондах Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО) и опубликованных в сборниках «Лингвистическое краеведение на Южном Урале» [7; 8] и «Челябинская старина» [13]. В качестве дополнительного источника привлекались исследования местных деловых рукописей указанной эпохи, выполненные челябинскими филологами в русле исторического источниковедения и исторической стилистики [2; 3; 9].

Все лексические единицы распределены нами по трем основным группам: 1) названия лиц, занятых в горнозаводском производстве; 2) названия лиц в сфере судопроизводства; 3) названия канцелярских служащих.

Первая группа наименований используется главным образом в документах административно-хозяйственного характера — в официально-деловой и частно-деловой переписке.

В опубликованных документах фонда И-227 «Златоустовская контора чугуноплавильных и железоделательных заводов Мосоловых, Лугинина, Кнауфа» из нескольких десятков обозначений горнозаводских рабочих зафиксированы лишь единичные примеры: *плотник*, *плотинный мастер*, *плотинный подмастерье*, *слесарь*. Из текста следует, что плотинный мастер и плотник являются одним и тем же лицом¹: «за неимением свободных плотинных мастеров и подмастерьев взяв с завода цесаревны анны плотинного русакова <...>» (Л. 156); «оному попову и плотнику русакову <...>» (Л. 156 об.). Между тем на большинстве горных заводов плотинный мастер и плотник — это наименования разных специалистов: первый из них относился к категории высококвалифицированных рабочих, он планировал и выполнял необходимые виды деятельности по строительству и поддержанию в надлежащем состоянии заводской плотины, а другой осуществлял различные работы, связанные с обработкой дерева: починку инструментов и оборудования, изготовление крепи для рудников и т. п.

В рапорте, направленном в Златоустовскую заводскую контору из Саткинской заводской конторы, упоминается слесарь Михей Семенов Падучев. В этом же тексте содержится наименование лица

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация источника сохранены.

по должности — *куренной смотритель* (слово «курень» в уральской горнозаводской терминологии означает «место выжega древесного угля» [6. С. 14; ср.: 10. С. 100], а также «дрова, заготовленные и сложенные для углежжения» [12, т. 2. С. 76]). Из остальных обозначений профессиональных деятелей, встречающихся в опубликованных текстах указанного фонда, выделим наименования *приказчик (прикащик)*, *берггешворен*, *геодезист*, *гитенфорвальтер*, *шихтмейстер*, *унтершихтмейстер*, *куренной надзиратель* и *управитель*. Примечательно, что, несмотря на иноязычное происхождение большинства перечисленных наименований (вследствие активного привлечения для работы на уральских заводах XVIII в. немецких специалистов), на всех должностях, судя по текстам, были русские люди. Ср.: «гитенфорвальтер Василий Раздеришин», «берггешворен Алексей Княгинкин», «геодезисты Яков Мелников и Михей Минеалев», «унтершихтмейстер Гаврила Попов», «шихтмейстеры Никита Зарутский, Егор Горбунов, Алексей Степанов». Дадим необходимые пояснения к приведенным терминам.

Термин *гитенфорвальтер*, или *гитенфервальтер* (нем. *Hüttenverwalter*), использовался для именованя лица, надзирающего за всем ходом заводских работ, производством металла как основного продукта заводской деятельности (ср.: нем. *Verwalter* — управляющий, заведующий), наименование *берггешворен* (нем. *Berggeshworner*) служило обозначением горного надзирателя, наблюдавшего за ходом работ внутри рудника. Как отмечается в «Словаре золотого промысла Российской Империи» О. В. Борхвальдт, это лицо находилось под непосредственным начальством бергмейстера, главного распорядителя всех горных работ [1. С. 33].

Геодезист — специалист по различным инженерно-техническим работам, в том числе по составлению планов и карт, отображающих форму и размеры земной поверхности (в словаре О. В. Борхвальдт данного наименования нет). В большинстве деловых памятников, связанных с деятельностью уральских горных заводов, это лицо именуется иначе — *межевищик*, *землемер* [2].

Термин *шихтмейстер* (нем. *Schichtmeister*) использовался для обозначения рудничного надзирателя; наименование *унтершихтмейстер* (нем. *Unterschichtmeister*) служило для определения статуса младшего горного надзирателя («звание, присваиваемое нижним чинам, занимающимся

по разным частям горного и заводского производств и по письмоводству» [1. С. 176]).

Больше всего в текстах памятников содержится упоминаний о приказчиках, они же являются авторами-составителями значительной части документов (как правило, доношений). Так, упоминаются приказчики Федот Ахматов, Михайло Корнаков, Лукьян Масалов, Степан Можеев, Аким Чукносов, Иван Швецов.

В документах фонда И-172 «Главное управление Кыштымскими горными заводами», включающего переписку Никиты Никитича Демидова, жившего в Санкт-Петербурге, с приказчиками уральских заводов, содержится немалое количество наименований субъектов профессиональной деятельности. Здесь представлены обозначения, входящие в состав трех из четырех основных подсистем горнозаводской терминологии: 1) терминология производства металлов; 2) терминология вспомогательных работ; 3) терминология сплавных работ (подробнее см.: [6]). Не обнаружены нами лишь наименования из подсистемы рудничной терминологии, которая отражала понятия, связанные с добычей руды и ее первоначальной обработкой.

Примечательно, что в ряде текстов наименования субъектов профессиональной деятельности используются в названиях документов, например: «тетрадь для записки поступивших в приход ис того числа употребивших в расход денег, в бытность при тои должности караванного Григорья блиновского», «Тетрадь для записки поступивших в приход, и из того числа употребляющих в расход при караване денег в бытность при тои должности расхотчика петра селезнева». Отметим что наименование *караванный приказчик* преобразовано здесь в субстантивированное наименование *караванный*. Данное явление, отражающее действие закона экономии речевых усилий, было чрезвычайно распространенным в исследуемую эпоху [5]. Так, в текстах, где обсуждаются проблемы, связанные со сплавом металла по рекам (посредством караванов барок), упоминаются *караванные* и их *писари*, *служители*, *работники*. Во всех случаях мы имеем дело с сокращенными наименованиями, полный вид которых представлен в других горнозаводских документах (официально-делового характера) следующими сочетаниями: *караванный писарь*, *караванные служители (служители при караванах)*, *караванные работники (работники при караванах)* [6]. Из числа *караванных работников*

упоминаются *коренные работники, лоцманы, водоливы и коноводы*.

Квалифицированные заводские рабочие в рассматриваемых текстах обозначаются, как правило, сокращенно — словом *мастер* («какие мастера назначены», «выписывали мастера»), реже полностью — *молотовые мастера, доменные мастера, куренной мастер, угольные верховые и рядовые мастера*, менее квалифицированные — *младшие мастера*. Из остальных рабочих упоминаются *засыпка* («работник, засыпающий руду и другие материалы в печь (домну)», ср.: *доменный засыпка*), из вспомогательных (поторжных) работников — *резальщики (кирпича) и подводчики*, из заводских должностей — *надзиратель, приемщик, писчик (пищик) и расходчик*. Из профессиональных лиц, не занятых в горно-заводском производстве, в письмах заводчика Н. Н. Демидова упоминается лишь *дворник*.

В документах фонда И-15 «Челябинский городовой магистрат», отражающих особенности системы судопроизводства, обнаруживаются разветвленные словообразовательные и стоящие за ними концептуальные связи между вербальными обозначениями лиц и понятиями, входящими в круг их профессиональной деятельности.

Одним из показательных примеров наличия сложной системы отношений в текстах является наименование *сыщик*. Это слово образовано от глагола *сыскать*. В памятниках деловой письменности встречается немало количество лексических единиц, входящих в соответствующее словообразовательное гнездо: *розыскивать, розыск, розыской, сыской, сыскаться, сыскивать, обыскание, обыск, взыскивать, взыскивание, доискиваться, поиск*. Перечисленные наименования являются однословными терминами, либо входят в качестве компонентов в аналитические термины, либо используются в составе стандартных речевых оборотов, характерных для делового языка XVIII в. Например: *сыскная команда, розыскное дело, учинить розыск; определен для сыску и искоренения воров; быть у сыску воров и разбойников; по подлинному розыску явятся; подлинного известия не сыщется; по розыску окажутся подозрительны; предписано определение... к обысканию утратившейся соли; по долговым росписям о взыскании; доискиваться истинны через расспросы с пристрастием под плетми; объявлять определенному к поимке сыщику; не упуская времени для сыску; для поиску и в погоню с ружьем; сыскивать всякими сыски*.

Исходя из анализируемых материалов, представляется возможным реконструировать следующую картину. Основными преступлениями, расследованием которых занимался сыщик, являлись кражи, грабежи, разбои и убийства. Сыщик предназначался для поимки преступника, подготовки его «дела» для рассмотрения в суде (через «расспросы с пристрастием»), он же мог «чинить наказание» (отнимать все движимое и недвижимое имущество, наказывать кнутом). Судя по названию, главное в деятельности сыщика — поиск преступника. Формирование дела, по-видимому, не вызывало особых затруднений, вина преступника оказывалась очевидной, особенно в тех случаях, когда он сознавался. В помощь главному сыщику определялась *сыскная команда*, члены которой непосредственно осуществляли сыск, учиняли допросы, а также *канцелярия* («сыщикова канцелярия»), включавшая одного *секретаря*, двух *канцеляристов* и четырех *копиистов*.

Наиболее запутанные и трудные дела требовали исследования, сигналом к началу которого являлся письменный документ вышестоящего лица («повелено было о произведении о сем изъследования»; «надлежит изъследовать и с виновными поступить по законам»; «учинить в немедленном времени исследование»; «благоволено бь было изследовать»; «препоручил кому следует произвестъ строжайшее изследование»; «по окончании сего следствия»; «произведено <...> по требованию уфимского наместнического правления изследование»; «к производству сего следствия приступить не можно»; «помянутого следствия еще не окончано»; «относительно до немедленного изследования» и т. п.). В результате проведенного исследования должна «изыскана быть истинна».

Обратимся к третьей группе наименований лиц по роду профессиональной деятельности — названиям канцелярских работников. Почти каждый памятник деловой письменности содержит указание на должность лица, составившего или подписавшего данный документ. В большинстве случаев это специально предназначенный для такого рода деятельности работник (канцелярский служащий).

Как известно, в XVIII в. вступила в действие новая система делопроизводства — коллежская, сменившая приказное делопроизводство. Если на предыдущем этапе, в XV—XVII в., созданием и хранением документов занимались в основном дяки и подьячие, то теперь появилась

разветвленная сеть служащих канцелярий, которая тем более многочисленна, чем крупнее было само отделение канцелярии, чем больший объем работ оно выполняло. Как отмечают исследователи, штат канцелярских служащих составляли *секретари (старшие и младшие), протоколист, регистратор, канцеляристы, писцы, переводчики, толмачи* (где это было необходимо) [11. С. 37]. Не все из этих обозначений использованы в южноуральских деловых памятниках. В исследуемых текстах выявлено десять названий канцелярских служащих: *канцелярист, протоколист, секретарь, (коллежский) регистратор, подканцелярист, копиист, конторщик, переводчик, подьячий и писец (писчик, пищик)*.

Как показал анализ разнообразных текстов, представляющих три сферы делопроизводства: административную, финансово-хозяйственную и судебную, — расширение канцелярского штата и усложнение документооборота не привело еще в XVIII в. к строгой регламентации деятельности служащих и унификации их труда. Хотя и наблюдается наличие ряда соответствий между типом документа и должностью составившего и подписавшего его, но все же состав последних мог варьироваться.

Копии императорских указов обычно скреплялись подписями трех служащих (ср.: «подлинно за крепь секретаря Ивана Иванова с подлинных читал регистратор Андрей Григорьев С подлинным читал подканцелярист Иванъ Рыков»; «Протоколистъ Стефанъ Ивановъ Канцеляристъ Петръ Поликарповъ Канцеляристъ Иванъ Саблуковъ»; «на копии подписали черемисиновъ протоколистъ Степанъ Иванов канцелярист Иван гурьевъ»), но могли быть подписаны также двумя должностными лицами: 1) секретарем и канцеляристом («секретарь Савва Канцеляристъ Яковъ Тетюеф»; «секретарь Василий Андрониковъ Канцелярист Григоріи Изографовъ»; «секретарь Иван Березов Канцелярист Гаврил Ершов»); 2) секретарем и подканцеляристом («Секретарь Миха'ло черемисиновъ Подканцеляристъ Дмитрі Портнягинъ»; «секретарь даринал Кафанин подканцелярист Иван Краснов»); 3) секретарем и регистратором. В некоторых случаях копия приказа подписывалась одним лицом — секретарем, канцеляристом или подканцеляристом («секретарскую должность Миха'ло Черемисиновъ»; «с подлинным читал подканцелярист Иван Рыков»; «канцелярист Иван Саблуковъ», на полях помечено: «за секретаря»).

В оригинальных документах также содержатся подписи трех лиц. Например, в росписи отводным рудникам встречаем указание на три подписи служащих: «...на подлинном по листом подписано тако в должности протоколистъ Sergei Пахотинскіи канцеляристъ петръ Залесев Егоръ Горбунов» (имя последнего в других документах сопровождается указанием «ундеръ шихтъmeisterъ»). В конце текста промемория читаем: «...у подлинного подписано тако князь Степан мещерской николаи аничковъ секретарь михаило черемисиновъ канцеляристъ Дмитрии Портнягинъ». Но обычно промемории и доклады писались и подписывались канцеляристами («Писал канц-т Федоръ [Мартынов]»; «канцелярист Михаило Черемисиновъ»).

Сообщения обычно подписывались двумя служащими: 1) секретарем и канцеляристом («секретарь Иванъ маневъ канцеляристъ петръ подшиваловъ»; 2) коллежским регистратором и канцеляристом («коллежский регистратор Филипъ канцеляристъ Иванъ [осиповъ]»).

В некоторых документах обращает на себя внимание параллельное использование наименований «секретарь» и «канцелярист»: одно и то же лицо могло выступать в документах под тем или другим именем. Так, в ряде исследуемых документов Василий Авилов обозначен как секретарь, а в других — как «канцелярист Челябинскаго городского магистрата». Совмещение двух должностей в одном лице обнаруживается еще в одном случае: «Правящій должность секретарску канцеляристъ адре' [Высотинъ]». Однако в подавляющем большинстве документов эти две должности разведены: «За секретаря канцеляріи Петр Сильвановъ Канцеляристъ Стефанъ Вицинъ».

В конце текстов доношений, прошений, расписок и подписок о невыезде содержится указание на подпись писца: «К сему доношенію въместо женки Авдотьи агеевой дочери по ее прозьбе руку приложил челябинскаго городского магистрата писецъ дмитрей бабушкинъ»; «к сему прошению вместо крестьянина ефтифея толщина по ево прозьбе руку приложил писецъ Иванъ рышковъ»; «къ сей расписке вместо вышеписаннаго крестьянина матвея малюкова по ево прозьбе руку приложилъ челябинскаго городского магистрата писецъ дмитрей бабушкинъ». Этот же канцелярский служащий сверял и подписывал тексты копий приказов, объяснений, ср.: «С подлинным читал писецъ Дмитрий Овчинниковъ»; «<...> писец Иван Лавров».

Отметим, что наименование *писец* в некоторых документах имеет вариант *писарь* или *писчик* (*пищик*). Объединяет все эти названия невысокий профессиональный статус обозначенного ими канцелярского работника, в связи с чем ему доверялось оформлять малозначительные жанры делового письма, документы внутреннего делопроизводства (например, из церковных документов — приказы о церковном быте и т. п.). Как отмечают исследователи, в документах, подписанных писарями, писцами и писчиками, «черты живого языка представлены шире» [14. С. 101].

Копии документов вышестоящих организаций, как правило, содержали подпись *копииста*. Так, в копиях приказов читаем: «С подлинным читаль копиист Павел Галляховский». В обязанности копииста входило также дословное переписывание текстов всех писем, отправленных из канцелярии, с указанием подписавших их должностных лиц.

Подканцелярист сверял написанное. Так, в копии журнальной записи Челябинского духовного правления указано: «...подлинной подписал прожереи Петр Топорковъ С подлинного читал подканцеляристь Дмитрей [Игичев]»; в копии журнальной записи об освидетельствовании церковных вещей зафиксировано: «...подлинник читал подканцелярист Дмитрей Бичевъ»; в копии расписки отмечено: «...с подлинною читал подканцелярист Савва Земляницынъ».

В исследуемых письменных памятниках обращает на себя внимание указание на должность *переводчика*: в документах, отражающих контакты с башкирами или их поверенными, он ставил свою подпись наряду с копиистом («по татарски подписался алиман мильяшов маратабынским <...> такову ж их слово переводил переводчик Александр Александров») или же сам являлся их автором («в ысецкую провинциальную канцелярию онои же канцелярии переводчика Александрова рапортъ»).

Должности *контрорщика* и *подьячего* упоминаются главным образом в заводских документах,

например хранящихся в фонде И-33 «Деловая переписка заводчиков Лугининых с духовным правлением о постройке новой церкви». В тексте доношения читаем: «...к сему доношенію Златоустовского завода прикащикъ николай Корепанов подписался канторщикъ Михайль поляковъ Подьячий Иванъ Садовниковъ». Наименование «канторщик» часто используется в текстах рапортов («канторщик Андрей Евремов»). Необходимо отметить, что данное слово образовано от обозначения *кантора*, имеющего родовой характер. В XVIII в. существовал целый ряд подобных заведений, различающихся сферой деятельности: *заводская кантора*, *земская кантора*, *соляная кантора*, *дистаночная кантора*, *таможенная кантора* и т. п.

Все рассмотренные наименования объединяются в группу обозначений разнообразных должностей, то есть определенных функциональных статусов в общей структуре деятельности канцелярий. У каждого должностного лица имелся свой круг обязанностей, и каждому была установлена особая мера ответственности. Нами выявлен в целом зависимый, регламентированный характер деятельности данных лиц, что подчеркнуто в языке через сочетаемость исследуемых (или производных от них) наименований: *секретарскую должность отправлять повелено; исправлять должность канцеляриста, копииста и т. д.; исправлять/отправлять службу в канцелярии; определить в канцелярскую службу — быть определенным в канцелярскую службу; секретарем определенъ; записать в службу — быть записанным в службу; числиться/значиться в писчиках, секретарях и т. п.*

Таким образом, тексты южноуральских памятников деловой письменности XVIII в. представляют собой содержательный источник по исторической лексикологии русского языка. В них закреплена система устойчивых наименований лиц по профессии и должности, за которыми стоят определенные концептуальные структуры различных сфер профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Борхвальдт, О. В. Словарь золотого промысла Российской Империи / О. В. Борхвальдт. — М., 1998. — 240 с.
2. Боярская, О. В. Южноуральские документы-описания конца XVIII — первой половины XIX в. в аспекте исторической стилистики / О. В. Боярская. — Челябинск, 2015. — 216 с.
3. Глухих, Н. В. Переписка заводчиков Демидовых с приказчиками конца XVIII — начала XIX в.: историко-лингвистический аспект / Н. В. Глухих. — Челябинск, 2006. — 160 с.

4. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка (лингвокогнитивный анализ) / Е. И. Голованова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. И. Голованова. — Челябинск, 2004. — 50 с.
5. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке / Е. И. Голованова. — М., 2008. — 304 с.
6. Голованова, Е. И. Становление уральской горнозаводской терминологии в XVIII — начале XIX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Голованова. — Челябинск, 1995. — 22 с.
7. Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. 1. Материалы к истории языка деловой письменности XVIII века / под общ. ред. Л. А. Глинкиной. — Челябинск, 2000. — 270 с.
8. Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. 2. Материалы к истории языка деловой письменности XVIII века / под общ. ред. Л. А. Глинкиной. — Челябинск, 2001. — 242 с.
9. Новоселова, Н. А. Формирование стереотипов делового письма в XVIII веке на Южном Урале / Н. А. Новоселова : учеб. пособие. — Челябинск, 2006. — 176 с.
10. Полякова, Е. Н. От «араины» до «яра»: русская народная географическая терминология Пермской области / Е. Н. Полякова. — Пермь, 1988. — 180 с.
11. Пшенко, А. В. Делопроизводство: Документационное обеспечение работы офиса : учеб. пособие / А. В. Пшенко. — М., 2002. — 176 с.
12. Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. — Свердловск, Екатеринбург, 1964—1996.
13. Челябинская старина : материалы истории языка деловой письменности XVIII в. / под общ. ред. Л. А. Глинкиной. — Челябинск, 2004. — 216 с.
14. Шнякина, И. А. Документы Богоявленской церкви села Утятского Курганского уезда Тобольской Епархии второй половины XVIII века как лингвистический источник / И. А. Шнякина // Локальные традиции народной культуры в конце XX века : материалы регион. науч.-практ. конф. — Курган, 2002. — С. 100—107.

Сведения об авторе

Голованова Елена Иосифовна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. ligol@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 61—67.

NAMES OF PERSONS BY PROFESSION AND POSITION IN SOUTH URAL BUSINESS WRITING OF THE XVIII CENTURY

Ye. I. Golovanova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ligol@csu.ru

The article deals with the peculiarities of functioning in the South Ural business writing names of persons by profession and position as components of a single category of professional. Three main groups of these units are analyzed: names of persons employed in mining production; names of persons in the field of justice and names of clerical employees. The article reveals the content characteristics of the names presented in the business writing and the patterns of their usage in accordance with the genre and stylistic parameters of the texts.

Keywords: *names of persons by profession, names of persons by position, the Russian language, business writing, the XVIII century.*

References

1. Borkhval'dt O.V. *Slovar' zolotogo promysla Rossiyskoy Imperii* [The Russian Empire Golden Craft Dictionary]. Moscow, 1998. 240 p. (In Russ.).

2. Boyarskaya O.V. *Yuzhnouralskiye dokumenty-opisaniya kontsa XVIII — pervoy poloviny XIX v. v aspekte istoricheskoy stilistiki* [South Ural Documents-Descriptions of the end of the XVIII — the first half of the XIX centuries in the Aspect of Historical Stylistics]. Chelyabinsk, 2015. 216 p. (In Russ.).
3. Glukhikh N.V. *Perepiska zavodchikov Demidovykh s prikazchikami kontsa XVIII — nachala XIX v.: istoriko-lingvisticheskiy aspekt* [Manufacturers Demidov's Correspondence with Countermen in the end XVIII — beginning of XIX centuries]. Chelyabinsk, 2006. 160 p. (In Russ.).
4. Golovanova Ye.I. *Kategoriya professional'nogo deyatelya v dinamicheskom prostranstve yazyka (lingvokognitivnyy analiz)* [The Category of Professional Agent in Dynamic Space of Language]. Chelyabinsk, 2004. 50 p. (In Russ.).
5. Golovanova Ye.I. *Kategoriya professional'nogo deyatelya: Formirovanie. Razvitie. Status v yazyke* [The Category of Professional Agent: Formation. Development. Status in Language]. Moscow, 2008. 304 p. (In Russ.).
6. Golovanova Ye.I. *Stanovleniye ural'skoy gornozavodskoy terminologii v XVIII — nachale XIX veka* [Formation of Ural Mining Terminology in the XVIII — beginning of XIX century]. Chelyabinsk, 1995. 22 p. (In Russ.).
7. *Lingvisticheskoye krayevedeniye na Yuzhnom Urale. T. 1* [Linguistic Local History of the South Ural. Vol. 1]. Chelyabinsk, 2000. 270 p. (In Russ.).
8. *Lingvisticheskoye krayevedeniye na Yuzhnom Urale. Vol. 2* [Linguistic Local History of the South Ural. Vol. 2]. Chelyabinsk, 2001. 242 p. (In Russ.).
9. Novoselova N.A. *Formirovaniye stereotipov delovogo pis'ma v XVIII veke na Yuzhnom Urale* [Formation of South Ural Business Writing Stereotypes in the XVIII century]. Chelyabinsk, 2006. 176 p. (In Russ.).
10. Polyakova Ye.N. *Ot "arainy" do "yara": russkaya narodnaya geograficheskaya terminologiya Permskoy oblasti* [Russian Geographical Terminology of Perm Region]. Perm, 1988. 180 p. (In Russ.).
11. Pshenko A.V. *Deloproizvodstvo: Dokumentatsionnoye obespecheniye raboty ofisa* [Document control: Documentary Support of Office Work]. Moscow, 2002. 176 p. (In Russ.).
12. *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala. T. 1—7* [Dictionary of the Middle Ural Russian Dialects. Vol. 1—7]. Sverdlovsk, Ekaterinburg, 1964—1996. (In Russ.).
13. *Chelyabinskaya starina: Materialy istorii yazyka delovoy pis'mennosti XVIII veka* [Chelyabinsk Olden Time: Papers on History of Business Writing Language of the XVIII century]. Chelyabinsk, 2004. 216 p. (In Russ.).
14. Shnyakina I.A. *Dokumenty Bogoyavlenskoy tserkvi sela Utyatskogo Kurganskogo uezda Tobol'skoy yeparkhii vtoroy poloviny XVIII veka kak lingvisticheskiy istochnik* [Bogoyavlenskaya Church Documents as a linguistic source]. *Lokal'nye traditsii narodnoy kul'tury v kontse XVIII veka* [Local Traditions of Folk Culture of the end of the XVIII century]. Kurgan, 2002. Pp. 100—107. (In Russ.).

КОГНИТИВНАЯ ОПЕРАЦИЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ПРОЕКЦИИ ТЕКСТА

Н. В. Грибачева

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

Статья продолжает описание когнитивной модели процесса формирования читательской проекции связного текста. Исследование производится на материале вторичных текстов, относящихся к жанру фанфикшен. Детально рассматривается когнитивная операция моделирования и ее корреляции с конкретными тактиками, применяемыми реципиентом для формирования проекции первотекста на всех стратегических уровнях (стилистическом, схематическом и макроуровне). Полученные результаты восполняют информационные пробелы в универсальной когнитивной модели текстового восприятия и продуцирования.

Ключевые слова: *восприятие текста, стратегии и тактики, когнитивная операция, моделирование, вторичный текст, фанфикшен.*

Опираясь на гипертекст, мы можем переписать сражение под Ватерлоо <...> но трагическое величие страниц Дюма в том, что, несмотря на наши желания, все идет так, как оно идет. Приучение к мысли о неотвратимости судьбы — одна из главных функций литературы.

Умберто Эко (Il perche della letteratura)

Текстовое пространство, окружающее современного человека, претерпевает значительные изменения. Очевидно увеличение объема ежедневно интерпретируемой реципиентом информации, а также качественное изменение ее свойств. Научные исследования [9; 10; 11] говорят о приобретении текстовым пространством свойств гипер- и мультимедиаальности, иными словами «нежесткости», проводимости структуры материального носителя информации. Один и тот же текст-источник (роман «Война и мир») может существовать в виде традиционного печатного текста, краткого изложения-пересказа, фильма-экранизации, комикса, энциклопедии по содержанию и системе персонажей, насыщенной гиперссылками. Воспринимаемые тексты зачастую приравниваются к гипертекстам. Развитие информационно-коммуникационных технологий привело к расцвету «любительского» текстового творчества в Сети; неограниченное число реципиентов получили возможность реализовать себя в образе авторов. В связи с вышеизложенным актуализируются вопросы восприятия связного текста, а также сопутствующей ему вторичной текстовой продукции. В фокус научного интереса попадают стратегии понимания текстов и когнитивные операции, необходимые современному реципиенту для успешного и эффективного су-

ществования в гипертекстовом информационном пространстве.

В ходе предыдущих исследований нами были выявлены три типа когнитивных операций, к которым прибегает реципиент для переработки любого текста как нового знания: сохранение, моделирование, трансформация [10]. Целью настоящей статьи выступает описание базовой когнитивной операции качественно-количественного моделирования (modelling) в процессе перехода от текста-источника к тексту-продукту [Там же], по сути представляющей собой имитативный процесс [20; 21] креативного характера. В качестве объекта выступают взаимосвязанные процессы восприятия первичного и создания вторичного связного текста. Предметом нашего исследования являются объективации стратегий и тактик формирования читательской проекции текста в структурах текста-продукта [10].

Особенности восприятия текста изучаются нами на материале вторичных текстов, относящихся к жанру фанфикшен. Фанфикшен-текст определяется в научной литературе как производный текст, основанный на оригинальном произведении, использующий идеи его сюжета и (или) персонажей [Там же]. Фикрайтер (англ. ficwriter, автор истории фанфикшен) одновременно является реципиентом текста-источника и, как правило,

его преданным поклонником. Основная цель текстового творчества для фикрайтера заключается в сохранении межтекстовой связи с «материнским» текстом, в погружении во «вселенную» первотекста [11]. «Самостоятельное» существование подобного текста-продукта невозможно и противоречит рамкам жанра фанфикшен. Исходя из указанного выше любой текст жанра фанфикшен по сути является материальной объективацией проекции реципиента. Это позволяет исследовать *процесс формирования читательской (зрительской) проекции*, скрытый для прямого наблюдения в сознании реципиента.

Процесс формирования читательской проекции текста.

Типы когнитивных операций

Наше исследование нацелено на построение *стратегической* модели процесса формирования текстовой проекции. Стратегия (от греч. *strategia* — вождение войск) — это деятельностная модель, постоянно корректируемая с учетом объективной необходимости, возникающей в результате воздействия внешних условий [8; 12; 18].

С опорой на концепцию Т. А. ван Дейка и В. Кинча [2] мы выделяем три группы стратегий по принципу составляющих элементов текста:

- макростратегии формирования проекции текста;
- схематические стратегии формирования проекции текста;
- стилистические стратегии формирования проекции текста [10; 11].

Стилистические стратегии вынесены нами в разряд основных наряду с макро- и схематическими в отличие от типологии стратегий восприятия Т. А. Ван Дейка и В. Кинча, согласно которой стилистические стратегии являются «дополнительными» [2]. Анализ вторичного текстового материала (историй жанра фанфикшен) выявил ряд важнейших функций, возлагаемых на стилистический аспект подобных текстов, а следовательно, и на соответствующие стратегии, применяемые реципиентом-автором [11]. Основными из них являются:

— *Компенсующая* функция [10]. Обеспечивает и поддерживает связь с текстом-источником в случае, если такая связь ослабляется из-за недостаточного количества объективаций текста-источника на макро- и схематическом уровнях текста-продукта [Там же]. Компенсирующая функция активизируется, если критерии мате-

риальной представленности текста-продукта и текста-источника отличаются (например, первоисточником является фильм/сериал/песня и т. д.). Подражание стилистике текста-источника в таком случае «уравновешивает» вторичный текст, наделяя его свойством «узнаваемости», верифицируемости [Там же] другим реципиентом.

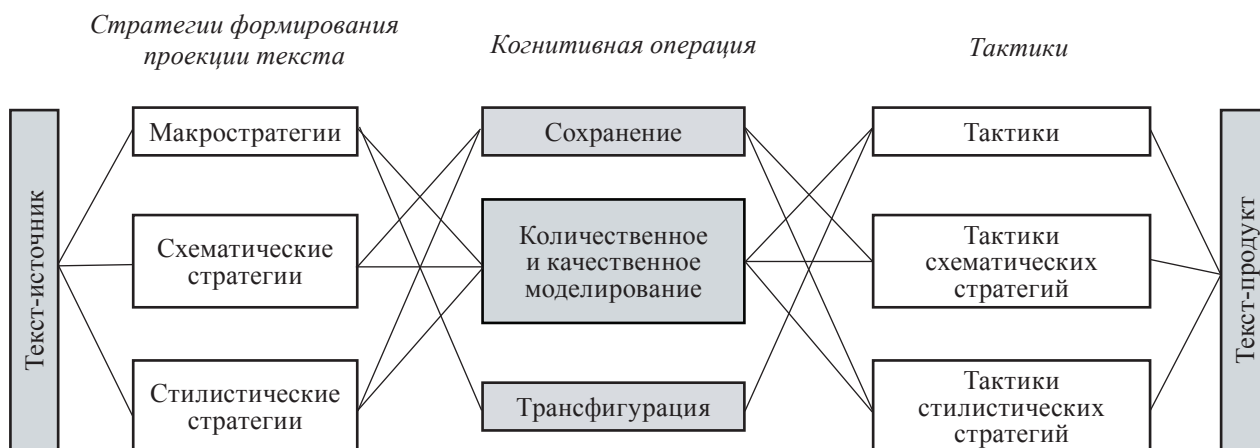
— *Функция создания новых смыслов* [Там же]. Стилистическая игра (зачастую в форме сочетания несочетаемых стилистических регистров) широко применяется фикрайтерами в качестве «пускового механизма» порождения текста [Там же].

Многие области современного научного знания оперируют понятием «когнитивная операция». В педагогике когнитивные операции приравниваются к «процедурам, операциям мышления», таким как анализ, синтез, обобщение, конкретизация и т. д. [12]. По М. Каясима [20], под *когнитивной операцией* понимается мыслительный механизм, направленный на извлечение семантического значения из языкового выражения (как и любого сообщения на языке символов, например рисунка) с целью интерпретации значения в приведенном контексте [18]. При переходе реципиента от текста-источника к тексту-продукту нами наблюдались *когнитивные операции трех типов* [10]:

- сохранение [Там же];
- качественно-количественное моделирование [Там же];
- трансфигурация (полная трансформация) [Там же].

Перечисленные типы когнитивных операций находят реализацию в рамках каждой из стратегий формирования читательской проекции текста [Там же]. В ходе их реализации просматривается определенный набор тактик. Тактика в контексте нашего исследования трактуется как выбор и осуществление одного из альтернативных способов формирования элементов текстовой проекции [10; 11]. Соотношение когнитивных операций со стратегиями и тактиками их осуществления в процессе формирования читательской проекции текста можно представить в виде схемы (см. рисунок).

Элементы текста, подвергаясь переработке с помощью соответствующих стратегий (макро-, схематических, стилистических), являются «строительным материалом» для текста-продукта. Выбор тактики («способа» переработки) зависит от типа когнитивной операции [10] (сохранение, моделирование, трансфигурация [Там же]).

Когнитивная модель процесса формирования проекции текста

Когнитивная операция моделирования

Формирование читательской проекции, безусловно, является *творческим* процессом. В особенности это справедливо в случае создания истории фанфикшен, не имеющей права на жизнь без элементов продуцирования [10]. Тем не менее креативность фикрайтера отличается от креативности писателя: в творчестве первому *необходимо* ориентироваться на элементы и структуры оригинального текста и воспроизводить их слегка измененными, что и обеспечивается в рамках когнитивной операции моделирования.

Настоящая статья фокусируется на особенностях восприятия исключительно печатного текста. Такой текст предоставляет информацию читателю 1) визуально, в единой форме; 2) фрагментарно. Читатель вынужден «достраивать» адекватную модель действительности первотекста (портретные образы героев, локации событий и т. д.) в сознании самостоятельно. Тем самым элементы читательских проекций неизбежно различаются в зависимости от гендерных, возрастных особенностей, вкусов и предпочтений, жизненного опыта, уровня фантазии и даже интеллекта [10; 11; 12]. Элементы текста на различных уровнях подвергаются модуляциям, но общая ориентация на текст-источник остается.

■ На уровне макростратегий

Сюжет и структура сюжета традиционного печатного текста гибки и моделируемы в сознании реципиента. Во многих случаях происходит «вытеснение» большинства планов многокомпонентной, сложной тематики литературного произведения и *фокусировка* лишь на одном (актуальном для фикрайтера по его внутренним причинам) аспекте. В основном этим характеризуются опе-

shot (англ. букв. *однозарядные*) истории. One-shot истории строятся вокруг одной из доминант сюжета оригинального текста. Так, Nobody Listens Anymore [10; 18] — история-продукт, основанная на романе Р. Бредбери «Fahrenheit, 451» («451 по Фаренгейту») [16]. Из всего многокомпонентного сюжета романа фикрайтер-реципиент сфокусировался на тематической доминанте «одиночество в толпе», замене живого общения медиа, в результате которой теряется способность личности к критическому мышлению. По сюжету one-shot зарисовки, главный герой наблюдает за женой, которая целыми сутками занята просмотром интерактивного сериала на большом экране. Тематические доминанты романа «книга как вместилище духовности и человеческих ценностей» и «жесткое тоталитарное общество» [10] в зарисовке фанфикшен упускаются [Там же]. Тактика моделирования сюжета может также производиться путем *выдвижения мелкой сюжетной детали первоисточника в качестве доминирующей темы*. Так, история фанфикшен по роману «Fahrenheit, 451» (And That Makes Me Sad [18; 10]) построена исключительно вокруг идеи о консюмеризме современного общества. Негативный компонент сюжета заимствован частично (нет темы одиночества и тоталитаризма), позитивный компонент («книга как лекарство») не затрагивается фикрайтером.

Система персонажей текста-источника обладает гораздо большей, нежели сюжет, устойчивостью к воздействию когнитивной операции моделирования. Однако удалось выделить два варианта реализации моделирующей тактики: прием *корректировки образа персонажа* и его подвид — прием *корректировки образа негативного*

персонажа [10]. В первом случае реципиент добавляет черты к образу героя, причем коннотация образа и его суть не изменяются. Образ обрасстает деталями и наделяется глубиной [Там же]. В фанфикшен-истории Just Look in the Mirror [10; 18] по роману «Fahrenheit, 451» фикрайтер придал глубины персонажу жены главного героя, детализировал ее образ. В романе Р. Брэдбери эта героиня, являясь «продуктом системы», всего лишь иллюстрирует недостатки общества, описываемого в романе. Брэдбери не выводит ее образ за рамки «предмета мебели», она не способна самостоятельно рассуждать и действовать согласно своим желаниям. Фанфикшен-история дает героине шанс на спасение после разговора с мужем, которому удастся достучаться до нее, буквально заставив избавиться от символических наушников-ракушек, полностью перекрывающих доступ звуков извне, и взглянуть на себя в зеркало.

Во втором случае фикрайтером корректируется образ *отрицательного* персонажа. Прием реализуется: а) через помещение персонажа в ситуацию, изменяющую его сознание, дающую ему «шанс на исправление»; б) мотивирование «отрицательности» какими-либо причинами в прошлом (безответная любовь, трудное детство, одиночество и т. д.). Тем самым происходит моделирование иерархии системы персонажей, соотношение добра и зла в ней слегка изменяется. Яркий пример приема б) — фанфикшен-история по сказке Дж. Барри «Питер Пен» [14], построенная вокруг образа Капитана Крюка (вторичного персонажа, выполняющего роль «воплощения зла» в тексте-источнике). Помещая в фокус повествования такой достаточно «плоский» и однозначно негативный образ, фикрайтер вынужден придать ему глубину и многоплановость, заставить читателей фанфика сопереживать и симпатизировать уже не Питеру Пэну, а его альтер-эго. Мотивирована отрицательная сущность капитана, показан его внутренний мир, его положительные качества, — храбрость, способности к фехтованию, целеустремленность. «James Hook is a dashing young man with a talent for swords. One day his life is turned when his mother is killed by the King's Black Guard, from then on he swears revenge and sets on a quest to destroy them all» (The Hook In Neverland [18]). Другая фанфикшен-история помещает профессора Мориарти (воплощение зла в цикле детективных рассказов сэра А. Конан-Дойля) в ситуацию, когда он вынужден помочь своему коллеге профессору Прэсбери, упраж-

нявшемуся в академической гребле и застрявшему в лодке. Образ Мориарти «приземляется», в реалиях фанфика герой ведет обычную жизнь, общается с друзьями за бокалом вина, работает в университете: «“Professor Presbury couldn't lift his pole. It got stuck in the riverbed. And so I went and helped him,” — Moriarty said and poured himself yet another glass of wine. “You're too kind. Far too kind”, — said Moran» [18]. Следует помнить о том, что тактика моделирования персонажа состоит в исключительно легком модулировании образа персонажа, а не в полной его трансформации.

Внутренние причины «вытеснения» одних планов сюжета и помещения в фокус других, а также необходимости в корректировке системы персонажей зачастую осознаются авторами фанфикшен и прописываются в предисловиях или постскриптах к их произведениям. Например, Р. С. к истории-продукту о ранних годах жизни профессора Мориарти, в которых он подвергался унижению и оскорблениям со стороны отца, а также пережил смерть матери от рук последнего, читается: «Born out of current family turmoil. Sometimes, you can be completely right to hate a parent, and, sometimes, you can take that hatred too far» [18]. Из всего многообразия сюжетных планов читатель оригинального текста А. Конан-Дойля актуализировал темы «мечь» и «воплощение зла» в образе Мориарти. Создание собственного текста в таком случае обладает определенным психотерапевтическим эффектом. Это позволило фикрайтеру озвучить свою проблемную ситуацию, «проиграв» возможные сценарии ее разрешения, которые могут быть незаконными и неодобряемыми общественным мнением (в финале рассматриваемой истории Мориарти стоит на могиле отца и смеется). Известная анонимность в Сети позволяет свободно и без последствий «играть в запрещенное», что дает возможность освободиться от внутреннего напряжения. Подобное разрешение внутреннего конфликта привлекает к сетевому творчеству, по сути являясь неосознанным сеансом психоанализа.

■ На уровне схематических стратегий

Внешняя и внутренняя композиция читательских проекций текста на печатном носителе — гораздо более гибкие и неустойчивые структуры, чем его макроэлементы. Истории фанфикшен отличаются креативностью внешней структуры и текстового дизайна [10]. Любой печатный источник способен дать начало бесконечному числу текстовых дизайнов с наращенными/замененными

элементами. Сложность/невоспроизводимость графики первоисточника неизбежно побуждает фикрайтера прибегать к *тактике моделирования текстового дизайна*. Так, фанфикшен-история на японские комиксы «Наруто» не могла не обладать особым текстовым дизайном. Автор четко разделил текст на смысловые части с помощью увеличенного отступа между абзацами и особых графических элементов (0-0-0-0-0-0-0-0-0-0) [18] подобно листу манги. Такое оформление позволяет тексту-продукту (несмотря на полнотекстовую форму рассказа, а не комикса) оставаться «дочерним» относительно источника «Наруто», укрепляет связь между данными двумя текстами.

Другим приемом приближения фанфикшен-текста к оригиналу выступает иллюстрирование образами персонажей. В исследовании мы пришли к выводу о *тактике моделирования визуального образа* героя, как правило, о сдвиге его в сторону фильмового оригинала (при наличии экранизации), поскольку книжные образы, создаваясь фантазией, фрагментарны и не обладают устойчивостью в сознании реципиента [10]. Образ персонажа становится неотделим от исполнившего его роль актера. Гарри Поттер в представлении реципиентов-фанатов имеет внешность Д. Редклиффа, а хоббит Бильбо Бэггинс выглядит как М. Фримен, что вступает в противоречие с иллюстрациями на обложках первых детских изданий.

Неустойчивость внешнесхематической композиции (среди иных элементов проекции текста) позволяет с легкостью менять это свойство текста, не разрывая межтекстовую связь с оригиналом. Тактика моделирования текстового дизайна широко применяется в случае «несовременного», «слишком книжного», по мнению современного читателя, формата. Подавляющее большинство фанфиков, основанных на пьесах Уильяма

Шекспира, не обладают специфическим оформлением оригинала, предназначенного для постановки на сцене (разделение на акты, список действующих лиц, место действия и т. д.). Подобные признаки отсеиваются реципиентом в процессе формирования текстовой проекции, порождая, к примеру, историю Ромео и Джульетты (табл. 1) в виде переписки героев со всеми атрибутами писем (адрес, клише прощания и пр.) (For Juliet, all paths lead to Romeo [18]).

Реализация моделирующих тактик на внешнекомпозиционном уровне, уровне графического дизайна делает текст-продукт креативным. Моделирование одного стратегического уровня влечет за собой когнитивную операцию моделирования на других уровнях. Упомянутые выше тактика моделирования текстового дизайна и/или тактики корректировки образа персонажа неизбежно приводят к применению фикрайтером *тактики моделирования точки зрения*.

В письме Джульетты (см. табл. 1) [18] моделированию подвергаются:

- а) внешняя композиция текста (форма письма);
- б) иерархия системы персонажей (главное действующее лицо — Джульетта);
- в) точка зрения (носитель фокализации — персонаж Джульетты);
- г) место и время действия (период Первой мировой войны, Ромео — в госпитале, Джульетта — военная медсестра, пишет ему из окопов при Сомме);
- д) стилистический регистр текста (письмо относится к книжному функциональному стилю, но с вкраплениями современных лексических единиц — *evacuated, trench*).

Несмотря на множество моделирующих тактик, фанфикшен не претендует на самостоятельность, оставаясь продуктом по пьесе Шекспира. Моделирование уравнивается относительно

Таблица 1

Сравнение текстового дизайна пьесы-источника У. Шекспира «Ромео и Джульетта» и текстов-продуктов жанра фанфикшен

Текст-источник	Текст-продукт жанра фанфикшен
...TYBALT enters. TYBALT What, art thou drawn among these heartless hinds? Turn thee, Benvolio. Look upon thy death [23]	Juliet Capulet 7 July 1916 Trench of the Somme Romeo Montague Amiens's Hospital Room 77 My dear love Romeo, It has been seven days... <...> (For Juliet, all paths lead to Romeo [18])

полным сохранением сюжета, образов персонажей и внутреннекомпозиционного членения (одно письмо по объему и насыщенности событиями приблизительно равно одному акту пьесы).

Тактика моделирования точки зрения затрагивает все планы фокализации [10]:

1) Перцептивный план. Джульетта наблюдает сцену ранения Ромео со стороны и слышит его крики. ...*You are hit on the left side by a bullet, and that's when I heard you scream with pain <...> We heard your howl...*

2) Пространственный план. Джульетта описывает сцену битвы из военной палатки (*under my hospital tent*).

3) Идеологический план. Джульетта искренне любит Ромео и не готова жить без него. *What a horrible night I had endure! I will not bear to know you are dead. If <...> you have left this world, I will not stay without you.*

4) Языковой план. Письмо демонстрирует язык драмы, по классификации И. Р. Гальперина [1. С. 281]. Встречаются поэтизмы, устаревшая лексика (*at dawn, without mercy, endure, infinite liberality*). Форма письма выступает отсылкой к монологу, характерному для драматического стиля. Стоит отметить изобилие риторических вопросов (*Oh, Romeo, why you, Romeo? <...> Why are you not a doctor or a teacher?*). Паузы, обычные для театральной постановки, обозначаются фикрайтером пунктуационно, с помощью многоточия.

5) Временной план. На протяжении письма состояние Джульетты меняется от надежды (*I don't cease to hope <...> I pray you are in good health*) до отчаяния (*Even death cannot separate us*).

Полученная на выходе процесса точка зрения Джульетты выглядит естественной и однородной на протяжении всего вторичного текста, кроме языкового плана. Джульетта, являясь по сюжету фанфика немецкой девушкой начала XX в., не должна была разговаривать на языке шекспировской драмы. Это приводит нас к выводам о том, что: а) тактика моделирования точки зрения затрагивает одни планы фокализации и оставляет без изменений другие; б) языковой план фокализации является самым устойчивым и комплементарным когнитивной операции сохранения.

■ На уровне стилистических стратегий

Моделирование функционального стиля печатного текста-источника может носить как «компенсаторный», так и «игровой» характер.

В первом случае тактика моделирования функционального стиля [10] применяется с целью «адаптации» источника, «нечитабельного» для современного реципиента. Нечитабельность придает обилие устаревшей лексики, речевых оборотов, варваризмов, аллюзий на другие литературные произведения. В результате фикрайтер наделяет собственный текст иным планом выражения, однако полной трансформации в иной стилистический регистр не наблюдается. Например, вторичный текст *No Fear Shakespeare (Шекспир без страха)* [10; 18] демонстрирует адаптационную тактику моделирования функционального стиля пьесы *Othello (Отелло)* [24]. Таблица 2 содержит сравнение текста-источника и текста-продукта.

Из табл. 2 очевидно, что адаптационная тактика моделирования функционального стиля реализуется:

1) через замену историзмов и архаизмов современной лексикой (*signiory* заменяется на *Venetian government*; *I pray you, sir* на *please, tell me, scurvy* на *insulting, yerk* на *stab, slain* на *kill* и т. д.);

2) сохранение части примет стиля первоисточника в качестве «реквизита», приправы, придающей современному тексту правильный «вкус» (*restrain, despicable, secure marriage*). Иногда автор дает поясняющие примечания в виде гиперссылок:

*SECURE (marriage)

Iago is asking whether Othello has consummated his marriage by sleeping with Desdemona yet. A marriage could be annulled if it had never been consummated;

3) Значение устаревших идиом разъясняется прямо в тексте. (*To out-tongue* = count for more);

4) модернизация грамматических структур. *I did full hard forbear him...* превращается в *it was hard for me*;

3) опускание нерасшифрованных реципиентом фрагментов, вытеснение их из собственного текста.

В целом представленный в табл. 2 вторичный текст не меняет стилистический ключ, оставаясь в рамках драматического подстиля художественного-беллетристического функционального стиля. Речь автора ограничена ремарками, речь персонажей диалогична, особенности внешней композиции соответствуют театральной постановке. Язык персонажей стилизован под разговорный, но действительно им не является (по И. Р. Гальперину, это важная черта языка драмы) [1. С. 281; цит. по: 10]. Присутствует

Таблица 2

Отрывок из пьесы-источника *Othello* и вторичного текста *No Fear Shakespeare* [10]

Текст-источник Othello	Текст-продукт No Fear Shakespeare	Перевод с английского Б. Пастернака
Enter OTHELLO, IAGO, and attendants with torches IAGO Though in the trade of war I have slain men, Yet do I hold it very stuff o' th' conscience To do no contrived murder. I lack iniquity Sometimes to do me service. Nine or ten times I had thought t' have yerked him here under the ribs.	OTHELLO and IAGO enter, followed by attendants with torches. IAGO I've killed many men in battle, but I still believe it's deeply wrong to murder someone. Sometimes I worry I'm not cruel enough for this job. Nine or ten times I wanted to stab him under the ribs.	Входят Отелло, Яго и слуги с факелами. Яго Хоть на войне я убивал людей, Убийство в мирной жизни — преступленье. Так я смотрю. Мне было б легче жить без этой щепетильности. Раз десять Хотелось мне пырнуть его в живот.
OTHELLO 'Tis better as it is.	OTHELLO It's better that you didn't kill him.	Отелло И лучше, что не тронул.
IAGO Nay, but he prated And spoke such scurvy and provoking terms Against your honor That, with the little godliness I have, I did full hard forbear him. But I pray you, sir, Are you fast married?	IAGO But he kept chattering so foolishly, talking about you in such insulting and despicable terms, that it was hard for me to restrain myself. But please tell me, sir, is your marriage secure*?	Яго Он такими Словами обзывал вас, что хотя Я мягок и покладист, чуть сдержался. Так, значит, вы женились не шутя?
OTHELLO Let him do his spite. My services which I have done the signiory Shall out-tongue his complaints.	OTHELLO Let him do his worst. The services I have done for the Venetian government will count for more than his complaints will.	Отелло Пускай. Его заставят замолчать Мои заслуги перед синьорией.

фамильярно-разговорная лексика (*chattering, foolishly, do somebody's worst*), сокращенные глагольные формы (*it's better; I've killed*).

Особый вариант реализации когнитивной операции моделирования — *игровая тактика моделирования функционального стиля*. В результате применения такого механизма формирования текстовой проекции появился особый жанр текстов фанфикшен — кроссовер (*crossover*), в которых пересекаются вселенные и реалии двух и более текстов-источников. Стилистическая сторона фанфиков подобного типа значима наравне с их тематической доминантой. Фикрайтер «играет» с элементами полярных стилистических регистров, смешивая их в различных пропорциях. Цель такой «игры» — создание иронического эффекта. В предыдущих публикациях нами рассматривался пример текста-продукта в стихотворной форме «The Rime of the Ancient Ranger» [10; 18]. При его создании автор ориентировался и на поэму С. Т. Колриджа «Сказание о старом морехо-

де» [17], и на диснеевский комикс «Чип и Дейл спешат на помощь» [10]. По сюжету, команда мультипликационных спасателей терпит крушение из-за неверных действий пилота Гаечки, о чем она и повествует рассказчику. Функциональный стиль полученного стихотворения является одновременно и поэтическим, и фамильярно-разговорным, свойственным современному английскому языку. Следует помнить о том, что даже такое «игровое» моделирование функционального стиля является во многом компенсаторным, выполняя задачу «сглаживания» слишком резкого контраста возвышенной манеры и легкого сюжета мультфильма [Там же]. Фикрайтер транслирует функциональный стиль поэмы С. Т. Колриджа, размещая на преобладающем поэтическом фоне фрагменты разговорного стиля [Там же]. Сравнение текста-источника и текста-продукта приведено в табл. 3. Фрагменты поэтического стиля подчеркнуты волнистой линией, фамильярно-разговорного — прямой.

Таблица 3

Сравнение поэмы-источника и поэмы-продукта

The Rime of the Ancient Mariner	The Rime of the Ancient Ranger
PART I It is an ancient Mariner, And he stoppeth one of three. “By thy long beard and glittering eye, Now wherefore stopp’st thou me? The Bridegroom’s doors are opened wide, And I am next of kin ; The guests are met, the feast is set: May’st hear the merry din.” He holds him with his skinny hand, “There was a ship,” quoth he. “Hold off! unhand me, grey-beard loon!” Eftsoons his hand dropt he. He holds him with his glittering eye-- The Wedding-Guest stood still, And listens like a three years’ child: The Mariner hath his will. The Wedding-Guest sat on a stone: He cannot choose but hear; And thus spake on that ancient man, The bright-eyed Mariner. [17]	PART I It is an ancient <u>Ranger</u> And she <u>strives to block my way</u>. I try to <u>push right by her</u> But it seems <u>she’s much to say</u>. “<u>Avaunt thee</u>, ancient Ranger,” I say to her with a <u>frown</u>, “<u>Lest I miss the computer show</u> <u>That’s going on downtown</u>.” “<u>Tech expo guest</u>”, she <u>doth</u> protest, “I <u>prithe</u>, lend an ear, To this old soul who left her <u>hole</u> To <u>speaketh</u> to thee here.” With <u>quizzing</u> air I <u>tremble</u> there, How could this truly be? This <u>rodent</u> I had never seen Came <u>just</u> to talk to me? She holds me with her skinny hand, “There was a <u>plane</u>,” she <u>states</u>. “<u>Unhand</u> me now!”, I raise my voice, My stare <u>reiterates</u>. She <u>takes her hand from off</u> my arm But gazes at me still, My eyes meet hers and <u>find a charm</u> To <u>captivate</u> my will. I <u>sit myself</u> upon a stone, To listen to the stranger. And <u>thus spake</u> on that ancient mouse, The bright-eyed Rescue <u>Ranger</u>. [18]

Очевидно, что текст-продукт демонстрирует сохранение характеристик поэтического стиля источника, а именно: образности и эмоциональной окрашенности. Для достижения этого фикрайтером используются выразительные средства: метафоры (I tremble there [18]), гиперболы (ancient Ranger [18]), олицетворения (eyes meet, her charm captivates my will [18]). Некоторые эпитеты (bright-eyed [18]) взяты напрямую из поэмы-источника. Эмоциональная окрашенность достигается также использованием историзмов и архаизмов (avaunt, thee, prithe, spake, sit thyself [18]). Следует заметить, что некоторые средства выразительности, характерные для стиля поэмы С. Т. Колриджа, не нашли отражения в фанфике. К ним относятся, например, метонимия (glittering eye в значении person), сравнение (like a three-year child), инверсия (his hand dropt he), параллельные конструкции (The Bridegroom’s doors are opened wide, The guests are met, the feast is set), анафо-

ра (He holds him with his skinny hand, He holds him with his glittering eye). На наш взгляд, синтаксические стилистические приемы (основанные на грамматических конструкциях и порядке слов в предложении) в целом не образуют столь устойчивых впечатков в проекции текста реципиента, как, например, тропы. Поэтому имеет смысл вести речь не о полной трансформации, «переворачивании» функционального стиля, а именно о когнитивной операции моделирования. Сосуществование полярных функциональных стилей в едином текстовом пространстве «уравновешивает» комичность сюжета фанфика, позволяет автору прибегать к иронии в изначально трагичном сюжетном пространстве «Сказания о старом мореходе».

Выводы

1. Текст-продукт жанра фанфикшен, вследствие его «несамостоятельности» представляет

собой отражение структуры текста-источника и объективацию читательской (зрительской) проекции текста-источника. Функция фиксации в сознании реципиента элементов проекции, являющихся связующим звеном между текстом-продуктом и первоисточником, а также фактор узнаваемости, «верифицируемости» текста-источника читателями обеспечиваются с помощью когнитивной операции сохранения. В связи с этим метод моделирования процесса восприятия в рамках изучения элементов текстов жанра фанфикшен представляется нам релевантным.

2. Процесс восприятия связного текста включает в себя элементы творческого продуцирования, реализуемые посредством когнитивной операции моделирования на всех текстовых уровнях. Когнитивная операция моделирования на уровне макростратегий формирования читательской проекции первичного печатного текста направле-

на на сюжет; моделирование образов происходит в ситуации отделения образа от оригинального контекста. На уровне схематических и стилистических стратегий тактики моделирования печатного источника могут осуществляться с целью адаптации источника к восприятию современного реципиента. Характерной составной частью тактики моделирования текстового дизайна является моделирование визуального образа персонажей. Тактика моделирования точки зрения создает относительно симметричную по планам фокализацию (лишь языковой план обладает устойчивостью).

3. Общая цель когнитивной операции моделирования — компенсация уже совершенного моделирования (трансфигурирования) элементов на других уровнях первотекста. Яркий пример — тактика компенсирующего моделирования функционального стиля текста-источника.

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка / И. Р. Гальперин. — Изд. 3-е. — М. : Высш. шк., 1981. — 316 с.
2. Дейк ван, Т. А. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубеж. лингвистике. Когнитив. аспекты языка. — 1988. — Вып. 23. — С. 153—208.
3. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. — М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. — 382 с.
4. Климовская, Г. И. Тонкий мир смыслов художественного (прозаического) текста / Г. И. Климовская. — Методологический и теоретический очерк лингвопоэтики. — Томск : Изд-во НТЛ, 2009. — 168 с.
5. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста / Л. Г. Ким ; науч. ред. Н. Д. Голев. — Кемерово : Кузбассвуиздат, 2009. — 260 с.
6. Колмогорова, А. В. Социальная когниция в языке и речи / А. В. Колмогорова. — Томск: Изд-во ТПУ, 2013. — 384 с.
7. Кондаков, Б. В. Автор и читатель в пространстве художественного текста [Электронный ресурс] // Б. В. Кондаков, В. С. Абрамова. — URL: <http://philologicalstudies.org/dokumenti/2009/vol1/2/11.pdf> (дата обращения 01.11.2015).
8. Нуриев, В. А. Стратегия и тактика в художественном переводе / В. А. Нуриев // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 11 / под ред. В. А. Пищальниковой. — М. : МГЭИ, 2006.
9. Тупикова, А. М. Гипертекст интернет-рекламы для детей (структурный и функциональный аспекты) / А. М. Тупикова. — Кемерово, 2013.
10. Уканакова, Н. В. Особенности когнитивного механизма формирования проекции текстов различной материальной представленности: дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Уканакова. — Кемерово, 2014. — 252 с.
11. Уканакова, Н. В. Когнитивная модель процесса формирования читательской/зрительской проекции текста (на материале текстов жанра «фанфикшен») / Н. В. Уканакова // Мир науч. открытий. — 2013. — № 9.2 (45). — С. 125—148.
12. Ульянова, В. Г. Мультимедийные презентации как принцип наглядности обучения иностранному языку в вузе / В. Г. Ульянова // Современные технологии в мировом научном пространстве : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. — Казань : Аэтерна, 2016. — С. 108—111.

13. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике (2013) [Электронный ресурс]. — URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/10425/Мышления_операции (дата обращения 20.02.2018).
14. Barrie, J. M. Peter Pan / J. M. Barrie. — New York : Garden City, 1911.
15. Beowulf (Old English Version) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/43521/beowulf-old-english-version> (дата обращения 24.02.2018).
16. Bradbury, R. Fahrenheit, 451 / R. Bradbury. — New York : Simon & Schuster Paperbacks, 2013.
17. Coleridge, S. T. The Rime of the Ancient Mariner [Электронный ресурс] / S. T. Coleridge. — URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/43997/the-rime-of-the-ancient-mariner-text-of-1834> (дата обращения 24.02.2018).
18. Fanfiction.net [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.fanfiction.net> (дата обращения 24.02.2018).
19. Ibáñez, F. J. R. Cognitive Linguistics: Internal Dynamics And Interdisciplinary Interaction [Электронный ресурс] / F. J. R. Ibáñez, M. S. Cervel. — 2008. — 434 p. — URL: <http://books.google.ru/>.
20. Kayashima, M. What Do You Mean by to Help Learning Metacognition? / M. Kayashima // Artificial Intelligence in Education: Supporting Learning Through Intelligent and Socially-Informed Technology. — Amsterdam : IOS Press, 2005. — URL: <http://books.google.ru/books>.
21. Keestra, M. The Diverging Force of Imitation: Integrating Cognitive Science and Hermeneutics [Электронный ресурс] / M. Keestra // Rev. of General Psychology. — 2008. — Vol. 12, no. 2. — URL: http://www.academia.edu/204371/The_diverging_force_of_imitation.
22. Ricoeur, P. Mimesis and representation / P. Ricoeur // Reflection and imagination. — New York : Harvester Wheatsheaf, 1991. — 516 p.
23. Shakespeare, W. Romeo and Juliet / W. Shakespeare. — Dover Publ., Inc., 1993.
24. Shakespeare, W. The Taming of the Shrew / W. Shakespeare. — Dover Publ., Inc., 1997.

Сведения об авторе

Грибачева Наталья Валерьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. Челябинск, Россия. natalia-ukanakova@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 68—78.*

COGNITIVE OPERATION OF MODELLING IN THE READER'S TEXT PROJECTION FORMING PROCESS

N.V. Gribacheva

Chelyabinsk State Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. natalia-ukanakova@yandex.ru

The paper is a descriptive presentation of a cognitive model of the text projection forming process. Secondary fanfiction texts in contemporary hypermedia tradition are looked upon as material realizations of reader's text projections. The cognitive operation of modeling and its correlations with strategies and tactics of text projection forming process are thoroughly described. Mentioned cognitive operation finds its realizations on all the strategic levels of a text: macro-, schematic, stylistic. Suggested practical implications of the report include developing general cognitive model of text perception and text production. In the future it seems possible to define the nexus between type of source text (traditional text, mediatext, hypertext) and strategies used by a reader.

Keywords: *text perception, strategies and tactics, cognitive operation, modelling, secondary (product) text, fanfiction.*

References

1. Gal'perin I.R. *Stilistika angliyskogo yazyka* [Stylistics of the English Language]. Moscow, 1981. 316 p. (In Russ.).

2. Deyk van T.A. Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Strategies of Discourse Comprehension]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Kognitivnye aspekty yazyka* [New in foreign linguistics. Cognitive aspects of language], 1988, iss. 23, pp. 153—208. (In Russ.).
3. Zalevskaya A.A. *Vvedeniye v psikholingvistiku* [Introduction into Psycholinguistics]. Moscow, 1999. 382 p. (In Russ.).
4. Klimovskaya G.I. *Tonkyy mir smyslov khudozhestvennogo (prozaicheskogo) teksta* [Subtle World of Fictional Text Meanings]. Tomsk, 2009. 168 p. (In Russ.).
5. Kim L.G. *Variativno-interpretatsionnoye funktsionirovaniye teksta* [Variative-Interpretative Functioning of Text]. Kemerovo, 2009. 260 p. (In Russ.).
6. Kolmogorova A.V. *Sotsial'naya kognitsiya v yazyke i rechi* [Social Cognition in Language and Discourse]. Tomsk, 2013. 384 p. (In Russ.).
7. Kondakov B.V. *Avtor i chitatel' v prostranstve khudozhestvennogo teksta* [Author And Reader In Fictional Text Space]. Available at: <http://philologicalstudies.org/dokumenty/2009/vol1/2/11.pdf>, accessed 12.11.2015 (In Russ.).
8. Nuriev V.A. Strategiya i taktika v khudozhestvennom perevode [Strategies and tactics in professional translation]. Pishchalnikov V.A. (ed.). *Yazykovoye bytiye cheloveka i etnosa: psikhologicheskyy i kognitivnyy aspekty. Vyp. 11* [Linguistic being of man and ethnos: psycholinguistic and cognitive aspects. Iss. 11]. Moscow, 2006.
9. Tupikova A.M. *Gipertext Internet-reklamy dlya detey* [Hypertext in internet advertising for children]. Kemerovo, 2013 (In Russ.).
10. Ukanakova N.V. *Osobennosti kognitivnogo mekhanizma formirovaniya proektsii tekstov razlichnoy material'noy predstavlenosti* [Features of the Cognitive Mechanism of Text Projection Forming. Thesis]. Kemerovo, 2014. 252 p. (In Russ.).
11. Ukanakova N.V. Kognitivnaya model' protsessy formirovaniya chitatel'skoy/zritel'skoy proektsii teksta (na materiale tekstov zhanra fanfikshion) [The Cognitive Model of the Text Projection Forming Process (as based on fanfiction texts)]. *Mir nauchnykh otkrytiy* [World of scientific discoveries], 2013, № 9.2 (45), pp. 125—148. (In Russ.).
12. Ul'yanova V.G. *Mul'timediynye prezentatsii kak sredstvo vizualizatsii v obuchenii inostrannomu yazyku v vuze* [Multimedia presentations as visualization principle in foreign language teaching at higher school]. Kazan, 2016. Pp. 108—111. (In Russ.).
13. *Entsiklopedichesky slovar' po psikhologii i pedagogike* [Encyclopedic Dictionary on Psychology and Pedagogics]. Available at: https://psychology_pedagogy.academic.ru/10425/Мышления_операции, accessed 20.02.2018. (In Russ.).
14. Barrie J.M. *Peter Pan*. New York, Garden City, 1911.
15. *Beowulf (Old English Version)*. Available at: <https://www.poetryfoundation.org/poems/43521/beowulf-old-english-version>, accessed 24.02.2018.
16. Bradbury R. *Fahrenheit, 451*. Simon & Schuster Paperbacks, NY, 2013.
17. Coleridge S.T. *The Rime of the Ancient Mariner*. Available at: <https://www.poetryfoundation.org/poems/43997/the-rime-of-the-ancient-mariner-text-of-1834>, accessed 24.02.2018.
18. *Fanfiction.net*. Available at: <https://www.fanfiction.net>, accessed 24.02.2018.
19. Ibáñez F.J.R., Cervel M.S. *Cognitive Linguistics: Internal Dynamics And Interdisciplinary Interaction*. 2008. 434 p.
20. Kayashima M. What Do You Mean by to Help Learning Metacognition? *Artificial Intelligence in Education: Supporting Learning through Intelligent and Socially-Informed Technology*. Amsterdam, IOS Press, 2005.
21. Keestra M. The Diverging Force of Imitation: Integrating Cognitive Science and Hermeneutics. *Review of General Psychology*, 2008, vol. 12, no. 2. Available at: http://www.academia.edu/204371/The_diverging_force_of_imitation.
22. Ricoeur, P. Mimesis and representation. *Reflection and imagination*. New York, Harvester Wheatsheaf, 1991. 516 p.
23. Shakespeare W. *Romeo and Juliet*. Dover Publ., Inc., 1993.
24. Shakespeare W. *The Taming of the Shrew*. Dover Publ., Inc., 1997.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ДИСКУРСЕ (на примере Landing Page сайтов отечественных и зарубежных вузов)

С. Ю. Двинина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исходя из специфики университетской жизни в России и за рубежом можно говорить о различных подходах к пространственной организации учебного процесса. В данной статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ Landing Page сайтов пяти вузов на трех языках. Делается вывод об «удачных» моделях для восприятия пространства реципиентом-пользователем сайта, а также поясняются неэффективные решения организации пространства, которые проецируются на вуз в целом. Приводятся перспективные направления исследований по теме, поиск эффективных способов, направленных на создание привлекательного образа учебного заведения.

Ключевые слова: *пространство, университетский дискурс, образование, сайт, когнитивные модели, лингвокультурология.*

В условиях увеличения международных контактов в сфере образования появляется необходимость изучения национальных особенностей учебного процесса для преодоления когнитивных барьеров при общении и сотрудничестве студентов, преподавателей и ученых. Значимой составляющей университета является пространственно-временная организация, определяющая отношение участников — представителей вуза — к учебному процессу. При этом пространственно-временную организацию целесообразно рассматривать на материале университетского дискурса нескольких языков, чтобы провести сравнительно-сопоставительный анализ и вывести универсальные и культурно-ориентированные факторы.

В рамках нашего исследования мы предлагаем использовать совместно когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический подходы, что позволяет описывать когнитивные модели пространства и времени в университетском дискурсе с учетом национально-специфических особенностей. В результате появится возможность создавать привлекательные для реципиентов образы пространственно-временной организации университетской жизни, а также улучшить условия пребывания в вузе в будущем. Кроме того, реализация «удачных» моделей увеличит контингент студентов и работников вуза.

Пространственно-временная организация представляет собой сложное единство, интересующее исследователей с разных сторон: с точки зрения философии, физики, литературоведения,

лингвистики. При любом дальнейшем изучении пространства-времени необходимо учитывать данные, полученные и в других науках. При этом следует отметить, что чаще категории пространства и времени рассматривают в лингвистических трудах по отдельности. Можно выделить работы М. М. Бахтина [1] и И. Р. Гальперина [6], которые исследуют их во взаимосвязи (в рамках хронотопа и пространственно-временного континуума соответственно).

В данной статье акцент делается на изучении пространства посредством анализа выраженных в трех языках (русском, английском, немецком) механизмов, служащих для обработки опыта восприятия. Категорию пространства изучали: М. А. Кунижев, определяя ее как классическую языковую [12], Е. Л. Березович, относя понятие географического пространства к одной из форм пространственного конструирования мира в сознании человека [2]. С точки зрения организации пространства интересны работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона, утверждающих, что пространственные концепты являются базовыми для создания метафор [19]; Л. Талми поясняет, что моделирование пространства в языке реализуется посредством трех параметров [20]; Н. Н. Болдырев считает, что пространство может организовываться по-разному в зависимости от выбранной точки отсчета координат [3]; Р. Гжегорчикова выделяет понятийные категории, участвующие в локализации объекта [7]; интересные положения высказаны в семиотическом

подходе Ю. М. Лотмана [14]. Отметим, что в данной работе значимы два понятия пространства: воспринимаемое пространство как субъективное представление человека об окружающем мире и относящееся к психике человека, а также языковое пространство в качестве относительного отражения знаний о пространстве в естественном языке. При этом объективное пространство мы не рассматриваем [18].

В рамках университетского дискурса анализ пространственной составляющей проводится впервые, что обусловлено интересом к данному виду институционального дискурса лишь в последнее время. Можно отметить, что чаще предметом исследования становились ключевые идеи, категории, понятия, представления, культурные константы университетского дискурса [11]; или изучаются аспекты, затрагивающие коммуникативное поведение и стилистические доминанты языковых личностей — представителей университета. Однако обычно разрабатываются вопросы функционирования близких университетскому, но не совпадающих с ним полностью дискурсов — научного [8] или педагогического [17]. Таким образом, исследование в рамках университетского дискурса способствует получению новых данных для практического применения — увеличения дискурсивной эффективности текстов.

Результаты, полученные нами ранее [9], показали необходимость продолжения практикоориентированного изучения механизмов восприятия и способов репрезентации категорий пространства и времени для выявления когнитивных моделей и их дальнейшего применения с целью улучшения межкультурной коммуникации. Участие в международных образовательных мероприятиях в университетах городов Оксфорда (Великобритания) и Киле (Германия) (2013 и 2016 гг. соответственно) показало, что различия в университетской жизни в России и за рубежом необходимо изучить в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах.

В рамках данной статьи мы рассматриваем сайты трех университетов Челябинска [Челябинский государственный университет (ЧелГУ), Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ), Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (ЮУрГГПУ)], а также сайт колледжа Святого Антония Оксфордского университета и сайт Университета Кристиана Альбрехта

в Киле (CAU) (<http://www.csu.ru/>, <http://www.susu.ru/>, <http://www.cspu.ru/>, <http://www.sant.ox.ac.uk/>, <https://www.uni-kiel.de/> соответственно). Выбор вузов определен посещением всех учебных учреждений, а значит, возможностью более детального анализа. Отметим, что структура сайтов рассматривается нами только как вспомогательный инструмент при формировании пространственного восприятия вузов и не является целью исследования. Кроме того, сравнение сайтов проводится на ноутбуке, так как к выбору вуза для обучения обычно подходят ответственно и не ограничиваются мобильной версией на телефоне. Тем не менее исследование адаптивной и мобильной версий мы считаем перспективным, потому что реципиенты, уже связанные с тем или иным учреждением, используют чаще всего телефон.

Все рассматриваемые нами сайты представляют собой сочетание классического сайта с множеством внутренних страниц и страницы Landing Page (которой, по сути, является каждая внутренняя страничка со своим уникальным дизайном, фоном и структурой). Именно такой вариант позволяет сохранить положительные стороны обоих вариантов, поскольку универсальность способствует как созданию привлекательной «картинки», так и размещению необходимой информации. В данной статье исследуется содержание только стартовой страницы — главной Landing Page.

Существенной характеристикой при указании положения предмета в пространстве Е. В. Рахилина называет границы объекта и его ориентацию в пространстве [16]. Если рассматривать университет как предмет, то сайт способен дать представление о границах вуза и его месте в мире.

Сравнение стартовых страниц сайтов показывает, что четыре вуза используют широкоформатную версию (ЮУрГУ, ЮУрГГПУ, St. Anthony College, CAU) и один (ЧелГУ) — узкий вариант. В результате при первом ознакомлении с вузом ЧелГУ реципиент-абитуриент будет ощущать ограниченность пространства не только в электронном виде, но и спроецирует восприятие на сам университет. При этом виднеющаяся по краям подложка с латинскими буквами, направленная на создание эффекта ученой среды, способствует такой характеристике пространства, как «видимый и невидимый мир» [10]. Но если «видимый мир» (сам вуз) наполнен «событиями» (информацией и новостями), то

«невидимый мир» — пуст, ничем не привлекает и становится избыточен. Таким образом, получается, что только в рамках вуза пространство способствует сближению предметов, находящихся в нем [5], но «невидимый мир» ученой среды на подложке отделен от жизни вуза, дискретен, что создает противоречивый эффект при привлечении абитуриентов: положительный (именно в «нашем мире» кипит жизнь) и отрицательный (мир вне нас ничем не наполнен).

Особенностью стартовой страницы ЮУрГГПУ является наличие баннеров, которые, с одной стороны, отражают работу и оценку университета в России и мире, но с другой — выглядят как рекламные ссылки. Страница изобилует связями между объектами и явлениями, что нарушает целостность восприятия пространства вуза, и в результате дискретность превалирует над непрерывностью [10]. Этот эффект усиливается мелким шрифтом и маленькими изображениями. Таким образом, реципиент видит много информации, но не имеет возможности сфокусироваться на одном, а значит, воспринимает пространство как «чужое», «неосвоенное», характеризующееся удаленностью [4; 13].

Стартовая страница сайта ЮУрГУ не содержит пустот, и лишних баннеров (только два). Разумное использование пространства сайта будет принято реципиентом за структурированность и упорядоченность жизни самого университета (организации пространства и времени). Присутствующие два баннера удачно встроены в дизайн Landing Page и связывают пространство вуза с внешним «невидимым» миром как внутри страны (программа 5-100), так и целого мира (рейтинг университетов мира). Связь с «местом функционирования объекта» [15] осуществляется и посредством колористики страницы: применяются белый, синий и красный цвета, символизирующие российский триколор, в результате чего реципиент сразу локализует предмет (вуз) в пространстве. Отметим, что темно-красный цвет используется намеренно для достижения данного эффекта, ведь основной цвет сайта университета — синий.

За исключением контактной информации, стартовую страницу сайта St. Anthony College отличает наличие только вкладок и присутствие пяти информационных блоков: слайдер (меняющиеся картинки в шапке сайта), краткая информация о вузе в виде текста, события, последние новости и гиперссылка в виде значка для по-

жертвований. Таким образом, осуществляется несколько функций. Во-первых, показана интеграция вуза в мировое пространство (три картинки слайдера из пяти показывают международную деятельность университета), то есть реализуется такая характеристика пространства, как непрерывность, а также «невидимый мир» внешнего мира здесь нейтрализуется и переходит в «видимый» [10]. Во-вторых, возможность пожертвования обеспечивает статус вуза в пространстве университетского дискурса. В-третьих, «нехватка» информации на Landing Page вынуждает реципиента открывать вкладки и переходить по гиперссылкам, а значит, будет способствовать ознакомлению с пространством вуза, что сделает его не «чужим», а «своим».

Стартовая страница сайта Университета Кристиана Альбрехта в Киле (CAU) по своей структуре больше всех приближена к мобильной версии, о чем свидетельствует наличие, в частности, всего пяти вкладок (которые остаются видимыми даже при прокрутке), крупного шрифта, а главное, длинной прокрутки (скроллинга), удобной для мобильных устройств. На Landing Page обнаруживается семь блоков (по порядку следования): слайдер, новости, события, исследования, карта факультетов, учеба и сервис. В результате можно заключить, что акцент делается на текущей деятельности университета, а обучение упоминается в конце как само собой разумеющееся. Такой подход отражает такие характеристики пространства, как изменения и движение [10], а также способствует восприятию пространства в тесной взаимосвязи со временем (текущий момент). С другой стороны, это единственный из рассматриваемых нами сайтов, который имеет на Landing Page карту кампуса, а значит, уделяет внимание локальной пространственной составляющей больше остальных. Кроме того, существенной особенностью сайта является наличие асимметрии, что обращает на себя внимание и выделяет его среди остальных. Такая оригинальная организация пространства ставит пространственную составляющую сайта в оппозицию по отношению к другим [5], а следовательно, проецируется и на вуз в целом (*здесь идут в ногу со временем, способны на неординарные решения, нет ограничений*).

Рассмотрение пространственной составляющей в университетском дискурсе помимо сайтов также включает рассмотрение буклетов, листовок, видеороликов. Тем не менее

сравнительно-сопоставительный анализ только стартовых страниц выявил множество положительных и отрицательных моментов. К первым можно отнести приемы для «встраивания» вуза в мировое пространство, которые, однако, не должны быть навязчивыми, лучше, если они будут представлены в виде намеков. Ко вторым причислим избыточность информации, которая способствует лишь «расфокусировке» и делает пространство как сайта, так и вуза дискретным и неоднородным.

В рамках данной статьи при рассмотрении Landing Page мы не коснулись такого важного момента, как антропоцентричность, это предполагается исследовать в будущем. Кроме того, дальнейшей разработки требует психолингвистическое и когнитивное исследование колористики сайтов. Так, два из пяти рассматриваемых нами сайтов (ЧелГУ, St. Anthony College) используют оттенки красного, еще два — красный цвет в сочетании с синим (ЮУрГУ как функционально-смысловой компонент к синему цвету; САУ в фиолетово-лиловом как смесь красного и синего). И только на сайте ЮУрГГПУ применяется зеленый цвет.

Отметим, что на основе дискурсивного анализа Landing Page можно также исследовать временную составляющую, рассматривая письменный и креолизованный текст. Кроме того, на реципиента положительно воздействует высокая скорость загрузки страницы. Обычно страницы с «тяжелыми» картинками грузятся дольше. Однако в нашем исследовании сайт ЮУрГУ (2,815 с) с большим количеством изображений по скорости загрузки занимает второе место вслед за сайтом ЮУрГГПУ (2,62 с), где размещены в основном маленькие картинко-коллажи при минимальном числе фотографий. При этом сайт ЧелГУ (7,11 с) с тремя фотографиями в слайдере загружается медленнее сайта САУ (4,35 с), где стремление к мобильной версии оправдывает много крупных изображений. Сайт St. Anthony College грузится в среднем 3,78 с, занимая третье место. Наш подсчет был проведен в течение 3 мин, на каждый сайт мы отвели пять попыток, чтобы получить среднее значение. Таким образом, в дальнейшем мы считаем также перспективным дискурсивный анализ временной составляющей университетского дискурса в когнитивном аспекте.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // *Вопр. литературы и эстетики : сборник*. — М. : Художеств. лит., 1975. — С. 234—407.
2. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / Е. Л. Березович. — М. : Либроком, 2009. — 328 с.
3. Болдырев, Н. Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании / Н. Н. Болдырев // *Логический анализ языка. Языки пространств* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М. : Языки рус. культуры, 2000. — С. 212—217.
4. Брунова, Е. Г. Пространственные отношения в архаичной языковой модели мира (лексико-этимологическое и лингвокультурологическое исследование) : монография / Е. Г. Брунова. — Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2007. — 176 с.
5. Гак, В. Г. Пространство вне пространства / В. Г. Гак // *Логический анализ языка. Языки пространств* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М. : Языки рус. культуры, 2000. — С. 127—135.
6. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — М. : Наука, 1981. — 138 с.
7. Гжегорчикова, Р. Понятийная оппозиция «верх-низ» (пол. “wierzch” . “spod”) и языковая модель пространства / Р. Гжегорчикова // *Логический анализ языка. Языки пространств* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М. : Языки рус. культуры, 2000. — С. 78—84.
8. Гордиевский, А. А. Категория интердискурсивности в научно-дидактическом дискурсе (на материале лекций на русском и немецком языках) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Гордиевский. — Тюмень, 2006. — 19 с.
9. Двинина, С. Ю. Категории времени и пространства в художественном дискурсе постмодернизма : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Ю. Двинина. — Челябинск, 2014. — 23 с.
10. Донцов, А. И. Схемы понимания и объяснения физической реальности / А. И. Донцов, О. Е. Баксанский // *Вопр. философии*. — 1998. — № 11. — С. 75-90.
11. Дьякова, Е. Ю. Дискурсивные стратегии образовательного дискурса: (на материале анализа интернет-сайта Оксфордского университета) / Е. Ю. Дьякова // *Язык, коммуникация и соц. среда*. — 2006. — Вып. 4. — С. 149—155.

12. Кунижев, М. А. Категория «пространство»: ее статус и средства вербализации : дис. ... канд. филол. наук / М. А. Кунижев. — Пятигорск, 2005. — 217 с.
13. Кустова, Г. И. Тип концептуализации пространства и семантические свойства глагола (группа попать) / Г. И. Кустова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М. : Языки рус. культуры, 2000. — С. 47—56.
14. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — СПб. : Искусство-СПб, 2000. — 704 с.
15. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. — 314 с.
16. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. — М. : Рус. словари, 2008. — 416 с.
17. Чубарова, Ю. Е. Функционально структурные особенности и просодические средства выражения дискурсивных элементов англоязычного учебно-научного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Е. Чубарова. — Саранск, 2008. — 15 с.
18. Яковлева, Е. Е. Выражение категории пространства в современном русском языке (на примере художественных произведений С. Н. Сергеева-Ценского) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Е. Яковлева. — Тамбов, 2003. — 23 с.
19. Lakoff, G. *Metaphors We Live by* / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : The Univ. of Chicago Press, 1980. — 256 p.
20. Talmy, L. *Toward a cognitive semantics. Vol. I: Concept Structuring Systems* / L. Talmy. — Cambridge, L. : A Bradford Book, MIT Press, 2000. — 565 p.

Сведения об авторе

Двинина Светлана Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. lana-dvinska@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 79—84.*

SPACE STRUCTURE IN UNIVERSITY DISCOURSE (Case Study of Site Landing Page of Russian and Foreign Universities)

S.Yu. Dvinina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. lana-dvinska@mail.ru

Increasing international contacts in the education sphere requires studying national specifics of teaching situation to overcome cognitive barriers when students, teachers and academics communicate and collaborate. The organization of space is an integral part of university, which defines the attitude of university participants to a teaching situation. The article studies the organization of space in the university discourse of several languages in order to carry out a comparative analysis and educe universal and culturally-oriented factors. The study case is a Landing Page of five university sites. The author offers to integrate cognitive-and-discourse approach and language-and-culture one. It allows describing cognitive models of space in the university discourse based on national specifics. The obtained data give an opportunity to introduce an innovative model which can contribute to creating pleasant images of space at university as well as improving conditions of working and studying at university in the future. Thus, the implementation of “successful” models can increase the number of students and academics. The work is defined by the development of cognitive studies and contrastive-comparative method within language and culture approach, the usage of original research instruments.

Keywords: *space, university discourse, education, site, cognitive models, language and culture studies.*

References

1. Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of Time and Chronotopos in the Novel]. *Voprosy literatury i estetiki* [Problems of Literature and Aesthetics]. St. Petersburg, Moscow, 1975. Pp. 234—407. (In Russ.).

2. Berezovich Ye.L. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: Prostranstvo i chelovek* [Russian Toponymy in Ethnolinguistic Aspect]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 328 p. (In Russ.).
3. Boldyrev N.N. Otrazheniye prostranstva deyatelya i prostranstva nablyudatelya v vyskazyvanii [Reflection of Actor's Space and Watcher's Space in Speaking]. Arutyunova N.D., Levontina I.B. (eds.). *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical Analysis of a Language. Languages of Spaces]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. Pp. 212—217. (In Russ.).
4. Brunova E.G. *Prostranstvennye otnosheniya v arkhaiskoy yazykovoy modeli mira* [Space Relations in Archaic Language Model of the World]. Tyumen, Tyumen University Publ., 2007. 176 p. (In Russ.).
5. Gak V.G. Prostranstvo vne prostranstva [Space out of Space]. Arutyunova N.D., Levontina I.B. (eds.). *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical Analysis of a Language. Languages of Spaces]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. Pp. 127—135. (In Russ.).
6. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text As an Object of Linguistic Study]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 138 p. (In Russ.).
7. Gzhegorchikova R. Ponyatiynaya oppozitsiya “verkh-niz” (pol. “wierzch” . “spod”) i yazykovaya model' prostranstva [Notional Opposition Up and Down and Language Model of Space]. Arutyunova N.D., Levontina I.B. (eds.). *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical Analysis of a Language. Languages of Spaces]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. Pp. 78—84. (In Russ.).
8. Gordievskiy A.A. *Kategoriya interdiskursivnosti v nauchno-didakticheskom diskurse (na materiale lektiy na russkom i nemetskom yazykakh)* [Category of Interdiscursivity in Scientific-Didactic Discourse. Abstract of thesis]. Tyumen, 2006. 19 p. (In Russ.).
9. Dvinina S.Yu. *Kategorii vremeni i prostranstva v khudozhestvennom diskurse postmodernizma* [Categories of Time And Space in Literary Discourse of Postmodernism. Abstract of Thesis]. Chelyabinsk, 2014. 23 p. (In Russ.).
10. Dontsov A.I., Baksanskiy O.Ye. Skhemy ponimaniya i ob'yasneniya fizicheskoy real'nosti [Schemes of Understanding and Explanation of Physical Reality]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1998, no. 11, pp. 75—90. (In Russ.).
11. D'yakova Ye.Yu. Diskursivnye strategii obrazovatel'nogo diskursa: (na materiale analiza internet-sayta Oksfordskogo universiteta) [Discursive Strategies of Education Discourse (Case Study of Oxford University Site)]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda* [Language, Communication and Social Sphere], 2006, no. 4, pp. 149—155. (In Russ.).
12. Kunizhev M.A. *Kategoriya “prostranstvo”: yeyo status i sredstva verbalizatsii* [Category “Space”: the Status and Means of Verbalization. Thesis]. Pyatigorsk, 2005. 217 p. (In Russ.).
13. Kustova G.I. Tip kontseptualizatsii prostranstva i semanticheskiye svoystva glagola (gruppa popast') [Type of Space Conceptualization and Semantic Characteristics of Verbs]. Arutyunova N.D., Levontina I.B. (eds.). *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical Analysis of a Language. Languages of Spaces]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. Pp. 47—56. (In Russ.).
14. Lotman Yu.M. *Semiosfera* [Semiosfera]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2000. 704 p. (In Russ.).
15. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, AST Publ., Vostok-Zapad Publ., 2007. 314 p. (In Russ.).
16. Rakhilina Ye.V. *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: Semantika i sochetayemost'* [Cognitive Analysis of Object Names: Semantics and Compatibility]. Moscow, Russkiye slovari Publ., 2008. 416 p. (In Russ.).
17. Chubarova Yu.Ye. *Funktsional'no-strukturnye osobennosti i prosodicheskiye sredstva vyrazheniya diskursivnykh elementov angloyazychnogo uchebno-nauchnogo diskursa* [Functional Structural Peculiarities And Prosodic Means of Expression of English Teaching And Scientific Discourse. Abstract of Thesis]. Saransk, 2008. 15 p. (In Russ.).
18. Yakovleva Ye.Ye. *Vyrazheniye kategorii prostranstva v sovremennom russkom yazyke (na primere khudozhestvennykh proizvedeniy S.N. Sergeeva-Tsenskogo)* [Expression of Space Category in Modern Russian Language (on the example of works of art by S.N. Sergeyev-Tsensky)]. Tambov, 2003. 23 p. (In Russ.).
19. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago, The University of Chicago Press, 1980. 256 p.
20. Talmy L. *Toward a cognitive semantics. Vol. I: Concept Structuring Systems*. Cambridge, L. A Bradford Book, MIT Press, 2000. 565 p.

КОДОВЫЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНГЛОЯЗЫЧНОГО БИКУЛЬТУРАЛЬНОГО АВТОРА-БИЛИНГВА ДЖ. Р. ФАУЛЗА

Е. А. Денисова

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Рассматривается лингвистическое явление «переключение кода» как особая коммуникативная стратегия в речи билингвов. На материале результатов лингвистического анализа доказывается, что кодовые переключения реализуются при смене адресата, составе общающихся, изменении роли самого говорящего, темы общения, в качестве эмфатического средства, а также переменная форма дискурса. Цель статьи — рассмотреть явление кодовых переключений как одну из категорий языкового смешения, их специфику и реализацию в произведениях англоязычного бикультурального писателя полилингва Джона Роберта Фаулза (John Robert Fowles).

Ключевые слова: кодовое переключение, кодовое смешение, иноязычные вкрапления, авторский идиостиль, билингвизм, бикультуральность.

1. Постановка проблемы и материал исследования

Вопрос о проявлении кодовых переключений в речи в настоящее время представляется актуальным, поскольку с процессом глобализации и проявлением межнациональных контактов происходит смешение языков и культур, в связи с чем возрастает интерес к проблемам би- и полилингвизма. В научной литературе по лингвистике текста предлагаются различные интерпретации явления «билингвизм». Это обусловлено тем, что билингвизм, как достаточно сложный и в какой-то степени «многогранный» лингвистический феномен, затрагивает и вопросы кодовых переключений, включений, языкового смешения и используется не только в разговорной речи билингвов, но и в рекламном и художественном дискурсе.

Основными методами исследования являются методы текстового, прагматического, функционального, стилистического и дискурсивного анализа. Методологическую и теоретическую основу исследования составили лингвистическая теория переключения кода (С. Р. Meyers-Scotton, Р. Gardner-Chloros, А. В. Жиганова, Ж. Багана, Ю. С. Блажевич), теория переключения кода как реализация коммуникативной стратегии (Л. П. Крысин, Е. А. Проценко, Г. Н. Чиршева, О. Т. Йокояма).

Своей целью автор ставит рассмотреть явление кодовых переключений как одной из категорий языкового смешения, их специфику и реализацию в произведениях англоязычного бикульту-

рального писателя полилингва Джона Роберта Фаулза (John Robert Fowles). Прежде следует обратиться к его биографии.

Детство Дж. Фаулза прошло в монокультурном обществе, иностранными языками он овладел в зрелом возрасте. Биографические данные позволяют с полным основанием утверждать, что Дж. Фаулз владел французским, греческим, латинским и немецким языками (помимо родного английского). Проживание в различных странах (Франция, Греция, Германия) влекло к изучению других языков. Это и определяет авторское многоязычие как равноценное (по уровню языковой компетенции билингва), симметричное (по характеристике социально-ролевой и функциональной равноправности двух языков), активное (по преобладающим речевым навыкам и видам речевой деятельности билингва), контактное, прогрессивно-регрессивное (как характеристика этапов смены языка), искусственное (по способу освоения второго языка, поздний тип). Взаимное влияние языков, как правило, накладывает отпечаток на одну или обе языковые системы и приводит к возникновению явления переключения кодов.

Кодовые переключения обозначают явления, связанные с переходом на другой язык (другие языки) в процессе взаимодействия, и охватывают многочисленные процессы, относящиеся к языковым контактам, таким как: языковое чередование (language alternation), языковое смешение (language mixture), языковое переключение (language switching) [4].

«Переключение кодов» определяется в лингвистике по-разному, и диапазон определений существенно варьируется. Понятие «код» применяют в отношении к языкам, диалектам и стилям, а «переключение» относят к смене вариантов речевого поведения» [10. Р. 11]. Традиционно в основу данного термина заложено представление о системе языка. Рассмотрим некоторые ключевые определения данного языкового явления, представленные как отечественными, так и зарубежными учеными. Переключение кодов — это: 1) «использование билингвами единиц, принадлежащих разным языковым системам» [2. С. 28]; 2) «выбор между синонимичными альтернативами, определенной дискурсивной ситуацией, условиями, при которых происходит общение. Значимы и отношения между участниками речевого взаимодействия, их самой личностью: когнитивной, психологической и социальной. Говорящий не всегда выбирает код осознанно» [5. С. 137]; 3) «поочередное использование билингвом элементов двух или более языков в рамках одного коммуникативного акта» [6. С. 123]. К. Майерс-Скоттон разграничивает выбор кода при переключении на «*маркированный*» и «*немаркированный*». МАРКИРОВАННОЕ переключение представляет собой сознательное переключение языков говорящим таким образом, что слушающий воспринимает это как отклонение. НЕМАРКИРОВАННОЕ характеризуется следованием правил речевого поведения, установившимся в языковом сообществе. Поэтому говорящий переключается в соответствии с ожиданиями собеседника [11. Р. 260]. Многие лингвисты полагают, что маркированное переключение кодов имеет место, *с одной стороны*, если говорящий не может найти слов, чтобы выразить свои мысли на одном языке, поэтому прибегает к словам другого с целью восполнить этот недостаток. Непроизвольное переключение кодов может свидетельствовать о том, что говорящий устал, чем-то расстроен или отвлечен. *С другой стороны*, высокая степень владения языком и определенная коммуникативная культура человека влекут к кодовым переключениям. Эта способность делает общение более комфортным и обеспечивает взаимопонимание между двумя собеседниками. Билингвы распределяют использование языков, которыми они владеют, в зависимости от условий общения, то есть в официальной обстановке используется один язык, а в быту и обы-ходе, как правило, другой. «Переключение кода

связывают со сменой собеседника-монолингва, владеющего только одним из языков, которыми владеет данный билингв. В такой ситуации он вынужден переключаться на другой язык, чтобы сделать дальнейшее общение возможным. Смена роли говорящего — немаловажный фактор. Как правило, человек использует при общении один язык в семье, а другой — на работе или при общении с властями. Бесспорно, тема общения также влияет на выбор кода. Специалисты обычно обсуждают производственные и научные темы на языке, в котором присутствуют лексические единицы для обозначения особых процессов, например соответствующая терминология для обозначения устройств и приборов. Но, как только тема меняется на бытовую, говорящие используют другой код: свой родной язык или язык собеседников. В монолингвальном обществе в таком случае участники коммуникации переключаются на более неформальный стиль общения в рамках одного языка» [2. С. 28, 29].

Рассмотрим *объективные причины кодовых переключений* в условиях коммуникации. Во-первых, *смена адресата*. «Если адресат владеет только одним из двух языков, которыми владеет говорящий, то последний, естественно, должен использовать именно данный, знакомый адресату язык, хотя до этого момента в общении с собеседниками-билингвами мог использоваться другой язык или оба. Во-вторых, переключение на известный собеседнику языковой код может происходить даже в том случае, если меняется *состав общающихся*. Так, если к разговору двух билингвов присоединяется третий человек, владеющий только одним из известных всем трем языков, то общение должно происходить на этом языке. Отказ же собеседников переключиться на код, знакомый третьему участнику коммуникации, может расцениваться как нежелание посвящать его в тему разговора или как пренебрежение к его коммуникативным запросам. В-третьих, фактором, обуславливающим переключение кодов, может быть *изменение роли самого говорящего*. Скажем, в роли отца (при общении в семье) или роли соседа по дому он может использовать родной для него язык, а обращаясь в органы центральной власти, он вынужден переключаться на более или менее общепринятые формы речи. Если такого переключения не произойдет, представители власти его не поймут и он не достигнет своей цели (удовлетворить просьбу, рассмотреть жалобу и т. п.), другими словами, потерпит

коммуникативную неудачу. В-четвертых, на выбор кода влияет и *тема общения*» [2. С. 27].

Кодовое переключение может рассматриваться как *коммуникативная стратегия в речи* билингва, а это является главным отличием от других языковых явлений, характеризующих ситуацию многоязычия. «Сознательное действие, преследование определенной цели при переходе на другой язык, способствующие определенному коммуникативному акту, являются прагматической особенностью кодового переключения. При переключении с одного языка на другой говорящий демонстрирует свое отношение к следующим компонентам речевого акта: к адресату, сообщению, референту» [3. С. 23]. Такие стратегии переключения языков, как «прием создания контраста (*эмфатическое средство*); переход от повествования к вопросу или комментарию, другой теме (*переменная форма дискурса или стиля*); незнание языка, на который переходит переключение (*изоляция*), выделяются К. Бекером» [Там же].

Место переключения кода в речевой цепи, по мнению В. И. Беликова, зависит от характера влияния факторов, упомянутых выше. Если говорящий может предвидеть и даже спланировать влияние того или иного фактора, то на естественных границах речевого потока происходит переключение либо *в конце фразы*, либо *в середине фразы*. Если высока степень владения разными кодами или субкодами и в значительной мере автоматизировано их использование, то процесс кодовых переключений может происходить неосознанно. Это относится к тем случаям, когда иной код (субкод) используется не полностью, а фрагментарно. Например, говоря на языке 1, собеседник может вставлять в свою речь элементы другого языка. Это могут быть фразеологизмы, модальные слова, междометия, частицы. Г. Н. Чиршева считает, что «при кодовых переключениях происходит практически полная деактивация одного языка в ходе репродуцирования речи на втором. По месту появления в речи кодовые переключения делятся на несколько типов: 1) *выбор, или чередование кодов* (если одна реплика произнесена на одном языке (Я1), а вторая — на другом (Я2)); 2) *локализация межфразовых переключений* в пределах одного высказывания, между предложениями; 3) *внутрифразовые переключения* (в пределах одного предложения). Речь сбалансированного билингва характеризуется способностью к внутрифразовому виду кодовых переключений» [7. С. 65].

Выделяют и субъективные причины использования кодовых переключений, такие как: нежелание говорящего искажать иноязычные единицы, его стремления особым образом выделить единицу гостевого языка в составе высказывания на матричном языке. Матричный язык устанавливается с помощью внешних компонентов коммуникативной ситуации, определяющих выбор кода (экстралингвистических и социоллингвистических факторов) [11].

2. Результаты

В процессе исследования выявлены функции кодовых переключений в произведениях Джона Роберта Фаулза (John Robert Fowles) «Любовница французского лейтенанта» (The French Lieutenant's Woman) и «Башня из черного дерева» (The Ebony Tower).

Реализация адресатной функции имеет место, если говорящий сознательно выделяет из тех адресатов, кому понятен выбранный им язык. В таких случаях цель кодовых переключений — уточнить, кому обращено высказывание. *Je peux servir, mademoiselle?* (фр.) — Можно подавать, мадемуазель? *Oui, Mathilde. Je viens vous aider.* — Да, Матильда. Я сейчас вам помогу. Переключение кода в данной ситуации коммуникативно мотивированно. Экономка говорит только на французском языке, следовательно, на английском разговор бы не состоялся. Цель *цитатной функции* кодовых переключений — украсить речь говорящего цитатами или афоризмами из другого языка. Такая функция реализуется при цитировании высказываний, оформленных средствами другого языка. *Doctor's orders, you know. Dulce est desipere, as the poet says. It is sweet to sip in the proper place* [8]. Доктор Гроган шутливо перефразирует и сокращает латинский стих *Dulce est desipere in loco* — «Сладко подураться при случае». В силу своей профессии он прекрасно владеет латинским языком, как и другой участник коммуникативного акта, Чарльз, который принимает приглашение «расслабиться и выпить». *"My guess is that you will be asked to make a confessio delicti". "A statement of guilt?"* Поверенный использует латинский юридический термин в разговоре с Чарльзом. Данное переключение языкового кода с английского на латынь коммуникативно мотивированно: разговаривают два образованных человека, владеющих английским и латинским языками. *"Make comme chez vous. Right?"* Comme chez vous является французским аналогом фразеологизма

make yourself at home (чувствуйте себя как дома). В данном примере происходит намеренное переключение кода, поскольку в дом к Диане приехал гость, она принимает его, как это полагается делать хозяйке, встречающей гостей. Кодовое переключение выполняет *дифференцирующую функцию* (отграничивает «своих» от «чужих»). Цель *эзотерической функции* переключений — скрыть какие-либо факты в беседе с участником коммуникативного акта от нежелательных слушателей. Второй язык играет роль тайного кода. *Письмо Сары Чарльз: Je vous ai attendu toute la journée. Je vous prie — une femme a genoux vous supplie de l'aider dans son desespoir. Je passerai la nuit en prieres pour votre venue. Je serai des l'aube a la petite grange pres de la mer atteinte par le premier sentier a gauche apres la ferme* [8]. Письмо написано Сарой Вудраф на французском языке, содержание письма: «Я ждала вас целый день. Я прошу вас — женщина на коленях умоляет вас помочь в ее отчаянном положении. Я проведу ночь в молитвах, чтобы вы пришли. Я буду с рассвета в маленьком сарае у моря, куда ведет первая тропинка слева от фермы». Данное письмо написано на плохом французском языке, на котором обычно изъяснялись гувернантки. Переключение кода в данном случае исключает нежелательных читателей записки. Выражение сильных эмоций с помощью эмоциональных и оценочных средств свойственно человеку. Происходит сознательная реализация эмоциональной или эмоционально-оценочной функции. Ругательства, например, звучат не так оскорбительно на иностранном языке. Они менее экспрессивны в отношении человека, не владеющего этим языком. И, наоборот, человек обращается к средствам родного языка (междометиям, выкрикам и т. п.) для того, чтобы выразить сильные эмоции, но делает это, как правило, неосознанно. *Чарльз в разговоре с Сарой: ...I can guess why I am now summoned to be given the coup de grâce* [8]. Coup de grâce (фр.) — добивающий удар. Чарльз использует французское словосочетание как стилистический прием, чтобы подчеркнуть свое негодование о том, что Сара погубила его жизнь и снова позвала, чтобы унижить. Данный пример также иллюстрирует *текстообразующую функцию* переключения кодов.

“Disappointing you, William? Think I’m pissed? In vino bollocks?” — “Not oil. Pigment. All shit. If it’s any good. Merde. Human excrement. Excrementum. That which grows out. That’s your fundamental. Not your goddam prissy little bits of abstract good taste”.

“Betrayed the fort. Sold out. Call yourself avant-garde. Experimental. My arse. High treason, that’s all. Mess of scientific pottage” [8]. В представленных примерах переключение кода ненамеренное: художник пьян. Распив очередную бутылку вина, Бресли неосознанно использует в речи ругательства на английском, французском и латинском языках.

Цель *функции самоидентификации* — произвести особое впечатление на собеседника уровнем своей языковой компетенции, способность общаться на другом языке, подчеркнуть свою этническую принадлежность. Таким образом, проявляется и *конгломерирующая функция*, объединяющая «своих»; так, например, диалог между художниками: *“Gels suggest a little dejeuner sur l’herbe. Good idea, what? Picnic?” — “I’d love to”* [9]. Бресли предлагает Дэвиду отправиться на пикник. В данном примере лексическая единица «пикник» представлена французским *dejeuner sur l’herbe* — «Завтрак на траве», по названию картины Эдуарда Мане. Данное переключение кода можно считать мотивированным, поскольку на картине изображены двое мужчин и две женщины, сидящие в лесу на пикнике. Действие, изображенное на картине Э. Мане, произойдет через некоторое время с героями анализируемого произведения. *Интертекстуальная и контекстуализирующая функции* кодового переключения также представлены данным примером.

Дэвид в разговоре с Дианой (Мышью): “This... affaire you had ended badly?” “Yes” [9]. *Affaire* — французское слово, имеющее в английском языке адаптированный вариант *affair* — интрижка. Французский вариант объясняется тем, что оба собеседника владеют английским и французским языками. Традиционно французский язык считается «языком любви», поэтому в разговоре о личной жизни герой использует французское слово. *Референциальная функция* также уместна здесь, поскольку автор задействует лексику, заимствованную из другой культуры. Реализация *предметно-тематической функции* кодовых переключений выражается в незнании необходимых лексических единиц, использовании названий иноязычных реалий, беседы на темы, связанные с деятельностью на одном из языков, с людьми определенной страны или культуры и т. п. *“Si jeunesse savait... know that?” — “Of course”*. Бресли цитирует Анри Этьен в оригинале, сокращая полную цитату *“Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait!”* (If youth only knew, if age only could!). Дэвид его

прекрасно понимает и соглашается, ведь они оба образованные, осведомленные люди, владеющие французским языком. Приведенный пример выполняет также *цитатную и интертекстуальную функцию*. Цель *воздействующей функции* — достижение перлокутивного эффекта — добиться чего-либо от собеседника, предпочитающего этот язык общения быстрее. При помощи переключений говорящий может воздействовать на выбор языка собеседником [7. С. 70]. *Then amen. Jacta alea est...* (лат.) — жребий брошен. Доктор Гроган имеет в виду, что Чарльз уже сделал свой выбор и ничего не изменить. *Контекстуализирующая функция* позволяет более подробно описать ситуацию или характеристики предмета (человека) при помощи иноязычных выражений. *And then, in extremis and de profundis — or rather de altis — I cry to my savior for help* [8]. In extremis (лат. «на краю гибели»), de profundis (лат. «из глубин»), de altis (лат. «с высот»). Доктор Гроган пытается понять мотивы поведения Сары Вудраф, изображая ее и показывая читателю и Чарльзу противоречивость ее характера, чувств, используя антонимы de profundis и de altis.

3. Обсуждение

Достаточно высокая степень владения языком (или подсистемами языка), определенная коммуникативная, общая культура человека способствуют переключению кодов. Взаимопонимание между людьми и относительная комфортность процесса речевой коммуникации обеспечивают механизмами кодовых переключений. И наоборот, приверженность лишь одному коду (или субкоду), неспособность индивида варьировать свою речь в зависимости от условий общения считаются аномалиями и приводят к коммуникативным конфликтам.

Более того, заимствования языковых единиц и их вкрапления в речь не считаются переключениями кодов. При заимствовании, лексика подчиняется (возможно, частично) фонетическим и грамматическим модификациям заимствующего языка. При вкраплении сохраняется иносистемный облик вкрапливаемого, так называемого «застывшего» элемента, не подвергающегося модификациям в соответствии с моделями слово-

изменительными или синтаксическими. Во время переключения на другой язык, по мнению того же В. И. Беликова, «говорящий использует языковые средства в полном соответствии с фонетическими, грамматическими и иными свойствами языковых элементов» [2. С. 28].

Как правило, переключение кодов считается одним из социально мотивированных типов речевых умений. Билингвы используют переключение кодов как «социолингвистический прием (средство)» для достижения определенных целей: выражение солидарности говорящего с определенной социальной группой, исключение из разговора нежелательных слушателей, выражение отношения говорящего к слушателю, произведение впечатления на слушателя [1. С. 64—66].

4. Заключение

Кодовое переключение как коммуникативная стратегия используется билингвами в качестве языкового средства или стратегии в полном соответствии с фонетическими, грамматическими и иными языковыми параметрами, причем вкрапливаемый иноязычный элемент не изменяется согласно словоизменительным или синтаксическим моделям. Таким образом, сохраняется иноязычный облик вкрапливаемого элемента.

Решающую роль в выборе языкового кода играют непосредственно сами участники коммуникации. Стратегия переключения кодов является одним из способов выражения независимости, этнической самоидентификации и преодоления этнических барьеров, а в художественной литературе как языковое средство, представляющее авторский бикультуральный идиостиль.

В настоящем исследовании выявлено, что переключение кода используется автором-билингвом в сильных текстовых позициях, в дискурсивных стратегиях интертекстуализации, контекстуализации, сегментирования сообщения и композиционной организации художественного текста; установлено, что при переключении кода происходит конструирование облика главных героев произведения; определено, что посредством перехода на другие иностранные языки автор общения обращается к адресатам как к представителям описываемого им общества.

Список литературы

1. Багана, Ж. К вопросу о переключении кодов / Ж. Багана, Ю. С. Блажевич // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. — 2010. — № 12, т. 6. — С. 63—67.

2. Беликов, В. И. Социоллингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. — М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. — 439 с.
3. Денисова, Е. А. Теоретические предпосылки к изучению термина «билингвизм» / Е. А. Денисова // Междунар. науч.-исслед. журн. — 2016. — № 11 (53), ч. 2.
4. Жиганова, А. В. О функциональной специфике переключения кода в рекламном дискурсе / А. В. Жиганова // *Universum: филология и искусствоведение*. — 2014. — № 3 (5) — С. 1—8.
5. Йокояма, О. Т. «Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов» / О. Т. Йокояма. — М. : Языки славян. культуры, 2005. — 424 с. — (*Studia philologica*).
6. Проценко, Е. А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике (краткий обзор литературы за последние десятилетия) / Е. А. Проценко // *Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультур. коммуникация*. — 2004. — № 1. — С. 123—127.
7. Чиршева, Г. Н. Кодовые переключения в общении русских студентов / Г. Н. Чиршева // *Язык, коммуникация и соц. среда*. — 2008. — Вып. 6. — С. 63—79.
8. Fowles, J. R. *The French Lieutenant's Woman* / J. R. Fowles. — Collins, 1969. — 445 p.
9. Fowles, J. R. *The Ebony Tower* / J. R. Fowles. — Collins, 2006 — 304 p.
10. Gardner-Chloros, P. *Code-switching* / P. Gardner-Chloros. — Cambridge Univ. Press, 2009. — xii, 242 p.
11. Meyers-Scotton, C. *Duelling Languages. Grammatical structure in code-switching* / C. Meyers-Scotton. — Oxford, Clarendon Press, 1993. — 263 p.

Сведения об авторе

Денисова Елена Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. Санкт-Петербург, Россия. denisovaea72@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 85—91.*

CODE-SWITCHINGS IN THE WORKS OF ANGLOPHONE BICULTURAL BILINGUAL WRITER J.R. FOWLES

Ye.A. Denisova

Pushkin Leningrad State University, Saint-Petersburg, Russia. denisovaea72@mail.ru

The article is focused on the code switching as the linguistic phenomenon and concerns it as a special communicative strategy in the speech of the bilinguals. On the basis of the linguistic analysis results, it proves that code switchings are realized in the communication conditions: addressee's change, the number of speakers, changing role of the speaker, the communication topic by way of either the emphatic means or the variable form of discourse. The purpose of the article concerns the phenomenon of codes switching as one of the language mixture category, their specification and realization in the works of Anglophone bi-cultural bilingual writer John Robert Fowles.

Materials and Methods. The main research methods involve the methods of textual, pragmatic, functional, stylistic and discursive analysis. Methodological and theoretical basis of the research comprises the linguistic theory of code switching (C. Meyers-Scotton, P. Gardner-Chloros, A. Zhiganova, Zh. Bagana, Y.S. Blazhevich), the theory of code switching as the realization of the communication strategy (L.P. Krisin, E.A. Protsenko, G.N. Chirsheva, O.T. Yokoyama, E.B. Kolomietseva).

Results. The code switching mechanism was introduced; the reasons, conditions and factors affecting the language switching were determined and systematized; the functional implication of code switching onto the other languages as the means of the author's individual style was also stated. Reasoned code switchings are used in the way of sociolinguistic means in order to achieve the stated goal. The author concludes that the participants themselves decide on the choice of the code. Language strategy of code switching is one of the expressive means of independence, ethnic self-identification and as for literary works, the very strategy represents the author's individual style.

Conclusion. The study defined that code switching is used by the bilingual writer in the intense textual positions, in the discursive strategies of intertextualization, context, segmenting the statement and compositional

organization of the literary text; the author determined that when code switching takes place, the construction of the main characters image in the literary works is represented; the research overviewed that by means of transition onto the other foreign languages, the author addresses to the representatives of the society being described.

Keywords: *code switching, code mixture, foreign insertions, writer's individual style, bilingualism, bi-cultural.*

References

1. Bagana Zh., Blazhevich Yu.S. K voprosy o pereklyuchenii kodov [To the question of code-switching]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarsvenogo universiteta. Seria: Gumanitarnye nauki* [Scientific Journal of Belgorod State University. Series: Humanities], 2010, no. 12, vol. 6, pp. 63—67. (In Russ.).
2. Belikov V.I., Krysin L.P. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow, 2001. (In Russ.).
3. Denisova Ye.A. Teoreticheskiye predposylki k izucheniyu termina “bilingvizm” [Theoretical prerequisites to study the term “Bilingualism”]. *Mezhdunarodniy nauchno-isledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 2016, no. 11 (53), pt. 2. (In Russ.).
4. Zhiganova A. O funktsional'noy spetsifike pereklyucheniya koda v reklamnom diskurse [About functional specification of code switching in the advertising discourse]. *Universum: filologia i iskusstvovedeniye* [Universum: Philology and art history], 2014, no. 3 (5), pp. 1—8. (In Russ.).
5. Yokoyama O.T. *Kognitivnaya model' diskursa i russkiy poryadok slov* [Cognitive discourse model and Russian word order]. Moscow, 2005. (Studia philologica). (In Russ.).
6. Protsenko Ye.A. Problema pereklyucheniya kodov v zarubezhnoy lingvistike (kratkiy obzor literatury za posledniye desyatiletiya) [The problem of code-switching in foreign linguistics (brief review of the last decades)]. *Vestnik VGU. Seria: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsia* [Bulletin of VSU. Series Linguistics and Intercultural Communication], 2004, no. 1, pp. 123—127. (In Russ.).
7. Chirsheva G.N. Kodovye pereklyucheniya v obshchenii russkikh studentov [Code switching in the communication of Russian students]. *Yazyk, kommunikatsia i sotsial'naya sreda* [Language, Communication and Social Environment], 2008, vol. 6, pp. 63—79. (In Russ.).
8. Fowles J.R. *The French Lieutenant's Woman*. Collins, 1969.
9. Fowles J.R. *The Ebony Tower*. Collins, 2006.
10. Gardner-Chloros P. *Code-switching*. Cambridge University Press, 2009.
11. Meyers-Scotton C. *Duelling Languages. Grammatical structure in code-switching*. Oxford, Clarendon Press, 1993.

УДК 070.1 ББК 76.01
DOI 10.24411/1994-2796-2018-11013

КОНВЕРГЕНЦИЯ В СМИ УЗБЕКИСТАНА: ФОРМАТ, ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

С. М. Дониёров

Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан

Рассматривается развитие процесса конвергенции в печатных средствах массовой информации. Новые технологии изменили структуру медиаландшафта. Анализируются реалии, в которых зародились и развиваются «новые СМИ», а также последовавшие трансформации в газетных редакциях, в частности в Узбекистане.

Ключевые слова: медиаконвергенция, «новые медиа», информационное пространство, дигитализация, СМИ Узбекистана.

В современных реалиях средства массовой информации получили различные, прежде всего новые для них характеристики. В этом ряду следует назвать мультимедийность и интерактивность, дигитализацию, а также существование в глобальном медиaprостранстве. Будучи представленными, помимо прочего, в цифровом мире, СМИ нового формата получили все вышеперечисленные признаки.

Исследователи, называя данное явление медиаконвергенцией, считают, что она результат новых, изменившихся реалий редакций периодических изданий, которые до самого конца XX в. были самостоятельными и самодостаточными, даже несмотря на появление новых на тот момент типов средств массовой информации — радио и телевидения. На стыке прошлого и нынешнего веков распространение компьютерных и сетевых технологий в известной степени корректирует средства и способы передачи информации, ее подачу, что коренным образом меняет структуру, векторы развития редакций [9].

Следует подчеркнуть, что термин «конвергенция» впервые был употреблен гораздо раньше, в 1713 г. Его авторство принадлежит английскому философу-натуралисту Уильяму Дерхаму (William Derham), использовавшему термин в труде «Физико-теология, или Демонстрация бытия и атрибутов Бога через его работы по творению» [8]. Отметим, что с тех самых пор и до 1960—70-х гг. термин использовался при описании явлений в сфере политики, экономики, естествознания. С появлением компьютеров слово, произошедшее от лат. *convergo* (сближаюсь, схожусь), расширило спектр применения.

В актуальном для медиaprостранства смысле под данным понятием подразумеваются мультитазачный режим потребления информации в современном мире. Человек может беседовать по телефону, параллельно фоном смотреть телевизор, листать газету либо журнал, просматривая ленту в аккаунте в социальных сетях. Подобная мультитазачность стала следствием технических достижений, проникновения компьютеров и Интернета [8]. Наряду с этим возникли возможности распространения информации посредством разных медиaplatform (кросс-медийность). Глобальной благодаря техническому прогрессу стала и доступность сведений в виде текстов, мeдиaфaйлoв.

Конвергенция стала также одним из значимых признаков «новых медиа». К ним относят интернет-версии газет и журналов, непосредственно интернет-СМИ, а также сетевые и мобильные ТВ и радио, социальные сети и др. [2]. Иногда термин «конвергентные СМИ» считается синонимом термина «новые медиа» [3].

Следует подчеркнуть, что подобное отсутствие окончательно выработанного понимания, трактовки термина «конвергенция», вполне вероятно, обусловлено тем фактором, что исследователи медиа в разных государствах с различными моделями развития прессы подразумевают под этим явлением практику, принятую в определенной редакции, что, в свою очередь, усиливает субъективность характеристик вышеприведенного явления. На это влияют и своеобразие страны, менталитет и культура потребления информации ее жителей, а также такие факторы, связанные с политическими, экономическими реалиями

в каждом конкретном государстве. Среди первоочередных следует назвать и законодательство, регламентирующее функционирование средств массовой информации, степень проникновения технологий, Интернета и его скорость, качественные и количественные показатели развития мобильной индустрии.

В процессе анализа явлений, составляющих процесс конвергенции и развитие газетных редакций в условиях формирования «новых СМИ» в Узбекистане, следует сказать о том, что на медиаландшафте страны в последнее время происходят позитивные перемены, нацеленные на развитие информационной сферы и средств массовой информации, создание условий для реализации конституционных прав граждан на оперативное получение объективной и достоверной информации.

Проведена определенная работа по приведению к международным стандартам нормативно-правовой базы в сфере массмедиа. Программным документом, на основе которого в настоящее время в государстве реализуются реформы в разных сферах, является Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017—2021 гг. В соответствующем разделе документа ставятся задачи по усилению роли СМИ в жизни общества, укреплению защиты профессиональной деятельности журналистов, обеспечению открытости деятельности органов государственной власти и управления, внедрению современных форм предоставления информации, касающейся прав и свобод, законных интересов граждан. Власти стремятся совершенствовать сферу цифровых медиа. Обращаясь к представителям сферы в профессиональный праздник — День работников печати и средств массовой информации — Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев отметил, что «в настоящее время в глобальной сети в домене .uz действует свыше 400 веб-сайтов и информационных порталов, большинство из них осуществляет работу также на иностранных языках. В этой сфере формируется новое творческое поколение — интернет-журналисты» [7. С. 1].

Следует отметить, что, будучи интегрированным в международное информпространство, электронный медиаландшафт Узбекистана представлен радио, телевидением и Интернетом. С поступательным развитием и укоренением медиаконвергенции в начале 2000-х гг. к ним добавилась электронная газета.

В тот период редакции ведущих газет и журналов, стараясь идти в ногу со временем, открыли электронные версии своих изданий. Важнейшим аргументом в пользу этого шага стало то, что онлайн-версия позволяла увеличить охват аудитории. Хотя, стоит отметить, ввиду незначительного покрытия Интернетом территории страны, в первые годы это был небольшой прирост — 10—15 % подписчиков бумажной версии.

Позже, спустя некоторое время и по мере развития технологий, преимущества оценили и сами читатели. Полубившееся издание можно читать дома, на работе или с экрана мобильного телефона. Ряд изданий стали размещать электронную версию свежего номера еще до выхода печати издания. Уже на данном этапе электронные версии взяли верх по оперативности информирования читателя. Следующим их важнейшим преимуществом станет интерактивность, которая предоставила возможность наладить полноценную обратную связь и взаимодействие с аудиторией.

В настоящее время, как сообщается на официальном сайте Узбекского агентства по печати и информации [6], в республике действует более 1500 средств массовой информации. Среди них около 700 газет, многие из которых имеют собственные сайты.

Отметим, что зачастую сайт газеты представляет собой цифровой аналог печатного издания, просто существующий в иной форме, а веб-ресурс идентичен по содержанию газете.

Следует особо отметить, что подобная стратегия является преобладающей в коммуникационной среде Узбекистана. Этому в некоторой степени способствует действующее законодательство. Действующая на момент подготовки данной статьи редакция Закона Республики Узбекистан «О средствах массовой информации» посвящает целую ст. 27 электронной версии периодического печатного издания [1].

В нормативном акте электронная версия периодического печатного издания регламентирована в качестве одного из способов распространения периодического печатного издания. При этом сказано, что редакция периодического печатного издания вправе распространять электронную версию периодического печатного издания без регистрации электронной версии в качестве самостоятельного средства массовой информации при условии идентичности содержания печатной и электронной версий соответствующего периодического печатного издания и соблюдения

требований законодательства. О распространении электронной версии периодического печатного издания его редакция обязана уведомить в письменной форме регистрирующий орган.

Следует подчеркнуть, что действующий закон, вступивший в силу более 10 лет назад, в настоящее время не учитывает всей специфики и тенденций современной медиасферы. Законодательные нормы косвенно предполагают, что газета при желании доводит до аудитории в Интернете информацию более оперативно, публиковать на своем электронном портале более развернутые по сравнению с газетной версией материалы обязана создать и зарегистрировать отдельно от уже действующей редакции печатного СМИ еще и редакцию информационного веб-сайта. В противном случае, как указано в упомянутом выше законе, электронная версия может только полностью дублировать печатную, за исключением прописанных в нормативном акте оговорок: не рассматривается как нарушение идентичности содержания исключение из электронной версии и (или) замена полностью или частично рекламных сообщений, содержащихся в печатной версии периодического печатного издания, а также уменьшение объема представленных в электронной версии материалов по сравнению с печатной версией [4]. Остается добавить, что приведенные оговорки по сути своей несущественны и на положение дел никакого влияния не имеют.

С учетом сформировавшейся среды и особенностей законодательного регулирования не все традиционные СМИ Узбекистана переносят основной акцент информационной деятельности со страниц бумажной версии на интернет-сайт. Это, в частности, касается сайтов большинства центральных газет, которые являются лишь электронным переложением печатного первоисточника. При этом статистика Национальной поисковой системы www.uz свидетельствует, что сайты основных общественно-политических и социально-экономических газет Узбекистана были зарегистрированы в период 2006—2008 гг.

Показательна наметившаяся тенденция, согласно которой для центральных государственных СМИ Узбекистана на современном этапе их развития, развития современной информационной среды главным критерием их эффективности является тираж. Этот факт свидетельствует о нацеленности редакционной политики в первую очередь на расширение аудитории традиционной,

печатной версии. С целью не допустить снижения продаж печатных версий многие газеты практикуют обновление и актуализацию своих сайтов не с раннего утра, а ближе к обеденному времени. Таким способом и подписные кампании не теряют свой смысл. Подобная практика характерна для целого ряда средств массовой информации.

В данном контексте уместно также отдельно сказать о степени присутствия большинства государственных общественно-политических изданий Узбекистана в социальных сетях, что необходимо учитывать в контексте анализа эффективности работы сайтов СМИ.

В условиях актуализации потребления контента традиционных СМИ, в том числе при помощи популярных соцсетей и интернет-мессенджеров, не все издания представлены на этих площадках. На сайтах электронных версий изданий размещены иконки Twitter, Facebook, «ВКонтакте» и «Одноклассников». Однако ссылки с них возвращают на текущую страницу, то есть не работают. Этот факт позволяет предполагать, что редакции в данный момент не заинтересованы в продвижении газет на пространстве социальных сетей.

Таким образом, есть все основания полагать, что на современном этапе освоения веб-пространства далеко не у всех редакций государственных СМИ Узбекистана есть понимание и стратегия развития присутствия в Интернете. Электронные версии газет, идентичные по содержанию бумажным версиям, не могут считаться успешными и отвечающими современному уровню интернет-СМИ. В них не используется потенциал мультимедиа, новых коммуникационных платформ. Кроме того, в редакциях назрела необходимость верной оценки значимости эффективного использования интерактивных возможностей. Причиной подобной ситуации может являться как несоответствие современным реалиям законодательной базы, так и нежелание менеджеров редакций менять выработанные за многие годы подходы. Существенную сложность представляет также отсутствие кадров, специализирующихся на творческой деятельности в интернет-СМИ.

Следует подчеркнуть, что, как уже отмечено выше, многие СМИ Узбекистана находятся в поисках собственной модели развития своих интернет-версий. Потому если одни издания наполняют сайты различными мультимедийными и интерактивными сервисами, то другие только начинают это делать.

В качестве примера стоит привести региональные средства массовой информации. Учитывая тенденцию последних лет к регионализации рынка печатной продукции, которые в большей степени соответствуют интересам и нуждам читателей той или иной административной единицы, наблюдается стремление к увеличению электронных изданий печатных средств массовой информации в регионах Узбекистана. Почти у всех региональных печатных средств массовой информации есть свои интернет-сайты. Конечно, к настоящему времени остается нерешенным круг вопросов, посвященных освоению местной прессой новых медийных платформ, творческим методам и приемам веб-журналистики, процессам конвергенции и технологизации коммуникации. В этом русле развития современной медиасферы комплексное изучение названных аспектов деятельности региональных СМИ, примеров успешной их деятельности представляется актуальным.

Согласно данным национальной поисковой системы www.uz, лидером среди электронных версий региональных СМИ является сайт объединенной редакции газет «Зарафшон» и «Самаркандский вестник». Среди всех сайтов, представленных в категории «Новости и СМИ», портал издания хокимията Самаркандской области занимает 59-ю строчку по популярности [5].

Сайт зарегистрирован в апреле 2008 г. При этом его отличают от аналогичных довольно современный дизайн и оформление. Основные статьи, представленные на портале, повторяют публикации бумажной версии. При этом они разделены по тематическим направлениям. На основе статистики просмотров выделены наиболее популярные статьи, что, несомненно, создает дополнительные удобства для читателей.

На сайте www.zarnews.uz, который был зарегистрирован в 2008 г., размещаются анонсы следующих номеров газеты. Здесь шире, чем в других региональных изданиях, используются интерактивные возможности. Посредством сайта проводится опрос по актуальным темам. В частности, в летний период это вопросы, касающиеся организации детского отдыха в оздоровительных, пришкольных лагерях, спортивных секций и кружков детского творчества, мероприятий в скверах и парках. На основе обобщения полученных ответов, как сообщается на сайте, будут подготовлены статьи по этой теме с освещением проблем, о которых рассказывают читатели.

Механизм обратной связи редакции с аудиторией достаточно прозрачен. Анализ писем, поступивших в газету, ежемесячно в виде диаграммы приводится на сайте. На портале действует подписка на RSS-рассылку, создан и развивается аккаунт редакции газет «Зарафшон» и «Самаркандский вестник» в основных соцсетях, к примеру Facebook.

Установить дополнительную связь, доверительный контакт с аудиторией помогает размещенная на сайте подробная информация об истории создания газет «Зарафшон» и «Самаркандский вестник», основных вехах их развития, достижениях и награжденных государственными наградами и престижными премиями в сфере журналистики членах коллектива, известных мастерах пера, кому доводилось работать или сотрудничать с самаркандскими газетами. Приводится подробная информация о руководстве, сотрудниках изданий с их портретными снимками, описанием функциональных обязанностей, освещаемого круга тем и специализации.

Заслуживает внимания и фотогалерея, размещенная на сайте. Мультимедийное наполнение этого раздела хорошо проработано, здесь также присутствует тематическая рубрикация, что существенно облегчает поиск интересующих фотографий.

При всем перечисленном, без сомнения, масс-медиа регионального уровня должны быть больше приближены к своему потребителю через электронные версии своих изданий, активнее внедрять в своей работе технологии распространения информации в сети, сделать ее более наглядной, а свои сайты — интерактивными.

Как уже отмечалось, рассмотренные сайты в силу специфики развития данного сегмента медиа в Узбекистане с небольшими оговорками являлись электронными версиями печатных изданий. При этом в информационном пространстве страны развивается иная модель, когда сайт печатного издания функционирует на уровне самостоятельного интернет-СМИ, которое предлагает оригинальный, отличный от базового издания контент. Это могут быть как тексты, написанные специально для сайта, так и мультимедийные материалы. Практика показывает, что именно такие сайты, учитывающие специфику интернет-пространства, обычно имеют высокие показатели посещаемости и цитируемости.

В основном данная модель претворяется в жизнь редакциями частных изданий с ранее

преобладавшим развлекательным контентом. К примеру, частное издание «Даракчи» успешно использует возможности конвергенции на сайте www.darakchi.uz. Мультимедийное наполнение этого ресурса хорошо проработано, фотографии и видеоролики встречаются очень часто. Посещаемость сайта оценить не представляется возможным в силу закрытости статистики по инициативе редакции, однако, основываясь на данных о том, что на telegram-канал [darakchi \(www.telegram.me/darakchinews_bot\)](https://www.telegram.me/darakchinews_bot) подписано около 57 тыс. пользователей, можно сделать выводы, что число уникальных посетителей портала в сутки превышает несколько тысяч уникальных посетителей.

Редакция сайта «Даракчи» делает ставку как на эксклюзивный контент, так и на использование возможностей визуализации. Часто на сайте размещаются фоторепортажи. В заголовках материалов используются глаголы в активном залоге, ключевые фразы, а также название местности, где произошло то или иное событие. Этот метод используется большинством ведущих интернет-СМИ на глобальном пространстве.

Постоянное обновление — еще одно важное требование, необходимое условие посещаемости ресурсов. Портал обновляет новости примерно каждые полчаса, ответственные за это журналисты и копирайтеры моментально реагируют на происходящие события, размещая как текстовые, так и мультимедийные материалы, как того и требует интернет-журналистика: с момента, когда произошло событие, и до момента, когда информация о нем появляется на странице информационного портала, должно проходить меньше часа.

В условиях ужесточения конкурентной борьбы на рынке частных СМИ Узбекистана некоторые газеты, как и «Даракчи», отказываются от устаревшей стратегии print-first (сначала на бумаге) и переходят к модели convergent-first (сначала конвергенция). Чтобы соответствовать постоянно меняющимся техническим и технологическим требованиям, такие сайты вынуждены постоянно модернизироваться. При разработке обновления сайта учитывается тот факт, что большое количество информации может утомить пользователя, в итоге главную страницу делят на некоторые разделы и стараются представить в них только самые последние и интересные новости.

В целом предложение разноформатного контента и диверсификация способов его достав-

ки отражают развитие инновационных процессов в медиасфере. На многих отечественных сайтах стали появляться различные типы контента. Речь идет как о фотопубликациях, так и о видеосюжетах, слайд-шоу, инфографике. Визуальная информация в интернет-СМИ значительно увеличивается. Наиболее распространенным способом визуализации в региональных интернет-СМИ является использование фотографий. В самих заголовках на сайте www.darakchi.uz часто используются слова «фоторепортаж», «фотофакт», «+фото», «+видео» или размещается рядом с некоторыми новостями значок, сообщающий о том, что полный текст содержит фотоматериалы. В Интернете количество фото в отличие от газеты не ограничивается. Таким образом, к каждой публикации может быть добавлено 5—10 снимков и более, которые выставляются в сеть в достаточном разрешении, позволяющем рассмотреть все детали. Фоторепортаж может быть также оформлен в виде слайд-шоу.

Перспективным направлением развития СМИ в условиях конвергенции медиапространства представляется размещение на сайтах видеосюжетов. Многие из таких видео набирают десятки тысяч просмотров, в то время как и во многих зарубежных изданиях, в узбекском сегменте негосударственных СМИ стало традиционным размещение в рамках одной публикации в сети всех видов информации (текста, фото, аудио, видео, инфографики). Эксперименты с мультимедийными форматами чаще всего проводят сайты развлекательных изданий, которые стараются разнообразить свои веб-ресурсы.

Среди последних тенденций в предпочтениях читательской аудитории — ее становление более гибкой, читатель легче переходит от одного типа СМИ к другому, требует все больше интерактивности. Активность интернет-пользователей сосредоточивается в популярных социальных сетях, где царят совершенно иные массовые информационные потоки. Новая среда формирует новые правила взаимодействия с читателем, постепенно нивелируется роль как традиционных, так и конвергентных массмедиа.

Проведенный анализ позволил сделать вывод, что среди газет Узбекистана наиболее инновационная стратегия продвижения также остается прерогативой частных СМИ. Анализируемое издание «Даракчи» имеет аккаунты в пяти социальных сетях, где у него в общей сложности более 170 тыс. подписчиков.

Необходимо упомянуть, что успешность присутствия СМИ в социальных сетях зависит не столько от числа подписчиков страницы, сколько от количества активного ядра пользователей. В этом плане аккаунты «Даракчи» соответствуют указанным требованиям. При этом стоит сделать оговорку, что контент, который размещает газета в популярных социальных сетях, почти идентичен. Как правило, это заголовки газеты, снабженные хэштегами и фотографиями. Таким образом, издание использует социальные сети для ретрансляции новостей, специально написанные посты практически отсутствуют. Основываясь на международной практике, в идеале эти посты представляются в виде небольших текстов, которые вкратце описывают суть материала, создают интригу и подталкивают читателя к тому, чтобы перейти на сайт. В подобной стратегии продвижения уместен также более легкий стиль общения с чи-

тателем, что позволяет завязать связи с людьми, привлечь их, а сами журналисты, редакторы становятся «друзьями» пользователей в социальной сети.

В данном контексте можно сделать вывод, что средства массовой информации, игнорирующие современные формы диалога и сохраняющие действующие стратегии развития, будут терять свою аудиторию. Они испытают трудности и в привлечении нового читателя. Консервативные СМИ могут с высокой долей вероятности оказаться вне тенденций современного развития. В медиапространстве, как видится, предпочтительна конвергентная стратегия, ориентированная на многоканальность в производстве и распространении мультимедийного контента. В свою очередь качественные изменения медийной сферы, обусловленные ее технологическими преобразованиями, приводят к существенной трансформации творческих методов и приемов журналистики.

Список литературы

1. Закон Республики Узбекистан «О средствах массовой информации» // Нар. слово. — 2017. — № 11 (4134).
2. Карякина, К. А. Актуальные формы и модели новых медиа: от понимания аудитории к созданию контента [Электронный ресурс] / К. А. Карякина // Портал научных исследований СМИ. 2010. — URL: <http://mediascope.ru/node/524>.
3. Лукина, М. М. Интернет-СМИ: Теория и практика : учеб. пособие для студентов вузов / М. М. Лукина. — М., 2010.
4. Национальная база законодательства Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. — URL: http://lex.uz/pages/GetAct.aspx?lact_id=1106875.
5. Национальная поисковая система Узбекистана [Электронный ресурс]. — URL: www.uz.ru/stat.
6. Официальный сайт Узбекского агентства по печати и информации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.api.uz>.
7. Поздравление с Днем работников печати и средств массовой информации // Нар. слово. — 2017. — № 126 (6790) — С. 1.
8. Свитич, Л. Г. Проблемы подготовки журналистов. Итоги социологического исследования / Л. Г. Свитич, А. А. Ширяева // Вестн. Моск. ун-та. Сер.: Журналистика. — 2003. — № 6.
9. Юферева, А. С. Массовая коммуникация и медиаконвергенция: тенденции и новые вызовы / А. С. Юферева // Журналистика цифровой эпохи: как меняется профессия : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 14—15 апр. 2016 г. — Екатеринбург, 2016. — С. 135—138.
10. Derham, W. Physico-Theology: or a Demonstration of the Being and Attributes of God from His Works of Creation. Ayer Co Pub [Электронный ресурс] / W. Derham. — 1978. — 444 p. — URL: <http://archive.org/details/physicotheology00derhgoog>.

Сведения об авторе

Дониёров Салим Мусурмонович — независимый исследователь-соискатель факультета международной журналистики, Узбекский государственный университет мировых языков. Ташкент, Узбекистан. salimjon@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
 2018. No. 10 (420). Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 92—98.

CONVERGENCE IN UZBEKISTAN MEDIA: FORMAT, TECHNOLOGY AND LEGAL SPACE

S.M. Doniyorov

Uzbekistan State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan. salimjon@mail.ru

The article considers the development of the convergence process in print media. New technologies have changed the structure of the media landscape. In these realities, “new media” have arisen and are developing. In modern realities, the media received various, previously new characteristics for them. Newspaper editions in different countries, in particular in Uzbekistan, are forced to rebuild, reacting to the transformation of the information sphere. Many media outlets in this country are searching for their own model of development.

Keywords: *mediaconvergence, “new media”, information space, digitalization, mass media of Uzbekistan.*

References

1. Law of the Republic of Uzbekistan “On Mass Media”. *Narodnoye slovo* [The People’s Word], 2017, no. 11 (4134). (In Russ.).
2. Karyakina K.A. Aktual’nyye formy i modeli novykh media: ot ponimaniya auditorii k sozdaniyu kontenta [Actual forms and models of new media: from understanding the audience to creating content]. *Portal nauchnykh issledovaniy SMI* [Research Media portal], 2010. Available at: <http://mediascope.ru/node/524>, accessed 01.04.2018. (In Russ.).
3. Lukina M.M. *Internet-SMI: Teoriya i praktika* [Internet Media: Theory and Practice]. Moscow, 2010. (In Russ.).
4. *Natsional’naya baza zakonodatel’sstva Respubliki Uzbekistan* [National legislative base of the Republic of Uzbekistan]. Available at: http://lex.uz/pages/GetAct.aspx?lact_id=1106875 (In Russ.).
5. *Natsional’naya poiskovaya sistema Uzbekistana* [National search system of Uzbekistan]. Available at: www.uz/ru/stat (In Russ.).
6. *Ofitsial’nyy sayt Uzbekskogo agentstva pechati i informatsii* [The official website of the Uzbek Press and Information Agency]. Available at: <http://www.api.uz> (In Russ.).
7. Pozdravleniye s Dnem rabotnikov pechati i sredstv massovoy informatsii [Felicitation on the Day of Press and Mass Media Workers]. *Narodnoye slovo* [The People’s Word], 2017, no. 126 (6790). (In Russ.).
8. Svitich L.G., Shiryayeva A.A. Problemy podgotovki zhurnalistov. Itogi sotsiologicheskogo issledovaniya [Problems of training journalists. Results of sociological research]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Series Journalism], 2003, no. 6.
9. Yufereva A.S. Massovaya kommunikatsiya i mediakonvergentiya: tendentsii i novye vyzovy [Mass communication and media convergence: trends and new challenges]. *Zhurnalistika tsifrovoy epokhi: kak menyayetsya professiya* [Journalism of the digital age: how the profession is changing]. Ekaterinburg, 2016. Pp. 135—138.
10. Derham W. *Physicso-Theology: or a Demonstration of the Being and Attributes of God from His Works of Creation*. Ayer Co Pub, 1978. 444 p. Available at: <http://archive.org/details/physicotheology00derhgoog>.

РОЛЬ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

И. В. Дукальская

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики

Рассматривается взаимосвязь языковых и культурных кодов и их роль в межкультурной коммуникации. Семиотический подход позволяет выявить такие невербальные компоненты коммуникации, как традиции, этикет, артефакты и другие системы знаков, и проследить их интерпретацию в языковой системе. Приводятся примеры из русского и английского языков. В рамках семиотического подхода происходит процесс знакового опосредования коммуникативного процесса, который включает различные коммуникативные средства, каналы передачи и процесс восприятия.

Ключевые слова: *семиотика, лингвокультурная коммуникация, межкультурная коммуникация, знак, лингвокультурный код.*

В течение продолжительного времени изучение этноязыков и этнокультур происходило на основе разных понятийно-терминологических парадигм. Освоение одних языков и культур носителями других языков и культур направлено на установление межкультурной коммуникации, ни отдельный человек не может жить изолированно, ни отдельно взятая культура не может развиваться обособленно от других культур. Каждый язык и культура являются носителями какой-либо информации, обмен информацией порождает коммуникацию. Информация носит знаковый характер и передается при помощи знаков. Это позволяет нам рассматривать межкультурную коммуникацию с позиции универсальной науки семиотики. Основателями семиотики являются Ч. Пирс, Ф. де Соссюр, Ч. Моррис и др. «Семиотика... — научная дисциплина, изучающая производство, строение и функционирование различных знаковых систем, хранящих и передающих информацию» [2. С. 913]. Язык обладает особым статусом среди знаковых систем; по Соссюру, язык — это главнейшая система [10]. По Л. Ельмслеву, уникальность языка заключается в том, что он является семиотикой, на которую могут быть переведены другие языки и различные семиотические структуры. «Данное свойство языка обусловлено неограниченной возможностью образования знаков и очень свободными правилами образования единиц большей протяженности (предложения и т. д.)» [4. С. 231]. Семиотический подход подразумевает коммуникацию как взаимодействие при помощи знаков, знаковых систем, языков, кодов. Процесс ком-

муникации включает некий смысл, который содержится в сознании адресанта (коммуницирующего), имеет кодированную форму, и проходит по каналу передачи и дешифруется в сознании адресата. Таким образом зарождаются и осмысливаются новые значения. Смысл не может породить коммуникацию, пока он не будет преобразован в форму, в которой он сможет быть передан получателю. Подобная трансформация, по А. В. Соколову, предоставляет адресанту и реципиенту «средства для создания и восприятия сообщений, в том числе знаки, языки и коды» [9]. Такие средства являются коммуникативными средствами или знаками. В зависимости от избранного способа передачи, в роли таких знаков могут выступать слова, словосочетания, предложения; материальные предметы, артефакты и т. д.

Семиотика тесно связана с лингвистикой. Язык обладает особым статусом среди знаковых систем. Можно считать, что язык является общей моделью разных структур для передачи информации. С позиций семиотики язык служит синонимом термина *знаковая система*. В некоторых случаях термин *код* употребляется в качестве синонима термина *знаковая система*. Н. Б. Мечковская определяет *код* как «тот язык или его вариант... который используют участники данного коммуникативного акта» [8. С. 14].

Во второй половине XX в. появилась новая отрасль семиотики — семиотика культуры, свой вклад в разработку которой внесли У. Эко, К. Леви-Стросс, Р. Барт, Ю. М. Лотман, В. В. Иванов, В. Н. Топоров, А. М. Пятигорский, Е. В. Падучева и др. Это дало возможность

объяснять явления языка и культуры с точки зрения общего подхода семиотики. Культура — это совокупность образцов предметно-практического и духовного поведения людей, сюда можно отнести систему ценностей определенных групп людей, мировоззрение, традиции, менталитет, образ жизни. Все эти аспекты формируются в процессе социально-исторического развития определенно-го народа. Эти образцы наследуются из поколения в поколение и подобно генетическому коду образуют культурные коды. Без учета этих кодов невозможен адекватный перевод с одного языка на другой, и, как следствие, межкультурное общение, так как у разных носителей языка имеется свой собственный культурный опыт.

В таком подходе можно проследить взаимосвязь языка и культуры. Язык — средство общения людей, при помощи него формируется культура отдельного взятого социума; находясь в тесной взаимосвязи друг с другом, язык и культура определяют взаимное непрерывное развитие. При помощи языка формируется культурная личность, передающая культурные коды из поколения в поколение. Семиотика культуры рассматривает вербальный язык как главную, знаковую систему определенной национальной культуры, над которой выстраиваются остальные знаковые системы данной культуры в виде вспомогательных механизмов. Руководствуясь таким взглядом на культуру, Ю. М. Лотман считал невербальные культурные коды вторичными моделирующими системами [6]. Согласно концепции вторичных моделирующих систем, естественные языки, литература, мифология, религия, этические и социальные нормы, моделирующие какие-либо фрагменты реальности, являются семиотическими текстами и осуществляют коммуникацию и познание. Мы можем наблюдать постоянное взаимодействие между вербальными и невербальными кодами, проникновение культурных кодов в естественный язык (в образной лексике и фразеологии) и обратное влияние вербального языка на культуру [3].

Все процедуры, связанные с обработкой, хранением и передачей информации в обществе, происходят с использованием знаковых систем. Любые знаки являются носителями смысловых содержаний, из которых впоследствии формируются определенные значения. Кодирование передаваемой в сообщениях информации становится возможным при помощи знаков, и, как следствие, происходит реализация коммуникативных актов.

Знаковое представление информации и использование знаков являются знаковым воплощением коммуникативных процессов. В различной знаковой ситуации отдельно взятый знак связывается с каким-либо явлением, предметом, фактом, событием, как со своим референтом или денотантом. Такая связь называется референциальным или денотативным значением знака и осмысливается сознанием человека, который использует знаки в коммуникативном акте. То есть коммуникатор осуществляет акт референции или денотации при выборе определенного знака, который указывает и называет какой-либо предмет.

Любой знак характеризуется наличием двух планов: плана выражения и плана содержания. Язык, как упоминалось выше, является знаковой системой, а единицы языка тоже характеризуются двуплановостью. Каждый знак имеет материальную сторону — план выражения — и идеальную сторону — план содержания. Для коммуникации и перевода является важным тот факт, что в разных языках есть единицы, которые различаются в плане выражения, но при этом совпадают в плане содержания. Для успешной коммуникации при трансформации плана выражения важно учитывать план содержания. Следует отметить, что в языке как в репрезентаторе культуры отражены результаты человеческого опыта. По К. Марксу и Ф. Энгельсу, «ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства... они — только проявления действительной жизни или опыт схожи у носителей разных языков и культур, настолько схожи и языковые значения, которые выражают данный опыт. Представители различных культур являются носителями разных языков, что находит безусловное отражение в языке.

Совокупность знаков образует различные знаковые системы или коды; языковые, культурные, лингвокультурные и др. Для адекватного осуществления межкультурной и лингвокультурной коммуникации необходимо освоить коды другой культуры, которые находят отражение в вербальном языке в виде фразеологизмов и образной лексики; соединяясь с ним, образуют лингвокультурные коды. Языковые ошибки вызывают у носителей языка менее негативную реакцию, нежели ошибки культурные. Р. Барт рассматриваем понятие *код* как понятие, относящееся в большей степени к области культуры. Коды, по его мнению, — это «определенные виды

уже виденного, уже читанного, уже деланного»; «культурный код — это апелляция к совокупному человеческому опыту» [1. С. 456].

С другой стороны, культурный код понимается как система образов, передающая из поколения в поколение информацию о какой-либо нации. Ю. М. Лотман считает, что код — это некая система образов, которая может относиться к различной области культуры. Это могут быть некие предметы, артефакты культуры, которые выступают в знаковой функции; например, крест имеет знаковый концептуальный смысл. Наименования подобных артефактов имеют отражение в вербальных знаках и ложатся в основу создания пословиц, идиом и образной лексики. Например, идиома *bear one's cross* — «нести крест, бремя». *Raising three children on her own was the way that the woman had to bear her cross.*

Как уже упоминалось, при взаимодействии культурных и языковых кодов образуются единицы лингвокультурного кода. Между единицами культурных кодов (образами) и единицами естественного языка (отдельными словами) нет строгого соответствия. Один образ может выражаться одним словом или несколькими, но составлять один знак. Любое количество лексем может составлять одну единицу лингвокультурного кода и соответствовать одной единице культурного кода [6].

В системе языка представлена система первичных и вторичных кодов. Практически любая область действительности, которая обладает конкретно-чувственной наглядностью, может стать когнитивной базой для создания культурного кода, а затем и лингвокультурного кода. Главное, чтобы она была знакома носителям конкретного языка и культуры. Так, например, обычай индейцев носить столько перьев в головном уборе, сколько убито врагов, являлся и послужил образной основой для создания английского фразеологизма *a feather in one's cap* — «предмет гордости». Кроме того, английский писатель и путешественник Richard Hansard писал в своих заметках (*Description of Hungary, 1599*): *It hath been an antient custom among them [Hungarians] that none should wear a fether but he who had killed a Turk, to whom onlie yt was lawful to shew the number of his slaine enemys by the number of fethers in his cappe*¹. Таким образом, фразеологизм *a feather in one's cap* является единицей лингвокультурного кода.

¹ <https://www.phrase.org.uk/meanings/feather-in-ones-cap.html>

Следующий факт из истории Великобритании послужил образом для создания ряда идиом и фразеологизмов в английском языке. В XVII в. Англия и Голландия конкурировали за право называться главной морской державой мира и вели многочисленные войны на море. Отсюда слово *Dutch* употребляются с отрицательной эмоциональной окраской. Например: *dutch courage* — «храбрость во хмелю, пьяная удаль». *John... had taken to drink. He smelt like a brewery whenever John West visited Sydney, and with Dutch courage up would act defiantly (F. Hardy)* [5].

Лингвокультурные коды имеют национально-культурную специфику и способны отражать особенности культуры определенного народа. Носитель национального языка и национальной культуры усваивает эти коды с рождения. Для изучающих иностранный язык важно помнить, что наряду с вербальным языком необходимо овладевать культурными реалиями страны изучаемого языка. Успешная межкультурная коммуникация возможна при точной передаче информации от носителя одной культуры носителю другой культуры.

На любом вербальном языке можно говорить о других национальных культурах, но в первую очередь конкретный язык является средством передачи информации родной ему культуры. Каждый конкретный язык описывает феномены определенной культуры. Чтобы осуществлять коммуникацию на иностранном языке, необходимо понимать национальную специфику лексических единиц этого языка в денотативно-сигнификативном и в коннотативном аспектах семантики, а также владеть фоновыми знаниями, которые не закреплены в значениях языковых единиц, но именно эти знания дают возможность понимать тексты и высказывания носителей языка, обращающихся к этим знаниям. Например, чтобы понять, значение фразы *Miss Lawson — she is not an old school tie... We know that she overheard our conversation which she was not supposed to have heard*, нужно знать, что английское слово *school tie*, обладает коннотациями *старый школьный товарищ, подруга, выпускник привилегированного учебного заведения*. Другой пример: чтобы понять значение фразы *a baker's dozen (Mrs. Joe has been out a dozen times, looking for you, Pip. And she's out now, making it a baker's dozen)*, необходимо располагать фоновыми знаниями, согласно которым по старинному английскому обычаю продавец хлеба получал от булочника, который

переживал за недовес, тринадцать булок хлеба вместо двенадцати, притом тринадцатая — в счет доходов торговца.

Семантика и прагматика языковой системы тесно связаны с национальной культурой и культурным пластом вербальной коммуникации. Отдельные слова и устойчивые словосочетания объединяются в лексико-фразеологические поля, которые охватывают соответствующие области внеязыковой действительности. Языковые единицы связаны значениями внутри поля, они образуют национальный конгломерат, при помощи которого носители языка осмысливают определенную предметную область в соответствии с теми представлениями о мире, которые вырабатаны народом на протяжении веков и закрепились в языке.

Основной знаковой системой, образующей культуру, является язык. Культура состоит из различных знаковых систем, но вербальный язык имеет преимущества перед другими кодами для обеспечения коммуникативной функции благодаря его универсальности и богатству выразительных средств. Помимо вербальных кодов Ю. М. Лотман выделяет невербальные коды, «образные коды»; они входят в определенную этнокультуру в виде образных систем и выполняют аллегорическую и символическую функции [6]. В качестве образного кода могут выступать различные сферы бытия; явления природы, флора, фауна, артефакты (одежда, хозяйственная утварь, орудия труда, жилище, оружие и др.). Это языки, с помощью которых люди могут общаться друг с другом. Образный код культуры — это система образов, служащих знаками (символами) иных явлений. Так, символика и терминология масонства ведет начало от орудий труда каменщиков, которые были первыми братьями движения. Одним из инструментов каменщиков был *мастерок*

(англ. *trowel*). Строительные орудия толкуются масонами в значительно более широком смысле, чем мы можем видеть в словарных статьях; им часто придается мистическое значение. Кроме того, они служили знаками, с помощью которых члены братства распознавали друг друга. Мы находим подтверждение этому в рассказе Э. По «Бочонок Амонтильядо»: *I looked at him in surprise. He repeated the movement — a grotesque one.*

"You do not comprehend?" he said.

"Not I," I replied.

"Then you are not of the brotherhood."

"How?"

"You are not of the masons."

"Yes, yes," I said, "yes, yes."

"You? Impossible! A mason?"

"A mason", I replied.

"A sign," he said.

"It is this," I answered, producing a trowel from beneath the folds of my roquelaire [3].

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что для успешного осуществления межкультурной и лингвокультурной коммуникации необходимо знать предмет и ситуацию общения, материальную и духовную культуру социума. Н. Хомский по этому поводу отметил: «Хотя и имеется много оснований для того, чтобы верить в то, что языки в значительной степени сделаны по одному и тому же образцу, мало оснований полагать, что разумные процедуры перевода вообще возможны. Под «разумной процедурой» я имею в виду такую процедуру, которая не включает в себя экстралингвистическую информацию, то есть не содержащую «энциклопедических сведений»» [11. С. 187]. При помощи семиотического подхода происходит процесс знакового опосредования коммуникативного процесса, который включает в себя различные коммуникативные средства, каналы передачи и процесс восприятия.

Список литературы

1. Барт, Р. Избранные труды / Р. Барт. — М. : Прогресс, 1989. — 616 с.
2. Всемирная энциклопедия: Философия / под ред. А. А. Грицанова. — Минск, 2001.
3. Дукальская, И. В. Семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода «Артефакты» : дис. ... канд. филол. наук / И. В. Дукальская. — Самара, 2009. — 171 с.
4. Ельмслев, Л. Пролегомены к теории языка [1942] / Л. Ельмслев // Зарубеж. лингвистика. Вып. 1. — М., 1999. — С. 131—256.
5. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. — Изд. 7-е. — М. : Рус. яз. : Медиа, 2006. — 571 с.
6. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. — М. : Наука, 1992. — 280 с.
7. Маркс, К. Немецкая идеология. Т. I / К. Маркс, Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 3. — М. : Госполитиздат, 1955. — 459 с.

8. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика / Н. Б. Мечковская. — М. : Аспект Пресс, 2000. — 207 с.
9. Соколов, А. В. Общая теория социальной коммуникации / А. В. Соколов. — СПб., 2002. — 461 с.
10. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию : пер с франц. / Ф. де Соссюр. — М., 1977. — 696 с.
11. Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский. — М. : МГУ, 1972. — 259 с.
12. Poe, E. A. The cask of Amontillado / E. A. Poe // *Selected Tales*. — London : Penguin books, 1994.

Сведения об авторе

Дукальская Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики. Самара, Россия. sigba@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 99—103.*

THE ROLE OF THE SEMIOTIC APPROACH IN THE FRAMEWORK OF THE IMPLEMENTATION OF INTERCULTURAL AND LINGUOCULTURAL COMMUNICATION

I.V. Dukal'skaya

Volga State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russia. sigba@mail.ru

The article considers the relation between linguistic and cultural codes. It also deals with the main problem of the contemporary linguistics — the problem of cross-cultural and linguocultural communication. It is pointed out here that semiotic approach lies in transferring of non-verbal signs such as customs, etiquette, artefacts into verbal system of communication. Some examples from Russian and English represent this transference. Communication includes means of communication, channels and the process of perception. The article states that the language has special position in sign system and forms the culture. The concept of code and linguocultural code are considered. Language code has some advantages over other cultural codes for communication. Semiotic approaches to communication are considered in the article as communication activities, which operate sign systems. It is important to learn codes of different cultures for the creation of successful communication.

Keywords: *semiotics, linguocultural communication, cross-cultural communication, sign, code, linguocultural code.*

References

1. Bart R. *Izbrannnye trudy* [Selected works]. Moscow, 1989. 616 p. (In Russ.).
2. Gritsanov A.A. (ed.). *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya* [World encyclopedia: Philosophy]. Minsk, 2001. (In Russ.).
3. Dukal'skaya I.V. *Semanticheskiye i pragmaticheskiye kharakteristiki angliyskogo lingvokul'turnogo koda "Artefakty"* [Semantic and pragmatic characteristics of the English linguistic and cultural code "Artifacts". Thesis]. Samara, 2009. 171 p. (In Russ.).
4. El'mslav L. Prolegomeny k teorii yazyka [1942] [Prolegomena to a theory of language [1942]]. *Zarubezhnaya lingvistika. Vyp. 1* [Foreign linguistics. Iss. 1]. Moscow, 1999. Pp. 131—256. (In Russ.).
5. Kunin A.V. *Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [English-Russian phraseological dictionary]. Moscow, 2006. 571 p. (In Russ.).
6. Lotman Y.M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow, 1992. 280 p. (In Russ.).
7. Marks K., Engel's F. *Nemetskaya ideologiya. T. I* [German ideology. Vol. I]. *Sochineniya. T. 3* [Collection works. Vol. 3]. Moscow, 1955. 459 p. (In Russ.).
8. Mechkovskaya N.B. *Sotsial'naya lingvistika* [Social linguistics]. Moscow, 2000. 207 p. (In Russ.).
9. Sokolov A.V. *Obshchaya teoriya sotsial'noy kommunikatsii* [General theory of social communication]. St. Petersburg, 2002. 461 p. (In Russ.).
10. Sossyur F. de. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. Moscow, 1977. 696 p. (In Russ.).
11. Homskiy N. *Aspekty teorii sintaksisa* [Aspects of the theory of syntax]. Moscow, 1972. 259 p. (In Russ.).
12. Poe E.A. The cask of Amontillado. *Selected Tales*. London, Penguin books, 1994.

УДК 070:316.77(292.471) ББК 81.1
DOI 10.24411/1994-2796-2018-11015

ОСОБЕННОСТИ ПРЕЗЕНТАЦИИ ИМИДЖА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В МЕСТНЫХ СМИ (2015—2017)

Л. Г. Егорова

Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

Рассматриваются основные тенденции отражения в региональных СМИ имиджа Крыма после присоединения к Российской Федерации. Автор отмечает, что для формирования имиджа территории значимы геополитические параметры, экономическое развитие, природный потенциал, культурно-историческое наследие. Исследователь заключает, что в настоящее время отмечается тенденция увеличения количества положительно ориентированных медиаматериалов, что способствует созданию более привлекательного образа полуострова.

Ключевые слова: *имидж региона, имиджевый текст, медиатекст, региональные СМИ, медиано-позиционирование.*

Понятия «имидж» и «имиджевый текст» в последние десятилетия активно вошли в терминологический аппарат не только лингвистики, но и лингвокультурологии, коммуникативистики и других научных направлений, что обусловлено возрастанием роли имиджевых текстов в современном коммуникативном пространстве. Комплексное рассмотрение имиджевого текста как способа презентации и распространения семиотических объектов, на наш взгляд, представляет собой актуальную задачу [2].

СМИ обладают возможностями активного влияния не только на восприятие обществом отдельных явлений, событий и персон, но и на формирование отношения к любому объекту действительности посредством использования различных оценочных средств языка [1]. При этом местные массмедиа, деятельность которых сконцентрирована на создании регионального контента, по нашему мнению, наиболее последовательно и всесторонне отражают специфику региона и характеристики адресата, чем и объясняется интерес к изучению текстов региональных СМИ.

При формировании имиджа региона, а следовательно, и его репутационного капитала значимым становится целый ряд компонентов. В первую очередь политическая ситуация. Следует отметить, что региональному политическому пространству присуща особая организация. Анализ выступлений акторов регионального политического пространства республики в массмедиа позволяет говорить о том, что они реализуют традиционные коммуникативные функции. В их число

входят функция интеграции всех сил, функция дифференциации «своих» и «чужих» в различных социальных сферах и связанная с последней функция поддержания стратегии на установление консенсуса в обществе и т. д. На сегодняшний день проводится активная работа над созданием нового имиджа Крымского региона. На начальных этапах такого рода работа реализуется главным образом в политическом направлении, впоследствии к нему присоединяется задача акцентировать внимание на привлекательности региона — экономической, туристической, культурной и пр. [4].

Проведенное нами исследование особенностей презентации имиджа Крыма на страницах местных СМИ до референдума 2014 г. позволяет прийти к выводу, что журналистские материалы этого периода конструируют, скорее, негативный образ региона за счет акцентирования внимания на экономическом неблагополучии, экологических проблемах, низком уровне проводимых в республике культурных мероприятий и плачевного состояния памятников архитектуры, истории и пр. [1]. Значительное внимание уделялось и проблемам туристической отрасли полуострова [3].

После вхождения Крыма в состав Российской Федерации назрела необходимость корректировать имидж республики. Цель статьи — описать особенности презентации имиджа Республики Крым в региональной прессе после вхождения полуострова в состав Российской Федерации. Материалом исследования являются журналистские тексты, опубликованные в газете «Крымская правда» (КП), наиболее рейтинговом печатном

издании полуострова, в период с января 2015 по декабрь 2017 г., отобранные методом сплошной выборки.

Имидж представляет собой общественно значимый образ индивида, организации, территории, который создается и транслируется посредством каналов массовой коммуникации. Применительно к имиджу территории (государства, региона) значимыми являются такие составляющие, как геополитические параметры, уровень экономического развития, природный потенциал, историческое и культурное наследие. Для выявления тенденций презентации имиджа Крыма в местных СМИ нами были проанализированы тексты СМИ по следующим направлениям: экономика, культура, экология, туристическая сфера. Отметим наиболее показательные особенности.

В медиатекстах на экономическую тематику зафиксирован рост объема положительной информации. Несмотря на сложности, связанные с переходом в новое правовое и экономическое пространство, санкции, попытки политической, экономической и энергетической блокады, СМИ акцентируют внимание на позитивных моментах. Так, улучшению экономического имиджа Крыма способствуют публикации о планируемых и реализуемых инвестиционных проектах — как внутренних, так и международных: *«Бизнес не должен пасть жертвой в угоду политическим амбициям. Осенью Крым принимал крупную делегацию политиков и бизнесменов из Венето, Лигурии, Эмилии-Романьи, Ломбардии и Тосканы. Они увидели перспективы Крыма, оценили потенциал для своих компаний. В итоге были заключены четыре договора об инвестиционных проектах»* (КП, 9 февр. 2017 г.).

Массмедиа рассказывают об эффективной работе отдельных предприятий и целых отраслей экономики: *«Крымские рыбоводные хозяйства за девять месяцев получили почти в три раза больше устриц, мидий и других продуктов аквакультуры, чем за весь прошлый год. ...Отмечается высокое качество и потребительские свойства выращенных в Крыму продуктов моря»* (КП, 14 нояб. 2016 г.), а также об открытии новых предприятий: *«На Керченском полуострове в ближайшем будущем может быть построен цементный завод. Предполагается, что новое производственное предприятие будет выпускать около 360 тысяч тонн цемента ежегодно»* (КП, 2 апр. 2015 г.).

Обращают внимание журналисты и на факт изменений в оценке состояния экономики полуострова жителями и росте их ожиданий: *«При Украине экономика Крыма находилась в плачевном состоянии, но при этом требования крымчан были крайне незначительны — настолько люди уже смирились. Сегодня совсем другие настроения, притом делается очень много. Но если раньше люди почти ничего хорошего не ждали, то теперь им хочется всего и сразу»* (КП, 19 нояб. 2015 г.).

Негативными составляющими экономического имиджа региона являются низкая эффективность работы чиновников, отсутствие необходимой поддержки бизнеса со стороны властей, их инертность, неспособность быстро реагировать на меняющуюся ситуацию и принимать решения: *«Руководителям, отвечающим за инвестиционный климат в республике, необходимо срочно и кардинально изменить критерии оценки работы государственных и негосударственных структур, функционирующих в этой сфере, их функции и задачи»* (КП, 9 дек. 2015 г.).

Культурный имидж Республики Крым, формируемый средствами массовой информации, как показал проведенный нами анализ, стал более позитивно оформленным [1]. Журналисты отмечают достижения в сфере культуры и искусства. Так, значительное количество публикаций посвящено победам крымских творческих коллективов и артистов в федеральных и международных конкурсах: *«Свой высокий статус лауреата международных фестивалей и конкурсов один из лучших музыкальных коллективов республики — ансамбль скрипачей Симферопольского музыкального училища подтвердил на Международном конкурсе “Когда мы вместе”»* (КП, 11 апр. 2016 г.).

Положительные оценки, как и до 2014 г., характерны для публикаций о проводимых на полуострове многочисленных фестивалях, концертах, выставках и других культурных событиях. Например: *«В рейтинге самых популярных джаз-фестивалей России на открытом воздухе летом 2017 года фестиваль Koktebel Jazz Party попал в топ-3. Крымский джазовый фестиваль не отстает от самых известных московских и питерских опен-эйров»* (КП, 10 июля 2017 г.). Позитивно оценивается и деятельность местных театров: *«Крым по праву называют театральным полуостровом. У нас и ярких талантов хватает, и в преданных им поклонниках недостатка нет. Убедиться в этом просто — надо пойти в театр.*

В любой. В Академические русский драматический, музыкальный, Крымскотатарский музыкально-драматический, Театр кукол, севастопольские им. А. Луначарского, им. Б. Лавренива, “На Большой Морской”, в евпаторийский “Золотой ключик”. В каждый из них ходят “на репертуар” — выбрать есть из чего, “на актера”, “на режиссера” — сонм достойных имен, народных, заслуженных, просто любимых. У каждого крымского театра свое лицо, своя творческая душа, свой неповторимый почерк. Каждый идет своим собственным путем к сердцам зрителей» (КП, 26 марта 2016 г.).

Показательной является и тенденция, связанная с трансформацией культурного имиджа региона: если ранее негативные характеристики были обусловлены проблемой недостаточного внимания властей к культурным и историческим объектам и нехваткой финансирования, то начиная с 2015 года ситуация кардинальным образом меняется [1]. В исследуемый нами период появляется значительное количество медиатекстов о реконструкции памятников культуры, истории, архитектуры: *«В курортной столице полуострова проведут реконструкцию памятника истории и культурно-архитектурного наследия — башни с часами»* (КП, 28 авг. 2015 г.); *«Керчи выделили 15,6 миллиона рублей на восстановительные работы на Митридатской лестнице. ...По словам первого заместителя председателя Госкомитета Александр Диденко, выделенная сумма позволит выполнить первый этап работ — остановить разрушение лестницы, так как на ней имеются места разрушения, оползней и трещин»* (КП, 20 июня 2016 г.).

Публикуются также материалы об открытии новых культурных объектов, памятников и пр.: *«Через 95 лет императрица вернулась в свой симферопольский сад. Сегодня в Симферополе под звуки гимна Российской Федерации торжественно открыли возрожденный памятник Екатерине Великой»* (КП, 19 авг. 2016 г.).

Экологическая составляющая имиджа республики не претерпела существенных изменений. В материалах на тему экологии, как и в период до вхождения Крыма в состав РФ, преобладают негативные оценки. Журналисты обращают внимание на разнообразные проблемы экологической составляющей жизни полуострова. Актуальными, как и ранее, являются проблемы стихийных свалок, отсутствия технологии переработки бытовых отходов, переполненности по-

лигонов ТБО: *«Так или иначе в столице Крыма проблема с отходами видна всем: и жителям, и гостям. Перед последними особенно стыдно, ведь горы мусора появились даже в центре города... На перекрестке улиц Крылова и Полигонной рядом с мусорными баками валяются кучи отходов. Есть среди них пустые коробки, бытовые отходы, множество пакетов. То ли коммунальные службы не замечают такие отходы и не вывозят их, то ли люди сами подкидывают еще и еще... Недалеко от улицы Шполянской возле мусорных контейнеров навалены еще кучи. Причем видно, что они появились как раз потому, что сами емкости никто не опустошает. Это лишь три примера того, как столицу Крыма медленно, но верно превращают в столицу мусорных отходов. Во многих дворах пакеты буквально валяются под ногами, их никто не торопится убирать»* (КП, 19 февр. 2017 г.).

Акцентируют внимание СМИ и еще на одной традиционной для Крыма теме — необходимости охраны прибрежной полосы и шельфа Черного и Азовского морей, разрушаемых хозяйственной деятельностью человека: *«Причиной размыва Бакальской косы и исчезновения пятикилометровой полосы пляжей на юго-западном побережье является добыча песка, и если она будет продолжаться, то это приведет к полному исчезновению пляжей»* (КП, 30 сент. 2016 г.). Еще одной проблемой, которая активно затрагивается в медиатекстах, является застройка заповедных и охраняемых земель: *«Под конец Года экологии в Севастополе разразился скандал. Мы писали о том, как обескураженные туристы на горе Аскети над Балаклавой увидели экскаватор и раскученную крымскую землю. Согласно кадастровой карте, на склонах могут появиться десятки дач... Как заявлял начальник управления охраны культурного наследия правительства Севастополя Михаил Рязанцев, место, где начались земляные работы, — не просто живописный и видовой участок. Он является частью объекта культурного наследия федерального значения “Херсонес Таврический. Крепости Чембало и Каламита”. По приказу Министерства культуры России от 12 августа 2016 года строить здесь нельзя. Землю можно использовать для рекреационных целей. Видимо, кто-то считает, что, если срывать пласты земли, это поможет нашей природе»* (КП, 25 апр. 2017 г.).

При этом журналисты отмечают едва ли не единственную положительную тенденцию —

возросший интерес населения Крыма и, как результат, представителей власти к экологической ситуации в регионе: *«В последнее время вопросам экологии и развития сельского хозяйства в Крыму уделяют особое внимание. Примечательно, что формировать повестку дня и обозначать наиболее острые проблемы правительству помогают рядовые крымчане, которые регулярно обращаются на разного рода “прямые линии” (КП, 7 июля 2016 г.). Тем не менее наиболее острые проблемы в экологической сфере на полуострове остаются нерешенными.*

Все так же актуальна проблема позиционирования Республики Крым как региона с туристическим и рекреационным потенциалом. Проведенный нами анализ медиатекстов позволяет прийти к выводу, что туристический имидж полуострова, формируемый региональными медиа, не претерпел кардинальных изменений. Значительное количество материалов о туристической сфере Крыма посвящено невысокому качеству услуг, завышенным ценам, недостаточно развитой инфраструктуре: *«Каждый год в крымских городах происходит одно и то же: канализационные стоки начинают “благоухать” повсюду. “Аромат” испражнений можно особенно ярко ощутить в Ялте, Феодосии и Коктебеле. В последнем, как оказалось, с наступлением жары начинаются веселые времена — пищевые отравления и вирусы становятся причиной постоянных болезней среди отдыхающих и местных жителей» (КП, 25 авг. 2017 г.). Кроме того, негативные оценки связаны с неэффективной работой властей в плоскости развития курортно-рекреационной сферы полуострова: «Порой слушаешь руководство крымского Министерства экологии и природных ресурсов и диву даешься — какие все-таки brave ребята там трудятся: все незаконные стройки на территориях многоотрадных крымских заповедников они прекратят, нелегальные самострои снесут, “коня на скаку остановят, в горящую избу войдут”. Проблем то в этой области действительно выше крыши, и в последние годы ситуация методично ухудшается. Многочисленные скандалы вокруг бесконечного варварского строительства гостиниц, увеселительных заведений и шалманов на теле уникальной природы полуострова, наглые поборы с простых граждан и непонятные бюрократические загогулины чиновников — явное тому подтверждение» (КП, 9 июня 2017 г.).*

Позитивные характеристики встречаются в медиатекстах, посвященных открытию новых туристических маршрутов, фестивалям, природным достопримечательностям полуострова [1]: *«Рядом с Чатыр-Дагом дружно стоят тысячи и даже миллионы лет Демерджи и Бабуган со своей вершиной Роман-Кош. Она выше Эклизи-Бурун примерно на 18 метров, но только с верхней точки Чатыр-Дага так хорошо видно Крым. Он просматривается на расстояние до 150 километров. Так что любоваться красотой полуострова тут можно часами. Как и величественной горой» (КП, 13 сент. 2016 г.).*

В 2015 и 2016 гг. улучшению туристического имиджа полуострова способствовали публикации о постоянном увеличении потока туристов и росте популярности крымских курортов. В 2017 г. ситуация изменилась: *«По применяемой в последние годы методике подсчета туристического потока есть небольшое снижение в сравнении нынешнего и 2016 года» (КП, 27 сент. 2017 г.).*

В целом в материалах исследуемого периода отмечается, что со времени вхождения республики в состав Российской Федерации региональной и федеральной властью была проделана масштабная работа по модернизации политической, экономической, социальной систем полуострова: переход в правовое поле РФ, смена валюты, решение энергетической и водной проблем, привлечение инвестиций, реализация ряда крупных инвестиционных проектов, в том числе строительство энергетического моста, новых ТЭС, Крымского моста.

Итак, имидж региона определяется рядом характеристик. Ведущую роль, по нашему мнению, играют географическое положение и размер территории, особенности политической и социальной обстановки, успешность экономического развития. Помимо вышеперечисленных для формирования регионального имиджа важными представляются и такие факторы, как историческое прошлое, наличие (либо отсутствие) общей идеологии для политических и социальных групп, внимание к этническим особенностям населения. Последний фактор особенно значим для поликультурных регионов, к которым относится и Крым. Уровень освещения в СМИ различных сторон жизни региона, их положительная или отрицательная оценка определяют наполнение регионального имиджа. В связи с этим средствам массовой информации следует рассматривать указанные имиджевые компоненты сквозь призму улучшения их медиапозиционирования.

Проведенное нами исследование медиатекстов, опубликованных в региональных изданиях до 2014 г., позволяет сделать вывод о преобладании негативной информации о жизни страны в целом и Крыма в частности [3]. В настоящее время отмечается увеличение количества положительных публикаций, информационных поводов, что способствует созданию более привлекательного образа полуострова. Мы считаем, что наблюдаемое явление в информационной картине, формируемой крымскими СМИ, является непрямым условием успешного развития региона, поскольку способствует росту его привлекательности у внешних субъектов и обеспечивает более активную региональную идентификацию у местного населения.

Но, несмотря на наметившиеся позитивные тенденции позиционирования, целый ряд направлений формирования регионального имиджа Крыма требует корректировки. В частности, особого внимания, по нашему убеждению, заслуживает туристическая отрасль полуострова. Крым обладает уникальным природным потенциалом и значительным культурно-историческим наследием, а потому нуждается в разработке программы позиционирования своих курортов. Важным представляется и более активное противодействие информационным войнам, направленным на сокращение туристического потока и дестабилизацию индустрии туризма и, как неизбежное следствие, ослабление региональной экономики.

Список литературы

1. Егорова, Л. Г. Специфика презентации регионального имиджа: крымское измерение / Л. Г. Егорова // Современная картина мира: крымские контексты : коллектив. моногр. — Симферополь, 2017. — С. 193—212.
2. Киреева, С. А. Имидж региона: теоретический аспект / С. А. Киреева, К. А. Кузина // Вестн. Арханг. гос. техн. ун-та. — 2007. — № 1 (36). — С. 233—235.
3. Кирильчук, С. П. Развитие туристско-рекреационного комплекса Крыма / С. П. Кирильчук, Е. В. Наливайченко // Сервис в России и за рубежом. — 2017. — Т. 11, № 6 (76). — С. 109—125.
4. Константинова, В. Г. Феномен имиджа в научных исследованиях / В. Г. Константинова // Вестн. Костром. гос. ун-та. Сер.: Педагогика. Психология. СоциокINETика. — 2011. — № 4. — С. 221—225.
5. Лобанова, Е. А. Политическая коммуникация в контексте политологического анализа : дис. ... канд. полит. наук / Е. А. Лобанова. — М., 2006. — 205 с.
6. Полтинина, Е. В. Имидж в системе факторов, определяющих конкурентоспособность региона / Е. В. Полтинина // Соц.-экон. явления и процессы. — 2014. — № 4 (062). — С. 77—82.
7. Рассад, Т. А. Имидж региона: аспекты формирования и оценки населения (на примере Ульяновской области) / Т. А. Рассадина // Изв. высш. учеб. заведений. Поволж. регион. Обществ. науки. — 2015. — № 4 (36). — С. 163—178.
8. Романов, А. А. Медиа-коммуниканты в региональном политическом пространстве / А. А. Романов, В. Зайналабдиев // Масс-медиа и массовые коммуникации: статус научных и учебных дисциплин: первый международный научный colloquium. — Белгород, 2013.
9. Солганик, Г. Я. Язык СМИ и политика / Г. Я. Солганик. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012. — 952 с.
10. Терских, М. В. Имидж региона: теоретический аспект (российский и зарубежный опыт) / М. В. Терских, Е. Д. Малёнова // Полит. лингвистика. — 2015. — № 2. — С. 199—205.

Сведения об авторе

Егорова Людмила Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Симферополь, Россия. legora@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 104—109.*

THE SPECIFICITY OF THE REPUBLIC OF CRIMEA IMAGE PRESENTATION IN THE LOCAL PRINTED MEDIA (2015—2017)

L.G. Yegorova

Taurida Academy of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. legora@list.ru

The article is devoted to the consideration of Crimean image presentation after the republic comprised the Russian Federation main tendencies. The author points out that geopolitical parameters, economic growth, nature potential, cultural and historical legacy significant for territory image forming. Level of different region living aspects coverage in the media along with positive or negative assessment in the mediatexts determine regional image content. The author comes to the conclusion that at present time the growth of the positive media texts on economics, culture amount is observed. Given tendency facilitates more attractive image of the Republic of Crimea. Nevertheless a number of Crimean regional image areas require adjustments. In particular, peninsular tourism industry deserves, in authors opinion, special attention.

Keywords: *regional image, image text, media text, local mass-media, media positioning.*

References

1. Egorova L.G. Spetsifika prezentatsii regional'nogo imidzha: krymskoye izmereniye [The regional image presentation features: Crimean dimension]. *Sovremennaya kartina mira: krymskiy kontekst* [Modern world-view: Crimean context]. Simferopol, 2017. Pp. 193—212. (In Russ.).
2. Kireeva S.A., Kuzina K.A. Imidzh regiona: teoreticheskiy aspekt [Region image: theoretical aspect]. *Vestnik Arkhangel'skogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Arkhangelsk State Technical University Bulletin], 2007, no. 1 (36), pp. 233—235.
3. Kiril'chuk S.P., Nalivaychenko Ye.V. Razvitiye turistsko-rekreatsionnogo kompleksa Kryma [Evolution of Crimea touristic and recreational system]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and Abroad], 2017, vol. 11, no. 6 (76), pp. 109—125.
4. Konstantinova V.G. Fenomen imidzha v nauchnykh issledovaniyakh [The image phenomenon in the scientific researches]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sotsiokinetika* [Kostroma State University Bulletin. Series: Pedagogy, Psychology, Sociochinetics], 2011, no. 4, pp. 221—225.
5. Lobanova Ye.A. *Politicheskaya kommunikatsiya v kontekste politologicheskogo analiza* [Political communication in politology analysis context. Thesis]. Moscow, 2006. 205 p.
6. Poltinina Ye.V. Imidzh v sisteme faktorov, opredelyayushchikh konkurentosposobnost' regiona [Image in a system of factors determining the region]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i process* [Social and economics and processes], 2014, no. 4 (062), pp. 77—82.
7. Rassadina T.A. Imidzh regiona: aspekty formirovaniya i otsenki naseleniya (na primere Ul'yanovskoy oblasti) [Regional image: formation aspects and population's attitude (on the example of Ulyanovsk region)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [News of higher Educational Institutions. Volga Region. Social Science], 2015, no. 4 (36), pp. 163—178.
8. Romanov A.A. Media-kommunikanty v regional'nom politicheskom prostranstve [Media communicators in the regional political space]. *Mass-media i massovye kommunikatsii: status nauchnykh i uchebnykh distsiplin* [Mass-media and mass communication: scientific and educational disciplines status]. Belgorod, 2013. (In Russ.).
9. Solganik G.Ya. *Yazyk SMI i politika* [Mass-Media Language and Politics]. Moscow, 2012. 952 p.
10. Terskikh M.V., Malyonova Ye.D. Imidzh regiona: teoreticheskiy aspekt (rossiyskiy i zarubezhnyy opyt) [Region image: theoretical aspect (Russian and foreign experience)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2015, no. 2, pp. 199—205.

КОНСТРУКЦИЯ ЭКСПЛИЦИТНОЙ МОДАЛЬНОСТИ С ГЛАГОЛОМ *DIRE* В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ XVI В. И СОВРЕМЕННОМ ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Л. И. Жолудева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Представлены результаты контрастивного исследования, посвященного конструкции эксплицитной модальности с глаголом *dire* в итальянском языке XVI в. и в современном итальянском языке. В первую очередь при сопоставлении учитывались функциональные параметры: прагматика конструкции *dico che*, ее роль в аргументативном дискурсе, ее риторический потенциал. Применение методов контекстного и контрастивного анализа позволило автору сформулировать вывод об отличиях функционального порядка, противопоставляющих возможности конструкции *dico che* в текстах XVI в. и в современном узусе.

Ключевые слова: итальянский язык, итальянский синтаксис, конструкция эксплицитной модальности, эпистемический предикат, аргументативный дискурс, *verba dicendi*, прагматика, история итальянского языка.

1. Введение

Глаголы речи (*verba dicendi*) представляют немалый интерес с функционально-лингвистической точки зрения. В структурном отношении прослеживается параллелизм между ними и трехместными предикатами, обозначающими передачу предмета одним лицом другому (*dare / dire qc a qn*), что позволяет предположить наличие в ряде языков, включая итальянский, концептуальной метафоры «сообщать информацию = передавать предмет». Однако в случае с глаголом *dire* процесс метафоризации на этом не завершается. В текстах на итальянском языке XVI в. конструкции с *dire* широко используются в аргументативном дискурсе, в том числе в оборотах, малоупотребительных в современном итальянском. При этом в семантике глагола речи происходят сдвиги, которые в одних случаях переводят его в разряд эпистемических предикатов¹ (*dico che*... — полагаю, хочу сказать, говорю и настаиваю, хочу подчеркнуть), а в других делают его средством структурирования дискурса (конструкция *dico che*... используется для возвращения к теме после отступления, уточнения ранее сказанного и др.).

Материалом для данного исследования послужили: а) тексты XVI в. где воссоздается комму-

никативная ситуация спора²; б) корпус текстов на современном итальянском языке PAISÀ (*corpusitaliano.it*)³.

Мы сосредоточимся на функционировании глагола *dire* в составе конструкции эксплицитной модальности, которую Т. Б. Алисова в «Очерках синтаксиса современного итальянского языка» характеризует как «наиболее расчлененную и семантически прозрачную» форму выражения модальных отношений [1. С. 168]: речь идет о «конструкции *verba dicendi*, *putandi*, *affectum*, *voluntatis* с дополнительным придаточным» [Там же].

2. Прямое значение

и переносные употребления глагола *dire*

В своем первом и основном словарном значении глагол *dire* наряду с *parlare* относится базовым для итальянского языка глаголам речи. А. Вежбицкая включает глагол со значением «говорить» в число лексических универсалий, «то есть понятий, лексикализованных (в виде

¹ Поскольку исследование природы и свойств эпистемической модальности не входит в задачи данной статьи, мы ограничимся отсылкой к работам, где она подробно изучается на материале разных языков: [2], [5], [11], [16].

² Список исследованных текстов XVI в. см. в конце статьи. Общее количество контекстов, где глагол *dire* в них встречается в интересующей нас функции, — порядка трехсот.

³ Общий объем корпуса — приблизительно 250 млн словоупотреблений. Количество контекстов, где встречается конструкция *dico che*..., — 1312, однако среди них немало примеров косвенной речи, которую мы в данной работе не рассматриваем, поэтому результаты автоматического поиска мы далее анализировали методом сплошной выборки.

отдельных слов или морфем) во всех языках мира», причем, по ее мнению, таких единиц насчитывается всего десять [3. С. 190]. Глаголы речи, в свою очередь, согласно классификации предикатов, предложенной Т. Б. Алисовой, являются предикатами каузации знания, что объясняет особенности их актантной структуры. *Dire* среди таких предикатов отводится особое место, так как компонентный анализ показывает: подавляющее большинство *verba dicendi* является его «семантически осложненными синонимами»: *chiedere* = *dire* + *volere sapere* / *dire* + *volere avere* [1. С. 108].

В толковом словаре итальянского языка Il Sabatini Coletti первые два пункта словарной статьи описывают *dire* как глагол со значениями «говорить», «произносить», но уже третий и четвертый пункты описывают переносные употребления: 3) *dire*, часто в сочетании с *volere* или *intendere*, — синоним *indicare* (обозначать): *non capisco cosa vuol dire questa parola*; 4) *dire* часто приобретает функции дискурсивного маркера (*dico, diciamo, direi*), средства организации текста (*e via dicendo, per meglio dire*) или коммуникатива (*dimmi, dica*)¹, используемых для обеспечения ясности и эффективности коммуникации, в особенности устной. Рассматривая подобные употребления *dire* как переносные, мы имеем в виду следующее: вместо того чтобы просто называть, обозначать процесс вербальной коммуникации (базовое словарное значение), *dire* начинает напрямую участвовать в нем, либо подвергаясь частичной десемантизации, как в случае с дискурсивными маркерами (и коммуникативами, в итальянской лингвистической традиции также относимыми к дискурсивным маркерам [10]), либо входя в состав модальной рамки высказывания и, таким образом, не участвуя в передаче пропозиционального содержания, составляющего диктум.

Как мы увидим, прослеживается определенный параллелизм между функционированием конструкции *dico che* и употреблением форм глагола *dire* в качестве дискурсивных маркеров (*dico, diciamo, dicevo*). Употребление маркера *diciamo* на современном этапе описывается в диссертации Е. В. Хачатурян [6]. Функционирование маркера *dico* в итальянском языке XVI в. мы рас-

сматриваем в статье, в данный момент находящейся в печати². Отметим также, что функционирование глагола речи в качестве дискурсивного маркера характерно и для других романских языков [4].

Итак, глагол *dire* не только входит в ядро лексической системы итальянского языка, но и обладает важными прагматическими функциями, что особенно существенно для нас в контексте данного исследования.

3. Конструкция эксплицитной модальности в итальянском языке и *dire* как модусный глагол

Конструкция эксплицитной модальности с *verba dicendi*, где субъект модуса совпадает с говорящим, а временной план модального отношения совпадает с моментом речи, функционально противопоставлена конструкциям, где этих совпадений не наблюдается. В первом случае имеют место коммуникативные модальные отношения, «осложненные активным смыслом “говорения”» [1. С. 174], тогда как во втором складывается ситуация косвенной речи. В данной работе мы рассматриваем конструкции первого типа. Мы ограничимся рассмотрением конструкций эксплицитной модальности, где глагол *dire* употребляется в первом лице единственного числа презенса индикатива, поскольку в подавляющем большинстве примеров это позволяет исключить из рассмотрения косвенную речь, а также потому, что данная форма глагола часто указывает на совмещение коммуникативной и субъектно-объектной модальности в одном контексте.

Говоря о функциональных особенностях конструкций с *verba dicendi*, Т. Б. Алисова указывает на противопоставление двух типов модальных отношений — коммуникативной и субъективно-оценочной модальности исходя из дифференциального признака активности — неактивности субъекта модуса [Там же. С. 165]. Субъективно-оценочная модальность связана с оценкой факта как реального, желательного или предположительного. При этом «наклонения субъективной оценки не включают каузативного компонента «воздействия» на собеседника. Напротив, коммуникативные наклонения помимо смысла каузативности обязательно содержат оценочные смыслы «знания», «незнания», «желательности»,

¹ В рассматриваемой словарной статье не используется термин «коммуникатив»; относя *dico, diciamo* и *direi* к коммуникативам, мы следуем концепции И. А. Шаронова [7; 8].

² Жолудева Л. И. Дискурсивный маркер *dico* в итальянском языке XVI века.

«предположительности», так как именно эти смыслы являются собственно-модальными» [Там же. С. 166]. Поскольку проблематика наклонений остается за рамками данного исследования, отметим то, что существенно для нас: конструкция эксплицитной модальности с глаголами речи обладает широкими возможностями, опирающимися на двойственность заложенных в ней модальных отношений.

Исследование проводилось преимущественно на материале трактатов в форме диалога, языковые особенности которых позволяют охарактеризовать большинство из них как образцы аргументативного дискурса. Этот жанр, воспроизводящий на письме коммуникативную ситуацию устного обмена мнениями (со всеми оговорками, которые касаются возможности воспроизвести устную речь на письме — подробнее о данной проблеме см. [13]), располагает к использованию конструкций эксплицитной модальности с эпистемическими предикатами. В качестве примеров подобных предикатов можно указать следующие:

— **credere, credersi**

(1) *Allora mio fratello, vedendo gli altri star cheti, così rispose: — Io **mi credo** che a ciascuno di noi che qui siamo, sarebbe vie più agevole in favore di questo lodare e usare la volgar lingua che noi sovente facciamo* (P. Bembo “Prose della volgar lingua”).

(2) *Le feste, i conviti, i banchetti, le mascare, le comedie, i ritruovi di villa e mille altri così fatti sollazzi, senz'amore, son freddi e ghiacci; e, con esso, son di tanta consolazione e così fatta dolcezza, ch'io non **credo** che fra loro si potesse invecchiare mai.* (A. Piccolomini “Dialogo de la bella creanza de le donne”).

— **parere**

(3) *Oh! signor Pietro, egli mi **pare** ch'avete un gran torto, peroché gioveni vaghi e donne innamorate, che si diletano di portare addosso i suoi zibetti ed abbracani, non gli portano perché essi sieno quel mezo per lo quale a loro sia tolto il puzzo.* (F. Luigini “Il libro della bella donna”).

— **trovare**

(4) *Ma, trovando il contrario e di ciò contemplando la cagione, **trovo** che per gran varietà natura è bella, e la donna per sfoggiare e pompeggiare oggi è amata* (M. Biondo “Angoscia, doglia e pena”).

Помимо данных глаголов, употребляющихся как эпистемические предикаты и в современном итальянском, в трактатах XVI в., можно встретить в эпистемической функции, например, глагол **volere**, утрачивающий в таких контекстах

свою волитивную семантику и превращающийся в глагол мнения¹:

(5) *E' Romani, nelle provincie che pigliorono, osservarono bene queste parti; <...> E **voglio** mi basti solo la provincia di Grecia per esempio* (N. Machiavelli “Il Principe”).

(6) *Pertanto <...> la pigliai per le dua mani, perché mi pare che Socrate **vuol** che fra gli altri spassi umani il senso del tatto gli è gratissimo senso a l'uomo.* (M. Biondo “Angoscia, doglia e pena”).

Подобным образом, как эпистемический предикат, может использоваться и глагол **dire**, для которого такое употребление будет переносным (говорю = имею мнение):

(7) *...ma l'amore **dico** che nacque però che fu prodotto da padre amato e da madre amante. come tutti uomini da Adam ed Eva e tutto il mondo de l'intelletto e de la materia* (L. Ebreo “Dialoghi d'amore”).

(8) *Perciò che due parti sono quelle che fanno bella ogni scrittura, la gravità e la piacevolezza; e le cose poi, che empiono e compiono queste due parti, son tre, il suono, il numero, la variazione, **dico** che di queste tre cose aver si dee riguardo partitamente, ciascuna delle quali all'una e all'altra giova delle due primiere che io dissi* (P. Bembo “Prose della volgar lingua”).

В отличие от глагола **volere**, приобретающего несвойственную ему изначально эпистемическую функцию ценой частичной десемантизации, глагол **dire** в значительной степени сохраняет свою базовую семантику глагола речи в составе конструкции эксплицитной модальности (что, как уже говорилось, связано с изначально двойственным характером модальности конструкций *c verba dicendi*):

(9) *Ma, tornando alla nostra materia, **dico** che non istà bene che altri si adiri a tavola, che che si avenga* (G. Della Casa “Galateo”).

(10) *pure io, lasciando indietro infinite cose, m'ingegnerò d'abbreviarla, per venire, quando che sia, alla fine. **Dico** dunque che, dire farfalloni, serpelloni, e strafalcioni, si dice di coloro che lanciano, raccontando bugie, e falsità manifeste* (B. Varchi “L'Ercolano”).

(11) *E, per dire brevemente quel ch'io sento, io **dico** che alle donne tanta dignità e tanta bellezza*

¹ Глагол **volere** в языке XVI в., по-видимому, обладал большей гибкостью семантики, чем в современном итальянском языке; ср. пример с **volere** в деонтической функции: *Ma, tornando alla nostra materia, dico che le parole **vogliono** essere chiare* (G. Della Casa “Galateo”).

arrecano i capelli. (F. Luigini “Il libro della bella donna”).

(12) *E, per replicartel meglio in poche parole, dico che io voglio che chi ha da esser degno de l'amor d'una gentildonna sia giovine di età di vinti a trentacinque, ed in quel mezzo massime, cioè fra vintisette e vintiotto.* (A. Piccolomini “Dialogo de la bella creanza de le donne”).

В отрывке (9) *dire* одновременно выражает субъективное отношение говорящего к недостаточно учтивому поведению за столом и маркирует возврат к теме, о которой говорилось ранее. В отрывках (10), (11), (12) глагол *dire* непосредственно следует за комментариями метатекстового характера, что также придает его семантике двойственность: говорящий заявляет, что пытается сформулировать мысль лаконично, и одновременно переходит к сути дела. Во всех этих случаях конструкция с глаголом *dire* служит средством организации текста, помогая выстроить линию рассуждений; в то же время она может рассматриваться как конструкция эксплицитной модальности субъективно-оценочного типа, поскольку она служит, не в последнюю очередь, для фокусирования внимания на диктуме, содержащем точку зрения говорящего, и привносит оттенок субъективности за счет употребления глагола *dire* в первом лице единственного числа.

В текстах XVI в. прослеживается тенденция к оформлению ряда устойчивых моделей употребления конструкции *dico che*.

3.1. *Dico che*: настойчивое выражение мнения

Как уже отмечалось, глагол *dire* в ряде случаев используется как синоним предикатов мнения; однако в его семантике можно выделить дополнительный компонент: настойчивость в постулировании мнения:

(13) *Margarita: Oimè! Che mi dite, madonna Raffaella! Voi vi volete burlare di me?*

Raffaella: Come “burlare”? Burlerò io una che io tengo in luogo di figlia? Non pensare, chè non lo farei mai.

Margarita: In fine io nol posso credere.

Raffaella: Io ti dico che egli è così. Tu fingi forse di non crederlo, perchè non mi vuoi osservare la promessa. (A. Piccolomini “Dialogo de la bella creanza de le donne”).

(14) *Non volete voi, signor Magnifico, che questa vostra così eccellente donna essa ancora ami, almen quando conosce veramente esser amata? <...> Di questo, — rispose il Magnifico, — non la voglio con-*

sigliare io; dico ben che lo amar come voi ora intendete estimo che convenga solamente alle donne non maritate; perchè quando questo amore non pot terminare in matrimonio, è forza che la donna n'abbia sempre quel remorso e stimulo che s'ha delle cose illicite <...> — Rispose allora messer Federico ridendo: — Questa vostra opinion, signor Magnifico, mi par molto austera, e penso che l'abbiate imparata da qualche predicator (B. Castiglione “Il Cortegiano”).

В обоих приведенных примерах мы наблюдаем столкновение мнений; в ответных репликах глагол *dico*, вводящий прямое дополнение, дополнительно акцентирует несогласие с оппонентом. Во втором примере *dico* в модальной функции поддерживается наречием *ben*, что усиливает эффект эмфазы.

3.2. Псевдоотрицание *non dico che... ma*

Еще одна устойчивая конструкция с глаголом *dire*, используемая в аргументативном дискурсе, — *non dico... ma*. Этот риторический ход применяется авторами XVI в. в двух случаях. В одних контекстах он позволяет заранее опровергнуть нечто такое, что мыслится как неприемлемое для собеседника, и тут же предложить то же самое в смягченном варианте, обозначая свою позицию как бы под видом уступки:

(15) *Io parlerò più per obedire a Vostra Santità che perchè mi venga da cuore, avendo veduto, non dico che e' ricordi miei non siano stati accetti, di che uno servidore non si può lamentare, ma che io sia venuto a sospetto come troppo affezionato alle cose di Cesare; e nondimanco se io fussi stato creduto, non sarebbe Vostra Santità e gli altri di Italia nelle diffcultà che ora è.* (F. Guicciardini “Discorsi politici”).

Обращаясь к понтифику, Ф. Гвиччардини не может позволить себе откровенно попенять на то, что к его советам вовремя не прислушались. Вместо этого он делает вид, будто оправдывается, хотя в конечном счете прагматика его высказывания совпадает с той, которую он формально отрицает.

В других случаях конструкция *non dico... ma* может служить для усиления утверждения, и тогда пропозиция, вводимая союзом *ma*, позиционируется как более верная, поскольку более радикальная или всеобъемлющая по содержанию:

(16) *Perché noi soli ti ricevemmo in casa, mossi dalla reverenzia avavamo alla felice memoria del Duca nostro; <...> Che più potavamo noi darti e prometterti? E tu che potevi, non dico da noi, ma in quelli tempi da ciascuno, non dico avere, ma*

desiderare? Tu per tanto ricevesti da noi uno insperato bene; e noi, per ricompenso, riceviamo da te uno insperato male (N. Machiavelli “Istorie fiorentine”).

В инвективе, пересказанной Макиавелли, данный риторический прием применяется два раза подряд, что должно предельно ясно выразить возмущение миланцев.

(17) *Ma tieni a mente queste profetiche parole: e' non ci va, non dico anni o mesi, ma poche settimane, che per questa tua tanto disonesta ingratitudine tu profonderai* (B. Cellini “La vita”).

Здесь конструкция *non dico... ma*, как и в предыдущем случае, добавляет высказыванию выразительности.

Тот же прием использует и Б. Варки в трактате-диалоге «Эрколано»:

(18) *Né vi potrei narrare, quante dubitazioni e circa il favellare, e circa lo scrivere mi nascevano, non dico ogni giorno, ma a tutte l'ore* (B. Varchi “L'Ercolano”).

Эмфатическую функцию *dico che* выполняет также в сочетании с *anzi* и *più*:

(19) *È ben vero che simil cose, acquistandosi, s'amarano e desiderano, ma non dipoi che interamente sono avute; <...> Anzi dico che, al primo gusto, si sforza il conoscimento per l'approssimazione del delectabile, e con quello s'incita l'appetito e vivificasi l'amore.* (L. Ebreo “Dialoghi d'amore”).

(20) *Monsignore, <...> per questi peccati io non ho paura di vostra galea: e di più vi dico, a causa di Vostra Signoria, io non la voglio mai più finire* (B. Cellini “La vita”) — ср. рус. «я вам больше скажу».

3.3. Dico che в метатекстовой функции

Наряду с эпистемической и эмфатической функцией конструкция эксплицитной модальности с глаголом *dire* часто выполняет метатекстовую функцию. Как правило, она используется для возвращения к вышесказанному, что дополнительно эксплицируется при помощи герундиального оборота:

(21) *Ed io, tornando al lavoro e seguendo, dico che Ovidio induce Atalanta <...> comparire alla caccia d'un terribile cinghiale* (F. Luigini “Il libro della bella donna”).

(22) *Ma, ritornando all'ordine nostro, dico come al papato era pervenuto Gregorio III e al regno de' Longobardi Aistulfo* (N. Machiavelli “Istorie fiorentine”).

(23) *Ma tornando alle cose di Italia, dico come e' correva l'anno 1456, quando i tumulti mossi da*

Iacopo Piccinino finirono (N. Machiavelli “Istorie fiorentine”).

(24) *Ma tornando alla Se condizionale, dico che ella, posta col verbo Fosse, si lasciò alcuna volta e tacquesi dagli antichi* (P. Bembo “Prose della volgar lingua”).

См. также процитированный выше отрывок из «Галатео» Дж. Делла Каза (*Ma, tornando alla nostra materia, dico che...*).

Такой многословный способ эксплицировать смысловые связи внутри текста может показаться не вполне характерным для устной речи, которую имитируют авторы трактатов-диалогов, однако глагол *dire* как средство отсылки к вышесказанному закрепился в узусе (в частности, данную функцию может выполнять дискурсивный маркер *dicevo*¹), что косвенным образом указывает на употребительность *dire* в метатекстовой функции, в том числе в устной речи.

4. Конструкция

эксплицитной модальности с dico che:

XVI в. vs современный итальянский язык

Как мы видим, конструкция *dico che* благодаря совмещению коммуникативной и субъектно-оценочной модальности способна выполнять как функцию эпистемического предиката, так и метатекстовую (текстоорганизующую) функцию, причем иногда в одном и том же контексте. Сопоставление функций *dico che* в текстах XVI в. и в текстах на современном итальянском языке говорит о том, что данная конструкция продолжает использоваться в описанных выше риторических целях, хотя и с некоторыми отличиями.

В качестве материала для сопоставления мы использовали данные корпуса текстов www.corpusitaliano.it. По данным корпуса, конструкция эксплицитной модальности с *dico che* остается достаточно употребительной, хотя и заметно уступает по частотности, например, *credo che* (1312 контекстов против 6051) или *penso che* (3112 контекстов). Впрочем, учитывая, что мы не располагаем аналогичным по репрезентативности корпусом текстов XVI в., сосредоточимся

¹ Пример из корпуса LIP: *il sette marzo cioe' dopo domani alla diciotto verra' inaugurato il Viola Point un nuovo negozio tutto dedicato a cose a marchi proprio della e Fiorentina io ho qui proprio il l' invito relativo Viola Point questa e' un' altra delle molte iniziative della Fiorentina di questa e stagione ripeto e e' un segno del cambiamento dei tempi e forza Viola vi e dicevo potete scriverci ogni settimana in e via primo maggio* (<http://badip.uni-graz.at/it/corpus-lip/cerca?view=vcerca>).

не на количественном, а на качественном сопоставлении.

4.1. *Dico che* в эпистемической функции

Как и в XVI в., *dico che* в современном языке используется в качестве эпистемического предиката, выражающего высокую степень уверенности говорящего. При этом в отличие от авторов XVI в. современные говорящие усиливают свою позицию в дискуссии не столько эмфатическими, сколько аргументативными средствами. В качестве таковых часто выступает, например, предложная синтагма с предлогом *da*, характеризующая субъекта модуса как компетентное лицо:

(25) *Da possessore dell'attuale S2, dico che è un mezzo tanto facile e comodo a regimi medio bassi, quanto cattiva e veloce agli alti.*

(26) *Da snowboarder ti dico che se fai un salto così sei concentrato su quello e basta.*

(27) *Da ex commerciale H3G vi dico che quello che scriviamo sul blog copiamolo e incolliamolo in una mail e inviamolo a lui come quelli del servizio clienti on line.*

(28) *Da uomo e da padre, dico che oggi si è scritta una delle pagine più brutte della storia di Mario.*

(29) *Io, da cittadino onesto, vi dico che me son rotto er ca ... di dover subire le cretinate di un vecchiccio che se crede immortale.*

Отсылка к личному опыту может эксплицироваться и по-другому:

(30) *Per la mia esperienza vi dico che si tratta di una bella avventura.*

(31) *Io lavoro dietro le quinte e ti dico che il p2p ha rovinato la musica.*

(32) *Per esperienza, dico che funzionano, il resto ognuno la pensi come vuole.*

Еще одна особенность, характерная для современного узуса в отличие от узуса авторов XVI в., состоит в том, что *dico che* редко (49 из 1312 контекстов) занимает начальное положение во фразе. И даже в начальном положении, вместо того чтобы использоваться в качестве «классического» предиката мнения, синонимичного *credere* и *pensare*, *dire*, по-видимому, тяготеет к коммуникативным ситуациям аргументации и используется тогда, когда говорящий подкрепляет свою точку зрения рациональными доводами. Так, одной из распространенных ситуаций использования *dico che* является сложное предложение с придаточным причины:

(33) *Dico che Formentera non esiste perché credo che davvero ognuno possa viverla a modo suo.*

(34) *Dico che questo post fa ridere perché attribuisce un valore a qualcosa che valore non ne ha.*

(35) *Dico che mi sento spesso banale, perché sono certa di parlare non perché matta o inavvasata da qualche guru extraterrestre, ma semplicemente perché ho ancora ben chiaro quale è e deve essere il senso comune.*

(36) *Dico che è un film per bambini perché è stato fatto per piacere ai bambini: la scena del nascondino è esemplare in tal senso.*

4.2. Псевдоотрицание с *dico che*

По-прежнему широко (если не шире, чем в XVI в.) используется модель с псевдоотрицанием (141 контекст из 1312) — ср. рус. «ничего не хочу сказать, но...»:

(37) *Non dico che non si debbano proporre film coreani o cinesi, ma casomai ampliare la scelta, magari con cinema africano o sud americano.*

(38) *Non dico che abbia ancora tutto da dimostrare come MVP, ma di certo tra lui e Taker, o anche solo tra lui e Kane, continua a passare un abisso a livello di esperienza e di popolarità.*

(39) *Microsoft non dico che non potrebbe avere un buon prodotto ma prima di tutto deve ancora studiare bene la lezione.*

В отличие от авторов XVI в. современные говорящие применяют псевдоотрицание только с прагматикой смягчения высказывания, во всяком случае в корпусе нам не встретилось примеров, напоминающих приведенные в п. 3.2 эмфатические конструкции градации (*non dico ogni giorno, ma a tutte l'ore*). Примеры *non dico... ma* с прагматикой смягчения, напротив, встречаются довольно часто:

(40) *non dico invocare, proporre, ma solo discutere di elezioni primarie;*

(41) *non dico di condividere, ma semplicemente di ascoltare un pezzo di società;*

(42) *non dico un boom, ma per lo meno un buon innalzamento;*

(43) *non dico di vietarli ma sicuramente di disincantivarli;*

(44) *non dico giusto, ma tollerabile, и т. д.*

Наряду с данной конструкцией часто встречается другой способ сделать заявление, начинающееся с *dico che*, внешне менее категоричным: это модель, где *dico che* предшествует условный союз *se*:

(45) *non credo di essere troppo lontano dal vero se dico che quello fu il primo e per qualche tempo l'unico luogo, in Italia, nel quale si incontravano dei gay per discutere di cose gay;*

(46) *ci porta in giro per le strade di Yaoundé, la capitale del Camerun che, non penso di sbagliare, se dico che noi in Italia conosciamo più che altro per le qualità dei suoi calciatori.*

В подобного рода примерах, на наш взгляд, достаточно ярко проявляется специфика *dire* как модусного глагола, сочетающего коммуникативную (в данных примерах — метатекстовую: говорящий размышляет над истинностью высказывания) и субъективно-оценочную (эпистемическую: мнение, которое не претендует на статус абсолютной истины) функции.

4.3. *Dico che* в коммуникативной и метатекстовой функциях

Данная группа примеров в корпусе наиболее представительна; по-видимому, коммуникативный модус в конструкциях с *dico che* в отличие от эпистемической не сдает позиции, а, напротив, стремится к преобладанию, а метатекстовая функция в определенном смысле дополняет коммуникативную, поскольку речь идет о рефлексии над собственной речью, о комментарии к сказанному. *Dico che*:

— вводит косвенную и несобственно прямую речь (коммуникативная функция):

(47) *Scrivo sempre meno su questo blog. <...> non mi va di ammorbare il prossimo mio con post intimisti, foto del mio orsacchiotto e post in cui dico che oh, adooro la cioccolata.*

(48) *Nelle mie omelie dico che il musulmano è nostro fratello e chiedo ai miei amici musulmani che dicano nelle moschee che il cristiano è loro fratello;*

(49) *A Fazio dico che i cattolici democratici del Pd in questi giorni hanno svolto un intenso lavoro per far coincidere le istanze di credenti e laici;*

— используется при пояснении сказанного (метатекстовая функция), часто после придаточного предложения с союзом *quando*:

(50) *E quando dico che questo sogno si ripete, dico durante tutta la mia vita, cioè avendo età diverse... adesso ne ho 40.*

(51) *Quando dico che il sistema bancario non si era occupato della questione, evidentemente mi riferisco a prima del commissariamento.*

(52) *Comunque, quando dico che la chiesa cattolica condiziona la mia vita, parlo della legge sull'aborto.*

Иногда то, что на первый взгляд выглядит как комментарий к вышесказанному, на самом деле является новой мыслью, которая таким образом помещается в более широкий контекст:

(53) *E non esagero quando dico che nella media dei casi queste macchine hanno più di 30 eseguibili di binari malevoli in autoavvio o radicati nel sistema da rootkit.*

(54) *“Stentare” e “uscire alquanto presto” sono altri modi per dire che ci si aspettava la vittoria e non è arrivata, e con questo non dico che l’Inter abbia fatto meglio.*

Модель употребления *dico che* после герундиального оборота для возвращения к вышесказанному, часто использовавшаяся авторами XVI в., в примерах из корпуса нам не встретилась.

5. Выводы

В данной работе мы обобщили результаты анализа языкового материала, относящегося к двум синхронным срезам: это а) итальянская проза XVI в. и б) современный письменный узус. Мы получили наглядное подтверждение того, что глагол *dire* в составе конструкции эксплицитной модальности совмещает характеристики глагола речи и эпистемического предиката. В эпистемической функции в текстах XVI в. *dire* используется с дополнительным прагматическим оттенком, выражая настойчивость и высокую степень уверенности говорящего в высказываемом мнении. В примерах из корпуса PAISÀ конструкция эксплицитной модальности с глаголом *dire* в эпистемической функции используется в несколько ином прагматическом ключе: точка зрения, содержащаяся в придаточном дополнительном предложении, преподносится как основанная на личном опыте или, так или иначе, рационально обоснованная.

И у авторов XVI в., и в корпусе PAISÀ нередко встречаются примеры использования *dico che* в составе конструкции, которую мы охарактеризовали как псевдоотрицание. В текстах XVI в. этот прием позволяет как смягчить высказывание, так и, напротив, дополнительно акцентировать его путем градации. В обнаруженных нами современных контекстах с псевдоотрицанием реализуется только прагматика смягчения.

В метатекстовой функции глагол *dire* в составе конструкции *dico che* используется авторами XVI в. для придания тексту связности, чаще всего — для возвращения к теме после отступления. В современном узусе *dico che* может вводить пояснение к вышесказанному или, под видом пояснения, новую мысль.

В завершение отметим, что описанные нами особенности функционирования глагола *dire*

в диахронии могут служить примером того, как изменения в итальянском синтаксисе порой происходят на уровне языковой нормы, а не системы [12. С. 97—98], и, возможно, поэтому нелегко под-
даются обобщению и системному описанию, подобному тому, что давно существует для других уровней языка.

Источники и словари

1. Bembo, P. Prose della volgar lingua [Электронный ресурс] / P. Bembo. — URL: http://www.letteraturaitaliana.net/pdf/Volume_4/t79.pdf (дата обращения 05.05.2018).
2. Biondo, M. Angoscia, Doglia e Pena, le tre furie del mondo / M. Biondo // Alessandro Piccolomini, Michelangelo Biondo, Federico Luigini, Giovanni Battista Modio, Trattati del Cinquecento sulla donna. A cura di Giuseppe Zonta. — Bari : Laterza, 1913. — P. 71—220.
3. Castiglione, B. Il libro del Cortegiano. A cura di Giulio Preti / B. Castiglione. — Torino : Einaudi, 1960. — 441 p.
4. Cellini, B. La vita [Электронный ресурс] / B. Cellini. — URL: http://www.letteraturaitaliana.net/pdf/Volume_5/t115.pdf (дата обращения 05.05.2018).
5. Corpus PAISÀ. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.corpusitaliano.it/> (дата обращения 05.05.2018).
6. Della Casa, G. Galateo, ovvero De' costumi. A cura di Emanuela Scarpa / Della Casa G. — Modena : Franco Cosimo Panini Editore, 1990. — 166 p.
7. Ebreo, L. Dialoghi d'amore [Электронный ресурс] / L. Ebreo. — URL: http://prin.iliesi.cnr.it/testi/Ebreo_Dialoghi_1535.pdf (дата обращения 05.05.2018).
8. Guicciardini, F. Discorsi politici. A cura di Roberto Palmarocchi / F. Guicciardini. — Bari : Laterza, 1933. — 391 p.
9. Il Sabatini Coletti. Dizionario della lingua italiana. — Milano : RCS Libri SpA, 2008. [CD-rom].
10. Luigini, F. Libro della bella donna / F. Luigini // Alessandro Piccolomini, Michelangelo Biondo, Federico Luigini, Giovanni Battista Modio, Trattati del Cinquecento sulla donna. A cura di Giuseppe Zonta. — Bari : Laterza, 1913. — P. 221—309.
11. Machiavelli, N. Istorie fiorentine [Электронный ресурс] / N. Machiavelli. — URL: <https://www.liberliber.it/online/autori/autori-m/niccol-machiavelli/istorie-fiorentine/> (дата обращения 05.05.2018).
12. Machiavelli, N. Il Principe. A cura di Luigi Firpo / N. Machiavelli. — Torino : Einaudi, 1972. — 134 p.
13. Modini, G. B. Il convito ovvero Del peso della moglie / G. B. Modini // Alessandro Piccolomini, Michelangelo Biondo, Federico Luigini, Giovanni Battista Modio, Trattati del Cinquecento sulla donna. A cura di Giuseppe Zonta. — Bari : Laterza, 1913. — P. 309—371.
14. Piccolomini, A. Dialogo de la bella creanza de le donne / A. Piccolomini // Alessandro Piccolomini, Michelangelo Biondo, Federico Luigini, Giovanni Battista Modio, Trattati del Cinquecento sulla donna. A cura di Giuseppe Zonta. — Bari : Laterza, 1913. — P. 1—70.
15. Varchi, B. L'Ercolano [Электронный ресурс] / B. Varchi. — URL: <http://bepi1949.altervista.org/ercolano/ercolano.html> (дата обращения 05.05.2018).

Список литературы

1. Алисова, Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка / Т. Б. Алисова. — М. : URSS, 2009. — 296 с.
2. Ануфриев, А. А. Предикаты рациональной и эмоциональной оценки в испанском языке / А. А. Ануфриев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. — 2009. — № 5. — С. 173—183.
3. Вежбицкая, А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифических контекстах / А. Вежбицкая // Thesis. — 1993. — Вып. 3. — С. 185—206.
4. Гуревич, Д. Л. Речевые слова в португальском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. Л. Гуревич. — М., 1998. — 20 с.
5. Пляскина, М. В. Модальные слова группы категорической достоверности: Структурно-семантический и функциональный аспекты : дис. ... канд. филол. наук / М. В. Пляскина. — Новосибирск, 2001. — 222 с.

6. Хачатурян, Е. В. Семантика и синтактика дискурсивных слов глагольного происхождения в современном итальянском языке : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Хачатурян. — М., 2000. — 172 с.
7. Шаронов, И. А. Коммуникативы и методы их описания / И. А. Шаронов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. — М. : РГГУ, 2009. — С. 543—547.
8. Шаронов, И. А. Коммуникативы в грамматике и в словаре / И. А. Шаронов // Русский язык сегодня. X Шмелевские чтения : сб. докл. — М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2012. — С. 448—462.
9. Bazzanella, C. I segnali discorsivi / C. Bazzanella // Grammatica dell'italiano antico / G. Salvi, L. Renzi (eds.). — Bologna ; Mulino, 2010. — P. 1339—1359.
10. Bazzanella, C. Segnali discorsivi nel parlato e nello scritto / C. Bazzanella // Scritto e parlato. Metodi, testi e contesti / M. Dardano, A. Pelo [et al.] (eds.). — Roma : Aracne, 2001. — P. 79—97.
11. Modality in grammar and discourse. Vol. 32 / J. L. Bybee, S. Fleischman (eds.). — Amsterdam : John Benjamins Publ., 1995. — 575 p.
12. Coseriu, E. Teoria del lenguaje y lingüística general. Sistema, norma e habla / E. Coseriu. — Madrid : Editorial Gredos, 1967. — 323 p.
13. Khachaturyan, E. Una classificazione dei segnali discorsivi in italiano / E. Khachaturyan // Discourse markers in Romance languages. Oslo Studies in Language. — 2011. — 3 (1). — P. 95—116.
14. Molinelli, P. Segnali discorsivi e segnali pragmatici: sensibilità al mutamento e alla variazione sociolinguistica / P. Molinelli // Linguistica e Filologia. — 2017. — Vol. 37. — P. 121—155.
15. Nencioni, G. Di scritto e di parlato. Discorsi linguistici / G. Nencioni. — Bologna : Zanichelli, 1983. — 290 p.
16. Nuyts, J. Epistemic modality, language, and conceptualization: A cognitive-pragmatic perspective / J. Nuyts. — Amsterdam : John Benjamins Publ., 2001. — 428 p.

Сведения об авторе

Жолудева Любовь Ивановна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романского языкознания филологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва, Россия. l.zholudeva@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 110—119.*

EXPLICIT MODALITY CONSTRUCTION WITH THE VERB DIRE IN THE 16TH CENTURY ITALIAN LANGUAGE AND IN MODERN ITALIAN

L.I. Zholudeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. l.zholudeva@gmail.com

The article is based on the contrastive study of the explicit modality construction with the verb *dire* in the 16th century and Modern Italian language. In the 16th century prose, as well as and in Modern Italian (judging by the examples of modern written use provided by the PAISÀ corpus), *dico* simultaneously performs two roles, being both speech verb and epistemic predicate. *Dico che* as epistemic modality construction in the 16th century prose has the pragmatics of certainty, of assertive statement, while in Modern Italian it adduces a point of view based on some kind of evidence or personal experience. In the pseudo-negation construction *dico che* is used by 16th century authors both to enhance and to attenuate a statement by way of gradation, while in Modern use only the second function is realized. Finally, in its metatextual function *dico che* in the 16th century prose is used to go back to topic after a digression, and in Modern Italian it can adduce a comment or a new topic.

Keywords: *Italian language, Italian syntax, explicit modality construction, epistemic predicate, argumentative discourse, verba dicendi, pragmatics, history of Italian.*

References

1. Alisova T.B. *Ocherki sintaksisa sovremennogo ital'yanskogo yazyka* [Essays on the syntax of the modern Italian language]. Moscow, 2009. (In Russ.).
2. Anufriev A.A. Predikaty ratsional'noy i emotsional'noy otsenki v ispanskoy yazyke [Predicates of rational and emotional evaluation in Spanish]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Bulletin of Moscow State University. Series 9. Philology], 2009, no. 5, pp. 173—183. (In Russ.).
3. Vezhbitskaya A. Semantika, kul'tura i poznaniye: obshchechelovecheskiye ponyatiya v kul'turospetsificheskikh kontekstakh [Semantics, culture and cognition: universal human concepts in cultural-specific contexts]. *Thesis*, 1993, no. 3, pp. 185—206. (In Russ.).
4. Gurevich D.L. *Rechevye slova v portugal'skom yazyke* [Discourse words in Portuguese. Abstract of thesis]. Moscow, 1998. (In Russ.).
5. Plyaskina M.V. *Modal'nye slova gruppy kategoricheskoy dostovernosti: Strukturno-semanticheskiy i funktsional'nyy aspekty* [Modal words of the group of categorical reliability: Structural-semantic and functional aspects. Thesis]. Novosibirsk, 2001. 222 p. (In Russ.).
6. Khachaturyan Ye.V. *Semantika i sintaktika diskursivnykh slov glagol'nogo proiskhozhdeniya v sovremennoy ital'yanskoy yazyke* [Semantics and syntactics of discursive words of verbal origin in the modern Italian language. Thesis]. Moscow, 2000. 172 p. (In Russ.).
7. Sharonov I.A. Kommunikativy i metody ikh opisaniya [Communicatives and methods of their description]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computer linguistics and intellectual technologies]. Moscow, 2009. Pp. 543—547. (In Russ.).
8. Sharonov, I.A. Kommunikativy v grammatike i v slovare [Communicatives in grammar and dictionary]. *Russkiy yazyk segodnya. X Shmelevskiy chteniya* [Russian language today. Proceedings of the X Shmelev conference]. Moscow, 2012. Pp. 448—462. (In Russ.).
9. Bazzanella C. I segnali discorsivi. G. Salvi, L. Renzi (eds.) *Grammar of Old Italian*. Mulino, Bologna, 2010. Pp. 1339—1359. (In Italian).
10. Bazzanella C. Segnali discorsivi nel parlato e nello scritto. Dardano M., Pelo A. et al. (eds.) *Written and spoken language. Methods, texts and contexts*. Roma, Aracne, 2001. Pp. 79—97. (In Italian).
11. Bybee J.L., Fleischman S. (eds.). *Modality in grammar and discourse*. Vol. 32. Amsterdam, John Benjamins Publ., 1995.
12. Coseriu E. *Teoria del lenguaje y lingüística general. Sistema, norma e habla*. Madrid, Editorial Gredos, 1967. (In Spanish).
13. Khachaturyan E. Una classificazione dei segnali discorsivi in italiano. *Discourse markers in Romance languages. Oslo Studies in Language*, 2011, no. 3 (1), pp. 95—116. (In Italian).
14. Molinelli P. Segnali discorsivi e segnali pragmatici: sensibilità al mutamento e alla variazione sociolinguistica. *Linguistica e Filologia*, 2017, no. 37, pp. 121—155. (In Italian).
15. Nencioni G. *Di scritto e di parlato. Discorsi linguistici*. Bologna, Zanichelli, 1983. (In Italian).
16. Nuyts J. *Epistemic modality, language, and conceptualization: A cognitive-pragmatic perspective*. Amsterdam, John Benjamins Publ., 2001.

КОНСТРУКЦИЯ ОТРИЦАНИЯ В ЗАКОНЕ НА ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

А. Г. Зверев

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Поставлена задача выявить существенные характеристики текстов законов на испанском языке при формировании конструкций отрицания. Частотность слов испанского языка, формирующих конструкции отрицания, сравнивается с результатами исследования текстов законов на русском, польском, немецком языках. Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что число элементов отрицания в тексте испаноязычного закона будет значительно меньше по сравнению со средствами отрицания в испанском языке. Доказывается возрастание ограниченного набора элементов отрицания в текстах испанских законов по сравнению с частотностью средств отрицания в испанском языке и уменьшение общего числа элементов и конструкций эксплицитного отрицания.

Ключевые слова: *отрицание, правовая норма, функционально-семантическая категория, условная конструкция, грамматика конструкций, семантические примитивы.*

Юридические тексты, такие как законы (кодексы), в действительности представляют собой подобие синхронического среза правовых норм, регулирующих социальную, экономическую, политическую жизнь общества. Структурной единицей законов и кодексов является правовая норма. Условная конструкция (далее УК) правовой нормы означает наличие условия и его следствия (одного/нескольких условий, одного/нескольких следствий). Испания в силу разнообразных исторических, политических, социальных, экономических и географических причин является уникальным объектом для юрислингвистики. Языки Испании в соответствии с ее колониальным прошлым создали правовые языки в латиноамериканской правовой культуре. Правовая традиция и правовая культура выражаются в языке, в нем существуют и развиваются. Язык права в силу своих уникальных свойств: логической строгости, абстрактного характера отношений, фактов, явлений, вещей и прочего остается объектом исследования юристов, лингвистов, философов, социологов, антропологов. Законы являются «посредниками» между миром воображаемым (собственность, справедливость, благо и т. д.) и миром реальным (людей, вещей, государственных институтов и т. д.). Законы подчиняются правовым принципам, правовой культуре и правовой традиции в явном и неявном виде. Правовая норма конкретного закона (кодекса) создается и действует внутри правовой культуры и правовой традиции. Правовые нормы с точки зрения реальности/ирреальности являются гипотетическими, так как являются моделью нашего мира, и, как всякая модель, она имеет элементы упрощения и усложнения мира действительного (окружающего, физического). Человек способен интуитивно различать добро и зло, законное и незаконное, справедливое и несправедливое. Для того чтобы заявить о своих правах, интуиции недостаточно. Знание законов является важнейшей составляющей правосознания. На уровне обыденного сознания формируются навыки распознавания правовых форм и формирование реакции на окружающий мир. В языке закреплены правовые формулы и правовые практики, которые утверждают правила поведения в обществе. Безусловное значение имеет языковой коллектив, в рамках которого происходит прививание и усвоение таких ценностей, как добро, зло, справедливость, несправедливость, честность, обман, преступление, наказание и т. п. Закон (кодекс) — это застывший памятник национального способа выражения правовой мысли, представлений о правовых ценностях в ту или иную эпоху. И, наконец, тексты законов позволяют изучить развитие лексики и синтаксических структур испанского (кастильского) языка.

Испанские исследователи языка права: юристы, судьи, филологи — предпринимают меры по совершенствованию языка права. В 2016 г. Королевская академия испанского языка (*Real Academia Española*) совместно с Генеральным советом судебной власти (*Consejo General del Poder Judicial*) завершила работу над двумя важнейшими проектами: *Diccionario del español jurídico*

Испанские исследователи языка права: юристы, судьи, филологи — предпринимают меры по совершенствованию языка права. В 2016 г. Королевская академия испанского языка (*Real Academia Española*) совместно с Генеральным советом судебной власти (*Consejo General del Poder Judicial*) завершила работу над двумя важнейшими проектами: *Diccionario del español jurídico*

(Юридический словарь испанского языка) и *Libro de estilo de la Justicia* (Учебник по юридической стилистике). Председатель Верховного суда Испании (*Tribunal Supremo de España*) и председатель Генерального совета судебной власти Карлос Лесмес (*Carlos Lesmes*) пояснил, что необходимость написания данного учебника вызвана «желанием преодолеть некоторое злоупотребление языком, сделать язык доступным для судей, адвокатов, прокуроров, граждан и государственных органов...» [15]. Ответственный редактор учебника *Муньос Мачадо* (*Muñoz Machado*) подчеркивает: «Ясность языка права это обязанность учреждений, которые осуществляют правосудие и права граждан...» [Ibid.].

Материалами для исследования послужили тексты на испанском языке Гражданского кодекса Испании (*Código Civil*), Гражданского процессуального кодекса Испании (*Ley de Enjuiciamiento Civil*), Уголовного кодекса Испании (*Código Penal*), «Фламандская доска» (*La tabla de Flandes* — роман Артуро Переса-Реверте), «Образ жизни» (*Victus* — роман Санчеса Пиньоля). Выбор художественных произведений продиктован объемом текстов, совпадающих со сравниваемыми кодексами. Для сопоставительного исследования с другими законами выбраны: на немецком языке — Гражданский кодекс ФРГ (*Bürgerliches Gesetzbuch*), Австрийский Всеобщий гражданский кодекс (*Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch*), на польском языке — Гражданский кодекс Республики Польша *Kodeks Cywilny*, на русском языке — Гражданский кодекс РФ.

Для разграничения отрицания в логике и лингвистике возьмем за основу определение Е. В. Падучевой: «...отрицание — это специализированное языковое средство для выражения идеи о том, что некоторое положение вещей не имеет места <...> отрицание, вопреки общему представлению, не аналогично утверждению <...> отрицание употребляется не только в утвердительных предложениях, но и в вопросительных или побудительных, которые не могут быть истинными или ложными» [9]. Категория «отрицание» является языковой универсалией, связанной с другими универсалиями. Выбор для настоящего исследования категории «отрицание» вызван важностью ее для структуры правовой нормы и всего текста закона, что определяет восприятие и толкование законов их получателями. В списке частотности слов испанского языка (далее СЧС испанского языка), как и в тексте за-

конов, наречие **no** является основным эксплицитным средством выражения отрицания. Наречие **no** занимает третье место в СЧС испанского языка, что сближает по этому показателю с такими языками, как польский и русский. Исследование категории отрицания в текстах законов на испанском языке связано с исследованием структур, формирующих и отрицание, и утверждение, так как «информационная и формальная структура отрицания вторична и производна от утверждения» [4. С. 12]. Полинегативность испанского языка является другим его отличием, и поэтому в сфере внимания грамматистов до настоящего времени в основном находились плеонастические отрицательные образования. И это неудивительно — парадигма их в испанском языке особенно велика. Это модели двойного отрицания, модели, включающие избыточные отрицательные элементы, и, наконец, редуцированные модели и модели экспрессивного расширения (эмфаза) [Там же. С. 20]. Настоящим исследованием мы сформулируем и опишем способы, которыми испанский получатель закона устраняет неясность в толковании отрицания в правовой норме, несмотря на все многообразие средств выражения отрицания. С помощью количественных методов были сопоставлены частота употребления ста наиболее частотных слов в исследуемых текстах на испанском, немецком, польском и русском языках. В рамках функционально-семантического поля сгруппированы языковые средства выражения отрицания. Категория отрицания описывается с учетом синтаксических конструкций испанского языка, формирующих правовые нормы испанских законов. Установлена тенденция значительного снижения употребления наречия **no** по сравнению с общеиспанским языком.

Отрицательные предложения в испанском языке обладают набором грамматических, лексико-грамматических и лексических показателей, главным из которых является наречие **no** (наиболее частое выражение категории отрицания в испанском языке). М. В. Зеликов утверждает: «...в испанском языке — модели с отрицательной частицей “no”, которая в испанском относится к грамматическим средствам отрицания и имеет фиксированное место в предложении, а именно перед отрицаемым членом, не привнося дополнительного лексического значения. В испанском языке она является самым распространенным грамматическим средством отрицания» [Там же. С. 32].

Глава 48 в «Новой грамматике испанского языка» (Nueva gramática de la Lengua española) описывает отрицание в испанском языке. Отрицательная частица **no** именуется в грамматике наречием (*adverbio no*). Мы также будем придерживаться этого наименования, не разделяя в статье отрицательную частицу, отрицательное местоимение и наречие **no**. Количественный анализ эксплицитных средств выражения отрицания в тексте испанских законов показывает подавляющее преобладание наречия **no** (к примеру, на 1413 случаев употребления наречия **no** в тексте ГК Испании приходится: местоимения **ni** — 128; **tampoco** — 32; **nada** — 12, **nadie** — 8; наречие **nunca** — 7) по сравнению с другими средствами. Кроме того, некоторые полинегативные предложения испанского языка содержат отрицательные элементы, которые усиливают отрицание (*adverbio no*), а не исключают его.

Примеры из ГК Испании: *Artículo 156. ...Esta medida tendrá vigencia durante el plazo que se fije, que no podrá nunca exceder de dos años* (Эта мера будет действовать в течение установленного периода, который не может превышать двух лет).

Artículo 1449. El señalamiento del precio no podrá nunca dejarse al arbitrio de uno de los contratantes (Установление цены не может быть навязано одной из сторон).

Отметим, что некоторые отрицательные слова «по происхождению и по сути своей являются позитивными, например: *nada* (*nacida*, подразумеваемая вещь), *nadie* (*nacido*, подразумеваемая человека), *jamás* (*ya más*), и, предшествуя глаголу, они как будто поглощают частицу *no*» [3].

Употребление отрицательного местоимения перед глаголом в некоторых случаях исключает использование наречия *no*.

Пример из ГК Испании. *Artículo 414. Nadie puede penetrar en propiedad privada para buscar aguas o usar de ellas sin licencia de los propietarios* (Статья 414. Никто не может войти на частную собственность для поиска воды или ее использования без разрешения владельцев).

Другой пример из ГК Испании содержит несколько элементов отрицания: *Artículo 199. Nadie puede ser declarado incapaz sino por sentencia judicial en virtud de las causas establecidas en la Ley* (Статья 199. Никто не может быть признан неправо- и недееспособным, за исключением решения суда и с причинами, изложенными в законе).

Другим примером полинегативности в испанском языке является «вариант, основанный на подхватывающем отрицании **ni... ni...**» [8. С. 218].

Примеры из ГК Испании *Artículo 180. <...> 3. La extinción de la adopción no es causa de pérdida de la natsionalidad ni de la vecindad civil adquiridas, ni alcanza a los efectos patrimoniales anteriormente producidos* (Статья 180 <...> 3. Прекращение усыновления не должно быть причиной потери приобретенного гражданства или гражданского места жительства, а также не должно воздействовать на родовые связи, существовавшие раньше).

Количественный анализ эксплицитных средств выражения отрицания в тексте испанских законов показывает подавляющее преобладание наречия **no**. Ядром функционально-семантического поля (далее ФСП) отрицания текстов законов на испанском языке является наречие **no**, так как оно наиболее полно выражает отрицательную функцию, которая заключается в семантическом разъединении элементов предложения. К периферийным средствам с общей семой отрицания мы отнесли те, что выполняют функцию конкретизации отрицания за счет наличия в них дополнительных значений. Отметим, что, согласно *Новой грамматике испанского языка*, с отрицательными префиксами образуются выражения аргументированно более сильные, чем с наречием *no* [14. С. 927]. В качестве примера использования отрицательного префикса **in** приведем сему **incapas***, в прилагательных **incapaz**, **incapacitado** (**неправо-способный**, **недееспособный**).

Из числа элементов, усиливающих отрицание, отметим наречие **tampoco**, которое имеет аддитивное значение, поскольку добавляет некоторую негативную информацию к другой, столь же негативной [Там же]. Как полагает К. В. Ламина, «в сочетании **ni tampoco** два отрицания не утверждают, а усиливают простое **ni**» [6. С. 74].

Пример 1 из ГК Испании: *Artículo 413. El dominio privado de los álveos de aguas pluviales no autoriza para hacer labores u obras que varíen su curso en perjuicio de tercero, ni tampoco aquellas cuya destrucción, por la fuerza de las avenidas, pueda causarlo* (Статья 413. Частная собственность, находящаяся на ручейках из дождевой воды, **не разрешает** выполнять задания или работы, которые могут привести к изменению русла в ущерб третьей стороны **или же** работы, разрушительная сила которых может привести к нарушению русла).

Пример 2 из ГК Испании: *Artículo 424. Las disposiciones de este título no perjudican los derechos adquiridos con anterioridad, ni tampoco al dominio privado que tienen los propietarios de aguas, de acequias, fuentes o manantiales, en virtud del cual las aprovechan, venden o permutan como propiedad particular* (Статья 424. Положения настоящего раздела **не затрагивают** прав, приобретенных до этого документа, или частной собственности владельцев вод, ирригационных каналов, родников и ручьев, в соответствии с которым они пользуются ими, продают или обменивают их как частную собственность).

Результаты проведенных нами ранее исследований языка гражданского права Англии, Франции, Германии, США позволяют утверждать, что в тексте закона, таком как Гражданский кодекс Испании, утвердительные предложения составляют лишь небольшую часть всех предложений. Дело в том, что текст закона, такого как ГК Испании, состоит из правовых норм, в которых реализуется условная конструкция, что «снимает» утвердительность. Категория отрицания, в свою очередь, реализуется внутри условной конструкции. Под конструкциями мы понимаем, вслед за другими исследователями грамматики конструкций, «языковые единицы любого уровня, если они обладают формой и содержанием, так что их элементами могут быть и морфемы, и слова, и предложения» [10. С. 19]. К сложностям разграничения утвердительных предложений от отрицательных относится то, что проблема «синхронно-диахронных семантико-синтаксических связей УК с другими конструкциями, прежде всего с временными, уступительными, причинными... связи УК с относительными, вопросительными и некоторыми другими конструкциями... формальные различия между УК и перечисленными конструкциями могут быть довольно зыбкими» [11. С. 8]. Заметим, что в указанной монографии 1998 г. отсутствует описание условной конструкции в испанском языке. В испанском языке союз *si* употребляется, когда важным является соотношение условий двух процессов: *если / в случае если..., тогда*. Союз (наречие, предлог) *cuando* употребляется, когда необходимо подчеркнуть совпадение по времени двух или больше процессов: *когда/всегда..., тогда*. Вопрос реальности/ирреальности в условной конструкции рассматривается следующим образом: «...в прототипических условных конструкциях (УК) и условие (*p*), выражаемое в зависимой

части, и следствие (*q*), выражаемое в главной части, рассматриваются говорящим по отношению к миру не как действительные, а как возможные или невозможные. Указанная смысловая особенность составляет универсальный отличительный признак УК, который соответственно принимает два значения: 1) в УК выражается реальная, то есть выполнимая возможность; 2) в УК выражается нереальная, то есть невыполнимая возможность» [Там же. С. 98].

Анна Вежицкая к числу семантических примитивов относит союз «если», формирующий конструкцию правовой нормы: «...имеется набор семантических примитивов, совпадающий с набором лексических универсалий, и это множество примитивов-универсалий лежит в основе человеческой коммуникации и мышления... набор из нескольких десятков понятий, получающих, по-видимому, лексическое воплощение во всех языках мира, которые могут рассматриваться как семантические примитивы, из которых строятся все остальные понятия. Этот список включает, среди прочего, такие мегапредикаты, как “если”, “из-за”, “весь” и “не”» [1. С. 297]. Некоторые из элементов условной конструкции и отрицания мы свели в таблицу.

При описании конструкций имплицитного отрицания в тексте законов на испанском языке следует отметить модальные конструкции и конструкции, в которых отрицание заложено в семантике слов. В части модального отрицания «Отрицание включается в категорию модальности и признается существование модальности отрицания... категория отрицания считается субкатегорией модальности. Ученые выделяют модальность отрицания, поскольку отрицательные высказывания обладают модальной окраской оценочного характера... типичными средствами выражения модальности отрицания являются стандартные синтаксические конструкции с отрицательным значением» [2]. В рамках настоящей статьи представим некоторые модели имплицитного отрицания. Как полагает М. В. Зеликов: «Одной из отличительных черт модальности испанского высказывания является возможность одновременного использования моделей эксплицитного и имплицитного отрицания» [4. С. 28]. Например, испанские глаголы *faltar*, *carecer* в тексте ГК Испании содержат компонент с семантикой отрицания и «благодаря своей семантике имплицитно выражают отрицание, являясь, таким образом, его лексической

Элементы отрицания и условной конструкции

Список частотных слов испанского языка	Código Civil (131 000 слов)	Ley de Enjuiciamiento Civil (210 484 слов)	Código Penal (118 230 слов)	La tabla de Flandes (117 823 слов)	Victus (207 207 слов)
место	место	место	место	место	место
3. no	15. no	15. no	24. no	11. no	11. no
23. si	17. si	19. si	26. si	20. si	22. si
47. cuando	22. cuando	25. cuando	25. cuando	36. cuando	26. cuando
52. o	8. o	11. o	3. o	25. o	27. o
98. sin	30. sin	34. sin	46. sin	30. sin	29. sin

разновидностью» [Там же. С. 34]. М. В. Зеликов также считает: «Предложения, в которых употребляются данные глаголы, следует выделить в особую группу имплицитно-отрицательных именно на основании близости этих глаголов как к глаголам с имплицитно-отрицательной семантикой, так и к глаголам, выражающим необходимость» [Там же. С. 35].

Приведем пример использования глагола с семантикой имплицитного отрицания *carecer* в тексте ГК Испании.

Пример 1 из ГК Испании: *Artículo 1. 1. Las fuentes del ordenamiento jurídico español son la ley, la costumbre y los principios generales del derecho. 2. Carecerán de validez las disposiciones que contradigan otra de rango superior* (Статья 1. Источники права в Испании. 1. Источниками законодательства Испании являются статуты, обычные права и общие принципы права. 2. Любые нормативные акты, противоречащие вышестоящим источникам, являются недействительными).

Направленность правовой нормы в будущее передается формой глагола *carecerán* (*Futuro Imperfecto Indicativo Activo* — будущее незавершенное время, изъявительное наклонение).

Пример 2 из ГК Испании: *Artículo 9. <...> 10. Se considerará como ley personal de los que carecieren de natsionalidad o la tuvieren indeterminada, la ley del lugar de su residencia habitual* (Статья 9. <...> 10. Право на постоянное место жительства считается личным правом для лиц без гражданства или с неопределенным гражданством).

В примере глагол употреблен уже в другой временной форме — *carecieren* (*Futuro Imperfecto Subjuntivo Activo* — будущее незавершенное время, сослагательное наклонение). *Futuro imperfecto de subjuntivo* выражает незаконченное действие, относящееся к настоящему или будущему момен-

ту, и используется в книжной речи. Это время может употребляться в договорах, законодательных актах и прочих официальных документах.

Отметим многочисленную группу рестриктивных конструкций в тексте испанских законов, выражающих семантику отрицания. Предлог и союз *sin* — 365; наречие *sólo* — 220; предлог и союз *sino* — 88; наречие *solamente* — 15. Для испанского языка установлено, что «ядерным лексическим показателем ограничительного значения в испанском высказывании является частица *solamente* (*sólo*)... глагольные конструкции с ограничительным значением *no + V + más que* и *no + V + sino*... понятие ограничения в языке строится на утверждении эксплицитного члена и отрицании имплицитных... в рестриктивной конструкции отрицание имплицитного содержания выражено эксплицитно частицей *no*» [12]. Следует отметить, что рестрикция в установленных нами случаях может ограничивать не только отрицание, но и утверждение.

Заключение

В испанском языке, как и в тексте законов на испанском языке, наречие *no* является основным эксплицитным средством выражения отрицания. Наречие *no* занимает третье место в рейтинге частотности слов испанского языка, что сближает по этому показателю с такими языками, как польский и русский. В русском языке частица *не* занимает третье место [7], в польском *nie* занимает четвертое место [13]. В тексте законов Испании, таких как Гражданский кодекс (частица *no* 15-е место), Гражданско-процессуальный кодекс (*no* — 15-е место), Уголовный кодекс (*no* — 24-е место), происходит заметное снижение употребления наречия *no*. В немецком языке, как и в тексте законов, отрицательная частица *nicht*

является основным эксплицитным средством выражения отрицания. При этом частотность употребления эксплицитных средств выражения отрицания, такого как *nicht* (17-е место в немецком языке), поднимается на 10-е место в тексте Германского Гражданского кодекса, на 13-е место в Австрийском Гражданском кодексе. Отто Есперсен полагал, что многократное отрицание «становится обычным только в тех языках, где отрицательный элемент имеет сравнительно малый фонетический вес, например: *ne* или *n-* в древнеанглийском, во французском, в славянских языках, *en* или *n-* в средневерхненемецком (и средненижненемецком), *ou* в греческом языке, *s-* или *n-* в венгерском языке. Они легко притягиваются к различным словам... и невесомость этих начальных звуков или слабоударных слогов вызывает желание увеличить их число в предложении, чтобы они не остались незамеченными» [5. С. 385].

Более частое использование семантических примитивов типа *cuando* (когда/если), *o* (или) в тексте законов на испанском языке объясняется следующим. Тексты законов нуждаются в «простых» семантических примитивах, выражающих отрицание, причинность и *условную конструкцию правовой нормы*. Результаты настоящего исследования получены «на основании простого наблюдения» [1. С. 332] за текстами законов на испанском языке, тем не менее это придает «определяемой таким образом программе исследования строго эмпирический характер» [Там же]. Один из выводов настоящего исследования заключается в том, что отрицание в тексте испанского закона кодируется законодателем и затем декодируется получателем с учетом синтаксических отношений внутри рамки *условной конструкции правовой нормы*, в которой сложные единицы образуются композиционно, как сумма простых, с учетом их синтаксических отношений, вслед-

ствие взаимопроникновения своих составных компонентов. Использование в качестве основного эксплицитного средства выражения наречия *no*, обладающего малым фонетическим весом в тексте испанских законов, с одновременным снижением употребления местоимений, наречий с отрицательной семантикой по сравнению с частотностью слов испанского языка объясняется следующим. Язык законов в силу своей сложности требует внимательного прочтения со стороны читателя, а в некоторых случаях специалиста в области права. Для такого читателя нет необходимости в многократном дублировании отрицания или его эмфатическом употреблении (как, например, в устной речи). Следовательно, снижается количество употреблений отрицательных элементов в языке испанских законов. Снижение количества употреблений отрицательных элементов в тексте закона происходит в польском и русском языках (хотя и не в такой степени). В тексте Гражданского кодекса РФ количество употреблений отрицательной частицы *не* снижается с третьего до четвертого места. В Польском Гражданском кодексе частотность *níe* снижается с четвертого до шестого места.

Сравнение ядерных средств выражения отрицания в текстах законов на четырех языках (испанском, немецком, русском, польском) указывает на следующую тенденцию. Элементы отрицания, часто используемые в языке (испанский, польский, русский), в языке законов используются реже. И наоборот, элементы отрицания, используемые в языке не так часто (как в немецком языке), в тексте законов увеличивают частотность для повышения точности отрицания. Установлена тенденция увеличения количества употреблений элементов отрицания в текстах испанских законов и в текстах литературных произведений по сравнению с частотностью испанского языка.

Список литературы

1. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. — М. : Рус. словари, 1996. — 416 с.
2. Ворожищева, Т. А. Нестандартные модальные конструкции отрицания в современном испанском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Ворожищева. — СПб., 2006. — 16 с.
3. Глушук-Олея, А. И. Теоретические основы изучения категории отрицания испанскими грамматиками / А. И. Глушук-Олея // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. — Новосибирск : СибАК, 2013. — С. 97—101.
4. Зеликов, М. В. Синтаксис испанского языка: Особенности структуры предложений по характеру коммуникативной установки и цели высказывания / М. В. Зеликов. — СПб. : КАРО, 2005. — 304 с.
5. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен ; пер. с англ. В. В. Пассека [и др.]. — М. : Изд-во иностр. лит., 1958. — 400 с.

6. Ламина, К. В. Из истории испанских отрицаний (Наречие *tampoco* 'также не') / К. В. Ламина // Романские языки в прошлом и настоящем : сб. ст. к 80-летию проф. Т. А. Репиной / отв. ред. Т. И. Зеленина. — СПб., 2007. — 353 с.
7. Ляшевская, О. Н. Новый частотный словарь русской лексики (на материалах Национального корпуса русского языка) / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. — М. : Азбуковник, 2009.
8. Мед, Н. Г. Экспрессивное отрицание в диалоге (на материале испанской и португальской разговорной речи) / Н. Г. Мед // Логический анализ языка. Ассерция и негация / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М. : Индрик, 2009. — 506 с.
9. Падучева, Е. В. Отрицание (2011) [Электронный ресурс] / Е. В. Падучева // Проект корпусного описания русской грамматики. — URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения 11.10.17).
10. Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. — М. : Азбуковник, 2010. — 584 с.
11. Типология условных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. — М. : Наука, 1998. — 584 с.
12. Филиппова, Т. Н. Формально-семантический и прагматический аспекты функционирования рестриктивных высказываний (на материале русского и испанского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Н. Филиппова. — Воронеж, 1996. — 19 с.
13. Indeks: Polski — Najpopularniejsze słowa 1-1000 wersja Jerzego Kozojcia [Электронный ресурс]. — URL: <http://pl.wiktionary.org/wiki> (дата обращения 11.10.17).
14. Nueva gramática de la lengua española: manual. Asociación de Academias Americanas y Real Academia Española. — Espasa Libros, S.L.U., 2010. — 1094 p.
15. Real Academia Española [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rae.es/noticias/la-rae-y-el-cgpp-presentan-el-libro-de-estilo-de-la-justicia> (дата обращения 11.10.17).

Сведения об авторе

Зверев Александр Георгиевич — аспирант кафедры английского языка, Институт социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета. Тюмень, Россия. antikrizis00@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 120—127.*

THE CONSTRUCTION OF NEGATION IN THE LAW IN SPANISH

A.G. Zverev

Tyumen State University, Tyumen, Russia. antikrizis00@list.ru

The legal language not only describes and explains the world, but also the effectively designs a reality. The task is to identify the essential characteristics of the texts of laws in Spanish when forming the constructions of negation. The characteristics of negative constructions are revealed by comparing the texts of laws in Spanish with novels in Spanish. The frequency of words forming a construction of negation is compared to the results of the study of legal texts in Russian, Polish and German. In the course of the study, quantitative data were obtained, confirming the similarities and differences in the Spanish language with legislative texts and novels. The hypothesis of the present study is that the number of elements of negation in the text of the Spanish-language law will be significantly less in comparison with the means of negation in the Spanish language. The increase in the limited set of negation elements in the texts of Spanish laws is proved, in comparison with the frequency of the means of negation in the Spanish language and the decrease in the total number of elements and constructions of explicit negation. The study describes the grammar of the conditional construction of the legal norm, within which elements of negation and elements of the restriction structure are realized.

Keywords: *negation, legal norm, the functional-semantic category, conditional construction, grammar of constructions, semantic primitives.*

References

1. Vezhbitskaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, 1996. 416 p. (In Russ.).

2. Vorozhishcheva T.A. *Nestandardnye modal'nye konstruksii otritsaniya v sovremennom ispanskom yazyke* [Non-standard modal constructions of negation in modern Spanish. Abstract of thesis]. St. Petersburg, 2006. 16 p. (In Russ.).
3. Glushchuk-Oleya A.I. *Teoreticheskiye osnovy izucheniya kategorii otritsaniya ispanskimi grammatikami* [Theoretical basis for studying the category of negation by Spanish grammars]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [In the world of science and art: questions of philology, art criticism and culturology]. Novosibirsk, 2013. Pp. 97—101. (In Russ.).
4. Zelikov M.V. *Sintaksis ispanskogo yazyka: Osobennosti struktury predlozheniy po kharakteru kommunikativnoy ustanovki i tseli vyskazyvaniya* [The syntax of Spanish: structure of proposals on the nature of the communicative setting and purpose of communication]. St. Petersburg, 2005. 304 p. (In Russ.).
5. Espersen O. *Filosofiya grammatiki* [Philosophy of grammar]. Moscow, 1958. 400 p. (In Russ.).
6. Lamina K.V. *Iz istorii ispanskikh otritsaniy (Narechiye tampoco 'takzhe ne')* [From the history of Spanish negations (adverb tampoco 'also not')]. *Romanskiye yazyki v proshlom i nastoyashchem* [Romance languages in past and present]. St. Petersburg, 2007. 353 p. (In Russ.).
7. Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. *Novyy chastotnyy slovar' russkoy leksiki (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [New frequency dictionary of Russian vocabulary (on the materials of the National Corps of the Russian language)]. Moscow, 2009. (In Russ.).
8. Med N.G. *Ekspressivnoye otritsaniye v dialoge (na materiale ispanskoy i portugal'skoy razgovornoy rechi)* [Expressive negation in dialogue (on a material of the Spanish and Portuguese colloquial speech)]. *Logicheskiy analiz yazyka. Assertsiya i negatsiya* [Logical analysis of the language. Assertion and negation]. Moscow, 2009. 506 p. (In Russ.).
9. Paducheva Ye.V. *Otritsaniye* [Negation] (2011). *Proekt korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki* [Project of the structural descriptions of Russian grammar]. Available at: <http://rusgram.ru>, accessed 11.10.2017.
10. Rakhilina Ye.V. (ed.). *Lingvistika konstruksiy* [Linguistics of constructions]. Moscow, 2010. 584 p. (In Russ.).
11. Khrakovskiy V.S. (ed.). *Tipologiya uslovykh konstruksiy* [Typology of conditional constructions]. Moscow, 1998. 584 p. (In Russ.).
12. Filippova T.N. *Formal'no-semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekty funktsionirovaniya restriktivnykh vyskazyvaniy (na materiale russkogo i ispanskogo yazykov)* [The formal-semantic and pragmatic aspects of restrictive statements (based on Russian and Spanish languages). Abstract of thesis]. Voronezh, 1996. 19 p. (In Russ.).
13. *Indeks: Polski — Najpopularniejsze słowa 1-1000 wersja Jerzego Kazojcia*. Available at: <http://pl.wiktionary.org/wiki>, accessed 11.10.2017. (In Polish).
14. *Nueva gramatica de la lengua española: manual. Asociatsion de Academias Americanas y Real Academia Española*. Espasa Libros, S.L.U., 2010. 1094 p. (In Spanish).
15. *Real Academia Española* (2010). Available at: <http://www.rae.es/noticias/la-rae-y-el-cgppj-presentan-el-libro-de-estilo-de-la-justicia/>, accessed 11.10.2017. (In Spanish).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ РЕЧЕВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ СЕТЕВЫХ СМИ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

Е. В. Карпова

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия

Статья посвящена исследованию средств речевой выразительности, используемых в сетевых СМИ Республики Марий Эл. Средства речевой выразительности — тропы и фигуры — являются сильным стилистическим приемом и одновременно средством повышения эстетического уровня текста. СМИ во все времена стремились к экспрессивности высказываний. Касается ли и в какой мере данное утверждение сетевых СМИ — этим вопросом задается автор статьи. Анализируются изобразительно-выразительные средства в текстах пяти интернет-СМИ Республики Марий Эл, выделяются наиболее специфические тропы и фигуры: жаргонизмы, сленговые выражения, сетевая лексика и языковые элементы, несвойственные традиционным журналистским текстам.

Ключевые слова: *сетевые СМИ, Интернет, онлайн-СМИ, сайт, жаргонизм, сленг, сетевой текст, публицистика.*

Сетевые СМИ прочно вошли в систему средств массовой информации, став неотъемлемой частью потока информации, воздействующего на аудиторию. Большинство сетевых СМИ объединяет использование их авторами веб-текста, который представляет собой журналистский или авторский материал, написанный по законам сети Интернет. Данные законы зачастую отличаются от правил печатных СМИ, что связано с техническими особенностями носителя информации, которыми выступают персональные компьютеры, ноутбуки, смартфоны и т. д. Глаза читателя, воспринимающие текст с экрана, устают и переутомляются гораздо быстрее, чем если бы они воспринимали текст с газетного листа. Из-за этого, а также из-за иных физических и психологических особенностей восприятия текста с экрана монитора, сетевой текст имеет ряд специфических особенностей [3]. А. Н. Гильманова в своих исследованиях уточняет, что при этом мультимедийные возможности сетевого пространства значительно влияют на формы медиатекста, делая их синтетическими по техническому воплощению [2. С. 22].

Тексты сетевых СМИ уже несколько лет представляют интерес для исследователей, которые считают их особым видом журналистского творчества [6]. Так, А. Тишков утверждает, что «Интернет — это не другая реальность с уникальными правилами, а всего лишь среда, добавляющая свои особенности к уже существующим правилам. Именно поэтому текст в Интернете,

сохраняя базовые особенности, воспринимается иначе, чем на традиционных печатных и рукописных носителях. Поэтому же большая часть изменений, связанных с восприятием текста, происходит в основном за счет форм» [11]. С этим утверждением автора нельзя не согласиться, поэтому идея изучения изобразительно-выразительных средств, использующихся в сетевых публикациях, представляется актуальной.

Еще во 2-й пол. XX в. В. Г. Костомаров выделил основную черту газетного языка: стремление одновременно к стандартизованности и к экспрессивности. Действительно, принципом организации текста в СМИ является чередование стандартных и экспрессивных сегментов текста. Под стандартизованностью понимаются немаркированные языковые единицы, существующие в готовой форме, воспринимаемые однозначно и легко переносимые из текста в текст. Экспрессивные сегменты — это маркированные элементы медиатекста, выражающие авторское отношение к содержанию высказывания и его оценку [7].

Широкие возможности для реализации этого свойства представляют средства речевой выразительности — тропы и фигуры. Существует множество средств речевой выразительности, с помощью которых журналист пытается привлечь внимание читателя, расставляя логические акценты и экспериментируя с языком. Причем зачастую даже самый поверхностный анализ текстов СМИ указывает на грамматические

и семантические аномалии. Причем, по наблюдениям Т. Н. Ворониной, если раньше найти отступления от нормы можно было в основном в региональных СМИ, то сегодня та же картина — в московских изданиях [1. С. 213].

Под средствами языковой выразительности принято понимать изобразительно-выразительные средства русского языка, многочисленные и разнообразные. Если художник передает красоту материального и духовного мира посредством красок, линий, цвета, то мастер слова передает красоту материального и духовного мира с помощью слова, лексических, синтаксических, морфологических, стилистических возможностей языка [4].

Проблему употребления средств речевой выразительности в прессе изучает М. Ю. Казак. Среди активных процессов, происходящих в русском языке, он выделяет: 1) взаимонаправленное движение центральных и периферийных лексических пластов (деактуализация слов и значений, отражающих советские реалии; актуализация историзмов, архаизмов, высокой, профессиональной лексики); 2) изменение оценочного компонента значения: позитивного — нейтрального — негативного (советизмы, деидеологизация лексики и др.); 3) изменение стилистической окраски (специализация значений, деспециализация терминов; своеобразная «мелиорация» жаргонизмов, арготизмов); 4) расширение лексического состава за счет внешнего заимствования (американизмы); 5) активизация словообразовательных процессов, речетворчества; 6) семантические преобразования актуализированных языковых единиц, расширение лексико-семантической структуры слов, повышенная метафоризация. [6. С. 26—27] Нашли ли отражение данные процессы в языке СМИ, в частности в онлайн-пространстве?

В последние годы исследователями и самой аудиторией СМИ отмечено, что произошло освобождение языка от строгой нормированности, штампованности, зажатости. Однако в то же время на страницах периодических изданий появились периферийные формы языка — просторечия и жаргоны. При этом необходимо отметить, что они негативно воспринимаются большинством исследователей. Многие журналисты рассматривают их как яркие средства языковой экспрессии, забывая при этом о том, что от частого и повсеместного употребления эти слова перестают осознаваться как стилистически окрашенные, приобретая в сознании общества статус «обычных» литературных слов [8].

Последние десятилетия язык сетевых СМИ также изучается весьма активно. Так, Т. Б. Карпова, рассматривая заголовки и содержание онлайн-публикаций конца 2010-х гг., отмечает характерную эпатажность их языка, которая выражается в особом использовании прецедентных высказываний (согласно В. Г. Костомарову и Н. Д. Бурвиковой, автор называет их логоэпистемами и логоэпистемоидами), иронии, заголовков, состоящих из двух стилистически неоднородных частей [5. С. 36—38].

Г. Тимофеева выделяет подобные языковые особенности сетевой публицистики: внедрение в лексику сетевой публицистики большого числа англицизмов, появление большого количества сокращений от слов, широко употребляемых в интернет-среде, а также производных от этих слов, широкое распространение сетевых жаргонизмов, расширение семантического значения ряда слов, намеренное слияние отдельных словосочетаний в сложносоставные слова, использование графических элементов, выражающих эмоции автора, — смайликом, комбинаций скобок и т. п. [10]. С. К. Шайхитдинова делает соответствующий вывод по текстообразованию в онлайн-медиа: «В медиасфере это [привычка к канону] отражается, к примеру, на игнорировании принятых прежде правил текstopорождения, на полном подчинении структурам, которые технологически задаются новыми медиа» [12].

В рамках настоящего исследования произведен анализ публикаций сетевых СМИ Республики Марий Эл с целью выявления средств речевой выразительности — троп и фигур — региональных онлайн-медиа. Для анализа были отобраны следующие СМИ: сайты газет «Красный город», «Йошкар-Ола», «Марийская правда»; ИА «MediaPotok», интернет-журнал «Арслан».

Анализ осуществлялся согласно следующим критериям:

- тип сообщений — новостные публикации;
- тип продуцента — сайты сетевых СМИ Республики Марий Эл;
- место распространения — Интернет, Рунет;
- способ распространения — публикация на сайте;
- время появления сообщений — 2016 г.

Проанализировано 50 публикаций каждого сетевого СМИ. Необходимо отметить, что единое время появления сообщений (2016) позволило сделать также и определенный сравнительный анализ публикаций на разных сайтах по одинаковым информационным поводам (например,

уголовное дело, заведенное на мэра столицы республики, публичные слушания, касающиеся расположения рюмочных в городе, и т. д.). В ходе анализа получены следующие результаты:

Сайт газеты «Красный город». В 50 публикациях найдено 13 жаргонизмов и сленговых единиц: «В своих доводах **нажимал** на то, что...» (то есть настаивал), «Павел Плотников 24 ноября 2015 года направил председателю горсобрания письмо, в котором попытался **откреститься** от квартиры», «сотрудники в шоке», «Полиция **прошляпила** криминального авторитета», «За торговлю **«липовыми»** больничными листами», «Тем, кто **клюнул** на эти объявления, они представлялись сотрудниками банка», «Публичные слушания по **«наливайкам»** в Йошкар-Оле назначили на утро пятницы», «**Обязаловка** по установке газовых счетчиков в Йошкар-Оле отменяется». В частности, журналистами употребляется криминальный жаргон: «Полиция попыталась его **«отмазать»**», «**«Крышевал»** за мзду», «Мэра **«заказали»** через Москву», «Возможно, он и не знает о том, что на воле **«раскручивается»** версия о голодовке»; «Накануне суда в редакцию из администрации г. Йошкар-Олы пришло письмо, в котором от бывшего мэра **открестились** как от чумного, мол, такой у нас больше не работает».

Далее по частоте употребления следует такой литературный прием, как **ирония** (7 единиц): «Павел Плотников на момент сочинения претензий к газете являлся высшим должностным лицом муниципальной власти города, поэтому **должен быть морально готов** к тому, что СМИ будут публиковать его снимки без предупреждения», «Женину отпустили домой, видимо, под **честное самурайское**» (после нападения на мужа с японским мечом); «Через неделю он снова окажется на свободе и сможет поправить пошатнувшееся здоровье привычными лекарствами» (о наркомане, выпущенном из тюрьмы); «В мэрии **перевозбудились** и буквально оборвали редакторский телефон», «Орфография и пунктуация **«рупора мэрии»** сохранены» (о пресс-релизе пресс-секретаря мэрии); «Один **престарелый товарищ**» (о пожилом человеке), «Да **простит** нас за наш **французский словарь Microsoft Word...**» (об использовании в материале таких слов, как «грейдование» и «пескование»); «Гаев жил **аки «гражданин мира»**» (о преступнике).

В публикациях сайта присутствуют **просторечные** слова и выражения (5 единиц): «Начали

названивать по редакционному номеру», «**Забавно**, но после того, как прокуратура внесла представление в собрание депутатов г. Йошкар-Олы в отношении градоначальника, Павел Плотников 24 ноября 2015 года направил председателю горсобрания письмо...», «Специалисты, которые, скорее всего, помогли **тогдашнему** мэру составлять иск, теперь не знали, что делать с отзывом»; «Оказывается, УДО себе **ушлый** пенсионер Ёлкин все-таки купил». В частности, присутствуют примеры грубовато-экспрессивной лексики: «Пенсионер, **угробивший** свою мать в Марий Эл, по итогам разбирательства не пострадает».

Присутствуют **гиперболы** (2 единицы): «Кулинарный **апокалипсис** случился в Марий Эл» (о кулинарном конкурсе), «Вдобавок к 11 месяцам лишения свободы в колонии строгого режима 50-летний **«вор в законе»** Юрий Гаев получил **не менее жуткий штраф** — в размере 50 тысяч рублей» (здесь гипербола используется в совокупности с иронией, так как сумма для преступника небольшая). Используется в материалах сайта и **разговорная лексика** (1 единица): «Популярность главе Марий Эл прибавила скандальная видеозапись из д. Шимшурги Звениговского района, ну, и его победа на губернаторских выборах».

Возвышенная лексика имеет, как правило, ироничную окраску (1 единица): «Позвонила возмущенная **дама**». Кроме того, в публикациях присутствует **юмор** (1 единица): «Принять участие в выставке могут любые **шкурки и чучела, точнее, их владельцы**». Используется официально-деловой стиль, в частности канцеляризм из пресс-релизов (1 упоминание): «в неправомерном завладении государственным регистрационным знаком транспортного средства, совершенном из корыстных побуждений».

Названия статей информативные, без иносказаний, составленные по принципу «Подлежащее — сказуемое» — «Длительными свиданиями в колониях Марий Эл будет заведовать компьютерная программа», «В Марий Эл 33-летний мужчина ограбил первоклассницу». Однако и в заголовках материалов встречаются **жаргонизмы** (3 единицы): «Супруги-пенсионеры из Йошкар-Олы устроили дома самурайскую **разборку**», «Троица мошенников из Татарстана **дурила** жителей Йошкар-Олы с кредитами», «Кредитные аферистки **«окучивали»** жителей райцентров Марий Эл».

Следует отметить уникальную особенность текстов сетевых СМИ, не встречающуюся ранее в традиционных СМИ. Это **зачеркнутый текст**. Его используют, когда хотят донести скрытый смысл фразы или сказать что-то неуместное и возможно, ироничное. Как показал анализ текстов, сетевые СМИ в настоящее время также начали использовать зачеркнутый текст в своих публикациях (1 единица): «В мэрии же, наконец, поняли, над кем шутят распоясавшиеся журналисты, и решили обрушить всю тяжесть муниципального гнева. Поручили ~~дедушке~~ девушке, у которой с юмором, похоже, как и у товарища, — не очень».

Сайт газеты «Йошкар-Ола». В публикациях сайта присутствует значительно меньше жаргонизмов и сленгизмов, нежели в материалах сайта газеты «Красный город» (2 единицы): «Не до княжеских **разборок**», «Закон о **“наливайках”**». Более активно используются **просторечные** слова и выражения (3 единицы): «Можно **скатиться** до...», «**Да так и остались**», «Тут вообще **диву даешься**». Некоторые материалы написаны в **разговорном** стиле (2 материала): «А что в сфере услуг? Недавно одна моя знакомая... <...> Правда, знакомой моей сделали скидку. В общем, здесь пока цены не изменились. Теперь о том, какова стоимость ремонта обуви на центральном рынке».

Заголовки статей содержат **фразеологизмы** (6 единиц): «Смотрели, не скрывая слез», «Коварного врага научились побеждать», «Когда быют и лежащего», «Где ум быстрее тела», «Зима пощадила хоккеистов», «Сладкая сказка — бизнес-быль». В заголовках также встречаются **прецедентные высказывания** (или **логоэпистемы**, согласно В. М. Костомарову): «О глухом котенке замолвите слово», «Главное, ребята, не желтеть» (2 единицы). Задаются **риторические вопросы** (3 единицы): «Чем хороша выставка “Волга молодая” 2015 года?», «Что можно узнать из устных рассказов об Акпарсе?», «Так значит, Акпарса не было?». Встречается **завышенная лексика** (1 раз): «В образе героя, спавленном из мириад золотинок народной памяти...».

Уникальной особенностью языка данного СМИ являются собственные обороты, понятные только постоянным читателям. Так, например, свою газету «Йошкар-Ола» журналисты на сайте называли «Й» (1 раз): «В статье, которая была опубликована в номере “Й” от 29 июля...».

Сайт газеты «Марийская правда». В публикациях присутствуют **жаргонные** слова (3 едини-

цы): «И они не **подкачали**», «На жителя Чувашии в Марий Эл завели уголовное дело за попытку **“мирно разрулить”** инцидент с ремнями безопасности», «Теперь в течение трех недель она проведет на **“игле”**». Однако их не так много, как на сайте газеты «Красный город». В материалах встречается **сетевой сленг** (4 единицы): «Мы открыли первое в городе официальное место для **селфи** — знак **“Обнимашек”**», «**Флешмоб**, викторины, конкурсы, **селфи**, барабан желаний».

Используются **фразеологизмы** (1 раз): «В Марий Эл чиновников, не захотевших раскрыть свои **“финансовые тайны”**, **“вывели на чистую воду”**».

В ходе анализа найдены **просторечные** слова и выражения (5 единиц): «**Нынче тесновато**, прямо скажем», «**Уж кто-кто**, а омовцы знают», «Кто-то опасается, что нужные государству сведения из него будут чуть ли не **выколачивать дубинками**», «**Так-то** лед уже встал», «Мы, **было**, пошутили...». Используются **междометия** (1 единица): «Эх, мало он женщин повидал на своем веку, по всей видимости...».

Присутствует в материалах сайта и **сниженная лексика** (1 раз): «Нарисовав что-то вроде мужичка с бородой, **надирающего зад бумагомаракам**».

Отмечена уникальная особенность текстов анализируемого сайта — в материалах используются слова на марийском и татарском языках (5 раз): «В Марий Эл поборются за приз Деда Мороза, выберут лучшего снеговика, а также отметят **“Шорыкйол”** (Овечья нога); «Главным призом победителю на праздниках **“Пеледыш пайрем”**, **“Сабантуй”** и **“Русская березка”** в Йошкар-Оле стал живой баран» (праздник цветов), «Татаро-башкирская борьба **куреш**», «**батыр**».

В статьях присутствуют **риторические вопросы** (2 вопроса): «Так не лучше ли проявить сознательность сразу и не доводить дело до крайностей?», «Неужели это можно назвать чувством юмора?», **риторические восклицания** (1 восклицание): «А как иначе!».

Найдены повторы и использование однокоренных слов для усиления приема (1 раз): «Такая вот **благодарительная** акция. **Благодарительная** и **благородная**».

Заголовки материалов также содержат свои собственные экспрессивные обороты, такие как **завышенная лексика** (1 единица): «Омовцы своей кровью подтвердили святую миссию защитников и спасителей людей», а также **разговорные** формулировки, в частности использование

сказуемого, обстоятельства в конце предложения (3 раза): «В Йошкар-Оле воры уже до лифтов **добрались**», «В Марий Эл полиция настоятельно рекомендует жителям республики тщательно присматривать за своими вещами, потому что воры **кругом**», «В Звениговском районе Марий Эл полицейские крушат игровые автоматы, разом 24 штуки **уничтожено**».

Используются **канцеляризмы** из официально-делового стиля (1 раз): «Если в установленном порядке запрещена перевозка в транспортных средствах детей без предоставления им отдельных мест для сидения, пассажир имеет право перевезти с собой двух детей в возрасте не старше двенадцати лет с предоставлением им отдельных мест для сидения за плату, размер которой не может составлять больше чем пятьдесят процентов».

Журналисты употребляют в материалах и **ироничные** высказывания (4 единицы): «Наконец-то **дошли руки** у дорожников и до улицы Кирова», «В Йошкар-Оле **жизнь налаживается**, уже и на улице Кирова дорогу ремонтируют». С иронией соседствует завышенная лексика для усиления эффекта: «Столица Марий Эл стараниями властей превращается в **жемчужину** Поволжья, и **негоже**, если эта **жемчужина** будет лежать в **обрамлении** разбитого асфальта, ям и колдобин», «Рады автомобилисты, которым **волею судьбы** приходилось рассека́ть пространство по этой улице».

В тексте статьи найден 1 каламбур: «Потом забралась в карманы брюк и нацупала 7000 рублей, а также сотовый телефон, которые, вероятно, также посчитала “платой за женское внимание” и **прихвати́зировала**».

При анализе обнаружено 1 упоминание субтопонима Йошкар-Олы: «Следственное управление СК по Марий Эл: личность погибшего утром у “**дома-бабочки**” установлена» (жилой дом, вид которого сверху напоминает бабочку).

Интернет-журнал «Арслан». В журнале используются устойчивые выражения на марийском языке (2 единицы): «Пагалыме **марий калык!**» (Уважаемый **марийский народ!**); «**Марий калыкна** шушаш ийыште у куат дене ончыко каяш **тўнгалеш, шонем**» (Думаю, что наш **марийский народ** в грядущем году будет идти вперед с новой энергией).

В обращениях высокопоставленных лиц встречаются **эпитеты** и **возвышенная лексика** (5 единиц): «Эртыше ий мыланна ятыр сай-

жымат, нелылыкымат конден. Туге гынат тиде пайрем кечын у ийым ме кажныже у **ўшан дене тўнгалына**» (Прошедший год нам принес много хорошего и тяжелого. Тем не менее в этот праздничный день новый год каждый из нас начинает с **новой надеждой**); «Тек **марий тўня мучко** шукрыак у тўнеж-влак почылтыт, сай наша верым пуышо предприятий-влак ешаралтыт, яллаште у газ пуч ден асфальт корно-влак чонгалтыт» (Пусть **на весь марийский мир** откроется больше учреждений, прибавится предприятий, которые дают хорошие рабочие места, в деревнях строятся газопроводы и асфальтовые дороги); «У ийыште кажне кече нимучашдыме чолгалыкым да пиалым кондыжо, **чондам ласка кумыл рўпшыжō** да кажне волгыдо шонымашдам шуктен толжо»» (В новом году каждый день пусть приносит яркий свет и счастье, **ваши души пусть овекает нежность** (рўпшаш — букв. «укачивать»)), и пусть все ваши светлые мечтания исполнятся); «Тидыже мемнан республикыштына **сылнымут намаш да усталык шўлыш тўвырген толмо нерген ойла**» (Это говорит о том, что в нашей республике **родник литературы и дух творчества** зреет); «Чонышто ала-могай **умылыдымо вий озалана**» (Душой овладевает **какая-то непонятная сила**).

Журналисты используют в статьях **устойчивые** выражения (2 единицы): «**Вуйым сакен шинчаш** жап ыш лий» (Не было времени сидеть **повесив голову**); «Тидлан ме акрет марий калыклан **мланде марте вуйнам савена**» (За это мы древнему марийскому народу **кланяемся до земли**).

Присутствуют в текстах **аллегории** (1 единица): «Тек шочмо йылмына, марий тўвырана да кугезе йўлана калыклан чоныштыжо **сескемалт йўлат** да марий улмына дене кугешнаш таратат» (Пусть наш родной язык, марийская культура и традиции наших предков **сверкают искрами** (сескемалт йўлат — букв. «гореть, искряться») в душе нашего народа и побудят гордиться тем, что мы — марийцы).

В статьях встречаются **риторические вопросы** (1 единица): «Тиде мурым могай марий еҥ ок пале?!» (Какой **мариец** не знает этой песни?!), **сравнения** (1 единица): «Пытартышлан дефиле лие, ўдыр-влак мотор кас тувыр дене **сценыште лывыла ийыч**» (В конце было дефиле, девушки в красивых вечерних платьях на сцене порхали **бабочками**). В марийском языке нет слова «порхать», поэтому использовано «ийыч» — плавали; **риторические восклицания** (и **гиперболы**)

(2 единицы): «Теве кенгеж пагытым налаш — кушко гына ышна мий!» (Вот взять, к примеру, лето — где мы только не были!); «Туге гынат марий ўдыр деч чаплым **тўняштыжат от му!**» (Тем не менее лучше марийской девушке **не най-ти во всем мире!**); «Увертарымекышит, шўем **кум пачаши писынрак кўлткаш тўнгылмыла чучо**» (После объявления сердце мое, кажется, стало биться **в три раза чаще**).

В тексте статьи найдены «смайлики», или «эмодзи» (1 раз) (обозначения улыбок, составленные из знаков препинания): «Умбакеже рушла:»).

Используются в материалах и **архаизмы** (2 единицы): «**Кепшылым руымо** йўлам ончык-тышым» (название малоизвестного древнего марийского обряда «**разрубание пут**» новорожденному); «**лужашите лийым**» (была в отряде). Здесь используется древнее марийское военное слово «лужа», обозначающее воинское подразделение, ближе к русской «дружине» или «сотне», для названия лагерного «отряда».

В статьях встречаются **метафоры** (1 единица): «Мемнан шочмо марий йылмына ий гыч ийыш **тўзланаши тўналеш** манын, ўшанен кодына» (Надеемся, что наш родной марийский язык из года в год **будет расцветать**).

Для марийского языка сегодня характерно использование **неологизмов** (2 единицы): «**Шанче да тўвыра** пашаен-влак веле огыл» (Не только деятели **науки и культуры**), авторских неологизмов, или **окказионализмов**: «**сылнымут-сылнысем** йўд лиеш» (пройдет **литературно-музыкальная ночь**). «Сылнымут» — неологизм для определения «литературы», дословно переводится как «хорошее слово», и автор по аналогии придумал слово «сылнысем», дословно — «хорошая музыка»; «**Ончылъен**» (**представитель**). Ончыл — передний, передовой, ен — человек.

Найдено небольшое количество местных **жаргонизмов** (1 единица): «**Шемер калык**» («**трудовой народ**»), но только в отношении марийцев. Можно сравнить с пролетариями, рабочим классом в Советском Союзе).

Сайт ИА «MediaPotok». В публикациях присутствуют **жаргонизмы** (2 единицы): «Стричь здесь тебя будут долго, дорого и **офигенно**», «Очень не **напрягает** дизайн интерьера. Именно не **напрягает**».

Значительно больше в текстах **просторечных** слов и выражений (11 единиц): «Кто-то из присутствующих высказал мысль, что это связано с исчезновением **мэра, мол, все ушли его искать**»,

«В перевес, для красивой картинки, пропустят спокойненьких и не зубастых, **якобы**, оппонентов. Последние устроят псевдоконкуренцию — **помашут** руками, красиво поговорят и **побьют себя кулаком в грудь...**», «Со всех сторон начнут **талдычить**: “Надо было работать раньше!”», «Чем хуже товар, тем **нахальнее** и навязчивее нам его **“впихивают”**», «К месту ли, неуместно ли, лишь бы покрасоваться и **“вдолбить”**», «**Занятно**, что...», «С твоей головой **возьтятся** так, что ты забываешь о проблемах», «До недавнего времени считалось, что **мужику** думать о красоте вредно, некогда и почти постыдно».

В публикациях сайта присутствуют **речевые штампы** (3 единицы): «Это позволило **перепрыгнуть планку**, установленную годом ранее», «... тем, кто помогал **ковать** эту **Победу**», «погода совсем **не жаловала** йошкарولينцев».

Встречаются **эмоционально окрашенные** выражения (1 раз): «Почему им особое внимание? Да потому, что глядя на этих уже не по-детски грациозных девочек, я не сразу осознала, что еще в 2012 году присутствовала на их приеме в балетную школу. И вот сейчас они уже такими красавицами показали себя на сцене, обучаясь всего третий год!» (о балетной постановке и молодых балеринах). Встречаются в материалах **иронические** высказывания (3 раза): «**Наивно** допустим, если определенный госслужащий не справляется со своей работой, его нужно увольнять либо наказывать», «И, поверьте, нет никакого смысла с эмоциональным **криком “банзай”** и **самурайским мечом в руках нападать на слона или рой комаров**».

В статьях сайта ИА также присутствуют упоминания марийских праздников (на марийском языке) (1 раз): «Ярмарка приурочена к красивейшему празднику весны, плодородия, благосостояния и здоровья, традиционному дню календаря народа мари «**Кугече**» (Великий день).

Некоторые материалы насыщены **юмором** (3 раза): «В пути блогера атаковали зайцы, суровые тульские хулиганы и отвратительные дороги. Машина доехала, зайцы уцелели, хулиганы слегка пострадали», «Под колеса автомобиля бросались зайцы-камикадзе», «Здесь моют голову не только, чтобы вымыть весь уголь твоей шахты или опилки пилорамы из волос».

Присутствуют в текстах **риторические вопросы** (3 вопроса): «Ну, и где, ответьте, здесь легитимность? Зачем “они” решают свои проблемы за наш счет?», «Где, как не здесь, показать

волишебную историю любви принца Зигфрида и королевы лебедей Одетты?»

Из уникальных особенностей текстов сайта ИА «MediaPotok» необходимо отметить использование **сетевого сленга** (2 раза): «Сев однажды в кресло к мастеру, точно поймете, что свои деньги он отрабатывает **на все 146 %**» (число, ставшее интернет-мемом, после того как по ТВ был показан новостной сюжет, согласно которому в Ростовской области проголосовало «146 % пришедших на выборы избирателей»), «Тарас Кожанов шлет партнерам **лучи поддержки** с юго-востока Китайской Народной Республики» («посылать лучи» чего-либо — интернет-мем).

Наиболее часто встречаются в текстах публикаций следующие изобразительно-выразительные средства: 13 случаев использования жаргонизмов и сленгизмов, 7 — иронии, 5 — просторечных выражений в газете «Красный город»; 6 случаев употребления фразеологизмов в газете «Йошкар-Ола»; 5 случаев употребления просторечных выражений в газете «Марийская правда»; 5 случаев употребления возвышенной лексики и эпитетов в журнале «Арслан» (на марийском языке); 11 случаев употребления просторечных выражений на сайте ИА «МедиаПоток».

Кроме того, каждое проанализированное СМИ имеет свои уникальные средства речевой вырази-

тельности: сетевой сленг, смайлики, зачеркнутый текст, — несвойственные традиционным журналистским текстам.

Среди найденных примеров 60 % экспрессивной лексики встречается в материалах криминальной направленности, а также в материалах, касающихся самих редакций СМИ (обращения редакторов к читателям, прецеденты с журналистами, судебные разбирательства с редакциями и т. д.).

Таким образом, можно сделать вывод, что язык сетевых СМИ — это явление изменчивое, отражающее состояние общества в данный момент. Тексты сетевых публикаций Республики Марий Эл в настоящее время переживают трансформацию под влиянием как пространства, в котором они функционируют, так и аудитории, предъявляющей свои требования к формату онлайн-СМИ. В целом можно наблюдать общий курс на сближение языка СМИ в Интернете с устной речью, при этом сетевые СМИ ориентируются на так называемую «языковую игру», ироничный взгляд на мир, отчасти провокационный. Дальнейшее наблюдение и анализ средств языковой выразительности сетевых СМИ позволит ответить на вопрос, станет ли это тенденцией в республиканском сегменте сетевой журналистики или качественная публицистика завоюет позиции в том числе и в Интернете.

Список литературы

1. Воронина, Т. Н. Анализ текстов СМИ (практика лингвистических экспертиз) / Т. Н. Воронина // Вестн. Сев.-Кавказ. гуманитар. ин-та. — 2014. — № 1. — С. 212—218.
2. Гильманова, А. Н. Формы аналитического медиатекста в сетевых СМИ / А. Н. Гильманова // Челяб. гуманитарий. — 2016. — № 4 (37). — С. 22—26.
3. Зубков, И. Г. Информационный медиаконтент в интернете: современная специфика и ключевые характеристики : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Г. Зубков. — М., 2014. — 17 с.
4. Ильина, Д. В. Использование изобразительно-выразительных средства в информационных жанрах [Электронный ресурс] / Д. В. Ильина // Науч.-метод. электрон. журн. «Концепт». — 2016. — Т. 17. — С. 231—233. — URL: <http://e-kontsept.ru/2016/46224.htm>.
5. Карпова, Т. Б. Сетевые СМИ как тип дискурса современной России [Электронный ресурс] / Т. Б. Карпова // Мир русского слова. — 2010. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevye-smi-kak-tip-diskursa-sovremennoy-rossii>.
6. Казак, М. Ю. Язык газеты : учеб. пособие / М. Ю. Казак. — Белгород : Белгород, 2012. — 120 с.
7. Костенко, Е. В. Специфические черты сетевого текста как особого вида журналистского творчества / Е. В. Костенко // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. — 2012. — № 2. — С. 181—184.
8. Русский язык и культура речи [Электронный ресурс]. — URL: http://wiki.web.ru/images/7/7c/Russkiy_yazyk_i_kul'tura_rechi_lekcia10.pdf.
9. Сафина, А. Р. Особенности языка российских интернет-СМИ. Феномен гипертекста / А. Р. Сафина // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. — 2012. — Т. 14, № 2 (6).

10. Тимофеева, Г. Л. Трансформация языка сетевой публицистики: причины и следствия [Электронный ресурс] / Г. Л. Тимофеева // Relga. Науч.-культурол. журн. — 2011. — № 20 [238]. — URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3089&level1=main&level2=articles>.

11. Тишков, А. А. Проблема восприятия интернет-текста читателем / А. А. Тишков // Изв. Саратов. ун-та. Н. С. Филология. Журналистика. — 2013. — Т. 13, вып. 2.

12. Шайхитдинова, С. К. Текстовые практики в СМИ и в Интернете: по правилам и без правил: К опыту кейс-исследований информационных споров / С. К. Шайхитдинова // Казан. соц.-гуманитар. вестн. Информ. науч.-аналит. журн. — 2015 (16). — № 3. — С. 33—41.

Сведения об авторе

Карпова Евгения Васильевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, литературы и журналистики, Марийский государственный университет. Йошкар-Ола, Россия. kostenko-zhenya@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 128—136.

THE USE OF THE MEANS OF SPEECH EXPRESSIVENESS IN THE TEXTS OF ONLINE MEDIA OF MARI EL REPUBLIC

Ye.V. Karpova

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia. kostenko-zhenya@yandex.ru

This article discusses the study of the means of expressive speech that are used in online media in the Mari El Republic. The means of expressive speech — tropes and figures — are strong stylistic devices and at the same time function as a means of elevating the text's aesthetic register. Mass media have always aimed for an expressive statements. The author of the article asks whether, and to what extent, this statement applies to online media. The study analyses figurative and expressive means used in texts published in five online media outlets in the Mari El Republic, and discusses the most notable tropes and figures: jargonisms, slang expressions, cyber-slang and linguistic elements that are not characteristic of traditional journalistic texts.

Keywords: *network media, Internet, online media, website, jargon, slang, web text, journalism.*

References

1. Voronina T.N. Analiz tekstov SMI (praktika lingvisticheskikh ekspertiz) [Analysis of media texts (practice of linguistic expertise)]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo humanitarnogo instituta* [Bulletin of the North Caucasus humanitarian Institute], 2014, no. 1, pp. 212—218. (In Russ.).
2. Gil'manova A.N. Formy analiticheskogo mediateksta v setevykh SMI [Forms of analytical media text in online media]. *Chelyabinskiiy humanitariy* [Chelyabinsk Humanities], 2016, no. 4 (37), pp. 22—26. (In Russ.).
3. Zubkov I.G. *Informatsionnyy mediakontent v internete: sovremennaya spetsifika i klyuchevye kharakteristiki* [Information media Content on the Internet: modern specifics and key characteristics]. Moscow, 2014. 17 p. (In Russ.).
4. Il'ina D.V. Ispol'zovaniye izobrazitel'no-vyrazitel'nykh sredstv v informatsionnykh zhanrakh [The use of visual and expressive means in information genres]. *Kontsept* [Concept], 2016, vol. 17, pp. 231—233 p. Available at: <http://e-kontsept.ru/2016/46224.htm>. (In Russ.).
5. Karpova T.B. Setevye SMI kak tip diskursa sovremennoy Rossii [Network media as a type of discourse in modern Russia]. *Mir russkogo slova* [World of Russian Word]. 2010. (In Russ.).
6. Kazak M.Yu. *Yazik gazety* [The newspaper's language]. Belgorod, Belgorod Publ., 2012. 120 p. (In Russ.).
7. Kostenko Ye.V. Spetsificheskiye cherty setevogo teksta kak osobogo vida zhurnalistskogo tvorchestva [Specific features of the network text as a special type of journalistic creativity]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of Voronezh state University. Series: Philology. Journalism], 2012, no. 2, pp. 181—184. (In Russ.).

8. *Russian language and culture of speech*. Available at: http://wiki.web.ru/images/7/7c/Russkiy_yazyk_i_kul'tura_rechi_lekcia10.pdf (In Russ.).
9. Safina A.R. Osobennosti yazyka rossiyskikh internet-SMI. Fenomen giperteksta [Features of the language of Russian online media. The phenomenon of hypertext]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences], 2012, vol. 14, no. 2 (6). (In Russ.).
10. Timofeeva G.L. Transformatsiya yazyka setevoy publitsistiki: prichiny i sledstviya [Transformation of the language of network journalism: causes and consequences]. *Relga. Nauchno-kul'turologicheskiy zhurnal* [Relga. Scientific and cultural journal], 2011, no. 20 [238]. Available at: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3089&level1=main&level2=articles> (In Russ.).
11. Tishkov A.A. Problema vospriyatiya internet-teksta chitatelem [The problem of perception of the online text reader]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Filologiya. Zhurnalistika* [News of Saratov University. New series. Philology. Journalism], 2013, vol. 13, iss. 2. (In Russ.).
12. Shaykhitdinova S.K. Tekstovye praktiki v SMI i v Internetе: po pravilam i bez pravil: K opytu keyssledovaniy informatsionnykh sporov [Textual practice in the media and on the Internet: rules without rules: the experience of the case studies on information disputes]. *Kazanskiy sotsial'no-gumanitarnyy vestnik. Informatsionnyy nauchno-analiticheskiy zhurnal* [Kazan Socio-Humanitarian Bulletin. Information Scientific and Analytical Journal], 2015 (16), no. 3, pp. 33—41.

ОЦЕНКА ЦИРКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОМАНЕ С. ГРУЭН «ВОДЫ СЛОНАМ»

О. Н. Ковалёва, К. В. Никитина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ
(грант № МК-5291.2015.6)*

Рассматриваются когнитивные основы оценочной категоризации профессиональной деятельности, определяются особенности формирования оценки цирковой деятельности в англоязычном художественном тексте. Выявляются ключевые критерии оценки и тип знания, вовлеченный в процесс оценочной категоризации деятельности дрессировщика. Утверждается, что оценочный смысл в произведении создается с привлечением обыденного знания субъекта оценки в соответствии с базовыми критериями оценки профессиональной деятельности (ответственность и квалификация работника, сложность и качество труда, результативность (успешность) труда). Когнитивно-дискурсивный анализ оценочных лексических и фразеологических единиц позволяет определить многофакторную специфику формирования коллективных и индивидуальных схем оценочной интерпретации профессиональной деятельности, дает целостное представление о когнитивных и аксиологических ориентирах и доминантных профессиональных смыслах в рассматриваемой лингвокультуре.

Ключевые слова: *оценочная категория, критерий оценки, тип знания, профессиональная деятельность.*

Оценочная категория, являясь абстрактным ментальным образованием, не имеющим реального соответствия в окружающем мире, структурирована по «общему правилу схематизации опыта», на основе определенной когнитивной схемы [4. С. 9]. Она репрезентирована разнородными языковыми единицами благодаря интерпретирующей функции языка, которая непосредственно структурирует, схематизирует категориальный концепт «оценка профессиональной деятельности».

Оценка как вид интерпретации обладает специфическими характеристиками, такими как структурированность, опора на коллективные схемы знаний, ориентированность на индивидуальную, субъективную концептуальную систему [Там же. С. 12]. Оценочное знание о профессиональной деятельности является результатом проекции общечеловеческих представлений о деятельности профессионала (восприятие ее по критериям: квалификация работника, результативность его труда и др.) через индивидуальное сознание либо оценщика из профессиональной среды, либо стороннего наблюдателя.

Новое знание о деятельности профессионала является результатом инференции, выводного знания на основе сравнения параметров рассмат-

риваемых сущностей. Концептуальная деривация предполагает не только образование нового концепта, но и установление его связей с исходной структурой знания в концептуальной системе человека. Практическое безоценочное знание, полученное в процессе профессиональной деятельности, структурируется в категориальный формат в соответствии с определенной аспектизацией деятельности. Исходное вербализованное профессиональное знание получит некую вторичную интерпретацию для создания нового оценочного взгляда на объект оценки, что будет зафиксировано оценочной единицей.

В основе оценочной категоризации деятельности профессионала лежит метафорический механизм. Структуры обыденного и профессионального знания вступают в глубокие, регулярные взаимно-обратные отношения, чтобы на основе концептуальной деривации и метафорической модели соотнесения разнокатегориальных сущностей сформировался оценочный метаконцепт как единица вторичного знания.

Когнитивно-дискурсивный анализ оценочной интерпретации профессиональной деятельности в лексико-фразеологической системе языка позволяет выявить коллективные и индивидуальные когнитивные схемы оценочной интерпретации

профессиональной деятельности, определить многофакторную специфику их формирования, дает целостное представление о когнитивных и аксиологических ориентирах и доминантных профессиональных смыслах в рассматриваемой лингвокультуре.

Как отмечает Н. Н. Болдырев, «языковая интерпретация представляет собой вид познавательной активности, процесс и результат понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире, процесс и результат репрезентации мира, которая основана, с одной стороны, на коллективных представлениях о мире и, с другой стороны, на его личном опыте взаимодействия с ним. Это проекция мира, или знание о мире, “погруженное” в коллективно-языковое или индивидуально-языковое сознание человека» [5. С. 22]. Интерпретация мира в языке проявляется в трех функциях: селекции, классификации и оценки. «Функция оценки обеспечивает особый, свойственный только человеку, стиль языковой интерпретации знания — оценочную интерпретацию. Она предполагает схематизацию опыта познания объектов и событий в соответствии с коллективной и индивидуальной системами норм, идеалов, стереотипов, ценностей на основе определенных оценочных шкал, принятых в рамках той или иной культуры» [Там же. С. 24].

Исследование оценочного осмысления профессиональной деятельности в художественной литературе [8] показывает универсальность базовых оценочных категорий, ментальных образований, в которые структурируется в ходе концептуальной деривации соответствующее знание и опыт субъекта оценки об оцениваемой деятельности профессионала, а также универсальность метафорического механизма образования оценочного смысла относительно профессиональной деятельности. В ходе проведенного одним из авторов статьи лингвокогнитивного анализа языковых средств оценки профессиональной деятельности установлены когнитивные и лингвокультурологические особенности оценочного осмысления профессий политика, брокера, художника, педагога, писателя, музыканта, бухгалтера и др.

К профессиональной деятельности как одной из основополагающих социальных ролей человека предъявляется система требований, зафиксированных в особых нормах. Успешное профессиональное поведение индивида зависит от соответствия социальному ожиданию. Поведение индивида, обладающего нужными

профессиональными свойствами, принято оценивать в обществе положительно. Критериями оценки профессиональной деятельности, лежащими в основе оценочных категорий, являются: ответственность работника, наличие квалификации работника, результативность (успешность) труда, сложность труда, качество труда, общественная польза труда, временные затраты на выполнение работы, финансовое вознаграждение за выполненную работу, творческий подход к труду, созидательный характер труда, отношение к физическому труду (подробнее см.: [1]).

Жизнь представителей различных профессий показана в историческом романе канадско-американской писательницы Сары Груэн «Воды слонам» (2006), при этом профессиональной деятельности, оценке различных ее сторон уделяется в романе значительное внимание. Книга содержит элементы производственного романа, а также по причине своей мировой известности имеет актуальное смысловое и лингвистическое содержание.

О литературном признании и популярности книги свидетельствуют следующие факты: победа в номинации Quill Award for General Fiction (2006), Entertainment Weekly Best Novel (2006), упоминание в первых строках рейтингов Book Sense (2006), New York Times Best Seller list (12 недель подряд в 2006 г.), Alex Awards selection (2007), BookBrowse award for most popular book (2007), The New York Times Best Seller list (2007), киноэкранизация (одноименный фильм снят в 2011 г.).

Роман повествует о молодом человеке Джейкобе, который по воле судьбы попадает в цирк работать ветеринаром. Закулисы цирка оказываются вовсе не таким чарующим и прекрасным, как представлялось Джейкобу сначала. Однако именно здесь он встречает лучших друзей, злейших врагов и ту единственную, очаровательную дрессировщицу Марлену, ради которой можно преодолеть любые трудности.

Цирк в мировой истории развлечений, несомненно, играет особую роль. Цирковые представления многие годы воодушевляли массы простых людей отточенным мастерством, смелостью и красотой человеческого тела [6. С. 1]. Человек по своей природе любопытен, проявляет интерес к новому, необычному, выходящему за грани его собственных возможностей, за грани реального, разумного, привычного. Цирк, безусловно, способен добавить адреналина, увести за пределы

обыденности, открыть новое, а также в гротескной манере отразить насущные проблемы, что не может не симпатизировать зрителю. Кроме того, цирк влечет многих зрителей ощущением опасности, риска, которому подвергается актер цирка.

Ключевым элементом циркового искусства считается показ невероятного, исключительно-го, смелого, опасного, рискованного. Безусловно, актеры цирка должны быть высоко компетентны, чтобы выполнять сложные номера, творчески подходить к созданию новых представлений, а дрессировщики — любить животных и уметь с ними работать.

Рассмотрим своеобразие восприятия деятельности цирковых актеров в романе С. Груэн «Воды слонам». Цирк был красочным, волшебным местом, где даже взрослый человек мог поверить в чудеса, где актеры как одна семья выкладывались на выступлениях на сто процентов. В произведении отражен дух той эпохи, дух цирка. Актер цирка трудолюбив, ищет новое, любит творчество, предан выбранному жанру, умеет жить в коллективе. В романе мы обнаруживаем способы вербализации таких аспектов оценки деятельности актера цирка, как радение (ответственность) работника, наличие квалификации работника, сложность и качество труда, результативность (успешность) труда.

Особенности жизни цирковой труппы, безусловно, влияют на характер взаимоотношений человека и животного. Так, автор использует в произведении глагол *to coddle*, что в переводе на русский означает «нянчиться, баловать, холить». Первоначально указанный глагол соотносился с человеческой семейно-бытовой сферой, но его применение в отношении представителей животного мира с усиливающим эмоциональный эффект эпитетом *terribly* передает оценку деятельности цирковой дрессировщицы по критерию «радение» (ответственность) работника:

(1) Shall we have a look at that horse then? I doubt it's anything serious. Marlena *coddles* them *terribly* [13. P. 164] (Тогда пойдем взглянем на лошадку? Сомневаюсь, что там что-то серьезное. Марлена с ними *так нянчится!*)¹.

Дрессировщица Марлена заботится о своих лошадях, равнодушна к ним в случае болезни, мужественно переносит все невзгоды, связанные с ее подопечными:

(2) [О лошади Марлены] — Is there any chance he'll recover? I don't want him to suffer. — I'm marveling... at her *stoic reaction*... [Ibid. P. 228] (— У него есть хоть какой-то шанс поправиться? Не хочу, чтобы он страдал. — Я поражаюсь... ее мужеству...).

Девушка не перестает заботиться о своих подопечных даже во время переезда цирка. Она не терпит соседство своих лошадей с заготовленным для кормления животных мясом:

(3) Marlena *would never tolerate* meat on board with her horses [Ibid. P. 183] (Марлена *никогда бы не позволила* перевозку мяса вместе с ее лошадками).

Без сомнения, Марлена — не просто дрессировщица, хозяйка своих животных, она их *повелительница*, что лишь подчеркивает ее умение управлять животными, любить их, работать с ними:

(4) The rest of the horses follow... crowding each other to stay close to their *mistress* [Ibid. P. 453] (Остальные лошадки не отстают, обгоняют друг друга, лишь бы быть ближе к своей *повелительнице*).

Следующие примеры показывают высокое мастерство дрессировщицы:

(5) What the hell was that? Was that part of the act? — No — In that case, what a save. Marlena's *really something* [Ibid. P. 384] (Что это, черт возьми, было? Это часть номера? — Нет. — Тогда всем крупно повезло. Марлена — *просто нечто*).

Для обычного зрителя Марлена — цирковая богиня, она выполняет невероятные трюки, которые приводят всех в восторг:

(6) *One moment* she is askew on Rosie's head, lying flat. *The next*, she yanks herself upright, *turns on a smile*... and in one *graceful* movement swings around so she's facing the audience [Ibid. P. 371] (*Минуту назад* она лежала, всем телом прильнув к голове Розы. Но *уже сейчас* она выпрямляется, *натягивает улыбку*... и всего лишь одним *грациозным* движением разворачивается лицом к зрителям).

В приведенных примерах прослеживается репрезентация таких категорий оценки, как «наличие квалификации работника», а также «сложность труда» и «качество труда». Высококвалифицированный работник не боится профессиональных вызовов, не боится выходить за рамки психологического и физического комфорта, берется за выполнение трудных задач, тем самым преодолевая и совершенствуя самого себя, достигая нового уровня владения профессией.

¹ Здесь и далее перевод авторов.

Профессионализм дрессировщицы, вызывающий восхищение у публики и коллег по цеху, которые чрезвычайно высоко оценивают ее квалификацию, талант, подтверждается следующими примерами:

(7) I've never seen her act — those of us who work behind the scenes don't have time for that *luxury*... She moves only *minimally*... Another *cryptic* circling of the whip... [13. P. 450] (Я еще ни разу не видел ее номера — у тех, кто работает за манежем, обычно нет времени на такую *роскошь*... Марлена почти не нуждается в движениях. Еще один *тайный знак*...).

(8) Rosie comes to a stop about twenty feet down the hippodrome track and Marlena undergoes a change that *defies belief* [Ibid. P. 369] (Рози останавливается за 20 футов до манежа, и Марлена на глаза у публики меняется *до неузнаваемости*).

Профессионал, любящий свое дело, не может не достигнуть отличного результата, успеха, он получает общественное признание. Энтузиазм в сочетании с талантом и умением, способность предугадать ожидания зрителя приводят к положительному результату в работе:

(9) Marlena spreads her arms in the air, turning to give each section of the audience *a chance to adore her* [14. P. 453] (Марлена поднимает руки вверх, поворачиваясь так, чтобы дать зрителям *шанс выразить свое восхищение*).

Особо стоит отметить творческий подход Марлены к труду. Только профессионал своего дела может применить такое всеми обсуждаемое и востребованное качество, как креативность, действительно на высоком уровне, развивая понимание профессии. Усердие и результат вводят профессионала в творческий мир, где головокружительный успех зависит от внерамочных решений:

(10) Marlena... puffs up her cheeks and wipes a hand across her forehead in an *exaggerated* gesture of exhaustion... With *dramatic* flair, she lifts one foot... Then she crosses her arms in front of her and nods once, *deeply*, as if to say, "*Take that, elephant*" [13. P. 525] (Марлена... надувает щеки и *гиперболическим жестом* вытирает пот со лба, показывая усталость... *Театрально* поднимает ногу и ставит на мяч. Скрестив на груди руки, коротко кивает, как будто говоря Розе: «*Получи, слониха!*»).

Таким образом, лингвокогнитивный анализ языковых средств оценки профессиональной деятельности в цирковом искусстве (на приме-

ре художественного произведения) показывает, что оценка цирковой деятельности формируется с привлечением обыденного знания субъекта оценки в соответствии с базовыми критериями оценки (радение и квалификация работника, сложность, качество и результативность труда). Главная героиня романа, грациозная и обаятельная дрессировщица Марлена — мастер своего дела. Талант, мастерство, инициативность, любовь к своей непростой работе приводят к достижению ею успеха и высоких результатов. Актеру цирка нужно тренироваться годами для освоения профессии, жертвовать многим ради искусства, зрителя. Труд актеров цирка не ограничивается лишь выступлениями перед зрителями, большая часть их времени посвящена тренировкам и репетициям, поиску новых идей для номеров. Кроме того, вместе с режиссерами, музыкантами, художниками они обдумывают свой сценический образ, детали постановки номера.

Проведенное исследование позволило обнаружить концептуальные «схемы», «следы» представлений о профессии, определить культурные и коммуникативно-прагматические свойства оценочных фразеологических и лексических единиц. Проанализированные оценочные языковые единицы хранят и транслируют определенные культурные смыслы, значимые при восприятии профессии актера цирка в рамках англоязычной лингвокультуры. Мы видим, что общепринятые критерии оценки деятельности профессионала преломляются в цирковом профессиональном сообществе, структурируются в профессионально-индивидуальные конфигурации знания о профессии актера цирка.

Универсальность, базовость указанных категорий свидетельствует о едином подходе в восприятии профессии актера цирка в различных лингвокультурах, чей тяжелый труд в любой стране и в любом цирковом коллективе требует высочайшей самоотдачи, компетенции, особого таланта и мастерства.

«Ценности — высшие ориентиры поведения — являются концентратом культуры. Ценности как представления о том, что есть добро и зло, правильное и неправильное, должное и недолжное, сопоставляются с нормами — правилами поведения, которые включают предписания и запреты и выражаются в писаных и неписаных кодексах» [6. С. 26].

На наш взгляд, художественное слово способно адекватно отразить профессиональный мир

с точки зрения ценностных ориентиров и социально-экономических предпосылок, сформированных в той или иной культуре. Писатель может «упаковать» в произведении, посвященном жиз-

ни профессионалов, необходимые имплицитные оценочные смыслы, ценностные представления и даже скорректировать существующий в социуме образ профессии.

Список литературы

1. Бабушкина, О. Н. Оценочная категоризация профессиональной деятельности в английской и русской фразеологии / О. Н. Бабушкина. — Челябинск, 2012. — 204 с.
2. Бабушкина, О. Н. Словарь английских и русских фразеологизмов, отражающих оценку профессиональной деятельности / О. Н. Бабушкина, Е. И. Голованова. — Челябинск, 2012. — 304 с.
3. Болдырев, Н. Н. Концептуальная деривация как основа вторичной языковой интерпретации / Н. Н. Болдырев // Когнитив. исследования языка. — № 33. — 2018. — С. 37—42.
4. Болдырев, Н. Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий / Н. Н. Болдырев // Вестн. Тамб. гос. ун-та. — № 1 (93). — 2011. — С. 9—15.
5. Болдырев, Н. Н. Язык как интерпретирующий фактор познания / Н. Н. Болдырев // Интерпретация мира в языке : коллектив. моногр. — Тамбов, 2017. — С. 22—25.
6. Бутнару, И. Цирк в Румынской Народной Республике [Электронный ресурс] / И. Бутнару // Советский цирк. — Бухарест, 1959. — URL: <http://www.ruscircus.ru/sc-december59/ruminia595>.
7. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие / Е. И. Голованова. — М., 2011. — 224 с.
8. Голованова, Е. И. Когнитивные механизмы компрессии оценочного смысла в художественном тексте / Е. И. Голованова, О. Н. Ковалева // Вопр. когнитив. лингвистики. — 2017. — № 3 (52). — С. 31—36.
9. Карасик, В. И. Лингвокультурные ценности в дискурсе / В. И. Карасик // Иностр. языки в высш. шк. — 2015. — № 1 (32). — С. 25—35.
10. Ковшова, М. Л. Сопоставительный анализ фразеологизмов: лингвокультурологический подход / М. Л. Ковшова // Филология и культура. 2014. — № 4 (38). — С. 115—120.
11. Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи : словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. — М., 2001. — 855 с.
12. Телия, В. Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений / В. Н. Телия // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. статей. — М., 2005. — С. 4—42.
13. Gruen, S. Water for Elephants / S. Gruen. — Toronto, 2010. — 163 p.

Сведения об авторах

Ковалёва Ольга Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. babushkina_on@mail.ru

Никитина Карина Владимировна — студентка факультета Евразии и Востока, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. www.karinka4269@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 137—142.

EVALUATION OF PROFESSIONAL ACTIVITY IN S. GRUEN'S NOVEL "WATER FOR ELEPHANTS"

O.N. Kovaleva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. babushkina_on@mail.ru

K.V. Nikitina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. www.karinka4269@list.ru

The article views cognitive peculiarities of evaluative categorization of professional activity, determines features of formation of evaluation of circus activity in English fiction text, reveals key criteria of evaluation

and type of knowledge involved in the process of evaluative categorization of circus actor's activity. Evaluative sense in the book is created with the help of the evaluator's everyday knowledge according to the basic criteria of evaluation of professional activity (worker's zeal, worker's qualification, complexity of work, quality of work, productivity of work). Cognitive-discursive analysis of evaluative lexical and phraseological units allows to determine multifaceted character of formation of collective and individual schemes of evaluative interpretation of professional activity, provides an opportunity of holistic understanding of cognitive and axiological guidelines and dominant professional meanings in the studied linguoculture.

Fiction word is able to adequately reflect professional world from the point of view of value guidelines and socio-economic factors of this or that culture. The writer can "pack" all the necessary implicit evaluative senses into his book about professionals, and even correct the current image of profession in the society.

Keywords: *evaluative category, criterion of evaluation, type of knowledge, professional activity.*

References

1. Babushkina O.N. *Otsenochnaya kategorizatsiya professional'noy deyatel'nosti v angliyskoy i russkoy frazeologii* [Evaluative Categorization of Professional Activity in Russian and English Phraseology]. Chelyabinsk, 2012. 204 p. (In Russ.).
2. Babushkina O.N., Golovanova Ye.I. *Slovar' angliyskikh i russkikh frazeologizmov, otrazhayushchikh otsenku professional'noy deyatel'nosti* [Dictionary of English and Russian Phraseological Units Containing Evaluation of Professional Activity]. Chelyabinsk, 2012. 304 p. (In Russ.).
3. Boldyrev N.N. Kontseptual'naya derivatsiya kak osnova vtorichnoy yazykovoy interpretatsii [Conceptual Derivation as Basis of Secondary Linguistic Interpretation]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2018, no. 33, pp. 37—42.
4. Boldyrev N.N. Rol' interpretiruyushchey funktsii v formirovanii yazykovykh kategoriy [The Role of Interpretative Function in Forming Linguistic Category]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tambov State University Bulletin], 2011, no. 1 (93), pp. 9—15. (In Russ.).
5. Boldyrev N.N. Yazyk kak interpretiruyushchiy faktor poznaniya [Language as an Interpretative Factor of Cognition]. *Interpretatsiya mira v yazyke* [Interpretation of the World in Language]. Tambov, 2017. Pp. 22—25. (In Russ.).
6. Butnaru I. *Tsirk v Rumynskoy Narodnoy Respublike* [Circus in the Republic of Romania]. Bucharest, 1959. Available at: <http://www.ruscircus.ru/sc-december59/ruminia595>. (In Russ.).
7. Golovanova Ye.I. *Vvedeniye v kognitivnoye terminovedeniye* [Introduction to Cognitive Terminology]. Moscow, 2011. 224 p. (In Russ.).
8. Golovanova Ye.I., Kovalyova O.N. Kognitivnye mekhanizmy kompressii otsenochno smysla v khudozhestvennom tekste [Cognitive Mechanisms of Compression of Evaluative Sense in Fiction]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2017, no. 3 (52), pp. 31—36.
9. Karasik V.I. Lingvokul'turnye tsennosti v diskurse [Linguocultural Values in Discourse]. *Inostrannye yazyki v vysshey shkole* [Foreign Languages in High School], 2015, no. 1 (32), pp. 25—35. (In Russ.).
10. Kovshova M.L. Sopostavitel'nyy analiz frazeologizmov: lingvokul'turologicheskiy podkhod [Contrastive Analysis of Phraseological Units: Linguoculturological Approach]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2014, no. 4 (38), pp. 115—120. (In Russ.).
11. Melerovich A.M., Mokiyeiko V.M. *Frazeologizmy v russkoy rechi* [Dictionary of Phraseological Units in Russian Speech]. Moscow, 2001. 855 p. (In Russ.).
12. Teliya V.N. O fenomene vosproizvodimosti yazykovykh vyrazheniy [On Phenomenon of Reproduction of Linguistic Expressions]. *Yazyk. Soznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Consciousness. Communication]. Moscow, 2005. Pp. 4—42. (In Russ.).
13. Gruen S. *Water for Elephants*. Toronto, 2010. 163 p.

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЙ НЕГАТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ В АМЕРИКАНСКОМ И РОССИЙСКОМ ДИСКУРСАХ ТОК-ШОУ

И. В. Марков

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена сопоставлению особенностей реализации стратегий негативной вежливости, выделенных П. Браун и С. Левинсоном в американском и российском дискурсах ток-шоу. Проанализирована частотность стратегий негативной вежливости в обоих дискурсах и выведен ряд универсальных стратегий, а также стратегии, которые являются национально-специфичными для американского или российского дискурсов.

Ключевые слова: *стратегии вежливости, негативное лицо, позитивное лицо, ликоугрожающий акт, ток-шоу.*

Ток-шоу являются одним из самых популярных жанров телевидения, который выступает своего рода промежуточным звеном между многими другими жанрами медиа. Огромную роль в успехе ведущего играют стратегии вежливости и то, как именно он планирует беседу с гостями и отзывается об актуальных для общества темах и вопросах. Гости ток-шоу также используют стратегии вежливости для того, чтобы избежать вреда собственному медийному профилю.

В нашем исследовании мы рассматриваем вежливость по теории П. Браун и С. Левинсона, в основе которой лежит термин «лицо». П. Браун и С. Левинсон заимствовали данный термин у американского социолога Эрвинга Гоффмана. По определению Э. Гоффмана, «лицо — это позитивный общественный облик (positive public self-image), которым стремится обладать каждая личность» [7]. Схожим с принципом кооперации Г. П. Грайса образом П. Браун и С. Левинсон предполагают, что участник коммуникации обладает способностью определять наиболее рациональные способы достижения своих коммуникативных целей. В процессе выбора ему необходимо учитывать возможные угрозы лицам его собеседников, а вместе с этим и собственному лицу, используя соответствующие стратегии для того, чтобы смягчить возможные угрозы в процессе достижения коммуникативных целей. Модель вежливости П. Браун и С. Левинсона является попыткой описать, как именно участники общения формулируют лингвистическую вежливость.

В понятии «лицо» П. Браун и С. Левинсон выделяют две основные части: «позитивное» лицо

и «негативное» лицо. Позитивное и негативное лица определяются не как нормы общения, которым обязаны следовать все участники коммуникации, а как желания участников. Каждый участник осознает наличие этого желания у других и потому будет стремиться хотя бы частично его удовлетворить, поскольку это способствует рациональному достижению личных коммуникативных целей. Позитивное лицо — достойный, положительный образ, на который претендуют коммуниканты, дословно «желание быть желанным другими». Негативное лицо — желание каждого взрослого человека иметь свободу действий, недопустимость вмешательства со стороны других [4. Р. 62].

В реальной коммуникации существует множество речевых актов, которые угрожают лицу, так называемые ликоугрожающие акты (face threatening acts). «Ликоугрожающие акты» не представляют собой какого-либо отклонения от правил коммуникации, они являются естественной и важной частью разговорного диалога: люди часто не соглашаются с чужим мнением, просят прощения, дают советы и т. д. Поскольку «ликоугрожающие акты» очень распространены, по мнению П. Браун и С. Левинсона, необходимо использовать разнообразные стратегии по минимизации «коммуникативного вреда» собеседнику. Рационально формируя свое высказывание, каждый участник общения оценивает потенциал угрозы своему лицу и/или лицам собеседников и принимает решение либо воздержаться от данного высказывания, либо смягчить урон лицу применением соответствующих стратегий вежливости.

Обычно различают позитивную и негативную формы вежливости (positive and negative politeness) [4]. Негативная вежливость связана с самоограничениями говорящих, стремлением избежать конфликтов, тогда как позитивная — языковым выражением солидарности, включением собеседника и других лиц в одну группу с говорящим. Негативная вежливость является хорошо знакомой всем формальной вежливостью, описание которой можно найти в любом учебнике по этикету. Ее основной целью является избежание столкновений интересов с собеседником путем самоограничения и преуменьшения собственных нужд. В отличие от позитивной вежливости, которая может применяться вне зависимости от наличия ликоугрожающего акта, негативная вежливость является более целенаправленной и сфокусированной. Обычно стратегии негативной вежливости нацелены на смягчение угрозы от конкретных ликоугрожающих актов, которые ограничивают свободу одного из участников коммуникации, выражают предположения о его желаниях и стремлениях или же напрямую побуждают к каким-либо действиям. Стратегии негативной вежливости в таких случаях применяются для того, чтобы ослабить возможные ограничения предположений о желаниях, сделав предположения менее конкретными, избежать прямого указания на собеседника и предоставить собеседнику возможность не выполнять действие.

П. Браун и С. Левинсон в своей работе выделяют 10 стратегий негативной вежливости, примеры употребления каждой из которых были отобраны нами из материала американских ток-шоу: Conan, The Ellen Degeneres Show, Jimmy Kimmel Live!, The Tonight Show with Jimmy Fallon, а также из материала российских ток-шоу: «Закрытый показ», «Познер», «Школа злословия», «На ночь глядя» — общей длительностью 20 ч звучания, для исследования особенностей реализации данных стратегий в рамках дискурса ток-шоу. В нашей работе мы отбирали материал ток-шоу, которые классифицируются по тематическому признаку как развлекательные, так как общение в рамках данных ток-шоу является наиболее приближенным к бытовому общению.

Одним из определяющих факторов анализа речевого поведения в нашей работе является дискурс ток-шоу, который представляется как определенный набор правил и ограничений речи всех участников. Особенности дискурса ток-шоу име-

ют прямое отношение к речевому жанру ток-шоу, так как структура и формат выпуска определяют экстралингвистические факторы, которые влияют на речь всех участников на протяжении выпуска. Жанр ток-шоу предполагает определенные роли для участников речевого общения. Термин «ток-шоу» (от англ. talk — разговор, беседа; show — зрелище, спектакль) означает разговорное представление, зрелище, что, в свою очередь, предопределяет его специфику как речевого жанра. Ток-шоу рассматривают как своего рода яркий, динамичный спектакль и называют первые признаки этого жанра: легкость разговора, артистизм ведущего и обязательное присутствие аудитории. Центральная фигура ток-шоу — ведущий, который является яркой языковой личностью, способной превратить разговор в настоящее зрелище. Гости ток-шоу — временные участники шоу, вокруг личностей и событий в жизни которых выстраивается беседа в студии. Ограничение дискурса ток-шоу напрямую зависит от структуры шоу, которая имеет зачин, кульминацию и развязку. Вступлением к шоу обычно становится вводный сегмент, в котором ведущий или ведущие вкратце обсуждают последние актуальные события в обществе и знакомят зрителя с главной темой выпуска. Основной частью ток-шоу является одна или несколько бесед с заранее определенным гостем или гостями, обычно с фокусом на личностных качествах, достижениях или событиях в жизни гостей. Развлекательные ток-шоу также могут включать в себя розыгрыши призов, выступления спортсменов, фокусников или музыкантов, а также комедийные скетчи, которые чаще всего используются в качестве кульминации или развязки. Таким образом, структура выпуска ток-шоу и правила коммуникации в студии определяют рамки и ограничения дискурса ток-шоу. Е. Г. Ларина определяет дискурс ток-шоу как «интерактивный процесс речевого взаимодействия телекоммуникатора и телеаудитории, которое характеризуется определенными национально-культурными особенностями, проявляющимися в ситуации межличностного общения, осложненного условиями массовой коммуникации и институциональным статусом телекоммуниканта» [2].

В настоящем исследовании мы выделили несколько универсальных стратегий негативной вежливости, показатели частотности которых находятся на одном уровне в американском и российском дискурсах ток-шоу, а также стратегии,

которые являются национально-специфичными для американского и российского дискурсов ток-шоу.

Речевой акт извинения является одной из наиболее универсальных стратегий негативной вежливости, находящей свое отражение во многих культурах мира. В американском и российском дискурсах ток-шоу эта стратегия вежливости также является частотной. Ведущие ток-шоу могут использовать эту стратегию для смягчения угрозы лицу от неудачной шутки или неудобного вопроса, тогда как гости ток-шоу могут ограничить с ее помощью круг обсуждаемых тем. Эта стратегия вежливости имеет общепринятые средства выражения, такие как «прошу прощения» и «извините» в русском языке или *excuse me* и *sorry* в английском, однако не ограничивается ими. Ева Мендес использует данную стратегию в беседе с Эллен, ведущей *The Ellen Degeneres Show*, оправдываясь за ложь, высказанную ей в предыдущей их беседе (выход в эфир 03.12.2014):

— I'm out of the house!

— Oh, out of the house! Congratulations, liar!

<...>

— **Not really, because I was so early on**, and all moms will understand, **you're not supposed to tell** <...> **the world during your first trimester.**

Ева объясняет Эллен, что у нее была веская причина на то, чтобы совершить ликоугрожающий акт, так как она на тот момент была в уязвимом положении и чувствовала необходимость действовать в соответствии с распространенным суеверием. В этом извинении не используются соответствующие лексические средства английского языка, однако структура и функция речевого акта указывает на то, что это высказывание является извинением.

Стратегия извинения используется в российском дискурсе ток-шоу с похожими целями, преимущественно для смягчения угрозы лицу гостя от вопросов ведущих или направления темы разговора. Татьяна Толстая использует эту стратегию в беседе с российским искусствоведом Надеждой Плунгян о феминизме, с идеями которого ведущая не согласна (выход в эфир 27.04.2014):

— Если вы будете отрицать традиционную схему <...> то вы будете ангажированы в этом смысле.

— Мне кажется, что я ничего не отрицаю и ни к чему не призываю. То, что меня интересует, — это социальный анализ.

— **Нет-нет, я поэтому и спрашиваю.** <...> Мне показалось по вашим текстам.

Вновь ведущая не использует лексических средств выражения извинения, однако объясняя в своем высказывании обстоятельства, заставившие ее пойти на ликоугрожающий акт, и указывая на свое нежелание причинять вред негативному лицу собеседницы. Своим вопросом Татьяна Толстая достаточно серьезно исказила взгляды Надежды Плунгян, что ограничило ее свободу, и этот урон негативному лицу необходимо было смягчить.

Другим выдающимся примером универсальной для обоих дискурсов стратегии вежливости является проявление уважения. В русском и английском языках существует множество лексических средств, почтительной лексики и обращений, которые призваны поднять статус собеседника в глазах участников общения. Подобную лексику также можно отнести к уделению внимания слушающему, что является стратегией позитивной вежливости, однако она также имеет функции стратегии негативной вежливости. Уменьшение угрозы негативному лицу в данном случае достигается тем, что разница в статусе предполагает относительную защищенность слушателя от ограничений со стороны говорящего. Зачастую ведущие почтительно обращаются к своим гостям в самом начале беседы, задавая таким образом тон общения и устанавливая необходимую дистанцию. Ильдар Жандарёв делает это в начале беседы с Владимиром Спиваковым (выход в эфир 11.01.2010):

— **Маэстро Спиваков** пришел сегодня поговорить на ночь глядя.

Ведущие американских ток-шоу также используют почтительные обращения в начале беседы с гостями. Некоторые из них подробно перечисляют все важнейшие достижения гостя перед его появлением, чтобы таким образом повысить его статус в общении. Джимми Киммел, ведущий ток-шоу «*Jimmy Kimmel Live!*», представляет таким образом гостя шоу, актера Грегга Киннира (выход в эфир 28.07.2016):

— Our first guest tonight is a **multi-talented man who has Oscar and Golden Globe nomination certificates in their drawer** <...> please welcome, Greg Kinnear!

Стратегия преуменьшения просьбы или вопроса также является универсальной для американского и российского дискурсов ток-шоу. При выполнении данной стратегии говорящий преуменьшает

затраты времени и сил слушающего на ответ или выполнение просьбы, смягчая урон негативно-му лицу. Говорящий может преуменьшить необходимость выполнения некоторого действия, либо объем усилий или затрат времени на выполнение. Татьяна Толстая использует данную стратегию на шоу «Школа злословия» в вопросе госте шоу, психологу Людмиле Петрановской, для чего ей приходится перебить свою соведущую Авдотью Смирнову. Стратегия вежливости призвана смягчить урон негативному лицу госте ток-шоу и второй ведущей от неожиданной смены темы разговора (выход в эфир 01.12.2013):

— **Хотела спросить** про психограмму, которой вы занимаетесь и которую применяете.

Поскольку своей настойчивостью Татьяна Толстая помешала высказаться коллеге и таким образом ограничила ее свободу действий, она использует стратегию негативной вежливости для того, чтобы сделать свой вопрос более косвенным. Таким образом она предоставляет себе-себе возможность не отвечать на вопрос, так как он не был задан напрямую.

В американском дискурсе ток-шоу данная стратегия также обладает некоторыми уникальными средствами выражения. В английском языке обратить внимание на несущественность просьбы можно при помощи *just*, что в контексте данной стратегии будет означать «всего лишь». Также данная стратегия используется гостями в ситуациях, когда им необходимо перебить других собеседников, либо они делают это по неосторожности. Конан О'Брайен, ведущий ток-шоу *Conan*, применяет эту стратегию в беседе со своим бывшим коллегой актером Джеком МакБрайером для того, чтобы задать Джеку неудобный для него вопрос (выход в эфир 17.04.2017):

— Another thing too, **I have to say...** That you've never lost your accent! <...> **Has it ever started to go away or does it ever get stronger?** If you go back down South.

— It does get stronger if you go back down South, if you get angry...

Конан задает своему гостю шуточный вопрос, который тот может расценить как обидный для себя, так как вопрос предполагает отсутствия у гостя контроля над своим поведением, что угрожает его негативному лицу. Поэтому ведущий принимает решение предварить данный вопрос стратегией преуменьшения.

Помимо универсальных для обоих дискурсов стратегий негативной вежливости, мы также

выделили ряд национально-специфичных, частотность которых в одном дискурсе выше, чем в другом. Различия в частотности стратегий обуславливаются наличием в одном языке уникальных средств выражения некоторых стратегий (таких как общепринятые выражения косвенности в американском дискурсе), а также различиями в ликоугрожающем потенциале некоторых речевых актов, что побуждает участников общения компенсировать урон негативному лицу иными способами (частое использование номинализации и обезличивания в российском дискурсе).

Частотность стратегии обезличивания говорящего или слушающего в российском дискурсе ток-шоу значительно выше, чем в американском. Ее часто используют такие ведущие, как Борис Берман и Ильдар Жандарёв, а также Татьяна Толстая и Авдотья Смирнова, смягчая с помощью этой стратегии угрозу негативному лицу гостей от нетактичных вопросов или комментариев. Зачастую ведущие могут заинтересоваться реакцией гостя на определенный комментарий о нем или его деятельности, являющийся ликоугрожающим актом, в личных целях или же для развлечения телеаудитории. Высказывая комментарий, ведущий преподносит его как чужое мнение, которое не соответствует его личному мнению, и потому ограничение свободы действий слушающего этим высказыванием ослабляется. Борис Берман использует эту стратегию негативной вежливости, высказывая комментарий о актерском амплуа Сергея Пускепалиса (выход в эфир 05.06.2014):

— **Одна рецензентка назвала вас**, замечательно, мне понравилось, «дикий медведь российского кинематографа», так она охарактеризовала вас.

Подобное определение игры актера, будучи комплиментом, является чрезмерно экспрессивным для того, чтобы сохранить необходимую дистанцию в общении. Стратегия обезличивания позволяет Борису Берману отдалиться от самого высказывания и таким образом поддерживает необходимую дистанцию между участниками общения. Тон общения в российских ток-шоу обычно не позволяет такого рода внезапных сокращений дистанции между собеседниками без соответствующих средств смягчения угрозы негативному лицу участников общения.

Близкой по механизму к обезличиванию является стратегия номинализации, частотность которой в российском дискурсе ток-шоу также выше, чем в американском. Номинализация является

логическим продолжением обезличивания слушающего в форме замены обращения к нему другим существительным, имеющим прямое отношение к данному речевому акту, урон негативному лицу от которого призвана смягчить стратегия вежливости. Говорящий может обратиться к части личности слушающего, к его поведению или действиям. Это позволяет говорящему смягчить ограничения свободы слушающего от комплиментов, резких замечаний или неудобных вопросов. Утверждая некоторые качества личности или поведения слушающего, говорящий не обращается к слушающему напрямую, оставляя свободу поступать иным образом без ограничений. Этой стратегией пользуется ведущий ток-шоу «На ночь глядя» Ильдар Жандарёв, когда задает вопрос актрисе Татьяне Друбич о том, почему ее роль в фильме «Анна Каренина» вызвала противоречивые эмоции у публики (выход в эфир 29.05.2014):

— Одни фильм приняли, другие не приняли. Поляризация мнений. Как вы думаете, **почему такая поляризация мнений?**

— Самое сложное и трудное в этом деле <...> и в моем исполнении Анны Карениной — это соответствовать чужим ожиданиям

— А вот чего публика ожидала и не получила в **соловьевской экранизации «Анны Карениной»?**

— Я думаю, публика ожидала костюмной мелодрамы.

Ведущие говорят о критических отзывах к картине, в которой актриса сыграла главную роль, обращаясь не к Татьяне напрямую, а говоря об успехе картины в целом. После того как гостя ток-шоу переводит тему обсуждения с картины на свою роль в ней, Ильдар Жандарёв вновь номинализует обращение, таким образом не возлагая на Татьяну Друбич всю ответственность за неудачи фильма.

Напротив, стратегия использования общепринятых выражений косвенности национально-специфична для американского дискурса ток-шоу и частота ее использования в российском дискурсе значительно ниже. Подобные выражения имеют хорошо известное всем значение, которое отличается от буквального значения данного выражения. Английский язык располагает множеством общеизвестных средств выражения косвенности: использование глаголов условного наклонения *would* или *could*, косвенные вопросы и просьбы. Актер Джон Кьюсак использует дан-

ную стратегию на *The Tonight Show with Jimmy Fallon*, чтобы смягчить вред негативному лицу ведущего, Джимми Фаллона, наносимый просьбой поздравить его сына с окончанием школы (выход в эфир 04.06.2015):

— I'm in a little bit of a bind right now... So **I wondered**, if you **could** do me a favor and say "Happy Graduation!" to my nephew, so I won't be in trouble at home?

— Of course I can. Camera woman?..

Подобная просьба гостя ток-шоу к ведущему является довольно редким явлением, и Джимми Фаллон оправданно удивлен тем, что у актера есть некоторое задание для него. Используя общепринятые выражения косвенности, Джон Кьюсак предоставляет своему собеседнику возможность не выполнять действие, если тот сочтет это неуместным. Использование косвенных выражений является весьма естественным для участников общения в американском речевом дискурсе, потому данная черта общения переносится и в дискурс ток-шоу.

Более частотной для американского дискурса ток-шоу также является стратегия обозначения долга слушающему или отсутствия у него долгов по отношению к вам. Эта стратегия чаще всего используется по отношению к серьезным ликогрожающим актам, которые существенно ограничивают свободу действий собеседника. Данная стратегия в английском языке может быть выполнена при помощи таких фраз, как *I would be grateful* или *I would never be able to repay you* для обозначения долга говорящего, и *It wouldn't be a problem* или *Never mind* для обозначения отсутствия долгов у слушающего перед говорящим. Одним из примеров использования этой стратегии является обращение ведущих американских ток-шоу к публике в студии сразу после начала шоу. Обычно публика приветствует ведущего шоу бурными овациями, которые с точки зрения негативной вежливости являются серьезным ограничением свободы действий зрителей в студии. Для смягчения урона их негативному лицу ведущий может сказать должником своих зрителей за такой теплый прием или же отметить то, что для них вовсе необязательно встречать его так радушно. Конан О'Брайен, ведущий ток-шоу *Conan*, часто использует эту стратегию негативной вежливости после своего выхода на сцену в студии (выход в эфир 11.04.2017):

— Thank you for that. **That was unnecessary and unearned**, but thank you.

Таким образом, мы выявили, что такие стратегии, как извинение, проявление уважения, пессимизм, уклончивость, преуменьшение и представление ликоугрожающего акта общим правилом, являются универсальными, и показатели их частотности находятся на одном уровне в американском и российском дискурсах ток-шоу. Такие стратегии, как общепринятые

выражения косвенности и обозначение долга слушающему, являются национально-специфичными для американского дискурса, в котором частота их употребления намного выше. Для российского дискурса ток-шоу характерно частое использование таких стратегий, как обезличивание говорящего или слушающего и номинализация.

Список литературы

1. Власян, Г. Р. Реализация негативной вежливости в английском разговорном диалоге / Г. Р. Власян // Изв. Юж. Федер. ун-та. Филол. науки. — 2011 — № 4. — С. 159—165.
2. Ларина, Е. Г. Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса (на материале американских телевизионных программ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Г. Ларина. — Волгоград, 2004. — 22 с.
3. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. — М. : Рукопис. памятники Древ. Руси, 2009. — 512 с.
4. Brown, G. Speakers, Listeners and Communication: Explorations in Discourse Analysis / G. Brown. — Cambridge ; New York, 1995. — 238 p.
5. Brown, P. Politeness: Some universals in language usage / P. Brown, S. Levinson. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987. — 345 p.
6. Brown, P. Universals in language usage: politeness phenomena / P. Brown, S. Levinson — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1978.
7. Goffman, E. Interactional Ritual: Essay on Face-to-Face Behaviour / E. Goffman. — Garden City, New York : Anchor Books, 1967. — 270 p.
8. Larina, T. Politeness: West and East / T. Larina, G. Leech // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. — 2014. — № 4. — Р. 9—34.
9. Leech, G. N. Politeness: Is there an East-West Divide? / G. N. Leech // J. of Foreign Lang. — 2005. — No. 6 — Р. 1—30.
10. Watts, R. Politeness / R. Watts. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. — 304 p.

Сведения об авторе

Марков Илья Васильевич — магистрант факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. tphinsjsp27@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 143—149.*

REALIZATION OF NEGATIVE POLITENESS STRATEGIES IN THE AMERICAN AND RUSSIAN DISCOURSES OF TALK-SHOW

I.V. Markov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. tphinsjsp27@gmail.com

This article provides a comparative analysis of particular features of realization of negative politeness strategies inside the framework of Russian and American talk-show discourses. The research is based on the negative politeness macrostrategy of the P. Brown and S. Levinson's model of politeness in the particular conditions of the talk-show discourse. Features of negative politeness realization in both languages are studied, some of which pertaining to the peculiarities of languages, and others — to the differences in structure and conditions of a talk-show discourse. The comparative analysis of frequencies of different negative politeness strategies is carried out. As a result of this, a number of culture-specific strategies has been determined, as well as a number of strategies, that are universal for both discourses.

Keywords: *politeness strategies, negative face, positive face, face-threatening act, talk-show.*

References

1. Vlasyan G.R. Realizatsiya negativnoy vezhlivosti v angliyskom razgovornom dialoge [Realization of negative politeness in spoken English dialogue]. *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo universiteta. Filologicheskiye nauki* [Proceedings of the Southern Federal University, Philological Studies], 2011, no. 4, pp. 159—165. (In Russ.).
2. Larina Ye.G. *Lingvopragmaticheskiye osobennosti tok-shou kak zhanra televizionnogo diskursa (na materiale amerikanskikh televizionnykh programm)* [Linguopragmatic features of a talk-show as a genre of television discourse. Abstract of Thesis]. Volgograd, 2004. (In Russ.).
3. Larina T.V. *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavleniye angliyskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsiy* [The category of politeness and communication style: a comparative analysis of English and Russian linguocultural traditions]. Moscow, 2009. 512 p. (In Russ.).
4. Brown G. *Speakers, Listeners and Communication: Explorations in Discourse Analysis*. Cambridge; New York, 1995. 238 p.
5. Brown P. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987. 345 p.
6. Brown P., Levinson S. *Universals in language usage: politeness phenomena*. Cambridge, Cambridge University Press, 1978.
7. Goffman E. *Interactional Ritual: Essay on Face-to-Face Behaviour*. Garden City, New York, Anchor Books, 1967. 270 p.
8. Larina T. Politeness: West and East. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of peoples' friendship University of Russia. Series: Linguistics], 2014, no. 4, pp. 9—34.
9. Leech G.N. Politeness: Is there an East-West Divide? *Journal of Foreign Languages*, 2005, no. 6, pp. 1—30.
10. Watts R. *Politeness*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 304 p.

УДК 81'42 ББК 81.1
DOI 10.24411/1994-2796-2018-11021

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СКАЗОВОМ ПОВЕСТВОВАНИИ РОМАНОВ И. С. ШМЕЛЕВА

М. А. Марышова

Литературный институт им. А. М. Горького, Москва, Россия

Анализируются модели фразеологизированных сложных предложений, используемых в романах И. С. Шмелева «Няня из Москвы» и «Пути небесные». Данные синтаксические конструкции рассматриваются как одни из самых важных стилеобразующих компонентов сказового повествования романов. Делаются логические выводы о том, что особенности синтаксиса речи героев индивидуализируют каждого сказового повествователя именно благодаря экспрессивным оборотам, в том числе в использовании фразеологизированных сложных предложений.

Ключевые слова: модель фразеологизированных предложений, разговорный синтаксис, сказ, стиль Шмелева, стилеобразующий компонент, фразеологизированное сложное предложение.

Фразеологизированные конструкции с точки зрения их структурной и семантической организации совмещают в себе особенности фразеологических и синтаксических единиц. Такие конструкции изучаются во многих работах [2; 3; 5], но до сих пор среди ученых нет единого мнения даже в употреблении терминов. Сложные фразеологизированные предложения описаны лишь фрагментарно. Есть целый ряд вопросов, не получивших еще ответа: например, состав фразеологизированных схем или каковы ассоциативные, психо- и этнолингвистические свойства данных единиц языка. В нашем исследовании мы опираемся на мнение составителей «Русской грамматики» (1980), далее АГ-80, в которой даются основные характеристики, а также модели сложных фразеологизированных конструкций [4]. В грамматике указываются два союза, а именно «как» и «чтобы» (*не успел... как, не прошло дня... чтобы не*). Три основные фразеологизированные схемы, представленные в АГ-80, — это модели с отрицанием и союзом *как*: 1) *не успел... как*; 2) *не прошло минуты... как*; 3) *не... как*.

В романах И. С. Шмелева «Пути небесные» и «Няня из Москвы» широко используются простые и сложные фразеологизированные предложения. В данной статье подробно описываются фразеологизированные сложные конструкции на языковом материале этих романов. Данные конструкции анализируются прежде всего как одни из важнейших стилеобразующих компонентов особой формы повествования — сказа Ивана Сергеевича.

Повествование романа «Няня из Москвы» ведется малообразованной няней. Для ее речевого образа характерны не просто разговорные, а часто просторечные конструкции и выражения. Соответственно, для ее речи сложные предложения нехарактерны, поэтому их в целом немного во всем тексте романа. Приоритет в использовании фразеологизированных конструкций рассказчиком-няней отдается именно простым фразеологизированным предложениям [1].

Роман «Пути небесные» во многом отличается от всех сказовых романов Ивана Сергеевича Шмелева. По мнению некоторых исследователей, автор отступает от своих традиций сказового повествования. Однако язык автора в целом не может не отражать его характерных черт, его языковых привычек, особенно на синтаксическом уровне.

Повествователь-рассказчик романа «Пути небесные» — это образованный человек — инженер Виктор Алексеевич Вейденгаммер, то есть это человек с иным социальным статусом, иным воспитанием, кругом общения и, соответственно, иными языковыми навыками по сравнению с повествователем-няней. Именно поэтому в речи повествователя данного романа намного чаще употребляются сложные предложения в принципе и, в частности, сложные фразеологизированные конструкции.

В тексте романов нами выявлены следующие модели фразеологизированных предложений:

1-я модель:

не успел (-а, -и, -о) + V inf. + союз «как»

Данная фразеологизированная конструкция состоит из глагола «успеть» с отрицанием

в обязательном сочетании с инфинитивом глагола совершенного вида в одной части сложного предложения и союза «как» в другой части.

*Она не берет. Он тогда на ступеньку бросил. Глядь — садовничиха вертится, на деньги зарится. **Не успела поднять, как** он ее по спине плеткой щелкнул, она в голос [8].*

Несмотря на то что некоторые литературные критики делают вывод о том, что автор отступает от своего привычного сказа в романе «Пути небесные», что уже отмечалось, мы используем языковой материал данного произведения для иллюстрации определенных индивидуально-авторских черт стиля писателя.

*Он не успел подумать, как она побежала к милостынному столику, положила серебреца на блюдо, перекрестилась на образок и, как когда-то белицей, поклонилась в пояс матушке вратарице, закутанной от мороза до самых глаз: «Здравствуйте, матушка... не узнаете?..» **Не успела Даринька прийти в себя** от слов «тети Пани» о бароне и от депеши Вагаева, как закружили ее события. **Не успели наахаться** Анята со старушкой, как снова позвонились и принесли из другого магазина: ландыши, цикламены и сирень — все снежное. **И не успели Даринька перекреститься** на образ, как услышала знакомый голос: «Ну, здравствуй, хорошая моя». Она не успела разглядеть, кто это смотрит, что-то мелькнуло в мыслях, но как раз двинулась коляска, быстрее, быстрее, и она велела кучеру — в ряды, лавка Кувшинникова [Там же].*

В романе «Няня из Москвы» используются такие предложения, в которых для связи предикативных частей употребляется не союз *как*, а разговорная частица *уж* / *а уж*:

*У Катички всякие карточки разобрали, все разузнали... — **не успели мы осмотреться, нам уж** газеты подали. И там уж про нас написано, ахнули даже мы: как успели! **А уж к нам** человек стучится, **раздеться не успели**: «Я, — говорит, — ваш земляк, русский... всякое поручение могу, извольте карточку вам на память!» [7].*

Благодаря добавлению частицы *уж* / *а уж* усиливается семантика одновременности, мгновенности событий, происходящих тотчас, сразу же, что выражается глаголами в сложном предложении. Это логически объяснимо с точки зрения семантики данной фразеологизированной структуры, так как няня повествует о событиях, которые довольно быстро сменяют одно другое.

Следует отметить, что модель **не успел... как** занимает особое место среди фразеологизированных конструкций благодаря своим структурно-семантическим свойствам. Так как в первой части конструкции в позиции инфинитива находится глагол, специально предназначенный для указания на быстроту и неожиданность описываемой ситуации, то добавление отрицания придает семантику особой стремительности наступления события, о котором сообщается во второй части предложения — после союза «как». Именно этими уникальными свойствами конструкции можно объяснить то, что И. С. Шмелев довольно часто использует ее в текстах обоих романов. Отмечаем тот факт, что автор использует бессоюзные предложения в большом количестве, так как они также являются одной из ярких черт разговорного синтаксиса. В частности, в рамках данной модели есть фразеологизированные бессоюзные конструкции:

*Только отвоевали, **не успели мы оглядеться, говорят**, — какие-то зеленые на горах сидят, грабят. И что же, барыня... все тут у нас и **переменилось, ахнуть я не успела**. Он подбежал, откинул полость, что-то сказал про снег и ловко перенес Дариньку на крыльцо, **не успела она опомниться**. И она услышала, как быстро вонзили четвертый гвоздь, — **не успела почувствовать** и боли [7].*

В этих двух последних примерах фразеологизированных бессоюзных конструкций соположение частей является свободным, что обосновано контекстом и семантикой высказывания.

2-я модель: **не + V. (с приставкой -про)**

в прош. времени + N. Genetivus + союз «как»

Глагол с отрицанием (обычно с приставкой *про-*, обозначающей длительно-ограничительный способ действия) в сочетании с именем в род. падеже и союз *как*. Такая фразеологизированная конструкция используется автором в романе «Пути небесные» неоднократно:

***Не прочитала даже принесенного без нее письма**, не вникала, что толковала-путала Прасковеюшка, **как** «опять была эта самая, лихущая... оставила вот бумажку, чтобы беспременно прочитали...»; **Не прошло недели, как** все в Уютове отстоялось, получило налаженность. Или ты никогда не читал Евангелия? не слыхал — **«не пропоет петух три раза, как ты трижды отречешься от Меня»?** [8].*

Интересно отметить, что в последнем из приведенных выше примеров героиня романа Дарья

в своем высказывании цитирует Евангелие, и конструкция выстроена именно по фразеологизированной схеме. В романе «Няня из Москвы» автор часто использует предложения, синонимичные приведенным выше примерам, но бессоюзные, по модели: **N. + не V. прош. времени**:

Месяца не прошло — уж и житья не стало, все поползло. Стала ему говорить — даст Господь, еще и поживете, а он — «нет, **месяца не прожизу**... не оставляй Катичку... и прости, няня, нас за все». *Недели не прошло*, генерал Ковров из Костантинополя приехал, Катичка его видала. *Недели не прошло*, опять к нам, досматривать. *Двух недель не прошло*, бежит грек, весь перекосился, как сатана, газетку сует — визжит: «а, шайтан... пропало наше счастье!». *Недели не прожили* — Гарт приехал. Ну, тоже вода, да там в разные земли заезжали, *дня не проходило*, — все-таки страху такого нет: и корабли ходят бесперечь, и землю рукой подать, и вода-то совсем другая, и море там святое... *Дня не прошло*, читает она газеты и смеется. Сразу мне бросилось, *минутки не прошло*... — она на меня глядит! [7].

Семантику этих фразеологизированных сложных предложений можно определить как обозначение того, насколько краткосрочно, неожиданно быстро происходит событие относительно другого события или наступает непривычно, после непредсказуемо короткого периода, который еще не истек, а событие уже неожиданно произошло. Такие фразеологизированные конструкции употребляются в тексте данного романа значительно чаще, чем сложноподчиненные, то есть можно говорить о том, что эти фразеологизированные конструкции относятся к экспрессивным оборотам, отличающим сказовый стиль повествования романа. Важно отметить тот факт, что временные и причинно-следственные сложные фразеологизированные предложения занимают свое обособленное положение, так как в таких предложениях нет четкого противопоставления между главной частью и придаточной, поэтому они являются смешанным типом, который в равной мере относится и к союзным, и к бессоюзным конструкциям.

3-я модель:

еще не..., а / но / (уж / уже)

В позиции союза *как* возможен сочинительный союз. Такой позиционный вариант упоминается и в АГ-80¹. *Так это мне неприятно стало: и на*

Америку еще не ступила, а уж за чудо какую приняли. И Катичка расстроена чего-то, — за-торможили [7]. В данном предложении наречие «а уж» выражает значение преждевременности события во второй части фразеологизированной конструкции.

Эта же модель используется в романе «Пути небесные»:

Даринька еще не была в Большом, но слышала, что «Конек-Горбунук» самое интересное, вон и на крыше зеленые лошади; Он радовался, что она ручнее: «Ты» еще не говорит, но уже шепчет; Клапаны и педали еще не обыгрались, приходилось делать усилия, но она обошлась и проиграла на память «Святой Боже» [8].

4-я модель: **рассказать**

как на духу, так поверить (увериться)

Сказала — «как батюшке на духу сказала, так я уверилась», — что она золотишвейка, от Канителева, с Малой Бронной, с семи лет все золотишвейка, стала уж мастерица, что определил ее кто-то, а теперь сирота она... [...] [Там же].

В данном предложении можно констатировать авторскую обработку народно-просторечного устойчивого выражения «так поверить кому-то, и (что) рассказать все как на духу». В тексте употреблен глагол «сказать» вместо «рассказать», а также глагол *увериться*, который в Толковом словаре Д. Н. Ушакова определяется следующим образом: «Поверить чему-нибудь или во что-нибудь, убедиться в чем-нибудь», вместо изначально присутствующего в конструкции «поверить» [9].

5-я модель: **что ни N, (то) + V**

А пристав новый, помощник-поверенный, что ни вечер, за закусками посылает, в долг все, а не дать нельзя, — власть, какая ни есть... да все дорогое требует: икры, мадеры, сыру ему швейцарского, сардинков... [7].

Важно отметить, что фразеологизированные предложения, выстроенные по данной модели, единичны, то есть нетипичны для сказового повествования романов.

6-я модель:

не + указ. мест. слова то и так + чтобы + V

Ну, не то, чтобы постарели, а...погрузнели. Нет, не то, чтобы подурнели, вы и теперь красивые, а... годы-то красоты не прибавляют, до кого ни доведись. Да не так, чтобы ахтительный какой, и уж немолодой, а видный такой мужчина, брюзглый только, брыластый такой, губастый [7].

¹ С. 567.

7-я модель:

стоит (стоило) +V inf.

Стоило Дариньке сказать — нет — и не поехали бы. Но она сказала, в каком-то оценении: «Почему же, поедemте» [8].

8-я модель:

едва + V finitum + чтобы + не V inf.

Даринька едва владела собой, чтобы не убежать. Он едва сдержался, чтобы не пойти в келью матушки Агнии [Там же].

9-я модель:

на то и + чтобы

Можно и домино, и стильное, и... Барон уверял, что святки на то и созданы, чтобы маскарады... женщины расцветают в маскарадах. Поклонник, а? Вспыхивает, как институтка. На то и цветочки... Вагайчик, а? Ну, конечно [8].

Во втором примере в речевой ситуации используется усеченный вариант фразеологизированной конструкции, так как недосказанность, вы-

раженная усечением данной модели, позволяет сформировать необходимый контекст понятной недосказанности, возможной только в процессе живой речи.

Итак, особо отмечаем, что отличительной чертой фразеологизированных предложений является идиоматизация их компонентов, без которой невозможно структурное образование и дальнейшее функционирование фразеологизированных конструкций. Таким образом, фразеологизированные сложные предложения, принадлежащие разговорной речи, разговорному синтаксису, относятся к речевым оборотам, которые создают речевой образ рассказчика и, соответственно, сам сказовый стиль повествования. Мы приходим к логичному выводу о том, что речевой образ во многом зависит от уровня образования, социального статуса рассказчика, именно поэтому сложных фразеологизированных предложений в романе «Пути небесные» больше, чем в романе «Няня из Москвы».

Список литературы

1. Марышова, М. А. Модели фразеологизированных простых предложений в романе «Няня из Москвы» как средство стилизации / М. А. Марышова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2017. — № 6 (106). — С. 60—68.
2. Остапенко, А. И. Фразеологизированные сложноподчиненные предложения в системе языка: структурно-семантический, этимологический и фразеологический аспекты: На материале русского языка : дис. ... канд. филол. наук / А. И. Остапенко. — Ростов н/Д, 2005. — 177 с.
3. Пирунова, С. И. Формально-смысловые и функциональные особенности сложноподчиненных предложений фразеологизированной структуры : дис. ... канд. филол. наук / С. И. Пирунова. — Липецк, 1996. — 328 с.
4. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. — М. : Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз., 1980. — 717 с.
5. Шаталова, О. В. Структурно-семантическая характеристика и функциональные особенности предложений, совмещающих черты как простой, так и сложноподчиненной конструкций : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Шаталова. — Липецк, 2000. — 224 с.
6. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. — М. : Изд-во АН СССР, 1960. — 378 с.
7. Шмелев, И. С. Неупиваемая чаша. Романы. Повести. Статьи / И. С. Шмелев. — М. : Шк.-Пресс, 1996. — 701 с.
8. Шмелев, И. С. Пути небесные / И. С. Шмелев. — М. : ДАРЪ, 2005. — 848 с.
9. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Д. Н. Ушакова. — URL: <http://www.usakovdictionary.ru>.

Сведения об авторе

Марышова Марина Александровна — соискатель ученой степени кандидата филологических наук на кафедре русского языка и стилистики, Литературный институт им. А. М. Горького. Москва, Россия alyenka@inbox.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
 2018. No. 10 (420). Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 150—154.

PHRASEOLOGICAL COMPLEX SENTENCES IN TALE NARRATION OF I.S. SHMELEV'S NOVELS

M.A. Maryshova

Maxim Gorky Literature Institute, Moscow, Russia. alyenka@inbox.ru

Phraseological models of complex sentences in the novels of I.S. Shmelev “Child Nurse from Moscow” and “Ways of Heaven” are identified in this article. These syntax constructions are analyzed as one of the most important style-forming components of the tale narration of novels. Logical conclusions are made in the article, for example, that the language skills characterize, individualize every tale narrator precisely because of expressive phrases, in this case, phraseological complex sentences.

Keywords: *model of phraseological sentences, colloquial syntax, Shmelev's style, style-forming component, phraseological complex sentence.*

References

1. Maryshova M.A. Modeli fraseologizirovannykh prostykh predlozheniy v romane “Nyanya iz Moskvy” kak sredstvo stilizatsii [Models of phraseologized simple sentences of I.S. Shmelev's novel “Nyanya iz Moskvy” as a means of stylization]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2017, no. 6 (106), pp. 60—68. (In Russ.).
2. Ostapenko A.I. *Fraseologizirovannye slozhnopodchinennye predlozheniya v sisteme yazyka: strukturno-semanticheckiy, etimologicheskoy i fraseologicheskoy aspekty: Na material russkogo yazyka* [Phraseologized complex sentences in the language system: structural-semantic, etymological and phraseological aspects: On the material of the Russian language. Thesis]. Rostov, 2005. 177 p. (In Russ.).
3. Pirunova S.I. *Formal'no-smyslovyye i funktsional'nyye osobennosti slozhnopodchinennykh predlozheniy fraseologizirovannoy struktury* [Formal-semantic and functional features of complex sentences of a phraseological structure. Thesis]. Lipetsk, 1996. 328 p. (In Russ.).
4. Shvedova N.Yu. (ed.). *Russkaya grammatika. T. 2. Sintaksis* [The Russian Grammar. Vol. 2. Syntax]. Moscow, 1980. 717 p. (In Russ.).
5. Shatalova O.V. *Strukturno-semanticheckaya kharakteristika i funktsional'nyye osobennosti predlozheniy, sovmeshchayushchikh cherty kak prostoy, tak i slozhnopodchinennoy konstruktsiy* [The structural and semantic characteristics and functional features of sentences, which combine features both simple and compound sentences. Thesis]. Lipetsk, 2000. 224 p. (In Russ.).
6. Shvedova N.Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi* [Essays on the syntax of the Russian colloquial speech]. Moscow, 1960. 378 p. (In Russ.).
7. Shmelev I.S. *Neupivaemaya chasha. Romany. Povesti. Stat'i* [Inexhaustible chalice. Novels. Stories. Articles]. Moscow, 1996. 701 p. (In Russ.).
8. Shmelev I.S. *Put'i nebesnye* [The Ways of Heaven]. Moscow, 2005. 848 p. (In Russ.).
9. Usakov D.N. (ed.). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Available at: <http://www.usakovdictionary.ru>.

В. И. ДАЛЬ О СМОТРИНАХ И РУКОБИТИИ КАК ЭТАПАХ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА

О. В. Мешкова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Дается развернутая характеристика смотрин и рукобития как этапов свадебного обряда, ставших объектом лингвистических и этнографических изысканий В. И. Даля и получивших творческое осмысление в его рассказах. Сопоставительный анализ статей «Толкового словаря живого великорусского языка» с рассказами соответствующей тематики цикла «Картины из русского быта» позволил выявить специфику использования В. И. Далем фольклорно-этнографического материала.

Ключевые слова: *фольклор, этнография, рукобитие, смотрины, лексикограф, словарь, свадьба.*

Изучение научного наследия В. Даля имеет свою историю: к лексикографической деятельности Даля-лингвиста интерес сохранялся всегда (об этом свидетельствуют публикации, вышедшие в разное время в разных странах); фольклорно-этнографические изыскания Даля — знатока русской культуры и быта попадали в поле зрения как фольклористов, так и этнографов разных поколений. Иначе обстояли дела с творческим наследием Даля: в момент выхода в свет произведения этого автора не оставались незамеченными критикой, порождали разнообразные отклики со стороны писателей, однако в последующие годы изучение творчества Даля было отмечено как всплесками интереса, так и периодами затишья. Одни произведения, порождая дискуссии и противоречивые оценки, оказались вписанными в парадигму того или иного жанра (например, сказки Казака Луганского традиционно изучаются в контексте литературной сказки), научные подходы к другим долгое время оставались лишь пунктирно намеченными, а циклы произведений писателя изучались фрагментарно.

Такое положение дел не могло оставаться неизменным, ибо представление о литературно-критическом процессе XIX в. было бы неполным без осмысления роли Даля в его формировании и развитии. В конце XX в. исследовательский интерес к Далю очевидно возрос. Заметим, что обстоятельный анализ опубликованных в этот и последующий периоды научных работ содержится в монографии Н. Л. Юган «В. И. Даль и русская литература 30—60-х гг. XIX в.», потому остановимся лишь на тех изысканиях, которые имеют отношение к нашей работе.

А. Л. Фокеев, привлекая обширный литературный контекст, доказывает, что Даль стоял у истоков «этнографического направления в русской литературе» [11. С. 184]: принципы изображения крестьянского быта, выработанные Далем, нашли отклик в произведениях Д. В. Григоровича, А. Ф. Писемского, П. И. Мельникова-Печерского и др. Исследователь считает, что этнографизм Даля имел особый, фактографический характер.

Фольклорный контекст как необходимый для интерпретации произведений Даля избирает О. В. Опря: в диссертации «Фольклорные традиции в творчестве В. И. Даля» [9] автор последовательно анализирует устное творчество уральских казаков и казахский фольклор, нашедшие отражение в творчестве писателя.

По мнению К. Г. Тарасова, при изучении произведений Даля следует учитывать православный контекст, поскольку «знание обычаев и традиций русского народа, постепенный приход к православию не могли не отразиться в творчестве писателя» [10. С. 297].

Несомненно, поиск путей постижения специфики творчества Даля будет продолжен, ибо остаются неисследованными десятки повестей, очерков, статей писателя.

На наш взгляд, одним из перспективных подходов к изучению дальевских произведений является их анализ как в контексте собирательской фольклорно-этнографической деятельности Даля, так и в парадигме его лексикографических изысканий, иными словами, изучение сочинений Даля в «контексте Даля» в их взаимовлиянии и пересечении. Вспомним, что еще М. К. Азадовский писал о словаре Даля как о «незаменимом пособии и для фольклориста и для этнографа» [1. С. 623].

Можно с уверенностью продолжить этот список «заинтересованных лиц», включив в него и литературоведа, изучающего творчество Даля.

Такой подход, на наш взгляд, применим прежде всего к произведениям, в которых фольклорно-этнографические элементы являются частью созданного автором художественного мира. Подобные мысли рождаются при знакомстве с отдельными рассказами В. Даля [8], вошедшими в цикл «Картины из русского быта», а затем и в «Новые картины русского быта». Остановимся на рассказах, которые напрямую связаны с этапами свадебного обряда — смотринами и рукобитием.

Ранее, исследуя функции свадебных мотивов в произведениях писателей XIX в., мы уже отмечали, что «обращение художников слова к семейному обряду представляется вполне закономерным, поскольку позволяет получить сведения о национальных традициях и обычаях народа (свадьба, один из трех “обрядов перехода”, в XIX веке представляла собой социально-экономический акт, напрямую связанный с ситуацией купли-продажи, и театральное действо, в котором четко распределены роли)» [7. С. 87]. В. И. Даль, проявлявший неподдельный интерес к русской культуре, не мог оставить без внимания этот фольклорно-этнографический комплекс. В своем словаре лексикограф дает комментарий компонентам обряда, сосредоточиваясь не только на расшифровке слов, но и на обычаях, связанных с тем или иным этапом свадьбы. Информативной оказывается словарная статья, посвященная глаголу *сватать*:

— во-первых, она содержит толкование самого слова и однокоренных с ним;

— во-вторых, замечания, позволяющие получить представление об участниках этого действия в целом (например, говорится о разных типах свах: «жениховой (сватавшей)», «невестиной (расчеши-косу, погуби-красу, или подвенечной)» и постельной (или пуховой)» [4. С. 145];

— в-третьих, сведения о предшествующих сватовству и следующих за ним этапах свадьбы: «Сватанье или сватовство начинается негласным семейным советом, затем бывает засылка, засыл пустосватов, для проводки, там смотрины, глядины, там посылка свах или сватов; там сватовство и рукобитье...» [Там же];

— в-четвертых, пословицы, поговорки, приметы, сопровождающие свадьбу;

— в-пятых, упоминания о региональных особенностях обряда.

Уже этот беглый обзор позволяет заметить, что фольклорно-этнографический материал составляет основу статьи и дает представление о свадьбе прежде всего как последовательности этапов, сопровождающихся высказываниями его участников.

Слова «смотрины» и «рукобитие» в отдельные статьи не выделены. Первое встречается в ряду однокоренных с глаголом «смотреть», при этом Даль ограничивается упоминанием возможных участников смотрин («смотреть невесты самим будущим женихом или кем-нибудь с его стороны» [4. С. 238]). Второе входит в словарную статью «Рука», но в этом случае лексикограф комментирует слово с присущей этнографу обстоятельностью: он поясняет, как происходит рукобитие («битье по рукам отцов жениха и невесты, обычно покрыв руки лапами кафтанов, в знак конечного согласия» [Там же. С. 112]), когда (в конце сватовства), где («...рукобитие бывает у отца жениха, где они ломают пирог; но более в доме отца невесты» [Там же]).

Кроме того, Даль считал необходимым в рамках статьи рассказать и об основных вопросах, традиционно решаемых на этом этапе: «определяют кладку или столовые деньги, от отца жениха, и приданое невесты» [Там же].

Очевидно, что лексикограф выходит за рамки обычной практики составления словаря: за лексическими единицами угадываются картины русского быта, созданные заинтересованным собирателем фольклора.

Заметим, что в тот же период, когда издавался «Толковый словарь живого великорусского языка» (1-е изд. 1861—1868), читатель познакомился и с «Картинами из русского быта» В. Даля. Отдельное издание «Картин...» было осуществлено в 1861 г., до этого же Даль публиковал свои произведения в альманахах и журналах. Обращает на себя внимание и другой факт: параллельная работа над толковым словарем и «Картинами...» продолжилась и в последующие годы. Изучение русской культуры, бытовых реалий и духовной жизни народа давало Далю неисчерпаемый материал как для лексикографической работы, так и для творчества, оказывая, впрочем, влияние на художественную манеру писателя. Показательными, на наш взгляд, являются уже заглавия некоторых произведений, отнесенных автором к «Картинам из русского быта»: подобно словарным статьям они лаконичны, безоценочны, представляют собой номинацию

события, явления, объекта или субъекта. Таковы заглавия исследуемых нами рассказов и очерков: «Смотрины и рукобитие», «Жених», «Бесчестье», «Рассват».

В первом из вышеназванных текстов вынесенные в заглавие этапы свадебного обряда становятся сюжетообразующими мотивами. В центре внимания оказываются два жениха — «плешивый математик» Кондратий Семеныч и «плешивый музыкант» Филипп Иваныч, две свахи — унтерша Кузминична и вдова Агафья Терентьевна, одна невеста — «лежалый товар, который понадобилось спустить с рук» [3. С. 326]. Эти участники предсвадебного переполоха попадают в нелепую ситуацию: родители невесты, решившие, что речь идет об одном и том же женихе, дают согласие обеим свахам. В итоге в день рукобития свахи «разбранили хозяина и хозяйку, плюнули на крыльцо проклинаемого ими дома и ушли со двора», женихи, «крайне обиженные таким соблазном и позором, сделали то же» [Там же. С. 340].

Итак, в соответствии с жанром, обозначенным автором как картина, характеры не разработаны, сюжет предельно прост. Однако анекдотическая ситуация выступает в обрамлении фольклорно-этнографических деталей, дающих представление о некоторых особенностях обряда, с одной стороны, а с другой — о народной смеховой культуре, нашедшей отражение в произведении.

В экспозиции рассказа автор дает характеристику женихам, причем сначала с тонким юмором говорит о домах, в которых они проживают. Подобно Гоголю в «Мертвых душах» Даль подчеркивает, что быт, окружающий героев, является их точным отражением: «Обе лачужки эти сильно покачнулись в основании своем, вероятно разделяя чувство взаимной ненависти своих хозяев, потому что покачнулись вразбегку друг от друга и глядели врознь» [Там же. С. 325].

Шаржированными оказываются и портреты героев: подчеркивая сходство женихов, автор сначала создает их общий портрет, используя при этом местоимение *оба* (оба «довольно пожилые, однолетки...»), «оба были довольно лысы, оба по разу или по два в году допивались до чертиков» [Там же] и т. д.), а затем, используя принцип контраста, подчеркивает различия женихов: Кондратий Семеныч — высокий, Филипп Иваныч — низкий, первый — грозный, второй — веселый и т. д. В итоге наблюдения суммируются в прозвища — «плешивый математик» и «плешивый музыкант».

Гротесковое освещение вражды этих соседей дополняется рассказом о противостоянии не только Кондратия Семеныча и Филиппа Иваныча, но и их домочадцев (используя иронию, автор пишет: «домочадцы их жили точно в таком же ладу»), и «домашних тварей».

Фазы развития конфликта в рассказе соотносены с предсвадебными этапами — смотринами и рукобитием, когда главным действующим лицом, как правило, становилась сваха. В рассказе их две — по количеству женихов. Создавая картину появления свахи в доме Филиппа Ивановича, Даль подчеркивает впечатление, которое гостя производит на хозяина дома: «когда он убедился, что женщина эта не пьяна и в своем уме, то плачет навзрыд, который последовал за пляской, сильно тронул и поразил его...» [Там же. С. 336]. Даль с юмором рассказывает о том, как «плешивый математик» и «плешивый музыкант» превращаются в завидных женихов. Текст произведения дробится на отдельные сцены, объединяющим началом при этом становится смех: ситуации, в которых оказываются словоохотливые свахи и не верящие своему счастью женихи, комические.

Заметим, что Даль высмеивает мелочность интересов, хитрость и изворотливость участников действия. Обладатели этих качеств в соответствии с народной моралью должны быть разоблачены, что и происходит в финале рассказа: желая поскорее достичь цели, женихи, свахи и родители невесты пропускают этап смотрин, а до рукобития дело не доходит.

В рассказе «Жених» Даль вновь обращается к этапу сватовства. Капитан Петушков, уверенный в своей исключительности, дважды предпринимает попытку добиться расположения девушек на выданье. Однако как в первом, так и во втором случае капитан терпит поражение и уезжает из города.

Даль создает образ самовлюбленного жениха, который не обращает внимания на происходящее вокруг. Комическими оказываются ситуации, в которые он попадает: Петушков рассказывает о своих достоинствах, а в это время предполагаемую невесту показывают другому соискателю и дают согласие на свадьбу. Картина нравов складывается в единое полотно из отдельных эпизодов, среди которых наглядным становится этап «тайных» смотрин. Расчетливые родители и невеста, не желая остаться без женихов, одного принимают открыто (Петушков вместе со своей тетешкой приходит в дом Веретенниковых),

а другого — тайно, чтобы он мог взглянуть на невесту. Кроме того, жениху, который понравился невесте, прибавляют пять тысяч к исходной сумме, чтобы после смотрин начать переговоры о свадьбе.

Иными по настроению оказываются произведения, где в центре внимания судьба невесты. В рассказе «Бесчестье» отец только после рукобития объявляет дочери о том, что для нее «женишок сыскался». Строптивая дочь грозит отцу и матери, что останется в девках навеки, и не выходит к жениху даже во время сговора. Онисим, отец упрямой невесты, вынужден понести наказание за то, что его «запитая и сговоренная» дочь не выходит к жениху. Однако девушка не идет на уступки, замечая отцу, что ему «поделом маленько досталось, пошто было чужу душу кабалить...» [2].

Обстоятельное «народознание», которым обладал Даль, не позволило ему остановиться лишь на описании сильного характера главной героини, сумевшей противостоять традиционным представлениям о свадьбе и ее законах. Даль показывает, что это, скорее, исключение: следуя принципам «натуральной школы», автор рисует среду, которая порождает подобные конфликты: рассказывает о самоуправстве родителей; об общинах, где живут отделившиеся от родительского дома и давшие обет безбрачия девушки; о материальной стороне свадьбы. Не поэзия праздника, а логика расчетов сопровождает рукобитие, в котором принимают участие отец невесты и брат жениха, на первый план при этом выходит не символический мотив «купли-продажи», а реальные товарно-денежные отношения.

Рассказ «Рассват» привлекает внимание современного читателя прежде всего заглавием, поясняя которое Даль обращается к пословице «сват на коне, а рассват на свинье». Эта поговорка используется и в «Толковом словаре живого великорусского языка» в словарной статье, посвященной глаголу *рассватать*. По Далю, это значит расстроить свадьбу, а рассватом называют, соответственно, того, кто добился подобного результата. Если в словаре Даль ограничивает комментарий слова указанием на вышеназванную поговорку, то рассказ превращается в наглядную ее иллюстрацию. Заметим, что, предвзяв повествование, Даль не просто цитирует пословицу, но сразу же заявляет, что ситуация, о которой он будет вести речь, меняет местами свата и рассвата.

В экспозиции автор знакомит читателей с семьей помещика Махалкина, обращая внимание на противоречие, разъединяющее близких людей: родители хотят «пристроить дочь», в то время как восемнадцатилетней девушке «воля еще не надокучила» [3]. Подчеркивая стремительность развития событий, автор не останавливается на описании этапов подготовки свадьбы, он лишь замечает, что невесту известили о скорых переменах в ее жизни, когда «дело уже было покончено», то есть рукобитие состоялось. Можно было бы предположить, что и финал этой истории предсказуем — несчастная девушка, оплакивающая свою судьбу. Однако конфликт получает иное разрешение. Просватанная Машенька открыла свою душу и рассказала о своем нежелании идти замуж брату подруги, Малоемцеву. Он свадьбу расстроил, причем сделал это так, что и гости, и родители, и жених с невестой оказались довольны: «...за столом одна круговая чара обносилась за другою с разными шутками и остротами» [Там же].

Идиллическая картина, нарисованная в развязке, далека от существовавших традиций, а потому не выглядит правдоподобной. Это, скорее, ожидания просвещенного человека, связанные с возможными цивилизованными способами разрешения семейных конфликтов.

Представление о своеобразии далевского подхода к созданию картин народного быта было бы неполным без учета паремий, встречающихся как в его произведениях, так и в словаре, ибо писатель обращался к «народной поэзии как арсеналу художественных средств» [6. С. 31]. Справедливости ради следует сказать, что еще З. И. Власова, размышляя о своеобразии фольклоризма физиологических очерков Даля, отмечала, что проявился он «главным образом в использовании поговорок, пословиц и фразеологизмов». В исследуемых нами рассказах афоризмы народного происхождения выполняют разные функции: несомненно, как и в словаре, отражают «живой» русский язык; кроме того, являются способом создания образа автора-повествователя, речь которого богата фольклорными и авторскими фразеологизмами; элементом речевой характеристики персонажа (например, свадебные приговорки в рассказе «Смотрины и рукобитие» произносят бойкие свахи), средством формирования представлений о мировоззрении того или иного героя (например, в рассказе «Бесчестье»), основой сюжета (в рассказе «Рассват») и т. д.

Если в словаре Даль предстает как наблюдатель, фиксирующий явления, то в произведениях — всматривающийся в действительность писатель, видящий и красоту народных традиций, и темноту нравов. Рассказывая о смотринах и рукобитии, Даль облачает в форму художественных произведений такие факты, которые позволяют составить представление о своеобразии этих свадебных этапов, об определенных социальных стереотипах, зафиксированных народной традицией. Смотрины, к примеру, по своей значимости, уступают место рукобитию: поскольку мнением жениха и невесты можно было пренебречь, родители при отсутствии разногласий могли переходить к рукобитию. В произведениях не случайно

появились образы свах — проворных и расторопных, невест — чаще всего смиренных и бессловесных, реже — гордых и строптивых; женихов — расчетливых и незадачливых и т. д. Эти и другие образы нужны автору, чтобы создать картину нравов, потому персонажи порой не имеют имен, обозначены лишь их социальные роли.

С другой стороны, Даль видит в русском быте поколениями накопленный опыт, который сам по себе вызывает интерес и требует скрупулезной регистрации, внимательного изучения и творческого осмысления, поэтому фольклор и этнография становятся органичной частью не только «Картин из русского быта» Даля, но «Толкового словаря живого великорусского языка».

Список литературы

1. Азадовский, М. К. История русской фольклористики / М. К. Азадовский. — М. : Ин-т рус. цивилизации, 2014. — 1056 с.
2. Даль, В. И. Полное собрание сочинений в прижизненных публикациях [Электронный ресурс] / В. И. Даль. — URL: <http://philolog.petrso.ru/vdahl/texts/texts.htm>.
3. Даль, В. И. Повести и рассказы / В. И. Даль. — М. : Совет. Россия, 1983. — 432 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4 / В. И. Даль. — М. : Рус. яз., 2006. — 683 с.
5. Власова, З. И. В. И. Даль / З. И. Власова // Русская литература и фольклор. Первая половина XIX века. — Л., 1976. — С. 338—360.
6. Лазарев, А. И. Типология литературного фольклоризма : учеб. пособие / А. И. Лазарев. — Челябинск, 1991. — 94 с.
7. Мешкова, О. В. Основные функции свадебного обряда в произведениях русских писателей XIX [века] (к постановке вопроса) / О. В. Мешкова // Вестн. науч. конференций. — 2016. — № 1—4 (5). Наука и образование в XXI в. : по материалам междунар. науч.-практ. конф. 29 янв. 2016 г. Ч. 4. — С. 87—88.
8. Мешкова, О. В. Особенности изображения свадьбы в рассказе В. Даля «Невеста с площади»: фольклорно-этнографический контекст / О. В. Мешкова // Науч. альм. — Тамбов, 2016. — № 3—4 (17). — С. 307—311.
9. Опря, О. В. Фольклорные традиции в творчестве В. И. Даля : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Опря. — Самара, 2003. — 25 с.
10. Тарасов, К. Г. Пасхальные мотивы в творчестве В. И. Даля / К. Г. Тарасов // Проблемы ист. поэтики. — 1998. — № 5 — С. 295—301.
11. Фокеев, А. Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: истоки, тип творчества, история развития : дис. ... д-ра филол. наук / А. Л. Фокеев. — М., 2004. — 516 с.
12. Юган Н. Л. В. И. Даль и русская литература 30—60-х гг. XIX в. : монография / Н. Л. Юган. — Луганск : Изд-во ЛНУ им. Т. Шевченко, 2011. — 399 с.

Сведения об авторе

Мешкова Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. ru-tochka@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2018. No. 10 (420). Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 155—160.

V.I. DAL ABOUT THE BRIDE-SHOW AND THE WEDDING BARGAIN AS THE WEDDING CEREMONY STAGES

O.V. Meshkova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ru-tochka@mail.ru

The article gives a detailed description of the bride-show and the wedding bargain as the wedding ceremony stages, which became the object of Dal's linguistic and ethnographic researches and received creative comprehension in his stories. Analysis of dictionary entries in the "Explanatory dictionary of the live great Russian language" and stories on appropriate topics, that included in the "Pictures of Russian life" cycle, has allowed to identify the specifics of the use by Dal the folklore and ethnographic material.

Keywords: *folklore, ethnography, wedding bargain, bride-show, lexicographer, dictionary, wedding.*

References

1. Azadovskiy M.K. *Istoriya russkoy fol'kloristiki* [History of Russian folklore]. Moscow, Institute of Russian civilization Publ., 2014. 1056 p. (In Russ.).
2. Dal' V.I. *Polnoye sobraniye sochineniy v prizhiznennykh publikatsiyakh* [Complete works in lifetime publications]. Available at: <http://philolog.petrus.ru/vdahl/texts/texts.htm>, accessed 27.09.2018. (In Russ.).
3. Dal' V.I. *Povesti i rasskazy* [Novels and stories]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1983. 432 p. (In Russ.).
4. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka v 4 t. T. 4* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in 4 vol. Vol. 4]. Moscow, Russian Language Publ., 2006. 683 p. (In Russ.).
5. Vlasova Z.I. *V.I. Dal'* [V.I. Dal]. *Russkaya literatura i fol'klor. Pervaya polovina XIX veka* [Russian literature and folklore. The first half of the XIX century]. St. Petersburg, 1976. Pp. 338—360. (In Russ.).
6. Lazarev A.I. *Tipologiya literaturnogo fol'klorizma* [Typology of literary folklorism], Chelyabinsk, 1991. 94 p. (In Russ.).
7. Meshkova O.V. Osnovnye funktsii svadebnogo obryada v proizvedeniyakh russkikh pisateley XIX [veka] (k postanovke voprosa) [The main functions of the wedding ceremony in the works of Russian writers of the XIX cent. (to the question)]. *Vestnik nauchnykh konferentsiy* [Bulletin of Scientific Conferences], 2016, no. 1—4 (5), pt. 4, pp. 87—88. (In Russ.).
8. Meshkova O.V. Osobennosti izobrazheniya svad'by v rasskaze V. Dala "Nevesta s ploshchadi": fol'klor-no-etnograficheskiy kontekst [Features descriptions of the wedding in V. Dal's story "Bride from the square": the folklore-ethnographic context]. *Nauchnyy al'manakh* [Scientific Almanac], 2016, no. 3—4 (17). (In Russ.).
9. Oprya O.V. *Fol'klornye traditsii v tvorchestve V.I. Dala* [Folklore traditions in V.I. Dal's works. Abstract of thesis]. Samara, 2003. 25 p. (In Russ.).
10. Tarasov K.G. Paskhal'nye motivy v tvorchestve V.I. Dala [Easter motifs in V.I. Dal's works]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of Historical Poetics], 1998, no. 5, pp. 295—301. (In Russ.).
11. Fokeev A.L. *Etnograficheskoye napravleniye v russkom literaturnom protsesse XIX veka: istoki, tip tvorchestva, istoriya razvitiya* [Ethnographic direction in the Russian literary process of the XIX century: origins, type of creativity, history of development. Thesis]. Moscow, 2004. 516 p. (In Russ.).
12. Yugan N.L. *V.I. Dal' i russkaya literatura 30—60-x gg. XIX v.* [V.I. Dal and Russian literature of the 30—60s of XIX cent.]. Lugansk, Lugansk National Taras Shevchenko University Publ., 2011. 399 p. (In Russ.).

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ СТРАТЕГИИ КОНЦЕПТА «ДОБРО» В ПУБЛИКАЦИЯХ ЭЛИТАРНЫХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ

А. А. Морозова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02032)

Рассмотрена трансформация ценностно-смыслового поля концепта «добро». В качестве материала исследования послужили интерпретации лексемы «добро» в статьях различных словарей, а также тексты журналов «Знамя» и «Наш современник», содержащих данный вербализатор. По итогам проведенного анализа приводятся совпадения и различия узуальной и дискурсивной моделей концепта «добро».

Ключевые слова: *концепт, добро, элитарные издания, печатная периодика, ценности, смыслы.*

С течением времени исследователи все чаще отмечают проблему переосмысления ценностно-смыслового поля, оно может выражаться через реконструиризацию концептов. Так ученые говорят об актуализации одних компонентов и дезактуализации других, при этом происходит добавление нового содержания в структуру концепта и смещение ядерных значений на периферию либо наоборот [1. С. 164]. Средства массовой информации являются сегодня главными трансляторами ценностно-смысловых ориентиров, при этом иногда происходит противопоставление различных смыслов. Например, А. В. Сафонов говорит о «конфликте как выражении аффективного противоречия» в периодических печатных изданиях [7].

Одним из важнейших концептов во все времена является лексема «добро», значение которой может быть рассмотрено как обособленно, так и на примере противопоставления злу. Так, тема добра и зла возникла еще в древнерусской литературе (например, произведение «Житие и погубление Бориса и Глеба», принадлежащее перу Нестора, монаха Киево-Печерского монастыря) и получила развитие во многих произведениях отечественной классики и современной литературы в виде постоянного противоборства. С появлением средств массовой информации данная тема продолжила свое развитие в формировании повестки дня. Стоит предположить, что с течением времени под влиянием трансформации ценностно-смысловых доминант общества меняется и понимание добра.

Таким образом, в результате структура общеязыковых концептов в массмедиа модифицирует-

ся, вследствие чего может наблюдаться противопоставление узуальной и дискурсивной модели исследуемых лексем.

Чтобы рассмотреть общеязыковую модель концепта «добро», мы обратились к различным лексикографическим источникам. Нами были выбраны академические словари, рекомендованные Институтом русского языка им. В. В. Виноградова [3]. Словарь русского языка в четырех томах [8], или Малый академический словарь, является наиболее авторитетным нормативным словарем современного русского литературного языка, охватывает с необходимой полнотой общеупотребительную лексику и фразеологию и предписывает стандарты употребления слов и устойчивых словосочетаний. Толковый словарь С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [5] отличается тем, что указанные в нем слова не только относятся к общелитературной лексике, но и отражают и другие сферы языка. Здесь приводятся примеры и из просторечной лексики, которая активно употребляется как в разговорной речи, так и в художественной литературе. Также при выборе источников мы ориентировались на обзоры словарей [4]. Например, Л. П. Крысин говорит о полноте и академичности словаря синонимов русского языка А. П. Евгеньевой [9].

Изучив ядерные когнитивные признаки лексемы «добро», выделим ряд следующих базовых значений:

- 1) все положительное, хорошее, полезное, противоположное злу; противоположенное злу;
- 2) добро, то есть ласково, приветливо;
- 3) в разговорном значении синонимично слову «хорошо»;

4) добро [пожаловать] как вежливое приглашение куда-либо;

5) добро как получение одобрения на что-либо;

6) добро как первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову «добрый».

Таким образом, указанные концептуальные признаки чаще всего связаны с положительным «кодом» восприятия окружающей действительности, что характерно для действий, отношений. Это обусловлено в том числе базовыми лингвопрагматическими категориями «хорошо/плохо», то есть «добро/зло», которые лежат в основе процессов языковой категоризации действительности: все доброе вызывает положительные эмоции, а противоположное — чувство беспокойства, опасности, отторжения.

Приядерные признаки отражены во втором и последующих значениях толковых словарей, их можно объединить в следующие смысловые группы: 1) поступок, приносящий пользу; 2) добро в значении утвердительной частицы как устаревшее и просторечное «ладно», «хорошо»; 3) добро как имущество, вещь.

Сопряженные когнитивные признаки из других когнитивных сфер формируют ближайшую периферию концепта, регулярно совмещаются с базовыми когнитивными признаками. Чаще всего слово «добрый» употребляется в отношении человека, отражающего данные качества; в виде отношения к кому-либо или чему-либо; также в качестве совета, пожелания, слова, дела, чувства, отношения, знака, предзнаменования, вести, известия; также как отношение к времени, времени суток, пожелание при прощании и в виде формы вежливой просьбы.

По данным словарей, зону периферии образует множество смыслов, поскольку по мере удаления от ядра их становится все больше в силу опосредованной, не прямой связи с семантическим центром (ядром). Семантический анализ *ближних периферийных* смысловых элементов концепта «добро», которые зафиксированы указанными словарями, позволил выделить только один концептуальный признак:

1) Добро как качество чего-либо, синонимично словам «сильный», «крепкий», «плотный», «качественный»: металл, молодец, кузнец, ремесленник».

Семантический анализ *дальних периферийных* смысловых элементов концепта «добро» позволил выделить следующие семантические группы:

1) все, что связано с прошлым, что показывает течение времени, отношение к близким людям, предкам: «мама», «детство», «родственники», «старость», «на век, жить», «вечно»;

2) все, чего не хватает: «редко», «редкость», «кончится»;

3) отношение к религии, помощи высших сил: «Бог»;

4) что представляет красоту, на что приятно смотреть: «цветы», «сон»;

5) мужской половой орган: «в штанах»;

6) алкогольные напитки: «выпивка».

В сборнике пословиц и поговорок В. И. Даля [2] концептуализация добра базируется на бинарной оппозиции «сделать самому» и надеяться в деле добром на высшие силы. Также просматривается противопоставление добру и злу, показывается преимущество добра перед всем остальным, негативным, отрицательным.

Изучив общеязыковые признаки концепта «добро», мы обратились к текстам выбранных нами печатных средств массовой информации — журналов «Знамя» и «Наш современник». Выбор элитарной прессы был обусловлен тем, что данные журналы выступают в качестве производителя новых, заслуживающих доверия культуроформирующих смыслов. В данных изданиях нами был проанализирован весь массив текста за 2016 г.

И. А. Стернин в качестве основных принципов полевого моделирования важными критериями называет частотность и интенсивность семантических признаков [6]. Так, количественное соотношение репрезентантов по типам изданий выглядит следующим образом: «Знамя» — 10 вербализаторов в 126 употреблениях; «Наш современник» — 6 репрезентантов в 31 употреблении.

Мы обобщили найденные примеры и выделили основные группы значений, характерные для этих журналов. При этом в скобках дано количество употреблений концепта «добро» в рамках указанного смыслового поля. Рассмотрим их подробнее.

► Журнал «Знамя»

1. Добро — положительная оценка кого-либо, чего-либо: события, характера человека, времени суток и т. п. (81) (добрым отношением, добрые книги, сделал добрее, добрые чувства, добрыми словами, добрый товарищ, добрые знакомые, добрая хозяйка, добрый волшебник, с доброй улыбкой, к чему-то доброкачественному, доброе слово, все недоброе, в недобрую минуту,

важнейшая добродетель). Итак, Евгений Попов по-прежнему зорек, остроумен, находчив, наблюдателен, ироничен, радуясь **доброте**, изводя все скверное, что обитает на нашей земле.

2. Добро — разрешение чего-либо, согласие с чем-то, поддержка чего-либо, приглашение куда-либо на основе согласия (15) (получившие добро, начальственное одобрение, не дожидаясь одобрения, заслуживает всяческого одобрения, одобрительно кивают, одобренная властью, одобренная редакцией, одобренная правительством): *Повесть о будущей войне. Ее 133 страницы, благополучно получившие «добро» уполномоченного Главлита, отпечатали в Москве (тиражи своих книг «Воениздат» всегда держал в тайне), одев в серый картонный переплет.*

3. Добро как противопоставление злу (9) (добро путем познания зла, правда о зле и добре, зло с добром, ведомство добра, не привыкают к добру): *В принципе это и есть главный метод Искусителя, предлагавшего то самое Яблоко. А что делал Искуситель, «впаривая» сакраментальный эдемский фрукт с Древа познания добра и зла? Он — коррумпировал. Сначала Еву, потом — Адама. И добился своего.*

4. Добро — признак качества чего-либо или положительная характеристика качества чьей-либо деятельности, черты характера (8) (добросовестное обеспечение, добросовестный подрядчик, добросовестно делает, очень добросовестная, добросовестно и аккуратно, что-то недобросовестное, несмотря на свою добропорядочность, полон добра и любви): *Добросовестный подрядчик, обладая современными технологиями строительства, стремится заложить прогрессивные нормы и тем самым сберечь бюджетные деньги.*

5. Добро — нечто, совершающееся по собственной воле, самостоятельно, без принуждения, по собственному желанию (6) (добровольно заметили, ушедшего на фронт добровольцем, добровольно пошел в военкомат, добровольно подчиняет себя, добровольно брали, добровольно ухожу): *Я писал, что большие не буду мешать строительству социализма, что я добровольно ухожу, но прошу опубликовать мое последнее произведение.*

6. Добро — имущество, вещи в большом количестве (2) (набитый всяким добром, распределять его добро): *Дом, тесно набитый всяким добром — белье и хрусталь, семейные драгоценности и собрания сочинений классиков, памятные безделушки и кухонная утварь, — был разорен.*

ные безделушки и кухонная утварь, — был разорен.

7. Добро — показатель времени (2) (старый добрый Лондон, иллюстрации из добрых старых книг): *Владимир Набоков восторгался Чарльзом Диккенсом за то, что тот придумал, сочинил старую добрую Англию и старый добрый Лондон и заставил нас, читателей, в них поверить.*

8. Добро — показатель большого количества чего-либо (2) (добрую половину, добрые две тысячи): *В октябре Росфинмониторинг проверил 750 предприятий, выполняющих гособоронзаказ, и выявил, что примерно сто из них, у которых добрые две тысячи заказов, вовлечены в теневые схемы.*

9. Добро — прибавление чего-нибудь для улучшения вкуса, качества, свойств (1) (сдобрить пашлычным дымом): *Если взять запах цветущего шиповника и смешать с запахом навоза, а в то, что получилось, влить пения соловьев, прибавить немного речной сырости, сдобрить пашлычным дымом, подмешать скрип коростели, лай собак и шорох машин по далекому шоссе, потом обрызгать все это тонким женским смехом и толстым мужским хохотом, осветить полной луной, присыпать сверху щепоткой или двумя звезд, а на другом от луны крае неба наклеить две узенькие полоски — одну голубую и одну розовую, то получится летняя ночь.*

10. Добро — противопоставление угрозе (1) (несдобровать забывшемуся сном): *Несдобровать забывшемуся сном. При жизни солнца, до его захода.*

► Журнал «Наш современник»

1. Добро — положительная оценка кого-либо, чего-либо: события, характера человека, ситуации, действий, времени суток и т. п. (16) (ждать добра, хочет добра, доброжелательное отношение, по природе добр, добрые чувства, добрый пример, добрые надежды, добрый символ): *Уверен, что добрый пример, показанный на экране телевизора, найдет отклик в душе русского человека и позовет его в поле, к земле, к созидательному труду без посредников.*

2. Добро — разрешение чего-либо, согласие с чем-то, поддержка чего-либо (4) (единодушно одобрили, одобряемой Европой, требовалось одобрение, одобряя деятельность): *Причем это было не просто абстрактное предложение, а весьма быстро выполненная на бумаге конкретная планировка, которую мы единодушно одобрили и воплотили.*

3. Добро — признак качества чего-либо (4) (добротный автобаз, недобросовестно используются, недобросовестные производители): *Сегодня России приходится фактически заново восстанавливать утраченное производство, вытеснять с отечественного аптечного рынка недобросовестных иностранных производителей.*

4. Добро — то есть по собственной воле, самостоятельно, без принуждения, по собственному желанию (3) (пошли добровольцами, добровольно жить, по доброй воле): *Быть Канашкину близким, оставаться в кругу его интересов и смотреть с ним по жизни в одну сторону, все равно что добровольно жить на извергающемся вулкане.*

5. Добро как имущество, большое количество чего-либо (2) (чужого добра не жалко): *Они гораздо дороже и еще больше связаны с нарушениями городской среды: придется прорубаться сквозь сложившиеся жилые кварталы, скверы и парки, закрывать предприятия, взламывать сеть коммуникаций, переселять тысячи семей. Другое дело, что протестантам чужого добра не жалко.*

6. Добро как показатель времени (2) (добрых шесть лет, на добрую память): *Уже добрых шесть лет продолжалась предельно интенсивная работа. Сорваться на какой-нибудь мелочи на пороге финиша было бы непростительно.*

Перед началом анализа мы выдвинули гипотезу о том, что качественные издания будут иметь значительное количество значений лексемы «добро», что можно связать с преобладанием высокой семиотико-когнитивной нормы, отражающей действительность в качественной прессе. В ней существует определенный устоявшийся уровень лексических норм. С одной стороны, наше предположение нашло подтверждение частью полученных результатов. Так, журнал «Знамя» имеет значительный деривационный ряд, в такого рода издании смысловое формирование действительности происходит за счет наличия достаточно большого количества вербализаторов концепта «добро». С другой стороны, элитарный журнал «Наш современник» демонстрирует наличие меньшего количества вербализаторов, но в то же время стоит отметить и меньшее количество употреблений, то есть процентное соотношение количества репрезентаторов на количество употреблений будет выше. К тому же наличие незначительного числа лексем концепта «добро» в «Нашем современном» можно объяснить поли-

тикой журнала — литературно-художественное и общественно-политическое издание, в котором смысловое поле данного концепта ограничено общей спецификой и направленностью текстов (в журнале существуют разделы: «Проза», «Поэзия», «Очерк и публицистика», «Критика», «Память», публикуются письма читателей).

Переходя от количественного анализа деривационного поля к качественному, отметим, что набор вербализаторов в двух изданиях в целом оказался схожим — наибольшую частотность демонстрирует лексема «положительная оценка чего-либо, кого-либо», но имеются дифференциальные признаки.

Дискурсивные семантические признаки изданий «Знамя» и «Наш современник» демонстрируют, что частотность употреблений тех или иных лексем можно считать базисным критерием при анализе дискурсивных семантических признаков. В данных изданиях в основе лежит центрическая модель организации, поскольку показатели количества употреблений между всеми группами значительно разнятся, особенно это заметно между первой и второй группами в журнале «Знамя» (81 и 15 употреблений). Таким образом, первую группу мы отнесем к ядерной зоне, остальные группы значений представим в виде ближней и дальней периферии.

В ядро входит один концептуальный признак:

1) «положительная оценка кого-либо, чего-либо: события, характера человека, времени суток и т. п.» (81): *Итак, Евгений Попов по-прежнему зорек, остроумен, находчив, наблюдателен, ироничен, радуясь доброте, изводя все скверное, что обитает на нашей земле.*

Ближняя периферия концепта представлена такими конституентами, которые также зафиксированы в общезыковой (узуальной) модели, то есть, по сути, не являются новыми, уникальными: 2) «разрешение чего-либо, согласие с чем-то, поддержка чего-либо, приглашение куда-либо на основе согласия» (15); 3) «как противопоставление злу» (9); 4) «признак качества чего-либо или положительная характеристика качества чьей-либо деятельности» (8); 5) «по собственной воле, самостоятельно, без принуждения, по собственному желанию» (6).

Дальнюю периферию заполняют следующие смысловые компоненты:

6) «имущество, вещь в большом количестве» (2); 7) «показатель времени»; 8) «показатель большого количества чего-либо» (2); 9) «прибавление

чего-нибудь для улучшения вкуса, качества, свойств»; 10) «противопоставление угрозе» (1).

Отметим, что концептуальные признаки 9 и 10 не зафиксированы в узуальной модели.

Набор ядерных узуальных (общезыковых) и периферийных признаков, а также частность дискурсивной реализации этих компонентов констатируют яркую контрастность центра и периферии: очевидна большая разница между количественными показателями первой семантической группы и последующих. Таким образом, мы можем утверждать моноцентрический (то есть сильно централизованный) тип организации исследуемого поля, так как он имеет четко выраженную семантическую доминанту.

Издание *«Наш современник»* продемонстрировало в значительной степени меньшее количество концептуальных признаков в сравнении с журналом *«Знамя»*. При этом в обоих изданиях совпадает значение ядерной зоны и периферийной, но в случае *«Нашего современника»* периферийные зоны (ближние и дальние) имеют меньшее количество репрезентантов.

Как и в прошлом журнале, представляется возможным четко обозначить ядро. При этом концептуальные признаки остальных, периферийных элементов выделить в отдельные группы не представляется возможным из-за низкого количества употреблений.

Центр исследуемого концепта: 1) «положительная оценка кого-либо, чего-либо: события, характера человека, ситуации, действий, времени суток и т. п.» (16): *Уверен, что добрый пример, показанный на экране телевизора, найдет отклик в душе русского человека и позовет его в поле, к земле, к созидательному труду без посредников.*

Периферийная зона: 2) «разрешение чего-либо, согласие с чем-то, поддержка чего-либо» (4); 3) «признак качества чего-либо» (4); 4) «по собственной воле, самостоятельно, без принуждения, по собственному желанию» (3); 5) «как имущество, большое количество чего-либо» (2); 6) как показатель времени (2).

В журналах элитарной периодики *«Знамя»* и *«Наш современник»* встретился признак, не характерный для других изданий, — «добро как показатель времени», поскольку фраза «добрых лет» и ей подобные характерны для более высокого стиля речи.

При этом журнал *«Знамя»* насчитывает два вербализатора, которые не были найдены в остальных изданиях, — это «прибавление че-

го-либо для улучшения вкуса, качеств, свойств» и «противопоставление угрозе». При этом смысл «имущество, вещь в большом количестве» был обнаружен, помимо *«Знамени»*, только в издании *«Наш современник»*.

По итогам анализа узуальной и дискурсивной моделей концепта «добро» в двух элитарных печатных изданиях мы пришли к следующим выводам:

1. Семантическая периферия дискурсивного концепта представлена новым смыслом, который не наблюдается даже на периферии общезыковой модели, некоторые узуальные ядерные смыслы смещаются в сторону периферии — это говорит о коренной трансформации и модификации ментальных конструктов в дискурсе массовых СМИ; при этом ядерная зона в узуальной и дискурсивной моделях совпадают, что говорит о существующей лексеме, остающейся стабильной вне зависимости от течения времени.

2. В целом количество значений узуальной модели оказывается меньше по сравнению с моделью дискурсивной. Данные, зафиксированные в словарях, на практике обретают новые смыслы, а также в различных контекстах появляются различные оттенки значений, что является причиной выделения новых более узких групп вербализаторов.

3. В обоих изданиях наибольшую частотность демонстрирует лексема «положительная оценка чего-либо, кого-либо», которая практически совпадает с ядром узуальной модели. При этом количество представленных вербализаторов, как правило, не имеет прямой зависимости от количества найденных употреблений.

4. Элитарные издания периодики демонстрируют ярко выраженную контрастность центра и периферии, очевидна большая разница между количественными показателями первой семантической группы и последующих. Таким образом, мы можем утверждать, что данные издания имеют моноцентрический (то есть сильно централизованный) тип организации исследуемого поля, так как он имеет четко выраженную семантическую доминанту.

5. В данных качественных изданиях мы обнаружили лексему, не характерную для других изданий, — «добро как показатель времени», поскольку фраза «добрых лет» и ей подобные характерны для более высокого стиля речи. Помимо этого, журнал *«Наш современник»* насчитывает два вербализатора, которые не были найдены в остальных изданиях, — это «прибавление

чего-либо для улучшения вкуса, качеств, свойств» и «противопоставление угрозе».

Итак, с одной стороны, элитарные журналы выступают в качестве производителя и транслятора новых, индивидуальных, зачастую сложных для простого обывателя культууроформирующих смыслов. С другой стороны, совпадение ядерной зоны представленных изданий и их корреляция с ядерной зоной узальной модели говорит о наличии традиционных признаков, характерных для общепринятого понимания,

не подверженных трансформации с течением времени.

В элитарных изданиях присутствует более централизованная структура: группы значений между собой не схожи, а, наоборот, отделены друг от друга, особенно это характерно для значений ядерной и периферийной зон. Такие выводы мы можем объяснить тем, что в качественной элитарной периодике наблюдается более сложное, иносказательное понимание «добра», с отсылкой к религии, христианским канонам.

Список литературы

1. Антропова, В. В. Концепт «Истина» в дискурсе разнокачественных печатных СМИ: ценностно-смысловые доминанты / В. В. Антропова // Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17—18 мая 2018 г.) / сост. О. Ф. Автохутдинова ; Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. — С. 164—166.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа : в 3 т. Т. 1 / В. И. Даль. — М., 2011. — 496 с.
3. Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ruslang.ru/res> (дата обращения 06.06.2018).
4. Крысин, Л. П. Словари синонимов [Электронный ресурс] / Л. П. Крысин. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24549888&> (дата обращения 06.06.2018).
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Изд. 4-е, доп. — М. : ИТИ Технологии, 2006. — 944 с.
6. Полевые структуры в системе языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин, Е. И. Беляевская [и др.] ; науч. ред. З. Д. Попова. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. — 196 с.
7. Сафонов, А. В. Система аффективных противоречий современного газетного текста / А. В. Сафонов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2010. — № 11. Филология. Искусствоведение. Вып. 42. — С. 117—118.
8. Словарь русского языка : в 4 т. Т. 1: А—Й / РАН, Ин-т лингвист. исслед. ; под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. — 702 с.
9. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. Т. 1: А—Н / ИЛИ РАН ; под ред. А. П. Евгеньевой. — М. : Астрель : АСТ, 2001. — 568 с.

Сведения об авторе

Морозова Анна Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, директор учебно-научного центра медиаобразования, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. roxfan@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 161—167.

VALUE-SENSE STRATEGIES OF CONCEPT “GOOD” IN PUBLICATIONS OF ELITE PRINTED SOURCES

A.A. Morozova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. roxfan@rambler.ru

The article considers the transformation of value-sense field of concept “good”. The material of the research includes interpretation of lexeme “good” in the articles of various dictionaries as well as the texts of the magazines “Znamya” and “Nash sovremennik” containing the given verbalizer. The author draws the conclusion that the elite press is a producer and translator of new individual and often complex for a common consumer culture-forming senses. On the other hand, the overlap of nuclear zone of the given publications and their

correlation with the nuclear zone of usage model tell about the presence of traditional signs which are character to the common understanding and not influenced by transformation in the course of time.

Keywords: *concept, good, elite press, printed press, values, senses.*

References

1. Antropova V.V. Kontsept “Istina” v diskurse raznokachestvennykh pechatnykh SMI: tsennostno-smyslovye dominanty [Concept “Truth” in the discourse of mass media of different quality: value-sense dominants]. *Prioritety massmedia i tsennosti professii zhurnalista* [Priorities of mass media and values of journalistic profession]. Ekaterinburg, 2018. Pp. 164—166. (In Russ.).
2. Dal’ V.I. *Poslovitsy russkogo naroda v 3 t. T. 1* [Russian folk proverbs in 3 vol. Vol. 1]. Moscow, 2011, 496 p. (In Russ.).
3. *Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova Rossiyskoy akademii nauk* [V.V. Vinogradov Institute of the Russian language of the Russian Academy of Science]. Available at: <http://www.ruslang.ru/res>, accessed 07.06.2018. (In Russ.).
4. Krysin L.P. *Slovari sinonimov* [Dictionaries of synonyms]. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24549888&>, accessed 06.06.2018. (In Russ.).
5. Ozhegov S.I., Shvedova. N.Yu. *Tolkovyy slovar’ russkogo yazyka* [Definition dictionary of the Russian language]. Moscow, 2006. 944 p. (In Russ.).
6. Popova D., Sternin I.A., Belyaevskaya Ye.I. [et al.]. *Polevyie struktury v sisteme yazyka* [Field structures in the language system]. Voronezh, 1989. 196 p. (In Russ.).
7. Safonov A.V. Sistema affektivnykh protivorechiy sovremennogo gazetnogo teksta [The system of affective contradictions in contemporary newspaper text]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2010, no. 11, pp. 117—118. (In Russ.).
8. Yevgen’yeva A.P. (ed.). *Slovar’ russkogo yazyka v 4 t. T. 1* [The Russian dictionary in 4 vol. Vol. 1]. Moscow, 1999. 702 p. (In Russ.).
9. Yevgen’yeva A.P. (ed.). *Slovar’ sinonimov russkogo yazyka v 2 t. T. 1* [The Russian dictionary of synonyms in 2 vol. Vol. 1], Moscow, 2011. 568 p. (In Russ.).

УДК 81'73 ББК 81.1
DOI 10.24411/1994-2796-2018-11024

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НАУК ПРИ СОЗДАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Л. М. Ньюбина, И. С. Пахомова

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

Эмпирическому описанию в статье предпослан некоторый обзор проблем терминологии в науке. Не обойдены вниманием проблемы терминоведения во взглядах представителей когнитивной науки в лице Е. И. Головановой. Кроме того, анализируются источники пополнения метаязыка медицины из других наук в немецком языке, например бионики.

Ключевые слова: метаязык медицины, термин, естественные/гуманитарные науки, бионика, стоматология, хирургия, фармакология, запоминание/забывание.

Современная медицина предстает как система естественно-научных и гуманитарных практик, позитивно воздействующих на здоровье людей. Знаменитый московский врач Ф. П. Гааз (1780—1853) более 150 лет назад сказал: «Медицина есть царица наук, ибо здоровье, безусловно, необходимо для всего великого и прекрасного на свете» [Цит. по: 2. С. 11].

Медицина связана с профессиональной деятельностью человека, которая изучается в особых терминах, в том числе и теории познания. Термины представляют собой результат оязыковленных мыслей, которые получены благодаря исследованию взаимосвязи человека с реальным и воображаемым миром в ходе особой профессиональной деятельности. Ядро этого профессионального опыта составляет когнитивно-логическая модель той или иной области человеческого знания и деятельности [4. С. 67—68]. Подобные исследования проводятся в рамках процесса сознательной теоретической и практической деятельности медика.

Слово «медицина», включающее в себя латинскую основу *medicina* и близкое к нему слово *medicare*, имеет два значения: *medicina* — *лечить и отравлять*, *medicamen* — *медикамент и яд*. Эти противоположные значения латинских лексем указывают на сложность медицины, неоднозначное действие лечебных средств в отношении здоровья человека. Слово *medicina*, кроме того, имеет и индоевропейский корень *med* — *середина*, что также наводит на размышления о том, что медицина находится на рубеже наук.

В связи с возникновением медицинской радиологии и генетики, клинической физиологии, психологии, медицинской бионики и других на-

правлений все большее значение в медицине приобретают аспекты, которые исследуют соотношение механических, физических, химических, биологических, социальных, математических, кибернетических, статистических закономерностей в жизнедеятельности организма.

В сущности, нет ни одной сферы знания, которую можно было бы исследовать, не зная терминологии. В рамках развития науки, техники и экономики медицинская терминология функционирует не только в качестве источника номинаций новых знаний, но и в качестве названий в более узкой специализации. Для различных сфер науки и техники характерны свой метаязык, своя терминология.

По сравнению с общеупотребительной лексикой термин номинирует научное понятие. Являясь дефиницией научного понятия, он выделяет отличительные и сущностные признаки этого понятия. По определению профессора А. В. Суперанской, термин — это конкретное слово или словосочетание, установленное в профессиональной деятельности и применяющееся в определенных ограничениях; это речевое описание понятия, внедряющегося в систему понятий отдельной сферы профессиональных знаний; это центральный смысловой элемент языка для конкретных целевых установок [16. С. 14]. По мнению российского филолога В. П. Даниленко, «термин — это не особое слово, а слово в особой функции, под данной функцией понимается номинативная функция термина» [7. С. 72]. Профессор Е. И. Голованова определяет термины как наиболее значимые ментальные объекты профессиональной деятельности, как именуемые референта, так и имеющие метафизический

характер, которые формируют последовательную схему установленного строя знания или деятельности и представляются в виде важнейших мыслительных целей внутри этого строя [4. С. 83]. Таким образом, термин считается особой языковой единицей с особой функцией. Положение терминов в лексической системе языка определяется не только функционально, но и тем, что они олицетворяют собой знаки семиотической природы, которая содержит «взаимооднозначное соответствие знака и означаемого» и «регламентирует свойства языкового знака, делая его термином» [8. С. 47]. В понимании лингвиста В. М. Лейчика, термины описываются как элементы «класса общих имен в лексике языков для специальных целей». В этой связи ученый отмечает, что происхождение большинства терминов начинается с номинации класса единых имен и переходит далее «в лексику языка для специальных целей в процессе терминологизации» [12. С. 45, 46].

Филологи из Германии Reiner Arnzt, Felix Mayer, Herbert Picht в своей работе *Einführung in die Terminologearbeit* определяют термин следующим образом: *Terminus (auch: Fachwort): Das zusammengehörige Paar aus einem Begriff und einer Benennung als Element einer Terminologie; Terminus ist aus einem Wort oder mehreren Wörtern bestehende Bezeichnung* [23. С. 37].

В словаре Metzler's *Lexikon Sprache* дается следующее определение термина: *Terminus ist ein Fachausdruck einer Einzelwissenschaft, der in einer theoriegeleiteten Terminologie exakt definiert ist* [25. С. 18]. Таким образом, российские и зарубежные языковеды подчеркивают то обстоятельство, что термин олицетворяет собой одну из важных лингвистических проблем, которая нуждается в многогранном, комплексном анализе.

На современном этапе медицинская терминология является одной из обширных и развивающихся систем, так как с учетом быстрого роста науки и техники, возрастающих возможностей обмена информацией между учеными разных стран, процессов глобализации в мировом производстве понятийный словарь медицины неустанно пополняется и развивается, а медицинская лексика немецкого языка не является «скрытым пластом» в лексической системе языка [9. С. 34].

Неограниченность тематики терминологического пласта языка вызывает сегодня интерес исследователей к изучению новых свойств и характерных особенностей медицинской терминологии как подсистемы языка. Понятийный аппарат ме-

дицинской терминологии охватывает названия процессов, вещей, явлений, сущности, свойств, количеств, отношений, признаков, взаимодействий и других категорий. Медицинская терминология, которая систематизирована по конкретному списку наименований, определяет объекты некоторой комплексности и принадлежит к одному из разделов науки: микробиологии, анатомии, эмбриологии, гистологии и т. д. — и имеет название «номенклатура». Как слой лексического запаса со своими своеобразными свойствами, медицинская терминология является терминологической системой, представляющей большое разнообразие почти всех классов понятий — родовых и видовых, общих, конкретных и абстрактных [12. С. 45, 109].

Независимо от того, на каком национальном языке представлена медицинская терминология, она содержит в себе заметную часть общих схем и единых структурных моделей, лексических и словообразовательных единиц. Это иллюстрируется тем сильным и стабильным воздействием, которое оказывали на медицинскую терминологию в течение многих столетий и продолжают осуществлять и по сей день два классических языка античного мира — латинский и древнегреческий [5. С. 67].

Греко-латинские термины легко вошли в терминологию национальных языков и, видоизменяясь на основании их фонетико-морфологических систем, становились необходимыми в соответствующем языке, например: *orthopaedia* — ортопедия, *phagocytus* — фагоцит, *allergia* — аллергия, *bronchus* — дыхательная трубка и др. [1. С. 22].

Медицинские знания на современном этапе развития характеризуются усиливающейся дифференциацией медико-биологических дисциплин, что стало намечаться еще в древности. Появление новых специализаций и более глубоких взглядов на ту или иную болезнь, развитие новых теорий в медицинских исследованиях требуют переосмысления существующих на данный момент теорий. Преобразование предмета биологии, например, приводит к вхождению биологии в философию науки: «...на современном этапе развития биология требует философского переосмысления традиционных форм организации знания, создания нового образа науки, формирования новых норм, идеалов и принципов научного исследования, нового стиля мышления». Современные исследования в облас-

ти биологии касаются и проблем современной «биофилософии» [11. С. 11, 14], например: *künstliche Intelligenz* — искусственный интеллект; *die Meditation* — медитация; *die Psychoanalyse* — психоанализ; *das Humangenomprojekt* — проект «Геном человека» [14. С. 36]. Биофилософия — это наука о комплексной, биологически направленной междисциплинарной области знания, которая раскрывает гносеологические, онтологические и аксиологические задачи бытия через призму изучения феномена жизни [11. С. 3].

Что касается междотраслевых терминов, действующих в некоторых сферах знаний, то данные термины применяются в немецкой терминологии, в сущности, без изменений с основной дефиницией в той области, из которой они были заимствованы, в частности:

1) **хими́и:** *die Akzeptorfähigkeit* — акцепторная способность; *die Reduktionsreaktion* — реакция восстановления; *die Oxidationsreaktion* — реакция окисления; *die Aminosuresequenz* — последовательность аминокислот; *die Chemiotherapie* — химиотерапия; *die X-rays — Röntgenstrahlen* — рентгеновские лучи;

2) **физи́ки:** *der Ultraschall* — ультразвук; *die Sterilisation* — стерилизация; *die Mutation* — мутация; *die Radioisotopendiagnostik* — радиоизотопная диагностика; *die Sonde* — зонд; *der Doppler-Effekt* — эффект Доплера; *die Aktinotherapie* — светолечение; *die Elektrotherapie* — электролечение; *die Galvanisation* — гальванизация; *die Elektrophorese* — электрофорез; *die Faradisation* — фарадизация; *die Arsonvalisation* — дарсонвализация; *die Diathermie* — диатермия; *die Franklinisation* — франклинизация [14. С. 287, 80].

Отметим заимствование узкоспециальных медицинских терминов из области стоматологии, хирургии, психологии, где намечаются несколько групп:

1) наименования из *медицинской техники*: *die Kappe* — *kappa* — колпачки для исправления положения зубов; *die Klammer* — *кламмер* — скобка для укрепления зубного протеза; *der Stopfer* — *штонфер* — металлический стержень для уплотнения пломбировочного материала в кариозной полости; *das Arthroskop* — артроскоп; *der Aspirator* — аспиратор (помпа); *das Bronchoskop* — бронхоскоп; *das Videolaparoskop* — видеолaparоскоп; *das Videoendoskop* — видеоэндоскоп [Там же. С. 93];

2) наименования *симптомов болезней*: *die Sperrung* — *шперрунг* — симптом длительной

и внезапной задержки мыслительного процесса, характерного для шизофрении; *der Schub* — *шуб* — приступ психической болезни с остаточными психопатическими расстройствами; *die Kopfangst* — аффект страха с неприятными ощущениями: головными болями, ощущением давления, головокружением и т. п.);

3) наименования *психологических явлений*: *die Gestalt* — *геиштальт* — образ, форма, структура, которые используется при исследовании зрительных восприятий; *die Absence* — *абсценс* — кратковременное затемнение или блокировки сознания; *der Affekt* — *аффект* — сильное и кратковременное нервно-психическое или эмоциональное возбуждение;

4) наименования *хирургических терминов*: *der Abszess* — абсцесс; *die Aspiration* — аспирация; *die Biopsie* — биопсия; *die Bronchoskopie* — бронхоскопия; *die Abfuhr* — дренирование; *die Kraniotomie* — краниотомия; *die Resektion* — резекция; *die Rhinoskopie* — риноскопия; *die Bypassoperation* — шунтирование; *die Arthroplastik* — артропластика; *die Arthrotomie* — артротомия [Там же. С. 141, 11, 86].

Со сменой эпох важным источником пополнения медицинской терминологии является естественная наука бионика. История формирования бионики показывает, что эта научная дисциплина появилась не спонтанно, а развивалась планомерно: образовывались и изменялись теоретические положения исследований, чередовались практические и научные области применения медицины. Становление, развитие и функционирование немецкой терминологии бионики остается в прямой зависимости от становления и развития самой науки. Описывая междисциплинарную сферу применения, бионика пользуется понятиями целого ряда наук, на рубеже которых она возникла, а именно: биология, физика, математика, электроника, химия, медицина и др. Большое количество специальной литературы, посвященной проблемам бионики, показывает, что употребление терминологии бионики успешно работает.

Закрепление немецких терминов бионики завершил в 1969 г. в Берлине С. М. Рапопорт, издав толковый словарь по медицинской биохимии, который включал раздел бионических терминов. В 1981 г. вышел в свет словарь по кибернетике под редакцией Г. Лаукса, а в 1992 г. профессор Е. Форт и доцент Е. Швицер из Лейпцигского университета опубликовали словарь бионики,

который содержит уже около 1873 наименований терминологических единиц. Вместе со становлением бионики формируется ее собственная терминология, возникшая в результате отбора, синтеза и переосмысления многих понятий. Терминологическая структура бионики не является единообразной. Исходя из схожести обозначаемых понятий можно назвать тематические группы (ТГ) и подгруппы (ПГ) терминологии бионики:

1. Тематическая группа «человек-исследователь» содержит в себе следующие подгруппы:

а) антропометрические признаки: *der Genotyp* — генотип; *die Körperbewegung* — телодвижение; *der Sehnerv* — зрительный нерв; *die Kraftleistung* — сила мышц;

б) психофизиологические процессы: *die Sinnesleistung* — функция чувств; *die Motivationsdynamik* — динамика мотивации; *die Reaktionsbereitschaft* — готовность к реакции.

Особенностью немецкой терминологии из области бионики являются англо-американские заимствования, например: *das Hirnscann* — сканирование мозга; *das Hirndoping* — допинг для мозга; *die Hirnoptimierung* — оптимизация мозга; *das Superhirn* — супермозг [27. Р. 104, 126, 236].

Главным языком-донором для немецкого языка, как показывают примеры, является английский, их положительная сторона — краткость, то есть способность к языковой экономии. Под англоамериканизмами мы понимаем термины, заимствованные из британского или американского вариантов английского языка, а также англицизмы, воспринятые языком-реципиентом при помощи языков-посредников (далее ААЗ).

Из общего количества ААЗ в отдельную группу можно выделить заимствования из области информатики и компьютерных технологий:

— *die Software* — программное обеспечение; *der File-Server* — файловый сервер; *der Netdrive* — сетевой запуск, сетевая передача [29].

Их «прорыв» в немецкую терминологию бионики вызывается использованием определенных средств в построении бионических моделей. Приведенные примеры показывают, что терминология бионики расширяется за счет межпредметных терминозаимствований из области информатики и компьютерных технологий, внедрение которых определяется широким использованием их в теоретической и практической работе ученых [19. С. 30].

Возникновение медицины, как уже упоминалось, берет свое начало в ранних стадиях человеческого существования, ведь современное понимание врачевания опирается на опыт предыдущих поколений. Многие лекарства того времени производились из растительных компонентов: корней, трав, отваров из них. Номинации многих химических веществ из состава лекарственных растений стоят на службе современной медицины, например:

— фосфат — *das Phosphat*; сахарин — *das Saccharin*; натрий — *das Natrium*;

— целлюлоза — *die Zellulose*; спирт — *der Spiritus*; краситель — *der Farbstoff*;

— фосфолипид — *das Phosphorlipoid*; крахмал — *das Amylum*.

Элементы препаратов могут иметь в своем составе общепринятую лексику:

— кислота лимонная — *die Zitronensäure*; лактоза — *die Laktose*; сахароза — *die Saccharose*; желатин — *die Gelatin*; тальк — *das Federweiss*; пектин — *das Pektin*; глицерин — *das Glyzerin*; краситель E124 — *der Farbstoff Cochenille-rot A* [27. С. 397, 304].

Память и язык — это важные элементы человеческой эволюции, они обеспечивают накопление и передачу знаний. Память как психический и социальный инструмент выражает накопленный опыт посредством языка, что создает ее семантический компонент. Действующие лингвистические исследования памяти совершались по разным направлениям: исследование семантики и морфологии отдельных видов памяти (Т. В. Булыгина, Л. М. Васильев, Т. Нир); лингвистическое заполнение концепта «память» (М. А. Дмитриевская, Л. М. Нюбина, О. В. Шаталова), коммуникативных аспектов памяти (Н. Г. Брагина, О. Г. Ревзина, А. В. Соколов) и др.

Информация об окружающем мире представлена в памяти часто в форме обобщающих категорий. Память — это нейрокогнитивный процесс, который заключается в формировании, хранении и воспроизведении информации о жизненных этапах индивида. Именно благодаря памяти полученный опыт может накапливаться и становиться источником для адаптации поведения. Категоризация, как важный ментальный процесс, квалифицирует любой объект или событие и связывает их с социальной средой.

Приведем примеры медицинских терминов по теме «память»: *das Gedankenfragment* —

фрагмент памяти; *die Asymmetrie im Gehirn* — асимметричность мозга [24. С. 105].

Что касается процесса забывания, то в одном случае субъект не уверен в точности воспроизведения, при неудачном припоминании у него возникает ощущение ошибки. В другом случае образ информации «трансформируется» в памяти, но субъективно остается отчетливым и ярким. Незначительные отличия воспоминаний от исходных данных при этом не осознаются; ощущение ошибки отсутствует. Забывание, таким образом, — это естественный процесс, сбалансированность которого у здоровых людей обеспечивается нормальными межполушарными отношениями, а приобретение ими патологически выраженных характеристик наблюдается при очаговых поражениях мозга.

Обратимся к следующим терминам по теме «Процесс забывания»: *das aktive Vergessen* — активное забывание; *infantile Amnesie* — инфантильная амнезия; *retardierte Amnesie* — запаздывающая амнезия; *progressive Amnesie* — прогрессирующая амнезия; *fixierte Amnesie* — фиксированная амнезия; *die Reminiszens* — припоминание (реминисценция); *die Hypermnesie* — гипермнезия; *die Hypomnesie* — гипомнезия; *die Paramnesie* —

парамнезия; *die Agnosie* — агнозия; *die optische Aphasie* — оптическая афазия; *die Alexie* — алексия; *die Akalkulie* — акалькулия (нарушение способности считать и осуществлять операции по вычислению); *die Gedächtniskonfabulation* — конфабуляция (ложные воспоминания о прошлых событиях) [14. С. 211].

Таким образом, мы попытались показать взаимодействие медицины с междисциплинарными и другими науками в создании ее терминологии. К ним относятся: биология, психология, стоматология, фармакология, химия. Медицина делается с годами все более сложной наукой, при ее использовании и изучении нужно быть не только высокопрофессиональным врачом, но еще и обладать объемными, почти универсальными знаниями в целом ряде научных дисциплин. Исследование этого научного многообразия требует от медика не только основных знаний, но и знаний по типу специализации. Возникновение медицинской терминологии в профессиональной литературе российских и иностранных издательств, в интернет-источниках требует раскрытия значения термина в конкретном контексте, а также пробуждает необходимость изучения фактов из других смежных наук.

Список литературы

1. Алексеев, А. П. Латинско-русский словарь медицинской терминологии / А. П. Алексеев. — М. : Центрполиграф. — 2006. — 507 с.
2. Актуальные проблемы медицины в России и за рубежом : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. — 2016. — № 3.
3. Гачев, Г. Д. О возможном содействии гуманитарных наук развитию естественных / Г. Д. Гачев // Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. — М., 1981. — С. 109—125.
4. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение / Е. И. Голованова. — М., 2011. — 224 с.
5. Грецкая, Т. В. Обучение семантизации профессионально-ориентированной иноязычной лексики студентов медицинских вузов: на материале немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Грецкая. — СПб., 2005. — 189 с.
6. Даниленко, В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. — М., 2007. — 246 с.
7. Даниленко, В. П. Об основных лингвистических требованиях к стандартизируемым терминам / В. П. Даниленко // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. Ч. 1. — М., 2011. — С. 72—73.
8. Деборин, А. М. Заметки о происхождении и эволюции научных понятий и терминов / А. М. Деборин // Вопр. языкознания. — М. : МГУ, 2007. — С. 46—53.
9. Иванов, В. В. Семантические особенности медицинских терминов: на материале немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук / В. В. Иванов. — М., 2016. — 166 с.
10. Какзанова, Е. М. Некоторые механизмы взаимодействия различных способов лексической номинации (на материале глаголов и отглагольных существительных современного немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук / Е. М. Какзанова. — М., 2012. — 217 с.

11. Лисеев, И. К. Предмет философии биологии и его эволюция / И. К. Лисеев // Философские проблемы биологии и медицины, вып. 4: Фундаментальное и прикладное : сб. материалов 4-й ежегод. науч.-практ. конф. — М., 2010. — С. 45—46.
12. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — М., 2009. — 256 с.
13. Лотте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики / Д. С. Лотте. — М., 2011. — 160 с.
14. Большой немецко-русский и русско-немецкий медицинский словарь. Grosses deutsch-russisches und russisch-deutsches Wörterbuch der Medizin / И. Ю. Марковина, Е. В. Логинова, О. А. Зубанова, А. В. Ефимов. — М., 2009. — 576 с.
15. Моисеев, А. И. О языковой природе термина / А. И. Моисеев // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М., 1970. — С. 127—138.
16. Суперанская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. — М., 2012. — 248 с.
17. Чернявский, М. Н. Латинский язык и основы медицинской терминологии / М. Н. Чернявский. — М., 2006. — 336 с.
18. Шарапова, Т. Н. Пути обогащения в немецкой терминологии бионики / Т. Н. Шарапова // Проблемы прикладной лингвистики : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. — Пенза, 2006. — С. 239—242.
19. Шарапова, Т. Н. Из истории возникновения некоторых терминов бионики / Т. Н. Шарапова // Изучение терминологии как составляющая подготовки специалиста : тез. докл. I Всерос. науч.-практ. студенч. конф. — Омск, 2008. — С. 27—30.
20. Шарапова, Т. Н. О проблеме взаимодействия терминологии бионики с терминосистемами других научных дисциплин / Т. Н. Шарапова // Омские социально-гуманитарные чтения-2008 : материалы I Регион. науч.-практ. конф. — Омск, 2008. — С. 298—301.
21. Шарапова, Т. Н. К вопросу об основных функциях технических терминов в отраслевых терминосистемах / Т. Н. Шарапова // Омские социально-гуманитарные чтения-2011 : материалы VI Регион. науч.-практ. конф. — Омск, 2011. — С. 260—264.
22. Шумайлова, М. С. Структурный анализ исконных терминов немецкой терминологии интернета / М. С. Шумайлова // Омск. науч. вестн. — 2011. — № 499. — С. 118—121.
23. Arntz, R. Einführung in die Terminologearbeit. 5. Auflage / R. Arntz, H. Picht, F. Mayer. — Hildesheim : Georg Olms Verlag, 2004. — 112 S.
24. EWDP — Etymologisches Wörterbuch des Deutschen : in 3 Bdch. / W. Pfeifer (Hrsg.). — Berlin : Akad.-Verlag, 2005. — 434 S.
25. Glück, H. Metzler Lexikon Sprache / H. Glück. — Stuttgart : Metzler, 2005. — 75 S.
26. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, bearbeitet von E. Seebold, 25, durchgesehene und erweiterte Auflage. / F. Kluge. — Berlin : Walter de Gruyter, 2011. — 1021 S.
27. Reuter, P. Universalwörterbuch Medizin, Pharmakologie und Zahnmedizin. Deutsch-Englisch. Englisch-Deutsch / P. Reuter. — Hamburg : Springer, 2005. — 1569 S.
28. Huber, J. Das Schweizerische Idiotikon. Wörterbuch der Schweizerdeutschen Sprache [Электронный ресурс] / J. Huber. — Zürich : Frauenfeld, 1999. — URL: <http://www.idiotikon.ch/> (дата обращения 10.12.2017).
29. ADAE — Academic dictionaries and encyclopedias [Электронный ресурс]. — URL: <http://de.academic.ru/dic> (дата обращения 20.11.2017).

Сведения об авторах

Нюбина Лариса Михайловна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкого языка, Смоленский государственный университет. Смоленск, Россия. rektorat.sci@smolensk.ru

Пахомова Ирина Станиславовна — аспирантка кафедры немецкого языка, Смоленский государственный университет. Смоленск, Россия. irina.pakhomowa2012@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2018. No. 10 (420). Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 168—175.

TO INTERACTION OF SCIENCE WITH CREATING OF THE MEDICAL TERMINOLOGY IN GERMAN LANGUAGE

L.M. Nyubina

Smolensk State University, Smolensk, Russia. rectorat.sci@smolensk.ru

I.S. Pakhomova

Smolensk State University, Smolensk, Russia. irina.paxomowa2012@yandex.ru

Before the description of the examples there is an overview of the problems in the modern scientific terminology. The opinion of the representative of the cognitive science E.I. Golovanova is taken into consideration. In addition, the available article analyses the sources of replenishment of medical metalanguage in German from other sciences, for example from bionics.

Keywords: *metalanguage of medicine, term, experimental/humanitarian sciences, bionics, stomatology, surgery, pharmacology, processes of memorizing/forgetting.*

References

1. Alekseev A.P. *Latinsko-russkiy slovar' meditsinskoy terminologii* [Latin-Russian Dictionary of Medical Terminology]. Moscow, 2006. 507 p. (In Russ.).
2. *Aktual'nye problemy meditsiny v Rossii i za rubezhom* [Actual problems of medicine in Russia and abroad], 2016, no. 3. (In Russ.).
3. Gachev G.D. O vozmozhnom sodeystvii gumanitarnykh nauk razvitiyu yestestvennykh [On the possible contribution of the humanities for the development of natural sciences]. *Metodologicheskiye problemy vzaimodeystviya obshchestvennykh, estestvennykh i tekhnicheskikh nauk* [Methodological problems of interaction of social, natural and technical sciences]. Moscow, 1981. Pp. 109—125. (In Russ.).
4. Golovanova Ye.I. *Vvedeniye v kognitivnoye terminovedeniye* [Introduction to Cognitive Terminology Science]. Moscow, 2011. 224 p. (In Russ.).
5. Gretskeya T.V. *Obucheniye semantizatsii professional'no-orientirovannoy inoyazychnoy leksiki studentov meditsinskikh vuzov: na materiale nemetskogo yazyka* [Training semantization of professionally-oriented foreign vocabulary of medical students: on the material of German language. Thesis]. St. Petersburg, 2005. 189 p. (In Russ.).
6. Danilenko V.P. *Russkaya terminologiya: Opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian terminology: Experience of linguistic description]. Moscow, 2007. 246 p. (In Russ.).
7. Danilenko V.P. Ob osnovnykh lingvisticheskikh trebovaniyakh k standartiziruemym terminam [On the main linguistic requirements for standardizing terms]. *Semioticheskiye problemy yazykov nauki, terminologii i informatiki. Ch. 1* [Semiotic problems of languages of science, terminology and informatics. Pt. 1]. Moscow, Nauka Publ., 2011. Pp. 72—73. (In Russ.).
8. Deborin A.M. Zametki o proiskhozhdenii i evolyutsii nauchnykh ponyatiy i terminov [Articles on the origin and evolution of scientific concepts and terms]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questioning Linguistics]. Moscow, 2007. Pp. 46—53. (In Russ.).
9. Ivanov V.V. *Semanticheskiye osobennosti meditsinskikh terminov: na materiale nemetskogo yazyka* [Semantic features of medical terms: to the material of German language]. Moscow, 2016. 166 p. (In Russ.).
10. Kakzanova Ye.M. *Nekotorye mekhanizmy vzaimodeystviya razlichnykh sposobov leksicheskoy nominatsii (na materiale glagolov i otglagol'nykh sushchestvitel'nykh sovremennogo nemetskogo yazyka* [Some mechanisms for interaction of different methods of lexical nomination (to the material of verbs and verbal nouns of modern German. Thesis]. Moscow, 2012. 217 p. (In Russ.).
11. Liseev I.K. Predmet filosofii biologii i ego evolyutsiya [The subject of biological philosophy and its evolution]. *Filosofskiyey problemy biologii i meditsiny. Vyp. 4: Fundamental'noye i prikladnoye* [Philosophical problems of biology and medicine. Iss. 4: Fundamental and Applied]. Moscow, 2010. Pp. 45—46. (In Russ.).

12. Leychik V.M. *Terminovedeniye: predmet, metody, struktura* [Science of terminology: subject, methods, structure]. Moscow, 2009. 256 p. (In Russ.).
13. Lotte D.S. *Osnovy postroyeniya nauchno-tehnicheskoy terminologii. Voprosy teorii i metodiki* [Foundation of the construction of scientific and technical terminology. Questions of theory and methodology]. Moscow, 2011. 160 p. (In Russ.).
14. Markovina I.Yu., Loginova Ye.V., Zubanova O.A., Yefimov A.V. *Bol'shoy nemetsko-russkiy i russko-nemetskiy meditsinskiy slovar'. Grosses deutsch-russisches und russisch-deutsches Wörterbuch der Medizin* [The large German-Russian and Russian-German medical dictionary. Grosses deutsch-russisches und russisch-deutsches Wörterbuch der Medizin]. Moscow, 2009. 576 p. (In Russ., in German).
15. Moiseev A.I. O yazykovoy prirode termina [On the linguistic nature of the term]. *Lingvisticheskiye problemy nauchno-tehnicheskoy terminologii* [Linguistic problems of scientific and technical terminology]. Moscow, 1970. Pp. 127—138. (In Russ.).
16. Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'eva N.V. *Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii* [General terminology: The problems of theory]. Moscow, 2012. 248 p. (In Russ.).
17. Chernyavskiy M.N. *Latinskiy yazyk i osnovy meditsinskoj terminologii* [Latin and basics of medical terminology]. Moscow, 2006. 336 p. (In Russ.).
18. Sharapova T.N. Puti obogashcheniya v nemetskoj terminologii bioniki [The ways of enrichment in the German terminology of bionics]. *Problemy prikladnoy lingvistiki* [Problems of Applied Linguistics]. Penza, 2006. Pp. 239—242. (In Russ.).
19. Sharapova T.N. Iz istorii vozniknoveniya nekotorykh terminov bioniki [From the history of the emergence of certain terms of bionics]. *Izucheniye terminologii kak sostavlyayushchaya podgotovki spetsialista* [The study of terminology as a component of specialist training]. Omsk, 2008. Pp. 27—30. (In Russ.).
20. Sharapova T.N. O probleme vzaimodeystviya terminologii bioniki s terminosistemami drugikh nauchnykh distsiplin [On the problem of interaction of the terminology of bionics with terminology of other scientific disciplines]. *Omskiye sotsial'no-gumanitarnye chteniya* [Omsk Social-Humanitarian Conference]. Omsk, 2008. Pp. 298—301. (In Russ.).
21. Sharapova T.N. K voprosu ob osnovnykh funktsiyakh tekhnicheskikh terminov v otraslevykh terminosistemakh [On the main functions of technical terms in industrial terminology]. *Omskiye sotsial'no-gumanitarnye chteniya* [Omsk Social-humanitarian Conference]. Omsk, 2011. Pp. 260—264. (In Russ.).
22. Shumaylova M.S. Strukturnyy analiz iskonnykh terminov nemetskoj terminologii interneta [The structural analysis of original terms in German Internet terms]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2011, no. 499, pp. 118—121. (In Russ.).
23. Arntz R., Picht H., Mayer F. *Einführung in die Terminologearbeit, 5. Auflage*. Hildesheim, Georg Olms Verlag, 2004. 112 S. (In German).
24. Glück H. *Metzler Lexikon Sprache*. Stuttgart, Metzler, 2005. 75 S. (In German).
25. Kluge F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin, Walter de Gruyter, 2011. 1021 S. (In German).
26. Pfeifer W. *EWDP — Etymologisches Wörterbuch des Deutschen: In 3 Bänden*. Berlin, Akademie-Verlag, 2005. 434 S. (In German).
27. Reuter P. *Universalwörterbuch Medizin, Pharmakologie und Zahnmedizin. Deutsch-Englisch. Englisch-Deutsch*. Hamburg, Springer, 2005. 1569 S. (In German).
28. Huber J. *Das Schweizerische Idiotikon. Wörterbuch der Schweizerdeutschen Sprache*. Zürich, Frauenfeld. Available at: <http://www.idiotikon.ch/>, accessed 10.12.2017. (In German).
29. *ADAE — Academic dictionaries and encyclopedias*. Available at: <http://de.academic.ru/dic>, accessed 20.11.2017. (In German).

УДК 821. 161.1 ББК 84 (2=411.2)
DOI 10.24411/1994-2796-2018-11025

КОМПЛЕКС ТОПОСОВ ВИЗАНТИЙСКИХ ЖИТИЙНЫХ ПРЕДИСЛОВИЙ В ДРЕВНЕРУССКОЙ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Е. А. Панова (Епифанова)

Курганский государственный университет, Курган, Россия

Статья посвящена влиянию византийских житийных предисловий на формирование своеобразия предисловий в древнерусской агиографической традиции. Исследование предисловий в древнерусских житийных текстах показало сплав византийского канона и новых элементов структуры житийных предисловий, связанных с историей Руси. Исследуется концептуализация подвигов русских святых, внимание сосредоточивается на их пути к святости.

Ключевые слова: предисловие, тоpos, агиография, канон, история, Русь, традиция.

Житийная литература Древней Руси оказалась под сильнейшим влиянием византийской переводной литературы. Древнерусские книжники, усваивая византийскую традицию, внесли в нее ряд оригинальных черт, связанных со специфической исторических и социально-политических условий Древней Руси.

Отметим комплекс топов византийской традиции, который утвердился в *предисловиях древнерусских книжников*:

- 1) необходимость восхваления святого;
- 2) желание взяться за повествование о святом;
- 3) объяснение причин, побудивших написать о святом;
- 4) «душеполезное» чтение;
- 5) авторское самоуничижение;
- 6) восхваление Господа;
- 7) мольба, обращенная к Господу (Богу) о помощи в создании текста;
- 8) указание на источники жития;
- 9) сомнения в успехе создания жития;
- 10) трудность писательского дела;
- 11) обращение к Богу за благословением на труд.

Константным для всех древнерусских житийных предисловий является **тоpos необходимости восхваления святого (1)**. Авторы Древней Руси считали необходимым возвысить русского святого как образец для подражания.

В «Слове о житии Стефана Пермского» Епифаний Премудрый подчеркивает доброту, смелость святого, его бесстрашное служение христианству: «...похвалити добляго Стефана, проповѣдника вѣрѣ, и учителя Перми, и апостолюмъ наслѣдника» [7. С. 54].

Предисловие Похвального слова преп. Сергию Радонежскому создано в духе стиля «плетения словес», что проявилось в нагнетении эпитетов: «...преподобный игумен отецъ нашъ Сергие святыи: старецъ чюдныи, добродетелми всякими украшенъ, тихый кроткый нравъ имея, и смиренный добронравый, приветливый и благоуветливый, утешительный, сладкогласный и благоподатливый, милостивый и добросердечный, смиренномудрый и целомудренный, благоговейный и нищелюбивый, страннолюбный и миролюбный, и боголюбный» [3. С. 408—410].

По нашим наблюдениям, древнерусские книжники с целью возвеличить святого использовали и устойчивые формулы («*богоносный отецъ*» в Житии преп. Феодосия Печерского, Житии Авраамия Смоленского) и цитаты из Священного писания (Житие митрополита Петра), а также утвердившиеся как константные в предисловиях средства художественной изобразительности (метафоры, эпитеты, сравнения) при описании святого и его деятельности (Житие преп. Сергия Радонежского, Похвальное Слово преп. Сергию Радонежскому).

В этом топосе отражено своеобразие русской святости. Она виделась в служении не только христианству, но и жителям Руси.

С творческими исканиями древнерусских авторов связан **тоpos желания взяться за повествование о святом (2)**. Впервые в древнерусской литературе он введен в анонимное «Сказание»: «Нѣ се остаану много глаголати, да не многосании въ забытъ вѣлѣземъ, нѣ о немъ же начахъ, си съкажемъ убо о сице» [9. С. 279]. Так в древнерусской житийной литературе в самом начале ее

возникновения обозначена проблема психологии творчества: выявлены «внутренние» и «внешние» причины взяться за написание о святом, рассказывается о процессе создания произведения [1. С. 19].

С данным топосом связана идея о единстве разума и чувств в творческом процессе в Слове о житии Стефана Пермского: «...еже невидимо на разумных скрижалех сердечных писати, но на чувственных харатиахъ изволих писати» [7. С. 50].

В древнерусской традиции происходит углубление процесса творчества создателей житий. Поставлен вопрос о муках творчества, сомнениях, первых строчках.

В палитру топосов, связанных с творчеством, вплетается *объяснение причин, побудивших написать о святом (3)*.

Нестор впервые указал на роль художественных открытий в Житии преп. Феодосия Печерского. Автор рассуждает о своем произведении как основе труда для всех, кто обращался к созданию повествования о святом: «Си на успѣхъ и на устроение бесѣдующимъ съписати хошю...» [4. С. 306].

Необходимость создать образ святителя стала основной причиной создания Жития митрополита Петра — «похвалити достойное по достоинству» и объясняет причины появления повествования о святом: «...но паки несправедно, судих, такового святителя венець неукрашен некако оставити, аще и прежде нас бывши самохотиємъ преминуша» [8. С. 76].

Расширяет спектр размышлений о творчестве *топос «душеполезного чтения» (4)* в предисловии Жития преп. Сергия Радонежского: «...но себе пишу, а запаса ради, и памяти ради, и пользы ради» [3. С. 258].

Сочетание топосов указания причины, побудившей написать о святом, и «душеполезного» чтения становится традицией в древнерусской агиографии.

Своеобразие русской традиции представляет собой *топос авторского самоуничижения (5)*. Он был своего рода факультативным в византийских житиях. В древнерусской агиографии этот топос является следствием указания автора своей греховности и становится традиционным начиная с сочинений Нестора. Впервые Нестор заявил об убожестве своего литературного дарования: «...яко съподобилъ мя еси недостойнаго съповѣдателя быти святымъ твоимъ въгодникомъ...» [4. С. 304].

Данный топос стал обязательным почти для всех последующих преподобнических и святительских житий: «Дай же ми разумъ, просвѣщенъ божиею благодатью, подаждь мнѣ худому и грѣшнѣишу паче всѣхъ свѣтлый подвигъ жития и терпѣнія начати, еже о житии блаженнаго Авраамия, бывшаго игумена монастыря сего святыя владычица наша богородица, его же день успения нынѣ празднующи память чтемъ» [2. С. 66].

Е. Л. Конявская считает скромность автора неотъемлемой частью риторического этоса, свойственного античности [5. С. 19].

На наш взгляд, основной причиной обращения к топосу самоуничижения могло быть стремление автора возвысить святого в глазах читателя, а также рассказать о сакральной сущности творчества, благословении Бога, данном смиренному человеку ради великой цели.

Сопоставление византийских и русских предисловий выявило сокращение внимания к *топосу восхваления Бога (6)*. Вероятно, для древнерусского книжника прославление Бога представлялось настолько бесспорным, что позволяло перенести акцент на прославление человека, посвятившего себя Господу.

В Житии Авраамия Смоленского впервые введен топос обращения к сыну Божьему, Иисусу Христу, что укоренилось в русской агиографии: «О пресвятыи царю, отче и сыне и святыи душе, слово божие, искони сый въ вѣкы, сътворивый небо и землю, видимая и невидимая, отъ небытия насъ въ бытие приведый; и не въсхотѣ насъ презрѣти въ мнозѣхъ прелести мира сего, но посла на избавление наше сынъ свой единочадый» [2. С. 66].

Епифаний Премудрый в Слове о Житии Стефана Пермского традиционно для византийской и русской житийной литературы восхваляет и святого, и Господа, надеясь на его милость: «Но надѣюся на Бога всемилостиваго и всемогущаго...» [7. С. 52].

Восприятие труда писателя как сакрального явления вызвало включение в предисловие *топоса мольбы, обращенной к Богу за помощью в создании текста (7)*. При этом помощь, в которую искренне верит автор, видится конкретизированной: дарование разума, физических и духовных сил, дара Слова.

В предисловии Жития преп. Феодосия Печерского Нестор молит Господа просветить его разум и дать ему сил достойно описать жизнь

святого: «...прииди на помощь мнѣ и просвѣти сѣрдце мое на разумѣние заповѣдий твоихъ и отвѣрзи устѣ мои на исповѣдание чюдесъ твоихъ и на похваление святаго выгодинка твоего» [4. С. 306].

Древнерусские авторы чаще византийских обращались к Господу (Богу) с мольбой о помощи в создании текста, тем самым возвышая Слово как сакральное. В основном мольба о помощи звучала как просьба послать разум, силы и дар Слова для великого дела.

Типизирующим древнерусские предисловия является **топос указания на источники жития (8)**. Агиографы стремились вписать свое произведение в русло признанных творений. Это был путь утверждения своего труда, его нужности и важности.

Впервые данный топос наиболее глубоко разработан Епифанием Премудрым в предисловии Слова о житии Стефана Пермского. Автор называет три типа источников: его личные наблюдения, рассказы очевидцев и цитаты из Священного Писания. Автор Жития впервые в житийной литературе заявил о себе как о собирателе устного поэтического творчества и о личном знакомстве со Стефаном. Автор получил некоторые сведения от «старыхъ мужъ». Третьим источником называет Писание. В частности, есть ссылки на цитату из Второзакония: «Въпроси отца твоего, и възвестит тебе, и старци твои ркутъ тебе» [7. С. 52].

В предисловии Жития преп. Сергия Радонежского данному топосу уделено особое внимание, так как источники жития презентировались как основополагающий фактор достоверности текста, достойного прославляемого святого. Понимание Епифанием Премудрым возможностей синтеза источников как основы успеха и достоверности Жития святого запечатлено, где настоятельно говорится о предании — устных источниках жития, в том числе и рассказы очевидцев: «И обрѣтохъ нѣкия старца премудры въ отвѣтахъ, разумны и разумны, и въпросихъ о нем...» [3. С. 258].

Русские авторы чаще византийских обращались к цитатам из Священного Писания. Все слова и действия Епифания подкрепляются цитатами из самого авторитетного источника: «Но надѣюся на Бога всемилостиваго и всемогущаго, “от Него же вся возможна суть”», Иже даетъ нам милость Свою обилно Своею благодатию, и молюся Ему, прежде прося у Него слова потребна, аще дасть ми “слово надобно въ отвержение устъ моихъ”, яко-

же древле Исая пророкъ рече: “Господь дасть ми языкъ сказанія вѣдати, внегдае подобает ми рещи слово”» [7. С. 52].

Ссылки на источники характеризуют трудолюбие и начитанность автора, показывают уважение к предшественникам, знание канонических текстов и устного творчества. Обращение к источникам призвано выразить мысль о знаменитости и известности персонажа, о месте святого в ряду других святых, о плодотворности знания источников, свидетельствующих о святом, а также обеспокоенность невозможностью «исчерпать всю глубину» личности святого. Таким образом, указание на источники играет двоякую роль: оно характеризует как святого, так и автора, который предстает перед нами образованным человеком, внимательным слушателем, обратившимся и к Писанию, и к преданию.

Топос сомнения в успехе создания жития (9) появляется в древнерусских текстах лишь в конце XIV в. Авторы, вероятно, в соответствии с народными верованиями бояться спугнуть чудо успеха.

В Слове о житии Стефана Пермского Епифаний высказал сомнения относительно способности достойно описать жизнь и деяния святого: «Шажю же ся и бою, еда како кто на мя взнепщуетъ и възнегодуетъ, яко зазоры ми в коемждо словѣ предлагая... Нѣсмь бо доволенъ или досуженъ на се» [7. С. 54—56].

Предисловие Жития преп. Сергия Радонежского наполнено многочисленными сомнениями автора, которые выражены риторическими вопросами. Одним из художественных приемов является гипербола: «Ино къ множеству трудовъ старчихъ и къ великимъ исправлениемъ его възирая, акы безгласенъ и бездѣленъ в недоумѣнии от ужаси бывая, не обрѣтаа словесъ потребныхъ, подобныхъ дѣянію его. Како могу азъ, бѣдный, в нынѣшнее время Сергиево все по ряду житие исписати и многаа исправления его и неизчетныя труды его сказати? Откуда ли начну, яже по достоинству дѣянія того и подвигы послушателемъ слышаны вся сътворити? Или что подобаетъ прѣвие възпомянути?...» [3. С. 260].

Топос трудности писательского дела (10) в русской традиции введен Нестором в предисловии Жития преп. Феодосия Печерского. Основной причиной трудности названо постижение знаний не только о святом: «...понудихъ ся и на другое исповѣдание приити, еже выше моя силы, ему же и не бѣхъ достоинъ — грубъ сы и неразумиченъ. Къ симъ же яко и не бѣхъ ученъ никое

иждо хытлости...» [4. С. 304]. Исследование выявило тесную связь данного топоса с топосом авторского самоуничтожения.

В Похвальном Слове митрополиту Петру Киприан подчеркивает трудность писательского дела своих предшественников — древних писателей: «Но понеже нужна, убо беаху и неудобна и древнимъ о немъ списателемъ, техъ, иже по Бозе житие подробну написати или по достоинству похвалити...» [Цит. по: 8. С. 96].

В предисловии Жития преп. Сергия Радонежского обозначенный топос обрастает другими — авторским самоуничтожением и сомнениями в успехе написания о святом: «Како могу азъ, бѣднѣй, в нынѣшнее время Сергиево все по ряду житие исписати и многаа исправления его и неизчетныя труды его сказати?... Откуда ли приобрящу хитрость да възможна будетъ къ такому сказанию? Како убо таковую, и толикую, и не удобъ исповѣдимую повѣсть, не вѣдѣ, елма же чрезъ есть нашу силу творимое? Яко же не мощно есть малѣй лодии велико и тяжко бремя налагаемо понести, сице и превъсходитъ нашу немощь и умъ подлежащая бесѣда» [3. С. 260].

Творчески подошел к этому топосу Епифаний Премудрый в Похвальном Слове преп. Сергию Радонежскому, переплетая данный топос с топосами мольбы, обращенной к Богу о помощи в создании Жития и авторского самоуничтожения: «Но обаче сподоби мя принести похвалы тебѣ, приносящаго мѣлѣ о моей худости къ Христу Богу нашему. Аще бо и вси достойни, но азъ недостойнъ есмь, влекомъ и жадаю, да поне крупѣцамъ трапезы избранныхъ причастникъ буду...» [Там же. С. 406].

В предисловии Жития преп. Кирилла Белозерского обобщены мысли древнерусских книжников о трудности писательского дела, сопряженного с ответственностью перед Богом, святым и историей: «Понеже убо онѣмъ великимъ божественнымъ мужемъ, иже въ постѣ и подвижѣ просиавшимъ, иже потолику велику побѣдуна враги мужески показавше и мира сего вся красная и суетная, иже в малѣ улажда-

емая, преобидѣвъша, проразумѣвъше, яко вся суть временъная, потомъ безъ вѣсти бываемая... техъ убо святыхъ житѣя же и повѣсти и древнимъ онѣмъ списателемъ нужна бяху и неудобна яже о нихъ подробну написати...» [6. С. 50]. Пахомий Серб повествует о «великомъ божественномъ» преподобномъ, который одержал победу над врагом и суетнымъ миромъ, несмотря на все трудности. Автор указывает причину возникающих трудностей: «ради тѣхъ высокаго житѣя и любви еже къ Богу» [Там же].

Взгляд на создание жития как сакральное дело проявился в *топосе обращения к Богу за благословением на труд (II)*. Многие предисловия древнерусских книжников начинаются с традиционной канонической формулы — обращения к Богу за благословением: «Господи, благослови, Отче». Топос, воплощенный в данной формуле, открывал предисловия византийских житий Саввы Освященного, Иоанна Милостивого и Феодора Студита. Подобное обращение к Богу стало традиционным на Руси и «предназначалось для чтения в церкви или за монашеской трапезой» [6. С. 311].

Через комплекс просьб, обращенных к Богу, прочитывается многообразие творческой манеры русских писателей. Каждый автор просит о своем: кто дара, кто сил, кто вдохновения. Древнерусские книжники — уникальное явление. Каждый из них — личность. Творчество каждого из них вносило вклад в историю житийной словесности. Так формировалось творческое многоцветие корпуса русских писателей, у каждого из которых были свои представления о каноне и возможностях творческой личности.

Исследование позволило выявить константные топосы для всех древнерусских авторов: обращение к Богу, восхваление святого и авторское самоуничтожение.

Так, нами выявлено своеобразие синтеза топосов в предисловиях византийских и русских житий как основа развития древнерусской агиографии.

Список литературы

1. Белецкий, А. И. В мастерской художника слова / А. И. Белецкий. — М. : Высш. шк., 1989.
2. Житие Авраамия Смоленского // Памятники литературы Древней Руси, XIII век. — М. : Художеств. лит., 1981. — С. 66—105.
3. Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси, XIV — середина XV века. — М. : Художеств. лит., 1981. — С. 256—430.
4. Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси, XI — начало XII века. — М. : Художеств. лит., 1978. — С. 304—391.

5. Конявская, Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — середина XV в.) / Е. Л. Конявская. — М. : Языки рус. культуры, 2000. — 199 с.
6. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / статьи, подготовка текстов, пер. с др.-рус. и коммент.: Г. М. Прохорова, Е. Э. Шевченко, Е. Г. Водолазкина. — СПб. : Глагол, 1993. — С. 50—168.
7. Святитель Стефан Пермский / статья, текст, пер. с др.-рус. и коммент. Г. М. Прохорова. — СПб. : Глагол, 1995. — С. 50—266.
8. Седова, Р. А. Святитель Петр Митрополит Московский / Р. А. Седова. — М. : Рус. мир, 1993.
9. Сказание о Борисе и Глебе // Памятники литературы Древней Руси, XI — нач. XII века. — М. : Художеств. лит., 1978. — С. 279—304.

Сведения об авторе

Панова (Епифанова) Евгения Александровна — аспирантка, Курганский государственный университет. Курган, Россия. epifanovaevgenya@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 176—180.*

THE COMPLEX OF TOPOSES OF THE BYZANTINE LIFE INTRODUCTIONS IN THE OLD RUSSIAN HAGIOGRAPHIC LITERATURE

Ye.A. Panova (Yepifanova)

Kurgan State University, Kurgan, Russia. epifanovaevgenya@mail.ru

The article is devoted to the complex of toposes of the Byzantine life introductions in the old Russian hagiographic tradition. The study of the introductions in the Old Russian life texts revealed the fusion of the Byzantine canon and the new elements of the structure of the life introductions connected with the history of Rus. The conceptualization of the feats of the Russian saints is investigated, special attention is paid to their way to sanctity.

Keywords: *introduction, topos, hagiography, canon, history, Rus, tradition.*

References

1. Beletsky A.I. *V masterskoy khudozhnika* [In the artist's workshop words]. Moscow, 1989. (In Russ.).
2. Zhitiye Avraamiya Smolenskogo [Life of Avraamiy Smolensky]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XIII vek* [The Monuments of Old Russian Literature. XIII Century]. Moscow, 1981. Pp. 66—105. (In Russ.).
3. Zhitiye Sergiya Radonezhskogo [Life of Sergy Radonezhsky]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi XIV—XV vekov*. [The Monuments of Old Russian Literature of XIV—XV Centuries]. Moscow, 1981. Pp. 256—265 (In Russ.).
4. Zhitiye Feodosiya Pecherskogo [Life of Feodosy Pechersky]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XI — nachalo XII veka* [The Monuments of Old Russian literature. XI — beginning of the XII century]. Moscow, 1978. Pp. 304—307 (In Russ.).
5. Konyavskaya Ye.L. *Avtorskoye samosoznaniye drevnerusskogo knizhnika (XI — seredina XV v.)* [Author's Self-Consciousness of the Old Russian Writer (XI — middle of the XV cent.)]. Moscow, 2000. 199 p. (In Russ.).
6. *Prepodobnye Kirill, Ferapont i Martinian Belozerskiye* [The Reverend Kirill, Pherapont and Martinian Belozersky]. St. Petersburg, 1993. P. 50—168. (In Russ.).
7. *Svyatitel' Stefan Permskiy* [The Saint Stefan Permsky]. St. Petersburg, 1995. Pp. 50—266. (In Russ.).
8. Sedova R.A. *Svyatitel' Petr Mitropolit Moskovskiy* [Saint Petr Metropolitan of Moscow]. Moscow, 1993. 203 p. (In Russ.).
9. Skazaniye o Borise i Glebe [Story about Boris and Gleb]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XI — nachalo XII veka* [The Monuments of Old Russian literature. XI — beginning of the XII century]. Moscow, 1978. Pp. 279—304 (In Russ.).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРНИТОНИМОВ В СЛАВЯНСКИХ, ФИННО-УГОРСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (ВАРАКУШКА, УТКИ, СИЗОВОРОНКА)

А. А. Парфенова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Рассматриваются названия птиц, производные от славянских, финно-угорских и тюркских прилагательных со значениями «синий» и «голубой». В ходе анализа названий шести птиц (варакушки, четырех видов уток и сизоворонки) выявляются мотивирующие признаки, отраженные во внутренней форме лексем, и прослеживаются закономерности в образовании названия каждой птицы.

Ключевые слова: орнитоним, цветосемантика, синий цвет, славянские языки, финно-угорские языки, тюркские языки.

Птицы довольно заметны в окружающем нас мире. Отдельных представителей этого класса животных мы наблюдаем каждый день. Они издавна являются объектами наблюдения не только ученых, но и многих любителей. Исследованием птиц занимается особый раздел биологии — орнитология. Однако повышенный интерес вызывают не только сами птицы, но и названия, которые они получают в том или ином языке. На это указывают многочисленные исследования, посвященные названиям птиц, или орнитонимам. Материалом для лингвистических исследований являются орнитонимы одного или нескольких языков, а сами названия птиц рассматриваются в различных аспектах. Например, в статьях О. Г. Иваненко и Н. В. Дмитриевой рассматриваются русские орнитонимы в словообразовательном аспекте [10; 8]. Статья Е. И. Зиновьевой описывает один отдельно взятый орнитоним (рус. *ворон*) в лингвокультурологическом аспекте [9]. Также есть исследования, посвященные орнитонимам в других языках, в том числе: Э. И. Сафиной — о названиях птиц в татарском языке [15]; Н. А. Григоренко — об орнитонимах определенной этнической группы (камчадалы) [6]; Ф. П. Эбзеевой — о карачаево-балкарских орнитонимах в сравнительно-историческом аспекте [27]. Есть статьи, посвященные сравнению орнитонимов в разных языках: А. П. Денисова и М. В. Кутьева исследуют орнитонимы в русском и испанском [7], А. А. Гимадеева — в татарском и английском [5]. Стоит упомянуть и диссертацию Н. Ю. Костиной, рассматривающей орнитонимы в русском и английском языках [11].

Объектом исследования данной статьи стали орнитонимы в славянских, финно-угорских

и тюркских языках, производные от прилагательных со значениями «синий» и «голубой». В качестве источников материала использованы русские толковые словари, переводные словари славянских, финно-угорских и тюркских языков, а также диалектные словари русского, белорусского, сербского и польского языков. Для статьи были выбраны наименования варакушки, четырех видов уток, а также сизоворонки. Материал анализируется в мотивационном и сопоставительном аспектах. Рассматриваются мотивирующие признаки, получившие отражение во внутренней форме лексем, а также выявляются закономерности в образовании наименований для каждой птицы в трех группах языков.

Статья включает три раздела, соответствующие птицам определенного семейства: 1 — варакушка, сем. мухоловковые; 2 — утки, сем. утиные; 3 — сизоворонка, сем. сизоворонковые. В каждом из разделов приводятся и анализируются славянские, финно-угорские и тюркские наименования птиц. В заключение делаются выводы о мотивирующих признаках орнитонимов, а также о закономерностях наименования каждой из птиц.

1. Варакушка (*Luscinia* L., сем. мухоловковые)

Мотивированность названий варакушки синим цветом связана с характерной чертой в окраске самцов этой птицы. Самцы варакушки на груди и горле имеют большое синее пятно, окаймленное снизу черной и красной полосами [24. С. 184].

В славянских языках встречается четыре наименования варакушки: блр. *сіняшыйка* [3. С. 854], рус. *синешейка* [17. Т. 37. С. 329], срб.-хрв.

модрѡвѡлка [31. С. 724], укр. *синьогрудка* [33. С. 121]. Все они указывают на синюю окраску определенной части ее тела: шея (блр. *сіняшийка*, рус. *синешейка*), зоб (срб.-хрв. *модрѡвѡлка*; букв. «синезобка» — от срб.-хрв. *мѡдар* «темно-синий, сизый» + *вѡлье* «зоб (у птиц)»), грудь (укр. *синьогрудка*). Так или иначе, все приведенные лексемы подчеркивают наличие синего пятна на шее и груди этой птицы.

В *финно-угорских языках* отмечено четыре наименования варакушки: венг. *kékbecu* (букв. «синий зоб») [25. С. 1213], мокш. *сенем мяште нармоння* (букв. «птичка с синей грудкой») [12. С. 618], фин. *sinirinta* (букв. «синяя грудь») [23. С. 567], эст. *sinikurguke* (букв. «синее горлышко») [18. С. 501]. Внутренняя форма каждого названия также указывает на синюю окраску определенной части тела птицы — ее горла («зоб», «горлышко») и груди («грудка», «грудь»).

В *тюркских языках* обнаружено только одно наименование варакушки — тат. *күктүш* [19. С. 672] (букв. «синяя грудь»). Эта лексема — так же, как укр. *синьогрудка*, мокш. *сенем мяште нармоння* и фин. *sinirinta*, — указывает на синюю окраску груди у самца птицы.

2. Утки (Anatidae — сем. утиные)

В *славянских языках* наименований утки, образованных от прилагательных «синий», «голубой», немного. Встречаются они только в русском языке и используются для обозначения разных видов уток: рус. диал. *савка синеносая* «савка» [17. Т. 36. С. 15; Т. 37. С. 326], рус. диал. *голубая чернеть* «чернеть хохлатая; нырок красноголовый» [17. Т. 6. С. 340].

Первая лексема — *савка синеносая* — обозначает птицу, которая в русском литературном языке имеет название *савка*. Но если рус. лит. *савка* обозначает определенный вид уток (*Oxyura leucosyrphala* L.), то рус. диал. *савка*, помимо наименования непосредственно савки, используется как название и для других видов уток, например морянки (*Clangula hiemalis*, сем. утиных) и турпана (*Melanitta fusca*, сем. утиных) [17. Т. 36. С. 15].

Название *савка синеносая* птица получила за окраску клюва: согласно интернет-журналу Animal reader, савка имеет «широкий клюв серо-голубого цвета» (адрес журнала: <https://animalreader.ru>); согласно Флинту, «у самца [савки. — А. П.] шея и темя черные, голова белая, клюв голубой» [24. С. 44].

Название *голубая чернеть*, которым в говорах обозначаются две птицы семейства утиных — красноголовый нырок *Aythya ferina* L. (он же — красноголовая чернеть) и хохлатая чернеть *Aythya fuligula* L., может также быть связано с цветом их клюва. Согласно «Определителю птиц стран СНГ» и «Клубу охотников и рыболовов», самцы и самки этих видов уток имеют голубоватый клюв (адреса сайтов соответственно: <http://onbird.ru/opredelitel-ptits> и <http://clubneva.com>).

Более существенным основанием для появления у красноголового нырка названия *голубая чернеть* (встречается не только как диалектное) могло служить и то, что селезень этой утки имеет серовато-голубую спину с мелкими крапинами и светло-серые бока (сайт «Птицы Братеевограда»: <https://sites.google.com/site/ptitsybrateevo>). Верхние кроющие перья крыла голубовато-серые. Согласно «Клубу охотников и рыболовов», в брачном оперении селезня его рыжая голова и верхняя часть шеи хорошо выделяются на фоне черного зоба и груди, резко отделенных от серой спины и боков тела. Буро-серое оперение самочки нырка также возможно соотнести с определением «голубая».

Интересно, что в народном сознании красноголовый нырок и хохлатая чернеть не дифференцируются.

В финно-угорских языках встречаются три наименования утки: фин. *sinisorsa* (кряква; букв. «синяя утка») [23. С. 567], эст. *sinikaelpart* (кряква; букв. «утка с синей шеей») [18. С. 501], эрз. *сэньшай* (селезень; от эрз. *сэнь* — «синий») [28. С. 631].

Финская и эстонская лексемы представляют наименования кряквы (*Anas platyrhynchos* L.). Согласно справочнику «Птицы России», у самцов-селезней этого вида в брачном наряде голова и шея черные с зеленым отливом (адрес источника: <https://birds.academic.ru>). Подобное описание находим и у Флинта: «у самца [кряквы. — А. П.] голова черная с зеленым отливом» [24. С. 38]. Ср. еще: «В брачном пере селезень подвиды [Anas platyrhynchos. — А. П.] имеет блестящую темно-зеленую голову и шею...» (<http://khaliman.org.ua>). Не исключено, что на свету голова и шея кряквы могут казаться и темно-синими. Окраска шеи — мотивирующий признак для эстонской лексемы. Вероятно, этот же признак является мотивирующим и для финской лексемы.

Мотивировкой для фин. *sinisorsa* может быть и такой признак, как наличие фиолетово-синего «зеркальца» на крыльях птицы [24. С. 38].

Что касается эрзянской лексемы *сэньшай*, то с учетом дефиниции, ее следует также считать наименованием самца кряквы с теми же мотивировками.

В тюркских языках наименований утки значительно больше, чем в славянских и финно-угорских.

Среди них можно выделить несколько лексем со схожими аффиксами. Это, например, *хак. көгін, көгүн* (кряква) [26. С. 191—192] и *як. көбөн* (кряква) [29. С. 175]. Первые две производны от *хак. көк* (синий, голубой, зеленый, серый, сивый), а последняя — от *як. күөх* (синий, голубой, зеленый). Казалось бы, внутренняя форма этих лексем неясна и связь с прилагательными цвета неочевидна. Однако в этимологическом словаре Севортяна, в статье, посвященной тюркским названиям голубя, приводится следующее: «...название голубого или синего цвета находит применение для обозначения и других птиц, как в тюркских, так и в индоевропейских языках (русском, немецком — с *Blau*-). В одном лишь сагайском диалекте *хак. языка* образовались на основе *көк* названия “синицы” *когїзек*, “кулика” *когїлдї*, “серой утки” *когїн*» [16. С. 58]. Согласно Севортяну, *когїн* образовалось в результате присоединения к основе *көк* «синий, голубой, зеленый, серый» словообразовательного показателя *-ин* (аффикс подобия или, возможно, приименной показатель *-н*). Есть *хак. көгін өртек* «сизая утка» [26. С. 191], в котором связь *хак. көгін* с цветообозначением *көк* отражена в дефиниции. А *хак. көгүн* является вариацией *хак. көгін*, от которой отличается только огласовкой аффикса, и встречается в кызыльском диалекте хакасского языка. Очевидно, что *як. көбөн* образовалось по схеме, аналогичной *хак. көгін*, а именно в результате сложения основы *көб-//күөх-* и аффикса *-өн* (аналогичного хакасскому *-ин//ин*).

Другой словообразовательный аффикс имеют *баш. күгал* (селезень) (ср.: *баш. күк* — синий, голубой, зеленый, серый, сивый, седой) [2. С. 308]; *тат. күгал* (селезень) (ср.: *тат. күк* — синий, голубой, серый, сивый, сизый) [19. С. 665]; *чув. кавакал* (утка) (ср.: *чув. кавак* — синий, голубой, зеленый, серый, сивый, сизый, седой) [1. С. 155]. Все они образованы путем присоединения к основе аффикса *-ал//ал*. Подтверждение этому есть в этимологических словарях. Согласно Ахметьянову, *тат. күгал* (кряква, селезень) восходит к *көк* (синий, голубой, зеленый), аналогичное происхождение — у *чув. кавакал* (утка, кряква,

селезень), *кирг. көгөл* (кряква, селезень), *казах. көгал* (светло-зеленый, ярко-зеленый), *як. көгөн* (дикая утка) [30. С. 126]. Согласно Федорову, *чув. кавакал* (утка) «состоит из двух частей: *кавак* (< др.-тюрк. *көк* “голубой, синий, сизый”) + аффикс уменьшения степени качества *-ал*, то есть *кавакал* буквально означает “синеватый, зеленоватый, сизоватый”» [22. С. 246]. Ср. также *баш. күгал өйрэк* (селезень; букв. «сизая утка») [2. С. 308], подтверждающее связь *баш. күгал* с цветообозначением *күк*. К этой же группе можно отнести *чув. кавакал-хай* (кряква) [1. С. 155], производное от *чув. кавакал*.

Отдельно стоит выделить *баш. диал. күгалде* (селезень) [2. С. 308]. Очевидно, что *күгалде* < основа *күг-//күк-* + аффикс *-алде*. Его можно сопоставить с *хак. когїлдї* (кулик) (< основа *кок-//ког-* + *-їлдї* (аффикс неполноты признака в прилагательном *-илт* + *-и*)) [16. С. 58]. Так что *күгалде* можно перевести букв. как «синеватый, зеленоватый, сероватый».

Среди перечисленных выше лексем *хак. көгін, көгүн, як. көбөн, чув. кавакал-хай* и, возможно, *тат. күгал* и *чув. кавакал* являются наименованиями кряквы. Все башкирские лексемы обозначают селезня утки — по-видимому, самца той же кряквы, отличающегося яркой переливающейся окраской головы и шеи (могут восприниматься и как зеленые, и как синие), и синими «зеркальцами» на крыльях. Следует также учитывать полисемантность тюркских цветовых обозначений: *азер. göy* и *як. күөх* могут обозначать оттенки синего и зеленого, *тат. күк* — оттенки синего и серого, а *баш. күк, тат. күк, хак. көк* и *чув. кавак* — оттенки синего, зеленого и серого. Поэтому тюркские наименования кряквы могут быть мотивированы как синим, так и зеленым цветом. Не исключено, что основой мотивации мог стать и сероватый окрас спины у кряквы или любой другой утки (ср. *хак. көгін өртек, баш. күгал өйрэк*).

Есть также в тюркских языках одно наименование савки — *азер. göydimdik* (букв. «голубой клюв») [35. С. 287], производное от *азер. göy* (синий, голубой, зеленый). В основе этой лексемы лежит тот же мотивирующий признак, что и в русском названии птицы, — ее голубой клюв.

3. Сизоворонка (сизоворонка обыкновенная, сивоворонка) (*Coracias garrulus* L., сем. сизоворонковые)

В славянских языках довольно много наименований этой птицы: блг. *синя гарга* (букв. «синяя

ворона»), *синявица* [32. С. 468]; блр. *сіняваронка*, *сіняўронка* [34. С. 428—429]; пол. *sinowronka* (букв. «синяя ворона») [4. С. 329]; рус. *синеворотка* [17. Т. 37. С. 323]; укр. *синьоворонка* [33. С. 121]. Почти все эти лексемы имеют внутреннюю форму «синяя ворона». И действительно, сизоворонка очень похожа на птиц отряда врановых, в частности на ворону. Но от вороны она отличается своим ярким зеленовато-голубым оперением [24. С. 138].

Русские названия *сизоворонка* и *сивоворонка* также отражают сходство птицы с вороной и особенность цвета ее оперения: цветообозначение *сизый* близко к спектру синего цвета и его оттенков (*сизый* — «темно-серый с синеватым оттенком» [13. С. 716]), *сивый* — «серовато-сизый» [13. С. 715]).

В финно-угорских языках наименований сизоворонки всего два — мокш. *сенемаза нармонь* (букв. «синеватая птица») [12. С. 618] и фин. *sininärhi* (букв. «синяя сойка») [23. С. 567]. Первая лексема мотивирована исключительно цветом оперения птицы, во второй — отражено сходство сизоворонки с сойкой.

В тюркских языках также есть несколько наименований сизоворонки: азерб. *göycəqarğa* [35. С. 287] (букв. «синяя ворона»), турец. *gökkuzgun* [14. С. 343] (букв. «синий ворон»), турец. *mavi kuzgun* [14. С. 608] (букв. «синий ворон»), турк. *gəkgarğa* [20. С. 199] (букв. «синяя ворона»), узб. *қўқарға* [21. С. 229] (букв. «синяя ворона»). Как и в случае со славянскими языками, внутренняя форма тюркских лексем отражает сходство сизоворонки с птицами отряда врановых. Некоторую особенность здесь представляет турецкий язык, в котором сизоворонка сравнивается не с вороной (как в славянских и остальных тюркских языках), а с вороном.

Выводы

В названиях каждой из рассмотренных выше птиц прослеживаются свои закономерности.

Варакушка. Все названия варакушки мотивированы яркой особенностью в окраске этой птицы, а именно синим пятном на ее груди и шее. В разных названиях варакушки делается акцент на разные части ее тела: грудь (укр. *синьогрудка*, мокш. *сенем мяште нармоння*, фин. *sinirinta*, тат. *күктүи*), шею (блр. *сіняшыйка*, рус. *синешейка*), зоб (серб.-хрв. *модровѡлька*, венг. *kékbecs*), горло (эст. *sinikurguke*).

Утки. Обнаружилось несколько видов уток, названия которых связаны с прилагательными «синий» и «голубой». Они характеризуют птицу по цвету ее головы, шеи, клюва, спины и крыльев. Это кряква (фин. *sinisorsa*, эст. *sinikaelpart*, хак. *kögín, kögün*; чув. *кавакал-хай*, як. *көбөн*), савка (рус. *савка синеносая*, азерб. *göydimdik*), чернеть хохлатая и нырок красноголовый (рус. *голубая чернеть*). Чаще других уток здесь представлена кряква. Остальные лексемы обозначают селезней без указания на определенный вид уток (эрз. *сэньшкай*, баш. *күгәл*, баш. *күгәл өйрәк*, баш. диал. *күгәлде*). Скорее всего, они обозначают селезня той же кряквы.

Сизоворонка. Как правило, в названиях птицы отмечается ее сходство с представителями сем. врановых (вороной, вороном и сойкой). Большинство славянских и тюркских названий сизоворонки мотивировано ее окраской и сходством с вороной (блг. *синя гарга*, пол. *sinowronka*, азерб. *göycəqarğa*, узб. *қўқарға*). Есть несколько лексем, в которых сизоворонка сравнивается с вороном (турец. *gökkuzgun, mavi kuzgun*) и сойкой (фин. *sininärhi*). Остальные — блг. *синявица* и мокш. *сенемаза нармонь* — мотивированы исключительно окраской этой очень яркой и красивой птицы.

В целом можно отметить проявление типологического сходства в славянских, финно-угорских и тюркских наименованиях птиц, отличающихся характерной «синей» окраской и ее оттенками.

Список литературы

1. Чувашско-русский словарь / И. А. Андреев, А. Е. Горшков, А. И. Иванов [и др.]. — М. : Рус. яз., 1985. — 712 с.
2. Башкирско-русский словарь / под ред. З. Г. Ураксина. — М. : Дигора : Рус. яз., 1996. — 884 с.
3. Белорусско-русский словарь / под ред. К. К. Крапивы. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1962. — 1048 с.
4. Гессен, Д. Большой польско-русский словарь : в 2 т. Т. 2 / Д. Гессен, Р. Стыпула. — М. : Рус. яз. ; Варшава : Вєдза пєвшєхнє, 1980. — 776 с.

5. Гимадеева, А. А. Этимологическая характеристика некоторых орнитонимов в татарском и английском языках / А. А. Гимадеева // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. — 2010. — № 3. — С. 85—87.
6. Григоренко, Н. А. Названия птиц в говорах камчадалов / Н. А. Григоренко // Вестн. КРАУНЦ. Гуманитар. науки. — 2005. — № 1. — С. 3—17.
7. Денисова, А. П. Орнитоним «кукушка» в языковой картине мира носителей русского и испанского языков / А. П. Денисова, М. В. Кутьева // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Рус. и иностр. яз. и методика их преподавания. — 2011. — № 3. — С. 98—109.
8. Дмитриева, Н. В. Орнитонимы в молодежном сленге / Н. В. Дмитриева // Русистика и компаративистика : сб. науч. ст. Вып 5. — М. : МГПУ, 2010. — С. 35—42.
9. Зиновьева, Е. И. Культурная значимость орнитонима в аспекте лексикографического представления / Е. И. Зиновьева // Науч. диалог. — 2016. — № 2 (50). — С. 36—51.
10. Иваненко, О. Г. Словообразовательные возможности названий птиц в русском языке / О. Г. Иваненко // Культур. жизнь Юга России. — 2006. — № 4. — С. 82—83.
11. Костина, Н. Ю. Названия птиц как специфическая группа слов (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук / Н. Ю. Костина. — Пенза, 2004. — 206 с.
12. Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Феоктистова, О. Е. Полякова. — М. : Рус. яз. : Дигора, 1998. — 920 с.
13. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 1999. — 944 с.
14. Русско-турецкий словарь / под ред. О. В. Головкина. — М. : Рус. яз., 1977. — 966 с.
15. Сафина, Э. И. Основные принципы и способы номинации птиц в татарском языке / Э. И. Сафина // Вестн. Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-та. — 2007. — № 8. — С. 84—89.
16. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков : в 7 т. Т. 3 / Э. В. Севортян. — М. : Наука : Вост. лит. РАН, 1974—2003. — 395 с.
17. Словарь русских народных говоров. Т. 1 / под ред. Ф. П. Сороколетова, Ф. П. Филина, С. А. Мызникова. — СПб. : Наука, 1965.
18. Тамм, И. Эстонско-русский словарь / И. Тамм. — Таллин : Валгус, 1988. — 768 с.
19. Татарско-русский словарь : в 2 т. Т. 1 / под ред. Ш. Н. Асылгараева, Ф. А. Ганиева, М. З. Закиева [и др.]. — Казань : Магариф, 2007. — 726 с.
20. Туркменско-русский словарь / под ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Каррыева, М. Я. Хамзаева. — М. : Совет. энцикл., 1968. — 832 с.
21. Узбекско-русский словарь / под ред. С. Ф. Акобиров, Г. Н. Михайлова. — Ташкент : Гл. ред. Узбек. совет. энцикл., 1988. — 726 с.
22. Федоров, М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2 т. Т. 1 / М. Р. Федоров. — Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. — 470 с.
23. Финско-русский словарь / под ред. В. Оллыкайнен, И. Сало. — М. : Рус. яз., 1975. — 815 с.
24. Птицы Европейской России. Полевой определитель / В. Е. Флинт, А. А. Мосалов, Е. А. Лебедева [и др.]. — М. : Союз охраны птиц России ; Алгоритм, 2001. — 224 с.
25. Хадрович, Л. Венгерско-русский словарь : в 2 т. Т. 1 / Л. Хадрович, Л. Гальди. — Будапешт : Akadémiai kiado, 1972. — 1248 с.
26. Хакасско-русский словарь / под ред. О. В. Субраковой. — Новосибирск : Наука, 2006. — 1114 с.
27. Эбзеева, Ф. П. Некоторые названия птиц со звукоподражательными корнями в карачаево-балкарском языке в сравнительно-историческом аспекте / Ф. П. Эбзеева // Вестн. Костром. гос. ун-та. — 2010. — Т. 16, № 2. — С. 209—211.
28. Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова. — М. : Рус. яз. Дигора, 1993. — 803 с.
29. Якутско-русский словарь / под ред. П. А. Слепцова. — М. : Совет. энцикл., 1972. — 608 с.
30. Әхмәтъянов, Р. Г. Татар теленен кыскача тарихи-этимологик сүзлеге / Р. Г. Әхмәтъянов. — Казан : Татарстан китап нәшрияты, 2001. — 272 б.
31. Речник српскога језика / израд. М. Вујанић, Д. Гортан-Премк, М. Дешић [и др.]. — Нови Сад : Матица српска, 2007. — 1561 с.
32. Руско-български речник : в 2 т. Т. 2 / под ред. на С. Влахов, А. Людсканов, Г. Тагамлицкая. — София : Наука и изкуство, 1960. — 813 с.

33. Словарь української мови : в 4 т. Т. 4 / під ред. Б. Д. Гринченка. — Київ : Ред. журн. «Київ. старина», 1907—1909. — 563 с.
34. Слоўнік беларускіх гаворак Паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т. Т. 4 / пад рэд. Ю. Ф. Мацкевіча — Мінск : Навука і тэхніка, 1979—1986. — 616 с.
35. Azərbaycanca-rusca lügət: 4 cildə. C. 2 / M. T. Tağıyev baş red. — Bakı : Şərq-Qərb, 2006. — 848 s.

Сокращения

азер. — азербайджанский язык	срб.-хрв. — сербо-хорватский язык
баш. — башкирский язык	тат. — татарский язык
блг. — болгарский язык	турец. — турецкий язык
блр. — белорусский язык	турк. — туркменский язык
букв. — буквально	узб. — узбекский язык
венг. — венгерский язык	укр. — украинский язык
диал. — диалектное	фин. — финский язык
лит. — литературное	хак. — хакасский язык
мокш. — мокшанский язык	чув. — чувашский язык
пол. — польский язык	эрз. — эрзянский язык
рус. — русский язык	эст. — эстонский язык
сем. — семейство	як. — якутский язык

Сведения об авторе

Парфенова Александра Андреевна — аспирантка кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет. Екатеринбург, Россия. parfenova.sashulya@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 181—188.*

COMPARATIVE ANALYSIS OF ORNITHONYMS IN SLAVIC, FINNO-UGRIC AND TURKIC LANGUAGES (BLUETHROAT, DUCKS, EUROPEAN ROLLER)

A.A. Parfenova

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. parfenova.sashulya@mail.ru

The article researches the names of birds, derived from Slavic, Finno-Ugric and Turkic adjectives naming blue color. The material is extracted from lexicographical sources. During the analysis of names of six birds (bluethroat, four species of ducks and European roller), motivating features reflected in the inner form of studied lexemes were revealed. For bluethroat there is the localization of blue spot on the body of this bird, for ducks — the color of their head, neck, beak, back and wings, for European roller — the color and similarity to the birds of the family Corvidae. Name formation patterns for each bird are investigated. For example, bluethroat is a bird with “blue” chest, neck, crop or throat in different languages. As for European roller, the most Slavic and Turkic names of this bird literally mean “blue crow”. The studied material reveals similarities and differences in Slavic, Finno-Ugric and Turkic language pictures of the world, namely, in bird terminology.

Keywords: *ornithonym, semantics, semantics of color, blue color, Slavic languages, Finno-Ugric languages, Turkic languages.*

References

1. Andreev I.A., Gorshkov A.Ye., Ivanov A.I. [et al.]. *Chuvashsko-russkiy slovar'* [Chuvash-Russian dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985. 712 p. (In Russ.).
2. Uraksin Z.G. (ed.). *Bashkirsko-russkiy slovar'* [Bashkir-Russian dictionary]. Moscow, Digora Publ., Russkiy yazyk Publ., 1996. 884 p. (In Russ.).

3. Krapiva K.K. (ed.). *Belorussko-russkiy slovar'* [Belarusian-Russian dictionary]. Moscow, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1962. 1048 p. (In Russ.).
4. Gessen D., Stypula R. *Bol'shoy pol'sko-russkiy slovar' v 2 t. T. 2* [The Big Polish-Russian Dictionary in 2 vol. Vol. 2]. Moscow, Russkiy yazyk Publ.; Warsaw, Vedza povshehna Publ., 1980. 776 p. (In Russ.).
5. Gimadeeva A.A. Etimologicheskaya kharakteristika nekotorykh ornitonimov v tatarskom i angliyskom yazykakh [Etymological characteristics of some ornithonyms in Tatar and English languages]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts], 2010, no. 3, pp. 85—87. (In Russ.).
6. Grigorenko N.A. Nazvaniya ptits v govorakh kamchadalov [Names of birds in dialects of Kamchadals]. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of KRAUNC. Humanities], 2005, no. 1, pp. 3—17. (In Russ.).
7. Denisova A.P., Kut'yeva M.V. Ornitonim “kukushka” v yazykovoy kartine mira nositeley russkogo i ispanского yazykov [The ornithonym “cuckoo” in language picture of the world of Russian and Spanish native speakers]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and foreign languages and methods of teaching them], 2011, no. 3, pp. 98—109. (In Russ.).
8. Dmitrieva N.V. Ornitonimy v molodezhnom slenge [Ornithonyms in teen slang]. *Rusistika i komparativistika. Vyp. 5* [Russian studies and comparative linguistics: the collection of scientific articles. Iss. 5]. Moscow, MSPU Publ., 2010. Pp. 35—42. (In Russ.).
9. Zinov'yeva Ye.I. Kul'turnaya znachimost' ornitonima v aspekte leksikograficheskogo predstavleniya [Cultural significance of ornithonym in the aspect of lexicographic representation]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialog], 2016, no. 2 (50), pp. 36—51. (In Russ.).
10. Ivanenko O.G. Slovoobrazovatel'nye vozmozhnosti nazvaniy ptits v russkom yazyke [Word formation capabilities of bird names in Russian language]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural life of the South of Russia], 2006, no. 4, pp. 82—83. (In Russ.).
11. Kostina N.Yu. *Nazvaniya ptits kak spetsificheskaya gruppa slov (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Bird names as specific group of words (as exemplified in Russian and English languages). Thesis]. Penza, 2004. 206 p. (In Russ.).
12. Serebrennikov B.A., Feoktistov A.P., Polyakov O.Ye. (eds.). *Mokshansko-russkiy slovar'* [Moksha-Russian dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., Digora Publ., 1998. 920 p. (In Russ.).
13. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p. (In Russ.).
14. Golovkin O.V. (ed.). *Russko-turetskiy slovar'* [Russian-Turkish dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1977. 966 p. (In Russ.).
15. Safina E.I. Osnovnye printsipy i sposoby nominatsii ptits v tatarskom yazyke [Basic principles and methods of bird nomination in Tatar language]. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tatar State University of Humanities and Educational], 2007, no. 8, pp. 84—89. (In Russ.).
16. Sevortyan E.V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov v 7 t. T. 3* [Etymological dictionary of Turkic languages in 7 vol. Vol. 3]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 395 p. (In Russ.).
17. Sorokoletov F.P., Filin F.P., Myznikov S.A. (eds.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov. T. 1* [The Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 1]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1965. (In Russ.).
18. Tamm I. *Estonko-russkiy slovar'* [Estonian-Russian dictionary]. Tallinn, Valgus Publ., 1988. 768 p. (In Russ.).
19. Asylgaraev Sh.N., Ganiev F.A., Zakiyev M.Z. [et al.] (eds.). *Tatarsko-russkiy slovar' v 2 t. T. 1* [Tatar-Russian dictionary in 2 vol. Vol. 1]. Kazan, Magarif Publ., 2007. 726 p. (In Russ.).
20. Baskakov N.A., Karryev B.A., Khamzaev M.Ya. (eds.). *Turkmensko-russkiy slovar'* [Turkmen-Russian dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1968. 832 p. (In Russ.).
21. Akobirov S.F., Mikhaylov G.N. (eds.). *Uzbeksko-russkiy slovar'* [Uzbek-Russian dictionary]. Tashkent, Main Publ. of the Uzbek Soviet Encyclopedia, 1988. 726 p. (In Russ.).
22. Fedorov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka v 2 t. T. 1* [Etymological dictionary of Chuvash language in 2 vol. Vol. 1]. Cheboksary, Chuvash State Institute of Humanities Publ., 1996. 470 p. (In Russ.).
23. Ollykaynen V., Salo I. (eds.). *Finsko-russkiy slovar'* [Finnish-Russian dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1975. 815 p. (In Russ.).

24. Flint V.Ye. Mosalov A.A., Lebedeva Ye.A. [et al.]. *Ptitsy Yevropeyskoy Rossii. Polevoy opredelitel'* [Birds of European Russia. Field guide]. Moscow, Russian Bird Conservation Union Publ., Algoritm Publ., 2001. 224 p. (In Russ.).
25. Hadrovich L., Gal'di L. *Vengersko-russkiy slovar' v 2 t. T. 1* [Hungarian-Russian dictionary in 2 vol. Vol. 1]. Budapesht, Akadémiai kiado Publ., 1972. 1248 p. (In Russ.).
26. Subrakova O.V. (ed.). *Hakassko-russkiy slovar'* [Khakas-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006. 1114 p. (In Russ.).
27. Ebzeeva F.P. *Nekotorye nazvaniya ptits so zvukopodrazhatel'nymi kornyami v karachaevo-balkarskom yazyke v sravnitel'no-istoricheskom aspekte* [Some bird names with onomatopoeic roots in Karachay-Balkar language in comparative-historical aspect]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2010, vol. 16. no. 2, pp. 209—211. (In Russ.).
28. Serebrennikov B.A. (ed.). *Erzyansko-russkiy slovar'* [Erzya-Russian dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., Digora Publ., 1993. 803 p. (In Russ.).
29. Sleptsov P.A. (ed.). *Yakutsko-russkiy slovar'* [Yakut-Russian dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1972. 608 p. (In Russ.).
30. Ähmät'janov R.G. *Tatar telenen kyskacha tarihi-jetimologik süzlege* [Concise Historical and Etymological Dictionary of Tatar Language]. Kazan, Tatarstan kitap nashriyaty Publ., 2001. 272 p. (In Tatar).
31. Vujanich M., Gortan-Premk D., Deshich M (eds.). *Rechnik srpskoga jezika* [Serbian language dictionary]. Novi Sad, Matica srpska Publ., 2007. 1561 p. (In Serbian).
32. Vlahov S., Ljudskanov A., Tagamlickaya G. (eds.). *Rusko-bŭlgarski rechnik v 2 t. T. 2* [Russian-Bulgarian dictionary in 2 vol. Vol. 2]. Sofiya, Nauka i izkustvo Publ., 1960. 813 p. (In Bulgarian).
33. Grinchenko B.D. (ed.). *Slovar' ukrains'koy movi v 4 t. T. 4* [Ukrainian language dictionary in 4 vol. Vol. 4]. Kiev, Kievskaya Starina Jurnal Publ., 1909. 563 p. (In Ukrainian).
34. Mackevich Yu.F. (ed.). *Sloŭnik belaruskikh gavorak Paŭnochna-zahodnjaj Belarusi i jae pagranichcha u 5 t. T. 4* [The dictionary of Belarusian dialects of North-West Belarus and borderland of this in 5 vol. Vol. 4]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1984. 616 p. (In Belarusian).
35. Tağıyev M. T. (ed.). *Azərbaycanca-rusca lüğət: 4 cildə. C. 2. Şərq-Qərb*, Bakı, 2006. 848 p. (In Azerbaijani).

ПЕРСПЕКТИВЫ БИОКОГНИТИВИСТИКИ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Н. А. Патов

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Представлены перспективы развития биокогнитивной теории в аспекте формирования референтной металингвистической терминологии на примере учения о расширенной когниции. Концепция расширенной когниции находит обоснование и применение в современной когнитивной науке, а также в новых лингвистических направлениях. При этом большой интерес представляет формирование терминологии новых лингвистических направлений и их связь и возможные пересечения с философскими учениями и понятиями.

Ключевые слова: биокогнитивистика, термин, расширенная когниция, экстернализм.

Комментируя новеллу Э. Т. А. Гофмана «Эпизод из жизни трех друзей», Н. Я. Берковский приводит интересную интерпретацию отношения писателя к бидермейеру. По его мнению, в данном произведении подчеркивается «бессмертие быта» наличием того факта, что покойная тетушка одного из друзей, появляясь среди ночи призраком, совершает самые обыденные вещи: она открывает аптечку, чтобы отсчитать себе желудочных капель, так как еще при жизни страдала желудком и выполняла те же самые действия [1. С. 430]. Переключая внимание с частного, то есть индивидуальных привычек, на более общий план, план быта, установленного порядка (и еще далее, взаимодействий человека и материального мира, о чем — позднее), Н. Я. Берковский отмечает, что в него вставлен некий механизм, который «живет дольше самой жизни» и превосходит ее. «Высшее умирает, но режим есть низшее, и поэтому не знает смерти» [Там же. С. 431]. Эти слова относятся, конечно, к культурным установлениям, связанным с физической действительностью, первичным действиям. Подобный переворот обыденных представлений, касающихся «области духовного», которая часто считается бессмертной, свойствен, в понимании автора, взгляду Э. Т. А. Гофмана на бидермейер, который, несмотря на отказ от войны и убийства, убивает «опекая и лаская», так как не содержит внутреннего движения. Н. Я. Берковский оставляет очень богатую пищу для дальнейшего размышления о сути данного феномена, о понимании того, как «бытовые вещи вышли за черту бытового времени» [Там же].

Если оставить в стороне оценочность и идеологию, которые зачастую обуславливают неод-

нозначный взгляд на «вещи» как объекты прав собственности, мы увидим в них именно объекты действительности, которые, по нашим представлениям, существуют вне сознания. Здесь остается открытым вопрос, как материальные отношения после устранения нашего физического присутствия продолжают свою собственную жизнь в сфере трансцендентного, которая остается недостижимой для нашего познания, но оказывается в новелле необходимой формой нашего пребывания в потустороннем. Ведь смерть исключает нас из мира как единство взаимодействий с его объектами, то есть данные взаимодействия должны быть лишены присутственности, и оставаться в области культурных феноменов продолжают лишь идеальные сущности, вылитые в артефактный мир знаков.

Конструируя понятие «плоть мира», В. А. Подорога приходит к пониманию ее как Земли (Другого), которую противопоставляет «чистой поверхности Мира (Космоса)»: в его феноменологии Земля «препятствует авантюрам, вовлекающим нас в поток шизофренического космогенеза», что позволяет понимать нашу укорененность в земной бытности как необходимое условие нашего прижизненного существования в пределах «границ» и «различений», которыми Земля (Другой) «управляет» [4. С. 153]. Поэтому романтический конфликт, который происходил в жизни Э. Т. А. Гофмана и нашел отражение в его «Серрапионовых братьях», нельзя понимать однозначно как отторжение бидермейера, а вместе с ним бюргерского уклада жизни, через ироническое трансцендирование мещанской обыденности. Его суть заключается в понимании того,

что «вертикальные силы, порождаемые мощью космогенеза» [Там же], не способны извлечь нас из этих границ и возможен лишь компромисс между «Миром-Космосом» и «Землей-Другим». За счет этого внутреннее движение должно сохраняться в пределах «границ» и обеспечивать осознанность существования Земли-Другого. Поэтому идеальные сущности вне нашего присутствия остаются укорененными в формах материальных отношений, перенимаемых историческим мышлением.

Наше сознание, являющееся круговым синтез-анализатором, связывает область наших взаимодействий с данным пониманием «плоти мира». И мы представляем ее как независимо существующее положение вещей, что должно эмпирически подтверждаться его неподчиненностью индивидуальной воле. Но это не означает, что связь между сознанием и вещью отсутствует. То, что Н. Я. Берковский считает безэнергетичной оболочкой действия, существует вследствие наделенности сознанием. Это отклик архетипического мышления, которое наделяло вещи смыслом, символизировало их, делало их продолжением сознания. Подтверждением служат островки мифа в наших повседневных практиках, суеверия и приметы, которые вместе с гуманитарным знанием отброшены на периферию науки общества потребления. Последнее остается подсознательно верным принципам марксизма и стремится к сокращению «быта», его вымиранию в том привычном смысле, где ему было характерно символическое движение. Мы следуем быту самоумерщвления, сокращения продолжительности контакта нашего сознания и вещи: мы приобретаем полифункциональные приборы, сберегающие время, которое тратим на исполнение собственных социальных функций. С другой стороны, многие обыденные действия становятся маркерами нашего положения в принятой системе стратификации: одежда, пища, средство передвижения и т. д. — лишены символической динамики, они наделяются динамикой знаковой. Именно знаковой, потому что она не подразумевает никакой дифференциации понимания, но лишь чистую эквивалентность: сама вещь — это всегда ее стоимость, ее стоимость — это покупательная способность потребителя.

Следовательно, полностью исключить сознательность из вещности мы не можем, скорее, в этом подходе мы эксплицируем ранее не подвергавшиеся осмыслению связи, которые указывают

на то, что, вероятно, сознание не топологизируется в пределах одной точки, а распределяется по точкам наших областей взаимодействий. Э. Кларк и Д. Чалмерс раскрывают этот подход в своих трудах по теории расширенного сознания, которая также находит отражение в формировании биокогнитивистики А. В. Кравченко. Последний отмечает характерность усвоения «экстернализма» как методологического принципа в когнитивных исследованиях [3. С. 271]. Однако вызывает интерес совмещение этого принципа с теорией У. Матураны и Ф. Варелы, которые представляли нервную систему замкнутой по отношению к внешнему миру. Иными словами, в соответствии с данной концепцией, сущности сознания обусловлены внутренней структурой, а внешний сигнал играет лишь роль стимула. Во всех трех случаях на данный момент формируется терминологический аппарат, выходящий за пределы традиционного обозначения языковых и когнитивных референтов. Это происходит вследствие изменения предпосылок и методологических установок в биокогнитивистике. В связи с этим возникает необходимость интеграции теоретического направления посредством сцепления терминологий в соответствии с их ориентирующей функцией и «ясностью внутренней формы» [2. С. 51].

Сам по себе *экстернализм*, встреченный первым в данной области, вызывает некоторые затруднения для четкого описания пространственных отношений, им постулируемых, а точнее, того, что именно является «внешним» и к чему:

1) как научно-историографический термин он обозначает зависимость науки от социальных факторов;

2) как *экстернальный реализм* [10. Р. 150] он обозначает установку на существование объективного мира как он есть вне зависимости от сознания;

3) как *содержательный экстернализм*, или *анти-индивидуализм* Т. Берджа, он обозначает зависимость индивидуации организмов от отношений с физическим миром [5. Р. 650];

4) как *активный экстернализм* [8. Р. 10] он обозначает существование расширенной когниции вне пределов черепной коробки.

В последнем случае он приобретает динамические свойства, поскольку подразумевает активный процесс распределения когнитивных действий во внешней мозгу, а также организму среде, которая в статическом аспекте является

родолжением когниции. Другими словами, несмотря на то что мышление остается автономным, оно подразумевает инструментальную интеракцию с внешними объектами, которые являются способом расширить ментальные возможности. Поэтому необходимо маркировать данный термин определением *активный* для дистанцирования от неверного понимания, зачастую ошибочно противопоставляемого биокогнитивизму.

Активный экстернализм подразумевает разделение наших действий на *эпистемические*, совершаемые для быстрого решения когнитивных задач, на которые без расширения когниции ушло бы больше времени, и *прагматические*, совершаемые для достижения материального результата [9. Р. 513]. Тем самым *эпистемическое действие* простирается в физической действительности, воплощая в себе когнитивную операцию, осуществляемую *сочлененными системами* [8. Р. 11], которые соответствуют матурановской *когнитивной области*, присущей единствам взаимодействий. Сюда могут входить как анализируемые Э. Кларком и Д. Чалмерсом *убеждения (beliefs)*, в тот же момент связанные с объектами памяти, *вычислительная оптимизация (computational shortcuts)* и т. д. Причем используемые в последних *вычислительные артефакты* становятся объектами *умозрительного пространства (notional content)*, а не *пространства отношений (relational content)* [6. Р. 608], что противопоставляет данное учение теориям Т. Берджа и Х. Патнема.

Э. Кларк, рассматривая развитие искусственного интеллекта для конструирования автоматизированной техники, отмечает, что применение концепции «централизованного планировщика» потерпело неудачу [7. Р. 21]. Для совершенствования роботизированного оборудования данная концепция является весьма непрактичной, так как это приводит к большим временным затратам на обработку сигналов периферийных систем в «мозге» машины. Однако полностью подвергнуть критике в когнитивной науке существование «централизованного планировщика» было бы ошибкой. Быстрый отклик человеческого мозга может быть обусловлен существованием своеобразного «моторного эмулятора», который опережает передачу сигнала из периферийной системы [7. Р. 22]. Тем самым своевременная реакция мозга делает осознанное движение человеческого тела возможным.

Однако, хотя представленная теория и позволяет объяснить связь мышления и моторики в пре-

делах концепции расширенного сознания, тем не менее «моторный эмулятор» является внутренним конструктом. Он безусловно определен внешними факторами и сигналами периферийных систем, но все же противоречит радикальному направлению активного экстернализма.

Другой аспект рассматриваемой теории — это «Umwelt-зависимое восприятие» [7. Р. 25] и иллюзия картины мира. С точки зрения активного экстернализма, несмотря на распределение сознания вовне человеческого мозга, оно не включает в себя обработку восприятия мира как он есть. Это противопоставляет данную теорию объективным учениям. «Биологическая когниция» представляет собой достаточно ограниченный механизм — это биологически обусловленные восприятие и мышление. В понимании Э. Кларка, человек не является исключением среди других живых организмов и, очевидно, имеет перцептивный доступ лишь к малой толике информации о мире, а наше видение мира в целом является своеобразным «трюком», объединяющим множество фрагментов информации, конструктом, который не соответствует действительности, но является действенным для поддержания жизни [7. Р. 33].

Однако то, что отдаляет данное направление биокогнитивистики от идеализма, — это опора разума на внешние структуры (external scaffolding), своего рода приспособление мышления, заимствование паттернов окружающей среды [Ibid. Р. 47]. Возможно, даже вопрос о подобном разделении в данной теории полностью снимается, поскольку мышление понимается здесь как хранилище не столько дескрипций объектов внешнего мира, сколько «ориентированных на действие репрезентаций», репрезентаций, которые одновременно представляют собой описание некоего аспекта действительности и указание к действию [Ibid. Р. 49]. Тем самым мир постигается не в категориях объектов как таковых, а в категориях объектов как возможностей, а самому мышлению предшествуют такие «внешние структуры», как язык или культура.

Это означает, что классический подход к изучению активной когниции (active, embodied cognition) не может быть принят и методология должна включать:

— фокус на объектах реального мира и реального времени;

— рассмотрение децентрализованных решений, то есть понимание разумного действия

не только как результата рационального планирования;

- расширенное видение акта когниции и мышления, то есть понимание того, что структуры мышления способны повторять внешние структуры.

Э. Кларк предлагает использовать три описательных подхода к изучению когниции как динамической системы в пределах данной методологии:

- компонентный подход — описание сложного целого через детализацию индивидуальных ролей и структур его составляющих;

- подход *Catch and Toss* — это дополненный описательный принцип «входа» (восприятия информации) и «выхода» (произведения действия). Он дополнен тем наблюдением, что действующая когниция способна оказывать влияние на источник ввода, тем самым сокращая и упрощая последующие внутренние расчеты, которые требуются для принятия решения о конечном действии. Результатом является пересмотр «выходного» акта, который может являться также и актом когниции;

- эмерджентный подход — это описание в терминах самоорганизующихся систем, то есть с точки зрения отсутствия «централизованного планирования», в случае которого функционирование сложной системы обусловлено некоординируемым совместным действием компонентов системы [Ibid. P. 113].

Отсюда следует, что активный экстернализм представляет собой направление когнитивных исследований, которые акцентируют внимание на двух аспектах, восприятии и моторных навыках, а также рассматривают нейронные процессы как децентрализованные, что говорит об отдалении от феноменологических способов изучения мышления. Помимо этого, термин «репрезентация» подвергается коренному пересмотру: по аналогии с «моторным эмулятором» репрезентации представляют собой ментальные объекты, которые:

- определяют взаимодействие динамической системы с теми аспектами окружающей среды, которые являются непостоянными в своей данности;

- заменяют внешний стимул и определяют поведение динамической системы самостоятельно, вместо «входного» сигнала;

- являются частью более общей репрезентационной схемы, которая позволяет производить данное замещение внешних стимулов.

Однако данное направление не отрицает и существование внутренних репрезентаций, которые не всегда успешно проходят проверку на предмет объективности. Этот факт смягчает радикальность большинства формулировок активного экстернализма и позволяет отметить его синтезирующий, кооперативный и комплементарный характер. Так, возникает необходимость образования термина, апеллирующего именно к «ориентированным на действие репрезентациям» (*action-oriented representations*), которые не просто «картируют» действительность, но и специфицируют характер действий субъекта в отношении существующего положения дел. Из их определения следует, что они обладают динамической природой, а значит, развернуты во времени, которое, полагает Э. Кларк, существует лишь в виде внутреннего «осциллятора» и не представляет собой никакого внутреннего конструкта. Другими словами, ощущение времени в отношении образования и использования репрезентаций — это паразитирование на свойствах внешних, объективно существующих систем [7. P. 162]. Это следствие существования разума в режиме «постоянной ресипрокальной каузации», который является ключевым для понимания концепции расширенного сознания: в нем происходит своего рода симбиоз субъекта и его объективного окружения, в котором манипуляции активного, «телесного» (*embodied*) сознания сокращают затраты энергии на произведение сложных мыслительных операций, в результате чего комплексные расчеты не концентрируются внутри головного мозга, но распределяются по сложным симбиотическим системам. Данное представление не является новым, попытки описать его предпринимались философами М. Хайдеггером и М. Мерло-Понти.

Подобной симбиотической системой являются также мышление и язык. Подобно тому как объект действительности воспринимается субъектом в качестве чистой возможности совершить некое действие (например, стул — это возможность сесть), язык является такой же возможностью произвести эпистемическое или прагматическое действие. Язык увеличивает потенциал мышления, участвует в «ресипрокальной каузации». При этом данное единство оказывается наиболее неразделимым, а вопрос о существовании внутреннего языка или языка мысли оказывается не таким значительным, каким он был для психолингвистики.

Наиболее существенным оказывается то, как и насколько расширяется мышление средствами внешней символической системы.

Для описания этого процесса Э. Кларк вводит понятие «обменных пространств» (trading spaces): субъект в случае использования внешнего символа замещает сформированной внутри культуры репрезентацией объекта время- и трудозатратные вычисления, которые необходимо сделать, чтобы описать тот же самый объект. Другими словами, оперирование языковыми знаками — это результат оптимизации, сокращения внутренних умственных усилий и в то же время составная часть более сложной работы распределенного сознания. Симбиоз языка и мышления проявляется в использовании языковых знаков:

- в качестве лейблов, для ориентирования в пространстве и в различении множества сходных объектов;

- для координирования общих действий или контроля над собственным поведением;

- для обучения, где они используются с целью формирования необходимого «окружения», внутри которого необходимое знание может быть приобретено;

- для формирования коллективного сознания, то есть преемственности идей посредством языка.

Последний этап является ключевым, поскольку иллюстрирует аккумулятивную функцию языка, выполняя которую он остается одним из основных инструментов сохранения и передачи знания.

Во всех этих случаях происходит замещение индивидуальной мыслительной работы коллективными репрезентациями, из чего представители активного экстернализма делают заключение о том, что язык, в том числе, является «контейнером» разума (reason) и исключительно благодаря ему была образована «когниция второго порядка», то есть самосознание и самооценка. В связи с тем что произведенный кем-либо, обладающий значением набор языковых знаков сам становится неким объектом, объективируется и сама мысль, образуемая субъектом, и в дальнейшем может быть подвергнута манипуляциям, аналогичным тем, что производятся над реальными вещами или явлениями. Отсюда необходимая объективация, если не конструирование, собственного «Я». Параллельно с эволюцией мышления эволюционирует и язык, реагируя на нужды уже самого мышления, поэтому мы можем говорить о коэволюционном процессе развития симбиотической системы «язык — мышление».

Следует подчеркнуть, что, несмотря на то что у теории активного экстернализма нефигурально формулируется «выход» разума за пределы человеческого мозга, тем не менее границы «Я» не подвергаются в данном случае никакому сомнению, и сущность данного подхода заключается не столько в распределенности самой субстанции мышления, сколько в раздельности сложной мыслительной задачи, которая решается непосредственно в контексте своего формирования. Само «окружение» задачи, ее компоненты (или их внешние репрезентации) становятся вспомогательными инструментами мыслительных манипуляций, которые позволяют сократить количество «внутренних репрезентаций», поскольку оперирование ими сделало бы процесс решения более тяжелым. Примером задачи, сложной для нахождения ответа исключительно в уме, может являться загадка, которая приписывалась А. Эйнштейну и была впервые опубликована в журнале Life 17 декабря 1962 г. Она предполагает оперирование пятью объектами с пятью разными признаками, в ходе которого необходимо установить по ряду условий один из признаков одного из объектов. В решении помогает их простое схематическое представление.

Несмотря на туманность формулировки концепции активного экстернализма, данная теория позволяет по-новому взглянуть на вопросы биокогнитивистики. Пересмотр таких понятий, как «репрезентация», которая не только дополняется, но и становится в ряде случаев внешним сознанию объектом, введение ряда терминов, описывающих механизмы расширенного сознания, поднимают вопрос об адекватности и ясности их внутренней формы. Для раскрытия всего потенциала и развития данной теории желательно отказаться от радикальных формулировок, поскольку они затрудняют правильное понимание концепции.

Таким образом, сущностная взаимообусловленность рассматриваемых установок в пределах биокогнитивистики требует детальной терминологической проработки. От этого зависят перспективы ее развития, поскольку она вступает в противоречие с традиционными когнитивными лингвистическими принципами и, хотя обладает рядом эмпирических подтверждений [3. С. 270], не может изменить всю систему научных взглядов, не будучи соответственно критически оцененной и адаптированной в границах этой системы.

Список литературы

1. Берковский, Н. Я. Романтизм в Германии / Н. Я. Берковский. — СПб., 2001. — 512 с.
2. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение / Е. И. Голованова. — М., 2011. — 224 с.
3. Кравченко, А. В. От языкового мифа к биологической реальности / А. В. Кравченко. — М., 2013. — 388 с.
4. Подорога, В. А. Феноменология тела / В. А. Подорога. — М., 1995. — 340 с.
5. Burge, T. Individualism and Self-Knowledge / T. Burge // *The J. of Philosophy*. — 1988. — Vol. 85, no. 11. — P. 649—663.
6. Chalmers, D. *Philosophy of Mind: Classical and Contemporary Readings* / D. Chalmers. — Oxford, 2002. — 688 p.
7. Clark, A. *Being There. Putting Brain, Body and World Together Again* / A. Clark. — Cambridge, Massachusetts, 1997. — 265 p.
8. Clark, A. The Extended Mind / A. Clark, D. Chalmers // *Analysis*. — 1998. — Vol. 58, no. 1. — P. 7—19.
9. Kirsh, D. On Distinguishing Epistemic from Pragmatic Action / D. Kirsh, P. Maglio // *Cognitive Science*. — 1994. — No. 18. — P. 513—549.
10. Searle, J. *The Construction of Social Reality* / J. Searle. — New York, 1995. — 233 p.

Сведения об авторе

Патов Николай Андреевич — аспирант кафедры теории языка и переводоведения, Санкт-Петербургский государственный экономический университет. Санкт-Петербург, Россия. silencec11@rambler.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 189—194.*

PROSPECTS OF BIOCOGNITIVE THEORY IN TERMINOLOGICAL ASPECT

N.A. Patov

Saint-Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia. silencec11@rambler.ru

The article describes the prospects of biocognitive theory in terms of formation of the referential metalinguistic terminology. The extended cognition approach is taken as an object of study of coherences between its terms and accepted philosophical notions. In particular, the term of externalism is represented, well-observed and analyzed according to its referential explicitness.

Keywords: *biocognitivism, term, extended cognition, externalism.*

References

1. Berkovskiy N.Ya. *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. St. Petersburg, 2001. 512 p. (In Russ.).
2. Golovanova Ye.I. *Vvedeniye v kognitivnoye terminovedeniye* [Introduction to cognitive terminology]. Moscow, 2011. 224 p. (In Russ.).
3. Kravchenko A.V. *Ot yazykovogo mifa k biologicheskoy real'nosti* [From linguistic myth to biological reality]. Moscow, 2013. 388 p. (In Russ.).
4. Podoroga V.A. *Fenomenologiya tela* [Phenomenology of the body]. Moscow, 1995. 340 p. (In Russ.).
5. Burge T. Individualism and Self-Knowledge. *The Journal of Philosophy*, 1988, vol. 85, no. 11, pp. 649—663.
6. Chalmers D. *Philosophy of Mind: Classical and Contemporary Readings*. Oxford, 2002. 688 p.
7. Clark, A. *Being There. Putting Brain, Body and World Together Again*. Cambridge, Massachusetts, 1997. 265 p.
8. Clark A., Chalmers D. The Extended Mind. *Analysis*, 1998, vol. 58, no. 1, pp. 7—19.
9. Kirsh D., Maglio P. On Distinguishing Epistemic from Pragmatic Action. *Cognitive Science*, 1994, no. 18, pp. 513—549.
10. Searle J. *The Construction of Social Reality*. New York, 1995. 233 p.

РУССКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ИВАНА ГРОЗНОГО

М. С. Родионов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

На примере фольклорного материала, представленного корпусом русских исторических песен XVI в., рассматривается возможность реконструкции психологического портрета отраженной в них исторической личности. В качестве методологической базы исследования предлагается использовать достижения новой гуманитарной дисциплины, возникшей на стыке истории и психологии.

Ключевые слова: *традиционный фольклор, историческая песня, песенный цикл, вставной эпизод, информационное поле, психологический портрет, психоистория, ключевая информация, историческое сознание.*

Информационная ценность фольклорных произведений, степень достоверности изображаемых ими событий и фактов остается одним из дискуссионных вопросов современной фольклористики. Результатом длительных споров стал широчайший спектр разброса мнений: от признания абсолютной историчности произведений устного народного творчества, высочайшего уровня соответствия представленной ими картины историческим реалиям отраженного события до полного отрицания какой-либо связи фольклорной картины с реальной историей.

Конечно, однозначно ответить на этот вопрос в рамках имеющегося в нашем распоряжении фольклорного материала вряд ли возможно, поскольку изначально различно само отношение народа к исторической достоверности отдельных жанров, что в первую очередь связано с заложенными в них эстетическими качествами. Одно дело — изначальная установка на достоверность в былинах, исторических песнях, легендах и преданиях, и совсем другое, когда декларируется установка на вымысел, как это происходит, например, в сказках. Но в то же время можно уверенно говорить и о том, что информационная составляющая обязательно присутствует в любом произведении, созданном народом.

Среди фольклорных жанров одним из наиболее информативных, несомненно, является русская историческая песня, которая позволяет определить место народа в историческом процессе разных эпох, выделить степень осознанности и характер этого участия, поскольку в данных произведениях не только представлена инфор-

мация о многих ключевых событиях и деятелях отечественной истории, но и, что самое важное, дана их оценка, что делает лиро-эпический жанр одним из самых ценных источников сведений об общественно-политических взглядах и идеалах народных масс на различных исторических этапах. Все это превращает историческую песню в один из ключей к пониманию русской истории. И дело здесь, конечно, не ограничивается тем, что она сохранила и донесла до нас многие реальные исторические факты, не всегда, кстати, зафиксированные письменными источниками. Гораздо важнее другое: эти произведения дают возможность почувствовать, воссоздать дух эпохи, их породившей, увидеть все происходящее глазами народа, определить его оценку отраженных событий и их участников, а иногда даже и воссоздать психологический портрет знаковых исторических фигур.

В последние десятилетия в гуманитаристике были выработаны новые подходы к научному изучению событий прошлого, на стыке традиционных наук появились новые, расширяющие возможности классической методологии, в том числе и в области фольклорных исследований. К числу таковых принадлежит и психоистория, представляющая собой перспективное направление в области исследований, ориентированных именно на исторический материал.

Временем появления психоистории принято считать 1958 г., когда американский психолог Эрик Эриксон опубликовал книгу «Молодой Лютер: психоаналитическое историческое исследование» [13]. Подобно давно уже существующей

исторической психологии психоистория сформировалась на стыке двух гуманитарных наук — истории и психологии. Но в отличие от первой, ставящей своей главной целью изучение психологического склада отдельных исторических эпох и изменений в психике личности, психоистория четко ориентирована на исследование психологических мотиваций тех или иных исторических событий и поступков исторических лиц. Кроме того, для исторической психологии характерно применение исторических понятий и самого принципа историзма в сугубо психологических исследованиях. Психоистория же адаптирует психологические методы к историческим исследованиям. Один из ведущих американских ученых-психоисториков Ллойд де Мос [2] определяет понятие психоистории следующим образом: «Психоистория — это наука о моделях исторических мотиваций, базирующихся на антихолистической философии методологического индивидуализма». Сложная формулировка Л. де Моса имеет одно существенное преимущество перед другими определениями психоистории. Она дает исчерпывающее представление о неповторяемости данного направления и помогает понять, что Главной задачей психоисторика является выяснение причин произошедшего события, а не его детальное описание.

Интересно, что уже в семидесятых годах прошлого века один из наиболее видных теоретиков психоистории Б. Мэзлиш предложил называть эту дисциплину «психосоциальной историей», а единомышленник Л. де Моса Генри Лоутон подчеркивал близость психоистории к другим наукам, изучающим проблемы человека: фольклористике, традиционной истории, культурной антропологии, экономике, политологии, философии, психологии, этнографии. По мнению Г. Лоутона, успех любого психоисторического исследования прямо зависит от умения исследователя свободно ориентироваться в пространстве сопредельных наук.

Одним из важнейших источников информации для психоисторического исследования, несомненно, могут стать русские исторические песни XVI в., в большинстве своем создававшиеся по горячим следам событий и несущие в себе не только весь объем доступной народным поэтам ключевой информации о происшедшем, но и мгновенный отпечаток исторического впечатления народа как о самом событии, так и о его ключевых участниках и вдохновителях.

Особенно интересно в этой связи то, как показан в исторических песнях первый русский царь Иван Васильевич Грозный, личности которого посвящено огромное количество исследований. К ним относятся и многочисленные попытки составления психологического портрета московского царя. Но при этом всегда возникает вопрос об источниках информации. Как правило, это или летописные материалы, или сочинения современников Ивана Грозного (например, Дж. Флетчера [12], И. Тимофеева [11], П. Одерборна [7], А. Курбского [5]), описывающих особенности его поведения, или многочисленные эпистоли самого Ивана IV.

Но есть еще один первоисточник, позволяющий реконструировать модель поведения московского царя, а через нее составить и его психологический портрет. Это, как уже было сказано выше, русские исторические песни XVI столетия, отразившие народный взгляд на Ивана Грозного и, как правило, в своей основе несущие реальные жизненные впечатления. И в первую очередь здесь следует назвать цикл «Взятие Казани», рассказывающий о событиях 2 октября 1552 г., когда под ударом русских войск пал один из наиболее агрессивных осколков Золотой Орды — Казанское ханство. Не будем вдаваться в исторические подробности того знаменитого штурма. Обратим внимание лишь на то, как изображен в произведениях «Казанского цикла» Иван Васильевич Грозный. С ним связан центральный эпизод песен, рассказывающий о взятии города при помощи минированных подкопов, — факт исторический, подкрепленный свидетельствами участников штурма, фундаментальной «Казанской историей» [3], а также документально доказанный историками. Но есть в песнях и эпизод, на первый взгляд идущий вразрез с исторической правдой. Это рассказ о гневе царя на пушкарей (саперов, минировавших подкопы). По сюжету песни, для того чтобы точно определить время начала штурма, которое должно было совпасть со взрывом мин и разрушением стен, в сами подкопы и у шатра царя поставили по зажженной свече. Момент, когда догорит свеча на поверхности, должен был совпасть с моментом догорания запала и последующим взрывом. Но при этом не учли, что в закрытом помещении свеча горит медленнее, чем на открытом воздухе. Поэтому, когда у шатра Грозного свеча догорела, взрыва, естественно, не последовало. И московский царь мгновенно вспыл, углядел в произошедшем измену и приказал казнить пушкарей.

Не успела свеча разгореться,
С мастерочка царь головушку снял...
(Миллер, № 12) [6]

Государево сердечко рассердитовалось,
Приказал он пушкарев казнить-вешать...
(Миллер, № 19) [6]

А наш царь-государь распалается,
Распалается, прогневляется,
А назавтра пушкарей он велит всех казнить,
Всех пушкарщиков-зажигальщиков...
(Миллер, № 10) [6]

Воспалился тут великий князь московский...
И зачал канонеров тут казнити,
Что началась от канонеров измена...
(Миллер, № 8) [6]

Приведенные фрагменты позволяют провести своеобразную реконструкцию психологического портрета Ивана Грозного, актуального для начального периода его царствования: очевидно, что перед нами нервно-неустойчивый, впечатлительный, раздражительный, патологически подозрительный, склонный к импульсивным, не продуманным действиям человек. Как отмечено выше, к реальным историческим событиям взятия Казани данный эпизод никакого отношения не имеет. Вымысленность изображенного здесь царского гнева давно и убедительно доказана историками. Но тогда возникает ряд закономерных вопросов: зачем этот эпизод вставлен в текст песни, какую функциональную нагрузку он выполняет? Вряд ли это было сделано по незнанию или ради «красного словца». Дело в том, что в XVI столетии в условиях все ускоряющегося процесса развития исторического сознания русской нации народные певцы стремились именно к максимально точной передаче информации, касающейся происходящих событий, а принадлежность рассматриваемых произведений именно к этому историческому периоду доказана ведущими советскими фольклористами — В. К. Соколовой, Л. И. Емельяновым, Б. Н. Путиловым. Более того, в отечественной науке прочно утвердилось мнение, что «Казанский цикл» создавался именно по горячим следам событий, то есть момент их фиксации и художественной обработки практически совпадает с моментом протекания.

Отсюда вывод: по незнанию этот эпизод появиться не мог. Следовательно, его возникновение

связано с определенным идейно-художественным замыслом, включающим в себя и явное желание народных поэтов отразить психологический портрет Ивана Грозного. Причем народные певцы в отличие от некоторых отечественных историков не останавливаются на однобоком изображении московского царя как вспыльчивого, гневливого человека, у которого, если следовать классификации Фрейда, поступок определяется силами, действующими в психике, но не доходящими до сознания. Характер Ивана Васильевича был куда более сложен и противоречив. Так, например, его современники в своих сочинениях отмечали, что приступы гнева и подозрительности, часто совершенно беспричинные, мгновенно могли смениться искренним раскаянием и признанием своей неправоты. Очевидно, это происходило в тот момент, когда в процесс реакции включалось сознание и действия монарха определялись уже не импульсом, а разумом, логикой. Подобную картину резкой смены настроения мы видим и в песнях цикла «Взятие Казани». Прогремевший в конце концов взрыв убедил царя в том, что никакой измены не было, и, осознав это, он не только отменяет свой поспешный приказ, но и признает собственную неправоту, фактически просит у пушкарей прощения, щедро награждает их:

Вдруг наш царь-государь очень весел стал...
Пушкарей велит жаловати...
(Миллер, № 12) [6]

В таких случаях психологи говорят, что для возникновения бурной психологической реакции потребовалось небольшое по силе внешнее воздействие. Причем реакция эта явно непроизвольная, что позволяет сделать вывод о высокой реактивности как свойстве темперамента Ивана Грозного. Данные признаки наводят на мысль о холерическом типе темперамента с признаками астено-невротического или эпилептоидного типа акцентуации характера. Последний более вероятен, поскольку с ним связаны такие черты личности, как властолюбие, жестокость, себялюбие, садистские наклонности. При этом если учесть, что песни изображают двадцатидвухлетнего царя, то речь может идти именно об акцентуации характера, а не о нервной болезни и связанной с ней патологией, которые у Ивана Грозного позже и разовьются.

В этой связи особый интерес для исследователей представляет цикл «Гнев Ивана Грозного

на сына» («Грозный и сын»), возникший в качестве отклика народа на убийство в 1581 г. Иваном Грозным своего старшего сына царевича Ивана. Для реконструкции психологического портрета Ивана IV песни этой группы важны тем, что время их создания относится к последним годам (умер в 1584 г.) жизни московского царя, а следовательно, они отражают финальные изменения его психики. На первый взгляд, психологическая картина произошедшего аналогична той, что мы видели в песнях о взятии Казани. Поведение царевича, неадекватное ситуации званого пира (на царском пиру, где полагалось «пить, есть, веселиться», он «хмурен сидит»), вызывает мгновенную вспышку гнева со стороны отца и приступ подозрительности, толкает царя на скоропалительное решение о казни наследника, а затем следует глубокое, правда, запоздалое раскаяние.

Эта же трагическая картина отражена в воспоминаниях современников Ивана IV и в различных исторических исследованиях. В качестве примера приведем свидетельство Н. М. Карамзина: «Во время переговоров о мире страдая за Россию, читая горесть и на лицах бояр... царевич исполнился ревности благородной, пришел к отцу и требовал, чтобы он послал его с войском изгнать неприятеля, освободить Псков, восстановить честь России. Иоанн в волнении гнева закричал: “Мятежник! Ты вместе с боярами хочешь свергнуть меня с престола!” — и... острым жезлом своим... сильно ударил... царевича в голову. Сей несчастный упал, обливаясь кровию. Тут исчезла ярость Иоаннова. Побледнев от ужаса, в трепете, в иступлении он воскликнул: “Я убил сына!” — и кинулся обнимать, целовать его... плакал, рыдал... молил бога о милосердии, сына о прощении...» [4. С. 143—145]. Исторические песни повторяют этот факт, изображая не только беспричинный гнев Ивана Грозного, но и его ужас от содеянного, особо подчеркивая наиболее яркие, характерные детали модели поведения московского царя:

А тут ли Грозный царь да Иван Васильевичь,
А ен сподобья да выглядывал...
(Соколов, № 93) [10]

Грозный царь-то Иван да Васильевичь
По палате грозно-то запохаживал,
Как неило на Федора да заглядывал...
(Конашков, № 22) [9]

Как скричал-сзычал да громким голосом
И Грозный царь Иван Васильевич:
«Ай гой же вы, сорок палачов
да немилосливых!
И вы возьмите скоро моего сына,
И что ль того ли Федора-царевича...
И отсеките-тко у него по плеч да буйну
голову»...

И ведь тут как Грозный царь да запечалилсо.
Запечалилсо царь да закручинилсо,
Подает сигнал он по всёй Москвы,
Чтобы сбирались народ да православныи
И поминать его да чада милого...
(Гильфердинг, II, № 175) [1]

Тут стемнел царь, как темна ночь,
Зревел царь, как лев да зверь:
«Сказывай, собака, про измену великую!..»
(Рыбников, II, № 136) [8]

Как царское сердце расходилося,
Грозный царь Иван Васильевич
Закричал своим громким голосом:
«Ай же вы, палачи немилостивы!
Вы возьмите Федора Ивановича за желты
кудри...
Отсеките ему буйну голову...
А как царское сердце уходилося,
Стало жаль любимого сына Федора
Ивановича...
(Миллер, № 125) [6]

За великую досаду показалося.
Скричал он, царь, зычным голосом:
«А есть ли в Москве немилостивы палачи?
Возьмите царевича за белы ручки...
Ко той ко плахе белодубовой!»
А Грозны царь Иван Васильевич ...
А где-ка стоял, он и тута упал:
Что резвы ноги подломилися,
Что царски очи замутились,
Что по три дня ни пьет, ни ест...
(Миллер, № 128) [6]

Как видим, ситуация, представленная песенными текстами, явно указывает на то, что убийство царевича было совершено именно в припадке характерного для Ивана Грозного беспричинного гнева, в состоянии, близком к аффекту. Со стороны московского царя налицо уже полная невозможность контролировать свои действия, что говорит о развившемся нервном заболевании. Таким

образом, фольклорный материал не только позволяет реконструировать модель поведения и психологический портрет первого русского царя, но и при использовании методов психоисторического исследования выявить динамику протекания

нервных процессов, дать в том числе и личностно-психологическое объяснение причин общественных потрясений, связанных с внутренней политикой Ивана IV.

Список литературы

1. Гильфердинг, А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. I—III / А. Ф. Гильфердинг. — М. ; Л., 1949.
2. Де Мос, Л. Психоистория / Л. де Мос. — Ростов н/Д : Феникс, 2000.
3. Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. — М. : Художеств. лит., 1985. — С. 300—565.
4. Карамзин, Н. М. История государства Российского. Т. 8 / Н. М. Карамзин. — Калуга, 1993.
5. Курбский, А. М. Сказания князя Курбского / А. М. Курбский. — СПб., 1868.
6. Миллер, В. Ф. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. / В. Ф. Миллер. — Петроград, 1915.
7. Одерборн, П. Жизнь Иоанна Васильевича, великого князя Московии / П. Одерборн // Социально-политическая история России XVI — нач. XVII в. — М. : Изд-во АН СССР, 1963.
8. Рыбников, П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. I—III / П. Н. Рыбников. — М., 1909—1910.
9. Сказитель Ф. А. Конашков. — Петрозаводск, 1948.
10. Соколов, М. Е. Исторические песни Саратовской губернии. / М. Е. Соколов // Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. XXIV. — Саратов, 1908.
11. Тимофеев, И. Временник дьяка Ивана Тимофеева / И. Тимофеев. — СПб. : Наука, 2004.
12. Флетчер, Дж. О Государстве Русском / Дж. Флетчер. — СПб., 1905.
13. Эриксон, Э. Г. Молодой Лютер: психоаналитическое историческое исследование / Э. Г. Эриксон. — М. : Медиум, 1996.

Сведения об авторе

Родионов Михаил Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. 210536010@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 195—200.*

RUSSIAN HISTORICAL SONGS AS A MATERIAL FOR THE RECONSTRUCTION OF PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF IVAN THE TERRIBLE

M.S. Rodionov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. 210536010@mail.ru

Using the example of folklore material represented by the corpus of Russian historical songs of the XVI century, the possibility of reconstructing the psychological portrait of the historical personality reflected in them is considered. As a methodological basis for the study, it is proposed to use the achievements of a new humanitarian discipline that has arisen at the junction of history and psychology.

Keywords: *traditional folklore, historical song, song cycle, inserted episode, information field, psychological portrait, psychohistory, key information, historical consciousness.*

References

1. Gil'ferding A.F. *Onezhskiye byliny, zapisannyye A.F. Gil'ferdingom letom 1871 goda. T. I—III* [The One-ga epics, recorded by A.F. Hilferding in the summer of 1871. Vol. I—III]. Moscow, Leningrad, 1949. (In Russ.).
2. Mause L. de. *Psichoistoriya* [The psychohistory]. Rostov, 2000. (In Russ.).
3. Kazanskaya istoriya [Kazan History]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi* [Monuments of Ancient Rus Literature]. Moscow, 1985. Pp. 300—365. (In Russ.).
4. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. T. 8* [History of the Russian State. Vol. 8]. Kaluga, 1993. (In Russ.).
5. Kurbskiy A.M. *Skazaniya knyazya Kurbskogo* [Tales of Prince Kurbsky]. St. Petersburg, 1868. (In Russ.).
6. Miller V.F. *Istoricheskiye pesny russkogo naroda XVI—XVII vv.* [Historical songs of the Russian people of the 16—17th centuries]. Petrograd, 1915. (In Russ.).
7. Oderborn P. Zhizn' Ioanna Vasil'yevicha, velikogo knyazya Moskovii [The life of John Vasilyevich, Grand Duke of Muscovy]. *Sotsial'no-politicheskaya istoriya Rossii XVI — nach. XVII v.* [Socio-political history of Russia in the XVI — beginning of the XVII century]. Moscow, 1963. (In Russ.).
8. Rybnikov P.N. *Pesni, sobrannyye P.N. Rybnikovym. T. I—III* [Songs collected by P. N. Rybnikov. Vol. I—III]. Moscow, 1909—1910. (In Russ.).
9. *Skazitel' F.A. Konashkov* [The narrator F.A. Konashkov]. Petrozavodsk, 1948. (In Russ.).
10. Sokolov M.Ye. *Istoricheskiye pesny Saratovskoy gubernii* [Historical songs of the Saratov province]. *Trudy Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Saratov Archival Scientific Commission]. Saratov, 1908. XXIV. (In Russ.).
11. Timofeev I. *Vremennik d'yaka Ivana Timofejeva* [Vremennik of Dyak Ivan Timofeev]. St. Petersburg, 2004. (In Russ.).
12. Fletcher Dh. *O Gosudarstve Russkom* [About the Russian State]. St. Petersburg, 1905. (In Russ.).
13. Erikson E. *Molodoy Lyuter: psikhoanaliticheskoye istoricheskoye issledovaniye* [Young Luter: A Study in Psychoanalysis and History]. Moscow, 1996. (In Russ.).

ПРОЯВЛЕНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА В ТВОРЧЕСТВЕ М. ПРИШВИНА (на примере мифологем *леший* и *водяной*)

М. В. Румянцева

Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург, Россия

Исследование посвящено изучению мифологем *леший* и *водяной*, выявлению их специфики в произведениях М. Пришвина. Данные мифологемы рассматриваются как знак мифологического культурного кода. Концептуальный анализ мифологем позволил не только обнаружить характерные для этнической культуры и сознания ценности общества, но и создать описание наивных языковых представлений носителя языка, сформировавшиеся под влиянием национального мировосприятия.

Ключевые слова: язык, культура, культурный код, мифологический код, языковая картина мира, бестиарии, *леший*, *водяной*.

В лингвистической науке уже давно бытует мнение, что язык является одновременно и производной культуры, и ее важной составляющей, и специфическим способом существования культуры. Проблемой изучения культуры через язык занимались такие лингвисты, как В. Н. Топоров, В. В. Иванов, Н. И. Толстой и др. В их трудах культура трактуется как феномен, глубоко анализируя который можно постичь тайны человека, языка и текста. Таким образом, язык — это средство создания, развития, хранения культуры, а также ее часть, потому что благодаря языку создаются произведения материальной и духовной культуры.

В процессе культурологического анализа ученые все чаще интерпретируют культуру как некую структуру, как целостность особых ее признаков — кодов. Коды постоянно взаимодействуют друг с другом, и переход с одного кода на другой приводит к возникновению новой информации. Их называют кодами культуры, или языками культуры. Для культурологов важным является именно содержание и осмысление текстов культуры, поэтому понятие «код культуры» становится в последнее время особенно актуальным. О культурном коде начинают говорить только тогда, когда совершается переход от знаков к их смыслу.

Изучению кодов культуры посвящены научные работы В. В. Красных, М. Л. Ковшовой, Д. Б. Гудкова, В. И. Шаховского, Л. В. Савченко, Г. В. Токарева и других ученых.

Вслед за Л. В. Савченко считаем, что «код культуры — это семиотическая система, в которой

концентрируется набор этнокультурной информации, кодируется в форме, способной идентифицировать культуру через совокупность вторичных знаков и символов» [9. С. 171].

Итак, рассматривая культуру как семиотический феномен, В. М. Савицкий отмечал, что «одной из входящих в нее подсистем является обширная парадигма образов, выполняющая знаковую функцию в процессе общения. В нее входят... образы, почерпнутые из хозяйственной практики, ритуалов, игр, расхожих житейских представлений, поверий, фольклора, мифологии, религии, литературы» и т. д. [8. С. 117]. То есть в ядре каждой национальной культуры сохраняется то, что выкристаллизовано под воздействием окружающей природы, климата, пищи, языка, этнического типа, а также памяти об истории и культуре своего народа.

Одним из предметов интереса для лингвокультурологов являются мифологизированные единицы языка, или символы. К ним относятся мифологемы, архетипы, поверья, обряды, обычаи и ритуалы, зафиксированные в языке. Мифологические единицы принадлежат к основным факторам и стимулам духовной жизни, они наполняют ее содержанием и смыслом. Они не всегда разумно истолковывают мир, его законы и причинно-следственные связи. Чаще всего они ориентируют на что-то высшее, недоступное для понимания. Можно утверждать, что мифологические единицы языка конкретны и реальны, но их содержание отвлеченно.

В каждом конкретном языковом знаке отображается не миф целиком, а лишь отдельная мифологема.

Мифологема есть важный для мифа персонаж или ситуация, это, как называют его О. И. Быкова и О. Н. Ракитина, «главный герой» мифа, переходящий из мифа в миф. Относительным признаком коннотативной структуры слова-мифологеми является его этнокультурная составляющая [2]. Мифологическая лексика любого языка требует досконального исследования в рамках лингвокультурологии, потому что концептуальный анализ мифологем дает возможность не только обнаружить характерные для этнической культуры и сознания базовые оппозиции, культурные ценности общества, но и создать описание наивных языковых представлений носителей языка, сложившихся под влиянием мировосприятия того или иного этноса, а также фрагмента этнической языковой картины мира.

Назвать все живые существа, предметы и явления, выступающие в роли мифологических знаков, невозможно. Мифологическими символами могут быть люди, животные, растения, запахи, цвета, религиозные и магические знаки, мистические существа, а также ритуалы и отдельные действия. Нас в данной статье интересует слова-мифологеми *леший* и *водяной*, репрезентирующие мир бестиариев. Некоторые лингвисты (например, В. В. Красных) мир бестиариев, принадлежащих ко «вторичной реальности» и входящих в действительность, как неотъемлемый элемент культурного пространства, относят к биоморфному культурному коду [4. С. 253]. Другие ученые, такие как Л. В. Савченко, считают, что бестиарии в культурной традиции духовного мировоззрения должны занимать отдельное звено и принадлежать к демонологическому-антропоморфному этнокоду [9. С. 171]. Мы же придерживаемся мнения, что бестиариев как образы вторичного мира нужно рассматривать в качестве символов мифологического кода культуры.

Бестиарии как культурные знаки относятся к единицам, не имеющим денотатов в окружающей нас действительности. А. А. Уфимцева называет их «знаками с нулевым денотатом», то есть объекты их обозначения — это «ирреальная данность, несуществующий предмет, своеобразный мысленный конструкт» [11. С. 446—447]. Но научные изыскания когнитивистов, на которые опирается лингвокультурология, снимают вопрос о нулевой денотации, так как под денотатом теперь понимают не предмет, на который указывает знак, а представление о нем в сознании этноса.

У М. Пришвина, практически все свое творчество посвятившего описанию природы, образы лесного и водяного встречаются часто. Создается впечатление, что М. Пришвин верит в существование лесных и водяных духов. О происхождении всякой нечистой силы М. Пришвин приводит следующую легенду, которую он слышал от одного олончанина, беззаветно верившего в лесовиков, водяников и домовых (кстати, эту же легенду приводит Н. И. Толстой [10]): *Когда один из ангелов восстал на бога, а с ним и многие другие ангелы, то бог прогнал их с неба. Стесненные на краю неба, восставшие ангелы полетели вниз. Одни из них, страшно изувеченные, со своим начальником Сатаной упали в подземное царство, в ад, другие пали на землю и поселились кто в воде, кто в домах, кто в лесу (М. Пришвин. Мои тетрадки). Существует также версия, что появление леших связано с проклятыми людьми и «заложенными» покойниками [6. С. 320]. М. Забылин приводит еще один вариант легенды: в Воронежской губернии существовало поверье, по которому водяные, лешие и домовые — это строители Вавилонской башни, которых Бог в наказание определил «на вечныя времена сторожить воды, леса, горы...» [3]. Заметим, что во всех легендах есть два общих момента: во-первых, леший и водяной — представители нечистой силы, во-вторых, их появление — акт «божественного вмешательства».*

Часто леший и водяной в произведениях М. Пришвина выступают агентами сравнения, что позволяет сделать вывод о том, что данные мифологеми являются важными для сознания автора.

Леший — хозяин леса в мифологических представлениях славянских народов, дух леса. Это довольно частый персонаж русских народных сказок. Другие названия: лешак, лесной дядя, лесовик, лесник, дикий мужичок, лисун и даже лес. А зачастую верующие в существование лесного люди боятся называть его, дабы не накликать беды, поэтому употребляют только местоимение он: *В лесах ходючи, на всякую штуку набредешь, он пошутить-то любит (М. Пришвин. Мои тетрадки).* Так как он живет уже за границей человеческого поселения, в лесу, а лес — это враждебная человеку часть пространства, то «содержательный минимум слова-мифологеми *леший* — это “злой дух — хозяин леса”» [1]. По народным легендам, внешне леший похож на человека, но описания его достаточно противоречивы потому, что нечистая сила — это все-таки

невидимый мир. По поверьям, этот лесной дух имеет способность к оборотничеству, поэтому он может явиться в виде человека, чаще старика, пожилого родственника или близкого знакомого, и в виде дикого зверя, птицы, дерева, куста, большого гриба. Так, М. Пришвин приводит рассказ одного охотника, которому лесной дух, любивший шутить, показывался в образе оленя, а потом родного отца: — *Было раз, — рассказывал мне Филипп, — ходили мы в лесах. День проходили, ничего не видели. Идем уж ночевать к фатерке <...> И тут сзади нас ка-ак побежит да хлопает в ладоши! Мы его ругать, он и убежал. Отошли версты две, смотрим, олень бежит. Мы его стрелили, я к — нему. Вижу, батюшка стоит у оленя, оперся на ружье. Подхожу, смотрю: ни батюшки, ни оленя (М. Пришвин. Мои тетрадки).*

Чаще леший выдает свое присутствие разными звуками, ими же заманивает человека в лес: он может реветь, свистеть, стонать, смеяться, петь, аккомпанируя себе хлопаньем в ладоши или подыгрывая на музыкальном инструменте. Его умение громко кричать зафиксировано в русских пословицах: *Кричит, как леший; Как леший перовский зовет куликовского в гости к Родительской*. Шествие лесного хозяина сопровождается ветром, вихрем, внезапным резким шумом деревьев. Ходит он иногда с собакой, лай которой слышат люди. Особенно любит он пугать охотников, остающихся на ночь в лесу, не спросив у него разрешения: *Приходят полесники, разведут огонь в избушке для тепла, обогреются, улягутся спать. А в лесу ветер гудит, шумит вся нечистая сила. Вдруг отчетливо затявкают собачки.*

— Батюшка, слышишь?

— Слышу, слышу... Не трожь, пущай подходят ближе.

Ближе и ближе тявкают собачки... Запрыгали горшки на камнях... Заскрипели доски... Посыпалось что-то с крыши в избушку.

Сразу выскочит из избушки старый полесник и начнет ругаться, и начнет! В лесу побежит, зашумит, хлопает в ладоши и захохочет: хо-хо-хо!.. Потом ещё мальчик услышит, как кто-то, играя на свирели, подойдет к избушке и уйдет дальше в лес (М. Пришвин. Мои тетрадки).

Прогнать лешего можно, читая молитву. Если при встрече с лешим молитва не помогает, то рекомендуется громкая брань. В некоторых экстремальных случаях брань — эффективное средство не попасть под влияние нечистой силы.

Возможно, тех, кто бранится, они признают за свою родню (брань — пособничество «хульного» беса) или предполагают, что ругающийся достаточно силен сам, во всяком случае они оставляют человека в покое.

Леший чаще всего опасен для человека. Это зафиксировано в русских присказках, например: *Леший ножик точит, неслухов резать хочет*. Видим, что лешим пугали непослушных детей. Лексема леший до сих пор является составной частью русских ругательств: *Какого лешего тебе надо? Леший тебя заберет! За каким лешим ты туда пошел?* и др. То есть слово-мифологема леший в языковой картине мира носителей русского языка при переносном значении имеет отрицательную коннотацию.

Любимое занятие лешего — сбивать с пути и заводит в глухие заросли грибников да ягодников, представляясь попутчиком, а потом исчезнуть. Особенно неравнодушен леший к женщинам: *Раз был такой случай, рассказывает Максимовна. Теткины девочки уехали на Медвежий остров за ягодами да долго не возвращались. Вот тетка и скажи: «Черт вас не унесет, ягодницы!» А девочки в это время собрали по корзине ягод и вышли на лядинку. Смотрят, дедушка старый стоит на той же лядинке и дожидается их. «Пойдемте, говорит, девицы, со мной». Они и пошли вслед. Вот он их повел по разным глухим местам, где на плечо вздымет, где спустит. Как только девочки сотворят молитву, он им сейчас: «Чего вы ругаетесь! Перестаньте!» и привел он их в свой дом, к своим ребятам: человек восемь семейство, ребята черные, худые, некрасивые. <...> так они выжили двенадцать дней у лесовика. И всего-то им там пищи было, что заячья да белчья говядина; истоцали девки, краше в гроб кладут (М. Пришвин. Календарь природы).*

Такие проделки лешего часто приводят к гибели людей, потому что заводит он их в глухие гиблые места да в болота: *Леший под вечер тут как тут: рад-радешенек бывает, когда баба-боровница домой соберется. Она хочет прямо идти, а он ее кружит и с толку сбивает. Ведет он бабу кругами-вавилонами и когда до упаду изморит, иссушит, покажет ей дивную полянку, всю покрытую большими белыми цветами-кувшинками. Идет баба на кувшинки, а под цветами-то окнища бездонные. Ступила раз, ступила два — запела трясиная, заходила, заурчала, как огромный мягкий живот <...> Страшное место и зовется Бабья лужа (М. Пришвин. Календарь природы).*

Колдуны или знахари, которые селились поодаль от села, в лесу, имели с лешими хорошие связи. Если у кого-нибудь пропадала скотина или дети заблудились в лесу, они обращались к колдуну, а тот, в свою очередь, просил лешего их вернуть. Но вернувшиеся от лешего люди часто на всю жизнь остаются больными физически или психически: *Когда колдунья лесовика «отведала», он и принес девочек на плечах к реке. Одну за ухо схватил и перекинул через речку, так что мочку на ухе оторвал, а другую, старшую, на доске отправил. Две недели девицы лежали, не могли ни есть, ни пить* (М. Пришвин. Календарь природы).

Лешему, как любому представителю нечистой силы, присущи страсть к азартным играм (по поверьям, сибирские лешие проиграли однажды русским и гнали проигрыш (лесных зверей) через Тобольск на Уральские горы) и к алкоголю: *Избушка моя в стороне от деревни, спиною стоит к лесу, глазами смотрит на Пьяную дорогу — есть у нас такая дорога на моховых болотах и в топком лесу; старички мне говорили, что будь эта дорога проложена для хорошего дела, так уж давно бы леший затопил ее всякими мочагами, ну, а как для пьяного она дела, так лешему это и на руку: по этой дороге возят вино из казенки, оттого и называется Пьяной, и за то леший хранит ее* (М. Пришвин. Календарь природы).

Как видно из вышеприведенных примеров, лешего представляют семейным существом, у которого в семье есть женщины (лешахи, лешихи, лесовички, лесные бабы) и дети. Весь лес — это владения лешего и его семейства. Он охраняет лес от непрошенных гостей, наводит свои порядки в лесу, заботится о растениях и животных. Приписываемые лешему поведенческие характеристики актуализируются в творчестве М. Пришвина при использовании данного словاميфологемы в качестве агента образного сравнения для описания русской природы: *Просека длинная-длинная; кажется, это леший в кулак поглядел отсюда туда, к нам в безлесье, и задумался* (М. Пришвин. Календарь природы).

Образно М. Пришвин представляет, как лешихи ведут свое лесное хозяйство: стирают белье, прядут пряжу, набивают перины, стелют холсты: *В это замечательное утро глухари бились друг с другом так сильно, что казалось, будто лесные бабы лешихи там белье стирают и дупят что есть духу вальками* (М. Пришвин. Календарь природы). <...> где столько было надрано перьев

и пуху, будто это вправду лешихи тут себе набивали перины (М. Пришвин. Календарь природы). Туманы поднимались на сыром лугу, словно лесовые бабы-хозяйки белые холсты расстилали (М. Пришвин. Календарь природы).

В хозяйстве у лешего, в народном представлении, имеется даже баня: <...> в лесу было так, будто не человек задымил своим костром, а нечистая сила: человек бы развел костер в одном месте, ну в двух, ну в трех, а тут словно под каждым деревом, везде разложили костры и весь лес задымился.

— Леший баню топит, — сказали нам (М. Пришвин. Календарь природы).

Если леший — хозяин леса, то водяной — это дух-хозяин воды. В каждом водоеме живет свой хозяин, которого еще называют водяник, водяной царь, водяной черт, дедушка водяной, волосатик, топельник. Поверья о водяном широко распространены в богатых водоемами и болотами районах России. Вера в существование водяного органично сосуществует в сознании русского человека с верой в Бога, о чем свидетельствует диалог между М. Пришвиным и жителем Русского Севера лопарем Василием, приведенный в одном из рассказов:

— Есть водяной царь или нет? — спрашиваю я околным путем.

— Водяной царь! Как же, есть... Ведь молимся же мы: «царь небесный, царь земной».

— И водяной? — изумляюсь я.

— Нет, водяного нет в молитвах, а только есть царь небесный, царь земной, значит, есть и водяной (М. Пришвин. Кащеева цепь).

Часто в народном представлении водяной — это дед с бородой из водорослей или тины, облепленный грязью. У М. Пришвина водяной разный. В одном случае — это дедушка с желтым телом: *Дедушка водяной высунул голову. Какой он!.. Видно все его желтое старое тело. Зачем так? Спрячься!..* (М. Пришвин. Кащеева цепь). В другом случае водяной черный, поросший шерстью: *Раз, глухой ночью, Тимошка вытянул невод на остров. Глядит, а в матице кто-то сидит... Развел Тимошка огонь на острове, выволок невод. Разложил матицу — и вытащил водяного. Черный да шерстной!* (М. Пришвин. Кащеева цепь). К тому же неопрятный, нечесанный вид водяного становится даже агентом сравнения для описания прибрежных камышей: *Четвертый холм спускается не в большое озеро, а в узкую ленту воды — озерный хвост, где*

кучками торчат камыши, будто нечесанные головы водяников (М. Пришвин. Крутоярский зверь).

В облике водяного видны черты обитателей водоемов — рыбы или лягушек: скользкая кожа, рыбий хвост, перепонки между пальцами, пучеглазость. Эти признаки тоже становятся агентами сравнения: *В руке — еще живая, головастая, скользкая, пучеглазая рыбешка, ну прямо черт и черт водяной* (М. Пришвин. Крутоярский зверь).

На Руси верили, что всякая нежить бессловесна, а у М. Пришвина водяной хоть и не говорит, но реагирует на вопросы собеседника, понимает язык человека и мычит что-то в ответ: *Тимошка не испугался, посадил водяника к огню и спрашивает: «Тебя в огонь?» — «Ни... ни...» — мычит водяник. «Так в воду?» — спрашивает опять Тимошка. «Да, да...» — промычал водяник. Тимошка его и пустил. Вот с тех пор и повалила к Тимошке рыба* (М. Пришвин. Кащеева цепь). Считалось, если поймать водяного, вытащить его на берег, то можно получить выкуп рыбой. Говорили, что рыбак, поймавший водяного, сошелся с нечистой силой и стал колдуном.

Как и другая нечисть, водяные имеют страсть к азартным играм, проигрывая друг другу рыбу из водоемов. Вот как повествует об этом герой рассказа М. Пришвина Мануйло: *В этот год у нас в Матк-озере совсем рыбы не было, вся перешла в Выг-озеро. Старухи рассказывают, будто видели, как на Поповом камне маткозерский водяник с выгозерским в карты играли. Вот и думаем, что наш хозяин свою рыбу проиграл. Не было рыбы весной, а летом так даже окуни на уду не шли* (М. Пришвин. Кащеева цепь).

В вопросе о существовании семьи у водяного однозначного мнения не существует. В одной местности считается, что водяной не имеет семьи, а его любовницами являются русалки, в другой — мифологическое сознание припи-

сывает водяному жену и детей. В сравнениях М. Пришвина водяной — семьянин, имеющий и жену, и детей: *Вся посеребренная стояла на солнце трава, как зеленая пряжа, словно это болотные молодки составили красна с своей суровой пряжей, а сами спрятались в болотных буквицах и колчеватике* (М. Пришвин. Календарь природы). *Охотники, мокрые от росы, шагают по полю домой, будто водяной со своим маленьким сыном переходит из озера в озеро* (М. Пришвин. Кащеева цепь). Как видим, водяному приписывается способность переходить из одного водоема в другой. В поверьях водяные-молодожены перебирались жить в новый водоем во время свадьбы, а свадьбами водяных называли весенние разливы рек, половодья, наводнения.

Таким образом, как отмечает В. А. Маслова, «предметом интереса лингвокультурологов является “культурная память” языковой единицы... Это те ассоциации, которые задаются языковой единицей и тянутся из ее прошлого употребления, организуя современное значение. Ведь любое слово нашей речи, прежде чем получить современное значение, прошло сложную семантическую историю. Из каждого слова, которое мы употребляем, глядят на нас не сорок веков, а, по меньшей мере, сорок тысячелетий. И сама культура есть своего рода прошлое, просвечивающее в настоящем» [5. С. 57]. Бестиарии не только бытуют в культуре как персонажи или элементы фольклора, но и, являясь культурными знаками, обладают стереотипами, что делает возможным обращаться к их образам в художественном дискурсе. М. Пришвин посредством мифологического кода, в который наряду с другими входят мифологемы *леший* и *водяной*, создает неповторимый образ природы, придавая ей тем самым черты сказочности и таинственности.

Список литературы

1. Абыякая, О. В. Мифологическая лексика русского языка в лингвокультурологическом аспекте и принципы ее лексикографического описания : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Абыякая. — СПб., 2004. — 195 с.
2. Быкова, О. И. Мифологема как культурный концепт / О. И. Быкова, О. Н. Ракитина // III Житниковские чтения. Динамический аспект лингвистических исследований : материалы Всерос. науч. конф. Ч. 1. — Челябинск, 1999. — С. 133—140.
3. Забылин, М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия : в 4 ч. / М. Забылин ; сост. и отв. ред. О. А. Платонов. — М. : Ин-т рус. цивилизации, 2014. — 688 с.
4. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. — М. : Гнозис, 2002. — 284 с.

5. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. — М. : Академия, 2001. — 208 с.
6. Левкиевская, Е. Мифы русского народа / Е. Левкиевская. — М. : АСТ, 2005. — 529 с.
7. Пришвин, М. М. Календарь природы / М. М. Пришвин. Собр. соч. Т. 3 — М. : Художеств. лит., 1956. — 766 с.
8. Савицкий, В. М. Английская фразеология: проблема моделирования / В. М. Савицкий. — Самара : Самар. ун-т, 1993. — 172 с.
9. Савченко, Л. В. Иерархическая модель биоморфного кода культуры / Л. В. Савченко // Культура народов Причерноморья. — 2014. — № 273. — С. 170—172.
10. Толстой, Н. И. Откуда взялись дьяволы разные? / Н. И. Толстой // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии. — М., 1995. — С. 245—249.
11. Уфимцева, А. А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. — М., 1977. — 208 с.

Сведения об авторе

Румянцева Марина Васильевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный аграрный университет. Екатеринбург, Россия. m.rumjanzewa@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 201—207.*

THE MANIFESTATION OF THE MYTHOLOGICAL CULTURAL CODE IN THE CREATIVITY OF M. PRISHVIN (on the Example of Mythologems *Wood Goblin* and *Water Goblin*)

M.V. Rumyantseva

Ural State Agrarian University, Ekaterinburg. m.rumjanzewa@rambler.ru

The article studied such a mythologem as wood-goblin in the aspect of cultural linguistics. The conceptual analysis of words mythologems makes it possible not only to identify the characteristic of the ethnic culture and consciousness of the cultural values of the society, but also to describe the naive language representation of native speakers.

Mythologem is an important character for a myth or situation, it's like a "protagonist" of a myth that can go from myth to myth. The relevant attribute of the connotative structure of the mythologem is the ethnocultural component.

In the role of mythological symbols can appear people, animals, plants, smells, colors, religious and magical signs, mystical beings, as well as rituals and individual actions. In this article, we are interested in the words mythologeme wood goblin and water goblin from the world of bestarians.

M. Prishvin through a mythological code, which, along with others, includes mythology and wood goblin and water goblin, creates a unique image of nature, giving it the features of fairy-tale and mystery.

Keywords: *language, culture, cultural code, mythological code, language picture of the world, bestiary, wood goblin, water goblin.*

References

1. Abyyakaya O.V. *Mifologicheskaya leksika russkogo yazyka v lingvokul'turologicheskom aspekte i print-sipy yeyo leksikograficheskogo opisaniya* [Mythological vocabulary of the Russian language in the linguocul-tural aspect and the principles of its lexicographic description]. St. Petersburg, 2004. 195 p. (In Russ.).
2. Bykova O.I., Rakitina O.N. *Mifologema kak kul'turnyy kontsept* [Mythology as a cultural concept]. *III Zhitnikovskiy chteniya. Dinamicheskiy aspekt lingvisticheskikh issledovaniy. Ch. 1* [III Zhitnikov Confer-ence. Dynamic aspect of linguistic research. Pt. 1]. Chelyabinsk, 1999. Pp. 133—140. (In Russ.).
3. Zabylin M. *Russkiy narod. Yego obychai, obryady, predaniya, suyeveryiya i poeziya* [Russian people. Their customs, rituals, traditions, superstition and poetry]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2014. 688 p. (In Russ.).

4. Krasnykh V.V. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology]. Moscow, Gnozis Publ., 2002. 284 p. (In Russ.).
5. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 208 p. (In Russ.).
6. Levkiyevskaya Ye. *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russian People]. Moscow, AST Publ., 2005. 529 p. (In Russ.).
7. Prishvin M.M. *Kalendar' prirody* [Calendar of nature]. *Sobraniye sochineniy. T. 3* [Collected works. Vol. 3]. Moscow, 1956. 766 p. (In Russ.).
8. Savitskiy V.M. *Angliyskaya frazeologiya: problema modelirovaniya* [English phraseology: the problem of modeling]. Samara, Samara University Publ., 1993. 172 p. (In Russ.).
9. Savchenko L.V. *Iyerarkhicheskaya model' biomorfnoogo koda kul'tury* [Hierarchical model of the biomorphic code of culture]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the peoples of the Black Sea region], 2014, no. 273, pp. 170—172. (In Russ.).
10. Tolstoy N.I. *Otkuda vzyalis' d'yavoly raznyye?* [Where did the devils come from?]. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii* [Language and folk culture. Essays on Slavic Mythology]. Moscow, 1995. Pp. 245—249. (In Russ.).
11. Ufimtseva A.A. *Tipy slovesnykh znakov* [Types of verbal signs]. Moscow, 1977. 208 p. (In Russ.).

УДК 811.111:81'42=111 ББК 81.2 Англ.
DOI 10.24411/1994-2796-2018-11030

СПОРТИВНЫЙ КОММЕНТАРИЙ КАК ЖАНР СПОНТАННОГО ДИСКУРСА (на материале английского языка)

М. Д. Рыжикова

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

На материале англоязычного футбольного комментария описываются дискурсивные характеристики спонтанного дискурса, в частности футбольного комментария, общелингвистическими методами, методом анализа дискурса и прагматической интерпретации. В результате выделены такие отличительные черты характеризуемого жанра: передача динамики событий, неуверенность, высокая эмоциональность, пояснительные и оценочные (положительные и отрицательные) высказывания, апелляция к определенным фактам. Среди выявленных языковых средств отмечаются: лексические, морфологические, синтаксические и риторические.

Ключевые слова: *спонтанный дискурс, футбольный комментарий, коммуникация, лингвистические средства, жанр.*

Спонтанная коммуникация представляет собой феномен «живой» речи [13], а ее изучение способствует разработке проблемы «социализирующих свойств языка, национально значимых приоритетов поддержки личности через обогащение активного ее словаря» [11]. Как верно отмечает В. К. Харченко, такое общение не только охватывает повседневное, бытовое речеповедение, но и насчитывает примеры «общения сакральными, священными, национально значимыми смыслами» [Там же]. К последнему в настоящем труде относится и коммуникация в спортивной сфере, учитывая тот факт, что современный спорт приобрел экономическую, культурную, политическую и социальную значимость. Спортивный репортаж с развитием СМИ содействует формированию новой культурно-речевой формы проявления картины мира и рассматривается как отрасль журналистики, а также как индивидуальная сфера речевой коммуникации [12].

Актуальность исследования спонтанной речи находит свое отражение в многочисленных разработках. Однако обзор теоретических предпосылок свидетельствует о том, что главным образом спонтанность становится объектом изучения на материале русского языка. Так, например, Т. М. Николаева рассматривает речевые колебания в спонтанной речи [6]. С. П. Петрунина определяет особенности использования слов-паразитов в устной спонтанной коммуникации [8]. М. В. Ерещенко анализирует спонтанный диалог в аспекте эмоционального содержания высказываний [4]. На материале

русскоязычных спортивных репортажей по биатлону Е. Н. Александрова описывает коммуникативно-семантическое поле спонтанного дискурса [1]. Среди других исследователей русскоязычной спонтанной коммуникации стоит отметить Е. В. Ягунова (2013), Г. Д. Скар (2012), В. К. Харченко (2010), Н. С. Филиппова (2010), Е. Н. Чухарева (2009) и др. Следует выделить научную статью А. Д. Карауловой (Климентьевой), которая характеризует теоретический и эмпирический аспекты заимствования из английского языка fly-boy, его ассимиляции в устном спонтанном виде дискурса русского языка в речи татарских монолингвов и билингвов [5].

Что касается футбольного комментария, он вызывает интерес у лингвистов в разнообразных аспектах: с позиции языковой личности комментатора — М. В. Санатина (2013), Н. А. Сабурова (2016), лингвокогнитивистики — Е. Г. Малышева (2011), социофонетики — Э. В. Лихачев (2017), лексикологии — Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалева (2006), медиастилистики — Р. Л. Гутцайт (2012), сквозь призму дискурса СМИ — И. Петру (2006), Д. Р. Батршина (2016), риторики — Э. К. Зиянгиров (2015). Из представленных работ иноязычный материал исследовали Н. А. Сабурова, Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалева (английский язык), Э. В. Лихачев (немецкий язык).

Таким образом, футбольный комментарий как жанр англоязычного спонтанного дискурса представляется малоизученным.

Цель настоящего научного труда заключается в определении дискурсивных характеристик

англоязычного футбольного комментария с позиций спонтанной коммуникации. Задачи предполагают рассмотрение общих конститутивных признаков и лингвистических особенностей данного речевого жанра. Материалом исследования послужили скрипты футбольных комментариев, размещенные в сети Интернет (сайт www.sportsmole.co.uk), отобранные методом сплошной выборки за период 2010—2014 гг. К методам исследования относятся общелингвистические приемы, метод анализа дискурса и прагматической интерпретации.

Спонтанный дискурс выделяется как отдельный вид коммуникации по характеру общения [2]. Следуя дефиниции Л. В. Бондарко, спонтанный дискурс — это «экспромт, выполняемый в регулярно изменяемых коммуникативных обстоятельствах» [3]. Спонтанная коммуникация — это неконтролируемый поток речи, при котором говорящий не обдумывает заранее содержание, чем, вероятно, объясняется такая ее черта, как очевидная эмоциональность. В настоящем исследовании спонтанный дискурс понимается как вид устной или письменной ситуативно обусловленной неподготовленной коммуникации в совокупности с экстралингвистическими факторами, реализующейся в ряде речевых жанров. Такой вид речевой деятельности может быть исследован как многогранный процесс: социальный, вербальный (в единстве с невербальным), ментальный, когнитивный, коммуникативный, языковой, ценностный. Это такое общение, при котором говорящий побуждает реципиента к определенным действиям (например, к покупке товара), изменению мнения (в споре); стремится вызвать определенные эмоции (восхищение, удивление, чувство справедливости, агрессии и т. д.). Другими словами, адресант оказывает влияние на ментальную сферу адресата, что говорит о том, что такой коммуникации также свойственны средства аргументации.

Следует отметить, что участниками спонтанного дискурса могут быть представители разных социальных классов с равноправными или неравноправными отношениями (с возможным «обменом» высокого/низкого статуса или с нивелированием статуса в принципе). Целью неподготовленной коммуникации считается обмен информацией, которая может носить разный характер в зависимости от ситуации (информативный, конфликто разрешающий, поздравительный и т. п.). Длительность спонтанного общения

также определяется обстоятельствами и может быть краткосрочной и длительной, зависимой от технического оборудования. Место не является определяющим фактором формирования спонтанного дискурса.

Одним из жанров спонтанной коммуникации считается футбольный комментарий (см. работы Б. А. Зильберт, А. Б. Зильберт, В. И. Карасика, П. Г. Евдокимовой), поскольку комментатор, как правило, озвучивает такие события, которые невозможно запланировать. Тем не менее футбольный репортаж также может рассматриваться как жанр и телевизионного дискурса (жанр телевизионного репортажа) [9] — так называемый телевизионный стендап.

Параметрами футбольного репортажа являются: языковая индивидуальность комментатора, специфика использования системы речевых жанров различных видов, лингвистические особенности стиля репортера [7]. Как отдельный тип спонтанного дискурса, футбольный комментарий характеризуется наличием таких элементов: «1) тема; 2) связанность речи комментатора от хода игры; 3) нацеленность на использование литературного языка; 4) четкое построение репортажа» [10].

Одним из наиболее распространенных видов спортивного репортажа является комментарий футбольного матча. Такая речевая деятельность в данной работе называется условно спонтанной, поскольку в ней отмечается доля подготовленности: непосредственно перед матчем комментатор готовится к проведению репортажа, он записывает информацию, которая может быть полезной, — определенные факты из истории соревнований, сведения о личной жизни участников (в основном про лидеров). Менее распространенным видом спортивного репортажа считается такой, в котором присутствуют два комментатора. В этом случае предполагается, что комментаторы осведомлены о манере ведения репортажа друг друга (другими словами, имеют опыт совместной работы). Особо стоит подчеркнуть, что комментаторы уже не являются болельщиками, поэтому они не приравниваются к зрителям. Цель такой коммуникативной деятельности представляется в комментировании спортивных (в частности, футбольных) соревнований для того, чтобы зритель не пропустил какие-либо важные моменты матча.

Футбольный комментарий можно расценивать как отзыв квалифицированного журналиста о футбольном матче, в котором главенствующая

роль отводится объяснению происходящего на арене. Более того, подобное высказывание мнения, по сути, выступает как средство воздействия на слушателей.

Анализ исследуемого материала показал, что речь футбольного комментатора зачастую делится на три составляющие: начало репортажа, центральная часть, окончание.

Репортаж начинается с приветствия, когда комментатор объявляет соревнующиеся команды, место проведения игры, название стадиона, погодные условия и участников матча, а также представляется сам, например: *This is BBC Radio 4. We're now taking you over to Highbury Stadium for a commentary on the Football League match between Arsenal and Wolverhampton Wanderers. Your commentator this afternoon is James Cooper... And this is James Cooper, welcoming listeners on this bright, sunny, rather mild mid-December afternoon to Highbury Stadium, where a capacity crowd are waiting to see how Arsenal, who are third in the table, face up to Wolves at home.*

Центральная часть репортажа раскрывает происходящие события и их стремительность. При этом говорящий использует разные лингвистические средства для того, чтобы передать динамику происходящего.

Так, чтобы передать скорость развития событий, адресант использует настоящее неопределенное время глаголов (тогда как для описания происходящих, длительных действий в английском языке принято употреблять настоящее длительное время глаголов), например: *And the ball goes out of play for a goal-kick to Arsenal. Gould, the Arsenal goalkeeper, places the ball, runs up and boots it well upfield to Smart, the outside-left. Smart traps it neatly and sets off at a cracking pace up the left wing. Hunt's there with him now, out on the left, on the far side of the field. And at the moment the Wolves' defence is looking rather disorganised. Smart to Hunt. Hunt takes the ball forward quickly, cutting inside towards the Wolverhampton goal. The centre-half comes across and tries to intercept him, but Hunt slips past and quickly pushes the ball out to Smart again, who's still making ground up the left wing.* В данном примере наблюдается один случай использования настоящего длительного времени глаголов (*is looking*). Можно сделать предположение о том, что это время в данном жанре передает сомнение, неуверенность в развитии событий, медлительность действий, что также подтверждается и следующими примерами: *And the whistle's*

gone for a foul. And it looks as if it was Parsons. Yes, the referee's coming across to him and he's taking out his book. Yes, he's taking Parsons' name now... Тем не менее в ходе матча отмечены случаи употребления данной морфологической формы и по прямому назначению, то есть для описания событий, происходящих в момент говорения, например: *Arsenal have opened the scoring, and as they make their way back to the centre-spot the crowd are still roaring their approval; And now the referee is placing the ball for a free kick to Wolves.* Однако это, скорее, исключение из правил в данном случае.

Кроме того, для передачи динамики событий, комментатор использует:

1) причастные конструкции, например: *It is back to a 4-3-3 this evening, with the prolific German international missing out — not for the first time. Renato Sanches is instead given a chance to impress, looking to leave a lasting impression on the back of a memorable year to date; Jerome Boateng is the big absence from this Bayern team, having failed to feature since hobbling off against Rostov a fortnight ago; And now I can see the referee calling the captains to the centre-spot for the toss;*

2) эллиптические предложения (например: *Gameiro and Torres both among the visitors' subs, meanwhile, despite many expecting them to start; Headed it like a bullet into the top left-hand corner of the net).*

Во время комментария говорящий стремится вступить в разговор с реципиентом, вовлечь его в беседу, навлекая на определенные мысли или апеллируя к каким-то фактам. Для этого используются:

1) обособления, например: *Wolves, you'll remember, drew with Arsenal one all in the away match at Molineux earlier in the season, but they've been playing very well lately and Arsenal will have to be on top form if they're to keep their unbeaten home record intact.* Следует отметить, что этот же прием служит выражению собственного мнения комментатора, когда он выражает неуверенность, например: *The stadium flag, now, hardly fluttering on this fine afternoon, as the crowd — and I should think it must be the largest this season — waits patiently while the teams warm up;*

2) риторические вопросы, например: *What's he going to do? He'll lose it if he's not careful; DID YOU KNOW? I mentioned a little earlier that these sides had met just twice before prior to this year — the 1974 European Cup final, where Bayern Munich prevailed after a replay; the first time that has happened.*

При необходимости говорящий поясняет ту или иную информацию посредством, например, обособления: *Gould, the Arsenal goalkeeper, places the ball, runs up and boots it well upfield to Smart, the outside-left.*

Для субъективных высказываний (предположения о вероятных настоящих, прошлых или будущих событиях), помимо указанного выше обособления, адресант использует:

1) средства модальности (например: *The Gunners must better the result of PSG — who are at home to Ludogorets Razgrad — if they want to be among the seeds when the draw for the knockout stages takes place next week*);

2) условные предложения первого (например: *...Arsenal will have to be on top form if they're to keep their unbeaten home record intact*) и второго типа (например: *If Wenger had a radio with him, he would be listening to Paris FM because that's where his focus will lie now*);

3) сложные предложения с придаточными сравнения (например: *And it looks as though Smith's won the toss; And the whistle's gone for a foul. And it looks as if it was Parsons*);

4) будущее неопределенное время глаголов и лексику с семантикой уверенности (что расценивается как средство убеждения), например: *Be interesting to see how long Vidal lasts, but he will surely be one of those to make way among the first raft of alterations.*

Очевидно, что такие утверждения передают неуверенность комментатора, ведь речь идет о возможных явлениях, о которых он не знает наверняка.

Следует отметить, что все случаи сомнения, выраженные говорящим, немедленно подтверждались или опровергались, например: *Yes, Smith has won the toss for Arsenal, and he's chosen to defend the Gillespie Road end; Yes, the referee's coming across to him and he's taking out his book. Yes, he's taking Parsons' name now, and I should think it was because of that rather heavy tackle.* Как видно из примера, этой цели служит лексика соответствующей семантики и настоящее продолженное или совершенное время глаголов.

Анализ практического материала выявил использование оценочных (как положительных, так и отрицательных) высказываний. Первые (похвальные) подчеркивают достижения или профессиональность той или иной команды (игрока). Среди таких средств отмечено настоящее совершенное и совершенное продолжительное

время глаголов (например: *Wolves, you'll remember, drew with Arsenal one all in the away match at Molineux earlier in the season, but they've been playing very well lately and Arsenal will have to be on top form if they're to keep their unbeaten home record intact; And behind them come Wolves, led by Sammy Baker, who's been improving tremendously as a right half in the last few months, and who in fact has just been named by Sir Alf Ramsey as one of the reserves in the England team to meet West Germany in next week's international*) и эпитеты (например: *Much like in the first half, Bayern enjoying plenty of the ball but they have not created anything from open play since Costa's shot prior to their break-through goal*).

Отрицательная оценка действий футболистов передается посредством наречий степени и меры (*too, rather*), за которыми следует имя прилагательное, имеющее негативную семантику, например: *And at the moment the Wolves' defence is looking rather disorganized; But now Parsons has retaliated a bit too strongly, and he's ended up by having his name taken.* Комментатор может подчеркнуть субъективность такой оценки: *...and I think Jones has tended to get just a little rough as a result.* Как видно из примеров, негативная оценка смягчается за счет использования уменьшительных наречий (*a bit, just a little*).

Футбольный комментарий насыщен экспрессивными лексическими средствами. Так, для эмоциональной окрашенности речи комментатор использует экспрессивную лексику: имена существительные (например: *The Bavarian giants really dominating possession in this first half* — в данном случае имя существительное является перифразой, указывающей на мощь и силу футбольной команды Баварии); имена прилагательные (например: *The hosts are aiming to rack up a record 15th win here in European competition, while their opponents are seeking a perfect six from six in Group D*); наречия (например: *The stadium flag, now, hardly fluttering on this fine afternoon...; Neither manager made a change at the break, incidentally — expect to see a couple of new faces in around 10 minutes*); глаголы (например: *A real nasty one for Godin at the start of the second half, as he collides heads with Thiago Alcantara when going in for the ball (+ эпитет + причастный оборот)*).

Этой же цели служат восклицательные и эллиптические предложения, например: *No! He swings it across the goalmouth, hard and high — a beautiful centre! And Johnson's right there: the*

centre-forward's there; and he's unmarked; and he jumps; he gets his head to it and — oh! what a goal! What a beautiful goal! Из приведенного примера следует, что повтор усиливает эффект воздействия на эмоциональную сферу реципиента.

Исследование показало, что комментатор стремится не преувеличить, а в какой-то степени приуменьшить происходящие события (для чего используется лексика с соответствующей семантикой). Возможно, это объясняется психологическим состоянием говорящего или его стремлением не показаться голословным или субъективным, например: *I must say Parsons is unlucky to be booked for that, because he's had to put up with quite a bit of rough play from Jones this afternoon; ...and I think Jones has tended to get just a little rough as a result.*

Среди прочих лингвистических средств, придающих образности спонтанной речевой деятельности, в футбольном комментарии были выявлены следующие:

1. Метафора, например: *So Wolves will have to kick off into this rather bright sunshine and light breeze.*

2. Сравнения, например: *Headed it like a bullet into the top left-hand corner of the net; He's been marking Jones very closely, almost shutting him out of the game; and I think Jones has tended to get just a little rough as a result; Wenger has opted to make some changes, like we thought he would do.*

3. Инфинитивные конструкции, например: *I must say Parsons is unlucky to be booked for that, because he's had to put up with quite a bit of rough play from Jones this afternoon.*

В конце футбольного комментария подводятся итоги матча. В исследуемом материале для этой цели используется настоящее совершенное время глаголов, например: *This is the first time since 2009—10 that Bayern have failed to top their group, though, when they accrued a total of 10 points — one more than they currently have; Not quite a bogey side, but it is fair to say that the Rojiblancos have had the better of things in recent years.*

Повышенная эмоциональность комментатора наблюдается в критические моменты матча, такие как: гол, голевой момент, штрафной удар и т. п. Однако, как видно из приведенных выше примеров, говорящий выдерживает нормы литературной речи.

Итак, спортивный комментарий в данной работе называется условно спонтанным коммуникативным жанром, поскольку в нем отмечается доля подготовленности. Данному жанру свойственна своя структура и определенные лингвистические средства разного уровня, передающие динамику событий, субъективные суждения и неуверенность комментатора, его эмоциональность. Также отмечаются оценочные (положительные и отрицательные) высказывания и апелляция к определенным фактам. Для этого жанра типична экспрессивность при соблюдении норм литературного языка.

Направлением дальнейших исследований может быть изучение коммуникативных стратегий и тактик данного жанра как вида спонтанной коммуникации.

Список литературы

1. Александрова, Е. Н. Организация спонтанного дискурса, раскрывающего тему «преодоления пространства» [Электронный ресурс] / Е. Н. Александрова. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-spontannogo-diskursa-raskryvayuschego-temu-preodoleniye-prostranstva>.
2. Белова, А. Д. Поняття «стиль», «жанр», «дискурс», «текст» у сучасній лінгвістиці / А. Д. Белова // Вісник. Іноземна філологія. — 2002. — Випуск 32—33. — С. 11—14.
3. Бондарко, Л. В. Спонтанная речь и организация системы языка / Л. В. Бондарко // Бюл. Фонет. фонда № 8 «Фонет. свойства рус. спонт. речи» / под ред. Л. В. Бондарко, М. Краузе. — СПб., 2001. — С. 17—23.
4. Ерещенко, М. В. Эмоциональное содержание спонтанной диалогической коммуникации: перспективы исследования [Электронный ресурс] / М. В. Ерещенко // Соврем. проблемы науки и образования. — 2014. — № 6. — URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=16311>.
5. Караулова (Климентьева), А. Д. Особенности узуса англицизма fly-boy в русской речи татарских билингвов и монолингвов (на примере устного спонтанного вида дискурса) [Электронный ресурс] (2018) / А. Д. Караулова (Климентьева). — URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1516689260>.
6. Николаева, Т. М. Новое направление в изучении спонтанной речи (о так называемых речевых колланиях) / Т. М. Николаева // Вопр. языкознания. — 1970. — № 3. — С. 117—123.
7. Петру, И. Лингвостилистические и риторические особенности спортивного репортажа как жанра СМИ: на материале футбольного репортажа [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук (2006) /

И. Петру. — URL: <http://www.dissercat.com/content/lingvostilisticheskiye-i-ritoricheskiye-osobennosti-sportivnogo-reportazha-kak-zhanra-smi-na-m#ixzz5CYrAFsU0>.

8. Петрунина, С. П. Информационный шум в устной спонтанной коммуникации: слова-паразиты [Электронный ресурс] / С. П. Петрунина // Вестн. ТГПУ. Сер.: Гуманитар. науки (филология). — 2005. — Вып. 3 (47). — С. 101—106. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnyy-shum-v-ustnoy-spontannoy-kommunikatsii-slova-parazity>.

9. Савина, Н. А. Содержательный компонент «игра» в телевизионном футбольном репортаже [Электронный ресурс] (2014) / Н. А. Савина. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhatelnyy-komponent-igra-v-televizionnom-futbolnom-reportazhe>.

10. Современный язык футбольных комментариев [Электронный ресурс]. — URL: <https://lektsii.org/6-102907.html>.

11. Харченко, В. К. Спонтанная коммуникация: в поисках языкового позитива [Электронный ресурс] (2008) / В. К. Харченко. — URL: http://www.literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1204718887&archive=1205324210&start_from=&ucat=&.

12. Чолак, М. Рациональная и спонтанная коммуникация [Электронный ресурс] / М. Чолак. — URL: <http://stud24.ru/psychology/ratsionalnaya-i-spontannaya-kommunikatsiya/506505-2056555-page1.html>.

13. Филиппова, Н. С. Принципы построения устного описательного дискурса (на материале русской спонтанной речи) [Электронный ресурс] (2010) / Н. С. Филиппова. — URL: <http://dislib.ru/yazykoznanie/12044-1-principi-postroeniya-ustnogo-opisatel'nogo-diskursa-na-materiale-russkoy-spontannoy-rechi.php>.

Сведения об авторе

Рыжикова Марина Дмитриевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии Таврической академии (структурное подразделение) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Симферополь, Россия. marinaryzhikova@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 208—214.

SPORTS COMMENTARY AS A GENRE OF SPONTANEOUS DISCOURSE (on the Data of the English Language)

M.D. Ryzhikova

V.I. Vernadskiy Crimean Federal University, Simferopol, Russia. marinaryzhikova@yandex.ru

The article presents a football commentary as a genre of spontaneous discourse which is viewed as a realization of alive speech. The author emphasizes the conventional character of the genre under analysis due to its possible prepared nature. The research aims at identifying specific features of a football commentary as a type of spontaneous communication. The purpose is achieved by common linguistic means, discourse analysis and a technique of pragmatic interpretation. The investigation reveals the following peculiarities. A football commentary is characterized by dynamics which is rendered by the Present Simple Tense, participial constructions and elliptical sentences. The speaker appeals to certain facts via detachment and rhetoric questions. The uncertainty and subjectivity are expressed through modal means, the Future Simple Tense, complex sentences with subordinate clauses of condition of the first and second type. Appraisal (stated with the help of the Present Perfect and Perfect Continuous Tenses and epithets) is used to point out achievements. Negative evaluation of the footballers' actions is given by adverbs of degree followed by adjectives with negative semantics. A football commentary stands out as a genre with a high expressiveness which is made obvious by emotional lexis (nouns, adjectives, and verbs), metaphors, ellipsis, and infinitive constructions. The results prove attribution of the genre to spontaneous communication.

Keywords: *spontaneous discourse, football match commentary, communication, linguistic means, genre.*

References

1. Aleksandrova Ye.N. *Organisaziya spontannogo diskursa, raskryvayushchego temy "preodoleniya prostranstva"* [Organization of spontaneous discourse revealing the theme of "overcoming space"]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-spontannogo-diskursa-raskryvayushchego-temu-preodoleniye-prostranstva> (In Russ.).
2. Belova A.D. Ponyattya "stil", "zhanr", "diskurs", "tekst" u sychasniy lingvistytsi [Notions of "style", "genre", "discourse", "text" in modern linguistics]. *Visnik Inozemna mova* [Foreign Language Bulletin], 2002, no. 32—33, pp. 11—14. (In Ukrainian).
3. Bondarko L.V. Spontannaya rech i organisaztsiya sistemy yazyka [Spontaneous speech and structure of the language system]. *Byulleten' Foneticheskogo fonda no. 8 "Foneticheskiye svoystva russkoy spontannoy rechi"* [Bulletin of Phonetic Fund "Phonetic features of the Russian spontaneous speech"], 2001, no. 8, pp. 17—23. (In Russ.).
4. Ereshchenko M.V. Emotsional'noye sodержaniye spontannoy dialogicheskoy kommunikatsii: perspektivy issledovaniya [Emotional context of dialogical spontaneous communication: perspectives of research]. *Sovremennyye problemy nayki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2014, no. 6. Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=16311> (In Russ.).
5. Karaulova (Kliment'yeva) A.D. *Osobennosti uzusa anglizisma fly-boy v russkoy rechi tatarskikh bilingvov i monolingvov (na primere ustnogo spontannogo vida diskursa)* [Peculiarities of using the Anglicism fly-boy in the Russian language by bilingual and monolingual Tatars (on the data of oral spontaneous type of discourse)], 2018. Available at: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1516689260> (In Russ.).
6. Nikolaeva T.M. Novoye napravleniye v izychenii spontannoy rechi (o tak nazyvaemykh rechevykh kolebaniyakh) [A new trend in studying spontaneous speech (about so called speech fluctuation)]. *Voprosy yazykoznaniya* [Language Issues], 1970, no. 3, pp. 117—123. (In Russ.).
7. Petru I. *Lingvisticheskiye i ritoricheskiye osobennosti sportivnogo reportazha kak zhanra SMI: na materiale futbol'nogo reportazha* [Linguastylistic and rhetoric peculiarities of a sports reporting as a genre of mass media: on the data of football reporting], 2006. Available at: <http://www.dissercat.com/content/lingvostilisticheskiye-i-ritoricheskiye-osobennosti-sportivnogo-reportazha-kak-zhanra-smi-na-m#ixzz5CYrAFsU0> (In Russ.).
8. Petrunina S.P. Informatsionnyy shum v ustnoy spontannoy kommunikatsii: slova-parazity [Informational noise in oral spontaneous communication: filler-words]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki (Filologia)* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. Series: Humanitarian Sciences (Philology)], 2005, no. 3 (47), pp. 101—106. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnyy-shum-v-ustnoy-spontannoy-kommunikatsii-slova-parazity>. (In Russ.).
9. Savina N.A. *Soderzhatel'nyy component "igra" v televisionnom futbol'nom reportazhe* [Content component "game" in a TV football reporting], 2014. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhatel'nyy-komponent-igra-v-televizionnom-futbolnom-reportazhe>. (In Russ.).
10. *Sovremennyy yazyk futbol'nykh kommentariyev* [Modern language of football commentaries]. Available at: <https://lektsii.org/6-102907.html> (In Russ.).
11. Kharchenko V.K. *Spontannaya kommunikatsiya: v poiskakh yazykovogo pozitiva* [Spontaneous communication: in search for language positive things], 2008. Available at: http://www.literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1204718887&archive=1205324210&start_from=&ucat=& (In Russ.).
12. Cholak M. *Ratsional'naya i spontannaya kommunikatsiya* [Rational and spontaneous communication]. Available at: <http://stud24.ru/psychology/ratsionalnaya-i-spontannaya-kommunikatsiya/506505-2056555-page1.html> (In Russ.).
13. Filippova N.S. *Printsipy postroeniya ustnogo opisatel'nogo diskursa (na materiale russkoy spontannoy rechi)* [Principles of construction of oral descriptive discourse (on the data of the Russian spontaneous speech)], 2010. Available at: <http://dislib.ru/yazykoznaniye/12044-1-principi-postroeniya-ustnogo-opisatel'nogo-diskursa-na-materiale-russkoy-spontannoy-rechi.php>. (In Russ.).

УДК 82'9 ББК 83
DOI 10.24411/1994-2796-2018-11031

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КОМИКСЕ (на примере комикса «Красная фурия»)

Р. Т. Садуов

Бакирский государственный университет, Уфа, Россия

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект «Лингвокультурная и ценностная идентичность в современном российском комиксе»
(№ 17-04-00061)*

Цель настоящего исследования состоит в выявлении положительных и отрицательных векторов этнокультурной стереотипизации в современном российском комиксе «Красная фурия». В результате анализа выявлена роль стереотипизации в восприятии представителей определенных национальностей, а также ее вклад в развитие сюжета комикса и раскрытие его персонажей.

Ключевые слова: комикс, Bubble, Красная фурия, этнокультурный стереотип, автостереотип, гетеростереотип.

Вступление

Настоящая статья посвящена исследованию современного российского комикса — нового культурного явления. «Новым» тем не менее данный жанр литературы можно назвать с большой натяжкой. Официально в Советском Союзе жанра комикса не было из-за его «примитивности», однако отечественные аналоги были и пользовались популярностью. Более того, комикс имеет глубокие исторические корни. Первым комиксом стало лубочное искусство [31].

Современный российский комикс имел скромную аудиторию — несмотря на наличие некоторого количества поклонников, жанр долго оставался крайне малоизвестным. Ситуацию во многом исправили голливудские экранизации классических североамериканских комиксов, которые вызвали интерес более широкого круга читателей [30]. Это помогло издателям перевести на русский язык и выпустить первые серьезные зарубежные работы, а также начать издавать собственные комиксы в большем объеме.

Безусловным лидером производства комиксов в России является компания Bubble. Любовь к своему делу, амбиции и трудолюбие коллектива привели к появлению целой линейки российских комиксов, которые пользуются все большей популярностью среди читателей. За шесть лет существования компания выпустила более десятка серий комиксов.

Таким образом, на сегодняшний день комикс — это стремительно развивающийся жанр, нацеленный на молодежную аудиторию. Его развитие все больше оказывает влияние на формирование литературных и эстетических предпочтений нового поколения читателей, чем обуславливается актуальность настоящего исследования. При этом под комиксом мы понимаем то, что известный исследователь комиксов Скотт МакКлауд называет «помещенными в определенной последовательности изображениями, которые направлены на то, чтобы передать определенную информацию и/или вызвать эстетический отклик у зрителя» [47. Р. 9].

Материалом настоящего исследования был выбран комикс «Красная фурия» издательства Bubble. Главный персонаж комикса, русская девушка Ника Чайкина, становится членом секретной межправительственной организации «МАК», которая занимается предотвращением военных конфликтов по всему миру. Поисковая группа, в которой состоит Ника, включает в себя представителей разных национальностей: немку Лотту, англичанина Артура, китайца Вана и американца Джошуа. Этническое разнообразие состава добавляет остроты сюжетному повествованию и делает образы главных героев более разнообразными. Особенности материала исследования определяют цель настоящей работы.

Цель исследования

Представляется, что упомянутый выше комикс «Красная фурия» является примером произведения, которое содержит значительное количество этностереотипов о представителях различных национальностей — действующих лиц комикса. Соответственно, цель данной работы состоит в том, чтобы исследовать положительные и отрицательные векторы этнокультурной стереотипизации в комиксе «Красная фурия». Исследование отвечает на вопрос о том, какие этнокультурные стереотипы использованы в комиксе и какую роль они играют в развитии сюжета и восприятии комикса читателем.

Этнокультурные стереотипы в комиксе

Стереотипы находятся в центре исследовательского интереса на протяжении долгого времени. В то же время, как и многие понятия и концепции лингвистики, данный термин не получил единой трактовки. С точки зрения наук о человеке, стереотип можно назвать результатом деятельности центральной нервной системы, которая пытается «сэкономить» на когнитивных усилиях за счет стереотипизации, то есть усреднения и наложения шаблонов на окружающую действительность. Нейрофизиологами установлен факт, что головной мозг в обычном состоянии «игнорирует большую часть визуальной информации, собранной с помощью зрения, <...> он отсеивает ту информацию, которую считает излишней», и воспринимает только ту, которая ему необходима [44. Р. 2—3]. Аналогичной точки зрения придерживается О. Г. Почепцов: «Иными словами, отражению подвергается не мир в целом, а лишь его пики, то есть те его составляющие» [37. С. 111]. Лингвисты полагают, что «в основе стереотипов лежат познавательные функции, они неотделимы от механизмов, при помощи которых человеческий разум постигает и категоризирует действительность» [29. С. 110]. В этом смысле стереотипы выполняют важную «функцию экономии мышления» [27. С. 36].

Одним из первых понятие «стереотип» использовал У. Липпман и определил его как «распространенное с помощью языка или образа в определенных социальных группах устойчивое представление о фактах действительности, приводящее к весьма упрощенным преувеличенным оценкам и суждениям со стороны индивидов» [46]. Ю. Е. Прохоров понимает стереотип как «мы-стереотип» и «не-мы-стереотип», то есть

как средство определения индивида в роли представителя того или иного социокультурного общества [38. С. 68—69]. В. А. Маслова считает, что стереотип — это «такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие данной культуры, а с другой — проявить себя среди своих и одновременно опознать — своего» [34. С. 110]. Другими словами, стереотип — это хранитель упрощенной информации или образа, который помогает определить «своих» и «чужих». Стереотип также популярен ввиду простоты его использования, потому что он предстает в виде «готового ответа, освобождающего от самостоятельных, напряженных и ответственных решений» [36. С. 192—194].

Этнокультурные стереотипы, как разновидность стереотипов, — это «естественные составные элементы национального сознания, своего рода “коллективные представления” одной нации о другой / о самой себе» [42]. Интерес к этническим стереотипам связан с их «отчетливостью, рельефностью, практической значимостью и актуальностью» [27. С. 42]. Как считает О. Р. Жерновая, своим появлением они обязаны «межкультурным или межэтническим контактам, когда выявляются наиболее типичные черты, характерные для того или иного народа или культуры» [29. С. 112]. Именно благодаря им складываются обобщенные представления о характеристиках какого-либо этноса.

Э. П. Чакалова считает, что этнокультурные стереотипы выполняют несколько функций: объясняют человеческие поступки, позволяют предвидеть различные формы поведения коммуникантов, формируют основы собственного поведения и т. д. [41. С. 390]. При этом С. Г. Тер-Минасова выделяет в рамках понятия этнокультурного стереотипа две разновидности: автостереотип и гетеростереотип. Первый помогает выразить отношение к собственному народу и его культуре, в то время как второй представляет собой обобщенные взгляды на иные культуры и народы [39].

В настоящем исследовании мы опираемся на понимание этнокультурного стереотипа как нейтрального понятия о «картинках мира», сложившихся в отношении представителей разных национальностей / этнических групп. Мы предполагаем, что в исследуемом комиксе стереотип играет важную роль и помогает сформировать образы персонажей. Более того, поскольку комикс представляет собой поликодовый текст

(сочетающий в себе несколько семиотических систем), он дает возможность выражать стереотипные представления о героях не только через текст, но и через изображение, что усиливает эстетический эффект.

Мы также считаем, что стереотип сам по себе нейтрален, однако может играть как отрицательную, так и положительную роль. Можно сказать, что «стереотипы — положительные, отрицательные, нейтральные — регулируют взаимодействие коммуникантов как при межкультурном общении... так и при внутрикультурном общении» [28. С. 25].

Этнокультурные стереотипы в комиксе «Красная фурия»

Сюжет комикса «Красная фурия», где основные персонажи являются представителями самых разных национальностей, больше чем любые иные комиксы компании Bubble подходит для анализа этнокультурных стереотипов. Даже при поверхностном чтении можно выделить маркеры, которые позволяют говорить о наличии стереотипных установок в отношении различных национальностей. В этой связи представляется возможным проиллюстрировать этнокультурные стереотипы на примере персонажей комикса, распределенных по признаку этнической принадлежности.

Стереотипы о русских

Россия — огромная страна, которая всегда играла значительную роль в мировой политике и культуре, ввиду чего существует большое количество как авто-, так и гетеростереотипов о русском народе. Так, например, считается, что «русские склонны негодовать по поводу политической, экономической и социальной обстановки в стране, но, по большому счету, терпеть и бездействовать» [45. С. 1264]. При этом «сами себя русские считают доброжелательными, дружелюбными, гостеприимными и искренними людьми» [Ibid.]. Этот автостереотип в совокупности с «комплексом положительных характеристик» [27. С. 46] в полной мере отражен в образе Ники Чайкиной, главной героине комикса.

Круглая сирота и в прошлом талантливая волевая, Ника становится членом секретной организации «МАК» и использует свои навыки на благо мира и спокойствия. На протяжении комикса ее характер раскрывается во взаимоотношениях с коллегами и друзьями, а также посред-

ством ее действий. Несмотря на темное прошлое, главная героиня показана исключительно с положительной стороны. Наиболее яркими чертами ее характера являются милосердие, что подтверждается примерами из комикса, и чувство жалости, которое также причисляется к списку стереотипов о русских [33]. Так, например, несмотря на род деятельности, Ника всегда проявляет названные качества даже по отношению к самому жестокому противнику: «Он не виноват, что его сотворили чудовищем...» [6. С. 18], причем авторы демонстрируют принципиальность данной позиции главной героини [21. С. 19]. Нике сложно видеть несправедливость мира, и это заставляет ее бежать от жестокости: «Теперь все осталось в прошлом... Я больше не могу смотреть, как гибнут невинные люди» [17. С. 9].

Кроме этого, Ника всегда готова прийти на помощь ближнему. Выполняя задание в пустыне, она упрямится коллег оказать помощь местному племени: «Лотта, посмотри на этих бедняг... Они до смерти напуганы... Кто, если не мы?» [9. С. 5]. Точно так же она обещает помочь ребенку, чьи родители погибли по вине ее коллег: «Я сделаю все возможное для этого ребенка. Клянусь» [19. С. 10].

Ника предана своим друзьям. Даже уйдя из агентства «МАК», она жалеет об этом только из-за своих друзей: «Может, я все-таки зря ушла из агентства?... Ведь именно там у меня впервые появились друзья...» [17. С. 10]. В то же время она умеет быть благодарной: «Об этой услуге меня попросили не сотрудники “МАК”, а агент Дельта лично... А я обязана ему новой жизнью» [19. С. 3].

Несмотря на свои умения и навыки, Ника — очень хрупкий и ранимый человек. Она глубоко переживает, что выросла без родителей [12. С. 11], долго не может прийти в себя после смерти товарища, остро реагирует на предательство любимого человека [19. С. 4]. В некоторых ситуациях Ника предстает идеалисткой: «...ты, без всяких сомнений, чистое зло, и ты будешь повержен» [26. С. 28].

С другой стороны, комикс актуализирует еще два стереотипа о русских — непредсказуемость и сумасбродство [27. С. 45]. Комментируя действия Ники, ее американский коллега с восхищением восклицает: «Ника, ты просто сумасшедшая» [18. С. 28]. Несмотря на то что некоторыми этническими группами (например, немцами или англичанами), привыкшими к дисциплине, данные черты характера воспринимаются как

негативные, в комиксе они представлены скорее как положительные.

Дополнительным штрихом к образу Ники служит ее любознательность и неподдельный интерес ко всему новому. Так, на отдыхе в Азии ей необходимо сходить на местный базар, а в Берлине она готова целый день провести, посещая достопримечательности: «Вы же в Берлине, ау! Тут достопримечательности на каждом шагу!» [12. С. 4].

Помимо Ники в комиксе присутствуют несколько других русских персонажей, а именно полковник Петр Коваленко, один из сотрудников агентства, где работает Ника, а также Игорь Гром, петербургский полицейский, который по воле случая оказывается участником спецоперации, проводимой поисковой группой Ники Чайкиной. Несмотря на эпизодические роли, Коваленко и Гром получают положительные характеристики.

Отличительными чертами Коваленко являются его воинская доблесть, мужество, принципиальность и верность идеалам. Его военные способности признает и высоко ценит начальство: «Вы большой молодец, полковник... Вам удалось отстоять крепость, сражаясь с противником, который в несколько раз превосходил Вас по численности...» [16. С. 3]. Даже противники Коваленко вынуждены проявлять уважение к нему: «Ты сражался достойно... Но теперь ты умрешь» [Там же. С. 6]. Коваленко не только хороший солдат, но и отличный командир, который умеет держать подчиненных в строгости. С другой стороны, он всегда думает о своих людях: «Да тут такое дело... ребята мои грустить начали. Шутка ли, полгода солнца не видеть!» [13. С. 6]. Даже получив тяжелое ранение, он не забывает о субординации, а на похвалу руководства отвечает коротко: «Рад стараться!» [16. С. 3].

Игорь Гром также демонстрирует мужество и смелость, однако его важнейшими чертами в комиксе выступают милосердие и умение прощать. Его личностные качества резюмирует Ника Чайкина, когда Гром оставляет в живых своего злейшего врага: «Ты добрый и чистый человек... ты никогда не пойдешь на убийство, потому что ты не убийца и никогда им не будешь» [22. С. 18].

Стереотипы об американцах

Самым ярким представителем американской нации в комиксе является Джошуа Донато, один из членов поисковой группы «МАК», где работает Ника Чайкина. Об американской нации существ-

вует множество стереотипов. Считается, например, что американцы любят прогресс [27. С. 45]. И. С. Кон указывает на центральную черту характера американцев — прагматичность [32]. Тем не менее представляется, что самой яркой чертой Джошуа в данном комиксе является его простота, граничащая с невежеством, что также отмечается исследователями как стереотипная черта американцев. Так, согласно примеру О. Р. Жерновой, жители Соединенных Штатов плохо ориентируются в том, что находится за пределами их страны [29. С. 111]. Данный стереотип обыгрывается в нескольких ситуациях комикса для создания комического эффекта. Один из самых ярких примеров представляет собой диалог между Джошуа и китайцем Ваном. Очевидно, что Джошуа совсем не ориентируется в том, что находится за пределами его собственной страны:

Джошуа: Это же обычное землетрясение, у вас в Токио такие по два раза на дню случаются!

Ван: Сколько раз повторять?! Токио — это Япония! А я — китаец!

Джошуа: Прости, дружище! Перепутал, каюсь. А что, у вас в КНДР землетрясений вообще не бывает?

Ван: Ты издеваешься?! КНДР — это Корея! А я — из КНР!

Джошуа: А в чем разница? [14. С. 5—6].

Исследователями также отмечается, что доминантные группы, к числу которых американцы себя, безусловно, относят, могут создавать стереотипное отношение к «нижестоящим этническим группам» [27. С. 105]. На примере Джошуа Донато это выражается в часто пренебрежительном отношении к слаборазвитым странам: «А что еще можно делать... в стране третьего мира» [7. С. 4]. В некоторых случаях снисхождение принимает еще более яркие очертания: «Будем надеяться... Не хотелось бы перестрелять древнее племя, занесенное в Красную книгу» [8. С. 5]. В последнем примере древнее племя имплицитно сравнивается с редкими животными.

Помимо этого, на протяжении комикса бросается в глаза снисходительно-пренебрежительное отношение Джошуа к некоторым служебным обязанностям. Так, на вопрос Ники Чайкиной о том, слушал ли он брифинг, Джошуа отвечает: «Смеешься что ли? У меня были дела поважнее — я спал... Все эти задания одинаковы» [3. С. 10]. Кроме того, он крайне неповоротлив и не ловок с ценными вещами: «Ну прям как слон в посудной лавке» [23. С. 4].

Необходимо отметить, что при всем при этом образ Джошуа сложно назвать отрицательным. Ему присущи такие качества, как безрассудная смелость [9. С. 21] и самоотверженность, когда Джошуа даже готов погибнуть ради друзей [5. С. 25]. Он всегда найдет слова поддержки в трудную минуту: «Все будет хорошо. Там, где не справишься ты, приду на помощь я, или Артур, или Лотта. Мы — команда» [24. С. 13]. Так же как и Ника Чайкина, он способен испытывать угрызения совести: «Аксель и Лиза... Смерть этих людей на моих руках, Ника. Я никогда себе этого не прощу» [15. С. 31]. Положительные качества Джошуа, безусловно, превалируют в комиксе и сглаживают стереотипность его восприятия.

Стереотипы об англичанах

Характер и привычки англичан являются объектом многочисленных исследований этнокультурных стереотипов. Им приписывают самоконтроль и холодную сдержанность, уравновешенность, чопорность, надменность и стремление следовать правилам [27. С. 45, 54]. На уравновешенность как центральную черту личности англичан также указывает И. С. Кон [32]. С. Г. Тер-Минасова в то же время полагает, что «в английском обществе более ценятся профессионализм, трудолюбие, ответственность» [39. С. 139—140].

В комиксе «Красная фурия» ярким носителем совокупности стереотипов об англичанах является сэр Артур Хаксли, сотрудник «МАК» и коллега упомянутых выше Ники Чайкиной и Джошуа Донато. По задумке авторов, сэр Артур — потомственный аристократ и англичанин в самом классическом понимании. Его истинно британский характер является важным компонентом полиэтнического фона произведения.

Так, сэр Хаксли подчеркнуто вежлив даже с друзьями — он называет их «на вы» и добавляет «мистер» или «мисс» при каждом обращении: «Браво, мисс Ника! Туше!» [2. С. 8]. Ему удается быть вежливым даже при необходимости сделать нелицеприятное замечание: «Не считите за грубость, леди, но экипировка наших противников вам не к лицу» [4. С. 24].

Как истинный англичанин, Артур отличается спокойствием, выдержкой и характерным взглядом на жизнь. Даже смерть товарища по оружию и близкого друга он воспринимает философски: «Все еще переживаете из-за смерти мистера

Вана? Не стоит. Во-первых, потому что мы все когда-нибудь умрем... А во-вторых, несмотря на свою смерть, мистер Ван всегда будет с нами» [15. С. 26]. Помимо этого, Артур — проницательный и умный собеседник, способный дать хороший совет в нужное время: «Я вижу, что вы сильно переживаете, но не все ваши переживания связаны со смертью нашего друга. Есть еще одна причина... И я советую вам разобраться с ней в первую очередь» [15. С. 26].

Образ интеллектуала дополняется тем, что в часы досуга Артур чаще всего изображен с книгой в руках, а его познания простираются до самых разных областей, включая, например, животный мир. Причем демонстрируя интеллект, Артур непременно облакает свои знания в форму обязательного для запоминания факта: «Элементарно, мисс Лотта!.. Самки гиппопотамов с особой яростью защищают своих детенышей от любой опасности, разве вы не знали?» [11. С. 5]. Кроме того, Артур обладает навыками врачевания и всегда имеет при себе простейшие средства оказания первой помощи: «Мисс Ника, будьте так добры, продезинфицируйте рану» [10. С. 8].

Сэр Артур имеет множество хобби, типичных для английской знати: он умеет боксировать, занимается разведением всевозможных растений, превосходно готовит. Наибольшее предпочтение, впрочем, он отдает охоте: «Знаете, как-то раз мой прадед сэр Хэвлок Хаксли подстрелил четырех свирепых тигров... Я всегда мечтал побить его рекорд» [9. С. 15—16].

У Хаксли своеобразный британский юмор, и он любит подшучивать над гораздо менее образованным американским коллегой, о чем свидетельствует диалог с Джошуа и руководителем поисковой группы агентом Дельта:

Агент Дельта: Сейчас не время для шуток, мистер Донато.

Артур: Джентльмен всегда найдет время для хорошей шутки.

Джошуа: Спасибо за поддержку.

Артур: Я говорил о джентльменах. [2. С. 2]

Типично английское снисхождение также сквозит в отдельных высказываниях и комментариях Хаксли. Когда его коллега упомянул, что после проигрыша Германии во Второй мировой войне Танзания перешла под покровительство Англии, которая предоставила ей независимость, сэр Артур лишь коротко отметил, не отрываясь от книги: «Можете не благодарить» [8. С. 4].

Стереотипы о немцах

Немцам приписывают такие качества, как аккуратность и любовь к порядку и точности [27. С. 45]. На пунктуальность в характере немцев указывает И. С. Кон [32], в то время как МакИвер подчеркивает важность понятия Ordnung (порядок) как центрального для этностереотипа о немцах [48. С. 185]. К данным характеристикам также примыкают прямолинейность, высокомерие, бюрократизм, следование правилам и предписаниям [27. С. 47].

Перечисленные стереотипы, в частности любовь к порядку и дисциплина, воплощены в образах Хельги и Лотты Лемке. Обе сестры посвятили жизнь военной службе и являются образцами дисциплины и выправки [3. С. 6—8]. Потеря боевого товарища способна еще больше подстегнуть стремление Лотты к самосовершенствованию: «...я буду тренироваться столько, сколько необходимо... для того чтобы выжить, в любых условиях, при любых обстоятельствах» [15. С. 22].

В известном эксперименте Дэниэла Каца и Кеннета Брейли 30-х годов прошлого века, где испытуемым было дано задание оценить различные этнические группы по качествам характера, 78 % указали, что немцы способны к наукам [43]. Это отчасти подтверждается и известной шуткой о том, что «рай там, где... механики — немцы...» [27. С. 46]. Также немцам приписывается трудолюбие и упорство [Там же. С. 54]. Все эти характеристики воплощены в образе Рихарда Риппе, главного злодея, но в то же время выдающегося ученого [40. С. 6], который использует свой талант и трудолюбие для того, чтобы добиться желаемого.

С другой стороны, в комиксе есть и отсылка к более миролюбивому времяпрепровождению немцев. Так, например, во втором выпуске авторы комикса актуализируют «любовь к пиву» [27. С. 47] немецкого народа.

Стереотипы о китайцах

«Красная фурия» содержит крайне мало стереотипов о китайцах. Единственным представителем данного этноса в комиксе является Ван — компьютерный гений, выпускник престижных университетов. Тем не менее в его образе реализуется лишь один стереотип о китайцах — любовь к фотографированию [3. С. 9]. Еще один стереотип о китайцах как о знатоках восточных единоборств он разрушает: «По-твоему, все китайцы владеют кунг-фу? Я учился в Йеле и в Гарварде, а не в Шаолине» [2. С. 10].

Помимо этого, в комиксе присутствует стереотип о том, что Китай — это страна, где все ломается ввиду низкого качества продукции и услуг: «Я могу ненадолго отключить электричество во всем здании, симитировав выбитые пробки — тут такое часто бывает, это же Китай» [1. С. 11].

Выводы

Современный российский комикс представляет собой актуальное исследовательское поле, где можно найти богатый материал с точки зрения лингвистики, литературоведения и междисциплинарных исследований. В данной статье мы обратились к этнокультурным стереотипам в популярном комиксе «Красная фурия» флагмана российской комикс-индустрии издательства Bubble. Цель состояла в исследовании положительных и отрицательных векторов этнокультурной стереотипизации в комиксе. По результатам анализа ключевые положения работы можно изложить следующим образом:

1. Комикс «Красная фурия» пронизан этническими стереотипами, что предопределяется сюжетом комикса, согласно которому главные герои принадлежат к различным этносам.

2. Стереотипы о русских выражаются посредством описания трех персонажей. Наиболее яркие из стереотипов — это милосердие, доброта, жалостливость, сострадание, желание помогать, верность дружбе, умение быть благодарным, непредсказуемость, но вместе с тем мужество и благородство.

3. Стереотипы об американцах несколько менее позитивны. Образ Джошуа, посредством которого происходит трансляция стереотипа, соткан из представлений о ленивом, недалеком и необразованном, невнимательном к деталям и несобранном человеке, который несколько пренебрежительно относится к менее развитым этносам. С другой стороны, подчеркиваются такие качества Джошуа, как честность, смелость, самоотверженность, умение сопереживать и остро испытывать чувство вины, что сглаживает негативное восприятие образа.

4. Стереотипы об англичанах находят яркое воплощение в образе «типичного англичанина» сэра Артура Хаксли — сдержанного, вежливого и несколько высокомерно-чопорного. Сэр Хаксли умен, образован, придерживается философских взглядов на жизнь и смерть, он заядлый охотник и кулинар.

5. Стереотипы о немцах держатся на милитаристских образах Лотты и Хельги, демонстрирующих любовь к порядку и дисциплине. Типичное представление о немецкой нации как о нации ученых складывается на основании образа Рихарда Риппе.

6. Стереотипы о китайцах крайне малочисленны и не выходят за рамки представления о стране, где выпускают низкокачественную продукцию.

7. Векторы этнической стереотипизации в комиксе направлены в сторону положительного, что подразумевает превалирование позитивных характеристик национальностей над негативными.

Последнее положение представляется особенно важным. Безусловно, этнические стереотипы бывают как положительными, так и отрицательными. Так, Джордж Оруэлл говорит о лицемерии англичан [35], а Н. О. Лосский — о жестокости русских [33]. Тем не менее в комиксе данные

характеристики не находят отражения или же сглаживаются. Несмотря на то что не все характеристики американца Джошуа можно назвать положительными, а главный злодей в комиксе принадлежит к немецкому этносу, восприятие этносов в комиксе остается положительным и их стереотипизацию можно охарактеризовать преимущественно со знаком «плюс».

В перспективе исследование может быть расширено до анализа всех комиксов издательства Bubble, а также других популярных русскоязычных комиксов. Интерес в данном случае представляет задача по выявлению преобладающего автостереотипа о России и его месте в культурном многообразии мира. В совокупности с прочими языковыми маркерами, такими как прецедентные феномены, лексико-стилистические характеристики, тематический состав комиксов, автостереотип поможет нарисовать картину мира современной молодежи, поскольку в России комикс создается молодыми людьми для людей их же возраста.

Список литературы

1. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 1, вып. 001 / А. Габрелянов, С. Волков. — М. : Bubble. — 33 с.
2. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 1, вып. 002 / А. Габрелянов, С. Волков. — М. : Bubble. — 25 с.
3. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 1, вып. 003 / А. Габрелянов, С. Волков. — М. : Bubble. — 25 с.
4. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 1, вып. 005 / А. Габрелянов, И. Скороходов. — М. : Bubble. — 25 с.
5. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 1, вып. 007 / А. Габрелянов, С. Волков. — М. : Bubble. — 31 с.
6. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 2, вып. 009 / А. Габрелянов, С. Волков. — М. : Bubble. — 32 с.
7. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 2, вып. 010 / А. Габрелянов, С. Волков. — М. : Bubble. — 50 с.
8. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 2, вып. 011 / А. Габрелянов, И. Скороходов. — М. : Bubble. — 23 с.
9. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 2, вып. 012 / А. Габрелянов, И. Скороходов. — М. : Bubble. — 25 с.
10. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 2, вып. 013 / А. Габрелянов, С. Волков. — М. : Bubble. — 24 с.
11. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 2, вып. 014 / А. Габрелянов, И. Скороходов. — М. : Bubble. — 28 с.
12. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 2, вып. 015 / А. Габрелянов. — М. : Bubble. — 31 с.
13. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 3, вып. 016 / А. Габрелянов. — М. : Bubble. — 39 с.
14. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 3, вып. 017 / А. Габрелянов. — М. : Bubble. — 26 с.
15. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 4, вып. 023 / А. Габрелянов. — М. : Bubble. — 33 с.
16. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 4, вып. 024 / А. Габрелянов. — М. : Bubble. — 23 с.
17. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 5, вып. 025 / А. Габрелянов. — М. : Bubble. — 22 с.
18. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 5, вып. 028 / А. Габрелянов. — М. : Bubble. — 30 с.
19. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 5, вып. 030 / А. Габрелянов. — М. : Bubble. — 23 с.
20. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 6, вып. 035 / А. Габрелянов, И. Худаев. — М. : Bubble. — 23 с.
21. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 7, вып. 039 / А. Габрелянов, И. Скороходов. — М. : Bubble. — 23 с.
22. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 7, вып. 040 / А. Габрелянов. — М. : Bubble. — 19 с.
23. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 9, вып. 046 / А. Габрелянов. — М. : Bubble. — 29 с.
24. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 9, вып. 047 / А. Габрелянов. — М. : Bubble. — 34 с.
25. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 9, вып. 049 / А. Габрелянов. — М. : Bubble. — 32 с.
26. Габрелянов, А. Красная фурия. Кн. 9, вып. 050 / А. Габрелянов. — М. : Bubble. — 33 с.
27. Горшунова, Е. Ю. Межкультурная коммуникация, этнические стереотипы и ярлыки англоговорящего сообщества : учеб. пособие / Е. Ю. Горшунова, Ю. В. Горшунов. — М. : Проспект, 2015. — 116 с.

28. Гришаева, Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. — 4-е изд. — М. : Академия, 2007. — 336 с.
29. Жерновая, О. Р. Этнокультурные стереотипы как отражение меняющейся культурной и политической действительности общества / О. Р. Жерновая // Полит. лингвистика. — 2010. — № 2 (32). — С. 109—113.
30. Иванов, М. Как делают и продают комиксы в России: интервью с Артемом Габреляновым [Электронный ресурс] / М. Иванов // Канобу: электрон. журн. — 2014. — 11 мая. — URL: <https://kanobu.ru/articles/kak-delayut-i-prodayut-komiksyi-v-rossii-intervyu-s-artemom-gabrelyanovyim-368212/> (дата обращения 18.12.2017).
31. Колгарев, И. Комиксы могут быть серьезными [Электронный ресурс] / И. Колгарев // До и после Рождества Христова : газета. — 2007. — № 3 (30). — URL: <http://www.doposle.ru/?id=1618> (дата обращения 18.12.2017).
32. Кон, И. С. К проблеме национального характера / И. С. Кон // История и психология / под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой. — М., 1971. — С. 122—158.
33. Лосский, Н. О. Характер русского народа / Н. О. Лосский. — Париж, 1957.
34. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. — М. : Академия, 2001.
35. Оруэлл, Дж. «1984» и эссе разных лет / Дж. Оруэлл. — М. : Прогресс, 1958.
36. Парыгин, Б. Д. Анатомия общения / Б. Д. Парыгин. — СПб. : Изд-во В. А. Михайлова, 1999. — 301 с.
37. Почепцов, О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О. Г. Почепцов // Вопр. языкознания. — 1990. — № 6. — С. 110—123.
38. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. — М. : ЛКИ, 2008. — 224 с.
39. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — М. : Слово, 2008. — 624 с.
40. Худаев, И. Красная фурия. Кн. 6, вып. 033 / И. Худаев. — М. : Bubble. — 31 с.
41. Чакалова, Э. П. Национальная специфика языковой картины мира / Э. П. Чакалова // Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения : материалы 4-й межвуз. конф. молодых ученых. — Краснодар, 2005.
42. Чугров, С. В. Идеологемы и внешнеполитическое сознание / С. В. Чугров // Мировая экономика и междунар. отношения. — 1993. — № 2. — С. 38—49.
43. Katz, D. Racial Stereotypes of one hundred College Students / D. Katz, K. Braly // J. of Abnormal and Soc. Psychology. — 1933. — No. 28. — P. 280—290.
44. Krages, B. P. Photography: the art of composition / B. P. Krages. — New York : Allworth Press, 2005. — 256 p.
45. Liyun, G. Role of Interethnic Stereotypes in Intercultural Communication / G. Liyun. / European Researcher. — 2014. — Vol. (78), no. 7-1. — P. 1263—1267.
46. Lippmann, W. Public Opinion / W. Lippmann. — New York : Macmillan, 1954.
47. McCloud, S. Understanding Comics: The Invisible Art / S. McCloud. — New York : HarperPerennial, 1994. — 224 p.
48. McIver, W. J. Deutsche Kultur, amerikanisch betrachtet / W. J. McIver. — Berlin, 1978.

Сведения об авторе

Садуов Руслан Талгатович — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии, Башкирский государственный университет. Уфа, Россия. ruslan.saduov@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 215—224.

ETHNIC STEREOTYPES IN CONTEMPORARY RUSSIAN COMICS (Case Study of “Red Fury”)

R.T. Saduov

Bashkir State University, Ufa, Russia. Ruslan.Saduov@gmail.com

The present research is aimed at finding the positive and negative vectors of ethnic stereotyping in the comics “Red fury” by famous publishing house Bubble. This comics was selected for the research because its plot brings together characters of various ethnic groups, which shapes the major characters and helps to diversify the comics. Consequently, the main research question is about the role of ethnic stereotypes in the comics and how they are perceived by the readers. It was revealed that the vectors of ethnic stereotyping aim the positive direction meaning the prevalence of positive stereotypical characteristics over the negative ones, and make the comics tolerant while diversifying it. In the future, it seems interesting to analyze other Russian comics to uncover ethnic stereotypes in order to describe the worldview of a typical Russian comics fan.

Keywords: *comics, Bubble, Red Fury, ethnic stereotype, autostereotype, heterostereotype.*

References

1. Gabrelyanov A., Volkov S. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 1, iss. 001. Moscow, Bubble Publ. 33 p. (In Russ.).
2. Gabrelyanov A., Volkov S. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 1, iss. 002. Moscow, Bubble Publ. 25 p. (In Russ.).
3. Gabrelyanov A., Volkov S. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 1, iss. 003. Moscow, Bubble Publ. 25 p. (In Russ.).
4. Gabrelyanov A., Skorokhodov I. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 1, iss. 005. Moscow, Bubble Publ. 25 p. (In Russ.).
5. Gabrelyanov A., Volkov S. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 1, iss. 007. Moscow, Bubble Publ. 31 p. (In Russ.).
6. Gabrelyanov A., Volkov S. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 2, iss. 009. Moscow, Bubble Publ. 32 p. (In Russ.).
7. Gabrelyanov A., Volkov S. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 2, iss. 010. Moscow, Bubble Publ. 50 p. (In Russ.).
8. Gabrelyanov A., Skorokhodov I. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 2, iss. 011. Moscow, Bubble Publ. 23 p. (In Russ.).
9. Gabrelyanov A., Skorokhodov I. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 2, iss. 012. Moscow, Bubble Publ. 25 p. (In Russ.).
10. Gabrelyanov A., Volkov S. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 2, iss. 013. Moscow, Bubble Publ. 24 p. (In Russ.).
11. Gabrelyanov A., Skorokhodov I. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 2, iss. 014. Moscow, Bubble Publ. 28 p. (In Russ.).
12. Gabrelyanov A. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 2, iss. 015. Moscow, Bubble Publ. 31 p. (In Russ.).
13. Gabrelyanov A. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 3, iss. 016. Moscow, Bubble Publ. 39 p. (In Russ.).
14. Gabrelyanov A. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 3, iss. 017. Moscow, Bubble Publ. 26 p. (In Russ.).
15. Gabrelyanov A. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 4, iss. 023. Moscow, Bubble Publ. 33 p. (In Russ.).
16. Gabrelyanov A. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 4, iss. 024. Moscow, Bubble Publ. 23 p. (In Russ.).
17. Gabrelyanov A. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 5, iss. 025. Moscow, Bubble Publ. 22 p. (In Russ.).
18. Gabrelyanov A. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 5, iss. 028. Moscow, Bubble Publ. 30 p. (In Russ.).
19. Gabrelyanov A. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 5, iss. 030. Moscow, Bubble Publ. 23 p. (In Russ.).
20. Gabrelyanov A., Khudaev I. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 6, iss. 035. Moscow, Bubble Publ. 23 p. (In Russ.).

21. Gabrelyanov A., Skorokhodov I. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 7, iss. 039. Moscow, Bubble Publ. 23 p. (In Russ.).
22. Gabrelyanov A. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 7, iss. 040. Moscow, Bubble Publ. 19 p. (In Russ.).
23. Gabrelyanov A. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 9, iss. 046. Moscow, Bubble Publ. 29 p. (In Russ.).
24. Gabrelyanov A. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 9, iss. 047. Moscow, Bubble Publ. 34 p. (In Russ.).
25. Gabrelyanov A. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 9, iss. 049. Moscow, Bubble Publ. 32 p. (In Russ.).
26. Gabrelyanov A. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 9, iss. 050. Moscow, Bubble Publ. 33 p. (In Russ.).
27. Gorshunova Ye.Yu., Gorshunov Yu.Ye. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya, etnicheskiye stereotipy i yarlyki anglogovoryashchego soobshchestva* [Intercultural communication, ethnic stereotypes, and labels in the English-speaking community]. Moscow, 2015. 116 p. (In Russ.).
28. Grishaeva L.I., Tsurikova, L.V. *Vvedeniye v teoriyu mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Introduction to the theory of intercultural communication]. Moscow, 2007. 336 p. (In Russ.).
29. Zhernovaya O.R. Etnokul'turnye stereotipy kak otrazheniye menyayushcheyasya kul'turnoy i politicheskoy deystvitel'nosti obshchestva [Ethnocultural stereotypes as a reflection of the changing cultural and political reality of the society]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2010, no. 2 (32), pp. 109—113. (In Russ.).
30. Ivanov M. Kak delayut i prodavut komiksy v Rossii: interv'yu s Artemom Gabrelyanovym [How comics are made and sold in Russia]. *Kanobu* [Kanobu], 2014. Available at: <https://kanobu.ru/articles/kak-delayut-i-prodavut-komiksyi-v-rossii-intervyu-s-artemom-gabrelyanovym-368212/>, accessed 18.12.2017. (In Russ.).
31. Kolgarev I. Komiksy mogut byt' ser'yoznymi [Comics can be serious]. *Do i posle Rozhdestva Khristova* [Before and after the Nativity], 2007, no. 3 (30). Available at: <http://www.doposle.ru/?id=1618>, accessed 18.12.2017. (In Russ.).
32. Kon I.S. K probleme natsional'nogo kharaktera [Case study of the national character]. *Istoriya i psikhologiya* [History and psychology]. Moscow, 1971. Pp. 122—158. (In Russ.).
33. Losskiy N.O. *Kharakter russkogo naroda* [Character of the Russian people]. Paris, 1957. (In Russ.).
34. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya* [Cultural linguistics]. Moscow, 2001.
35. Oruell Dzh. "1984" i esse raznykh let [1984 and essays of different years]. Moscow, 1958. (In Russ.).
36. Parygin B.D. *Anatomiya obshcheniy* [Anatomy of conversation]. St. Petersburg, 1999. 301 p. (In Russ.).
37. Pocheptsov O.G. Yazykovaya mental'nost': sposob predstavleniya mira [Language mentality: ways of seeing the world]. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of Linguistics], 1990, no. 6, pp. 110—123. (In Russ.).
38. Prokhorov Yu.Ye. *Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev* [National sociocultural stereotypes of conversation and their role in teaching Russian language to foreigners]. Moscow, 2008. 224 p. (In Russ.).
39. Ter-Minasova S.G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow, 2008. 624 p. (In Russ.).
40. Khudaev I. *Krasnaya furiya* [Red Fury]. Book 6, iss. 033. Moscow, Bubble Publ. 31 p. (In Russ.).
41. Chakalova E.P. Natsional'naya spetsifika yazykovoy kartiny mira [National specificity of the language worldview]. *Aktual'nye problemy sovremennogo yazykoznaniya i literaturovedeniya* [Pressing issues of the contemporary linguistics and literature studies]. Krasnodar, 2005. (In Russ.).
42. Chugrov S.V. Ideologemy i vneshnepoliticheskoye soznaniye [Ideologemes and external political views]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relationships], 1993, no. 2, pp. 38—49. (In Russ.).
43. Katz D., Braly K. Racial Stereotypes of one hundred College Students. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1933, no. 28, pp. 280—290.
44. Krages B.P. *Photography: the art of composition*. New York, Allworth Press. 2005. 256 p.
45. Liyun G. Role of Interethnic Stereotypes in Intercultural Communication. *European Researcher*, 2014, vol. (78), no. 7-1, pp. 1263—1267.
46. Lippmann W. *Public Opinion*. New York, Macmillan, 1954.
47. McCloud, S. *Understanding Comics: The Invisible Art*. New York, HarperPerennial, 1994. 224 p.
48. McIver W.J. *Deutsche Kul'tur, amerikanisch betrachtet*. Berlin, 1978.

ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ — НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

С. И. Симакова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00007)

Визуальный поворот является одним из важных элементов культурно-философского представления о зрительном образе в различных направлениях актуальной гуманитарной науки, включая науку о журналистике. В статье представлен анализ визуального контента веб-сайта современного общественно-политического СМИ — исследуется специфика визуального контента материалов, освещающих трагические события на страницах современных СМИ. Осуществлен синтез теории визуального поворота и практики анализа медиадействительности — в этом заключается новизна выполненного исследования. Методология работы носит комплексный характер и нацелена на глубинное и панорамное осмысление эмпирического материала.

Ключевые слова: *визуальный поворот, визуальный контент, массмедиа, медиаэстетика, медиадействительность, АиФ.*

Введение

Символом цивилизации, в которой приходится существовать современному человеку, можно, безо всяких сомнений и преувеличений, считать визуальный образ. Тотально, абсолютно и радикально визуализируют актуальную реальность развитие экранной культуры (с постоянным увеличением каналов дистрибуции визуального содержания — кино, телевидение, Интернет), становление культа зрелищ, с его «иконами» и «идолами» (наиболее яркие проявления которого можно наблюдать в шоу-бизнесе, спорте больших достижений и пр.), формирование консюмеризма, революционизировавшего рекламный рынок (наводнившего его образной продукцией и расширившего сферы ее присутствия), научно-технический прогресс (с взрывообразным количеством гаджетов, повсеместно сопровождающих нашу жизнь, и экстремально быстрым повышением качества предоставляемых ими услуг). Как итог, нравится нам это или нет, но мы живем в эпоху господства визуальности.

Сегодняшний медиапотребитель привык жить не просто в мире визуальных образов, но в первую очередь в мире ужасающих образов катастрофической действительности, в которой ежедневно совершаются теракты, происходят военные преступления и техногенные катастрофы. И теория визуального поворота способна создать методологическую базу для анализа визуального контента доминирующих в актуальной медиа-

сфере публикаций, посвященных трагическим событиям современности. В качестве примера одного из подобных инфоповодов мы выбрали драматический эпизод насущной действительности — пожар в кемеровском ТРЦ «Зимняя вишня», произошедший 25—26 марта 2018 года и унесший множество человеческих (и что особенно страшно — детских) жизней.

Проанализировав научные труды, посвященные исследованию визуального образа в медиа, мы отмечаем, что в науке практически не предпринимается попыток применения теории визуального поворота к анализу актуальной медиапрактики, связанной с оперативным освещением трагических событий. Научная новизна нашей работы состоит в предпринятом синтезе теорий визуального поворота и практики анализа актуальной медиадействительности, в частности визуального контента публикаций, освещающих трагические события в современной реальности.

В процессе работы нами использовались такие специальные методы исследования, как структурно-типологический, структурно-семиотический, культурно-исторический, метод контент-анализа. Также широко применялись общенаучные методы исследования: анализ, синтез, описание, наблюдение, сравнение, обобщение и т. д. То есть методология работы носит комплексный характер и нацелена на глубинное и панорамное осмысление эмпирического материала.

Визуальный поворот: метаморфозы социального, культурного, философского

Визуальные образы начинают формировать наше мировосприятие с момента прихода в этот мир, с первых попыток атрибутирования окружающего пространства (особенно если речь идет о мегаполисах), с первого включения компьютера или телевизора. Визуальное восприятие становится доминантным способом познания мира. В. Кинцанс отмечает, что «современная культура переживает своеобразный визуальный ренессанс», а «видению, зрению и визуальности придается большее значение, чем другим способностям», при этом автор акцентирует внимание на том факте, что «подчеркивание принципиальной значимости визуального аспекта — это своеобразная манифестация ценностей современного западного общества, которая связана с изменениями в социально-экономической структуре общества» [6. С. 30].

Визуальное определяет жизненную среду современного человека, который становится и объектом воздействия образов (новости, реклама, оформление городских улиц, дизайн помещений) и субъектом их постоянного производства (например, в социальных сетях, где среднестатистический обыватель ежедневно постит фотографии, видео, мемы, графику и пр.). Образное определяет наш стиль жизни (манеру одеваться, устраивать быт, локации для отдыха и пр.) и вырабатывает критерии оценки образа жизни окружающих.

Как отмечает российский философ и религиовед С. С. Аванесов, «диагностика культурных сдвигов и прогностика формирующихся социокультурных и антропологических трендов теперь уже невозможны без опоры на аналитику визуальности» [1. С. 13]. В результате одной из центральных категорий современной философии становится метафора «визуального поворота».

Нужно отметить, что «восходящая к Хайдеггеру и Рорти метафора поворота используется для обозначения сверхзначимости результатов и легитимации философского статуса исследований в определенной области» [11. С. 29]. При этом популярность данного термина столь высока, что он является своеобразной рамкой, сквозь призму которой описываются кардинальные сдвиги в философском мышлении, связанные с поиском отправных точек философского анализа. Так, В. В. Савчук отмечает: «В современной философии мы без труда обнаружим различные повороты: онтологический, лингвистический,

иконический, теологический, перформативный, медиальный, антропологический, риторический, нарративный, пространственный. Их число растет» [8. С. 93].

Казалось, язык, став основным репрезентантом реальности и способом ее декодирования, достиг наивысшего могущества. Однако уже в прошлом веке в гуманитарных дисциплинах начинается постепенное смещение исследовательского интереса от вербальной информации к визуально-образной. Постепенно становится очевидным, что механизмом опосредования сущего может быть не только язык, но и множество других репрезентаций, в том числе зрительный образ. Нарративы сдают свои позиции. Формируется новая модель культуры, ассоциированная с визуальностью, во многом антагонистичная культуре вербальной.

Наиболее наглядно эти тезисы подтверждает потеря языком как средством коммуникации части своих позиций. Сегодня письменные тексты становятся все короче, уступая место фото и видео, выложенному в сеть. «Письменная и устная речь в традиционном их понимании используется все меньше и меньше. Зачастую к фотографиям и видеоматериалам даже не создаются надписи, а юмор не рассказывается и не пересказывается, а просто указывается ссылка на соответствующий ресурс. ...Производители телефонов, планшетов, ноутбуков с каждой новой моделью совершенствуют видеокамеры своих устройств» [3. С. 134].

Трансформации реальности опосредуют изменения в восприятии, познании мира, способах мышления и самопознания, по-новому расставляют акценты в философствовании, изменяют саму философию. Визуальность, пришедшая на смену текстоцентризму в философском дискурсе, актуализирует понятие «визуального поворота».

Значение визуального поворота можно раскрыть наиболее полно, обратившись к мнениям исследователей, предлагавших многочисленные трактовки данного понятия. В частности, отечественный философ и аналитик изобразительного искусства В. В. Савчук писал, что визуальный поворот «смещает фокус внимания с того, что образ представляет помимо себя, или, если хотите, через себя, на то, что он представляет из себя. Иными словами, что есть сам образ, каковы его структура, конструкция, механизмы возникновения и условия существования, какие концепты лежат в основании репрезентации видимого?» [8. С. 98].

А. С. Реутов в своем диссертационном исследовании констатировал, что «суть визуального поворота заключается в основополагающей роли визуального образа в конструировании реальности и повышающегося теоретического интереса к последней» [7. С. 23]. При этом важно понимать: «то, что современная культура характеризуется как визуальная, не значит, что она продуцирует и использует одни лишь видимые элементы, а коммуникация строится посредством оптической связи. Это значит лишь то, что основная коммуникативная единица выражена визуальным образом и является оппозиционной по отношению к текстуальной культуре с ее словом» [Там же. С. 16].

Важно понимать, что поворот к визуальности в культуре, социологии, философии был длительным процессом. При этом сначала визуализировалась культура, и уже потом в процесс осмысления образа включились философия и наука. Т. Ю. Казарина, опираясь на исследования О. В. Беззубовой, рассматривает несколько этапов истории научного осмысления поворота в мировом визуальном опыте: «первый этап — начало 70-х годов XX века: преодоление традиции классического искусствознания и отвержение онтологических оснований эстетической теории; второй этап — начало 80-х годов XX века: заимствование новейших достижений наук о языке и литературоведении, семиотизация визуальной культуры; третий этап — 90-е годы XX века — «пикториальный поворот» (осмысление образа как единого целого, отказ от противопоставления медиума и значения; критика доминирования визуального опыта в европейской культуре Нового времени)» [5. С. 118—119]. Далее исследователь отмечает, что процесс формирования культуры визуальности еще не завершен и дополняет типологию Беззубовой, включая в нее четвертый этап — «первое десятилетие XXI века — “визуальный поворот” (дальнейшее осмысление соотношения реального и нереального (симулятивного, виртуального и т. д.); проникновение западной визуальной культуры в “не-западную культуру”)» [5. С. 119]. Наверняка и этот этап не станет последним.

Образ в массмедиа

Особенно велика роль образа в сфере современных коммуникаций и массмедиа. Визуализация средств массовой информации в эпоху дигитализации и конвергенции приводит к изменению основополагающих характеристик медиапродук-

та, среди которых зрелищность, наглядность, образность становятся ведущими. Визуализация не только упрощает процесс потребления информации ее конечным получателем, экономит информационные ресурсы, но и привлекает внимание к медиаматериалу, становится мощным аттрактивным средством, «магнетизирующим» внимание аудитории. Визуальность «как форма репрезентации мира и реальности, как базовая форма существования современной культуры» [2. С. 32] становится сущностной характеристикой современных массмедиа, определяющей их лицо, а разнообразие медийных визуализаций позволяет видеть мир многомерно. Визуальные форматы в средствах массовой коммуникации (СМК) позволяют передать информацию в лаконичной форме, удержать внимание потребителя информации, вызвать эмоции, формируют обратную связь.

Виды визуализации контента в средствах массовой коммуникации

К вопросу визуализации журналистского контента мы обращались неоднократно. В более ранних наших статьях мы рассмотрели виды визуализации [10], историю развития визуальной журналистики [9]. Безусловно, за это время произошли изменения визуального контента журналистских материалов. Но и спустя два года мы утверждаем, что традиционными видами визуального контента остаются иллюстрации (включая карикатуры и элементы графического дизайна — пиктограммы, логотипы, эмблемы, заставки, декоративные элементы; карикатуры; комиксы; технические и художественные картинки); фотографии (включая фоторепортажи и селфи); инфографика (которая включает в себя не только графики, схемы и диаграммы, но и такие разновидности, как облако тегов, таймлинии, карты, интерактивная графика); типографика (гарнитура, кегль, длина строк и расстояние между ними, кернинг, трекинг и др.); различные формы мультимедийного контента (видеоролики, клипы, инсталляции, флеш-анимация, gif-анимация, слайд-шоу и т. п.).

Если рассматривать визуальный контент в средствах массовой коммуникации, то список классических форм визуализации можно существенно расширить. Следует отметить, что сегодня актуальными являются такие его формы выражения, как мемы. Абсолютно новым это понятие назвать нельзя. Еще в 1976 г. биолог Ричард Докинз в книге «Эгоистический ген» писал о мемах, называя

их «единицей культурной информации» [4. С. 25]. Однако фундаментальных работ по изучению данного феномена пока не существует, во всяком случае в российской практике. Первой попыткой теоретического осмысления этого явления можно назвать учебное пособие С. А. Шомовой «Мемы как они есть» [12]. Мы согласны с автором, что «они сегодня везде. Подмигивают нам вызывающими картинками из социальных сетей, подкидывают знакомые фразы с рекламных щитов, открываются в заголовках интернет-проектов. На их языке говорят политики, маркетологи обсуждают их на своих конференциях, а продвинутые бизнесмены рисуют на вывесках собственных магазинов. ... Средства массовой информации проводят тесты на их знание, а популярные телеведущие то и дело цитируют их в своих выступлениях. Они — это мемы» [Там же. С. 4]. Как и инфографика, мемы обладают вирусным потенциалом — они стремительно распространяются и так же стремительно заражают своей идеей огромное количество аудитории. Как отмечает С. А. Шомова: «Мем — одно из наиболее часто употребляемых, “модных” понятий последнего времени. Являясь проявлением спонтанного самовоспроизводства (передачи, повторения) в социуме различных информационных единиц вербального, визуального или смешанного характера, сообщения-мемы, в силу своего вирусного характера, способны мгновенно “заразить” аудиторию, и, по мнению многих специалистов, повлиять на поведение и установки людей» [Там же. С. 8].

Другим современным видом визуализации медиаконтента являются коубы — заикленное видео из какого-либо фильма или клипа, куда подставлен звуковой ряд из совсем другого произведения. Продолжительность — до десяти секунд. Технология создания коубов немногим отличается от gif-анимации, но обеспечивает огромные возможности для творческого самовыражения — движущиеся («живые») фотографии; качественный клип на любимую песню; забавный вирусный видеоролик; а можно просто заиклить анимацию, любимый фрагмент из любимого фильма и т. п. В силу своей новизны коубы имеют огромную популярность. Найти коллекцию коубов и сделать свой собственный можно на сайте coub.com.

Таким образом, мы утверждаем, что сегодня именно массмедиа являются авангардом визуального поворота. Процесс визуализации носит взаимный характер, — способствуя продвиже-

нию визуального поворота, они сами перманентно визуализируются на протяжении десятилетий. А Интернет, с его мультимедийными площадками, способствует тотальному характеру медиавизуализации.

Кемеровская трагедия в «Аргументах и фактах»: визуальное измерение

Как мы отметили выше, сегодня медиа обладают огромным набором форм визуализации контента. Какую из них выбрать для освещения события — право выбора журналиста и редактора издания.

В рамках данной статьи в контексте обозначенной темы нам показалось важным рассмотреть применение теории визуального поворота к анализу актуальной медиапрактики, связанной с освещением трагических событий. Повестка дня средств массовой информации насыщена событиями подобного характера — техногенные катастрофы, падения самолетов, теракты, дорожно-транспортные происшествия и т. п. Одним из таких трагических событий стал пожар, произошедший 25—26 марта 2018 г. в российском городе Кемерово — это огромная трагедия всего российского народа: погибли 64 чел., среди которых 41 ребенок; люди погибли в мирное время, во время отдыха. Все это сделало кемеровскую трагедию близкой многим. Кемеровская драма очень быстро стала медийной. Тема освещалась как региональными, так и федеральными средствами массовой информации. Безусловно, наивысшая активность была в социальных сетях.

Однако мы решили сосредоточиться на ведущих массмедиа, имеющих богатый опыт журналистской работы и успешно реализующих визуальный контент. Наше исследовательское внимание привлекло российское общественно-политическое издание «Аргументы и факты» (АиФ), а именно веб-сайт издания AIF.ru. Журналистские материалы этого сайта стали эмпирической базой нашего исследования.

1) Определили хронологические рамки исследования: 25—27 марта 2018 г. — от момента начала пожара (старт в его освещении) до завершения спасательной операции (официально объявленного МЧС).

2) По тегу «Зимняя вишня» были отобраны 107 материалов. К анализу дополнительно было привлечено около 50 материалов за пределами обозначенных временных рамок — это помогло

проследить преемственность в выделенных нами тематических направлениях.

Используя метод сплошной выборки, мы проанализировали каждый на наличие и вид используемого средства визуализации. В результате обнаружили, что основным и ведущим средством визуализации медийного контента, посвященного «Зимней вишне», на сайте AIF.ru является фотография. Именно фотографии, отличающиеся эмоциональностью, передающие атмосферу события, вовлекающие в происходящее, являются наиболее оперативным видом визуального контента в СМИ.

3) Определив вид оперативной визуализации, мы приступили к тематическому анализу фотоконтента.

Были выявлены две основные группы — это фотографии локаций и фотографии людей. Сразу оговоримся, что на сайте AIF.ru лиц детей, погибших в ТЦ, и их родителей практически нет. В это же время в новостных материалах, собранных агрегаторами новостей, представлены детские лица из социальных сетей, их потерянные родители. В федеральном издании лица можно увидеть на портретах, выставленных у стихийного мемориала. Мы это расцениваем как дань уважения родителям, которым в это время было совсем не до журналистов.

Другая группа лиц, представленных на фотографиях — это очевидцы случившегося и те, кто оказался здесь по долгу службы: пожарные, сотрудники МЧС, следователи из СКР. В основном все эти люди находились на периферии фокуса фотоаппарата. Они попали в кадр «случайно», и скорее создали антураж, нежели были интересны сами по себе.

Третья группа — участники стихийного митинга. Демонстрировали сопричастность к множеству, а не репрезентовали конкретную личность. Люди олицетворяли собой всю страну, скорбящую вместе с Кемеровом, — они часть страдающего народа.

Четвертая группа — чиновники. Почти все фотографии взяты с сайтов профильных министерств и ведомств (исключение составляет фотография Д. Медведева, она взята с «РИА Новости»).

Пятая группа — обвиняемые по делу «Зимней вишни». Стоит отметить, что эта группа фотографий появляется уже после нашего дедлайна.

Помимо одиночных фотографий, для освещения события журналисты АиФ используют ре-

портажные фотогалереи. Здесь присутствуют изображения и локаций, и лиц. В качестве наиболее яркого примера назовем материал «Пожар в ТЦ “Зимняя вишня” в Кемерово» (www.aif.ru/society/gallery/pozhar_v_tc_zimnyaya_vishnya_v_kemerovo#id=13850188): на 13 кадрах показана хронология события: «Вишня», которую только что начали тушить, «Вишня», зловеще полыхающая в темноте, «Вишня» на следующее утро после пожара, «Вишня» с рухнувшим потолком (вид сверху — очевидно, с квадрокоптера), люди, эвакуированные с крыши здания, работающие пожарные, мужчина, плачущий на мостовой. Можно сказать, что эти фото эстетизируют трагическое происшествие, они сняты «красиво», хоть и с жуткой красотой. Ссылки на фотоленту мы будем встречать и в других материалах.

Другие примеры фоторепортажей: 27.03.2018 — «Визит Владимира Путина в Кемерово» (www.aif.ru/society/gallery/vizit_vladimira_putina_v_kemerovo#id=13860894). В обед 27 марта появилась галерея, показывающая в 14 кадрах разрушенное и выгоревшее изнутри (и частично снаружи) здание (www.aif.ru/society/gallery/posledstviya_pozhara_v_kemerove#id=13860005). Авторство — в основном «РИА Новости». Чуть позже, вечером 27 марта, на сайте появляется галерея с 10 фотографиями, посвященная ростовскому мемориалу памяти кемеровчан, «Ростовчане скорбят. Мемориал памяти погибших на пожаре в Кемерово» (www.rostov.aif.ru/society/details/rostovchane_skorbyat_memorial_pamyati_pogibshih_na_pozhare_v_kemerovo#id=13866087), авторство фотографий принадлежит Правительству Ростовской области. Такая же лента появится и 28-го числа, она будет приурочена к объявлению всероссийского траура и покажет всероссийские акции и мемориалы памяти жертв трагедии. Ленты удостоится и митинг в Кемерово.

Вторым по частотности использования визуализации контента является видео о происходящих событиях. Однако этот вид визуального контента используется гораздо реже. Например, в публикации «Пламенная “Вишня”. Что происходило вокруг пожара в Кемерово» (www.aif.ru/incidents/plamennaya_vishnya_chno_proishodilo_vokrug_pozhara_v_kemerove) наряду с фотоматериалом присутствует перепост с твиттера «НТВ», включающий видео горящего здания с квадрокоптера. Съемки с дронов сами по себе добавляют событию масштаба и объема, а в данном

случае тем более. Пожар выглядит неконтролируемым и крайне зловещим. Помимо описанного материала мы насчитали еще четыре, содержащие видеоконтент.

Анализируя материалы, посвященные событиям в «Зимней Вишне», мы встретили и другие визуальные компоненты. Например, материал «Пожар в торговом центре в Кемерове. Главное» сопровождает перепост из твиттера Марины Саакян. Короткий текст и несколько «дымных» фото передают атмосферу происходящего и страх очевидцев (www.aif.ru/incidents/pozhar_v_torgovom_centre_v_kemerovo_glavnoe). Твит оформлен рамкой, он «разбивает» текст журналистского материала и воспринимается как целостное визуальное единство, позволяющее «увидеть» ситуацию. В материале «Люблю всех. Возможно, прощайте» можно увидеть скриншот переписки с кем-то из друзей или родных одной из погибших девочек — Маши Мороз — со смартфона (www.aif.ru/society/people/lyublyu_vseh_vozmozhno_proshchayte_pogibshie_i_vyzhivshie_v_zimney_vishne).

Что касается инфографики, то она появится, но позже исследуемого нами периода. Так, схема сгоревшего ТЦ в Кемерово будет представлена в одноименном материале, опубликованном на сайте уже 28 марта (www.aif.ru/dontknows/infographics/shema_sgorevshego_tc_v_kemerove_infografika). Материалы, обобщающие трагические события 25—26 марта, анализирующие причины и след-

ствия произошедших событий и включающие множественные визуальные компоненты, появятся еще позже.

Итак, по результатам нашего анализа, мы можем утверждать, что «лицо» пожара в кемеровском ТЦ «Зимняя вишня» на сайте AIF.ru было представлено прежде всего фотографиями и фотогалереями. Несмотря на обилие визуальных инструментов, именно фотография остается наиболее оперативным средством визуализации журналистских материалов.

Заключение

Сегодня образ выступает как неотъемлемый компонент окружающей нас социокультурной реальности и трансформирует ее глубинные основы. Образ изменяет черты современного искусства, религиозные, духовные, семейные, коммуникативные, социальные практики, межличностные отношения. Он придает окружающей нас реальности собственные характеристики: нелинейность, эмоциональную нагруженность, целостность и т. п. — и требует нового способа ее восприятия, для которого не подходят свойственные «гутенберговой» (в терминологии М. Маклюэна) эпохе рационализм, аналитичность и т. п. Такое тотальное доминирование образа объясняется во многом технологическими факторами — удешевлением средств воспроизведения реальности (фото- и видеокамер, смартфонов, планшетов и пр.) и упрощением навыков обращения с ними.

Список литературы

1. Аванесов, С. С. Визуальность и коммуникация / С. С. Аванесов // ПРАЭНМА. Проблемы визуал. семиотики. — 2014. — № 2. — С. 11—25.
2. Габова, М. В. Визуальная культура современного общества (опыт типологии) / М. В. Габова // Человек. Культура. Образование. — 2017. — № 2 (24). — С. 30—40.
3. Горбачёва, А. Г. Обмен визуальной информацией и короткими сообщениями как современный вид сетевых коммуникаций / А. Г. Горбачёва // ПРАЭНМА. Проблемы визуал. семиотики. — 2015. — № 1 (3). — С. 133—139.
4. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз ; пер. с англ. Н. Фомина. — М. : Мир, 1993. — С. 318.
5. Казарина, Т. Ю. Современная визуальная культура в контексте системного подхода / Т. Ю. Казарина // Актуальные проблемы социокультурных исследований : сб. науч. ст. по итогам Межрегион. науч.-практ. конф. аспирантов и соискателей «Актуал. проблемы социокультур. исслед.» (17—21 февр. 2014 г.). — Кемерово : КемГУКИ, 2014. — С. 113—120.
6. Кинцанс, В. Визуальная культура: анализ и пути формирования / В. Кинцанс // 2nd International Scientific and Practical Conference “World Science”: “Topical researches of the World Science”, Dubai, UAE, June 29—30, 2016 : proceedings. — 2016. — No. 7 (11), vol. 3. — С. 30—33.
7. Реутов, А. С. Визуальные исследования современной культуры: феноменологический аспект : автореф. дис. ... канд. филос. наук / А. С. Реутов. — Н. Новгород, 2018. — 35 с.
8. Савчук, В. В. Феномен поворота в культуре XX века / В. В. Савчук // Междунар. журн. исслед. культуры. — 2013. — № 1 (10). — С. 93—108.

9. Симакова, С. И. Журналистика данных как объективное требование времени и ее влияние на формирование визуальной журналистики / С. И. Симакова // Знак: проблемное поле медиаобразования : науч. журн. — 2016. — № 1 (18). — С. 18—25.
10. Симакова, С. И. Тенденции визуализации журналистского контента в современных СМИ / С. И. Симакова // Вестн. Северо-Осетин. ун-та им. К. Л. Хетагурова. Сер.: Обществ. науки. — 2015. — № 3. — С. 213—218.
11. Терентьева, И. Н. Визуальное, слишком визуальное... (к характеристике иконического поворота в современных медиа и актуальных медиаисследованиях) / И. Н. Терентьева // Вестн. НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Сер.: Упр. в соц. системах. Коммуникатив. технологии. — 2012. — № 2. — С. 29—35.
12. Шомова, С. А. Мемы как они есть : учеб. пособие / С. А. Шомова. — М. : Аспект Пресс, 2018. — 136 с.

Сведения об авторе

Симакова Светлана Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики и массовых коммуникаций, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. simakovi@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2018. No. 10 (420). Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 225—232.

VISUAL TURN — NEW PHILOSOPHY OF IMAGE IN MEANS OF MASS COMMUNICATION

S.I. Simakova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. simakovi@mail.ru

The study is supported by RSF (project No. 18-18-00007)

The visual turnaround is one of the important elements of the cultural and philosophical concept of the visual image in various areas of the relevant humanities, including the science of journalism. The article presents an analysis of the visual content of the web site of the modern socio-political media — the specificity of the visual content of the materials covering the tragic events on the pages of modern media is examined. The synthesis of the theory of visual rotation and the practice of analyzing media-activity is carried out — this is the novelty of the research performed. The methodology of work is complex in nature and is aimed at deep and panoramic comprehension of empirical material.

Keywords: *visual turn, visual content, mass media, media aesthetics, media-activity, A&F.*

References

1. Avanesov S.S. Vizual'nost' i kommunikatsiya [Visual communication and communication]. *PRAXĖMA. Problemy vizual'noy semiotiki* [PPAΞHMA. Problems of visual semiotics], 2014, no. 2, pp. 11—25. (In Russ.).
2. Gabova M.V. Vizual'naya kul'tura sovremennogo obshchestva (opyt tipologii) [Visual culture of modern society (experience of typology)]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye* [Man. Culture. Education], 2017, no. 2 (24), pp. 30—40. (In Russ.).
3. Gorbachyova A.G. Obmen vizual'noy informatsiyey i korotkimi soobshcheniyami kak sovremennyy vid setevykh kommunikatsiy [Exchange of visual information and short messages as a modern type of network communications]. *PRAXĖMA. Problemy vizual'noy semiotiki* [PPAΞHMA. Problems of visual semiotics], 2015, no. 1 (3), pp. 133—139. (In Russ.).
4. Dawkins R. *Egoistichnyy gen* [The Selfish Gene]. Moscow, 1993. 318 p. (In Russ.).
5. Kazarina T.Yu. Sovremennaya vizual'naya kul'tura v kontekste sistemnogo podkhoda [Modern Visual Culture in the Context of the Systems Approach]. *Aktual'nyye problemy sotsiokul'turnykh issledovaniy* [Actual problems of sociocultural research]. Kemerovo, 2014. Pp. 113—120. (In Russ.).

6. Kintsans V. Vizual'naya kul'tura: analiz i puti formirovaniya [Visual Culture: Analysis and Ways of Formation]. *2nd International Scientific and Practical Conference "World Science": "Topical researches of the World Science", Dubai, June 29—30, 2016, UAE. Proceedings*, 2016, no. 7 (11), vol. 3, pp. 30—33. (In Russ.).
7. Reutov A.S. *Vizual'nye issledovaniya sovremennoy kul'tury: fenomenologicheskiy aspekt* [Visual Research of Contemporary Culture: Phenomenological Aspect. Abstract of thesis]. Nizhniy Novgorod, 2018. 35 p. (In Russ.).
8. Savchuk V.V. Fenomen povorota v kul'ture XX veka [The phenomenon of turning in the culture of the XX century]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Studies], 2013, no. 1 (10), pp. 93—108. (In Russ.).
9. Simakova S.I. Zhurnalistika dannykh kak ob'yektivnoye trebovaniye vremeni i yeyo vliyaniye na formirovaniye vizual'noy zhurnalistiki" [Journalism of data as an objective requirement of time and its influence on the formation of visual journalism]. *Znak: problemnoye pole mediaobrazovaniya* [Sign: problem field of media education], 2016, no. 1 (18), pp. 18—25. (In Russ.).
10. Simakova S.I. Tendentsii vizualizatsii zhurnalistiskogo kontenta v sovremennykh SMI [Trends in the visualization of journalistic content in contemporary media]. *Vestnik Severo-Osetinskogo universiteta im. K.L. Khetagurova. Ser.: Obshchestvennye nauki* [Bulletin of Khetagurov North Ossetia University. Ser. Social Sciences], 2015, no. 3, pp. 213—218. (In Russ.).
11. Terent'yeva I.N. Vizual'noye, slishkom vizual'noye... (k kharakteristike ikonicheskogo povorota v sovremennykh media i aktual'nykh mediaissledovaniyakh) [Visual, too visual ... (to the characterization of the iconic turn in modern media and actual media studies)]. *Vestnik NGTU im. R.Ye. Alekseyeva. Ser. Upravleniye v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii* [Bulletin of NSTU named after R.E. Alekseeva. Ser. Management in social systems. Communicative technologies], 2012, no. 2, pp. 29—35. (In Russ.).
12. Shomova S.A. *Memy kak oni yest'* [Memes as they are]. Moscow, 2018. 136 p. (In Russ.).

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА УЧЕБНОГО ПЕРЕВОДА

В. Н. Смирнова, О. С. Милотаева

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия

Представлены результаты исследования, посвященного оценке качества учебных переводов специальной литературы, выполненных студентами Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, обучающимися по направлению подготовки «Строительство», в аспекте достижения прагматической эквивалентности. Представлены теоретические положения стратегии перевода, связанные с прагматической эквивалентностью как необходимым критерием оценки качества переводческих решений. На основе метода сопоставительного анализа определяются два основных типа нарушений прагматической эквивалентности учебного перевода: калькирование оригинала и недостаточная нормостилевая адаптация и их коррекция. Выработаны методические рекомендации по эффективному освоению прагматически адаптированного перевода в сфере профессиональной коммуникации для представителей неязыковых факультетов.

Ключевые слова: *прагматическая эквивалентность, учебный перевод, оценка качества, критерий, ошибка перевода.*

Введение

Достижение прагматической эквивалентности при переводе аутентичных текстов отвечает требованию конечной цели коммуникации и является одним из критериев оценки качества не только профессионального, но и учебного перевода. Как было показано нами в предыдущих публикациях, стратегия перевода деловых и научно-технических текстов требует точной передачи предметного содержания [9. С. 86; 5. С. 43]. При этом достижение достаточного уровня качества учебного перевода определяется не только способностью обучающегося избежать нарушений денотативного содержания текста, но и умением в необходимых случаях модифицировать смысловой инвариант в контексте требований прагматической эквивалентности перевода, которыми часто пренебрегают учащиеся неязыковых направлений подготовки. В связи с этим рассмотрение прагматической эквивалентности как необходимого критерия оценки качества учебного перевода позволяет выявить уровень его прагматической адаптации, проанализировать и скорректировать на практике имеющиеся нарушения и выработать методические рекомендации по обучению переводу в сфере профессиональной коммуникации.

Обзор литературы

Прагматическая эквивалентность как теоретическая проблема рассматривается с опо-

рой на концепцию общей теории перевода отечественных исследователей: И. Афанасьевой, В. Н. Комиссарова, Я. И. Рецкера, А. Д. Швейцера, А. В. Федорова, концепцию динамической эквивалентности американского лингвиста Ю. Найды, труды болгарского теоретика перевода А. Поповича, номенклатуру переводческих ошибок, имеющих значение при обсуждении проблем качества перевода специальных текстов, предложенную аналитиками перевода Д. М. Бузаджи, В. В. Гусевым, В. К. Ланчиковым, Д. В. Псурцевым, работы по выявлению и пониманию роли переводческой ошибки исследователя О. Р. Абдрахмановой.

Материал и методика

Анализ нарушений, связанных с недостаточной прагматической адаптацией перевода, выполнен на примере оценки учебных переводов специальной литературы студентов Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, обучающихся по направлению подготовки «Строительство».

В основу работы положен метод сопоставительного анализа перевода, опирающийся на анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием оригинала. Категориальный анализ позволил дифференцировать типичные нарушения прагматической адаптации учебного перевода и произвести

подбор эквивалентных единиц и изменений формы и содержания текста перевода.

Результаты исследования

Прагматическая эквивалентность как критерий оценки качества перевода соотносится с толкованием понятия «эквивалентность». Межъязыковая эквивалентность — одно из базовых понятий теории перевода: именно степень эквивалентности текста оригинала и текста на переводящем языке позволяет нам судить об успешности перевода [2. С. 32].

В общей теории перевода существуют различные подходы к пониманию эквивалентности перевода. По определению В. Н. Комиссарова, «эквивалентность перевода — общность содержания (смысловая близость) оригинала и перевода» [4. С. 251]. А. Попович рассматривает функциональный аспект эквивалентности и понимает под стилистической и содержательной эквивалентностью «функциональную равноценность элементов оригинала и перевода» [6. С. 197]. Авторы концепции адекватного перевода Я. И. Рецкер и А. В. Федоров определили такие его качества, как исчерпывающая передача смыслового содержания текста и передача содержания равноценными средствами [7. С. 97; 11. С. 58].

Выделяется концепция динамической (функциональной) эквивалентности, когда сравниваются внеязыковые реакции носителей разных языков. Приоритет прагматики над семантикой и синтаксисом отражены в концепции динамической эквивалентности Ю. Найды [13. С. 120], которая сходна с понятием функциональной эквивалентности А. Д. Швейцера [12. С. 10—12]. Согласно его концепции, передаваемое содержание при переводе складывается не только из денотативного, синтаксического, коннотативного, но и из прагматического значения (определяемого «отношением между языковым выражением и участниками коммуникативного акта») [Там же. С. 10]. Так, в рамках различных ракурсов интерпретации эквивалентности (по функции и по содержанию) можно дифференцировать два типа: эквивалентность, соотносимую с языковыми единицами, и эквивалентность, не привязанную к языковым единицам.

По мнению Д. М. Бузаджи, В. В. Гусева, В. К. Ланчикова, Д. В. Псурцева, эквивалентность на прагматическом уровне является основной в классификации уровней эквивалентности (прагматический, синтаксический, семантический),

определяя необходимость полноценного замещения текста оригинала в культуре переводящего языка [3. С. 18]. Обоснованные опущения, добавления, замены обусловлены расхождением в культурно-коммуникативной ситуации. Например, рекомендуемым вариантом перевода английского названия в инструкциях *Test Report* является *Протокол заводского испытания*, — очевиден отход от семантики и синтаксиса оригинала.

К прагматическим детерминантам перевода следует отнести иную организацию понятийной сферы и семантических полей, иную парадигму синтаксических конструкций, иные функционально-стилистические характеристики, которые обуславливают многообразные модификации [Там же. С. 14]. При этом семантические и синтаксические преобразования не являются обязательным условием прагматической адаптации перевода. Например, в переводе словосочетания *serial number* — *серийный номер* равноценность перевода достигнута при сохранении семантической и синтаксической конфигурации оригинала.

Анализ переводческих ошибок, выявленных в экзаменационных работах, подготовленных студентами направления подготовки «Строительство», позволяет дифференцировать значительный удельный вес ошибок, связанных с отсутствием эквивалентности на прагматическом уровне. Подобные нарушения в учебных переводах связаны с ошибками следующих типов:

1. Калькирование оригинала как коммуникативно необусловленное копирование элементов лексического содержания и/или синтаксической организации исходного текста, составляющее примерно 80 % общего числа случаев нарушений прагматической адаптации перевода.

Самая многочисленная группа ошибок (более 50 %) связана с формально точным воспроизведением учащимися словарных соответствий лексических единиц. Например:

Оригинал: Engineering, much like other science, is a broad discipline which is often broken down into several *sub-disciplines*.

Учебный перевод: Инженерия, как и другая наука, является широкой дисциплиной, которая подразделяется на несколько *суб-дисциплин*.

Рекомендуемый перевод: Инженерия, как и другая наука, является широкой дисциплиной, которая подразделяется на несколько *отдельных дисциплин*.

Семантическую кальку словарных соответствий частей сложного слова *sub-disciplines* как

суб-дисциплины трудно признать удачным переводческим решением, так как контекст высказывания употребления более привычной формы для данной семантической категории в переводящем языке: *отдельные дисциплины*.

Рассмотрим другой пример:

Оригинал: Where there are *clear seasons*, growth can occur in a discrete annual or seasonal pattern, leading to *growth rings*; these can usually be most clearly seen on the end of a log, but are also visible on the other surfaces.

Учебный перевод: Там, где существуют *ясные сезоны*, рост может происходить при условии сезонных изменений в течение года, в результате чего появляются *кольца роста*, которые обычно могут быть наиболее отчетливо видны в комлевой части, но также заметны на других поверхностях.

Рекомендуемый перевод: В случае наступления *засушливых периодов*, рост может происходить при условии сезонных изменений в течение года, в результате чего появляются *годовые кольца*, которые обычно могут быть наиболее отчетливо видны в комлевой части, но также заметны на других поверхностях.

Использование в учебном переводе лексических значений сочетаний *clear seasons* — *ясные сезоны* и *growth rings* — *годовые кольца* в целом сохраняет семантику английского оригинала, но оценивается неудачным вариантом с точки зрения учета культурно-обусловленных особенностей восприятия в переводящем языке.

К другим примерам ошибок относится перевод словосочетания *building schedule* как *расписание строительства*. Данный вариант, хотя и включает синтаксическую модификацию, не соответствует русскоязычному лексическому регламенту строительной отрасли, поэтому в качестве функционального заместителя в культуре переводящего языка предлагается вариант *график строительных работ*.

Определенные трудности при переводе научно-технических текстов возникают в случаях многозначности слов и наличия смысловых оттенков значений, например:

Оригинал: *Plain concrete* was used in ancient times by the Egyptians and the Romans and probably by the Mayas in Central America.

Учебный перевод: Обычный бетон использовался в древние времена египтянами, римлянами и, вероятно, Майя в Центральной Америке.

Рекомендуемый перевод: *Сплошной бетон* использовался в древние времена египтянами,

римлянами и, вероятно, майя в Центральной Америке.

Буквальное копирование элементов лексического содержания словосочетания *plain concrete* создает неточное наименование строительного материала и не соответствует русскоязычной специальной терминологии.

Дополнительная проблема, связанная с передачей лексического содержания перевода, — это наличие в текстах технических сокращений, которые не всегда понятны будущим специалистам, например *sc.* (*scale* — шкала), *i.f.* (*intermediate frequency* — промежуточная частота), *ft* (*foot* — фут, единица длины) [10. С. 442]. Отмечены трудности, связанные с переводом их расшифровки. Например, часто сокращение наименования единицы длины *ft* переводят как *фунт* либо пытаются связать перевод с инвариантными значениями слова *foot* в форме: *нога, стопа, изножье*.

Второй по численности группой нарушений (примерно 30 %) является формально точное воспроизведение синтаксической конфигурации оригинала. Например:

Оригинал: *We are holding this offer open for your acceptance until the 15th May.*

Учебный перевод: Мы *держим это предложение открытым* для вашего принятия до 15 мая.

Рекомендуемый перевод: Данное предложение действительно до 15 мая.

Формально точное воспроизведение сказуемого *hold an offer open* со значением *действовать в течение определенного времени* является синтаксическим буквализмом и искажает прагматическую передачу коммуникативно-функционального инварианта исходного высказывания. Включение в перевод местоимения *your* приводит к речевой избыточности высказывания в переводящем языке.

Буквальный перевод словосочетания *current ceramic limits* как *текущим керамическим ограничениям* не отвечает прагматическим требованиям речевой ситуации и создает смысловую неточность в следующем примере:

Оригинал: Allowances — dimensions, weight, and colours are liable to *current ceramic limits*.

Учебный перевод: Допуски размеров, веса и цвета соответствуют *текущим керамическим ограничениям*.

Рекомендуемый перевод: Допустимые размеры, вес и цвет соответствуют *нормам для керамических изделий*.

В ряде случаев буквальность воспроизведения синтаксической конструкции оригинала может приводить к неточности передачи релятивной информации предложения исходного языка. Так, например, перевод предложения из текста контракта: *After signing of the present Contract all previous negotiations and correspondence between the Parties shall considered null and void* [8. С. 89] — *После подписания данного Контракта теряют силу все связанные с ним предыдущие переговоры и корреспонденция* — сохраняет смысл исходного предложения, но нарушает передачу релятивной информации. Ремой исходного предложения является указание на условие отмены предыдущих договоренностей, то есть *After signing of the present Contract...* В переводе в соответствии с нормой русского языка рема должна быть помещена в конечную часть предложения. Рекомендующим вариантом перевода, на наш взгляд, может быть предложение: *Все предыдущие переговоры и корреспонденция, связанные с данным Контрактом, теряют силу после его подписания.*

Нарушения, связанные с формально точным воспроизведением грамматических структур оригинала, отмечаются в переводах заголовков строительных инструкций. Так, неприемлемость употребления слов «как» и «почему» в русскоязычных заголовках инструкций обуславливает необходимость замены союзных предложений на существительные со значением действия глагола. Так, например, *How to assemble* необходимо перевести *Сборка*, а не *Как произвести сборку*.

2. Нарушения нормостилевой адаптации перевода, составляющие примерно 20 % общего числа нарушений прагматической адаптации учебного перевода, обусловлены использованием в тексте переводящего языка лексических или грамматических единиц, принадлежащих иному функциональному стилю.

К наиболее распространенным нарушениям в работе над деловыми текстами следует отнести случаи перевода экспрессивных лексических единиц английского оригинала. Так, при переводе стандартных фраз: *We are delighted to report...*; *We are pleased to inform...*; *We look forward to the pleasure of...* и др. — следует избегать использования оборотов, противоречащих официальному тону русскоязычного делового письма и использовать фразы со сниженной экспрессией: *We are delighted to report...* — *Судовлетворением сообщаем...*, а не *С восторгом сообщаем...*; *We look forward to*

the pleasure of... — *Надеемся на ...*, а не *С нетерпением ожидаем удовольствия...*

К стилистически немотивированным следует отнести такие варианты перевода клишированной фразы: *it is our sad duty to inform...*, как «нашей печальной обязанностью является сообщить...» и «с прискорбием сообщаем...», которые явно демонстрируют усиление стилевой экспрессии оригинала. Рекомендующим вариантом перевода в данном случае может служить стилистически умеренный перевод: *с сожалением сообщаем.*

К другим случаям немотивированного использования иностилевых элементов в тексте перевода следует отнести включение лексики просторечно-разговорного стиля. Например, в переводе «Все расходы и убытки, связанные с нарушением контракта, будут *целиком* отнесены на Ваш счет» просторечие *целиком* контрастирует с официально-деловой направленностью русскоязычного высказывания и требует контекстуальной замены на слово *полностью*.

При этом понимание роли переводческих ошибок, представленное исследователем О. Р. Абдрахмановой, позволяют сделать, на наш взгляд, обоснованный вывод о потенциальном значении нарушений перевода как методическом материале и необходимости анализа ошибок перевода, связанных с непониманием исходного текста или незнанием языка оригинала в процессе отдельного учебного курса [1. С. 9].

Заключение

Прагматическая эквивалентность имеет самостоятельное значение при обсуждении проблем качества учебного перевода. Прагматический подход в работе над научно-техническими и деловыми текстами является основополагающим направлением формирования лингвопереводческой компетенции у представителей инженерно-строительного направления подготовки.

Прагматическая задача обучения переводу характеризуется конкретным содержанием и учетом прагматических детерминант в выборе языковых средств. Выявление таких типов нарушений прагматической эквивалентности в учебных переводах, как лексическое и синтаксическое калькирование оригинала и недостаточная нормостилевая адаптация перевода, включение их описания в классификацию переводческих ошибок повышают эффективность использования данной типологии в организации обучения

переводу и позволяют выработать следующие рекомендации, способствующие эффективному освоению иноязычной коммуникативной компетенции в высшей школе:

- необходимо учитывать формальные особенности, присущие деловым текстам, и соответствующие узловые правила переводящего языка для научно-технических текстов;
- следует изучать условия речевой коммуникации, а именно особенности деловой письменной культуры исходного и переводящего языков и учитывать культурно-обусловленные коннотации научно-технического текста;
- необходимо применять не только лингвистические, но и инженерно-технические знания, так как важен выбор значения, дающего правильную трактовку термина для конкретного случая;
- достижение прагматической адаптации перевода на лексическом уровне следует связывать с применением приема контекстуальной замены и поиском лексики, не только отражающей денотативное содержание оригинала, но и удачной с точки зрения частотности и освоенности в переводящем языке;
- возникает необходимость предпереводческого пояснения особенностей назначения и функционирования используемых в тексте сокращений;

- прагматически эквивалентный перевод на синтаксическом уровне следует связывать с применением способа актуального членения предложения с учетом нормы передачи релятивной информации переводящего языка, точностью передачи связи между синтаксическими единицами, преодолением синтаксического буквализма посредством подбора конструкций, отражающих типовые лингвокультурные модели и реалии переводящего языка;

- необходимо овладевать межстилевой языковой компетенцией как способностью адекватно воспринимать стилевые особенности исходного и переводящего языка;

- следует знать особенности функционально аналогичных текстов в переводящем языке и уметь воссоздавать их стилистические черты на денотативном уровне переводного текста.

Ориентация обучающихся на выбор не только правильных в смысловом отношении, но и прагматически эквивалентных переводческих решений в процессе подготовки практических заданий создает возможность полноценного использования иностранного языка в профессиональной сфере и условия овладения навыками работы со специальной литературой.

Список литературы

1. Абдрахманова, О. Р. Роль переводческой ошибки в обучении переводу / О. Р. Абдрахманова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 6 (335). — С. 6—9.
2. Афанасьева, И. Лекции по теории и практике перевода / И. Афанасьева. — Екатеринбург : Изд-во УГУ, 2004. — 188 с.
3. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Д. М. Бузаджи, В. В. Гусев, В. К. Ланчиков, Д. В. Псурцев. — М. : Всерос. центр переводов, 2009. — 119 с.
4. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. — М. : Высш. шк., 1990. — 253 с.
5. Милотаева, О. С. Д. Е. Мин — переводчик произведений Роберта Бьюкенена / О. С. Милотаева // Художественный перевод и сравнительное литературоведение : сб. науч. тр. — М., 2015. — С. 42—52.
6. Попович, А. Проблемы художественного перевода / А. Попович. — М. : Высш. шк., 1980. — 255 с.
7. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. — М. : Междунар. отношения, 1974. — 214 с.
8. Сдобников, В. В. Начальный курс коммерческого перевода. Английский язык / В. В. Сдобников. — М. : АСТ, 2006. — 202 с.
9. Смирнова, В. Н. Трудности перевода строительных текстов / В. Н. Смирнова, П. П. Андреева, Н. А. Чернышова // Міжнародний науковий журн. Інтернаука. — 2016. — № 9. — С. 85—87.
10. Смирнова, В. Н., Английские акронимы как способ лингвистической экономии / В. Н. Смирнова, А. Д. Павлова // Бюл. науки и практики. — 2017. — № 11 (24). — С. 442—447.
11. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Федоров. — М. : Высш. шк., 1983. — 115 с.
12. Швейцер, А. Д. Теория перевода / А. Д. Швейцер. — М. : Наука, 1988. — 256 с.
13. Nida, E. Toward a Science of Translating / E. Nida. — Leiden : Brill, 1964. — 331 p.

Сведения об авторах

Смирнова Веста Николаевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки», Пензенский государственный университет архитектуры и строительства. Пенза, Россия. vesta_smirnova@inbox.ru

Милотаева Ольга Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки», Пензенский государственный университет архитектуры и строительства. Пенза, Россия. milo124@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 233—239.

PRAGMATIC EQUIVALENCE AS A QUALITY SURVEY CRITERION OF PRACTICE TRANSLATION

V.N. Smirnova

Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia. vesta_smirnova@inbox.ru

O.S. Milotaeva

Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia. milo124@rambler.ru

The results of the research on the quality survey of the special literature practice translation made by the students of Penza State University of Architecture and Construction studying the academic programme “Construction Engineering” in the aspect of accomplishment of the pragmatic equivalence are presented in the article. The theoretical assumptions of the strategy of translation connected with the pragmatic equivalence as an essential quality survey criterion of translation variants are given in the article.

On the basis of the method of the comparative analysis the two main types of the pragmatic equivalence failure: the tracing of the original text and insufficient norm stylistic adaptation and their correction are defined. The authors conclude that the pragmatic approach in working on scientific and technological texts and business texts is a fundamental direction of forming of linguistic and translation competence with the representatives of construction engineering academic programme. The methodology recommendations on the learning to master pragmatically adapted translating in the sphere of professional communication for the representatives of non-language faculties are formulated.

Keywords: *pragmatic equivalence, practice translation, quality survey, criterion, translation error.*

References

1. Abdrakhmanova O.R. Rol' perevodcheskoy oshibki v obuchenii perevodu [The role of a translating error in the training programme in translation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 6 (335), pp. 6—9. (In Russ.).
2. Afanas'eva I. *Leksii po teorii i praktike perevoda* [Lectures on the theory and practice of translation]. Ekaterinburg, USU Publ., 2004. 188 p. (In Russ.).
3. Buzadzhi D.M., Gusev V.V., Lanchikov V.K., Psurtsev D.V. *Novyy vzglyad na klassifikatsiyu perevodcheskikh oshibok* [New view of translation errors classification]. Moscow, 2009. 119 p. (In Russ.).
4. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty)* [The theory of translation (linguistic aspect)]. Moscow, Higher School Publ., 1990. 253 p. (In Russ.).
5. Milotaeva O.S. D.E. Min — perevodchik proizvedeniy Roberta B'yukenenena [D.E. Min — the translator of Robert Buchanan's works]. *Khudozhestvennyy perevod i sravnitel'noye literaturovedeniye* [Literary translation and comparative literary criticism: collection of scientific papers]. Moscow, 2015. Pp. 42—52. (In Russ.).
6. Popovich A. *Problemy khudozhestvennogo perevoda* [The problems of literary translation]. Moscow, Higher School Publ., 1980. 255 p. (In Russ.).
7. Retsker Ya.I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika* [Theory of translation and translation practice]. Moscow, International Relations Publ., 1974. 214 p. (In Russ.).
8. Sdobnikov V.V. *Nachal'nyy kurs kommercheskogo perevoda. Angliyskiy yazyk*. [The initial course of commercial translation. English]. Moscow, AST Publ., 2006. 202 p.

9. Smirnova V.N., Andreeva P.P., Chernyshova N.A. Trudnosti perevoda stroitel'nykh tekstov [Difficulties of translating of texts on construction]. *Mezhdunarodny nauchnyy zhurnal Internauka* [International Scientific Journal Internauka], 2016, no. 9, pp. 85—87. (In Russ.).
10. Smirnova V.N., Pavlova A.D. Angliyskiye akronimy kak sposob lingvisticheskoy ekonomii [English acronyms as a way of linguistic economy]. *Byulleten' nauki i praktiki* [The Bulletin of Science and Practice], 2017, no. 11 (24), pp. 442—447. (In Russ.).
11. Fyodorov A.V. *Osnovy obshchey teorii perevoda* [The basis of general theory of translation]. Moscow, Higher School Publ., 1983. 115 p. (In Russ.).
12. Shveytser A.D. *Teoriya perevoda* [The theory of translation]. Moscow, Science Publ., 1988. 256 p. (In Russ.).
13. Nida E. *Toward a Science of Translating*, Leiden, Brill, 1964. 331 p.

УДК 82-3 ББК 83.3 (2=411.2)6
DOI 10.24411/1994-2796-2018-11034

ПРИЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Э. Н. УСПЕНСКОГО

С. Л. Суворова, С. А. Никаноров

Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск, Россия

Представлена теория языковой игры с опорой на труды известных российских ученых последних тридцати лет; рассматриваются различные приемы языковой игры (словообразовательной и семантической), используемые одним из самых известных российских (советских) писателей в текстах художественных произведений, адресованных детям.

Ключевые слова: *языковая игра, «игрема», лингвокреативное мышление, детская речь.*

Теория языковой игры (ЯИ) в последние тридцать лет нашла довольно подробное отражение в исследованиях Б. Ю. Нормана, В. З. Санникова, Т. А. Гридиной и других ученых. По мнению Б. Ю. Нормана, ЯИ — «нетрадиционное, неканоническое использование языка, это творчество в языке, это ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака» [6. С. 168]. Т. А. Гридина считает, что ЯИ — «определенный вид речевого поведения говорящих, апеллирующий к чувству эстетического восприятия (эстетической оценки) неканонического употребления языковых единиц» [2. С. 4]; особая форма лингвокреативного мышления. Разделяя данные утверждения, заметим, что во многом это относится к сфере детской речи, так как ребенку, по нашим наблюдениям, свойственно «особое», «творческое» мышление, главным образом в период дошкольного — младшего школьного возраста. Именно в речи детей нередко заключается творческое начало языковой игры, выражающееся в «поиске возможных приемов выведения знака из типового (системно обусловленного) контекста его конструирования, употребления, восприятия» [Там же]. К этой особенности речи ребенка апеллируют писатели, адресующие свое творчество детям. Как показывают наши наблюдения, это отражается в том, что многие художники слова используют в текстах произведений различные приемы языковой игры в расчете на эффект узнавания и возможного дальнейшего их тиражирования ребенком-читателем. Происходит же это потому, что игровые номинации («игремы») (термин Т. А. Гридиной) нередко заимствуются писателями из живой стихии детской речи: достаточно вспомнить в этом отношении работу К. И. Чуковского «От двух до пяти», где подобные примеры детских игровых осознанных и не-

осознанных инноваций описаны весьма подробно. Ребенок, читающий книгу, конечно, узнает отраженное в литературном произведении «языковое соответствие» детской речи, что вызывает живой интерес маленького читателя и нередко «провоцирует» его к созданию собственных новообразований подобного рода. Как нам представляется, таким образом ребенок учится «чувствовать язык», у него постепенно формируется языковое чутье («как правильно» — «как неправильно»).

Приемы же ЯИ в детской литературе весьма разнообразны, причем каждый писатель чаще «остается верен» своим («проверенным») способам игры с языком, то есть с ребенком, которые переходят из одного произведения в другое, вызывая комический эффект при восприятии у маленьких читателей.

Творчество Эдуарда Николаевича Успенского (1937—2018), на наш взгляд, стоит особняком в этом отношении. Как показывает анализ игрового материала («игрем») в произведениях писателя, словотворческий потенциал художника неисчерпаем: примы ЯИ, ориентированные на словообразовательные и семантические механизмы ее создания, «не знают границ», покоряя новые поколения читателей.

За истекшие 50 лет литературное творчество Э. Н. Успенского прочно вошло в «золотой фонд» отечественной литературы для детей и, конечно, ждет своего детального изучения. В частности, как мы уже говорили, это касается языковых особенностей произведений писателя. По нашим наблюдениям, ознакомившись лишь с некоторыми из них, внимательный читатель 7—10 лет почувствует, насколько удивительно тонко художник обращается со словом.

Вообще же творческое наследие Э. Н. Успенского довольно обширно. Как нами установлено,

самый распространенный жанр в его творчестве — повесть-сказка, кроме того, писатель обращается к драматургии (вспомним, например, пьесу «Остров ученых»), стихотворным произведениям.

Ранее нами неоднократно предпринимались попытки исследования произведений писателя с точки зрения анализа языковых игровых элементов, присутствующих в его отдельных произведениях. Так, например, довольно подробно рассмотрены авторские неузусальные образования в повести-сказке «Меховой интернат» [4].

Используя собственную классификацию авторских («игрем»), попытаемся проследить типы «игровых предпочтений» Э. Н. Успенского.

«Игремы», ориентированные на словообразовательные механизмы создания ЯИ

1. Среди игровых именовании подобного рода особое место нами отводится «максимально зашифрованным» «игремам»-«кавазисловам», словам-«тайнам». См., напр., **хендрик, жакты, жактрили**: *Матушка Зюм Зюм — это наша кормилондия. Ее надо ставить на ноги, а у меня ни одного хендрика нет. Не пришли еще* («Меховой интернат»); — *А как эти фрукты называются? — Жактрили, — ответил дир. — А семена называются жакты* («Меховой интернат»). На наш взгляд, главная отличительная особенность этих «игрем» в том, что они делают безграничную фантазию ребенка при их осмыслении, то есть «загадки» раскрывают возможности ребенка для их «разгадывания»: в этом процессе большую роль играет накопленный маленьким читателем к определенному периоду ассоциативный потенциал слова. Показательно, на наш взгляд, то, что автор сам «подсказывает» читателю значение «игрем», упрощая ребенку процесс «разгадывания»: из представленного контекста видно, что они имеют узусальные «синонимы»: «игрема» **хендрики** означает «деньги», **жактрили** — «фрукты».

2. «Игрема»-«гибрид», выступающая в нескольких видах: а) контаминационное образование. См., напр., **ремидор, редимир, помидис**: — *Ну, так скажи мне, садовод, что получится, если скрестить редис с помидором? — Ремидор. Нет, редимир, Нет... помидис. — Дурак. Салат получится* («Остров ученых»). Из представленной речевой ситуации видно, что создаваемые автором контаминационные номинации рассчитаны на создание комического эффекта. Комизм же

ситуации придает так называемый эффект обманутого ожидания, который вполне отражается в каламбуре: в контексте намеренно сталкиваются разные значения многозначного слова. См., напр.: **скрестить** — «подвергнуть скрещиванию представителей разных пород... или растений с целью получения от них потомства», и **скрестить** — «объединить в нарезанном виде для получения съестного блюда (“салата”)». Как видно, «скрещиванию» подвержены единицы одного тематического ряда — «овощи»; б) сложение слов. См., напр., **звездоскоп, нюхоскоп, зубоскоп**: — *Что это? — Усилительные трубы. Вот это подзорная, звездоскоп. А это нюхозорная труба, или нюхоскоп... — Хорошо, что нюхоскоп. Был бы зубоскоп, как треснул бы по зубам!* («Меховой интернат»). Обозначенные «игремы» сформированы по образцу конкретных лексем, называющих оптические приборы; как думается, созданы они в результате замены и варьирования корневых морфем. Один из присутствующих в них корней, как мы считаем, известен читателю в составе других слов: «игремы» **звездоскоп, нюхоскоп, зубоскоп** созданы по конкретному образцу **телескоп**; **стукофон** — по образцу **телефон**; **нюхозорная труба** — **подзорная труба**; это дает возможность детям (и писателям) создавать игровые единицы по указанному типу слов; в) слоговая аббревиация, которая выражается **сложением буквосочетаний слов**; см., напр.: **жаркур**: *Что такое жаркур? — Не знаю точно, но думаю, что это Железный Армейский Курок. — Жаркур — это жареная курица* («Следствие ведут Колобки»); или **удвоением корней слов**; см., напр.: **Мехмех**: — *А меня зовут Мехмех. — Мехмех? А отчество? — Мехмех это и есть с отчеством. Потому что полностью я — Меховой Механик* («Меховой интернат»); г) буквенная аббревиация. См., напр., **ЗРШ, ГГШ**: — *Это особая Звериная Разведывательная Школа — ЗРШ. И не просто ЗРШ, а ЗРШ при ГГШ. — Что значит при ГГШ?.. — При Главном Генеральском Штабе* («Меховой интернат») и т. д.; д) «игремы» — антонимические оппозиции с присутствующими в узусе лексемами. См., напр., **громопривод**: — *Вот что. Надо дать Кеке волшебную палочку, и пусть он дотронется ею до громоотвода. — Понял, — восклицает Плюсминус. — Был громоотвод, а станет... громопривод* («Остров ученых»). Сюда же отнесем сложные ситуативно-характеризующие прилагательные, которые обозначают образ в комплексе. См., напр.,

фотоохотничий: — Только у меня фотоаппарата нет... — А при чем тут вообще фотоаппарат? — спросил **фотоохотничий Шарик** («Дядя Федор, пес и кот»); **газетно-заголовочное состояние:** — Гибель на трудовом посту! — стал выкрикивать мороженщик. К нему вернулось **газетно-заголовочное состояние**. («Следствие ведут Колобки»). Очевидно, персонаж повести-сказки находится именно в том состоянии, которое «обуславливает» появление в его сознании способности изъясняться языком газетных заголовков советского времени. См. также **колбасо-угощательный, венико-выгонятельный характер:** — Я люблю, когда у человека характер веселый — **колбасо-угощательный**. А у нее наоборот. Тяжелый характер. **Венико-выгонятельный**. («Дядя Федор, пес и кот»). В этом же ряду рассмотрим «игремы» — звуковые комплексы (целые предложения), состоящие из входящих в него лексем:

БЕЗОБРАЗНИКИХУЛИГАНЫЯВАМ ПОКАЖУГДЕРАКИЗИМУЮТ КРОКОДИЛЫНЕСЧАСТНЫЕЗЕЛЕНЕЕ ЧТОБВАМПУСТОБЫЛО: У нее — Шапо-кляк — изо рта высыпалось вот что: — **БЕЗОБРАЗНИКИХУЛИГАНЫЯВАМ ПОКАЖУГДЕРАКИЗИМУЮТ КРОКОДИЛЫНЕСЧАСТНЫЕЗЕЛЕНЕЕ ЧТОБВАМПУСТОБЫЛО** («Крокодил Гена и его друзья»). При знакомстве с подобными игровыми номинациями читателю необходимо самостоятельно разобраться в «комплексе» (выявить начало и конец входящих в него слов и предложений, что соответствует загадке-ребусу).

3. «Игремы»-«анalogии», создающиеся по аналогии со словами, присутствующими в узусе. См., напр., **дожди — помидорно-огурцовый, капустный:** В Простоквашине дожди бывают трех видов. Грибные — это когда солнце и дождь вместе. **Помидорно-огурцовые** — это когда полдня дождь, полдня солнце. И **капустные**. Это когда целую неделю дождь напролет и никакого тебе солнца в помине. («Дядя Федор идет в школу»). Данные «игремы» имитируют название понятия, известного ребенку (ср. «грибной дождь»), и переключают восприятие игрового образования в другое русло ассоциаций: «дождь, после которого активно растут грибы» — «дождь, после которого активно растет капуста», «дождь, после которого активно растут огурцы и помидоры». См. также **академическая, профессорская, водительская, учительская колбаса:** — Что ты ешь? — Колбаса любительская, первый

сорт, охотничья, докторская, учительская, водительская, профессорская, академическая. Все ясно? — сказал цветок («Господин Ау»). В данном случае языковая игра основана на переключении смысла названия (сорт колбасы) на буквальное восприятие внутренней формы слов: охотничью колбасу употребляют в пищу исключительно (!) охотники, докторскую — доктора, учительскую — учителя, академическую — академики. Интересно, что автор включает в один ряд и «лексемы-образцы» (докторская, любительская), и их «сказочные» «анalogи», показывая тем самым логику рассуждения персонажа повести-сказки. См. также **рыба-штопор, рыба-электрическая дрель, рыба-плоскогубцы:** — Перейдем к рыбе. Леици, судаки, севрюга. Это что касается речных рыб. Морские рыбы: рыба-меч, рыба-молот, рыба-пила, **рыба-плоскогубцы, рыба-штопор, рыба — электрическая дрель** («Господин Ау»). В данном контексте, на наш взгляд, налицо все признаки актуализации ассоциативной связи между словами одной тематической направленности («названия инструментов») применительно к образам, указанным в номинациях, свойственных узусу: **рыба-меч, рыба-пила**. Кроме того, аналогичный интерес вызывают образованные по аналогии с имеющимися в узусе «названия грибов» — **грибы-козлята, грибы-слонята, грибы-волчички, грибы-блондиники, грибы-лысики, грибы-чернушки:** — Перейдем к грибам. Грибы белые, маслята, козлята, слоники, лисички, волчички, рыжички, блондиники, лысики, чернушки. Запоминается? — спросил цветок. — Запоминается, — как эхо повторил Ау («Господин Ау»). Указанный тематический ряд напоминает алгоритм цепочки ассоциаций: в нем присутствует несколько так называемых слов-стимулов (основное и «промежуточные», вызывающие свежие ассоциации, объединяющиеся со словом, следующим далее, отнесенностью к одной тематической группе или сходством словообразовательной структуры): *белые* — *маслята* (одна тематическая группа «грибы»); *маслята* — *козлята* (слово «маслята» по отношению к лексеме «козлята» выступает «промежуточным» словом-стимулом, так как слова объединяет одинаковый формальный показатель — суффикс -ят); *козлята* — *слоники* (одна тематическая группа «животные»); *лисички* (наименование представленного в узусе вида грибов, «промежуточное» слово-стимул на основе сходства форм множественного числа) — *волчички* (одна тематическая группа); *рыжички* (вид

грибов, которые существуют, «промежуточное» слово-стимул) — *блондиники, лысики, чернушки* (одинаковый формальный показатель и актуализация значения «цвета» во внутренней форме отсутствующих в узусе названий грибов).

«Игремы», ориентированные на семантические механизмы создания ЯИ

1. По нашим наблюдениям, самым ярким типом «игрем», ориентированным на семантические механизмы языковой игры, является каламбур — «классический» вид ЯИ, который сталкивает различные значения многозначных слов или омонимов в рамках одного высказывания. Как отмечает известный исследователь ЯИ В. З. Санников, это «шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию» [9. С. 56]. Рассуждая о его структуре, ученый отмечает, что для каламбура характерен «строгий порядок элементов: сначала слово, положительно окрашенное, потом — отрицательно окрашенное» [Там же. С. 57]. В творчестве Э. Н. Успенского, как показывают наши наблюдения, каламбур употребляется в своей главной функции — как средство создания комического эффекта, один из видов языковой игры. Наиболее ярко, на наш взгляд, в произведениях писателя представлены каламбуры, объединяющие в одном контексте разные значения одного слова. См., напр., каламбурное осмысление омоформ глаголов *мелить* и *молоть*: — *А где же мы мел возьмем? — спросила Ягешка. — Я вам дам. Я им печку мелю, чтобы белой была, — сказал Емеля. — Мели, Емеля, твоя неделя, — спорила Бабешка.* («Грамота»). Как думается, в данном контексте представлено намеренное «столкновение» значений омонимичных слов, что направлено на обыгрывание этих смыслов: последняя реплика персонажа — пословица. В тексте повести-сказки «Грамота» допускается двоякое понимание значения лексемы «мели» — «**натирай мелом**» (образовано от глагола — «мелить») и «**болтай, говори (вздор, глупости)**» (образовано от глагола — «молоть»). См. также подобное употребление лексемы *операция* в значениях «хирургическая лечебная помощь» и «ряд действий, направленных к осуществлению единого стратегического плана или подчиненных ему заданий»: — *Гражданка Четверухина, вы остаетесь за старшую. Мы идем на операцию. — А кого будут оперировать?* («Следствие ведут Колобки»).

Кроме того, каламбуры Э. Н. Успенского могут представлять собой «эффект обманутого ожидания», что находит выражение в непривычной трактовке фразеологизмов. См., напр.: — *А моего папу звали Поминай, — сказала Ягешка. — Странно, удивилась Ирина Вениаминовна. — Разве есть такое имя? — Конечно, есть. Моя мама говорит: твоего папу поминай как звали* («Грамота»). Как известно, фразеологическое выражение *поминай как звали* имеет несколько значений, в одном из которых («сбежал, скрылся») оно употребляется в тексте повести-сказки. Персонажи произведения не склонны к восприятию переносного значения фразеологизма, поэтому лексема *поминай* из нарицательных существительных переходит в собственные, чем достигается комический эффект при довольно свободной интерпретации выражения.

Кроме того, как отмечает Б. Ю. Норман, «условием каламбура не обязательно должно быть полное совпадение звуковой оболочки слов, достаточно и частичного». В таких случаях речь идет о паронимии — «умышленном сведении в контексте формально сходных лексем» [6. С. 182]. В произведениях Э. Н. Успенского такой вид каламбуров также представлен. См., напр., *крем-брюле — крем в руле*: — *Какое будете брать мороженое? Апельсиновое, шоколадное, клубничное... крем-брюле? — Вот это, — остановил ее дедушка. — Крем в руле* («Космический дедушка»). Подобные каламбуры по своей природе являются имитационными, в них довольно ярко отражен комизм парадоксов речи ребенка, основанный на «неточном» восприятии последним звукового облика непонятных слов, как, скажем, в игре «Глухой телефон».

Как мы указывали, с высокой степенью уверенности можно утверждать, что словотворческая фантазия Э. Н. Успенского не знает и не признает границ: рассмотренные нами приемы языковой игры это подтверждают. Используя в текстах произведений подобные «игремы», проецирующие детскую речь, он вводит ребенка в мир повествования, делает этот мир максимально близким ребенку (подростку) — читателю, в чем-то даже родным. Конечно, встречая в тексте произведения необычные «слова-загадки», ребенок пытается их расшифровать. Самостоятельно это сделать получается не всегда, но в таком случае на помощь приходят взрослые.

Жизненным ситуациям, в которые попадают по воле писателя сказочные персонажи его произведений, сопутствуют своеобразные ситуации речи, в которых языковой игре отводится не последнее место. Ситуации общения *комически обыгрываются писателем*, а без соответствующих языковых средств, конечно, это было бы просто невозможно. Творческая же составляющая детской речи, нашедшая отражение на страницах книг художника, остается неизменной: видимо, ребенок — активный читатель *не может не творить*. Учитывая, что главным занятием дошкольника была и остается игра, языковой игре, *верной спутнице детства*, отведена примерно такая же роль. Младшему же школьному возрасту свойственны определенные жизненные ориентиры, к ним вполне можно отнести стремление к самореализации через языковое творчество (в это время оно становится более осознанным). Бесспорно, это и подмечает писатель, по-своему открывая маленькому читателю мир детства. Результат знакомства ребенка с произведением — появление отсутствовавших ранее в языке лексем для обозначения явлений действительности.

В данной статье мы рассмотрели некоторые приемы языковой игры, используемые Э. Н. Успенским в текстах художественных произведений, адресованных детям. В работе показаны те номинации, которые, на наш взгляд, представляют собой наиболее яркие приемы игры с ребенком-читателем с помощью слова. В этой связи, конечно, необходимо отметить приемы словообразовательной игры, которых, например, абсолютное большинство в тексте повести-сказки «Меховой интернат»; кроме того, несомненный интерес представляет оригинальное обыгрывание разных значений многозначного слова. Это, по нашему мнению, несомненная отличительная составляющая творческой палитры художника.

Как мы уже отмечали, авторское словотворчество и словоупотребление рассчитано на активизацию лингвкреативных способностей маленьких читателей, преднамеренное вовлечение их в стихию языкового творчества, в результате чего в детской речи происходит появление слов, ранее в языке отсутствовавших.

Список литературы

1. Гаранина, Е. А. Языковые средства выражения комического в детской литературе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Гаранина. — М., 1998. — 18 с.
2. Гридина, Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. — Екатеринбург, 1996. — 216 с.
3. Гридина, Т. А. Языковая игра в художественном тексте / Т. А. Гридина. — Екатеринбург, 2008. — 165 с.
4. Никаноров, С. А. Приемы словообразовательной языковой игры в повести-сказке Э. Н. Успенского «Меховой интернат» / С. А. Никаноров // Язык. Система. Личность. — Екатеринбург, 1999. — С. 89—94.
5. Никаноров, С. А. Словообразовательные «игремы» как имитация детских инноваций / С. А. Никаноров // Проблемы лингвистического образования школьников : материалы 5-й Зон. науч.-практ. конф. «Филол. класс: наука — вуз — шк.». Ч. 2. — Екатеринбург, 1999. — С. 128—133.
6. Норман, Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец / Б. Ю. Норман. — Минск, 1987. 223 с.
7. Норман, Б. Ю. Языковая игра как вид познавательной деятельности ребенка / Б. Ю. Норман // Международная конференция «Ребенок в современном мире. Мир ребенка и его язык». Т. 3. — СПб., 1993. — С. 38—39.
8. Санджи-Гаряева, З. С. Квазидетское словообразование / З. С. Санджи-Гаряева // Становление детской речи. — Саратов, 1994. — С. 10—12.
9. Санников, В. З. Каламбур как семантический феномен / В. З. Санников // Вопр. языкознания. — 1995. — № 3 — С. 56—69.
10. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. — М., 1999. — 541 с.

Сведения об авторах

Суворова Светлана Леонидовна — доктор педагогических наук, профессор, и. о. зав. кафедрой славяно-германской филологии, Шадринский государственный педагогический университет. Шадринск, Россия. slav-germ@mail.ru

Никаноров Сергей Анатольевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славяно-германской филологии, Шадринский государственный педагогический университет. Шадринск, Россия. nikanorov-70@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 240—245.*

TECHNIQUES OF LANGUAGE PLAY IN THE WORKS OF E.N. USPENSKIY

S.L. Suvorova

Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia. slav-germ@mail.ru

S.A. Nikanorov

Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia. nikanorov-70@mail.ru

The paper presents the theory of the language game based on the works of famous Russian scientists of the last thirty years (B.Y. Norman, V.Z. Sannikov, T.A. Gridina); various techniques of the language game (word-formation and semantic) are considered, used by one of the most famous Russian (Soviet) writers in the texts of works of art addressed to children, which are designed for comic effect in their perception. An attempt is made to trace the author's motivation when using such neoplasms; it is assumed that the inclusion in the text of the work of the author's "igrem" stimulates the child reader to the process of word-making. Among other techniques of the language game it is said about its "special" form — pun, which is of undoubted interest in terms of perception of its components by the children's linguistic consciousness.

Keywords: *language game, "igrem", linguistic and creative thinking, children's language acquisition.*

References

1. Garanina Ye.A. *Yazykovye sredstva vyrazheniya komicheskogo v detskoj literature* [Language means of expression of comic in children's literature]. Moscow, 1998. (In Russ.).
2. Gridina T.A. *Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo* [Language game: stereotype and creativity]. Ekaterinburg, 1996. (In Russ.).
3. Gridina T.A. *Yazykovaya igra v khudozhestvennom tekste* [Language play in a literary text]. Ekaterinburg, 2008. (In Russ.).
4. Nikanorov S.A. Priyomy slovoobrazovatel'noy yazykovoy igry v povesti-skazke E.N. Uspenskogo "Mekhovoy internat" [Methods of word-formation of language play in the tale-story of E.N. Uspenskiy "Fur internat"]. *Yazyk. Sistema. Lichnost'* [Language. System. Personality]. Ekaterinburg, 1999. Pp. 89—94. (In Russ.).
5. Nikanorov S.A. Slovoobrazovatel'nye "igremy" kak imitatsiya detskikh innovatsiy [Derivational "igremy" as an imitation of the children's innovation]. *Problemy lingvisticheskogo obrazovaniya shkol'nikov: materialy 5-y Zonal'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Filologicheskij klass: nauka — vuz — shkola". Ch. 2* [Problems of linguistic education of students: materials of the 5th Zonal scientific-practical conference "Philological grade: science — university — school". Pt. 2]. Ekaterinburg, 1999. Pp. 128—133. (In Russ.).
6. Norman B.Yu. *Yazyk: znakomyy neznakomets* [Language: familiar stranger]. Minsk, 1987. (In Russ.).
7. Norman B.Yu. Yazykovaya igra kak vid poznavatel'noy deyatel'nosti rebenka [The language game as a kind of cognitive activity of a child]. *Mezhdunarodnaya konferentsiya "Rebenok v sovremennom mire. Mir rebenka i yego yazyk". T. 3* [International Conference "Child in the Modern World. Child's World and Language". Vol. 3]. St. Petersburg, 1993. Pp. 38—39. (In Russ.).
8. Sandzhi-Garyaeva Z.S. Kvazidetskoye slovoobrazovaniye [Quasi-child word-formation]. *Stanovleniye detskoy rechi* [Development of the child's speech]. Saratov, 1994. Pp. 10—12. (In Russ.).
9. Sannikov V.Z. Kalambur kak semanticheskij fenomen [Pun as a semantic phenomenon]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics], 1995, no. 3, pp. 56—69. (In Russ.).
10. Sannikov V.Z. *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [Russian Language in the Mirror of Language Game]. Moscow, 1999. (In Russ.).

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКОГО ЛЕКСИКОНА НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Е. Л. Телицына

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия

Основное внимание уделяется переводу культурно-специфических элементов, или исторических реалий, так называемых советизмов, в двух английских переводах романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», выполненных Майклом Гленни (1967), Ричардом Пивером и Ларисой Волохонски (1997). Цель такого анализа состоит в том, чтобы проиллюстрировать доместикацию/форенизацию, используемые переводчиками, и оценить варианты перевода.

Ключевые слова: *перевод, М. А. Булгаков, советская эпоха, идеология, культура.*

Универсальный способ идеального перевода текста с одного языка на другой в науке еще не найден. Трудно дать ответ на вопрос, что представляет собой хороший перевод. Принято считать, что хороший перевод должен быть идентичен оригиналу, но адаптация оригинала может влиять на понимание авторского замысла будущим читателем. Представим авторский пример перевода отдельных частей романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», который исключает важные лингвистические и исторические измерения и вместо этого сосредоточивается исключительно на передаче сюжета.

Этот корпусный анализ основан на двух английских переводах значительного по объему романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», который был выполнен шесть раз, тем самым предоставляя уникальную возможность ученым отслеживать тенденции перевода с течением времени. В этом сравнительном анализе основное внимание уделяется отечественным и зарубежным переводам культурно-специфических элементов с точки зрения их сходства или расхождения.

Английские переводы Майкла Гленни [9], Ричарда Пивера и Ларисы Волохонски [10] выбраны главным образом потому, что они позволяют проводить диахроническое сравнение.

Для освещения проблемы перевода специфических культурных элементов выбрана одна из самых отличительных особенностей стиля М. А. Булгакова, а именно советизмы — «слова и фразеологические обороты, которые являются выражением и наименованием понятий, явлений и предметов, представляющих собой специфическую особенность социалистической действительности» [6. С. 269].

Советизмы составляют одну из самых важных стилистических особенностей текста Булгакова, этот факт не должен игнорироваться ни одним переводчиком. Советизмы не следует адаптировать или изменять без объяснения или комментариев. Упрощение или нейтрализации национальных, культурных и социальных компонентов значительно меняют координаты, которые помогают читателю представить картину иного образа жизни. Если переводчик игнорирует это, важная историческая перспектива повествования, точное изображение жизни в советской Москве, исчезает. Личные имена, фразеологические выражения, названия продуктов питания и напитков, тексты лозунгов, названия организаций и другие советизмы при переводе не должны терять свою информационную ценность [5].

Анализ изучаемых переводов проводится с методологической помощью Сергея Влахова и с категоризацией советизмов Сидора Флорина наряду с методологией Ж.-П. Вине и анализом сдвигов перевода, используемых в контексте иностранных или отечественных тенденций Ж. Дарбельне [3]. Каждый выбор перевода будет оцениваться на основе представления денотативного и коннотативного смысла, учитывая целевую аудиторию англоязычных читателей, которые совершенно незнакомы с большинством рассматриваемых терминов.

В текущем анализе мы сосредоточимся на переводах советизмов-реалий. Хотя в большинстве случаев передача денотативного смысла советизмов достаточно точна, С. Влахов и С. Флорин

утверждают, что важно также полностью передать коннотативный смысл при их замене «словом или словосочетанием с нулевой коннотацией» [4. С. 89]. Несмотря на то что в некоторых случаях коннотативный смысл частично передается, не все коннотации, связанные с советизмами, могут быть представлены в тексте, и обычно требуются комментарии.

Поскольку стратегии перевода конкретных культурных единиц не унифицированы, а количество и особенности варьируются от одного источника к другому, выбранные нами классификации Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне [3], на наш взгляд, должны по-прежнему рассматриваться как одна из наиболее полезных моделей классификации основных лингвистических операций, выполняемых переводчиками. Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне различают семь способов, достаточных для анализа перевода: 1) *заимствование*, которое позволяет заполнить пробел, обычно металингвистического характера (новая техника, неизвестные понятия); 2) *калькирование* — заимствование особого рода: мы заимствуем из иностранного языка ту или иную синтагму и буквально переводим элементы, которые ее составляют; 3) *дословный перевод* в качестве методов форенизации обозначает переход от исходного языка к языку перевода, который приводит к созданию правильного и идиоматического текста, а переводчик при этом следит только за соблюдением обязательных норм языка; 4) *транспозиция*, способ, который состоит в замене одной части речи другой частью речи без изменения смысла всего сообщения; 5) *модуляция* — варьирование сообщения, чего можно достичь, изменив угол или точку зрения; 6) *адаптация*, применимая к случаям, когда ситуация, о которой идет речь в исходном языке, не существует в языке перевода и должна быть передана через посредство другой ситуации, которую мы считаем эквивалентной; 7) *эквиваленция* как доместикация, возможность того, что два текста описывают одну и ту же ситуацию, используя совершенно разные стилистические и структурные средства.

Начнем с анализа перевода составных слов, которые, вероятнее всего, будут переведены при помощи калькирования. Хотя результаты проанализированных примеров показали, что, несмотря на то что использование калькирования преобладает, другие способы перевода также присутствуют в нескольких случаях.

Калькирование применяется в обоих переводах в случае соединений двух слов:

— *Госбанк* [2. С. 257] (Государственный банк), переведенный всеми переводчиками как *государственный банк*: “Money,” the actor went on, “should be kept in *the State Bank*, in dry and specially guarded strong rooms, but never in your aunt’s cellar where apart from anything else, the rats may get at it” [9. P. 188]; “Money”, the artiste went on, “must be kept in *the state bank*, in special dry and well-guarded rooms, and by no means in some aunt’s cellar, where it may, in particular, suffer damage from rats” [10. P. 229];

— *Интурист* [2. С. 40] (иностранный турист) — как «иностранный турист»: “Yes, neither of us believes in God,” answered Berlioz with a faint smile at this *foreign tourist’s* apprehension [9. P. 6]; “No, we don’t believe in God,” Berlioz replied, smiling slightly at the *foreign tourist’s* fright, “but we can speak of it quite freely” [10. P. 33].

Хотя оба примера позволяют относительно беспрепятственно калькирование, коннотативный смысл составных слов потерян, поскольку важные лексические характеристики советской лингвокультуры теряются.

Другие составные слова переводятся иначе. Так, в следующем примере только Р. Пивер и Л. Волохонски следовали за исходным текстом, используя транслитерацию при переводе слова *финдиректор* [2. С. 136]) (финансовый директор). М. Гленни использовал дословный перевод «казначей»: It was all there: his own bold signature, the backward-sloping signature of Rimsky, *the treasurer*, sanctioning the payment to Woland of a cash advance of ten thousand roubles against his total fee of thirty-five thousand roubles for seven performances [9. P. 43], — в то время как другие определяли приоритетность формы и содержания исходного текста, применяя форенизацию калькирования и транслитерацию; только в переводе Р. Пивера и Л. Волохонски Findirector [10. P. 115] сочетается с внетекстовой интерпретацией, что кажется излишним, поскольку слово *директор* означает одно и то же в английском и русском языках, и основа слова «фин» не должна смущать читателей. Калькирование и полукалькирование используются многими переводчиками при понимании термина *сверхмолния* [2. С. 176] (сверхсвечение), ироническое определение обычной молнии как важной краткой и точной информации. Важно не потерять авторский замысел при переводе, так как в этом случае М. А. Булгакову

необходимо подчеркнуть какую-то особую иронию, которой якобы была отмечена советская эпоха. Контекст также важен, потому что слово используется несколько раз в отрывке, в котором один из протагонистов получает одну «супер-молнию» за другой. Поскольку в транслитерированном виде этот термин имеет смысл только для русского читателя, ни один из переводчиков не использовал транслитерацию, хотя Р. Пивер и Л. Волохонски строго следуют другим принципам заимствования, используя модифицированную кальку — «телеграмма сверхмолния»: *A super-lightning telegram* [10. Р. 127], — что должно быть достаточным для иллюстрации коннотации. М. Гленни использовал адаптацию «приоритетная телеграмма»: *Priority telegram for you* [2. С. 56], передавая денотативный смысл, но теряя ироническую коннотацию, которую было бы трудно понять из контекста.

Транслитерация возникает при переводе одного из многочисленных советизмов, которые относятся к важному атрибуту коммунальной квартиры. Об этом говорится во второй части романа, в которой М. А. Булгаков вводит Маргариту. Она живет с мужем в отдельной просторной квартире, что является настоящей роскошью в раннесоветской Москве. Однако, несмотря на материальное благополучие, Маргарита несчастна без своего любимого, Мастера. В коротком отрывке, важном для понимания характера Маргариты и мотивов ее дальнейших действий, М. А. Булгаков объясняет, что Маргарите никогда не приходилось сталкиваться с проблемами жизни в коммунальной квартире (проблема, которую каждый день преодолевали почти все женщины, жившие в Советском Союзе), подчеркнув тот факт, что она ни разу не притрагивалась к *примусу* [2. С. 324] (бесфитильное нагревательное устройство, работающее на жидком топливе — бензине или керосине, — плита). Хотя это слово существовало и раньше, именно в советские времена оно приобрело новый смысл и стало одним из признаков относительного комфорта для широких масс, связанных с крошечной кухней коммунальной квартиры. Все переводчики, кроме М. Гленни, переводили, используя транслитерацию в сочетании с внутритекстовым комментарием. Фраза в переводе М. Гленни «Маргарите никогда не приходилось готовить» — *Margarita never had to cook* [9. Р. 113] — является модуляцией, причинно-следственным переносом со сдвигом грамматической категории, а именно класса,

он заменяет существительное глаголом «готовить», что меняет и значение самой фразы; следовательно, модуляция не помогает решить проблему упущения иностранного культурного пространства. Интерпретация высмеивания коммунальной квартиры неверна, точнее, не является полной. Важнее та интерпретация, что барыни не готовили сами — ни на печи, ни на примусе. Р. Пивер и Л. Волохонски использовали модифицированную транслитерацию *примус-печь*: *Margarita Nikolaevna had never touched a primus stove* [10. Р. 240], и в самом переводе представлен обширный внетекстовый комментарий.

В произведениях М. А. Булгакова часто находим несоответствие между традиционной семантикой слова, используемого до революции, и «семантикой новой преобладающей лингвистической модели» [6. С. 138—139], приобретенной с помощью пропагандистской советской риторики. Чтобы быть в состоянии распознать «подмену понятий» М. А. Булгакова, читатель должен быть знаком с обоими значениями. Интересный пример встречается в той части, где Иван Бездомный, который только что стал свидетелем смерти своего друга, профессора Берлиоза, безуспешно преследует сатану через лабиринты улиц Москвы. После появления в ресторане «Грибоедов» в одном нижнем белье, со свечой в руке Бездомного помещают в психиатрическую больницу. Иван уверен, что его ложно признали сумасшедшим, и он оскорбляет своего друга Риухина, который привел его в психиатрическую больницу, используя типично советское понятие «кулачок» (уничтожительный и уменьшительный термин в советской идеологии, применяемый к процветающему крестьянину, который вышел из обихода в 1930-х гг.), семантический советизм, который приобрел коннотацию ругательства во времена Сталина. Хотя все переводчики использовали транслитерацию «кулак», в этом случае [9. Р. 36; 6. С. 91], мы находим внетекстовый комментарий только в переводе Р. Пивера и Л. Волохонски [10. Р. 91]. Трудно ожидать, что западный читатель знаком с нюансами термина «кулак». В этом контексте он используется как оскорбление, тогда как в дореволюционной речи «кулак» обозначал богатого и процветающего фермера. Между тем в советском разговорном контексте *кулак* приобрел новый смысл *враг*. Трудно понять без дополнительных комментариев, что М. Булгаков с иронией относится к назидательной и принудительной системе государства, которая привела

не только к искажениям значений слов, но и к деформации русского языка. Иван не понимает, что слово *кулак* когда-то имело положительное значение, потому что он помнит его только из пропагандистских лозунгов. Как и в предыдущем случае, перевод должен иллюстрировать намерение Ивана оскорбить друга, расспрашивая о его пролетарском происхождении и используя слово с явно отрицательной коннотацией.

Еще одна проблема, которой в должной степени переводчики не уделили внимания, — это производная уменьшительная форма *кулачок*, используемая во второй части заявления Ивана [2. С. 119], она несет в себе очень четкое уничижительное значение, которое необходимо отразить. Psychologically, a typical *little kulak* [10. P. 90]. Р. Пивер и Л. Волохонски указали на уменьшительную форму с модифицирующими прилагательными «маленький» [10], в то время как М. Гленни проигнорировал эту проблему: A typical *kulak mentality* [9. P. 36].

Непосредственное использование стратегии транслитерации происходит при переводе названия напитка «Абрау-Дюрсо» (известное советское шампанское), но М. Гленни использует стратегию адаптации: Taking off his white overall, the professor glanced at the place on the desk where Andrei Fokich had left the three ten-rouble notes and saw that there were no longer any bank-notes there, but three *old champagne bottle* labels instead, — упуская название шампанского, оставляя только «бутылка шампанского» [9. P. 111]. Удивительно, но в переводе Р. Пивера и Л. Волохонски эта лексическая единица неправильно модифицирована с добавлением слова «вино»: As he fell, he kicked another stool in front of him with his foot, and from it spilled a full cup of *red wine* on his trousers [10. P. 227].

Как показано в следующем примере, транслитерация или полутранслитерация не всегда гарантируют успешное употребление слова. Так, слово *пилатчина* [2. С. 224] (презрительное описание работы Мастера одним из критиков), используемое Мастером, когда он говорит о негативных отзывах, которые получал от критиков после публикации его романа о Понтии Пилате, было полутранслитерировано переводчиками как «пилатизм»: A day or two later another article appeared in a different paper signed by Mstislav Lavrovich, in which the writer suggested striking and striking hard at all this *pilatism* and religiosity which I was trying to drag (that damned word again!) into print [9. P. 75]; Two days later in another newspaper, over

the signature of Mstislav Lavrovich, appeared another article, in which its author recommended striking, and striking hard, at *Pilatism* and at the icon-dauber who had ventured to foist it (again that accursed word!) into print [10. P. 165]. Тем не менее ни в одном из переводов нет внетекстового комментария. Проблема в том, что англоязычный читатель, скорее всего, не знает о процессе формирования слова в бывшем Советском Союзе, где суффикс *-чин* обычно придавал отрицательную коннотацию. Английский же суффикс *-изм*, подразумевающий состояние, систему доктрин, не несет в себе негативной коннотации, связанной с оригинальным словом.

Дословный перевод встречается единожды, в шестой главе романа. В ней находим понятие *коммунальная квартира* — своеобразное явление ранней советской эпохи, а именно квартира, разделяемая несколькими семьями, у которых были общие кухня и туалет. Один из главных атрибутов коммунальной квартиры, имеющей *общую кухню* (место, разделяемое всеми жильцами коммунальной квартиры), упоминается в диалоге двух друзей, которые обсуждают Дом Грибоедова, где находится главный офис *МАССОЛИТА*. В здании есть великолепный ресторан, который могут посещать только члены *МАССОЛИТА*, привилегированная группа пролетарских писателей, имеющая возможность наслаждаться широким спектром редких блюд. Обсуждая различные блюда, которые подаются в «Грибоедове», один из друзей, Амвросий, заявляет, что невозможно приготовить что-то настолько вкусное, как запеченный морской окунь, на переполненной *общей кухне* [2. С. 104] (коммунальная кухня), где каждая семья имеет место лишь для небольшой печи. Следует отметить, что иронический ответ М. А. Булгакова на социальное неравенство можно легко упустить, если читатель не знаком с концептуальным смыслом термина «коммунальная квартира». Отчасти буквальный перевод М. Гленни «на кухне вы делитесь с полдюжиной других людей!» — Just imagine your wife trying to cook filets de perche a naturel in a saucepan, in the kitchen you share with half a dozen other people [9. P. 31] — хорошо передает исходное значение, но деформируется, сочетаясь с обширным внутритекстовым комментарием, который мог бы быть сокращен до «общей кухни». Использование выражения *совместного пользования* было бы достаточно, чтобы показать, что это место использовалось несколькими людьми, и сделало бы

заявление Амвросия о невозможности приготовления в таких условиях вполне логичным.

Дословный перевод «коммунальная кухня квартиры» сочетается с внетекстовым комментарием только у Р. Пивера и Л. Волохонски: “I humbly thank you,” trumpeted Amvrosy, “but I can imagine your wife, in *the communal kitchen* at home, trying to do perch au naturel to Mikhail Bulgakov order in a saucepan” [10. P. 69]; этот комментарий объясняет читателю время нехватки в стране жилья.

В следующем случае все переводчики решили использовать дословный перевод в сочетании с внутритекстовым комментарием. В первой главе Воланд говорит профессору Берлиозу, что его голова будет отсечена *комсомолкой* (член Коммунистического союза молодежи женского пола). Удивительно, что ни один из переводчиков не использовал транслитерацию, которая могла бы сочетаться с внутритекстовым комментарием. Поскольку советизм *комсомолка* можно легко классифицировать как международный термин, М. Гленни считал его хорошо известным зарубежным читателям, переводя *русская женщина, член комсомола*: “No,” replied their companion, “*by a Russian woman, a member of the Komsomol*” [9. P. 8], — хотя в таких случаях всегда трудно оценить знания читателей зарубежной культуры. Р. Пивер и Л. Волохонски использовали аналогичную стратегию *русская женщина, комсомольская девушка*: “No,” replied his interlocutor, “*by a Russian woman, a Komsomol girl*” [10. P. 27], сопровождая это словосочетание внетекстовым комментарием, однако параллельное использование «женщина» и «девушка» может привести читателей к предположению, что это два разных человека. Дословный перевод также встречается в пятой главе, когда слуга Воланда Бегемот обвиняет Степу Лиходеева, директора театра «Варьете», в использовании «казенной машины» [2. С. 188] (служебный автомобиль), автомобиля с водителем, который обычно предоставляется высокопоставленным чиновникам.

В то время как Р. Пивер и Л. Волохонски использовали дословный перевод словосочетания *правительственный автомобиль* — “Availing himself of a *government car*!” the cat snatched, chewing a mushroom [10. P. 86], — который хорошо функционирует, потому что это понятие должно быть знакомо западным читателям, М. Гленни неправильно подбирает этот термин, используя *свободный автомобиль*: “Drives around in a *free*

car!” said the cat slanderously, chewing a mushroom [9. P. 45], — тем самым потеряв важную коннотацию, а именно то, что Степа пользовался привилегиями, которых не было у большинства советских людей.

Еще более проблематичным является упущение официальной формы обращения, которое происходит в переводах «Товарищ дежурный» [2. С. 122] (товарищ диспетчер). Отсутствие слова *товарищ* в переводе М. Гленни «Теперь смотрите все» — Listen to me, all of you! [9. P. 34] — означает потерю одной из самых значительных черт советской речи. Следовательно, перевод М. Гленни не воссоздает колорит эпохи, так как трудно представить, что советский гражданин обращался к полицейскому и не использовал данную форму обращения. Другой дословный перевод — «Товарищ офицер-дежурный» — *Comrade officer-on-duty*, give orders at once for five motor cycles with machine-guns to be sent out to catch the foreign consultant — от Р. Пивера и Л. Волохонски [10. P. 94] — хорошо передает смысл, хотя они не указывают, что это был телефонный разговор.

Анализ состоит из тринадцати примеров, результаты которых показали, что М. Гленни предпочел доместикацию: а) транслитерацию, б) полужалкирование и в) калькирование — в отличие от Р. Пивера и Л. Волохонски.

Таким образом, при переводе сюжета М. Гленни минимизировал авторский замысел романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», чем более современный перевод, предлагая понятное и доступное прочтение содержания произведения англоязычной аудиторией, но при этом текст романа полностью утрачивает зарубежный «дух». Включение элементов иностранного языка иллюстрирует, как Р. Пивер и Л. Волохонски успешно подчеркнули зарубежный характер исходного текста.

Денотативный смысл обычно хорошо передается в обоих переводах, хотя версия М. Гленни демонстрирует больше контекстных отклонений от оригинала. Советизмы в какой-то степени потеряли смысл в переводе М. Гленни, и поэтому полученный текст оказался лингвистически неточным и менее информативным. Английских читателей знакомят с особенностями той эпохи, но, прочитав роман, едва ли можно что-то конкретно узнать из истории того времени. Все данные свидетельствуют о том, что М. Гленни считал советизмы слишком сложными для английских читателей, незнакомых с советской

эпохой, и решил избежать «перегрузки» перевода сносками и пояснениями. Вероятно, это была мотивация, лежащая в основе его полного уклонения от одного из самых интересных аспектов стиля М. А. Булгакова. М. Гленни отметил, что основной проблемой перевода советизмов является недостаток в языке дополнительных средств.

В переводе же Р. Пивера и Л. Волохонски коннотативное значение советизмов частично сохраняется за счет использования стратегий форенизации и внутри- и внетекстовых комментариев, которых в языке оказалось достаточно для их адекватного восприятия.

Список литературы

1. Баскакова, В. М. К определению термина «советизм» как единицы перевода на иностранные языки / В. М. Баскакова // Древ. и Новая Романия. — 2015. — Т. 15, вып. 1. — С. 584—590.
2. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков // СПб. : Азбука-классика, 2005. — 605 с.
3. Вине, Ж.-П. Технические способы перевода / Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне // Вопр. теории пер. в заруб. лингвистике. — М., 1978. — С. 157—167.
4. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — М. : Междунар. отношения, 1980.
5. Пихурова, А. А. Семантическая судьба советизмов-прилагательных в русском языке XX века [Электронный ресурс] / А. А. Пихурова // Русский язык: исторические судьбы и современность : III Междунар. конгр. исследователей рус. яз. — С. 143—144. — URL: www.philol.msu.ru/~rlc2007/abstracts/?sectionid=4 (дата обращения 15.01.2018).
6. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. — М. : Просвещение, 1972. — 327 с.
7. Verch, I. Razumevanje jezikov književnosti / I. Verch. — Ljubljana : Založba ZRC, 2010.
8. Vinay, J.-P. Translation Procedures / J.-P. Vinay, J. Darbelnet ; transl. A. Chesterman // Readings in Translation Theory / ed. A. Chesterman. — Helsinki : Oy Finn Lectura, (1958/1989). — P. 61—69.
9. Bulgakov, M. The Master and Margarita / M. Bulgakov ; transl. from the Russian lang. by M. Glenny. — London : Collins and Harvill Press, 1967. — 205 p.
10. Bulgakov, M. The Master and Margarita / M. Bulgakov ; transl. from the Russian lang. by R. Pevear and L. Volokhonsky. — Penguin Books, 1997. — 419 p.
11. Vinay, J.-P. Stylistique Comparée Du Français et de l'anglais. Méthode de traduction / J.-P. Vinay, J. Darbelnet. — Nouvelle édition revue et corrigée, 1965 — 331 p.

Сведения об авторе

Телицына Елена Леонидовна — старший преподаватель кафедры иностранных языков, Югорский государственный университет. Ханты-Мансийск, Россия. e-telitsyna@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 246—252.*

THE DIFFICULTY OF TRANSLATING CULTURALLY SPECIFIC VOCABULARY OF THE NOVEL BY M.A. BULGAKOV “MASTER AND MARGARITA”

Ye.L. Telitsyna

Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia. e-telitsyna@mail.ru

Mikhail Bulgakov's novel “Master and Margarita”, a complex and multilevel work, is a problem for any translator. The focus of this article is the translation strategies used in translating cultural-specific elements or historical realities, the so-called “sovietisms”, in two English translations of the novel Glenny (1967), Piver and Volokhonsky (1997). Sovietism refers to the subjects characteristic of the Soviet era of the 1930s: the derivation of the non-standard “Soviet Russian language”. Bulgakov's language is filled with the Soviet lexicon, which refers to the various cultural and socio-political elements of Soviet reality. Sovietism occurs at different levels (lexical, syntactic, stylistic and rhetorical) and must be carefully translated as an important characteristic

of Bulgakov's style. The complete domestication of Sovietism can lead to the loss of the connotative meaning necessary for understanding the context, while the enrichment of these terms, which are most likely unknown to Western readers, can disrupt the clarity of reading and cause confusion. Thus, the purpose of this analysis is to illustrate the use of domestication/foreignization used by translators and evaluate translation options.

Keywords: *translation, Bulgakov, Soviet era, ideology, culture.*

References

1. Baskakova V.M. K opredeleniyu termina "sovetizm" kak yedinitsey perevoda na inostrannyye yazyki [On the term "sovietism" as a unit of translation into foreign languages]. *Drevnyaya i Novaya Romaniya. T. 15, vyp. 1* [Ancient and New Romania. Vol. 15, iss. 1]. St. Petersburg, 2015. Pp. 584—590. (In Russ.).
2. Bulgakov M.A. *Master i Margarita* [The Master and Margarita]. St. Petersburg, 2005. 605 p. (In Russ.).
3. Vine J.-P., Darbelne J. Tekhnicheskiye sposoby perevoda [Technical translation]. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike* [Problems of translation theory in foreign linguistics]. Moscow, 1978. Pp. 157—167. (In Russ.).
4. Vlakhov S., Florin S. *Neperevodimoye v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow, 1980. (In Russ.).
5. Pikhurova A.A. Semanticheskaya sud'ba sovetizmov-prilagatel'nykh v russkom yazyke XX veka [The semantics of sovietisms-adjectives in Russian of the XX century]. *Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost'* [Russian language: its historical destiny and present state]. Pp. 143—144. Available at: www.philol.msu.ru/~rlc2007/abstracts/?sectionid=4 (In Russ.).
6. Shanskiy N.M. *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicology of the modern Russian]. Moscow, 1972. 327 p. (In Russ.).
7. Verch I. *Razumevanje jezikov književnosti* [Understanding Languages of Literature]. Ljubljana, 2010. (In Slovenian).
8. Vinay J.-P., Darbelnet J., transl. and ed. by A. Chesterman. Translation Procedures. *Readings in Translation Theory*. Helsinki, (1958/1989). P. 61—69.
9. Bulgakov M. *The Master and Margarita*. Translated from the Russian language by M. Glenny. London, Collins and Harvill Press, 1967. 205 p.
10. Bulgakov M. *The Master and Margarita*. Translated from the Russian language by R. Pevear and L. Volokhonsky. Penguin Books, 1997. 419 p.
11. Vinay J.-P., Darbelnet J. *Stylistique Comparée Du Français et de l'anglais. Méthode de traduction*. Nouvelle édition revue et corrigée, 1965. 331 p. (In French).

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Г. В. Урванцев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена созданию образа города в современном англоязычном художественном дискурсе на основе пространственных концептуальных метафор. Рассматриваются устойчивые единицы, используемые для наименования/описания городских объектов, которые содержат в себе пространственные параметры, но описывают не реальное, физическое, а ментальное пространство города.

Ключевые слова: *пространственная метафора, городское пространство, ментальное пространство.*

Значение городского пространства для культуры сложно переоценить — именно оно является основной средой обитания современного человека. Как следствие, образы городов очень часто появляются в художественных произведениях, и нам представляется важным рассмотреть особенности их репрезентации.

На основании анализа образа Петербурга В. Н. Топоров вводит понятие «петербургский текст», под которым он понимает набор минимальных единиц с устойчивым значением и набор правил их комбинирования. Он пишет, что «"петербургский текст" обладает собственным идиосинкретичным словарем и грамматикой, иными словами, является производящей тексты машиной — скорее языком (или мифом), нежели текстом» [5. С. 259]. На наш взгляд, сегодня можно ввести понятие «*городской текст*», то есть набор единиц и правил их употребления, которые используются для описания не конкретного города, а города как феномена в целом. Эти правила, на наш взгляд, определяются прагматическими целями автора, а также принятыми в соответствующей лингвокультуре нормами.

При рассмотрении художественных текстов следует помнить, что они не являются полным и точным отражением действительности. По мнению Н. С. Валгиной, они представляют собой «*сознательно конструируемые возможные модели действительности*» [1. С. 70]. Таким образом, образ города в том или ином произведении создается с учетом авторского замысла. Из этого, в свою очередь, следует, что организация объектов в городском пространстве является мотивированной, а значит, пространственные параметры имеют определенные коннотативные оце-

ночные значения, которые очевидны как автору, так и другим носителям той же лингвокультуры.

Такие коннотативные значения возникают на основании концептуальных ориентационных метафор, которые подробно описывали Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей работе *Metaphors We Live By: ...metaphor is pervasive in everyday life... Our ordinary conceptual system, in terms of which we both think and act, is fundamentally metaphorical in nature* [9. Р. 4].

Наиболее ярко, на наш взгляд, пространственные метафоры выражаются в устойчивых лексических конструктах, словосочетаниях и выражениях, а также в описаниях, где пространственный компонент, характеризующий то или иное положение городских объектов относительно друг друга, не отражает (и не может отражать) реальную ситуацию и используется в переносном значении.

Метафоричность пространственных отношений между городскими объектами позволяет построить в рамках произведения ментальное пространство города. Ментальные пространства формируются во время размышлений и говорения, служат пространственному пониманию [4]. Иными словами, если реальные компоненты существуют физически, это привычные нам дома, монументы и т. д., то ментальные компоненты существуют лишь в сознании людей, они не являются частью материального мира. Функцией же ментальных пространств является визуализация иерархических отношений.

В исследовании рассматривались образы городов в трех романах: *In the Country of the Last Things* (Paul Auster [6]), *A Week in December* (Sebastian Faulks [8]), *Capital* (John Lanchester [10]).

Все перечисленные произведения написаны на английском языке (первое — американским писателем, остальные — британцами), в них представлены образы большого города (Лондона в британских романах и безымянной столицы — в американском); кроме того, все они принадлежат к одной эпохе: концу XX — началу XIX в. Основным различием данных книг является то, что *A Week in December* и *Capital* представляют собой реалистические романы, так называемые *state-of-the-nation novel*, тогда как *In the Country of the Last Things* — это роман-антиутопия. Тем не менее в выбранных произведениях изображению городского пространства, окружающего героев, уделяется значительное внимание.

Мы рассматривали пространственные компоненты, содержащие семантику размера, протяженности по вертикали и горизонтали, расположения в центре / на периферии, впереди/позади и т. д.

При рассмотрении коннотаций размера предметов обнаружено, что объекты описываются как *большие*, если они важны для жизни города; *малые* же объекты гораздо менее значительны:

1. *To buy credit protection on ARB would cost a little more than those on any of its big British rivals* [5/8. P. 33]. «Большие конкуренты» (*big rivals*) — наиболее значимые компании, работающие в той же сфере.

2. *Tadeusz 'Spike' Borowski, who had just joined one of the big London clubs* [Ibid. P. 45]. Футбольный клуб описывается как «большой», так как у него много фанатов, хорошее финансирование и он часто выступает.

3. *Tranter wrote to small magazines, enclosing copies of articles he'd written at Oxford* [Ibid. P. 224—225]. Мелкие журналы (*small magazines*) — незначительные журналы, которые мало кто читает.

4. *His employer, a smallish investment bank* [7/10. P. 16]. Небольшой банк — малоизвестный, не очень богатый.

5. *Go and look for a small business opportunity* [Ibid. P. 513]. Малый бизнес — компании местного масштаба с невысокой прибылью.

Во всех приведенных выше примерах описывается не реальный физический размер объектов, но их значимость в масштабах города. Несмотря на то что выражения типа *big rival* или *smallish bank* не являются фразеологизмами как таковыми и не фиксируются в словарях, использование метафоры «большой = хороший» далеко не редкость. В следующих примерах речь идет не о го-

родских объектах, однако коннотации сохраняются: *It was one of Arabella's friends from university, now a big shot in publishing* [10. P. 239], — выражению *big shot* соответствует русское «большая шишка» / «важный человек»; *For him it's just another game — a big game, the biggest he's ever had* [Ibid. P. 310] — большая игра — это важная игра.

Протяженность по вертикали (элементы со значением «высокий» и т. п.) можно считать частным случаем выражения параметра размера. Следовательно, высокие объекты тоже воспринимаются как наиболее важные. Данные коннотации нашли выражение в английском фразеологизме *high street* (досл. «высокая улица»), который означает «главная улица» / «деловые круги». Например, в разговоре о финансовых махинациях один из героев романа Себастьяна Фолкса говорит: *there'd be panic on the high street* [8. P. 65]. В другом примере тот же фразеологизм используется при описании эротических журналов: *...the kind of thing they sell in their most famous high-street stationer* [Ibid. P. 52]. В первом случае актуализируется значение «деловые круги», а во втором — главная улица, центр города, то есть пространство, где нет места магазинам, торгующим сомнительными товарами.

В романе Джона Ланчестера данное словосочетание используется довольно часто, причем в значении «главная улица»: *Petunia was now passing the posh butcher's in the high street* [10. P. 66]; *The high street was mayhem: the people were doing last minute Christmas shopping* [Ibid. P. 154]; *They were in a café on the high street* [Ibid. P. 536]. В данных примерах создается образ центральной улицы города, заполненной магазинами, кафе и прочими организациями. Кроме того, мясная лавка описывается с помощью прилагательного *posh* (дорогой, престижный) — такая характеристика способствует позитивному восприятию описываемого пространства.

Не менее интересным является еще один случай описания важного объекта как «высокого»: *There is the rumour the high court is going to rule that it is legal to deport failed asylum-seekers back to Zimbabwe* [Ibid. P. 210]. High court — это Верховный суд; в данной единице актуализируется не физическая высота здания суда, а его главенствующее положение по отношению к другим судам.

Оба словосочетания, *high street* и *high court*, являются метафоричными по своей природе, в их основе лежит концептуальная метафора

«выше = лучше», и, кроме того, они зафиксированы в словарях, что позволяет говорить о кристаллизации метафорического значения в языке.

Интересно, что городские объекты с семантикой малой протяженности по вертикали заметно реже описываются метафорически — например, если автор пишет, что дом «низкий», это вряд ли будет подразумевать, что с этим зданием связано что-то плохое: *This was a calming place: a low red-brick building* [Ibid. P. 357]. Тем не менее соответствующие коннотации данного пространственного параметра сохраняются в иных примерах: *The atmosphere at the Refuge in Tooting had been low* [Ibid. P. 526]. «Низкая» атмосфера — депрессивная, тоскливая. Показательна в данном случае и характеристика, которую один из персонажей дает неприятному знакомому: *No form of life was agreed to be more low* [Ibid. P. 492].

С помощью объектов с характеристикой протяженности по горизонтали реализуется метафора границы, разделения городского пространства. Рассмотрим пример: *R. Tranter, emerging from some grim burrow the wrong side of the North Circular* [8. P. 346]. В данном примере протяженность по горизонтали выражена косвенно: *North Circular* — это название автомагистрали в Лондоне. Читатель понимает, что речь идет о дороге, и представляет себе соответствующий образ, даже несмотря на то, что в самом ониме нет элементов с семой протяженности. Мысль о делении пространства в данном случае выражена посредством выражения *the wrong side of...*, которое является трансформацией американского фразеологизма *the wrong side of the tracks*, означающего «неблагополучные районы» (досл. «по ту сторону от железной дороги»). Примечательно, что закрепившийся фразеологизм также используется с лексической единицей с семантикой протяженности по горизонтали (*tracks* — железная дорога).

В романе *In the Country of the Last Things* благодаря анализу пространственных параметров можно сделать интересные выводы о направленности «лица» города. С этой точки зрения особое значение имеют две лексемы: *waterfront* («набережная») и *hinterlands* («удаленные от моря районы страны»). Иначе говоря, мы видим, что город в данном случае развернут «лицом» к океану, его прибрежная часть считается *передней* (*front* — *передний*), тогда как удаленная от берега часть — *задней* (*hinter* — *задний*). Это связано, на наш взгляд, со спецификой американской лингвокультуры: первые поселения в Северной

Америке были на побережье, они во многом зависели от поставок различных товаров из метрополии, а значит, и ориентированы были в большей степени на море, чем на достаточно дикий и неосвоенный континент. Несмотря на то что в рассматриваемом романе описывается культурно-немаркированное пространство, в произведении находит отражение специфика авторского восприятия мира. Это в какой-то мере подчеркивается тем, что океан располагается к востоку от города, а континент — к западу (как и на восточном побережье США): *People talk about agricultural zones in the hinterlands to the west* [6. С. 28]. Источником данной метафоры, на наш взгляд, является антропоцентрическое восприятие мира, вследствие чего город воспринимается как объект, у которого есть «лицо» и «спина», передняя и задняя стороны.

Ориентация лицевой и обратной стороны города тем не менее является, на наш взгляд, лишь частным случаем использования оппозиции расположения впереди/позади. В ходе анализа произведений нами были выявлены достаточно большое количество метафорических единицы с соответствующими пространственными параметрами:

1. *One of his old mates from back-office days now worked in Compliance* [10. P. 447]. *Back office* — отдел сопровождения операций, сотрудники, не занимающиеся работой с клиентами; его наименование может и не отражать реального, физического расположения работников в здании фирмы.

2. *The driver was one of those cabbies addicted to side roads and back-doubles* [Ibid. P. 473]. Конструкт *back-double* означает «кратчайший маршрут», «объезд». Компонент со значением «позади» в данной единице, очевидно, связан с идеей удаления от основного, наиболее часто используемого маршрута. Иными словами, таксист везет пассажира за пределами главной улицы.

3. *He started the car as discreetly as he could, drove... into the backwater of Old Pye Street* [8. P. 388]. Прямое значение слова *backwater* — «заводь», «затон», однако в данном случае актуализируется метафорическое значение «укромное место», которое уже никак не связано с физическим описанием пространства.

Метафорические значения вышеописанных единиц зафиксированы в словарях. Интересно, что все они имеют в своем составе компонент со значением расположения «позади».

Устойчивые словосочетания, описывающие городские объекты, с компонентом со значением расположения «впереди» тоже существуют: *front garden, front yard, forecourt, front door, front room*. Однако в данном случае в отличие от *waterfront* вряд ли можно говорить о метафоричности приведенных слов и словосочетаний. Примечательно, что соответствующие единицы с компонентом *back* (*back garden, back yard, back door, back room*) также не являются метафоричными.

Наконец, были обнаружены интересные примеры метафорического описания компонентов образа городского пространства, расположенных в центре. В таких объектах происходит наиболее активное взаимодействие различных людей, организаций и т. д. Данное значение в первую очередь реализуется в наименовании различных организаций с помощью слова *centre* (центр). Рассмотрим примеры:

1. *Europe's largest urban shopping centre* [8. P. 1]. Торговый центр — место, где активно происходит товарно-денежный обмен, где продавцы активно взаимодействуют с покупателями. Данная номинация является метафорической, так как в физическом плане молл едва ли является центром чего бы то ни было.

2. *The London centre for asylum and immigration tribunals* [10. P. 483]. В указанной организации проводятся все или по крайней мере большая часть заседаний суда, связанных с делами мигрантов.

3. *The failed asylum-seekers... were sent to detention centres* [Ibid. P. 485]. В данных организациях содержатся те, кому отказано в политическом убежище.

4. В романе П. Остера неоднократно упоминаются «центры трансформации» (*Transformation Centers*) — крематории, где происходит «преобразование» погибших жителей столицы в пепел.

Таким образом, данный способ номинации помещает описываемый с его помощью объект в центр ментальной карты города, тогда как в реальности его местоположение может быть любым. Подобные единицы встречаются чрезвычайно часто как в английском, так и в русском языке, что говорит о высокой популярности указанной модели формирования городских онимов.

Существуют и иные способы метафорического описания центральных объектов. Один из персонажей романа С. Фолкса говорит: *Surely the middle office checked all this?* [8. С. 25]. В данном случае под *средним офисом* (*the middle office*) подраз-

умеваются организационно-контрольный отдел (банка или иной финансовой организации). Его местоположение воспринимается как центральное — все операции банка проводятся через него, чтобы защитить организацию от возможных юридических и прочих последствий. Данная номинация также является метафорической, формирует ментальное пространство городского бизнес-сообщества, и фиксируется словарями.

Если говорить о единицах со значением расположения в стороне от центра, на периферии, нельзя не упомянуть о словосочетании *side street*. Дословно — «боковая улица», то есть улица, которая пересекает ту, о которой идет речь, по которой движется персонаж, от чьего лица ведется повествование. В данном случае имеет место первичная референция: *A car came out of a side street on Acre Lane without seeing him or stopping* [10. P. 124]. Очевидно, что в примере речь идет о том, что машина просто повернула на ту улицу, по которой шел герой. О самой улице сообщается лишь то, что она находится сбоку от персонажа. Однако данная единица может использоваться и метафорически, в значении «маленькая улочка», «второстепенная дорога»: *Up the side street Lindon Road* [Ibid. P. 420]. В указанном примере данное словосочетание в целом выполняет функцию определения.

Таким образом, использование метафорических пространственных описаний достаточно широко распространено в современном англоязычном художественном дискурсе при создании образа города. В рамках художественного текста активно используется пространственная лексика, что объясняется природой феномена города как такового. Изображаемое городское пространство при этом описывается автором, с одной стороны, в соответствии со стоящими перед ним задачами воздействия на читателя, с другой — в соответствии с характерными для отдельно взятой лингвокультуры нормами, представлениями о городе. Эти представления находят отражение в коннотациях тех или иных пространственных параметров. Коннотации пространственных параметров, в свою очередь, зачастую основываются на концептуальных метафорах (ориентационных, онтологических, пространственных). Активное использование концептуальных метафор приводит к появлению и функционированию в языке устойчивых единиц (лексических конструктов и словосочетаний), описывающих пространство города и имеющих в своем составе компонент

с пространственным параметром, однако при этом слабо или вообще никак не соотносящихся с реальным, физическим пространством. Такие метафорические единицы формируют ментальное пространство описываемого города.

Список литературы

1. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. — М. : Логос, 2003. — 250 с.
2. Гжегорчикова, Р. Понятийная оппозиция «верх-низ» (пол. “wierzch” . “spod”) и языковая модель пространства / Р. Гжегорчикова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М. : Языки рус. культуры, 2000. — С. 78—84.
3. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров — М. : Гнозис, 2003. — 280 с.
4. Питина, С. А. Реализация образа поликультурного города в художественном дискурсе / С. А. Питина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2010. — № 4. — С. 140—143.
5. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: Семантика и структура / под ред. Т. В. Цивьян. — М., 1983. — С. 227—284.
6. Auster, P. In the Country of Last Things / P. Auster. — New York : Viking Press, 1987. — 188 с.
7. Fauconnier, G. Mental Spaces [Электронный ресурс] / G. Fauconnier. — URL: <http://terpconnect.umd.edu/~israel/Fauconnier-MentalSpaces.pdf>.
8. Faulks, S. A Week in December / S. Faulks — London : Vintage Books, 2009. — 390 с.
9. Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : Univ. of Chicago Press, 1980.
10. Lanchester, J. Capital / J. Lanchester. — London : Faber and Faber Ltd, 2012. — 577 с.

Сведения об авторе

Урванцев Глеб Васильевич — старший преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. punkhoyleb@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 253—258.*

METAPHORIC DESCRIPTION OF URBAN SPACE IN CONTEMPORARY ANGLOPHONE FICTION DISCOURSE

G.V. Urvantsev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. punkhoyleb@mail.ru

The article deals with naming and describing urban objects based on spatial conceptual metaphors in contemporary Anglophone discourse. Urban space in fiction is implemented by authors with a view to his or her goals and the practices typical of his or her culture. They lead to certain connotations of spatial parameters. These connotations are based on conceptual metaphors, typical of a given culture. The active use of conceptual metaphors in describing urban objects and city space leads to the appearance of fixed expressions that make use of spatial components, while not describing the real, physical space. These fixed expressions are metaphoric and they shape the mental space of a city.

Keywords: *spatial metaphor, urban space, mental space.*

References

1. Valgina N.S. *Teoriya teksta* [Text theory]. Moscow, 2003. 250 p. (In Russ.).
2. Grzegorcikowa R. Poniatiynaya oppozitsiya «verkh-niz» (pol. “wierzch”, “spod”) i yazykovaya model' prostranstva [Conceptual opposition up-down (Polish “wierzch”, “spod”) and the language model of space]. Arutyunova N.D., Levontina I.B. (eds.). *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical Analysis of a Language. Languages of Spaces]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. Pp. 78—84. (In Russ.).

3. Makarov M.L. *Osnovy teorii diskursa* [Bases of discourse theory]. Moscow, 2003. 280 p. (In Russ.).
4. Pitina S.A. Realizatsiya obraza polikul'turnogo goroda v khudozhestvennom diskurse [Implementation of the image of a polycultural city in fiction discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2010, no. 4, pp. 140—143. (In Russ.).
5. Toporov V.N. Prostranstvo i tekst [Space and text]. Tsyv'yan T.V. (ed.). *Tekst: Semantika i struktura* [Text: Semantics and Structure]. Moscow, 1983. Pp. 227—284. (In Russ.).
6. Auster P. *In the Country of Last Things*. New York, Viking Press, 1987. 188 p.
7. Fauconnier G. *Mental Spaces*. Available at: <http://terpconnect.umd.edu/~israel/Fauconnier-MentalSpaces.pdf>.
8. Faulks S. *A Week in December*. London, Vintage Books, 2009. 390 p.
9. Lakoff G., Johnson, M. *Metaphors We Live by*. Chicago, University of Chicago Press, 1980.
10. Lanchester J. *Capital*. London, Faber and Faber Ltd, 2012. 577 p.

УДК 8Р2 ББК 83.3 (2 Рос=Рус) 6-8
DOI 10.24411/1994-2796-2018-11037

ДВА КРЫЛА ЛИРИКИ А. Н. ЕРАНЦЕВА (ЗВУК И СИМВОЛ)

В. П. Федорова

Курганский государственный университет, Курган, Россия

Исследуется фоника лирики А. Н. Еранцева. Установлены две фонические константы: звукопись и звукообраз. Изучается звукопись как инструмент художественного исследования чувств, эмоций, настроений лирических героев. Выявлено слияние фоники и символики, которая в значительной мере восходит к фольклору. Отмечена содержательность звукописи, значимость ее в создании сложного узора чувств, диалога лирического героя и молвы. Рассмотрена специфика звукообраза.

Ключевые слова: *Еранцев, Пушкин, лирика, фоника, звукопись, символы, фольклорная поэтика, звукообраз, психологический рисунок, идиостиль, звукообраз.*

С боков «ощупывая слово», лирический герой лирики А. Н. Еранцева рисует мир в звуках, красках, символах. Он заставляет свое слово звучать в связке с эхом. Ему важно знать, как его слово отзовется, важно, чтобы оно не осталось в молчаливой пустыне. Публичная оценка стихов и книг нужна была и поэту А. Н. Еранцеву, о чем он прозрачно говорил в стихотворении «Эхо».

Выйди, эхо, белым волком,
Бабой — тертым калачом,
Медвежатником с двустволкой
Над резиновым плечом.
Остуди из-под надбровий
Ржавой гулкой головы,
Но лови меня на слове
И на помысле лови.
Обернись степной дикаркой,
Плетью бей, конем топчи,
Надо мной кружи и каркай,
Но не прячься, не молчи! [3. С. 183].

К сожалению, эхо не было громогласным. Да и сам автор жил скромно, хотя талантом его природа не обидела. Удивительно яркими, звучащими, играющими красками предстают и мироздание и маленький уголок Зауралья. Своеобразием звукописи в лирике А. Н. Еранцева является ее взаимосвязь с другими художественными приемами, в частности с символикой. «Языковая структура» [5. С. 149] его стихов мотивирована ее содержанием и структурой.

Мастерство владения звуком у каждого поэта свое. Тайна звучания слова кажется непостижимой.

Много-много лет тому назад наш учитель словесности А. В. Богословский предложил мне, де-

сятикласснице, подготовить для одного из поэтических вечеров сообщение на тему «Звукопись в романе А. С. Пушкина “Евгений Онегин”». Не только предложил, но и дал свое прочтение содержательности звуковой инструментальности в романе. Учитель был пожилым, в 1953 г. ему было около семидесяти лет. Следовательно, родился он в конце XIX в., пережил брожения в литературе, игру словами и звуками. Думаю, звук его интересовал, но не как игровой, забавный, а как наполненный смыслом.

Учителем литературы Александр Васильевич был от Бога. Знал многое наизусть и нас заставлял заучивать классику. Нас он вводил в художественную мастерскую поэтов.

— Как начинается роман? — Вопрос ко мне. Читаю наизусть:

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.

— По началу строфы можно судить о дяде и отношении к нему племянника?

— Пожалуй, нет. Только позже прочитывается лукавство молодого повесы. Узнаем кое-что и о деревенском старожиле, — это мое суждение.

— Неправильно. Пойдем к тексту. Первое слово — «мой». Звучит громко, чисто, горделиво. Читатель настраивается слушать сюжет о замечательном человеке, родство с которым возвышает. Однако второе слово снимает возвышенный тон и приподнятость звукового ряда. Радость, ликование, отразившиеся в возгласе «мой», снимается. Чем? А словом «дядя», то есть «дя-дя». Как дятел стучит. Повторяется одно и тоже. Монотонность,

без движения. Об отсутствии душевных порывов этого деревенского старожилы узнаем чуть позже. А вначале звукопись дает понять, каков он — этот «дя-дя».

В таком роде мне растолковывалось значение звукописи. Как оказалось, роман наполнен звукописью, а Пушкин предстал мастером, владевшим этим чудом. Так школьнице была открыта тайна звуков, которые своим особым порядком создавали чудный рисунок художественной ткани произведения. Для меня это было дверью в храм художественного мастерства поэта. Надо же! Звуком передана атмосфера волшебного края театра, бала с его мазуркой. И всего-то упор на звук **р**:

Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремел мазурки гром,
В огромной зале все дрожало,
Паркет трещал под каблуком,
Тряслися, дребезжали рамы... [6. С. 99]

А характеристика душевно мягкой легкомысленной Ольги через упор на звук **л**: «улыбка, локоны льняные... все в Ольге». А шуршание взвившегося театрального занавеса!

Через годы, отодвинувшие школу, мне увиделась нить, связывающая А. Н. Еранцева с А. С. Пушкиным. Я имею в виду дивную работу поэта из Зауралья над содержательностью звука — звукописью как инструмента изображения многообразия мира.

Обратимся к поэтическому перлу под названием «Молва»:

Играла Любка в духовом оркестре
На золотой залатанной трубе.
По вечерам косяк парней окрестных
Водила в общежитие к себе.
И под кошачьи вопли радиолы
Качалась у порог трын-трава,
И шлейфом за коротеньким подолом
Тянулась поселковая молва.
А я, приемыш гулевых окраин,
Шел к Любке, наговором не отравлен,
И уши кумачовые мои
Горохом набивали соловьи.
И за спиною было тихо-тихо.
Не оттого ль,
Что, как в смешном кино,
Я нес девчонке белые гвоздики,
А не портвейн — веселое кино?
Но створки снова размыкали пасти,
И занавески, словно языки,

С ее ладоней смахивали счастье,
И оставались желтые плевки.
Но, горести отчаянной в отместку,
Наперекор накликающей судьбе,
Играла Любка в духовом оркестре
На золотой залатанной трубе. [3. С. 99].

Это стихотворение о радости открытия подростком чуда, которое изумляет и радует его. Но вместе с тем лирическому герою довелось увидеть людскую злобу, оставляющую «желтые плевки». Создается сложный противоречивый рисунок смены настроения села, увидевшего в руках приемыша гулевых окраин белые гвоздики, предназначенные Любке. Пунцовые уши подростка читатель понимает правильно. Это понимала и молва, но не могла сдержаться от стремления ужалить, осудить девчонку.

Читателя потрясает открытие «приемышом гулевых окраин» сложности и противоречивости людских эмоций, злобности, которая таится за занавесками, а также непокорности и несгибаемости таланта. Наперекор всему играет Любка в духовом оркестре. Следовательно, и цветы ей принесут. Закрепляет впечатление чудо — звукопись. С ее помощью передаются неожиданность встречи с чудом, оторопь от увиденного и услышанного. Потрясение героя передает нагромождение звонких согласных. Звук трубы подобен грому: **играла, оркестре, трубе**. Явственно слышится уханье металла: **духовом — ух, ор — оркестре**.

Семантическая нагруженность эпитета «золотой» в сочетании с троекратным повторением звука **о** передает удивление — О! Но следующий эпитет — «залатанной» — вносит в картину космического лада нотку неблагополучия, что создается не только семантикой слова, но и нагнетанием звука **а**, который используется в языке как звуковое оформление крика, испуга: **а-а-а!** В соответствии с мотивами противоположного отношения села и подростка к Любке в стихах сталкивается, с одной стороны, агрессивный сонорный звук **р**, шипящие звуки и умиротворенный мягкий гласный **и**: «и за спиною было тихо-тихо». Но тут же вместе с противительным союзом «но» врывается фонологическое нагромождение: «но створки снова размыкали пасти». Тревожное отсутствие гармонии нарастает. Звукопись постоянно в движении и противоречивости, как психологический настрой деревенской улицы. Оптимистические эмоции создаются участием звукописи в кольцевой композиции. В аспекте

«системы кадров внутреннего зрения» [8. С. 124] важна соотнесенность начала и конца стихотворения. В ней (как в школьном закреплении) наминается о потрясении, эмоциональном взрыве подростка и утверждается мысль о негасимости светлого чувства наперекор злобным створкам — пастям, занавескам. Естественно, в лирике тоже важную роль играет сюжет. Однако звукоизобразительные способы оформления поэтической речи придают изображаемому эмоциональный заряд. Прав Ю. М. Никишов, утверждая: «Позиция поэта приподнята над жизнью, зовет читателя за собой от будничного к возвышенному» [4. С. 407].

Соединением звучания и смысла, слитностью звуков и выражением мысли отмечено стихотворение «Бабы пески».

Выходила девушка на бабы пески,
Приносила вишенье на старые мостки,
Рубахи не стирала, кувшинки не рвала —
Милого, строптивного до горя прождала.
Подкатило горюшко — в горле катышок.
Повязала девушка по-бабы платок,
Выплакала в речку одолеть — тоску,
Разбросала вишенье по белому песку:
«Прилетай, соколик мой, напейся беды,
Поищи под берегом сыпучие следы.
Сосчитай песчинки, вырви лебеду.
Доживешь до горюшка — сама приду!»
[3. С. 98]

Психологический рисунок создан трагедийными мотивами, фольклорной символикой и звукописью. Этот поэтический перл трогает читателей судьбой оступившейся девушки. Не только оступившейся, но и покинутой «строптивным милым». Это все сюжет. Более глубокому его прочтению способствует фольклорная символика. Она связана с образами природы, творениями рук человеческих, бытовыми предметами, в том числе одежды.

Стихотворение сложно для прочтения содержания комплекса мотивов, символики, чувств. Вызывает возражение истолкование содержания произведения Ю. М. Никишовым, доктором филологических наук, исследователем творчества А. С. Пушкина. Его позиция кажется странной уже потому, что он лично знал Еранцева, дружил с ним, следовательно, понимал важную особенность творчества близкого человека. Эта особенность — подтекст, создаваемый символикой, звукообразностью, элементами мифопоэтики. Обратимся к тексту Ю. Никишова. Он

считал, что для автора «Бабых песков» характерно то, что безоблачную любовь он не изображает. Отношения возлюбленных проходят суровые испытания. Вроде бы девушка сама кличет беду и горе на голову своего строптивного милого. Но вот какой принципиальный момент: героине это нужно не для того, чтобы позлорадствовать, — для того, чтобы человеку в горе свое плечо подставить [4. С. 355]. Ну и ну! Что-то не видно плечо подмоги. Видно другое — мотив пушкинской русалки. Дожил один обманщик до горюшка, оказался на дне реки. Эта судьба ждет другого. Предлагаю свое прочтение стихотворения.

Символично пространство: свидание назначено у мостков, однако строптивного нет. Символ мостков врывается в ситуацию неизбежной горечи. Это не мост, соединяющий два берега, не место общения молодежи [9. С. 184—185], не сакральный предмет, который мифологическое сознание воспринимает как «предмет, соединяющий “этот” и “тот свет”». Существовали поверья, что путь «на тот свет» лежит по мосту через реку (часто огненную реку). В святочных гаданиях мост и вода нередко были связаны с символикой любви и брака. Девушка ставила на ночь у кровати сосуд с водой, потом связывала из прутьев мостик и клала его сверху; во сне ей должен был явиться жених и перевести ее через мост [10. С. 364]. В Зауралье мост был локусом обрядовой и мирской жизни молодежи [9. С. 184—188]. Содержательно пространство. Оно может быть представлено верхом и низом, на мосту и под мостом. Пространство верха, как правило, выходит на положительные эмоции, светлые поступки и явления. Под мостом — локус отрицательный. В частушках свидание под мостиком — символ неблагополучия, разрыва отношений, обмана. Широко в крае бытует частушка:

Меня милый изменил
У воды под мостиком.
Он пошел, а я сказала:
— Обезьяна с хвостиком.

Еранцев пишет не о мосте, а о мостках — досках, выдвинутых в воду. Прикрепленные к берегу и дну водоема, они являются бытовым предметом: с них черпают воду, полоскают белье. Свиданий у мостков не было. Мостки — оборванный мост, символ несостоявшейся судьбы. Отсутствие свежести, чистоты отношений символизирует изношенность, старость мостков.

Символичен предмет растительного мира — вишенье. В фольклорной поэтике плоды вишни соотносятся с горечью женской доли.

Символикой обозначен выбор героиней своего дальнейшего пути. Она передает своему соколику весть о том, что надо ему поискать под берегом сыпучие следы, сосчитать песчинки, вырвать лебеду. Драматическая ситуация не досказана, но она передается в символах смерти (песок), неблагополучия (лебедя) и содержательности звукописи. Комплекс звуков **и, у, ю**, шипящих, трудно произносимого сочетания (сосчитай, песчинки) создают атмосферу тревоги. Сюжет, мотивы, символика, звукопись призваны в едином ключе передать чувство безмерного горя, которое вызывает такое же неподдельное чувство сострадания читателя.

Анализ звукового оформления произведения как целостного явления позволил выявить преобладание агрессивного звучания, что в единстве с символикой усиливает психологически напряженный рисунок.

Константная тема А. Н. Еранцева — жить горечи отчаянной в отместку — раскрывается через символику и звукопись в стихотворении «Кузница». Показателен сплав символики и фоники:

Там, на задворках, посреди
Подсолнечного гвалта
Стучит у кузницы в груди
Тяжелая кувалда.
Плуги кует, подковы рвет.
И там, в угаре плотном,
Все дышит, дышит огонек
Одним дырявым легким. [З. С. 125].

Небольшой объем произведения не закрывает емкости, всечеловечности его содержания. О чем оно? О свете в конце тоннеля, о свете поэзии, помогающей путнику, идущему по тяжелой дороге жизни, преодолевающему трудности. Но впереди — огонек, хотя и слабый, он держится, светя людям. Одним легким дышит — дышит огонек. После шипящего звука **ш** звук **и** звучит как **ы**. Звукопись задает ритм, в который погружается читатель, и передает тяжесть работы и тяжелое дыхание.

Доминирующими в звуковой гамме являются **в, у**. В соединении с неблагозвучным сочетанием **с, ч, ж, ш** передается перехваченное дыхание: легкое-то одно.

В проекции мифа кузница — сакральный предмет, в центре которого помещалась печь. В четы-

рех стенах творилось превращение одного предмета в другой, нужный человеку. Здесь правит бал огонь, мифологема которого как Божества, организующего лад, проявилась и в фокализации. Символика огня, лампы как света творчества здесь переплелась с содержательным звукорядом, задающим ритм и звуковую картину эмоционально высокого настроения.

Отдельной проблемой исследования лирики А. Н. Еранцева может быть звукообраз.

Мир в лирике А. Н. Еранцева отличается многообразием звучания. Особенностью идиостиля поэта является бинарное звучание — голос и эхо. Оно объединяет всю вселенную: от голоса малиновика до дрожи звезд. За звуковым контекстом пространства угадываются размышления автора о роли поэта и поэзии в пробуждении жизненных токов, об устойчивости мира, космическом ладе, взаимосвязи природы и человека.

Звук презентирован как свидетельство жизни:

Дятел, дятел, ты не спятил?
Ты других уговори
Врачевать деревьям лапы
От зари и до зари.
Ты инструмент рабочий свой
Продай за лист осинового,
На вечеринке птичьей спой
С малиновкой малиновой,
Чтоб сердце дрогнуло у звезд,
Как под весенним током.
Ты голосист иль безголос,
В лесу не знают толком.
И околесицу несут
Синицы — желтопузики:
Мол, деревянный перестук
Для дятла слаще музыки.
А он стучит: тук-тук, тах-тах,
Весь в порохе древесном.
И носят сосны на руках
Его за эту песню [Там же. С. 38].

Устойчив мотив отклика человека на звук природы:

Сгорают день. Его зола — усталость —
Безмолвно оседает на виски.
И та теплинка, что во мне осталась,
Уйдет на то, чтоб сердце завести.
А сколько сил у времени в запасе!
Часы с руки я не снимаю. Пусть,
Простукивая кожу на запястье,
Бессонно мой подталкивают пульс.
И сердце чутко, вопреки сомнению,

Отозвалось, пружинит шаг легко,
И начинаю я вторую смену
Тем новым шагом сердце моего. [З. С. 43].

В стихотворении озвучена константная тема Еранцева: чудо творчества и речь молвы. Роль дятла видится в том, что он пробуждает мир, продолжает стучать и чистить лес, несмотря на околесицу синиц-желтопузиков. Не случайно заканчивается стихотворение мотивом благодарности сосен, которые носят дятла за эту песню на руках.

Звук объединяет природное и созданное человеком. В то время, когда человек горделиво номинировался как царь природы, А. Н. Еранцев показывал, кто в мироздании хозяин. Лесорубы входят в музыку леса, только заслушав смутный гул земли, перед которым сняли ушанки. Речь о стихотворении «Столбы».

В глухом бору, на ясной просеке,
Заслышав смутный гул земли,
Ушанки сняли, шубы сбросили
И строем в музыку вошли.
И знают певчая синица
И волк, с тетеркою в зубах,
Какая страсть в столбах таится,
В раздетых, связанных столбах.
Бывало, в бурю кедр кудлатый,
Ломая шапку набекрень,
По проводам ударит лапой —
И плачут девять деревень [Там же. С. 196].

Человек придал дереву — столбам страсть, о чем знают обитатели леса. Но природа сильнее человека: в бурю кедр ударом лапы по проводам заставляет плакать девять деревень, оставшихся без света.

Приметой идиостиля Еранцева является олицетворение звукообраза, единство романтического и бытового. Обратимся к стихотворению «Цикады играют в бирюльки».

Цикады играют в бирюльки,
Уходит листва в забытье,
А море работает глухо,
Как будто стирает белье.
Не верьте прибрежному морю! [Там же. С. 178].

В лирике Еранцева звук-образ подчиняет себе человека, его душу и плоть: песню самолучшую

лирический герой чувствует спиной («Пусты следы»). Тоны земли дают силу и вдохновение:

Наплакал чибис целое болото,
Болото это расхвалил кулик.
Схожу-ка я в охотку на охоту:
Весна мне домовничать не велит.

Березы из потопленной низины
Уходят на иззябнувших корнях
И старые граничные корзины,
Прогнувшись в стане, держат на плечах.

А на бугре дымят коровьи шаньги,
И жаворонок песнями истек,
И, крыльями взмахнув, моя ушанка
Меня выдергивает из сапог.

Костер кизячный я на взгорке вздую.
Пяток картошин подарю ему,
И сладкий вздох и длинное раздумье
Я у парного поля перейму... [Там же. С. 43].

Эмоциональное движение в лирике А. Н. Еранцева создается и сменой звукообраза: от знакового молчания (ежика молча плачет в кувшине, полном тишины) до громовых раскатов (мечет гром угрозы без умолка). Звук часто переплетается с красками, создавая объемность пейзажа:

Ведут нас осенние тропы
По роще, где думы светлей,
А листья на солнечных стропях
Спускаются к сонной земле.
И, словно в торжественном зале.
В лесу тишина.
И слегка
Сквозь рыжие хлопья мерцают
Два глаза — два майских жука.
Так медленно, так невесомо,
Как медленный сон наяву,
Нам под ноги падает солнце,
За лето впитавшись в листву.
Лучится расплавленной медью...
Молчу и тебя берегу:
По солнцу ходить не умею,
По солнцу ходить не могу [З. С. 42].

Срастаясь с мотивным контекстом, звукообраз представляет собой самостоятельное явление художественного значения.

Список литературы

1. Веселов, В. Живое биение жизни / В. Веселов // Антология зауральских писателей : в 2 т. Т. I. — Шумиха, 2011. — 524 с.
2. Гачечиладзе, Г. Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи / Г. Р. Гачечиладзе. — М. : Совет. писатель, 1980. — 252 с.
3. Еранцев, А. Избранное / А. Еранцев ; сост. Ю. М. Никишов, Г. А. Травников. — Курган : Зауралье, 2007. — 435 с.
4. Никишов, Ю. Звезда Алексея Еранцева / Ю. Никишов // Еранцев А. Избранное / сост. Ю. М. Никишов, Г. А. Травников. — Курган : Зауралье, 2007.
5. Новиков, Л. А. Художественный текст и его анализ / Л. А. Новиков. — М. : Рус. яз., 1987. — 300 с.
6. Пушкин, А. С. Евгений Онегин // А. С. Пушкин. Собр. соч. : в 10 т. Т. IV. — Л. : Наука, 1977—1979. — 429 с.
7. Солганик, Г. Я. Язык газеты, радио, телевидения: около 1000 слов и выражений / Г. Я. Солганик. — М. : АСТ : Астрель. 2008. — 749 с.
8. Тюпа, В. И. Анализ художественного текста / В. И. Тюпа. — М. : Академия, 2009. — 336 с.
9. Федорова, В. П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья / В. П. Федорова. — Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 1997. — 283 с.
10. Шапарова, Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. Около 1000 статей / Н. С. Шапарова. — М. : АСТ : Астрель : Рус. словари, 2001. — 624 с.

Сведения об авторе

Федорова Валентина Павловна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и фольклора филологического факультета, Курганский государственный университет. Курган, Россия. filfak@kgsu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 259—265.*

TWO WINGS OF A.N. ERANTSEV'S LYRICS (SOUND AND SYMBOL)

V.P. Fedorova

Kurgan State University, Kurgan, Russia. filfak@kgsu.ru

This article is devoted to a fonik of lyrics of A.N. Erantsev. Tone painting and sound image are considered as two phonic constants. Tone painting as the tool of an art research of feelings, emotions and mood of lyrical heroes is studied in the article. Merge of fonik and symbolics which considerably goes back to folklore is revealed. The pithiness of tone painting, its importance in creation of a difficult pattern of feelings, dialogue of the lyrical hero and a rumor is noted. The specific features of a sound image are considered.

Keywords: *Erantsev, Pushkin, lyrics, fonik, tone painting, symbols, folklore poetics, sound row, psychological drawing, own style, sound image.*

References

1. Veselov V. Zhivoye bieniy zhizni [Live beating of life]. *Antologiya zaural'skikh pisateley v 2 t. T. I* [Anthology of Trans-Urals Writers in 2 vol. Vol. I]. Shumikha, 2011. 524 p. (In Russ.).
2. Gachechiladze G.R. *Khudozhestvennyy perevod i literaturnye vzaimosvyazi* [Literary translation and literary interrelations]. Moscow, 1980. 252 p. (In Russ.).
3. Erantszev A. *Izbrannoye* [Selected Works]. Kurgan, 2007. 435 p. (In Russ.).
4. Nikishov Yu. *Zvezda Aleksey Erantseva* [Alexey Erantsev's Star]. Kurgan, 2007. 435 p. (In Russ.).
5. Novikov L.A. *Khudozhestvennyy tekst i ego analiz* [The literary text and its analysis]. Moscow, 1987. 300 p. (In Russ.).

6. Pushkin A.S. Evgeniy Onegin [Evgeniy Onegin]. *Sobraniye sochineniy v 10 t. T. IV* [Collected works in 10 vol. Vol. IV]. Leningrad, 1977—1979. 429 p. (In Russ.).
7. Solganik G.Ya. *Yazyk gazety, radio, televideniya: okolo 1000 slov i vyrazheniy* [Language of the newspaper, radio, television: about 1000 words and expressions]. Moscow, 2008. 749 p. (In Russ.).
8. Tyupa V.I. *Analiz khudozhestvennogo teksta* [The analysis of the literary text]. Moscow, 2009. 336 p. (In Russ.).
9. Fedorova V.P. *Svad'ba v sisteme kalendarnykh i semeynykh obychayev staroobryadtsev Yuzhnogo Zaural'ya* [Wedding in the system of calendar and family customs of Old Believers of the Southern Trans-Ural region]. Kurgan, 1997. 283 p. (In Russ.).
10. Shaparova N.S. *Kratkaya entsiklopediya slavyanskoy mifologii. Okolo 1000 statey* [Short encyclopedia of Slavic mythology. About 1000 articles]. Moscow, 2001. 624 p. (In Russ.).

УДК 398 ББК 82.3
DOI 10.24411/1994-2796-2018-11038

БАШКИРСКИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИЙ БАИТ «САК-СУК» И ЕГО ПАРАЛЛЕЛИ (по сказкам и легендам болгарского народа)

Г. С. Ханова, Г. В. Юлдыбаева

Уфимское отделение Федерального исследовательского отделения Российской академии наук, Уфа, Россия

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта
№ 16-34-01020 — ОГН «Мифологический баит „Сак-Сук“ (варианты и исследования)»*

Статья посвящена исследованию параллелей в сюжетах башкирских текстов мифологического баита «Сак-Сук» со сказками и легендами болгарского народа о кукушке (филине) и сове. Выяснилось, что у данных фольклорных произведений сходная сюжетная основа: проклятие матерью своих непослушных детей и превращение их в птиц, которым не суждено встретиться друг с другом.

Ключевые слова: фольклор, башкирский баит, мифология, «Сак-Сук», болгарская сказка, болгарская легенда, кукушка (филин) и сова, параллели.

Мифологический баит «Сак-Сук», отличающийся особым архаическим сюжетом, пользуется большой любовью башкирского народа. В баите повествуется о матери, которая из-за шалости, непослушания прокляла своих детей, те, в свою очередь, превратились в мифических птиц и улетели из дома навсегда. Баит «Сак-Сук» встречается среди татарского и чувашского народов. Чувашский вариант баита, по словам исследователя Г. Ф. Трофимова, возник в ходе тесного взаимодействия с татарским народом [6].

В результате исследования архивных материалов фольклорного кабинета БашГУ (1958—1999), фольклорного центра БашГПУ им. М. Акмуллы (2004, 2005, 2009—2012), фольклорного фонда кабинета башкирской филологии Сибайского института (филиала) БашГУ (1997—2005), научного архива УНЦ РАН (1938—1988), а также материалов фольклорных (2003—2015) и археографических экспедиций ИИЯЛ УНЦ РАН (1973—1976) было выявлено, что башкирские тексты баита «Сак-Сук» распространены в 34 районах Республики Башкортостан, а также за ее пределами: в Республике Татарстан, Курганской, Челябинской, Оренбургской, Саратовской, Свердловской областях и Пермском крае. В башкирском народном творчестве баит «Сак-Сук» встречается в поэтической и прозаической форме [10. С. 52]. Если в фольклоре чувашского народа баит «Сак-Сук» известен как пеит или историческая песня, то у башкирского народа имеются тексты, где информанты представляли его

как сказку. Несмотря на форму изложения баита и появление некоторых сюжетных особенностей, во всех текстах сохраняются основные мотивы, связанные с поведением детей, проклятием, превращением в птиц, тоской проклятого и проклиняющего. Мотив проклятия и превращения существует и у других народов. По тематической классификации и распределению фольклорно-мифологических мотивов по ареалам [2] сюжеты, где дети не дают воды матери либо мать (мачеха, приемный отец) не дает воды или еды ребенку и обиженный превращается в птицу и улетает, встречаются в фольклоре Древней Индии, бенгальцев, сингалов, каламианцев, болгар, белорусов, украинцев, чеченцев, казанских татар, телеутов, шорцов, хакасов, ненцев, энцев, хантов, манси, северных селькупов, кетов, юги, илимпийских эвенков, сымских эвенков, эвенов, нанайцев, негидальцев, нивхи, нутка, катламет, западных сахаптин, нэ персэв [2].

В ходе исследовательской работы нами были выявлены параллели в сюжетах башкирских текстов баита «Сак-Сук» со сказками и легендами болгарского народа. Например, в книге Панайота Маджарова «Жизнь восточнофракийских болгар в их песнях и рассказах» на болгарском языке, посвященной изучению жизни и фольклора беженцев из Восточной Фракии, поселившихся в Юго-Восточной части Болгарии, дается сказка «Кукувица и чухалът» («Кукушка и сова»): «Было у одной женщины двое детей, дочь и сын. Никак не дружили, никак между собой не ладили.

Все играли и дрались. Надоело матери каждый день их слушать и их каждый день ругать и поучать. Прокляла их: — Да сделай, господь, так, чтобы не слышали да не видели. Услышал господь. И стали брат с сестрой птицами. Брат стал совой, а сестра кукушкой. Кукушка кукует днем, сова зовет сестрицу “чух”, “чух”. Они слышат друг друга, но никогда не могут встретиться» [4. С. 285]. У болгарского народа птицы кукушка и сова имеют сходные названия: кукумявка — сова, кукувица — кукушка, кукувейка — сова и кукушка [3. С. 586].

Схожий сюжет мы встретили в текстах баита «Хак и Сук» («Һак менән Сук») в деревнях Ишберда, Яратово Баймакского района РБ, Кужаново Абзелиловского района РБ и Султаево Сосновского района Челябинской области РФ. Если часто в башкирских, татарских и чувашских текстах детьми являются двое сыновей или близнецы, то в рассмотренных текстах фигурируют именно сын и дочь. Любопытно и то, что в двух вариантах баита, записанных в Баймакском районе РБ, информанты уточняли, что дочь звали Сук, а брата Хак.

Исходя из сюжета башкирского текста, ученый З. Г. Аминев названия птиц сак и сук связывает со словами ночь и день. По словам исследователя, слово «сук» в авестийском и согдийском языках, относящихся к восточной ветви иранских языков означает «свет». А слово «сак», является антиподом, то есть означает «черное, темное». Доказательством к этому автор приводит слово «сиах», встречающееся в персидском языке. Возможно, поэтому в башкирском языке слово «сак» обозначает ночную птицу, а точнее, воробьиного сыча [1. С. 83]. В татарском народе мнение о существовании птиц сак и сук противоречиво. Это якобы реальные птицы, которых никто никогда не видел, но голоса которых якобы слышали [7. С. 54]. У чувашского народа птицу из породы сов величиной немногим больше скворца зовут сасук [6. С. 114]. Чувашки называют ее совой шангайской, поскольку она издает звук «шанк». По словам Г. Ф. Трофимова, в чувашских пеитах встречаются варианты, где вместо птиц сак и сук выступают кукушки. Информанты из Шаранского и Бижбулякского районов РБ, утверждали, что видели птиц сак и сук. По их рассказам, эти птицы похожи на кукушку [Там же. С. 115].

Информант из города София (Болгария) также рассказал, что знает эту сказку как «Бухальт и со-

вата» («Филин и сова»). Далее с его слов: «Сам я эту сказку знаю как “Бухальт и совата” (“Филин и сова”) и рассказывал ее мне отец, когда я был маленький. Сюжет сказки, которую рассказывал мне отец, совпадает со сказкой, представленной в книге Панайота Маджарова. Мой отец слышал ее от своего деда, который родился в 1867 году в Центральной Болгарии, в деревне Сливито. И тогда это была Османская Империя. Нынешнее поселение Гурково, в Балкане» (1).

В книге А. В. Гуры «Символика животных в славянской народной традиции» (1997) представлены две легенды, зафиксированные в болгарском фольклоре. По одной из них, после проклятия матери сын превращается в филина (чухал), а дочь — в кукушку (кукавица), которым не суждено встретиться друг с другом. В другой легенде мать проклинает детей за то, что те не принесли ей воды. В тот же миг сын превращается в филина (чухал), дочь — в сову (кукумявка). Сова днем слышит, но не видит, а филин ночью видит, но не слышит, а кричит [3. С. 574]. Такой же сюжет был записан во время экспедиции 1960—70-х гг. студентами БашГУ в Салаватском районе РБ («Һак менән Сук») [10. С. 52]. И у белорусского народа имеется схожий сюжет, где больная мать проклинает дочь за то, что та вместе с братом не принесла ей воды, и превращает ее в кукушку [2].

Еще одна болгарская легенда гласит о брате и сестре, которых за какую-то провинность Бог превращает в филина и кукушку. Сестра-кукушка днем зовет брата-филина, но в наказание он не может откликнуться. Только ночью филин отвечает кукушке: «Чух, чух!» (Слышал, слышал!) [3. С. 575]. Сюжет легенды напоминает вариант баита «Сак и Сук», записанный в Абзелиловском районе РБ. Но в данном тексте дети были прокляты из-за игры с тестом для хлеба материнскими слезами. Всевышний, увидев непослушных детей, с намерением помочь матери превратил их в птиц [10. С. 52]. Только дети хотят встретиться, как наступает рассвет и первые лучи солнца разделяют их. В данном варианте пол детей не указывается. По словам Г. Ф. Трофимова, в чувашском варианте, записанном в Республике Башкортостан, имеется легенда, где два брата разошлись, дав клятву не встречаться больше друг с другом. По этой причине якобы и не разрешает бог птицам-братьям сходиться [6. С. 113].

Таким образом, изучив башкирский мифологический баит «Сак-Сук» и болгарские сказки

и легенды о кукушке (филине) и сове, можно сказать, что данные фольклорные произведения имеют близкую сюжетную основу. Отличия лишь в названиях птиц, хотя у двух народов главные герои превращаются в ночных птиц семей-

ства совиных. И в некоторых случаях в болгарских фольклорных произведениях один из героев (в основном дочь) превращается в кукушку. Исследования в этом направлении в дальнейшем будут продолжены.

Список литературы

1. Аминев, З. Г. Этимология имен Сак и Сук в одноименном башкирском баите «Сак-Сук» / З. Г. Аминев // Шайхзада Бабич — выдающийся башкирский поэт и общественно-политический деятель : материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Уфа, 2015. — С. 81—85.
2. Березкин, Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам [Электронный ресурс] / Ю. Е. Березкин, Е. Н. Дувакин. — URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/115-41.htm>.
3. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. — М. : Индрик, 1997. — 912 с. (Традиционная культура славян / Современные исследования).
4. Маджаров, П. Животът на източнотракийски българи в техните песни и разкази / П. Маджаров. — София : Проф. Марин Дринов, 2001. — 309 с.
5. Полевые записи Хусаиновой Г. Р., зафиксированные в 2013 г. в д. Яратово и Ишберда Баймакского района РБ.
6. Трофимов, Г. Ф. Фольклор: бытование пеита «Сак-Сук» / Г. Ф. Трофимов // Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы. — Чебоксары, 1989. — С. 113—22.
7. Урманче, Ф. И. Лиро-эпос татар Среднего Поволжья / Ф. И. Урманче // Основные проблемы изучения баитов. — Казань: Татар. книж. изд-во, 2002. — С. 53—57.
8. Хусаинова, Г. Р. Фольклор челябинских башкир (материалы и исследования) / Г. Р. Хусаинова, Г. В. Юлдыбаева, Ф. Ф. Гайсина. — Уфа, 2012. — 204 с.
9. Ханова, Г. С. Мифологический сюжет баита «Сак и Сок» и его дальние изоглоссы / Г. С. Ханова // Этнос. Общество. Цивилизация: Четвертые Кузеевские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф. — Уфа, 2015. — 107—110 с.
10. Ханова, Г. С. Мифологический баит «Сак-Сук» в устно-поэтическом творчестве башкирского народа (по архивным материалам фольклорного фонда кабинета башкирской литературы Башкирского государственного университета) / Г. С. Ханова // Филол. науки. Вопр. теории и практики. — 2017. — № 7 (73) : в 3 ч. Ч. 2. — 51—53 с.
11. Әбйәлил дәфтәре: фольклор язмалары / авт.-төз. Ф. Нәзершина. — Өфө, 2010.

Информанты: записано автором в 2017 г. от Георги Стефанов Илиев (1967), София, Болгария.

Сведения об авторах

Ханова Гульназ Салимьяновна — аспирантка 3-го года обучения, ордена «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы — обособленное структурное подразделение федерального государственного бюджетного научного учреждения «УФИЦ РАН». Уфа, Россия. tuzgul@mail.ru

Юлдыбаева Гульнар Вилдановна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ордена «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы — обособленное структурное подразделение федерального государственного бюджетного научного учреждения «УФИЦ РАН». Уфа, Россия. nargul1976@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 266—270.*

BASHKIR MYTHOLOGICAL BEIT “SAK-SUK” AND ITS PARALLELS (Based on Fairy Tales and Legends of the Bulgarian People)

G.S. Khanova

Institute of History, Language and Literature — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia. tuzgul@mail.ru

G.V. Yuldybaeva

Institute of History, Language and Literature — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia. nargul1976@list.ru

Mythological Beit “Sak-Sok” with a distinct archaic plot, distributed to the Bashkir, Tatar and Chuvash peoples. Beit tells of a mother who, because of mischief and disobedience, cursed her children and they turned into mythical birds and flew out of the house forever. According to the archival materials of the folklore study of the Bashkir State University (BSU) (1958—1999), the Folklore Centre of the M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University (2004, 2005, 2009—2012), the folklore fund of the Bashkir philology cabinet of the Sibaiy Institute (branch) of the Bashkir State University (1997—2005), the scientific archive of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa Science Center RAS) (1938—1988), as well as the folklore (2003—2015) and archeographic expeditions of the Institute of History, Language and (1973—1976) it was revealed that the Bashkir version of the beit is spread in poetic and prose form in thirty-four districts of the Republic of Bashkortostan, as well as beyond: in the Republic of Tatarstan, Kurgan, Chelyabinsk, Orenburg, Saratov, Sverdlovsk regions and the Perm territory of the Russian Federation. When studying similar subjects of other peoples, parallels were revealed in the stories of Bashkir Beit texts “Sak-Sok” with tales and legends of the Bulgarian people about the cuckoo (eagle-owl) and owl. The Bashkir texts were recorded in the Baimak, Abzelilovsky, Salavat districts of the Republic of Bashkortostan and in the Chelyabinsk region of the Russian Federation.

According to one of the plots of the Bulgarian and Bashkir folklore works, the mother curses children because of her pranks, and in another text curses the children because they did not bring the mother of water. Having studied the materials it has been proved that these works close the plot basis. Differences only in the names of birds, although the two main characters are transformed into night birds from the family of owls. Thus, research in this direction will be continued.

Keywords: *Bashkir Beit, mythology, “Sak-Sok”, Bulgarian fairy-tale, Bulgarian legend, parallels.*

References

1. Aminev Z.G. Etimologiya imen Sak i Suk v odnoimennom bashkirskom baite “Sak-Suk” [The etymology of the names Sak and Sok in the Bashkir Beit “Sak-Suk”]. *Shaykhzada Babich — vydayushchiysya bashkirskiy poet i obshchestvenno-politicheskiy deyatel’* [Shaykhzada Babich is an outstanding Bashkir poet and social and political figure]. Ufa, 2015. Pp. 81—85. (In Russ.).
2. Berezkin Yu.Ye., Duvakin Ye.N. *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredeleniye fol’klorno-mifologicheskikh motivov po arealam* [Thematic classification and distribution of folklore-mythological motifs by area]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/115-41.htm>. (In Russ.).
3. Gura A.V. *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Symbols of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 912 p. (In Russ.).
4. Madzharov P. *Zhivot’ t na iztochnotrakiyski b’lgari v tekhnite pesni i razkazi* [Life of Eastern Thracian Bulgarians in Their Songs and Stories]. Sofia, Prof. Marin Drinov Publ., 2001. 309 p. (In Bulg.).
5. *Polevye zapisi Khusainovoy G.R., zafiksirovannye v 2013 g. v d. Yaratovo i Ishberda Baymaksogo rayona RB* [Field records of Khusainova GR, recorded in 2013 in the village of Yaratovo and Ishberd of the Baimaksky district of the Republic of Bashkortostan]. (In Bash.).
6. Trofimov G.F. Fol’klor: bytovaniye peita “Sak-Suk” [Folklore: Sak-Suk beit]. *Chuvashi Priural’ya: kul’turno-bytovye protsessy* [Chuvashs in the Cisurals: cultural and common processes]. Cheboksary, 1989. Pp. 113—122. (In Russ.).

7. Urmanche F.I. *Liro-epos tatar Srednego Povolzh'ya: Osnovnye problemy izucheniya baitov* [Lyrik-epic of the Tatars of the Middle Volga Region: The main problems of studying Bait]. Kazan, Tatar Book Publishing House, 2002. 53—57 p. (In Russ.).

8. *Fol'klor chelyabinskikh bashkir (materialy i issledovaniya)* [Folklore of Chelyabinsk Bashkirs (materials and research)]. Ufa, 2012. 204 p. (In Bash.).

9. Khanova G.S. Mifologicheskiy syuzhet baita “Sak i Sok” i ego dal'niye izoglossy [The mythological plot of “Sak-Sok” bait and its remote isoglosses]. *Etnos. Obshchestvo. Tsivilizatsiya: Chetvertye Kuzevskiy chteniya* [Ethnos. Society. Civilization: The Fourth Kuzev Conference]. Ufa, 2015. 107—110 p. (In Russ.).

10. Khanova G.S. Mifologicheskiy bait “Sak-Sok” v ustno-poeticheskom tvorchestve bashkirskogo naroda (po arkhivnym materialam fol'klornogo fonda kabineta bashkirskoy literatury Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta) [Mythological Bait “Sak-Suk” in the oral-poetic creativity of the Bashkir people (according to archival materials of the folklore fund of the cabinet of the Bashkir literature of the Bashkir State University)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2017, no. 7 (73) in 3 pt., pt. 2. 51—53 pp. (In Russ.).

11. Nadrshina F. (author-compiler). *Abzelilovskaya tetrad' (fol'klornye zapisi)* [Abzelilov's notebook (folklore records)]. Ufa, 2010. (In Bash.).

Informants: recorded by the author in 2017 from Georgi Stefanov Iliev (1967), Sofia, Bulgaria.

СХОДСТВО И ОТЛИЧИЕ ОБРАЗА РЕБЕНКА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУР (по данным ассоциативных словарей)

Цзинь Чжи, Е. В. Харченко

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Описываются результаты анализа ассоциативных полей к стимулу *ребенок*, представленные в разноязычных ассоциативных словарях. Для исследования использовался метод семантического дифференциала Ю. Н. Караулова, что позволило распределить все реакции по группам. В результате проведенной работы выявлено, что во многих лингвокультурах совпадают качества ребенка, отражающие его внешность (*маленький, милый*), опыт (*наивный*), типичные действия (*ползает, плачет*). Отличия обусловлены прежде всего культурной спецификой.

Ключевые слова: *психолингвистика, языковое сознание, ассоциативный эксперимент, лингвокультура, образ ребенка, семантический гештальт.*

Несмотря на то что споры о сущности сознания и языкового сознания не утихают и в наши дни, следует сказать, что теория языкового сознания, ставшая предметом обсуждения на многих конференциях и симпозиумах разного уровня и являющаяся базовой теорией во многих научных исследованиях, доказала свою состоятельность. Изначально сознание было объектом исследования философии и психологии, однако антропологизм современных научных знаний предполагает, что вопросы сознания становятся актуальными в лингвистике и психолингвистике, поскольку фокус внимания переносится с системы языка на речь, а следовательно, на человека, который продуцирует эту речь. Сегодня вопросы производства и восприятия речи, онтогенеза все чаще волнуют не только психолингвистов (для которых эти сферы являются традиционными), но и многих «классических» лингвистов. Под языковым сознанием вслед за Е. Ф. Тарасовым мы понимаем совокупность структур сознания, в формировании которых были использованы социальные знания, и образов сознания, формирующихся и овнешняемых при помощи языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей [8. С. 26]. Ю. Н. Караулов трактует языковое сознание как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений» [5. С. 9].

Ассоциативный эксперимент сегодня активно используется в разных лингвистических исследованиях. «Ассоциативный эксперимент — это

прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте» [1]. В настоящее время ассоциативный эксперимент является важным методом исследования языкового сознания и культурной специфики образов сознания, поскольку он позволяет исследователю максимально приблизиться к ментальному лексикону, вербальной памяти, культурным стереотипам человека [2. С. 73].

Благодаря деятельности ученых из Московской психолингвистической школы появилось много ассоциативных словарей на разных языках, данные которых дают обширный материал, позволяющий выявить универсальные черты образа ребенка в языковом сознании носителей разных лингвокультур. В нашем случае мы получили материал на русском, английском, белорусском, болгарском, украинском, немецком, французском языках. К сожалению, в настоящее время нет большого Китайского ассоциативного словаря. Во всех случаях респондентами были, как правило, студенты от 18 до 25 лет. В предисловии к Русскому ассоциативному словарю (РАС) говорится, что «к 17 — 25 годам становление языковой личности в основном завершается, и ее структура остается относительно стабильной на протяжении всей жизни. Следовательно, анализируя социальные, этические, историко-культурные, прочие оценочные реакции испытуемых, можно прогнозировать некоторые характеристики состояния массового сознания в российском обществе на ближайшие десятилетия, то есть на период, когда испытуемые будут составлять

активное ядро общества» [6. С. 4]. Вслед за авторами РАС мы также считаем, что респонденты, принявшие участие в свободном ассоциативном эксперименте, на базе которого составлялись данные словари, пройдя социализацию в рамках определенной культуры, отражают специфику данной лингвокультуры.

Работа со словарями состояла из нескольких этапов. На первом этапе мы искали в выбранных ассоциативных словарях стимул *ребенок*. Данный стимул присутствует во всех словарях, что, на наш взгляд, обусловлено ценностью ребенка как важного культурного компонента. На втором этапе был сделан перевод (где это было необходимо) на русский язык. В некоторых случаях пришлось обращаться к носителям культуры за отдельными комментариями (самым сложным оказался перевод с болгарского языка). Далее проводился анализ полученного материала. В нашем исследовании для выявления базовых характеристик образа ребенка мы использовали методику построения семантического гештальта, предложенную Ю. Н. Карауловым. «От пословного сопоставления одноименных ассоциативных полей естественно перейти к сравнению их семантических структур. Дело в том, что большинство ассоциативных полей обнаруживает особую внутреннюю семантическую организацию своего состава, названную мною “семантическим гештальтом” и характеризующую поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурой реальности» [4].

Полученные данные мы разместили в табл. 1—7.

Сравнение семантических гештальтов к стимулу *ребенок* в разных ассоциативных словарях позволяет сделать выводы о том, что образ ребенка в языковом сознании носителей разных лингвокультур имеет общие черты, как правило, обусловленные перцептивными данными. Так, наиболее частотной является реакция *маленький*. Это связано с объективными физическими характеристиками ребенка. Кроме того, это показывает, что типичный ребенок во всех лингвокультурах является маленьким, тот, кто имеет большой рост, не может считаться ребенком.

Важное место отводится социальной роли ребенка и отношению со взрослыми (как антагонистами). Можно отметить большую роль матери. Реакция *мать* является частотной во всех проанализированных словарях, и минимальное количество (а иногда и отсутствие) реакции *папа*, стоит упомянуть и частотность реакции *родители*.

При анализе мы выявили сходство в представлении о ребенке в разных лингвокультурах (табл. 8).

Интересно появление слова «родитель» в единственном числе в реакциях французских респондентов (во всех остальных лингвокультурах — только множественное число). На наш взгляд, это связано с тем, что вслед за США в Европе был принят закон о том, что для продвижения однополых браков и исключения нетолерантности понятия «мама» и «папа» заменяются словами «родитель 1» и «родитель 2».

При анализе данных французского ассоциативного словаря мы увидели специфические реакции, например *AVS* (ассистенты, которые находятся

Таблица 1

**Семантический гештальт к стимулу CHILD (ребенок)
на материале англоязычного ассоциативного словаря [10]**

КТО	baby (малыш) 7; infant (младенец) 5; kid (малыш) 4, man (человек) 4; boy (мальчик) 2, children (дети) 2, father (отец) 2, girl (девочка) 2, parent (родитель) 2; adults (взрослые) 1, kids (детки) 1, lover (любovníк) 1, tot (карапуз) 1, woman (женщина) 1
ЧТО	care (забота) 4; birth (рождение) 3; pram (коляска) 2; clothes (одежда) 1, ecstasy (восторг) 1, future (будущее) 1, kite (бумажный змей) 1, mistake (ошибка) 1, safety (безопасность) 1, sex (секс) 1, sleep (сон) 1, smile (улыбка) 1, water (вода) 1
КАКОЙ	adult (взрослый) 8; young (молодой) 7; small (маленький) 6; bastard (незаконнорожденные) 1, green (зеленый) 1, later (поздний) 1, mine (мой) 1, mother's (мамин) 1, obey (послушный) 1, playing (играющий) 1
ЧТО ДЕЛАЕТ	play (играть) 3; bearing (рожать) 1, crying (плачет) 1, gone (ушел) 1, hinder (мешает) 1, like (нравиться) 1, nuisance (мешает) 1
ГДЕ	school (школа) 4; family (семья) 2; home (дом) 1, nursery (детский сад) 1
ДРУГИЕ	—

Таблица 2

**Семантический гештальт к стимулу ENFANT (ребенок)
на материале франкоязычного ассоциативного словаря [3]**

КТО	enfant parent (родительский ребенок) 59; adulte (взрослый) 45; bébé (ребенок) 44; parents (родители) 18; gamin (ребенок) 15; jeunesse (молодежь) 9; gosse (ребенок) 5, maman (мама) 5, mere (мать) 5; môme (ребенок) 4; bambin (малыш) 3, fils (сын) 3, nourrisson (младенец) 3, kid (малыш) 3; ascendant (ангелы) 1, anges (восходящий) 1, AVS (ассистенты, которые находятся в классах в качестве помощи учителю) 1, blond (блондинка) 1, children (англ. дети) 1, descendance (потомство) 1, enfant (ребенок) 1, femme (женщина) 1, garçon (мальчик) 1, jeuneadulte (молодой взрослый) 1, juvenile (несовершеннолетних) 1, papa (папа) 1, progéniture (потомство) 1, puéril (детеныш) 1, roi (король) 1, sœur (сестра) 1
ЧТО	jouet (игрушка) 12; innocence (невинность) 10; jeux (игры) 7, joie (радость) 7; adolescent (подросток) 6; jeu (игра) 5, jouer (игра) 5, vie (жизнь) 5; amour (любовь) 4, innocent (невинность) 4, rire (смех) 4, sourire (улыбка) 4; avenir (будущее) 3, Bonheur (счастье) 3, cri (крик) 3, education (образование) 3, mîche (мяканье) 3, naïf (наивный) 3, naïveté (наивность) 3; vérité (правда) 2; ado (подросток) 1, âge (возраст) 1, balançoire (качели) 1, ballon (мяч) 1, blague (шутка) 1, bruit (шум) 1, cadeau (подарок) 1, candeur (наивность) 1, chœur (хор) 1, cœur (сердце) 1, cris (крики) 1, début (начало) 1, épanouissement (расцвет) 1, éponge (губка) 1, aille (недостаток) 1, fraîcheur (свежесть) 1, future (будущее) 1, grossesse (беременность) 1, idealism (идеализм) 1, joueur (игрок) 1, malheur (несчастье) 1, naissance (рождение) 1, nombreux (многие) 1, patrie (Родина) 1, pédophile (педофил) 1, pédophilie (педофилия) 1, pénible (боль) 1, piaf (Пиаф) 1, pleur (плач) 1, pleure (плач) 1, pleures (плач) 1, pleurs (плач) 1, potential (потенциал) 1, procréer (деторождение) 1, putain (трах) 1, pyjama (пижама) 1, recreation (отдых) 1, regard (взгляд) 1, rêve (мечта) 1, rires (смех) 1, rôle (роль) 1, salopette (комбинезон) 1, soumission (подчинение) 1, sport (спорт) 1, têteblonde (блондинка голова) 1, Toto (Тото (имя)) 1
КАКОЙ	petit (маленький) 52; jeune (молодой) 29; fragile (хрупкий) 3, beau (красивый) 3, gate (испорченный) 3, insouciant (беззаботный) 3, sage (мудрый) 3; bruyant (шумный) 1, capricieux (темпераментный) 1, chiant (скучный) 1, délicat (нежный) 1, fatigant (утомительный) 1, gentil (добрый) 1, grand (добрый) 1, gentil (большой) 1, heureux (счастливый) 1, illégitime (незаконнорожденный) 1, insouciance (беззаботный) 1, inutile (бесполезный) 1, magnifique (великолепный) 1, malade (больной) 1, mignon (милый) 1, mineur (несовершеннолетний) 1, morveux (сопливый) 1, pauvre (бедный) 1, peluche (плюшевые) 1, restraint (сдержанный) 1, rose (розовый) 1, sauvage (дикий) 1, vicieux (порочный) 1, vieux (старый) 1
ЧТО ДЕЛАЕТ	grandir (расти) 3; câlin (обнять) 1, choyer (побаловать) 1, do (англ. делать) 1, dormir (спать) 1, emmerde (раздражает) 1, être (быть) 1
ГДЕ	famille (семья) 6; école (школа) 4; maison (дом) 1
ДРУГИЕ	bon (хорошо) 1, libre (бесплатно) 1, loup (волк) 1, moustique (комар) 1, non (нет) 1, retour (назад) 1, s'amuser (весело) 1, zwerg (гном в немецком языке) 1

Таблица 3

**Семантический гештальт к стимулу KIND (ребенок)
на материале немецкоязычного ассоциативного словаря [9]**

КТО	eltern (родители) 36; baby (ein) (ребенок) 28; mutter (мать) 18; nachwuch (потомство) 4; nachkommen (потомство) 3; binich (я) 2, tochter (дочь) 2; blond (блондинка) 1, mädchen (девушка) 1, mensch (человек) 1, mutti (мама) 1, fantasie (женщина) 1, geschwister (братья и сестры) 1, jugend (юность) 1, junge (мальчик) 1, jüngererkind (младший ребенок) 1, kleinemensch (маленький человек) 1, mamam indertsjährig (брошенный мамой) 1, nachfahren (потомки) 1, shrentner (пенсионерка) 1, schwangerefrausein (беременная женщина) 1, sohn (сын) 1, spaß (веселье) 1, vater (отец) 1
ЧТО	liebe (любовь) 9; freude (радость) 6; schutz (защита) 5, unschuld (невинность) 5; geburts (роды) 4; hoffnung (надежда) 3; eigenerziehen (свое воспитание) 2, erziehung (воспитание) 2, geschrei (крик) 2, glück (счастье) 2, kindheit (детство) 2, spielzeug (игрушка) 2, verletzlich (уязвимость) 2, wiegen (взвешивание) 2, zukunft (будущее) 2; ball (мяч) 1, bekommen (получение) 1, drillinge (триплеты) 1, eeglück (семейное счастье) 1, lachen (смех) 1, lieben (любовь) 1, schwangerschaft (беременность) 1, spielt (игра) 1, aufpassenmuss (наблюдение) 1, alterszugehörigkeit (безрассудство) 1, anfang (возраст) 1, arbeit (начало) 1, ärgengel (работа) 1, erinnerung (мучения) 1, erlebnisse

Окончание табл. 3

	(страдание) 1, generationsnachfahren (поколение) 1, geschlechtsverkehr (общение) 1, gesundhass (здоровая ненависть) 1, hegen (забота) 1, hilflos (беспомощность) 1, kleidchen (платье) 1, lacht (смех) 1, leben (жизнь) 1, licht (свет) 1, neuesglück (новое счастье) 1, paolo (паоло) 1, pflege (забота) 1, plappern (лепет) 1, puppe (кукла) 1, risiko (риск) 1, sinndeslebens (смысл жизни) 1, sinn (смысл) 1, stress (стресс) 1, tiertotesäckchen (сумка для животных) 1, training (обучение) 1, verantwortung (ответственность) 1, versorgen (забота) 1, verspielt (игривость) 1, wanst (дергание) 1, wiegen (взвешивание) 1, wunsch (желание) 1
КАКОЙ	klein (маленький) 110; jung (молодой) 29; unschuldig (невинные) 8; erwachsene (взрослые) 6; glücklich (счастливый) 2, hilflos (беспомощный) 2; daswertvollstegut (самое ценное) 1, ustig (смешной) 1, naiv (наивный) 1, nervig (раздражающий) 1, neugierig (любопытный) 1, niedlich (симпатичный) 1, schlafen (спящий) 1, zschützen (ащищающий) 1, schwanger (беременный) 1, alte (старый) 1, frau (дерзкая) 1, frech (свободная) 1, fürsorge (заботливая) 1, gebaren (рожающая) 1, geliebt (любимая) 1, jugendliche (молодой) 1, kindlich (детский) 1, neutral (нейтральное) 1, rein (чистая) 1, spielerisch (игривый) 1, unbehaltend (непослушный) 1, unerfahren (неопытный) 1, ungehorsam (непослушный) 1, ungetrübteise (беззаботный) 1, wichtig (важный) 1, zerbrechlich (хрупкий) 1
ЧТО ДЕЛАЕТ	aufwachsen (расти) 3, weinen (плакать) 3; neckennervend (раздражать дразнить) 1
ГДЕ	familie (семья) 13; haus (дом) 1
ДРУГИЕ	schreiensüß (сладкий плач) 6; beschützen Erwachsener (защищать взрослых) 3; dumm (глупо) 2; 5-jährige (5 лет) 1, aufdieichatmet (на которых я дышу) 1, mobilemalwelche (мобильное время) 1, möchteich (хотел бы я) 1, ruhighalten (сохранять спокойствие) 1, schlecht (плохо) 1, schön (красиво) 1, spatter (позже) 1, vielArbeit (много работы), viele (много), willichnicht (я не хочу) 1, wundervoll (замечательно) 1

Таблица 4

**Семантический гештальт к стимулу РЕБЕНОК на материале
Славянского ассоциативного словаря (русский язык) [7]**

КТО	дитя 21; сын 14; малыш 13; мать 11; дети 10; мальчик 8, младенец 8; мама 5; маленький человек 4; дите 3, родители 3, человек 3; ангел 2, девочка 2, ребенок 2, старик 2, я 2; грудничок 1, Димочка 1, дочь 1, жена 1, мать 1, инопланетянин 1, каприз 1, карапуз 1, матери 1, Маша 1, мужина 1, несмышлениш 1, нытик 1, отец 1, племянник 1, родитель 1, родственник 1, сестра 1, спиногрыз 1, убийца 1, умник 1, умница 1, человек 1, чертенок 1, baby 1
ЧТО	радость 16; счастье 15; крик 5, пеленки 5, плач 5, цветок 5; детство 4, любовь 4, колыска 3, мал 3, соска 3, чадо 3; будущее 2, возраст 2, забота 2, заботы 2, истина 2, наивность 2, нежность 2, прелесть 2, роды 2, чудо 2; болезнь 1, болен 1, веселей 1, веселье 1, гор 1, добро 1, животное 1, жизнь 1, защита 1, игрушка 1, игрушки 1, искренность 1, киндер 1, мечта 1, молодость 1, мороженое 1, напрокат 1, невинность 1, неприятности 1, питание 1, ответственность 1, погремушка 1, проблемы 1, свобода 1, слаб 1, слезы 1, смех 1, соколовище 1, солнце 1, существо 1, тварь 1, трудности 1, тягость 1, умиление 1, урод 1, чистота 1
КАКОЙ	маленький 93; мой 20; грудной 9; взрослый 7; малый 6; здоровый 5, родной 5; больной 4, красивый 4, милый 4, веселый 4; глупый 3, любимый 3, плачущий 3, умный 3, хороший 3, чужой 3; беззащитный 2, большой 2, единственный 2, новорожденный 2, послушный 2, чей 2; балованный 1, внебрачный 1, вредный 1, голенький 1, добрый 1, долгожданный 1, жалобный 1, желаемый 1, желанный 1, забавный 1, заплаканный 1, игрушечный 1, капризный 1, ласковый 1, малой 1, мелкий 1, мертвый 1, молодой 1, наш 1, незащищенный 1, немой 1, непослушный 1, нервы 1, нужный 1, плаксивый 1, подвижный 1, резвый 1, родимый 1, слабый 1, смешной 1, счастливый 1, трудный 1, хорошенький 1
ЧТО ДЕЛАЕТ	плачет 23; родился 4; кричит 3, спит 3; весел 1, визжит 1, выпороть 1, вырос 1, ждать 1, заболел 1, играет 1, плакать 1, растет 1, улыбаться 1, усохнуть 1, ходит 1, шалит 1
ГДЕ	семья 5; детский сад 1, дом 1, школа 1
ДРУГИЕ	в семье 3; в колыске 2, жеребенок 2, котенок 2, плод любви 2, цветок жизни 2; в свое время 1, интересно 1, интересное создание 1, как дитя 1, кровь и плоть моя 1, начинает жить 1, не мой 1, не надо 1, не свой 1, ни за что 1, ой 1, рано 1, то, ради чего живем 1, хорошо 1, чей-то 1, чистый лист 1, это счастье для семьи 1, 5 лет, собака 1

Таблица 5

**Семантический гештальт к стимулу ДЗІЦЯ (ребенок) на материале
Славянского ассоциативного словаря (белорусский язык) [7]**

КТО	маці (матери) 35; немаўля (ребенка) 8; немаўлятка (малютка) 5; дзяўчынка (девочка) 4, хлопчык (мальчик) 4; вясёлае (мальчик) 3, малыш (малыш) 3, сын (сын) 3; анёл (ангел) 2, бацька (отец) 2, бацькі (родители) 2, жанчына (женщина) 2, маленькі чалавек (маленький человек) 2, стары (старик) 2, сястра (сестра) 2; брат (брат) 1, бяссонне (бессонница) 1, дачкі (дочери) 1, дзяўчына (девушка) 1, друга (друга) 1, извращенец (извращенец) 1, карапуз (карапуз) 1, маленький ребёнок (маленький ребенок) 1, мама (мама) 1, матуля (мамочка) 1, маці (матери) 1, мы (мы) 1, патамак (потомок) 1, маленькі чалавечак (маленький человечек) 1, ребёнок (ребенок) 1, чалавек (человек) 1, бацькі (родители) 1, юнак (юноша) 1
ЧТО	радасць (радость) 21; плач (плач) 18; калыска (коляска) 17; крык (крик) 7, любоў (любовь) 7, пялёнкі (пеленки) 7, шчасце (счастье) 7; соска (соска) 5; залёт (залет) 4, калыска (тележка) 4, цацкі (игрушки) 4; кветка (цветок) 3, колыбель (колыбель) 3, малако (молоко) 3, маленства (младенчество) 3, пачатак (начало) 3, усмешка (улыбка) 3; аборт (аборт) 2, будучыня (будущее) 2, жыццё (жизнь) 2, ігрушкі (игрушки) 2, каханне (любовь) 2, клопат (забота) 2, лялька (кукла) 2, нараджэнне (рождение) 2, нявіннасць (невинность) 2, пяшчота (нежность) 2, радасць (радость) 2, слабасць (слабость) 2; абавязак (обязанность) 1, абарона (защита) 1, абуза (обуза) 1, апека (опека) 1, ачаг (очаг) 1, бант (бант) 1, безабароннасць (беззащитность) 1, бездапаможнасць (беспомощность) 1, бесклапотнасць (беззаботность) 1, будучыня (вельмі далёкая) (будущее (очень далекое)) 1, будучее (будущее) 1, воспитание (воспитание) 1, гаўно (говно) 1, гульня (игра) 1, дарога (дорога) 1, дурань (дурак) 1, жалосьць (жалость) 1, забота (забота) 1, зямлі (земли) 1, істота (существо) 1, калыханка (колыбельная) 1, канспект (конспект) 1, капрыз (каприз) 1, клопаты (заботы) 1, люстэрка (зеркало) 1, маладосць (молодость) 1, малако (молоко) 1, мір (мир) 1, мора (море) 1, надзея (надежда) 1, наіўнасць (наивность) 1, непажаданасць (нежелательность) 1, непасрэднасць (непосредственность) 1, някемліваць (непонятливость) 1, памперс (памперс) 1, памперсы (памперсы) 1, паслухмянасць (послушание) 1, пеленкі (пеленки) 1, плакса (плакса) 1, план (план) 1, праблемы (проблемы) 1, працяг (продолжение) 1, радасць (радость) 1, кветкі (цветы) 1, радасць (радость) 1, раддом (роддом) 1, радзімы (родины) 1, разарэнне (разорение) 1, роддом (роддом) 1, роў (рѣв) 1, ручаёк (ручеек) 1, сонейка (солнышко) 1, справядлівасць (справедливость) 1, тройня (тройня) 1, узлёт (взлет) 1, усё (все) 1, уход (уход) 1, уцеха (любезность) 1, царства (царство) 1, цнатлівасць (целомудрие) 1, цыган (цыган) 1, цыгана (цыгана) 1, чад (чадо) 1, часу (времени) 1, шлюб (брак) 1, шорты (шорты) 1
КАКОЙ	малое (малое) 112; маленькае (маленькое) 30; малы (малый) 14; маленькі (маленький) 12; маё (мое) 5; дарослы (взрослый) 3, дачка (веселый) 3, крыклівае (крикливый) 3, разумнае (разумное) 3, хворае (больной) 3; адзінае (единственный) 2, горкае (горький) 2, грудное (грудной) 2, жаданае (желаемый) 2, маленькая (маленький) 2, роднае (родное) 2, саплівае (сопливый) 2; бездапаможны (беспомощный) 1, беспомощный (беспомощный) 1, большое (большой) 1, бяскрыўднае (безобидное) 1, дарагое (дорогое) 1, добрае (хорошее) 1, дужае (крепкий) 1, дурны (глупый) 1, кепскае (плохое) 1, крыклівая (крикливая) 1, ласкавае (ласковое) 1, маленькае (маленькое) 1, сваё (свое) 1; маленькае (маленькое) 1, малое (малое) 1, дурное (глупое) 1, ммелкі (мелкий) 1, народжанае (новорожденный) 1, нежаданае (нежеланный) 1, неразумнае (неразумное) 1, неразумны (неразумный) 1, першае (первое) 1, плаксівае (плаксивый) 1, прыгожае (красивое) 1, пяшчотна (нежное) 1, разбэшчанае (развращенное) 1, ранні (ранний) 1, родны (родной) 1, самаедарагое (самое дорогое) 1, слабы (слабый) 1, сямігадовы (семилетний) 1, чалавечае (человеческое) 1, чужое (чужое) 1, чулая (балованный) 1, шумлівае (игристое) 1, шчаслівы (счастливый) 1
ЧТО ДЕЛАЕТ	плача (плачет) 12; плакаць (плакать) 4; крычыць (кричит) 3; гуляе (играет) 2, крычаць (кричат) 2; карміць (кормить) 1, любіць — кахаць (любить — лелеять) 1, люляць (убаюкивать) 1, нарадзіць (родить) 1, пакарміць (покормить) 1, раджаць (рожать) 1, расце (растет) 1, спаць (спать) 1, спіць (спит) 1, спяваць (петь) 1, спяць (спят) 1, хачу (хочу) 1
ГДЕ	сям'я (семья) 10; дзетсад (детсад) 3; семья (семья) 2, школа (школа) 2; дзіцячы сад (детский сад) 1, дзіцячы садок (детский садик) 1, школа (школа) 1, яслі (ясли) 1, у калысцы (в коляске) 1, у люльцы (в люльке) 1, у маці (в маме) 1
ДРУГИЕ	не трэба (не надо) 3; добра (хорошо) 2, кветка жыцця (цветы жизни) 2, пасля ночы (после ночи) 2; браць на рукі (брать на руки) 1, весела (весело) 1, вясёлай ночы (веселой ночи) 1, дрэва жыцця (дерево жизни) 1, дрэнна (плохо) 1, за руку (за руку) 1, з бацькамі (с родителями) 1, зусім (совсем) 1, лепшае (лучшее) 1, малое і хоча есці (малое и хочет кушать) 1, ацярынскі арганізм (материнский организм) 1, не сваё (не свое) 1, не скоро (не скоро) 1, несучаснае (несуществующее) 1, не хачу (не хочу) 1, няма (нет) 1, пазней (позже) 1, плод кахання (плод любви) 1, працяг жыцця (продолжение жизни) 1, радасць у жыцці (радость в жизни) 1, хачу мець (хочу иметь) 1, цяпло (тепло) 1, часткамаці (часть матери) 1, часть меня (часть меня) 1, яно (оно) 1, ясельнагаў зросту (ясельного возраста) 1, яшчэ адно (еще одно) 1

Таблица 6

**Семантический гештальт к стимулу ДЕТЕ (ребенок) на материале
Славянского ассоциативного словаря (болгарский язык) [7]**

КТО	бебе (бэби) 25; майка (мать) 18; рожба (детище) 13; баща (отец) 7; момче (мальчик) 5, син (сын) 5, човек (человек) 5; ангел (ангел) 4; жена (женщина) 3, момиченце (девочка) 3, хлапе (малыш) 3; аз (я) 2, дъщеря (дочь) 2, на малки ячовек (на маленького человека) 2, момиче (девушка) 2, родители (родителей) 2, само сестра (только сестра) 2, старец (старик) 2, деца/чада (детей) 2, чедо (дитя) 2, дете (ребёнок) 2; бебенце (ребёнок) 1, бебчо (ребёнок) 1, детенце (детка) 1, братче (брат) 1, вуйчо/чичо (дядя) 1, детенце (дитя) 1, дете (ребенка) 1, на дъщеря ми (моей дочери) 1, на дъщеря ми (моей дочери) 1, малко човече (маленький человек) 1, човече (человек) 1, малко-човек (маленький человек) 1, малъкчовек (маленький человек) 1, момиче (девочка) 1, момче (мальчик) 1, момченце (мальчик) 1, мъж (мужчина) 1, момче (мальчик) 1, момченце (малыш) 1, невинно същество (невинное существо) 3; родители (родители) 1, тя (она) 1, ученик (ученик) 1
ЧТО	невинност (невинность) 30; радост (радость) 24; чистота (чистоты) 13; игра (игра) 10, щастие (счастью) 10; любов (любовь) 7; обич (любовь) 6; усмивка (улыбка) 5; играчка (игрушка) 4, очи (глаза) 4, цвете (цветок) 4, чистота (чистота) 4; въздушен балон (воздушный шар) 3, искреност (искренность) 3, плач (плач) 3, слънце (солнце) 3; безгрижие (беззаботность) 2, градина (сад) 2, грижа (забота) 2, детство (детство) 2, душа (душа) 2, живот (жизнь) 2, младост (молодость) 2, надежда (надежды) 2, целомъдрие /непорочност (целомудрия) 2, топка (мяч) 2, уязвимост (уязвимость) 2; беззащитност (беззащитность) 1, богатство (богатство) 1, бreme (бремя) 1, величие (величие) 1, време (время) 1, суета (суета) 1, възпроизводство/размножаване (размножение) 1, роене (роение) 1, глупости (глупости) 1, гледане (уход) 1, полагаанегрижи (сиделки) 1, дар (дар) 1, доброта (добра) 1, животни (животных) 1, играчки (игрушки) 1, идиот (идиот) 1, идиотче (идиот) 1, изрод (урод) 1, инстинкт (инстинкт) 1, искреност (искренность) 1, непринуденост (непринужденность) 1, каприз (каприз) 1, площади (площадь) 1, колело (колесо) 1, компенсации (компенсации) 1, корен (корень) 1, котел (котел) 1, красота (красота) 1, кън (клон) 1, легло (кровать) 1, любопитство (любопытство) 1, в люлката (в люльке) 1, майчинство (материнство) 1, мече (мышка) 1, сън (сон) 1, миловидност (миловидность) 1, непринуденост (непринужденность) 1, доброта (доброта) 1, мисъл/мисли (мысли) 1, мъдрост (мудрость) 1, мъниче (заглушки) 1, на времето (временем) 1, наивност (наивность) 1, нежност (нежность) 1, откритост (открытость) 1, нерви (нервы) 1, нощ (ночь) 1, нравственост (нравственности) 1, око (глаз) 1, зло/злиня (зло) 1, беда (проблема) 1, нещастиепакож (несчастье) 1, палавник (рассол) 1, панделки (ленты) 1, паница (миска) 1, пелени (пеленки) 1, плодове (фрукты) 1, поколение (поколение) 1, портрет (портрет) 1, потомък (потомок) 1, свиняпраше (свинья) 1, природа (природа) 1, проблеми (проблемы) 1, пухче (порошок слойка) 1, пъпка на цвете (цветочный бутон) 1, низкопокклонство (низкопокклонство) 1, рев (рев) 1, род (род) 1, русо (русый) 1, смело (смело) 1, смях (смех) 1, супер (супер) 1, съвършенство (совершенство) 1, съкровище (сокровище) 1, трапчинки (ямочки) 1, тревога/безпокойство (беспокойство) 1, ужас (ужас) 1, улица (улица) 1, хаос (хаос) 1, цветя (цветы) 1, цвят (цвет) 1, целувка (поцелуй) 1, чистота (чистота) 1, нежност (нежность) 1, чистота (чистота) 1, невинност (невинность) 1, чудо (чудо) 1
КАКОЙ	малко (маленький) 49; мое (моё) 11; невинно (невинно) 7; палаво (озорной) 6, сладко (милый) 6; малък (небольшой) 5, мило (маленький) 5; главен/основен (главный) 4; възрастен (взрослый) 3, голям (большой) 3, любимо (любимый) 3, мое (мой) 3, щастливо (счастливый) 3; беззащитно (беззащитный) 2, бяло (белый) 2; бездомен (бездомный) 1, бодър (бодрый) 1, весел (веселый) 1, голям (большой) 1, уродлив (уродливый) 1, здраво (здорового) 1, детски (детского) 1, красиво (красиво) 1, крехка (хрупкий) 1, малко и голямо (маленький и большой) 1, безгрижен (беспечный) 1, невинен (невинный) 1, непоква (неповрежденный) 1, на непорочно (непорочный) 1, палав/немирен/закачлив (озорной) 1, нероденотете/бъдещетодете (будущего) 1, новородено (новорожденный) 1, прямота (прямой) 1, розов (розовый) 1, свободни (свободный) 1, симпатични (симпатичный) 1, с красива усмивка (с красивой улыбкой) 1, скъп (дорогой) 1, умно (умный) 1
ЧТО ДЕЛАЕТ	отделя се на пластове / на слоеве (отделяется) 2; бягам (бежать) 1, играя (играть) 1, плаче (плачет) 1, смее (смеется) 1, дасесмея (смеяться) 1
ГДЕ	смейство (семья) 4; жилища/домове (дома) 1, училище (школа) 1
ДРУГИЕ	добро (хорошо) 8; бъдеще (в будущем) 5; хубаво/добро (хорошо) 3; искам котенце (я хочу котенка) 2, няма мот говорност (у меня нет ответственности) 2; бързо (быстро) 1, весело (весело) 1, детенцето с меченцето (ребенок с медведем) 1, всичко е от ума (это все от ума) 1, интересно (интересно) 1, искам да имам (я хочу иметь) 1, в каква (в какой) 1, малко дете (немного детей) 1, малко (немного) 1, миличко (моя прелесть) 1, много (много) 1, най-прекрасно (самым прекрасным) 1, в света (в мире) 1, обича всичко обично (любит все) 1, да го пазя (держат его) 1, пълнота (полноте) 1, първа радост (первая радость) 1, с малко сърце (с маленьким сердцем) 1, с чисто сърце (с чистым сердцем) 1, аз съм голямо (я большой) 1, усмихнато лице (улыбчивое лицо) 1, щастие (аз мисля) (счастье (я думаю)) 1, аз ще правя — казал президентът (я сделаю — сказал президент) 1

Таблиця 7

**Семантический гештальт к стимулу ДИТИНА (ребенок) на материале
Славянского ассоциативного словаря (украинский язык) [7]**

КТО	мати (мать) 8, немовля (младенец) 8; людина (человек) 4; малюк (малыш) 2, маля (малыш) 2, сестра (сестра) 2; батьки (родители) 1, батько (отец) 1, брата (брата) 1, дитина (ребенок) 1, дитя (ребенок) 1, малеча (малыши) 1, мама (мама) 1, матері (матери) 1, моя сестра (моя сестра) 1, племінниця (племянница) 1, сусіда (соседа) 1, товариша (товарища) 1, учень (ученик) 1, янгол (ангел) 1, чоловік (человек) 1
ЧТО	радість (радость) 25; щастя (счастье) 13; майбутнє (будущее) 11; колиска (колыбель), 7 плач (плач) 7, іграшка (игрушка) 6; іграшки (игрушки) 4, любов (любовь) 4; клопоти (хлопоты) 3, турбота (забота) 3; біль (боль) 2, життя (жизнь) 2, клопіт (хлопоты) 2, коляска (коляска) 2, молодість (молодость) 2, молоко (молоко) 2, невинність (невинность) 2, ніжність (нежность) 2, піклування (заботы) 2, продовження (продолжение) 2, рід (род) 2, сміх (смех) 2, турботи (заботы) 2; відповідальність (ответственность) 1, війни (войны) 1, виховала (воспитала) 1, гра (игра) 1, добро (добро) 1, доброта (доброта) 1, допомога (помощь) 1, забава (забава) 1, заплакала (заплакала) 1, золота (золото) 1, істота (существо) 1, комунізму (коммунизма) 1, кров (кровь) 1, літо (лето) 1, лялька (кукла) 1, малість (малость) 1, машина (машина) 1, морока (морока) 1, надія (надежда) 1, насіння (семена) 1, невинність (невинность) 1, нещастя (несчастье) 1, особистість (личность) 1, памперси (памперсы) 1, пелюшки (пеленки) 1, переживання (переживания) 1, клопіт (хлопоты) 1; плакса (плакса) 1, покоління (поколения) 1, пороку (порока) 1, посмішка (улыбка) 1, початок (начало) 1, садочок (сад) 1, світ (мир) 1, свято (праздник) 1, сонце (солнце) 1, соска (соска) 1, проблема (проблема) 1, створіння (тварь) 1, суспільства (общества) 1, тварина (животное) 1, хвороба (болезнь) 1, чадо (чадо) 1, чистота (чистота) 1, яблуко (яблоко) 1
КАКОЇ	піклування (маленький) 66; плаксива (малая) 53; моя (мой) 10; рідна (родной) 7; весела (веселый) 6, гарна (красивый) 6, розумна (умный) 6; гарненька (красивый) 5; мила (милый) 4, неслухняна (непослушный) 4, чужа (чужой) 4; добра (добрый) 3, здорова (здоровый) 3, красива (красивый) 3, нерозумна (глупый) 3; вередлива (капризный) 2, крихітна (крошечный) 2, любима (любимый) 2, малий (малый) 2, невинна (невинный) 2, новонароджена (новорожденный) 2, плаксива (плаксивый) 2, улюблена (любимый) 2, цікава (интересный) 2, щаслива (счастливый) 2; бажана (желанный) 1, балувана (избалованный) 1, беззахисна (беззащитный) 1, вихована (воспитанный) 1, власна (собственный) 1, вродлива (красивый) 1, гарно (красивый) 1, голодна (голодный) 1, довірлива (доверчивый) 1, знайома (знакомая) 1, кмітлива (умный) 1, колишня (бывший) 1, кумедність (смешной) 1, лагідна (ласковый) 1, малое (малое) 1, наївна (наивный) 1, найрідніша (родной) 1, наша (наша) 1, невгамовна (неугомонный) 1, невчасна (несвоевременный) 1, незаконна (незаконный) 1, неповнолітній (несовершеннолетний) 1, непосидюча (непоседливая) 1, неслухняний (непослушный) 1, німа (немой) 1, новонароджена (новорожденный) 1, об'єднання (объединения) 1, очікувана (ожидаемый) 1, сповита (укрытый) 1, спокійна (спокойный) 1, стара (старый) 1, хвора (больной) 1, хороша (хороший) 1, чемна (учтивый) 1
ЧТО ДЕЛАЕТ	плаче (плачет) 7; виховувати (воспитывать) 2, любити (любить) 2; бігати (бегать) 1, грається (играет) 1, доросла (взрослый) 1, дорослий (взрослый) 1, дурне (глупый) 1, єдина (единственный) 1, жадана (желанный) 1, їсть (ест) 1, плекати (лелеять) 1, сміється (смеется) 1, спить (спит) 1
ГДЕ	сім'я (семья) 2; дитсадок (детсад) 1, дитячий садок (детский сад) 1, в пелюшках (в пеленках) 1, родина (семья) 1, школа (школа) 1
ДРУГИЕ	вовкулаки (вурдалаки) 1, вперше (впервые) 1, все (все) 1, для батьків (для родителей) 1, малегрудне (грудной) 1, маленька людина (маленький человек) 1, мало (мало) 1, мамина (мамин) 1, не моя (не мой) 1, новотворіння (новое творение) 1, приємно (приятно) 1, продовження роду (продолжение рода) 1, треба вчити (надо учить) 1, частина тебе (часть тебя) 1, щоб їсти (чтобы есть) 1

в классах в качестве помощи учителю), были реакции на других языках: *children* (англ. дети), *do* (англ. делать), *zwerg* (нем. гном). А также такие реакции, как *педофил*, *педофилия*, которые не встречаются в других словарях. Несомненный интерес представляют имена собственные: *Пиуф*, *Тото*. Полученные результаты (особенно отличающиеся) нуждаются в интерпретации и объяснении

с помощью опроса носителей культуры. В статье мы ставили целью выделить общее и отличное в разных лингвокультурах.

Таким образом, можно говорить о том, что ребенок является важной частью культуры и отражает традиционные ценности. Ассоциативный эксперимент позволяет получить вербализацию образов языкового сознания носителей культуры.

Таблица 8

Общее в образе ребенка в разных лингвокультурах

№ п/п	Представление о ребенке	Русский	Болгарский	Белорусский	Украинский	Немецкий	Французский	Английский
1	Маленький	маленький 132	малко (маленький) 49	маленькі (маленький) 12	пiклування (маленький) 66	klein (маленький) 110	petit (маленький) 52	small (маленький) 6
2	Наивный	0	0	0	наївна (Наивный) 1	naïv (наивный) 1	0	0
3	Взрослый	взрослый 36	възрастен (взрослый) 3	дарослы (взрослый) 3	0	der (взрослые) 6	adulte (взрослый) 45	adult (взрослый) 8
4	Ангел	0	ангел (ангел) 4	анёл (ангел) 2	ангел (ангел) 1	0	0	0
5	Милый	милый 4	сладко (милый) 6	0	мила (милый) 4	0	0	0

Сегодня существует большое количество ассоциативных словарей на разных языках, что позволяет выявлять общее и отличное в образах языкового сознания. Стимул ребенок представлен во всех ассоциативных словарях, которые мы проанализировали. В результате анализа ассоциативных

полей в разных словарях мы выявили, что образ ребенка имеет много общего в разных культурах. Это обусловлено перцептивными данными (*маленький*), социальным статусом (*родители, мама, папа*). Отличия связаны с этнокультурной спецификой, традициями, социальным укладом.

Список литературы

1. Алферова, Ю. И. Профессионально-маркированные компоненты языкового сознания : дис. ...канд. филол. наук / Ю. И. Алферова — Омск, 2005.
2. Бескорвайная, И. Г. Ассоциативный эксперимент как способ реконструкции фрагментов языкового сознания / И. Г. Бескорвайная // Вопр. психолингвистики. — 2004. — № 2. — С. 73—77.
3. Дебрэнн, М. Французский ассоциативный словарь. Т. 1: От стимула к реакции / М. Дебрэнн. — Новосибирск, 2010. — 252 с.
4. Караулов, Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети / Ю. Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира. — М., 2000.
5. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М. : Эдиториал УРСС, 2002. — 264 с.
6. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — М. : Астрель : АСТ, 2002. — 784 с.
7. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. — М. : 2004. — 790 с. // http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/SAS_pdf/SAS.pdf.
8. Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание — перспективы исследования / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. — М., 2000.
9. Ассоциативные нормы русского и немецкого языков / Н. В. Уфимцева, И. А. Стернин, Х. Эккерт, В. И. Милехина, В. М. Топорова. — М. ; Воронеж : Истоки, 2004.
10. Kiss, G. The Associative Thesaurus of English / G. Kiss, C. Armstrong, R. Milroy. — Edinburg, 1972 (EAT: Edinburgh Associative Thesaurus, URL: eat.rl.ac.uk).

Сведения об авторах

Цзинь Чжи — аспирантка кафедры русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, Россия. azhi0226@mail.ru

Елена Владимировна Харченко — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, Россия. ev-kharchenko@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 271—279.*

SIMILARITY AND DISTINCTION OF A CHILD'S IMAGE IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE CARRIERS OF DIFFERENT LINGUOCULTURES (According to Associative Dictionaries)

Tszyn' Chzhi

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. azhi0226@mail.ru

Ye.V. Kharchenko

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. ev-kharchenko@yandex.ru

The article describes the results of the analysis of the associative fields to the stimulus of the child, presented in the multilingual associative dictionaries. For the research, used the method of semantic differential of Yu.N. Karaulov, which allowed to distribute all the reactions in groups. As a result of the work carried out, it revealed in many linguistic cultures the qualities of a child, which reflect his appearance (small, cute), experience (naive), typical actions (crawling, crying), coincide. Differences are primarily due to cultural specificity.

Keywords: *psycholinguistics, linguistic consciousness, associative experiment, linguoculture, child's image, semantic gestalt.*

References

1. Alferova Yu.I. *Professional'no-markirovannye komponenty yazykovogo soznaniya* [Russian electoral discourse from the standpoint of the concept of procedural rationality]. Omsk, 2005. (In Russ.).
2. Beskorovaynaya I.G. Assotsiativnyy eksperiment kak sposob rekonstruktsii fragmentov yazykovogo soznaniya [Associative experiment as a way to reconstruct fragments of linguistic consciousness]. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of psycholinguistics], 2004, no. 2, pp. 73—77. (In Russ.).
3. Debrenn M. *Frantsuzskiy assotsiativnyy slovar'*. T. 1: *Ot stimula k reaktsii* [French associative dictionary. Vol. 1: From stimulus to reaction]. Novosibirsk, 2010. 252 p. (In Russ.).
4. Karaulov Yu.N. Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v assotsiativno-verbal'noy seti [Indicators of national mentality in the associative-verbal network]. *Yazykovoye soznaniye i obraz mira* [Language consciousness and the image of the world]. Moscow, 1998. 194 p. (In Russ.).
5. Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow, Editorial URSS, 2002. 264 p. (In Russ.).
6. *Russkiy assotsiativnyy slovar' v 2 t. T. 1. Ot stimula k reaktsii: Ok. 7000 stimulov* [Russian associative dictionary in 2 vol. Vol. 1: From stimulus to reaction: about 7,000 stimuli]. Moscow, 2002. 784 p. (In Russ.).
7. *Slavyanskiy assotsiativnyy slovar': russkiy, belorusskiy, bolgarskiy, ukrainskiy* [Slavic associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian]. Moscow, 2004. 790 p. Available at: http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/SAS_pdf/SAS.pdf (In Russ.).
8. Tarasov Ye.F. Yazykovoye soznaniye — perspektivy issledovaniya [Language Consciousness — Perspectives of Research]. *Yazykovoye soznaniye: soderzhaniye i funktsionirovaniye. XIII Mezhdunarodnyy simpozium po psikholingvistike i teorii kommunikatsii* [Language Consciousness: content and functioning. XIII International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory]. Moscow, 2000. (In Russ.).
9. Ufimtseva N.V., Sternin I.A., Ekkert H., Milekhina V.I., Toporova V.M. *Assotsiativnye normy russkogo i nemetskogo yazykov* [Associative rules of the Russian and German languages]. Moscow, Voronezh, 2004. (In Russ.).
10. Kiss G., Armstrong C., Milroy R. *The Associative Thesaurus of English*. Edinburg, 1972 (EAT: Edinburgh Associative Thesaurus. Available at: eat.rl.ac.uk).

УДК 81 ББК 80
DOI 10.24411/1994-2796-2018-11040

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ВРЕМЯ» В ПОСОЛЬСКИХ КНИГАХ ПО СВЯЗЯМ РОССИИ С ХИВОЙ XVII В.

О. О. Чуонов

Ургенчский государственный университет, Ургенч, Узбекистан

Статья посвящена выявлению лексических единиц со значением «время», встречающихся в Посольских книгах по связям России с Хивой XVII в. Автор приходит к выводу, что подьячие (писцы), занимавшиеся переписыванием документов из столбцовых листов в посольские книги, владели культурой русской речи XVII в. в разной степени, и различные орфографические варианты написания этих терминов в текстах рассматриваемых источников являются отражением русского народно-разговорного языка XVII столетия.

Ключевые слова: лексические единицы, время, день, год, лето, посольские книги, XVII в., Россия, Хива.

Недостаточное обращение к письменным памятникам русского языка и их изучению очень часто просвечиваются в исследованиях, характеризующих былое состояние его лексических единиц. Поэтому сложившееся обстоятельство требует расширения источниковедческой базы русского языка — ввода в научный оборот многочисленных актов самых различных жанров, хранящихся в фондах центральных и региональных архивов, и серьезного теоретического обобщения. «Преимущество актов письменности в том, что она в отличие от эпистолярной географически представляет не “оазисы”, а весь массив русского языка, и при этом в течение всего исследуемого периода. Кроме того, она содержит немало лексических элементов, заведомо свойственных народной речи, но вследствие тех или иных причин не получивших отражения в эпистолярных текстах или представленных в них крайне ограниченно и в иных контекстуальных условиях, что небезразлично для выяснения семантики и грамматических качеств слов» [1. С. 12]. Об этом свидетельствуют, например, лексические единицы со значением «время», встречающиеся в «Посольских книгах по связям России с Хивой 1670—1673 гг.» [2] и «Посольских книгах по связям России с Хивой 1682—1684 гг.» [3], хранящихся в фонде 134 «Сношения России с Хивой» Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве.

В указанных источниках само слово *время* употребляется довольно часто: «юргенског(о) хана (Анава) посол Полаткул... ехал к... великому г(о)с(у)д(а)рю (Алексею Михайловичу)

к Москве и приехал в Синбирскъ и в то де время был в Синбирску касимовской ц(а)р(и)цы ч(е)л(о)в(е)къ Курбангунка» [2. Л. 87]; «онъ (хивинского Анавашамбета хана посол Абреимбек Авезбеков) многое время живет в Астарахани а к Москве и назад в Хиву не едетъ» [3. Л. 10 об.]. Это объясняется тем, что старославянизм *время*, прочно закрепившийся в памятниках русской письменности, «не воспринимался как заимствование» [7. С. 108].

«Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского показывает, что непосредственным предком слова *время* было древнерусское *вермя*, а более далеким — общеславянское *вермя* или *вертмя* [4. С. 139]. Русское слово *время* по звучанию сближается с индоевропейской основой *wertmen*, санскритским *vartman* (путь, колея, то есть след колеса). Первоначально оно имело значение «нечто вращающееся» или «нечто вращающееся в прежнее положение и т. п., а основа этого слова в начале общеславянской эпохи выглядела как **верт-мен*» [см.: 8. С. 137]. В данном случае *vart* означает «вращение», *man* — «человека», его «Я» [см.: 10]. В «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н. М. Шанского указывается, что в слове **vertmen* произошло упрощение групп согласных и выпало *t, er* между согласными в ст.-сл. яз. дало *pe* (через “ять”), изменившееся затем в др.-рус. в *pe, e < en* дало позднее в др.-рус. *'a*» [9. С. 95].

Понятие времени, получившее свое первоначальное оформление «в древнецерковнославянском языке, лексико-семантическая система которого создавалась под известным влиянием

греческого языка» [7. С. 108], в большинстве своем известно всем славянским, в частности восточнославянским, языкам.

Словарь русского языка XI—XVII вв. лексему *время* впервые свидетельствует в Слове о полку Игореве под 1204 г. в значении «отрезок времени»¹: «Начати же ся тѣй песни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню» [6. С. 108], а форму *веремя* — в Смоленских грамотах XIII—XIX вв. под 1229 г.: «Что ся деете по веремнемъ, то отидето по верьмнемъ» [5. С. 85].

Лексические единицы со значением «время» встречаются в документах XVII в.: грамотах московских царей; отписках воевод русских городов; челобитных приставов, переводчиков, толмачей, русских пленных; отрывках статейных списков русских посланников; расспросных речах среднеазиатских послов, гонцов; указах царей; памятях, докладах должностных лиц; старинных русских переводах среднеазиатских ханов, челобитных их послов, гонцов, росписях ханских и посольских подарков, переписанных в посольские книги, имеют определенную, только им присущую структуру. Наиболее полные включали:

1) предлог *во* + *год*: «во РОЗ [1668] году» [2. Л. 55]; «во РПА [1673] году» [3. Л. 47];

2) *год* + *месяц* + предлог *въ* + *число* + *день*: «РПА [1673] г(о) февраля въ ИИ [21] де(нь)» [2. Л. 90]; «РЧВ [1683] г(о) въ В [2] де(нь)» [3. Л. 15];

3) предлог *в* + прилагательное *нынешний* + предлог *во* + *год*: «в н(ы)нешнемъ во РОИ [1670] году» [2. Л. 6]; «в н(ы)нешнемъ во РЧ [1681] м году» [3. Л. 14];

4) предлог *в* + прилагательное *нынешний* + существительное *г(о)с(у)д(а)рь*, обозначающее этикет обращения, + предлог *во* + *год* + *месяц* + *число* + *день*: «в н(ы)нешнемъ г(о)с(у)д(а)рь во РОИ [1670] м году генваря въ З [7] день» [2. Л. 1];

5) предлог *во* + *год* + *месяц* + предлог *в* + *число* + *день*: «во РОЗ [1669] году марта въ В [2] де(нь)» [Там же. Л. 6].

¹ Старинные русские тексты (XIII и XVII вв.) передаются средствами современной графики. Надстрочные знаки не воспроизводятся. Для облегчения чтения текста, написанного русской скорописью XVII в., сокращенные написания не сохраняются и соответствующие буквы, использованные нами для раскрытия того или иного слова, пишутся в круглых скобках. Буквенные обозначения чисел даются прописными буквами и дублируются цифирью в переводе на современное летосчисление. Личные собственные имена и географические названия также пишутся в соответствии с нынешними правилами с прописной буквы.

В значениях «время», «неопределенный отрезок времени» в посольских книгах часто выступают также сочетания слов *по се время*, относящихся к номенклатуре времени: «...от хана (хивинского Анавшамбета) ево (хивинского посла Абреимбека) указ по се время нетъ и к Москве онъ не дождався от хана своего указу ехать не похочеть» [3. Л. 28 об.].

Наблюдение над словарным составом рассматриваемых нами посольских книг показало, что со значением «время» («отрезок времени») в их текстах встречается ряд лексических единиц:

1. *Число*: «И был он (российский посол Иван Федотов) в той посылке (в Хиве) и с проездом февраля съ ЕИ (15) числа РОЗ [1669] г(о) году ноябрю по S [6] число н(ы)нешняг(о) РОИ г(о) году 0 [9] м(е)с(я)цов» [2. Л. 33—33 об.].

2. *День* («календарная дата»). При этом оно обозначало определенное число месяца: «июня де въ СИ [16] де(нь) юргенской Анавша ханъ прислал к Ивану (российскому послу) с товарищи с приставом корму Д [4] борана да крупъ и пшеницы ...» [Там же. Л. 10]; «генваря въ 0 [9] де(нь)» [Там же. Л. 76]; «февраля въ КЗ [27] де(нь)» [Там же. Л. 95 об.]; «апреля въ АИ [11] де(нь)» [Там же. Л. 101]; «ноября въ ДИ [14] де(нь)» [3. Л. 37].

3. *Лето*. Основным значением слова *лето* было «год»: «Лета ≠ЗРПА [1673] г(о) февраля въ КА [21] де(нь)» [2. Л. 132]; «Лета ≠ЗРЧ [1681] г(о) июля ИИ [18] де(нь)» [3. Л. 8].

Синонимом слова *год* в одном из его значений было *лето*. Для *год* значение «год, 365 дней» является вторичным, а для слова *лето* — первичным.

Но со временем между значениями слов *год* и *лето* появилось разграничение. Как указывает Ф. П. Филин, «с установлением счета годов (в древней Руси от библейского сотворения мира) понятие “год” качественно меняется, становится более отвлеченным, астрономическим... За словом *лето* закрепляется значение “сезон”, а для понятия “год” выдвигается новый термин *годъ*, временное значение которого раньше было довольно неопределенным» [7. С. 112].

Обращает на себя внимание и то, что в отдельных случаях в официальных дипломатических документах, в частности в старинных русских переводах ярлыков хивинских ханов, фиксируются фразы, являющиеся данью своеобразному эпистолярному этикету XVII в. Таковым является, например, употребленное в тексте русского перевода XVII в. ярлыка хивинского хана Анавшамбета «великим государям и великим князям» Иоанну

Алексеевичу и Петру Алексеевичу, написанно-го арабской графикой на среднеазиатском фарси, устойчивое словосочетание *многие лета*, связанное с пожеланием здоровья адресату: «А мы (хивинский хан Анавашамбет) желаем от б(о)га в(а)шего (Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича) здравия на многие лета» [3. Л. 42 об.].

Одним из распространенных обстоятельственных выражений, соотносящихся с событиями во времени, является словосочетание *в прошлом году*, употребленное в местном падеже: «в прошломъ во РОЗ [1669] м году» [2. Л. 32 об.]; «и в прошлом де во РОИ [1670] м году» [Там же. Л. 84]; «в прошлом де во РЧА [1683] м году в ыюне м(е)сяце» [3. Л. 15].

Наряду с приведенной в посольских книгах отмечается еще одна форма местного падежа, окончания которой восходят к твердой разновидности склонения на *ѡ* во множественном числе: «...в прошлых годах присыланы к Москве из Астарахани с кизылбашскими гонцами и с кубчинами в приставах астараханцы дети боярские» [2. Л. 79—79 об.]; «в прошлых годах посылаю от великого государя къ юргенскому хану с послы ево по челобит(ь)ю по два къречата с наряды» [Там же. Л. 123 об.]; «а в прошлых и во РПЗ [1779] годах давано великих г(о)с(у)д(а)рей жалованья» [3. Л. 99].

Данные посольской книги 1670—1673 гг. показывают, что прилагательное *прошлый* указывает не только на предыдущий год, но и на год,

прошедший вообще, который мог отстоять от указанного на несколько лет: «...в прошлом во РКГ [1615] году по указу бл(а)женные памяти великого г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Михаила Федоровича всеа Руси...» [2. Л. 34 об.]; «в прошлом во РѣЗ [1659] м году приезжалъ к великому г(о)с(у)д(а)рю юргенского Абыл хана посол Девлетъ Мамбетъ» [Там же. Л. 52—52 об.].

Подводя некоторые итоги, можно констатировать следующее:

1. Структура повторяющихся лексических единиц, обозначающих временные понятия, была неодинаковой, поскольку подьячие (писцы), занимавшиеся переписыванием документов из столбцовых листов в посольские книги, владели культурой русской речи XVII в. в разной степени.

2. Различные орфографические варианты написания терминов времени в текстах посольских книг являются отражением русского народно-разговорного языка XVII столетия.

3. Посольские книги по связям России с Хивой XVII в. дают обширный материал для суждения о семантике некоторых разрядов лексики памятников письменности указанного периода. Диахроническое изучение лексических единиц, обозначающих понятия времени, помогает уточнить совокупность их значений и в современном русском литературном языке.

Список литературы

1. Котков, С. И. Исследование и издание скорописных памятников русского языка / С. И. Котков // *Вопр. языкознания*. — 1981. — № 6. — С. 6—16.
2. Посольские книги по связям России с Хивой 1670—1673 гг. // *Российский государственный архив древних актов*. — Ф. 134. — Оп. 3, 1670 г. — Кн. I.
3. Посольские книги по связям России с Хивой 1670—1673 гг. // *Российский государственный архив древних актов*. — Ф. 134. — Оп. 3, 1682 г. — Кн. II.
4. Преображенский, А. Г. *Этимологический словарь русского языка*. Т. I / А. Г. Преображенский. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. — 717 с.
5. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 2. — М. : Наука, 1975. — 319 с.
6. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 3. — М. : Наука, 1976. — 288 с.
7. Филин, Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) / Ф. П. Филин // *Ученые записки Ленингр. ГПИ им. А. И. Герцена*. — 1949. — Т. 80. — С. 106—119.
8. Черных, П. Я. *Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период* / П. Я. Черных. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. — 243 с.
9. Шанский, Н. М. *Краткий этимологический словарь русского языка : пособие для учителя*. / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. — Изд. 2-е. — М. : Просвещение, 1971. — 538 с.
10. *Время в пространстве* [Электронный ресурс]. — URL: <http://rakursy.ucoz.ru/forum/36-45-1>.

Сведения об авторе

Чупонов Отаназар Отожонович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Ургенчский государственный университет. Ургенч, Узбекистан. choponov_1960@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 280—283.*

**LEXIC UNITS WITH THE MEANING OF “TIME”
IN THE AMBASSADORIAL BOOKS
ON RUSSIAN RELATIONS SINCE XVII CENTURY**

O.O. Chuponov

Urgench State University, Urgench, Uzbekistan. choponov_1960@mail.ru

The article is devoted to the identification of lexical units with the meaning “time”, found in the Ambassadors’ books on Russian relations with Khiva of the XVII century. The author comes to the conclusion that the scribes who were copying documents from columnar sheets to the ambassadorial books represented the culture of Russian speech of the 17th century to varying degrees and different spelling variants of writing of these terms in the texts of the sources in question are a reflection of the Russian spoken language of the 17th century.

Keywords: *lexical units, time, day, year, summer, embassy books, XVII century, Russia, Khiva.*

References

1. Kotkov S.I. Issledovaniye i izdaniye skoropisnykh pamyatnikov russkogo yazyka [Research and publication of cramped monuments of the Russian language]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 1981, no. 6, pp. 6—16. (In Russ.).
2. Posol’skiye knigi po svyazyam Rossii s Khivoy 1670—1673 gg. [Ambassadors’ books on Russian relations with Khiva of 1670—1673]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 134, inv. 3, 1670, b. I. (In Russ.).
3. Posol’skiye knigi po svyazyam Rossii s Khivoy 1670—1673 gg. [Ambassadors’ books on Russian relations with Khiva 1670—1673]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 134, inv. 3, 1682, b. II]. (In Russ.).
4. Preobrazhenskiy A.G. *Etimologicheskii slovar’ russkogo yazyka. T. I* [Etymological dictionary of the Russian language. Vol. I]. Moscow, 1959. 717 p. (In Russ.).
5. *Slovar’ russkogo yazyka XI—XVII vv. T. 2* [Dictionary of the Russian language of XI—XVII centuries. Vol. 2]. Moscow, 1975. 319 p. (In Russ.).
6. *Slovar’ russkogo yazyka XI—XVII vv. T. 3* [Dictionary of the Russian language of XI—XVII centuries. Vol. 3]. Moscow, 1976. 288 p. (In Russ.).
7. Filin F.P. Leksika russkogo literaturnogo yazyka drevnekiyevskoy epokhi (po materialam letopisey) [Vocabulary of the Russian literary language of the Ancient Kievan era (based on chronicles)]. *Uchenyye zapiski Leningradskogo GPI im. A.I. Gertsena* [Scientific Notes of Leningrad SPI named after A.I. Herzen], 1949, vol. 80, pp. 106—119. (In Russ.).
8. Chernykh P.Ya. *Ocherk russkoy istoricheskoy leksikologii. Drevnerusskiy period* [Essay on Russian historical lexicology. The Old Russian period]. Moscow, Publishing House of Moscow University, 1956. 243 p. (In Russ.).
9. Shanskiy N.M., Ivanov V.V., Shanskaya T.V. *Kratkiy etimologicheskii slovar’ russkogo yazyka* [A short etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1971. 538 p. (In Russ.).
10. *Vremya v prostranstve* [Time in space]. Available at: <http://rakursy.ucoz.ru/forum/36-45-1>. (In Russ.).

УДК 4 ББК 81. 2 Исп-5
DOI 10.24411/1994-2796-2018-11041

КЛАССИФИКАЦИЯ КОСВЕННЫХ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ИСПАНСКОМ КОММУНИКАТИВНОМ ТЕКСТЕ

А. Ф. Шамахмудова

Самаркандский государственный институт иностранных языков, Самарканд, Узбекистан

Рассматриваются особенности косвенных речевых актов, выраженные в вопросительной форме, и их иллокутивное содержание на материале испанского языка. Автор предлагает классификацию косвенных речевых актов, опираясь на их первичную интенцию, и в результате анализа материала разделяет их на семь групп: вопросы, выражающие утверждение, порицание, совет, просьба, приглашение, приказ и риторические вопросы.

Ключевые слова: *косвенный речевой акт, иллокуция, пропозициональное содержание, контекст, вопросительное предложение.*

Изначально логическую основу вопроса можно признать одинаковой во всех языках [10. С. 330]. Отдельно следует утверждать, что в последнее время начались действия по созданию теории вопросов и ответов, которые осуществляются согласно результатам исследований, проведенных на основе коммуникативных, гносеологических, иллокутивных и социальных критериев вопроса. Вопросительные языковые единицы следует рассматривать прежде всего с точки зрения семантико-структурного подхода. Основной целью вопросительных слов является прежде всего расширение кругозора говорящего, и осуществление этой цели проявляется путем побуждения слушающего к передаче информации. В ходе нашего исследования косвенных речевых актов мы наблюдали, что вопросительные речевые единицы не ограничиваются только тем, чтобы просить либо получить информацию, а исходя из коммуникативной ситуации они могут влиять на чувства слушающего, побудить его к действию.

Коммуникативная цель, то есть скрытое выражение интенции, свойственна всем национальностям. Однако классификационные группы косвенных речевых актов и выражающие их языковые формы различаются во всех языках [7. С. 247]. В испанском языке побуждение к действию, а именно дать указание слушателю к выполнению какого-либо дела, выражается посредством формы повелительного наклонения в определенной форме в зависимости от ситуации (¡Habla! ¡Levantate!), через инфинитив (¡No entrar mojado! ¡Hacer los ejercicios solo!), а также перформативы (¡Ordeno que hagas todas las ta-

reas!). В ходе реализации средств, побуждающих к действию, носители испанского языка часто обращаются не к прямым, а к косвенным языковым единицам. Они обычно пользуются следующими вопросительными высказываниями: *¿Le (te) puedo pedir que + subj; ¿Puedo + infinitivo?; ¿Me podría(s) + infinitivo?; ¿Me deja(s) ...?; ¿Me hace/haría (haces/harías) un (gran) favor?; ¿Puede/podría, pudiera (puedes, podrías, pudieras) hacerme un favor?; ¿Me quiere (s) hacer un favor?* В этих случаях вопрос выполняет задачу побуждения к действию и отходит от своего первоначального предназначения, а именно функции получения информации. Таким образом, косвенный речевой акт обладает сложной многоступенчатой природой: для того чтобы адресат пришел к правильному выводу о том, что имел в виду говорящий, косвенный речевой акт, соответственно, становится сложнее на один уровень по отношению к прямому речевому акту. Дж. Сёрль описал десять последовательных шагов правильной интерпретации косвенных речевых актов в своей исследовательской работе «Косвенные речевые акты» [9]. Конечно же, в повседневном общении этот процесс не осложняется, а происходит естественным образом.

Даже Аристотель называл вопрос «важным средством знания и логического понимания» [1. С. 529]. Вопросительные языковые единицы, в частности риторические вопросы, считаются важным средством выражения чувств. По утверждению Н. М. Фирсовой [11. С. 153], испанский речевой этикет сложно представить без вопросительных речевых конструкций, и мы также

придерживаемся этого мнения. По этой причине мы не могли не остановиться на данной проблеме и описываем вопросительные речевые единицы в коммуникативном тексте исходя из иллокутивной интенции высказывания. В настоящее время имеется ряд работ по вопросительным предложениям: дескриптивный анализ испанских вопросительных предложений (Fernández Ramíres, 1959), изучение фонетических свойств и произношения вопросительных высказываний испанского языка (Navarro, 1966), сравнительно-типологическое исследование вопросительных высказываний испанского и французского языков (Dabrowska, 1973), однако мы не встретили классификации вопросительных речевых актов испанского языка согласно иллокутивной интенции, выраженной в коммуникативном тексте.

Как и большинство лингвистов, Дж. Сёрль относит вопросительные высказывания к директивным речевым актам. По его утверждению, «вопросительные высказывания относятся к классу директивов, так как они побуждают говорящего к деятельности, а именно к произнесению ответного речевого акта» [8. С. 153]. Как комментировали другие философы, «опираясь на ряд предположений, следует утверждать, что логическая форма вопросов должна быть следующей: «Я прошу тебя сказать...», но не «Я прошу тебя выполнить...» [3. С. 277].

Согласно этой теории, основа коммуникации состоит не в отдельных словах или языковых единицах, а в воплощении речевых действий, осуществляющих ряд коммуникативных задач с целью достижения определенного результата. Сторонники Дж. Остина открыли новые грани речевых актов. Так, очень важны взгляды П. Грайса о разделении произнесенного и подразумеваемого логического смысла в высказывании [4. С. 221].

Согласно некоторым исследованиям, вопросительные предложения оставляют 30 %, а в некоторых видах директивов даже 80 % [2. С. 168]. Предлагается рассматривать их как речевые конвенции, побуждающие к действию, если не учитывать их согласно системной семантике в широком масштабе [12. С. 57].

Е. Н. Линдстрём формально разделил вопросительные высказывания русского языка на девять групп, основанных на прагматике: 1) истинные вопросы; 2) мыслительные вопросы; 3) испытательные вопросы; 4) дидактические вопросы; 5) вопросы этикета; 6) подготовительные вопро-

сы; 7) вопрос-предложение; 8) вопрос-предположение; 9) игровые вопросы [6. С. 136].

Принимая во внимание предложенную выше таксономию, мы предлагаем новую классификацию косвенно выраженных вопросительных высказываний. Данный подход служит для того, чтобы раскрыть характерные свойства выражения прагматического смысла «я хочу, чтобы ты это выполнил» в испанской косвенной коммуникации.

В результате анализа текстов испанской художественной литературы мы пришли к выводу, что вопросительные высказывания, выполняющие функцию косвенного речевого акта, можно разделить на семь групп: вопрос-утверждение, вопрос-приказ, вопрос-поричание, вопрос-совет, вопрос-просьба, вопрос-приглашение и риторические вопросы.

1. Вопрос-утверждение (8,5 %). В вопросах, выражающих утверждение, форма и смысловое содержание не соответствуют друг другу: по форме выражается вопрос, но по смысловому содержанию выражается информация.

В ходе рассмотрения вопросов-утверждений мы убедились в том, что большинство из них составляют специальные вопросы с местоимениями (65 %):

¿Cuántas veces había visto aquel manto y cuántas se había preguntado por el significado de ese misterioso y recurrente personaje? [26. P. 32]

Кроме того, среди специальных вопросов достаточно часто встречаются примеры с отрицательным смыслом. В большинстве случаев мы встречаем в качестве подлежащего местоимение первого лица единственного числа. Сказуемое в основном ставится в простом настоящем времени:

¿Y ahora qué hacía? ¿Quién podía ayudarla? [Ibid. P. 47]

¿No sería mejor que te levantarás? No sabemos a que hora llegará... [16. P. 233]

При рассмотрении вопросов такого типа можно увидеть, что некоторые из них выражены «слишком косвенно». Например:

¿Qué puede ser mejor que tener mucho dinero? [26. P. 65]

Было бы неверно интерпретировать истинный смысл данного высказывания *Nada es mejor que tener mucho dinero* в качестве иллокутивного акта, поскольку оно исходя из коммуникативной ситуации может принимать оттенок иронии. Зная ситуацию, в которой оно было произнесено

(у Хосе украли все деньги, и преступник под дулом пистолета говорит эти слова), уместно интерпретировать истинный смысл данного высказывания следующим образом: «нет ничего хорошего в том, чтобы быть очень богатым, в одно мгновение можно лишиться и денег, и жизни». Как видно, в данном примере объединяются вопрос и ирония и, как мы утверждали выше, формируется «слишком косвенный» речевой акт.

2. Вопрос-порицание (15 %). Порицание — это высказывание, подразумевающее смысл выражения недовольства, упрека, обвинения. В ходе рассмотрения вопросительных речевых единиц в смысле порицания можно выделить некоторые закономерности, связанные с их выражением: большинство вопросов выражены в форме общих и специальных вопросов. Дизъюнктивные вопросительные предложения встречаются очень редко. Альтернативные вопросы со смыслом порицания в процессе исследования в текстах не встретились, но это не свидетельствует о том, что они вообще не существуют.

Fanny. (Sentándose en la cama.) Pero... ¿No podés ser un poco más considerado con tu madre?... ¡A esta hora estoy como una zombi! [22. P. 44]

В данном высказывании выражено порицание матери, недовольной тем, что сын, не дав ей отдохнуть, разбудил ее рано утром. Через это вопросительное высказывание мать жалуется на то, что сын ее не жалеет. Отдельно следует утверждать, что в вопросительных высказываниях-порицаниях наблюдается также участие отрицательных средств:

Pero tía ¿no se pone usted el sombrero? [13. P. 26]

Pero ¿por qué no da usted parte a la policía? [15. P. 38]

Кроме того, с целью яркого выражения эмоций, наблюдались случаи последовательного формирования нескольких вопросительных высказываний. В данной ситуации мы считаем, что не следует рассматривать каждое вопросительное предложение отдельно, а, напротив, все вопросы должны рассматриваться в качестве цельной структуры.

Tío Rufo... quiere usted estarse quieto? — ¿Quieres tú dejarme el pie? [27. P. 12]

В данном примере девочка, недовольная тем, что тетя постоянно жалуется, делает ей замечание.

Таким образом, формирование порицания в основном с помощью косвенных вопросов свидетельствует о том, что носители испанского языка

в большинстве случаев не выражают порицание с помощью прямого речевого акта. Даже в некоторых ситуациях делается порицание субъекту коммуникации в виде имплицитного намека.

3. Вопросы, по смыслу выражающие совет (22,5 %). В эту группу входят высказывания, связанные с пользой для слушателя, если он выполнит данное действие. Если речевые акты — советы выражены посредством вопроса, они проявляются в форме общего или специального вопроса, подлежащим является местоимение второго или третьего лица единственного числа, а в некоторых случаях существительное.

¿Para qué quieres cambiar? — le dijeron [21. P. 68].

В данном примере герои сказки советуют принцессе, желающей изменить свою жизнь, выкинуть эту мысль из головы. Первичный смысл высказывания только на основе контекста можно понять не как вопрос, а как совет.

В испанском языке совет в основном выражается с помощью конструкции *¿por qué no + verbo?* и служит для того, чтобы совет не принимал оттенка вопроса:

Otra cosa que quería decirte: ¿por qué no haces amistad con ésa, la de la pensión, ahora al salir? [16. P. 64]

Cantas muy bien, hiya mía, muy bien. ¿Por qué no piensas en ir a un teatro? [13. P. 71]

Hombre, ¿por qué no te vas hacia el correo a ver si encuentras al cartero en el camino? [18. P. 56]

В ходе анализа мы убедились в том, что большинство рассматриваемых речевых актов со смыслом совета в своем составе имеют отрицательную конструкцию, и это осуществляется с целью недопущения “угрозы лицу” слушателя с опорой на принципы вежливости:

¿No te reñirá tu amo si te entretienes? Creo que debes retirarte [19. P. 33]

4. Речевые акты в форме вопроса, выражающие просьбу (24,25 %). Первичная иллокуция данного вопросительного высказывания считается побуждением к выполнению слушателем желания адресанта. Одна из характеристик, отличающих речевые акты в форме вопроса, выражающие просьбу, от других высказываний, состоит в том, что в них используются простые для понимания языковые структуры. Целью этого является достижение перлокутивного результата, ожидаемого от речевого действия, после понимания иллокутивной цели безо всяких затруднений. Подлежащее в большинстве случаев

выражено местоимением. В качестве дополнительного компонента используются обращения.

¿Podrá usted decirme, amigo mío, usted que há tanto tiempo conoce al Sr. D. Simplicio, de que le ha provenido ese ataque de locura? [15. P. 34]

В испанском языке речевые единицы, выражающие просьбу, имеют форму популярной в коммуникативных текстах конструкции *¿poder+pronombre+infinitivo?*, и в них присутствует вопрос, связанный с возможностью слушателя осуществить данное действие:

¿Puedes pasarme la sal?

¿Podrías estar un poco más callado?

¿Tú podrías estar un poco mas callado? [23. P. 41]

Кроме того, встречаются конструкции в форме *¿estar capaz de + infinitivo?*:

¿Eres capaz de alcanzar el libro que está encima del estante? [23. P. 45]

В данном высказывании в качестве первичной интенции заключается не осведомление о возможности слушателя, а просьба вытащить книгу из шкафа.

Отрицательная форма косвенных речевых актов, выражающих просьбу широко распространена, и это дает слушателю возможность принять или не принять данную просьбу.

¿No podrías procurarme los que me faltan? [20. P. 44]

¿No podría usted hacerme el favor de un cigarrito de papel? [20. P. 198]

¿No hay propina para el camarero? — dijo Raúl sonriendo [17. P. 43].

5. Вопросы-приглашения (10,75 %). Вопросительные высказывания в испанском языке считаются средством выражения также и для речевых актов — приглашений. В качестве приглашения мы понимаем просьбу прийти, предложение выполнить определенную работу или указание вместе. Самая популярная форма приглашения бывает в форме общего вопроса, подлежащее в основном выражается местоимениями *tu, usted, nosotros, vosotros, ustedes*. Приглашение в основном выражается глаголом в настоящем времени и побудительными единицами:

Ana, ¿No desea conocer a mi familia? [26. P. 12]

Неожиданное приглашение Антонио познакомиться Анну с его семьей заставило Анну расстроиться. Девушка соглашается, поскольку считает, что отказаться от приглашения будет знаком неуважения. Поэтому во многих ситуациях употребление перед непосредственным приглашением высказываний типа *¿Qué haces esta noche (el fin de semana, despues del trabajo...)?* дает

возможность выдумать определенную отговорку для того, чтобы не обидеть адресанта в случае отказа слушателя от приглашения.

В нижеследующем отрывке текста женщина приглашает следователя войти в дом и обсудить интересующие его вопросы о преступлении.

Si en algo lo puedo servir, estoy a su disposición. ¿Por qué no pasa a la casa y se toma una tacita de café?

-De todas formas, si sabes algo de él, me hace falta que me lo comuniqués.

-Descuide, teniente, vayase tranquilo [17. P. 54].

6. Риторические вопросы (12 %) выражают отношение к высказыванию, подтверждают мнение говорящего об определенной проблеме, внимание слушателя направляется на проблему, исходящую из текста коммуникации. Следует отметить, что последовательность риторических вопросов употребляется с целью побудить слушателя к действию и показать ярко выраженные эмоции героев произведений в направлении «потока сознания». Ср.:

El Cuarenton. Pero... como cuarenton como yo, empezar ahora, otra vez, con los libros? Eso es una exageration. Ademas, para que necesita el pais a tanta gente estudiando? [18. P. 81]

Мнение автора по отношению к поставленной проблеме выражается через риторический вопрос и излагается через сделанный после вывод:

¿Qué puede impedirme? ¿Acaso a costa de esfuerzos sobrehumanos y muchas reincidencias no se logra lo que se quiere? Malacosaseriacreerlocontrario... [18. P. 86]

Кроме того, автор пользуется риторическими вопросами с целью направления внимания слушающей его аудитории на интересную тему. В данной ситуации не преследуется цель услышать ответ от слушателя, поскольку ответ известен автору и он стремится к тому, чтобы раскрыть этот ответ слушателям. Например:

¿Qué decisiones? ¿Qué leyes? ¿Qué estrategias y acciones podemos y debemos impulsar para superar esta coyuntura delicada que afecta la solidez, la permanencia y la estabilidad del sistema democratico en la Region? [14. P. 81]

Следует утверждать, что риторические вопросы всегда наполнены эмоциями и влияние их на слушателя всегда бывает сильным.

7. Высказывания-приказы (7 %). Коммуникативной целью вопросительных высказываний является просьба, совет, выражение порицания, а в некоторых случаях они обладают именно иллюзией приказа. Данную ситуацию в основном можно наблюдать, когда социальное положение,

должность, возраст, статус собеседников не одинаковы в коммуникативной сфере, а именно в вертикальной коммуникации. В качестве примера приведем речевой акт, где директор обращается к молодому журналисту:

Director (empujando al Joven Aspirante hacia la calle.) *¿Usted qué hace aquí?* [19. P. 352]

В данном примере директора не интересует, что именно здесь делает журналист, а он приказывает ему «убираться» отсюда. Рассмотрим похожую ситуацию:

Lo que quiero saber, hijo — alzó la voz —, es ¿qué hace esta señorita en mi casa? — el viejo quedó mirando al suelo [26. P. 17].

В вышеупомянутом высказывании отец Антонио хочет прогнать девушку-археолога из своего дома. Именно это высказывание произнесено в дружеской атмосфере, его иллокутивный смысл не выражает интереса о том, что будет делать адресант у них дома. Таким образом, мы становимся свидетелями, что неуместно делать вывод об иллокутивной цели вне текста.

В следующем примере молодой человек, применив силу к мужчине, пристающему к девушке, мягко выражает приказ отпустить девушку:

Un muchacho... cogió al baboso aquel por el brazo, muy suavemente, y le dijo: ¿Por qué no deja en paz a la señorita? [16. P. 118]

Несмотря на то что молодой человек намного моложе мужчины, к которому он обращается, он приказывает ему. Одновременно он старается не выходить за рамки этикета.

El sargento se le acercó:

-¿Eres sordo? ¿No has oído al señor juez? [24. P. 108]

Данное высказывание сержанта по отношению к обвиняемому выражает имплицитный приказ и звучит очень грубо. Значит, косвенные вопросительные высказывания могут придать как оттенок вежливости, так и оттенок грубости, задевающей личность.

В целом в ходе анализа данных семи групп мы убедились в том, что косвенные речевые акты имеют характерные свойства выражения. В исследуемых испанских художественных текстах в большинстве случаев подлежащее выражено местоимением первого лица, а сказуемое в основном формой настоящего времени. Семантические свойства перформативных глаголов в роли сказуемого также различны. Среди всех глаголов, которые нам встретились, отдельно следует выделить глаголы, связанные с речью и мышлением, поскольку в косвенных речевых актах их эксплицитная форма отличается от имплицитного смысла высказывания.

Список литературы

1. Аристотель. О софистических опровержениях / Аристотель // Соч. : в 4 т. Т. 2. — М. : Мысль, 1978. — С. 533—594.
2. Беляева, Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык / Е. И. Беляева. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 1992. — 168 с.
3. Гордон, Д. Постулаты речевого общения / Д. Гордон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. — М. : Прогресс, 1985. — С. 276—302.
4. Грайс, П. Логика и речевое общение / П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. — М. : Прогресс, 1985. — С. 217—237.
5. Кобозева, И. М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности / И. М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. — М. : Прогресс, 1985. — С. 7—21.
6. Линдстрём, Е. Н. Классификация русских вопросительных по форме высказываний на базе прагматически обоснованной универсальной модели : дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Линдстрём. — Петрозаводск, 2003. — 189 с.
7. Сафаров, Ш. С. Прагмалингвистика / Ш. С. Сафаров. — Ташкент : Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2008.
8. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. — М. : Прогресс, 1986.
9. Серль, Дж. Р. Косвенные речевые акты / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. — М. : Прогресс, 1986. — С. 204—208.
10. Солнцев, В. М. Введение в теорию изолирующих языков / В. М. Солнцев. — М. : Вост. лит., 1995. — 352 с.

11. Фирсова, Н. М. Испанский речевой этикет / Н. М. Фирсова. — М. : Инфра-М, 2000. — 183 с.
12. Цурикова, Т. В. Коммуникативный диапазон вопросительных предложений в дискурсе (на материале английского и русского языков) / Т. В. Цурикова. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. — 144 с.
13. Casta, P. P. El tutor y su pupila / P. P. Casta. — Coruña : Tipografía Galaica, 2006. — 79 p.
14. Humberto, C. Mas alia del discurso / C. Humberto. — Caracas : Publ. del Parlamento Latinoamericano, 1995.
15. Licenciado, V. El tutor y la pupila: juguete cómico-lírico en un acto y en prosa / V. Licenciado. — Sevilla : F. Alvarez, 2006. — 38 p.
16. Marsé, J. La oscura historia de la prima Montse / J. Marsé. — Barcelona : Plaza & Janés Editores, S.A. — 1970. — 288 p.
17. Nieves, A. B. El Crimen de la Ñ / A. B. Nieves. — Madrid : Univ. de Alcalá, 2001.
18. Noche, V. de S. La noche llama a la noche / V. de S. Noche. — Caracas : Monte Avila Editores C. A., 1985.
19. Olmo, L. La Camisa. El Cuarto Poder / L. Olmo. — 3ra ed. — Cátedra Letras Hispánicas, 1991. — 353 p.
20. Pardo, B. La madre naturaleza / B. Pardo. — Madrid : Pueyo. 1999. — 45 p.
21. Rosetti, A. Érase una vez / A. Rosetti. — Madrid : Grupo Anaya, S.A., 2001. — 133 p.
22. Róvner, E. Volvió una noche / E. Rovner. — La Habana : Ediciones Casa de las Américas. — 1991. — 99 p.
23. Searle, J. R. The foundations of illocutionary logic / J. R. Searle. — Cambridge, 1985. — 227 p.
24. Sènder, R. Requiem por un campesino español / R. Sènder. — Barcelona : Ediciones Destino, 1987. — 105 p.
25. Sperber, D. Relevance. Communication and Cognition / D. Sperber, D. Wilson. — Oxford : Blackwell, 1986. — 388 p.
26. Ulloa, E. E. El viaje sacrilego / E. E. Ulloa. — Spain : Univ. de Alcalá, 2001.
27. Vera, S. A. En todas partes hay detodo / S. A. Vera. — Madrid : Imprenta de don Cipriano López, 1969. — 95 p.

Сведения об авторе

Шамахмудова Азиза Фуркатовна — докторант второго года обучения кафедры испанского и итальянского языков Самаркандского государственного института иностранных языков. Самарканд, Узбекистан. firuzahalimova@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 284—290.*

CLASSIFICATION OF INDIRECT SPEECH ACTS EXPRESSED IN AN INTERROGATIVE FORM IN THE SPANISH DISCOURSE

A.F. Shamakhmudova

Samarkand State Institute of Foreign Languages, Uzbekistan. firuzahalimova@mail.ru

The article deals with the features of indirect speech acts expressed in an interrogative form and their illocutionary content in the Spanish language. The author offers a classification of indirect speech acts relying on their primary intension and on the basis of the analysis of material divides them into seven groups: questions expressing statement, censure, council, request, invitation, order and rhetorical questions.

Keywords: *indirect speech act, illocution, propositional contents, context, propositional classification, interrogative sentence.*

References

1. Aristotel'. O sofisticheskikh oproverzheniyakh [On sophistic refutations]. *Sochineniya v 4 t. T. 2* [Compositions in 4 vol. Vol. 2]. Moscow, 1987. Pp. 533—594. (In Russ.).
2. Belyayeva Ye.I. *Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya: Angliyskiy yazyk* [Grammar and pragmatics of motivation: English]. Voronezh, Publishing house of Voronezh state University, 1992. 168 c. (In Russ.).
3. Gordon D. Postulaty rechevogo obshcheniya [Postulates speech communication]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. T. 16* [New in Foreign Linguistics. Vol. 16]. Moscow, 1985. Pp. 276—302. (In Russ.).
4. Grays P. Logika i rechevoye obshcheniye [Logic and conversation]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. T. 16* [New in Foreign Linguistics. Vol. 16]. Moscow, 1985. Pp. 217—237. (In Russ.).
5. Kobozeva I.M. Teoriya rechevykh aktov kak odin iz variantov teorii rechevoy deyatel'nosti [The Theory of speech acts as one of the variants of the theory of speech activity]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. T. 17* [New in Foreign Linguistics. Vol. 17]. Moscow, 1986. Pp. 7—21. (In Russ.).
6. Lindstryom Ye.N. *Klassifikatsiya russkikh voprositel'nykh po forme vyskazyvaniy na baze pragmaticheski obosnovannoy universal'noy modeli* [Classification of Russian interrogative statements on the basis of pragmatic universal model]. Petrozavodsk, 2003. 189 p. (In Russ.).
7. Safarov Sh.S. *Pragmalingvistika* [Pragmalinguistics]. Tashkent, 2008. 187 p. (In Uzbek).
8. Serl' Dzh.R. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [Classification of illocutionary acts]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. T. 17* [New in Foreign Linguistics. Vol. 17]. Moscow, 1986. (In Russ.).
9. Serl' Dzh.R. Kosvennye rechevye akty [Indirect speech acts]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. T. 17* [New in Foreign Linguistics. Vol. 17]. Moscow, 1986. Pp. 204—208. (In Russ.).
10. Solntsev V.M. *Vvedeniye v teoriyu izoliruyushchikh yazykov* [Introduction to the theory of isolating languages]. Moscow, 1995. 352 p. (In Russ.).
11. Firsova N.M. *Ispanskiy rechevoy etiket* [Spanish speech etiquette]. Moscow, 2000. 183 p. (In Russ.).
12. Tsurikova T.V. *Kommunikativnyy diapason voprositel'nykh predlozheniy v diskurse (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov)* [Communicative range of interrogative sentences in discourse (on the material of English and Russian languages)]. Voronezh, 2001. 144 p. (In Russ.).
13. Casta P.P. *El tutor y su pupila*. Coruña, Tipografía Galaica, 2006. 79 p. (In Spanish).
14. Humberto C. *Mas alia del discurso*. Caracas, Publicatsion del Parlamento Latinoamericano, 1995. (In Spanish).
15. Licenciado V. *El tutor y la pupila: juguetecómico-lírico en un acto y en prosa*. Sevilla, F. Alvarez, 2006. 38 p. (In Spanish).
16. Marsé J. *La oscura historia de la prima Montse*. Plaza & Janés Editores, S.A. Barcelona, 1970. 88 p. (In Spanish).
17. Nieves A.B. *El Crimen de la Ñ*. Madrid, Universidad de Alcalá, 2001. (In Spanish).
18. Noche V.S. *La noche llama a la noche*. Caracas, Monte Avila Editores C. A., 1985. (In Spanish).
19. Olmo L. *La Camisa. El Cuarto Poder*. 3ra ed. Cátedra Letras Hispánicas, 1991. 353 p. (In Spanish).
20. Pardo B. *La madre naturaleza*. Madrid, Pueyo. 1999. 45 p. (In Spanish).
21. Rosetti A. *Érase una vez*. Grupo Anaya, S.A. Madrid, 2001. 133 p. (In Spanish).
22. Róvner E. *Volvió una noche*. La Habana, Ediciones Casa de las Américas, 1991. 99 p. (In Spanish).
23. Searle J.R. *The foundations of illocutionary logic*. Cambridge, 1985. XI. 227 p.
24. Sénder R. *Requiem por un campesino español*. Barcelona, Ediciones Destino, 1987. 105 p. (In Spanish).
25. Sperber D., Wilson D. *Relevance. Communication and Cognition*. Oxford, Blackwell, 1986. 388 p.
26. Ulloa E.E. *El viaje sacrilego*. Spain, Universidad de Alcalá, 2001. (In Spanish).
27. Vera S.A. *En todas partes hay de todo*. Madrid, Imprenta de don Cipriano López, 1969. 95 p. (In Spanish).

О СЕМАНТИКЕ СЛОВ-ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

О. П. Шевчук

Дальневосточный федеральный университет, Уссурийск, Россия

Статья посвящена исследованию семантики слов-цветообозначений во фразеологических единицах китайского языка. Для анализа привлекаются наименования тех цветов, которые традиционно считались в Китае основными. На материале фразеологии можно проследить не только их исторически сложившуюся символику, но и обнаружить ряд новых культурно-маркированных, а также заимствованных значений.

Ключевые слова: цветообозначения, семантика, фразеологизмы, фразеология, китайский язык.

Лексика цветообозначения является достаточно популярным объектом лингвистических исследований. Это обусловлено прежде всего тем, что лексическая группа цветообозначений является относительно закрытой системой с постоянным составом универсальных денотатов. На примере данных лексических единиц также нередко доказывалась национально-культурная специфика языкового сознания, для чего на материале различных языков рассматриваются способы членения цветового континуума, система переносных значений цветообозначений, их символические значения, фразеологическая сочетаемость, способы словообразования и т. д.

Наиболее ярко национально-культурная специфика языка проявляется в его фразеологии. Так, мы краснеем от стыда, блеем от страха, чернеем от горя, зеленеем от злости. Одного называют «белой вороной», кто-то оказывается «темной лошадкой», третий бывает «рыжим» независимо от цвета волос... На этом основании многие авторы обращаются к рассмотрению символических и ассоциативных значений цветообозначений во фразеологизмах тех или иных языков. В китайском языке в последние годы также возрос интерес к этому вопросу. Материалы подобных исследований, выполненных преимущественно в сопоставительном аспекте, представлены в научных статьях В. В. Балакиной, Н. А. Завьяловой, О. Е. Захарчук, К. А. Морозовой [1; 3; 4; 7]. Наша работа будет направлена на выявление общей семантики основных цветообозначений китайского языка в составе фразеологических единиц.

К основным цветам в китайской культуре традиционно относят пять, соответствующих пяти первоэлементам мироздания: 红 — крас-

ный, 黄 — желтый, 青 — синий (зеленый), 白 — белый, 黑 — черный. Лексема 青 обладает синкретичным характером и в современном китайском языке употребляется сразу в нескольких цветовых значениях, а поскольку не представляется возможным установить, какое из значений возникло раньше, то при выделении основных цветов разные авторы придерживаются различных точек зрения. Дальнейший анализ фразеологизмов китайского языка показывает, что цветообозначение 青 в составе устойчивых единиц может обозначать как синие, так и зеленые оттенки.

Непосредственно цветное значение наименований основных цветов проявляется во фразеологии китайского языка достаточно редко, тем не менее среди идиом находим следующие: 洁白如玉 — белоснежный (досл.: кристально белый, словно яшма); 黄白净子 — бледно-желтый (о цвете лица) (досл.: бело-желтый отпечаток) и некоторые другие.

В ряде китайских фразеологизмов наблюдается противопоставление цветообозначений для выражения дихотомических понятий «добро — зло», «хорошо — плохо», «правда — ложь» и т. п.: 不分青白 — не разбираться, кто прав, кто виноват (досл.: не различать, где черное, где белое); 黑白分明 — ясно различать добро и зло (ложь и правду) (досл.: четко разграничивать черное и белое); 红白相间 — счастье и несчастье сменяют друг друга (досл.: красное и белое чередуются).

Кроме того, в составе фразеологических единиц каждое из основных цветообозначений китайского языка реализует собственную систему переносно-метафорических значений, обусловленных как физическими свойствами

соответствующих цветов, так и особенностями культурно-исторического развития Китая.

Цветообозначение 黄. По представлениям древних китайцев о космологическом устройстве мира, желтый цвет соответствовал центру, вокруг которого располагались все части света. Таким образом, он являлся главным по отношению к остальным четырем цветам. И до настоящего времени в китайском языке сохранилось выражение **不問青紅皂白** (досл.: *не спрашивая, синий, красный, черный или белый*), которое употребляется в значении «*без разбору*» и предположительно дошло до нас из предания о войнах между богами, управлявшими четырьмя сторонами света. Они выступали против правителя центра, и каждому из них соответствовала одна из перечисленных красок, а центрального владыку, который победил в итоге, символизировал желтый цвет.

Многие столетия в Китае данный цвет был полностью закреплен за сферой жизнедеятельности императорского двора и выступал в качестве атрибута власти и общественного положения. Почти все предметы, которыми пользовался император и которые окружали его, также были желтого цвета, в том числе черепица на стенах и крышах императорских дворцов. Данный факт нашел свое отражение в устойчивом выражении **黃梁一夢** — *несбыточная (бредовая) мечта* (досл.: *мечта о желтых балках*). А фразеологизм **黃袍加身** (досл.: *надеть желтый халат*) обозначает *взойти на трон*.

Различные китайские реалии, включающие в свой состав лексему **黄** (желтый), определяют двойственную коннотацию рассматриваемого цветообозначения в составе фразеологических единиц. Так, например, следующие фразеологизмы используются для выражения чего-то лучшего, превосходного: **黃絹幼婦** — *превосходный, замечательный, изумительный* (досл.: *юная замужняя девушка в желтых шелках*); **初寫黃庭** — *выполнение какой-либо работы по лучшим образцам* (досл.: *писать, взяв за первооснову классические прописи [даосский текст «Канон Желтого двора»*. — **О. Ш.**]). В то время как нижеприведенные устойчивые выражения обладают негативной окраской: **妄下雌黃** — *говорить что вздумается* (досл.: *желтая краска [использовавшаяся для исправления рукописи*. — **О. Ш.**]) *под абсурдом*); **黃河清** — *недостижимо* (досл.: *река Хуанхэ [Желтая река] стала чистой*).

В свою очередь фразеологизмы, обозначающие истощение и неопытность, возникли на основе

переосмысления цветовой семантики прилагательного **黄**: **面黃肌瘦** — *кожа да кости* (досл.: *лицо желтое, тело худое*); **黃口小兒** — *желторотый юнец* (досл.: *желторотый [по аналогии с птенчиком*. — **О. Ш.**]) *малыш*).

И уже в XX в. у данного цветообозначения появилось заимствованное значение лживости и продажности, которое реализуется в составе таких фразеологических единиц, как **黃色刊物** — *желтая пресса*, **黃色工會** — *продажные профсоюзы* (досл.: *желтые профсоюзы*) и некоторых других.

Цветообозначение 紅. Красный цвет в Китае является одним из самых любимых, он традиционно сопутствует всем основным праздникам: свадьбе, Новому году, дням рождения и другим, — где выступает символом счастья и радости. Китайский лингвист Чэнь Си выдвигает предположение, что источником подобной символики красного цвета послужила одна из трех основных религий Китая — даосизм, представители которой в древности занимались изготовлением эликсира бессмертия, сырьем для которого, в свою очередь, служила киноварь. Несмотря на то что простые люди не могли проверить свойства чудодейственного препарата, его цветовой признак стал ассоциироваться с жизнью святых, жизнью в раю, счастьем вообще [9. С. 52].

Однако уже в VIII—VII вв. до н. э. символика некоторых основных цветов, в том числе красного, была представлена в канонической «Книге перемен»: «Черный цвет (сюань), сквозь который еле просвечивает красный, символизирует зарождение света в недрах мрака. Желтый — цвет спелых хлебов — символизирует Землю. Плоды Земли — результат слияния Земли с Небом... Красный цвет — символ брачного союза Неба и Земли, а желто-красный — цвет Земли, оплодотворенной Небом» [Цит. по: 2. С. 165]. Таким образом, на наш взгляд, даосские опыты лишь развили уже существовавшее значение прилагательного «красный».

Брачную символику красного цвета можно проследить на примере следующих фразеологических единиц: **紅白喜事** — *свадьба и похороны* (досл.: *красное и белое, большие события*); **紅繩系足** — *помолвка свершилась* (досл.: *красный шнурок опутал ноги*).

Как и в русском языке, где прежде слово «красный» употреблялось по отношению к девушке («красна девица») или, реже, парню («красный молодец»), так и в некоторых фразеологизмах китайского языка данное прилагательное передает

людскую красоту и здоровье: 齿白唇红 — *красавица, кровь с молоком* (досл.: зубы белые и губы алые); 满面红晕 — *румянец во всю щеку* (досл.: полное лицо [красного] румянца).

В то же время данная лексема может быть связана с чем-то постыдным — разгульным образом жизни и/или злоупотреблением спиртным: 红杏出墙 — *у жены есть любовник* (досл.: красный абрикос пророс через стену); 灯红酒绿 — *разгульный, развратный* (досл.: красные фонари и зеленое вино).

В различных эмоциональных состояниях человек часто краснеет, и это состояние передают следующие фразеологические обороты: 脸红耳赤 — *залиться краской (от стыда, смущения)* (досл.: лицо красное, уши красные); 面红颈赤 — *покраснеть (от смущения, волнения)* (досл.: лицо красное, горло красное); 脸红筋涨 — *покраснеть (от гнева)* (досл.: лицо покраснело, мускулы надулись).

Благодаря высокой насыщенности красного цвета лексема 红 в составе фразеологизмов китайского языка может использоваться в своем непосредственном значении для описания ярких оттенков как в природе, так и в облике человека. В этом случае она часто сочетается с двумя другими цветообозначениями — 绿 и 紫, что также мотивировано физическими признаками соответствующих цветов: 花红柳绿 — *пышный, яркий, свежий* (досл.: цветы красны, ивы зеленые); 万紫千红 — *разноцветный, красочный, пестрый* (досл.: десять тысяч фиолетовых и тысяча красных); 绿女红男 — *нарядно одетые молодые люди* (досл.: женщины в зеленом, мужчины в красном).

И как у цветообозначения 黄, у лексемы 红 уже в XX в. возникает абсолютно новое, переносное значение «революционный». Его можно проследить в том числе на примере фразеологического оборота 又红又专 — *политически грамотный и профессиональный* (досл.: и красный [революционный]. — О. Ш.), и квалифицированный).

Цветообозначение 青. Как уже было указано, лексема 青 в своем первом значении объединяет сразу два цвета — синий и зеленый. Считается, что соответствующий данному цветообозначению иероглиф в его древнем начертании обозначал растение над колодцем-шахтой, сооруженном для добывания минерального красителя [8. С. 23]. Однако дальнейшая интерпретация указанного цветообозначения в работах разных авторов не совпадает. Поэтому, не вдаваясь в излишние подробности, в своем анализе мы будем основываться на синкретичности прилагательного 青.

Если учесть, что в Древнем Китае все цвета имели соответствия в виде природных элементов, сторон света, времен года и так далее [5], то цвет 青 соотносился с востоком, весной, рождением, молодостью. Так, в историческом трактате «Хоу Хань шу» («История династии Поздняя Хань») отмечается: «В день Личунь (Установление весны)... все чиновники столицы надевают платье цвета цин» [Цит. по: 8. С. 23]. Таким образом, 青 — это цвет самой жизни, а именно, молодых всходов и развернувшейся листвы, а также чистого неба и спокойного моря.

В состав фразеологизмов китайского языка данное цветообозначение нередко включается для описания красоты природы, например: 碧海青天 — *лазурное море под ясным небом* (досл.: лазурное море под синим небом); 青山绿水 — *красивый пейзаж* (досл.: зеленые горы и изумрудные воды).

В следующих примерах прилагательное 青 ассоциируется со значениями «сановник», «иметь высокий чин»: 纁青拖紫 — *сановник* (досл.: с синими и фиолетовыми шнурами печатей); 纁青佩紫 — *сановник* (досл.: с синими и фиолетовыми шнурами печатей).

Цветовое значение лексемы 青 также проявляется во фразеологизмах, описывающих людской талант и сопутствующий ему успех: 丹青妙手 — *мастер живописи* (досл.: мастер рисования красной и синей красками); 青出于蓝 — *ученик превзошел своего учителя* (досл.: синяя краска происходит от индиго); 平步青云 — *сделать головокружительную карьеру* (досл.: легкими шагами достичь синих облаков).

В то же время у рассматриваемого цветообозначения может возникать негативная коннотация при описании внешности или поведения человека: 鼻青眼肿: 1) *разбитое лицо*; 2) *неудача* (досл.: нос синий, глаза отекающие); 青面獠牙 — *злбный, свирепый* (досл.: синяя морда, торчащие клыки).

В последнем примере прослеживается соотношение цвета 青 и эмоции гнева в древнекитайских космогонических представлениях; эмоция реализуется в том числе в традиционном китайском театре, где и синие, и зеленые краски грима указывают на жестокость и безрассудность соответствующих персонажей.

Цветообозначение 黑. Семантика данной лексемы во многом совпадает с принятой во многих европейских языках. Как отмечает Чжао Гочжи: «Черный цвет — несчастливый цвет, символизирует тьму, молчание, ад...» [11. С. 36]. В Древнем

Китае он служил условным обозначением зимы — самого темного времени года, а также выступал символом всего, что вызывает страх. В китайской гадательной практике выражение 黑道日子 (досл.: *день на черном пути*) употребляется в значении *неблагоприятный день [для осуществления чего-либо. — О. Ш.]*.

Во многих фразеологизмах китайского языка прилагательное 黑 является показателем ночи и темноты: 黑更半夜 — *глубокой ночью* (досл.: *чернота сменяет полночь*); 黑灯瞎火 — *крошечная тьма, в потемках* (досл.: *черная лампа, погас огонь*); 一团漆黑 — *непроглядная тьма, не видно ни зги* (досл.: *сплошь черным-черно*).

В переносном значении лексема 黑 также может символизировать опасность: 月黑风高 — *опасная обстановка, опасная ситуация* (досл.: *черная луна [безлунная ночь. — О. Ш.] и сильный ветер*).

В ряде фразеологических единиц данное цветообозначение противопоставляется цветообозначению 白 (белый), чтобы отметить контраст между правдой и ложью, тем, что хорошо, и тем, что плохо: 白黑不分 — *не отличать правду от лжи* (досл.: *не отличать белое от черного*); 知白守黑 — *отличать истинное от ложного, но сохранять безучастность* (досл.: *знать белое, но держаться черного [быть в тени. — О. Ш.]*); 混淆黑白 — *искажать факты* (досл.: *путать черное и белое*).

Цветообозначение 白. Белый цвет в Китае изначально рассматривался как отсутствие цвета вообще, белой была неокрашенная ткань. Таким образом, белый цвет выступал знаком отказа от всех цветов, вкуче олицетворяющих жизнь. Этот же цвет в китайской культуре традиционно является символом запада, куда уходят умершие люди, и, соответственно, выступает показателем скорби. Начиная с династии Цинь и до настоящего времени он широко используется в качестве цвета траура в китайских погребальных обрядах.

Семантика старости и увядания прослеживается во многих китайских фразеологизмах, где лексема 白 указывает на седину волос: 白发苍髯 — *седые волосы и борода с проседью* (досл.: *белые волосы, седая борода*); 苍白无力 — *бессильный, безжизненный* (досл.: *бледный [бело-серый. — О. Ш.] и без сил*); 白首为郎 — *несмотря на талант, не добиться успеха* (досл.: *голова седая [белая], а все как молодой человек*).

В то же время старость может быть счастливой, если супруги прожили в гармонии и согласии долгую жизнь: 白头偕老 — *в мире и согласии*

дожить до седых волос (досл.: *убеленные сединой вместе состарились*); 白头相守 — *любить и оберегать друг друга до старости* (досл.: *убеленные сединой друг друга оберегают*).

Интересно, что значение военных действий во фразеологизмах с прилагательным 白 не является заимствованным, как это можно было бы предположить по аналогии с белым движением во времена Гражданской войны в России. Найденные нами идиомы берут свое начало в канонических династийных историях, датируемых I—III вв. [10]. Среди них: 白鱼入舟 — *хороший знак (для военных операций)* (досл.: *(белая) рыба уклей входит в лодку*); 白旄黄钺 — *идти войной, выступать в поход* (досл.: *белый бунчук и желтая секира [регалии генерала, направляющегося в военный поход. — О. Ш.]*).

В то же время положительная коннотация цветообозначения «белый» связана прежде всего с универсальными представлениями о белом, как о цвете чистоты и невинности: 白璧无瑕 — *кристально чистый, непорочный* (досл.: *на белой яшме ни пятнышка*); 清清白白 — *быть чистым и душой и телом* (досл.: *чистый и светлый [белый]*); 云中白鹤 — *человек кристальной чистоты* (досл.: *белый журавль в облаках*).

Также необходимо отметить, что прилагательное 白 в составе фразеологизмов китайского языка чаще других цветообозначений используется в своем прямом значении, например, в следующих идиомах: 白雪皑皑 — *белоснежный (пейзаж)* (досл.: *чистый белый снег*); 白格生生 — *белоснежный* (досл.: *множество белых клеток*).

Таким образом, во фразеологии китайского языка нашел отражение тот факт, что основные цвета в китайской культуре изначально являлись мировоззренческими категориями. Издревле они были закреплены за определенными сферами жизни, что, в свою очередь, не могло не повлиять на семантику слов-цветообозначений в составе фразеологических единиц: как показывает анализ, большая часть реализуемых ими значений оказывается культурно мотивированными. В то же время на примере ряда фразеологизмов китайского языка можно наблюдать проявление заимствованных значений у прилагательных цвета, что обусловлено естественным взаимовлиянием различных культур. Что касается собственно цветовых значений и значений, базирующихся на физических свойствах соответствующих цветов, то в составе фразеологизмов с компонентом цветообозначением они проявляются достаточно

редко. Это может быть объяснено высокой степенью идиоматичности данных фразеологических единиц, а также непосредственно понима-

нием фразеологизмов как «потенциально культуроносных знаков», используемых для непрямого, образного означивания мира [6. С. 147].

Список литературы

1. Балакина, В. В. Сравнение символики цвета во фразеологизмах с компонентом цветообозначения в китайском и русском языках / В. В. Балакина // Языки. Культуры. Перевод : материалы III Междунар. науч.-практ. форума. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2015. — С. 319—326.
2. Завадская, Е. В. Эстетические проблемы живописи старого Китая / Е. В. Завадская. — М. : Искусство, 1975. — 440 с.
3. Завьялова, Н. А. Фразеологизмы с компонентом цветообозначения как реализация национального самосознания китайского и русского народов / Н. А. Завьялова // Лингвокультурология. — 2008. — № 2. — С. 99—106.
4. Захарчук, О. Е. Цветовая фразеология китайского языка / О. Е. Захарчук, О. В. Николенко // Теоретические и методологические проблемы современных наук : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. — Новосибирск : ЦРНС, 2016. — С. 76—81.
5. Карапетянц, А. М. Теория «пяти элементов» и китайская концептуальная протосхема / А. М. Карапетянц // Вестн. Моск. ун-та. Сер.: Востоковедение. — 1994. — № 1. — С. 16—27.
6. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии : Коды культуры / М. Л. Ковшова. — М. : ЛЕНАНД, 2016. — 456 с.
7. Морозова, К. А. Языковые особенности картины мира, представленной во фразеологических единицах с семой цветообозначения (на материале английского и китайского языков) [Электронный ресурс] / К. А. Морозова, М. Ф. Третьякова. — URL: http://www.amgpgu.ru/upload/iblock/419/morozova_k_a_tretyakova_m_f_yazykovye_osobennosti_kartiny_mira_predstavlennoy_vo_frazeologicheskikh.pdf.
8. Сычев, Л. П. Китайский костюм. Символика. История. Трактровка в литературе и искусстве / Л. П. Сычев, В. Л. Сычев. — М. : Наука, 1975. — 132 с.
9. Чэнь, Си. Цветовая символика в китайском языке / Чэнь Си // Вестн. Моск. ун-та. Сер.: Филология. — 1992. — № 1. — С. 48—53.
10. 大БКРС [Большой китайско-русский словарь онлайн] [Электронный ресурс]. — URL: <https://bkrs.info/>.
11. 赵国志. 色彩构成 / 赵国志. — 沈阳: 辽宁美术出版社, 2000年. — 192页.

Сведения об авторе

Шевчук Оксана Павловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры образования в области восточных языков и востоковедения, Школа педагогики Дальневосточного федерального университета. Уссурийск, Россия. kitaist.uspi@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 10 (420). *Philology Sciences. Iss. 114. Pp. 291—296.*

ABOUT THE SEMANTICS OF COLOR NAMES IN THE PHRASEOLOGY OF THE CHINESE LANGUAGE

O.P. Shevchuk

Far Eastern Federal University, Ussuriysk, Russia. kitaist.uspi@mail.ru

The article is devoted to the consideration of the meanings of the five Chinese basic color names in the phraseological units of the Chinese language. Names of Colours are a popular lexical group for linguistic research. They have a pronounced national-cultural specificity, which can be traced at various levels of the language. Nevertheless, there is no doubt that national and cultural specificity of any lexical groups is manifested in the phraseology in the most vivid way.

Since ancient times, Chinese basic colours have been organized as worldview categories, the names corresponding to them have a developed system of symbolic meanings. But in the phraseology of the Chinese language not only the symbolic meanings of the colours are displayed, but also the meanings specified by the physical properties of the colours, meanings borrowed from other cultures and etc. So, analysis of the Chinese phraseological units allows us to expand the traditional conception about semantics of the Chinese color names.

Keywords: *names of colours, semantics, phraseological units, phraseology, Chinese Language.*

References

1. Balakina V.V. Sravneniye simboliki tsveta vo frazeologizмах s komponentom tsvetooboznacheniya v kitayskom i russkom yazykakh [Comparison of the color symbolism in phraseological units with the color names in Chinese and Russian languages]. *Yazyki. Kul'tury. Perevod* [Languages. Cultures. Translation]. Moscow, Moscow Univ. Publ., 2015. Pp. 319—326. (In Russ.).
2. Zavadskaya Ye.V. *Esteticheskiye problemy zhivopisi starogo Kitaya* [Aesthetic problems of old Chinese painting]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1975. 440 p. (In Russ.).
3. Zav'yalova N.A. Frazeologizmy s komponentom tsvetooboznacheniya kak realizatsiya natsional'nogo samosoznaniya kitayskogo i russkogo narodov [Phraseological units with the color names as the realization of the national consciousness of the Chinese and Russian peoples]. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology], 2008, no. 2, pp. 99—106. (In Russ.).
4. Zakharchuk O.Ye., Nikolenko O.V. Tsvetovaya frazeologiya kitayskogo yazyka [Color Phraseology of Chinese]. *Teoreticheskiye i metodologicheskiye problemy sovremennykh nauk* [Theoretical and methodological problems of modern science]. Novosibirsk, CRNS Publ., 2016. Pp. 76—81. (In Russ.).
5. Karapet'yants A.M. Teoriya "pyati elementov" i kitayskaya kontseptual'naya protoskhema [The "five elements" theory and the Chinese conceptual proto-scheme]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya Vostokovedeniye* [Bulletin of Moscow University. Series Oriental Studies], 1994, no. 1, pp. 16—27. (In Russ.).
6. Kovshova M.L. *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii: kody kul'tury* [Linguo-culturological method in phraseology: cultural codes]. Moscow, LENAND Publ., 2016. 456 p. (In Russ.).
7. Morozova K.A., Tret'yakova M.F. *Yazykovye osobennosti kartiny mira, predstavlennoy vo frazeologicheskikh yedinitсах s semoy tsvetooboznacheniya (na materiale angliyskogo i kitayskogo yazykov)* [Language features of the picture of the world, represented in phraseological units with the meaning of color name (on the material of English and Chinese languages)]. Available at: http://www.amgpgu.ru/upload/iblock/419/morozova_k_a_tret'yakova_m_f_yazykovye_osobennosti_kartiny_mira_predstavlennoy_vo_frazeologicheskikh_.pdf, accessed 28.04.2018.
8. Sychev L.P., Sychev V.L. *Kitayskiy kostyum. Simvolika. Istoriya. Traktovka v literature i iskusstve* [Chinese costume. Symbolism. History. Interpretation in literature and art]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 132 p. (In Russ.).
9. Chen' Si. Tsvetovaya simbolika v kitayskom yazyke [Color symbolism in Chinese language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya "Filologiya"* [Bulletin of Moscow University. Philology Series], 1992, no. 1, pp. 48—53. (In Russ.).
10. 大BKRS. *Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar' onlayn* [Large Chinese-Russian online dictionary]. Available at: <https://bkrs.info>, accessed 28.04.2018.
11. Zhao Guózhì. *Sècǎi gòuchéng* [Color structure]. Liáoníng měishù chūbǎnshè, Shěnyáng, 2000. 192 p. (In Chinese).